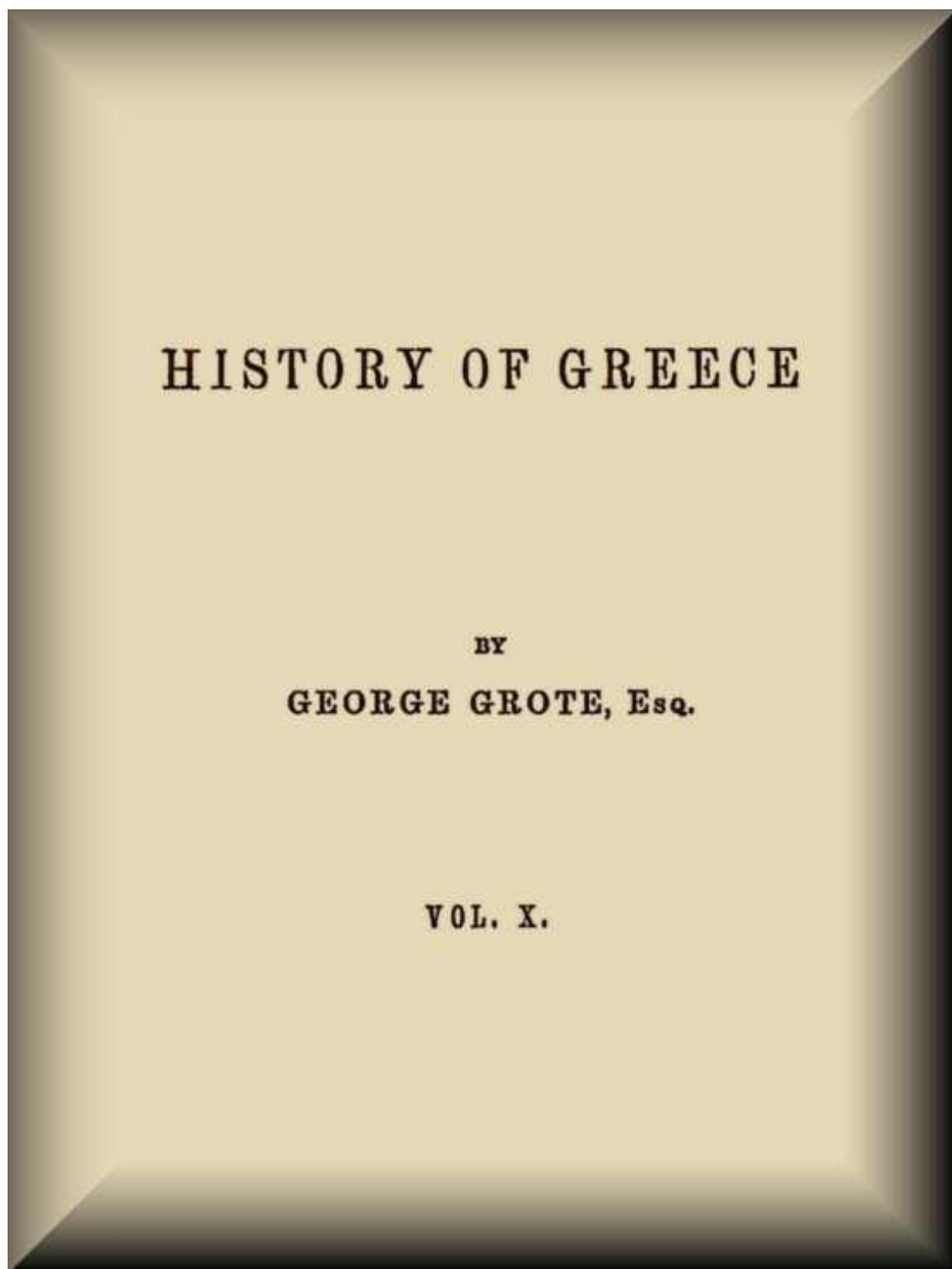

История Греции, том 10 (из 12)

Джордж Гроут

The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 10 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Греции, том 10 (из 12)

Автор: Джордж Гроут

Дата выхода: 11 февраля 2016 [eBook #51183].

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Адриан Мастронарди, Рамон Пахарес Бокс и Команда онлайн-распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими библиотеками).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 10 (OF 12) ***

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

GEORGE GROTE, Esq.

VOL. X.

ПЕРЕПЕЧАТАНО С ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

НЬЮ-ЙОРК:

ХАРПЕР И БРАТЯ, ИЗДАТЕЛИ,
329 И 331 ПЕРЛ-СТРИТ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К VOL. X.

Настоящий том уже достиг необычного количества страниц; однако я был вынужден закрыть его в неудобный момент, в середине правления сиракузского деспота Дионисия. Чтобы

довести это царствование до конца, потребуется еще одна глава, которая должна быть припасена для следующего тома.

История сицилийских и итальянских греков, образующая поток, существенно отличающийся от истории пелопоннесцев, афинян и т. д., особенно интересна в период между 409 г. до н. э. (дата второго карфагенского вторжения) и смертью Тимолеона в 336 г. до н. э. Кроме того, она передана нам авторами (Диодор и Плутарх), которые, хотя сами и не очень разборчивы в выборе, имели перед собой хороших свидетелей-современников. В него входят некоторые из самых выдающихся и впечатляющих персонажей эллинского мира - Дионисий I, Дион с Платоном в качестве наставника и Тимолеон.

Я считал необходимым дать адекватное развитие этому важному периоду греческой истории, даже ценой того неудобного перерыва, которым заканчивается мой десятый том. В свое время я надеялся включить в этот том не только полную историю Дионисия I, но и Дионисия II и Диона, а также Тимолеона. Три новые главы, включающие все эти дополнительные материалы, уже составлены и готовы. Но объем настоящего тома вынуждает меня отложить их до начала следующей, которая будет посвящена греческой истории вплоть до битвы при Херонее и смерти Филиппа Македонского и которая, я надеюсь, появится без какого-либо длительного перерыва.

Г. Г.

Лондон, 15 февраля 1852 года.

СОДЕРЖАНИЕ. VOL. X.

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА LXXVI.

ОТ МИРА АНТАЛКИДА ДО ПОКОРЕНИЯ ОЛИНФА СПАРТОЙ.

Анталкидский мир или конвенция. Его значение и характер. Сепаратное партнерство между Спартой и Персией. - Деградация формы договора - эдикт, составленный, изданный и навязанный Персией Греции. - Постепенная утрата панэллинского достоинства и усиление покорности Персии как средства приобретения персидской помощи - со стороны Спарты. - Ее первое обращение перед Пелопоннесской войной; последующие обращения. - Активное сотрудничество Спарты и Персии против Афин, после афинской катастрофы в Сиракузах. Афины готовы последовать ее примеру. - Персидские войска помогают Афинам против Спарты и разрушают ее морскую империю. - Нет оправдания покорности Спарты персам.

Свидетельство того, что эллинской независимости не суждено продержаться долго. - Обещание всеобщей автономии - популярное для греческого уха - как оказалось, не было выполнено. - Спартанцы никогда не собирались предоставлять и не предоставляли всеобщую автономию. - Непосредственно против Коринфа и Фив - изоляция Афин. - Персидские дела - безуспешные попытки великого царя вновь завоевать Египет. - Евагор, деспот Саламиса на Кипре. - Происхождение Евагора - состояние острова Кипр. - Греческие князья Саламиса лишены власти финикийской династией. - Евагор свергает финикийцев и становится деспотом Саламины. - Способное и благотворительное правление Евагора. - Его стремление возродить эллинизм на Кипре - он обращается за помощью к Афинам. - Отношения Евагора с Афинами в последние годы Пелопоннесской войны. - Евагор воюет с персами - он получает помощь как от Афин, так и от Египта - поначалу он добивается больших успехов, вплоть до захвата Тира. - Борьба Евагора со всеми силами Персидской империи после заключения Анталкидского мира. - После десятилетней войны Евагор терпит поражение, но заключает почетный мир, главным образом из-за спора между двумя сатрапами, совместно командовавшими войсками. - Убийство Евагора, а также его сына Пнитагора евнухом-рабом Никокреоном. - Никоклес, сын Евагора, становится деспотом Саламины. Большую силу Спарта приобрела благодаря Анталкидскому миру. Она становится практически хозяйкой Коринфа и Коринфского перешейка. Мисо-фиванские тенденции Спарты - особенно Агесилая. - Спартанцы восстанавливают Платею. Прежнее поведение Спарты в отношении Платеи. - Мотивы Спарты при восстановлении Платеи. Политический шаг, так как он может отделить Фивы от Афин. - Платея становится зависимой и форпостом Спарты. Главная цель Спарты - не допустить воссоздания федерации Беотиады - спартанская политика в это время направляется партизанским духом Агесилая, которому противостоит его коллега Агесиполис. - Деспотичное поведение спартанцев по отношению к Мантинее. Они требуют разрушить стены города. - Агесиполис блокирует город и вынуждает его сдаться, запрудив реку Офис. Мантиinei вынуждены разбить свой город на деревни. - Демократические лидеры Мантиinei - обязаны своей жизнью посредничеству изгнанного царя Павсания. - Мантинея снесена и разделена на пять деревень. - Деспотизм Спарты по отношению к Мантинее - сигнал пристрастности Ксенофонта. Возвращение фило-лаконских изгнанников в различные города, как партизаны для целей Спарты - случай с Флием. - Соперничество Афин со Спартой за первенство на море. Афины одерживают верх и собирают зачатки морской конфедерации. - Идеи некоторых спартанских вождей выступить против персов для спасения азиатских греков. - Панегирические рассуждения Исократа. - Государство Македония и Халкидика - рост македонского могущества в последние годы Пелопоннесской войны. - Пердиккас и Архелай - энергия и способности последнего. - Контраст Македонии и Афин. - Преемники македонских царей - Орест, Эроп, Павсаний, Аминтас. Часты убийства. - Аминтас изгоняется из Македонии иллирийцами. - Халкиды из Олинфа - берут под свою защиту македонские города на побережье, когда Аминтас бежит перед иллирийцами. Начало Олинфской конфедерации. - Равноправные и либеральные принципы, на которых с самого начала строилась конфедерация. Македонские и греко-македонские города охотно принимают ее. - Олинфяне распространяют свою конфедерацию среди греческих городов в Халкидской Фракии - их либеральная процедура - несколько городов присоединяются. - Акант и Аполлония сопротивляются предложению. Олинф угрожает. Тогда они просят спартанцев выступить против нее. - Речь акантского посланника Клейгена в Спарте. - Посланники из Аминты в Спарте. - Спартанец Евдамид отправляется против Олинфа по адресу с такими силами, какие только можно было собрать. Он пресекает действия олинфян. - Фибида, брат Эвдамида, остается позади, чтобы собрать свежие силы и отправиться к брату во Фракию. Он проходит через территорию фиванцев и приближается к Фивам. - Заговор Леонтиада и фило-лаконской партии в Фивах с целью предать город и

цитадель Фебиду. - Противоборствующие лидеры - Леонтиад и Исмения - оба были полемархами. - Леонтиад одолевает сенат и арестовывает Исмения: Пелопид и главные друзья Исмения отправляются в изгнание. - Фивы в Кадмее - ужас и покорность в Фивах. - Смешанные чувства в Спарте - большое значение приобретения для спартанских интересов. - Недовольство Спарты, скорее притворное, чем действительное, против Фив; Агесилай защищает его. - Леонтиад в Спарте - его смиренные протесты и заверения - эфоры решают сохранить Кадмею, но в то же время оштрафовать Фибида. - Лакедемоняне устраивают суд над Исменией и предадут ее смерти. Несправедливость этого решения. - Активные действия спартанцев против Олинфа - Телеутий отправляется туда с большими силами, включая значительный фиванский контингент. Дердас сотрудничает с ним. - Телеутиас, поначалу успешный и излишне самоуверенный, терпит страшное поражение от олинфян под стенами их города. - В Олинф из Спарты с подкреплением отправляется Агесиполис. Он умирает от лихорадки. - Полибиад сменяет Агесиполиса на посту полководца - он приводит Олинф к покорности - исчезновение Олинфской федерации. Олинф и другие города записываются в союзники Спарты. - Вмешательство Спарты в дела правительства Флиуса. - Агесилай направляет армию против Флиуса - после долгого сопротивления город оказывается в блокаде. Лакедемоняне занимают акрополь, назначая совет из ста человек правителями.

1-72

ГЛАВА LXXVII.

ОТ ПОКОРЕНИЯ ЛАКЕДЕМОНЯНАМИ ОЛИНФА ДО КОНГРЕССА В СПАРТЕ И ЧАСТИЧНОГО МИРА В 371 Г. ДО Н.Э.

Великое возвышение Спарты на суше в 379 г. до н. э. - Спарту теперь боятся как великого деспота Греции. - Сильная жалоба ритора Лисия, высказанная на Олимпийском празднике 384 г. до н. э. - Панегирическая оратория Исократа. - Порицание Спарты, произнесенное фило-лаконцем Ксенофонтом. - Его манера обозначать переходные моменты в своей истории - от спартанской славы к спартанскому позору. - Фивы при Леонтиаде и фило-спартанской олигархии, со спартанским гарнизоном в Кадмее - деспотичное и тираническое правление. - Недовольство в Фивах, хотя и сжатое. Фиванские изгнанники в Афинах. - Фиванские изгнанники в Афинах, прождав некоторое время в надежде на восстание в Фивах, решают сами начать движение. - Во главе стоит Пелопид - он, вместе с Меллоном и пятью другими изгнанниками, берет на себя задачу уничтожить фиванских правителей. Сотрудничество секретаря Филлиды и Харона в Фивах. - Планы Филлиды по допуску заговорщиков в Фивы и в дом правительства - он приглашает полемархов на банкет. - Замысел едва не срывается - несчастный случай помешал Хлидону передать послание. - Пелопид и Меллон тайно проникают в Фивы и скрываются в доме Харона. - Леонтиада и Гипата убивают в их доме. - Пелопид открывает тюрьму и освобождает заключенных. Эпаминондас и многие другие граждане выступают с оружием в руках. - Всеобщая радость горожан на следующее утро, когда стало известно об этом событии. Общее собрание на рыночной площади - Пелопид, Меллон и Харон названы первыми беотархами. - Помощь заговорщикам со стороны частных лиц в Аттике. - Пелопид и фиванцы готовятся к штурму Кадмеи - лакедемонский гарнизон капитулирует и распускается - несколько олигархических фиванцев предаются смерти при попытке уйти вместе с ними. Хармост, сдавший Кадмею, предается смерти спартанцами. - Мощная сенсация, произведенная этим инцидентом во всем греческом мире. - Возмущение в Спарте революцией в Фивах - спартанское войско сразу же отправляется под командованием царя Клеомброта. Он отступает из Беотии, ничего не добившись. - Клеомброт проходит мимо афинской границы - тревога в Афинах - осуждение двух афинских полководцев, поддержавших предприятие Пелопида. - Попытка Сфодрия из Феспий удивить

Пейреев ночным маршем. Он терпит неудачу. - Различные версии этой попытки и характера Сфодрия. - Лакедемонские посланники в Афинах схвачены, но отстранены. - Суд над Сфодрием в Спарте; оправдан благодаря личной благосклонности и симпатиям Агесилая. - Сравнение спартанской и афинской процедуры. - Афиняне объявляют войну Спарте и заключают союз с Фивами. - Афины стремятся создать новую морскую конфедерацию, подобную Делосской. Фивы записываются в члены. - Афины отправляют посланников на острова в Эгейском море. Либеральные принципы, на основе которых создается новая конфедерация. - Афинские посланники - Хабрий, Тимофей, Каллистрат. - Служба Ификрата во Фракии после заключения Анталкидова мира. Он женится на дочери фракийского князя Котиса и получает во владение фракийский морской порт Дрис. - Тимофей и Каллистрат. - Синод новых конфедератов собирается в Афинах - голосует за широкомасштабную войну. - Члены конфедерации поначалу были готовы и согласны - снаряжен флот. - Новый налог на недвижимость, введенный в Афинах. Солонийская перепись. - Солонская перепись сохранилась в основном, хотя и с изменениями, при восстановлении при архонте Эвклиде в 403 г. до н. э. - Архонт Наусиник в 378 г. до н. э. - Введена новая перепись и расписание, всех граждан стоимостью от двадцати мин и выше, распределенных по классам и записанных на долю их общего имущества; каждый класс на свою долю. - Все метисы, стоящие более двадцати пяти мин, были записаны в расписание; все в одном классе, каждый человек за одну шестую часть своего имущества. Совокупное расписание. - Симмории - содержит двенадцать сотен самых богатых граждан - триста самых богатых руководителей симморий. - Граждане, недостаточно состоятельные, чтобы быть включенными в симмории, но все же внесенные в расписание и облагаемые налогом на имущество. Цель симморий - распространение принципа на триерархию. - Энтузиазм в Фивах в защиту нового правительства и против Спарты. Военная подготовка - Священный оркестр. - Эпаминондас. - Его прежний характер и подготовка - музыкальная и интеллектуальная, а также гимнастическая. Беседы с философами, как сократиками, так и пифагорейцами. - Его красноречие - его неамбициозный нрав - мягкость его политических обид. - Поведение Эпаминондаса во время фиванского переворота 379 г. до н. э. - он приобретает влияние на военную организацию города через Пелопида. - Агесилай идет в поход на Фивы со всеми силами спартанской конфедерации - хорошая система обороны Фив - помощь Афин под командованием Хабрия. Усиление фиванцев в Беотии, против фило-спартанских олигархий в беотийских городах. - Вторая экспедиция Агесилая в Беотию - он не добивается решающего преимущества. Фиванцы приобретают все большую силу. Агесилай уходит в отставку - его выводит из строя ранение в ногу. - Клеомброт ведет спартанские войска для вторжения в Беотию. - Он уходит в отставку, не дойдя до Беотии. - Решение Спарты снарядить большой флот под командованием адмирала Поллиса. Афиняне отправляют флот под командованием Хабрия - Победа Хабрия на море у Наксоса. Воспоминания о битве при Аргинусе. - Расширение афинской морской конфедерации в связи с победой на Наксосу. - Обход Пелопоннеса Тимофеем с афинским флотом - его победа над лакедемонским флотом - его успех в расширении афинской конфедерации - его справедливое дело. - Финансовые трудности Афин. - Она ревнует к растущей силе Фив - неуклонное и победоносное продвижение Фив в Беотии. - Победа Пелопида при Тегире над лакедемонянами. - Фивы изгоняют лакедемонян из всей Беотии, кроме Орхомена - реорганизуют Беотийскую федерацию. - Они вторгаются на Фокис - Клеомброт отправляется туда с войском для защиты - Афины заключают сепаратный мир с лакедемонянами. - Ясон из Фере - его энергичный характер и грозная сила. - Его благоразумие в отношениях с Полидамом. - Лакедемоняне оказываются не в состоянии оказать помощь Фессалии - они увольняют Полидама с отказом. Он договаривается с Ясоном, который становится фессалийским Тагом. - Мир между Афинами и Спартой - разорван почти сразу. Лакедемоняне снова объявляют войну и

возобновляют свои планы на Закинф и Коркиру. - Лакедемонское войско под командованием Мнаsipпа, собранное со всех конфедератов, вторгается в Коркиру. - Мнаsipп осаждает город - высокая культивация прилегающих земель. - Коркирцы блокированы в городе - припасы перехвачены - начинается нужда - нет надежды на безопасность, кроме как на помощь из Афин. Из Афин прибывает подкрепление - готовится большой афинский флот под командованием Тимофея. Мнаsipп побежден и убит - город снабжен провизией. - Приближение афинского подкрепления - Гиперменес, преемник Мнаsipпа, уводит вооружение, оставляя своих больных и много имущества. - Запоздалое прибытие афинского флота - им командует не Тимофей, а Ификрат - причины задержки - предварительное плавание Тимофея, очень долго затянувшееся. - Недовольство в Афинах, вызванное отсутствием Тимофея - бедствие вооружения, собранного в Калаурии - Ификрат и Каллистрат обвиняют Тимофея. Ификрат назначен адмиралом вместо него. - Возвращение Тимофея - против него выдвинуто обвинение, но суд отложен до возвращения Ификрата с Коркиры. - Быстрые и энергичные движения Ификрата к Коркире - его отличное управление плаванием. Достигнув Кефаллени, он узнает о бегстве лакедемонян с Коркиры; - он отправляется на Коркиру и захватывает врасплох десять сиракузских трирем, посланных Дионисием на помощь Спарте. - Ификрат нуждается в деньгах - он отправляет домой в Афины Каллистрата - тот находит работу для своих моряков на Коркире - он добывает средства службой в Акарнании. - Благоприятный тон общественного мнения в Афинах в связи с успехом на Коркире - суд над Тимофеем прошел легко - Ясон и Алкетас приходят поддержать его - его квестор приговорен к смерти. - Тимофей был виновен в задержке, не оправданной обстоятельствами - хотя его оправдали, его репутация пострадала - он принимает командование под Персией. - Уныние Спарты в связи с поражением при Коркире и триумфальной позицией Ификрата. - Гелике и Бура разрушены землетрясением. - Спартанцы снова посылают Анталкида в Персию с просьбой о новой интервенции - персидские сатрапы присылают приказ о том, что греческие воюющие стороны должны уладить свои разногласия. - Афины настроены на мир. - Афины перестали бояться Спарты и снова стали ревновать к Фивам. - Неоднозначная позиция восстановленной Платеи после изгнания лакедемонян из Беотии. - Фивы срывают переговоры, захватывают Платею и изгоняют жителей, которые снова укрываются в Афинах. - В Афинах возбуждено сильное чувство против фиванцев из-за их отношений с Платеей и Феспией. Платейские рассуждения Исократа. - Усиление тенденции афинян к миру со Спартой - Афины и Афинская конфедерация уведомляют Фивы. Общий конгресс за мир в Спарте. - Выступления афинских посланников Каллиаса, Автокла, Каллистрата. - Каллистрат и его политика. - Он предлагает Спарте и Афинам разделить между собой главенство в Греции - Спарте на суше, Афинам на море - признав всеобщую автономию. - Заключается мир. Автономия каждого города должна быть признана: Спарта выводит свои крепости и гарнизоны. - Обмен клятвами. Спарта приносит клятву за себя и своих союзников. Афины приносят клятву за себя, ее союзники приносят ее после нее, последовательно. - Клятва, предложенная фиванцам. Фиванский посланник Эпаминондас настаивает на принесении клятвы от имени Беотийской федерации. Агесилай и спартанцы требуют, чтобы он принес ее только за Фивы. - Смелые и яркие речи Эпаминондаса на конгрессе - протест против непомерных притязаний Спарты. Он требует признания древних институтов Беотии с Фивами в качестве президента федерации. - Возмущение спартанцев, особенно Агесилая - краткий обмен вопросами - Фивы исключаются из договора. - Заключение общего мира, включающего Афины, Спарту и остальные государства - исключаются только Фивы. - Условия мира - отказ от обязательных и нерушимых конфедераций - сохранение только добровольных союзов. - Реальная точка в споре между Агесилаем и Эпаминондасом.

ГЛАВА LXXVIII.

БИТВА ПРИ ЛЕЙКТРЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Меры по выполнению условий, принятых на конгрессе в Спарте. - Жестокий порыв спартанцев против Фив. - Царь Клеомброт получает приказ о походе в Беотию и разбивает лагерь в Лектре. - Новый порядок сражения, принятый Эпаминондасом. - Уверенность спартанцев и Клеомброта. - Битва при Лектре. - Поражение спартанцев и смерть Клеомброта. - Слабая приверженность спартанских союзников. - Спартанский лагерь после поражения - признание поражения, отправка просить погребения-трусы. - Великое удивление и огромная перемена чувств, вызванная победой фиванцев во всей Греции. - Последствия известия в Спарте - героическое самообладание. - Подкрепление, присланное из Спарты. - События в Беотии после битвы при Лейктре. Фиванская победа не очень хорошо принята в Афинах. - Ясон из Феры прибывает в Лейктры - спартанская армия отступает из Беотии по капитуляции. - Обращение с побежденными гражданами по прибытии в Спарту - приостановление действия закона. - Пониженная оценка Спарты в Греции - утрата престижа военного превосходства. - Расширение власти Фив. Обращение с Орхоменом и Феспией. - Власть и честолубие Ясона. - Планы Ясона - пифийский праздник. - Убийство Ясона в Фере. - Облегчение Фив от смерти Ясона - удовлетворение в Греции. - События в Пелопоннесе после поражения при Лектре. Изгнание спартанских хармосов и декархий. - Скитальчество в Аргосе - жестокая междоусобная вражда. - Уныние и беспомощность Спарты. - Афины ставят себя во главе новой пелопоннесской земельной конфедерации. - Обвинение, выдвинутое Фивами против Спарты на Амфикифонийском собрании. - Спартанцы приговорены к штрафу - важность этого факта как свидетельства. - Разбирательство в Аркадии. - Восстановление города Мантинеи его собственными гражданами. - Унизительный отказ, полученный Агесилаем от мантинейцев, - остро болезненный для спартанца. - Чувства против Агесилая в Спарте. - Стремление аркадян к панаркадскому союзу. Противодействие со стороны Орхомена и Тегеи. - Революция в Тегее - фило-спартанскую партию подавляют или изгоняют. - Тегея становится анτισпартанской и благосклонной к Панаркадскому союзу. - Создается Панаркадский союз. - Поход Агесилая против Мантинеи. Свидетельство снижения настроений в Спарте. - Обращение аркадян к Афинам за помощью против Спарты; им отказано: тогда они обращаются к фиванцам. - Действия и взгляды Эпаминонда после битвы при Лейктре. - Планы Эпаминонда по восстановлению мессенцев в Пелопоннесе. - А также для консолидации аркадян против Спарты. - Эпаминонд с фиванской армией прибывает в Аркадию. Там собрались большие силы союзников. Союзники уговаривают его вторгнуться в Лаконию. - Эпаминондас отказывается от вторжения в Лаконию - на то есть веские основания. - Он идет в Лаконию - четыре линии вторжения. - Он пересекает Евротас и приближается к Спарте. - Тревога в Спарте - прибытие различных союзников на помощь по морю. - Недовольство в Лаконии среди перизков и гелотов - опасность для Спарты из-за этого. - Бдительная защита Спарты Агесилаем. - Бурные эмоции спартанцев, особенно женщин. Частичное нападение на Спарту Эпаминондаса. - Он удаляется, не пытаясь штурмовать Спарту: разоряет Лаконию вплоть до Гитиума. Возвращается в Аркадию. - Влияние этого вторжения на мнение греков: Эпаминондас возвышается, а Спарта еще больше падает. - Основание аркадского мегалополиса. - Основание Мессены. - Отторжение Западной Лаконии от Спарты. - Перики и гелоты становятся свободными людьми вместе с мессенцами на лакедемонской границе. - Подробности этого процесса реорганизации, к сожалению, неизвестны. - Мегалополь - панаркадское Десятитысячье. - Эпаминондас со своей армией эвакуируется из Пелопоннеса. - Спартанцы просят помощи у Афин - язык их посланников, а также посланников из Коринфа и Флии, в Афинах. - Прием посланников - афиняне удовлетворяют просьбу. - Голосование о помощи Спарте - Ификрат назначен

полководцем. - Поход Ификрата с войском к перешейку. - Суд над Эпаминондасом в Фивах за сохранение командования сверх положенного срока - почетное и легкое оправдание.

174-241

ГЛАВА LXXIX.

ОТ ОСНОВАНИЯ МЕССЕНЫ И МЕГАЛОПОЛЯ ДО СМЕРТИ ПЕЛОПИДА.

Изменения в Пелопоннесе после битвы при Лектре. - Изменения за пределами Пелопоннеса. - Аминтас - принц Македонии. - Честолюбивые взгляды Афин после битвы при Лектре. - Ее стремление к морской империи и к частичному восстановлению клерухий. - Она хочет вернуть Амфиполь - Аминтас признает ее право на это место. - Афины и Амфиполь. - Смерть Ясона и Аминтаса - государство Фессалия и Македония. - Александр из Фере - ему противостоит Пелопид - влияние Фив в Фессалии. - Государство Македония - Александр, сын Аминта - Эвридика - Птолемей. - Помощь, оказанная афинянином Ификратом семье Аминта. - Ификрат и Тимофей. - Союзная армия спартанцев защищает линию горы Оней - Эпаминондас прорывает ее и идет в Пелопоннес. - Сикион присоединяется к фиванцам - Флий остается верен Спарте. - Подкрепление из Сиракуз в Пелопоннес на помощь Спарте. - Терпение и мягкость Эпаминондаса. - Энергичные действия и дерзость аркадян - Ликомед оживляет и ведет их за собой. - Большое влияние Ликомеда. - Элис пытается восстановить свое господство над трифилийскими городами, которые, к великой обиде Элис, принимаются в аркадский союз. - Миссия Филиска в Грецию от Ариобарзанеса. - Политическое значение воссоздания Мессены, которое теперь становится предметом больших разногласий. Мессенский победитель провозглашен в Олимпии. - Экспедиция Пелопида в Фессалию. - Бесслезная битва - победа спартанца Архидама над аркадянами. - Третья экспедиция Эпаминонда в Пелопоннес - его обращение с ахейскими городами. - Фиванцы отменяют политику Эпаминонда по жалобе аркадян и других. Они не переизбирают его бётархом. - Беспокойное состояние Сикиона. Евфрон становится деспотом - его хищное и кровожадное поведение. - Страдания флизийцев - их неизменная приверженность Спарте. - Помощь, оказанная Флии афинским Харесом - неожиданный захват крепости Фиамия. - Эвфрон изгнан из Сикиона аркадянами и фиванцами - он удаляется в гавань, которую сдает спартанцам. - Евфрон возвращается в Сикион - он отправляется в Фивы, и там на него совершают покушение. - Убийцы предстают перед судом в Фивах - их защита. - Фиванский сенат оправдывает их. - Настроения среди многих сикионцев, благоприятные для Евфрона - почести, воздаваемые его телу и памяти. - Сикионцы отвоевывают у спартанцев свою гавань. - Фивы просят персидского благосклонного отношения к своему руководству - миссия Пелопида и других посланников в Сузы. - Пелопид получает от Персии благоприятный рескрипт. - Протест афинян и аркадян против рескрипта. - Пелопид возвращает рескрипт. Он публично зачитывается перед греческими государствами, созданными в Фивах. - Государства, созданные в Фивах, отказываются принять рескрипт. Аркадские депутаты протестуют против главенства Фив. - Фиванцы посылают рескрипт в Коринф; коринфяне отказываются: фиванская затея провалилась. - Миссия Пелопида в Фессалию. Его захватывает и держит в плену Александр Ферейский. - Фиванцы посылают армию, чтобы спасти Пелопида. Войско, потерпев поражение и отступив, спасается только благодаря Эпаминондасу, тогда еще рядовому. - Триумф Александра в Фессалии и дискредитация Фив. Суровое обращение с Пелопидом. - Второе фиванское войско отправлено в Фессалию под командованием Эпаминондаса для спасения Пелопида, который в конце концов освобожден Александром по условиям перемирия. - Ороп отбирают у Афин и отдают в руки фиванцев. Афиняне отзывают Хареса из Коринфа. - Афины недовольны своими пелопоннесскими союзниками; они вступают в союз с Ликомедом и аркадянами. Смерть

Ликомеда. - Эпаминондас отправлен посланником в Аркадию; он выступает против Каллистрата. - Проект афинян захватить Коринф; они разочарованы. - Они обращаются в Спарту. - Отказ спартанцев признать независимость Мессены; они упрекают своих союзников в согласии. - Коринф, Эпидавр, Флий и др. заключают мир с Фивами, но без признания Спартой независимости Мессены. - Афины отправляют новое посольство к персидскому царю - измененный рескрипт от него, объявляющий Амфиполь афинским владением. - Тимофей отправляется с флотом в Азию - Агесилай - восстание Ариобарзанеса. - Завоевание Самоса Тимофеем. - Частичная реадмиссия в Херсонес, полученная Тимофеем. - Афинские клерухи или поселенцы отправляются туда в качестве собственников. - Трудности Афин в создании клерухий в Херсонесе. - Котис Фракийский. - Тимофей сменяет Ификрата. - Тимофей успешно действует на побережье Македонии и Халкидике. Он терпит неудачу при Амфиполе. - Тимофей действует против Котиса и у Херсонеса. - Меры фиванцев в Фессалии - Пелопид отправляется с войском против Александра из Фере. - Эпаминондас призывает фиванцев снарядить флот против Афин. - Дискуссия между ним и Менеклеидом в фиванском собрании. - Менеклеида, по-видимому, прав, отговаривая от морских приготовлений. - Эпаминондас командует фиванским флотом в Геллеспонте и Босфоре. Пелопид нападает на Александра Ферейского - его успех в битве - его опрометчивость - он убит. - Чрезмерная скорбь фиванцев и фессалийцев по поводу его смерти. - Фиванцы полностью покоряют Александра Ферейского.

242-310

ГЛАВА LXXX.

ОТ СМЕРТИ ПЕЛОПИДА ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ.

Заговор орхоменских рыцарей против Фив - разрушение Орхомена фиванцами. - Возмущение фиванцев - сожаление и недовольство Эпаминонда. - Возвращение Эпаминонда из путешествия - новые осложнения в Пелопоннесе. - Состояние Пелопоннеса - элейцы и ахейцы в союзе со Спартой. - Элейцы стремятся вернуть Трифилию, спартанцы - Мессену. - Война между элейцами и аркадянами; последние занимают Олимпию. - Второе вторжение аркадян в Элиду. Бедствия элейцев. Архидам и спартанцы вторгаются в Аркадию. - Архидам основывает спартанский гарнизон в Кромне. Аркадийцы получают преимущества перед ним - перемирие. - Аркадийцы блокируют Кромн и захватывают спартанский гарнизон. - Аркадийцы празднуют Олимпийский фестиваль вместе с пизанцами, исключая элейцев. - Элейцы вторгаются на праздник с оружием в руках - конфликт на равнине Олимпии - храбрость элейцев. - Чувства зрителей в Олимпии. - Аркадийцы забирают сокровища Олимпии для оплаты своего ополчения. - Ожесточенные разногласия, возникающие среди членов аркадской общины, следствием этого присвоения. Собрание аркадян выступает против этого. - Дальнейшие разногласия в Аркадии - приглашение фиванцам - заключение мира с Элидой. - Мир в целом популярен - празднование в Тегее - захват многих членов олигархии в Тегее фиванским гармостом. - Поведение фиванского гармоста. - Мнение Эпаминонда. - Его точка зрения более соответствует фактам, о которых рассказывает Ксенофонт, чем точка зрения самого Ксенофонта. - Политика Эпаминонда и фиванцев. - Эпаминондас отправляется с фиванской армией в Пелопоннес, чтобы собраться в Тегее. - За ним посылают Агесилая и спартанцев. - Ночной поход Эпаминондаса с целью застать Спарту врасплох. Агесилай вовремя получает известие, чтобы предотвратить неожиданность. - Эпаминондас подходит к Спарте, но застаёт ее в обороне. - Он отходит к Тегее, а оттуда посылает свою конницу, чтобы застать врасплох Мантинею. - Сюрприз срывается из-за случайного прибытия афинской кавалерии - сражение с конницей у Мантинеи, в котором преимущество на стороне афинян. - Эпаминондас решает атаковать противника у Мантинеи.

- Мнение Ксенофонта - что к этому решению его вынудило отчаяние - рассмотрено. - Расторопность войска Эпаминонда, когда отдан приказ к бою. - Мантинико-Тегейская равнина - положение лакедемонян и мантинейцев. - Марш Эпаминонда из Тегеи. - Ложное впечатление, производимое на противника его маневрами. - Фиванский боевой порядок - планы полководца. - Диспозиция кавалерии с обеих сторон. - Неподготовленное состояние лакедемонской армии. - Битва при Мантинее - полный успех диспозиции Эпаминонда. - Победа фиванцев - Эпаминондас смертельно ранен. - Крайнее уныние, вызванное его смертью в войсках, даже при полной победе и преследовании. - Победа, одержанная обеими сторонами, - тем не менее лакедемоняне вынуждены просить о погребении труса. - Предсмертные минуты Эпаминонда. - Два других лучших фиванских офицера также погибают в битве. - Кто убил Эпаминондаса? Различные лица, удостоенные за это чести. - Заключен мир - признано *statu quo*, в том числе независимость Мессены - одна только Спарта выделяется - фиванцы возвращаются домой. - Результаты Мантинейской битвы, как их оценивает Ксенофонт, - несправедливы по отношению к фиванцам. - Характер Эпаминонда. - Споры между жителями Мегалополя. Фиванцы посылают туда отряд под командованием Паммена, который поддерживает объединение. - Агесилай и Архидам. - Государство Персия - восставшие сатрапы и провинции - Датамес. - Сильное восстание сатрапов в Малой Азии - оно подавлено персидским двором, благодаря предательству. - Агесилай отправляется в качестве полководца в Египет - там же находится и Хабрий. - Смерть и характер Агесилая. - Состояние Египта и Персии. - Смерть Артаксеркса Мнемона. Убийства в царской семье. - Морские операции афинян - Тимофей ведет войну против Амфиполя и против Котиса. - Эргофил сменяет Тимофея у Херсонеса - Каллистен сменяет его у Амфиполя - война на море против Александра Ферейского. - Эргофил и Каллистен оба неудачливы - оба пытались. - Автокл в Геллеспонте и Босфоре - конвой для кораблей с кукурузой из Эвксинского моря. - Мильтокиф восстает из Котиса во Фракии - неудача афинян. - Менон - Тимоммах - как полководцы в Херсонесе. Афиняне теряют Сестос. - Кифисодот в Херсонесе. Харидем переправляется туда из Абидоса. - Убийство Котиса. - Керсоблепт сменяет Котиса. Берисадес и Амадокус, его соперники - Неудачи Афин - Кефисодот. - Улучшение перспектив Афин в Херсонесе - Афинодор - Харидем. - Харидем вынужден принять конвенцию Афинодора - его уловки - Херсонес с Сестосом возвращается Афинам. - Трансмаринская империя Афин достигла своего максимума. Пагубные последствия ее завоеваний против Олинфа. - Максимум второй Афинской империи - воцарение Филиппа Македонского.

311-383

ГЛАВА LXXXI.

СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ АФИНСКОГО ВОЙСКА ПЕРЕД СИРАКУЗАМИ.

Сиракузы после уничтожения афинского вооружения. - Предчувствие грядущей гибели Афин - революция в Фуриях. - Сиракузская эскадра под командованием Гермократа отправляется действовать против Афин в Эгейском море. - Обманутые надежды - поражение при Киносеме - второе губительное поражение при Кизикусе. - Страдания сиракузских моряков - разочарование и недовольство в Сиракузах. - Изгнание Гермократа и его коллег. Приговор, вынесенный Гермократом в отношении вооружения. - Внутреннее состояние Сиракуз - конституция Диоклеса. - Трудность определения того, что это была за конституция. - Вторжение из Карфагена. - Состояние карфагенян. - Протяженность карфагенской империи - сила и население - ливийцы-финикийцы. - Суровое отношение Карфагена к своим подданным. Колонии, отправленные из Карфагена. - Военная сила Карфагена. - Политическая конституция Карфагена. - Олигархический строй и настроения в Карфагене. - Могущественные семьи в Карфагене - Маго, Гамилькар, Гасдрубал. - Ссора между Эгестой и

Селином в Сицилии. - Обращение Эгесты к Карфагену за помощью - просьба удовлетворена - нетерпение Ганнибала. - Карфагенские посланники отправляются в Сицилию. - Ганнибал переправляется на Сицилию с очень большим вооружением. Он осаждает Селинус. - Энергичный штурм Селинуса - галантное сопротивление - город наконец взят штурмом. - Селинус разграблен - беспощадная резня. - Задержка сиракузян и других жителей в отправке помощи. Ответ Ганнибала на их посольство. - Ганнибал идет к Гимере и осаждает ее. Помощь из Сиракуз под командованием Диоклеса - вылазка из Гимеры. Ганнибал разрушает Гимеру и убивает три тысячи пленных в знак уважения к памяти своего деда. - Тревога среди греков Сицилии - Ганнибал распускает войско и возвращается в Карфаген. - Новая междоусобица в Сиракузах - Гермократ прибывает в Сицилию. - Он собирает войска, чтобы силой добиться своего возвращения. - Ему приходится удалиться - он обосновывается в развалинах Селинуса и действует против карфагенян. - Его отец пытается вернуть Сиракузы, используя кости сиракузян, убитых у Гимеры. Изгнание Диоклеса. - Гермократ вновь пытается проникнуть в Сиракузы с вооруженным отрядом. - Он терпит поражение и погибает. - Первое появление Дионисия в Сиракузах. - Слабость Сиракуз, возникшая из-за политических разногласий - партии Гермократа. Опасность со стороны Карфагена. - Новое вторжение карфагенян в Сицилию. Огромное войско под командованием Ганнибала и Имилькана. - Большая тревога в Сицилии - активные приготовления к обороне в Агригентуме. - Величие, богатство и население Агригентума. - Карфагеняне нападают на Агригентум. Они разрушают гробницы у его стен. Смута среди их армии. Религиозные страхи - жертвоприношения. - Сиракузское подкрепление в Агригентуме под командованием Дафнея. Его победа над иберийцами. Он отказывается преследовать их. - Дафней вступает в Агригентум. Недовольство агригентинских генералов за то, что они отстали в атаке. Они преданы смерти. - Неудачи в обеих армиях - Гамилькар захватывает корабли сиракузян с провизией - Агригентум эвакуируется. - Агригентум взят и разграблен карфагенянами. - Ужас по всей Сицилии. - Горькие жалобы на сиракузских генералов. - Партия гермократов в Сиракузах выступает за свержение правительства и возвышение Дионисия. - Выступление Дионисия в сиракузском собрании против полководцев, которых народным голосованием низлагают, а на их место назначают Дионисия с другими. - Честолюбивые замыслы Дионисия - он интригует против своих коллег и расстраивает все их дела. Он добивается голосования за восстановление изгнанников Гермократа. - Дионисий отправляется с сиракузским подкреплением в Гелу. Он добивается казни или изгнания гелойской олигархии. - Он возвращается в Сиракузы с увеличенным войском - обвиняет своих коллег в грубой измене. - Дионисий назначается полководцем, единоличным, с полными полномочиями. - Видимое раскаяние народа после голосования. Стратегема Дионисия с целью добиться голосования, обеспечив ему корпус платных стражников. - Поход Дионисия в Леонтины. - Дионисий утверждается в Сиракузах в качестве деспота. - Дионисий как деспот - средства, с помощью которых он добился власти.

383-446

ГЛАВА LXXXII.

СИЦИЛИЯ ВО ВРЕМЯ ДЕСПОТИИ СТАРШЕГО ДИОНИСИЯ В СИРАКУЗАХ.

Имилкон с карфагенской армией идет из Агригентума, чтобы напасть на Гелу. - Храбрая оборона гелонцев - Дионисий прибывает с войском, чтобы их освободить. - План Дионисия по общему нападению на карфагенскую армию. - Он терпит поражение и вынужден отступить. - Он эвакуирует Гелу и Камарину - бегство населения обоих городов, которые берут и разграбляют карфагеняне. - Возмущение и обвинения Дионисия в предательстве. - Мятеж сиракузских всадников - они скачут в Сиракузы и выступают против Дионисия. - Их

безрассудство. Дионисий - хозяин Сиракуз. - От Имилькаона поступают предложения о мире. Условия мира. - Сговор Дионисия с карфагенянами, которые подтверждают его владычество над Сиракузами. Чума в карфагенской армии. - Близкое совпадение по времени этого мира с победой Лисандра при Эгоспотамах - симпатии Спарты к Дионисию. - Удрученное состояние городов Южной Сицилии, от мыса Пахинус до Лилибея. - Сильная позиция Дионисия. - Сильные укрепления и другие здания, возведенные Дионисием в Ортыгии и ее окрестностях. - Он распределяет дома в Ортыгии между своими солдатами и партизанами - он заново распределяет земли Сиракуз. - Непомеренные поборы Дионисия - недовольство в Сиракузах. - Дионисий выступает из Сиракуз против сикелов - мятеж сиракузских солдат в Гербезе - убит командир Дорикус. - Сиракузские повстанцы при поддержке Регии и Мессены осаждают Дионисия в Ортыгии. - Отчаявшись, Дионисий обращается за помощью к кампанцам, состоящим на карфагенской службе. - Он забавляет нападавших притворной покорностью - прибытие кампанцев - победа Дионисия. - Дионисий усиливает свою деспотию еще больше, чем прежде - ему помогает спартанец Арист - коринфянин Никотелес предан смерти. - Он разоружает сиракузских граждан - укрепляет укрепления Ортыгии - увеличивает число наемников. - Дионисий завоевывает Наксус, Катану и Леонтины. - Великое могущество Дионисия. Основание Аллеса Архонидом. - Решение Дионисия начать войну с Карфагеном. - Местоположение Сиракуз - опасность, которой подвергался город во время афинской осады. - Дополнительные укрепления, возведенные Дионисием вдоль северного гребня Эпипольских скал, вверх по Эвриалу. - Популярность работы - усилия всех сиракузян, а также самого Дионисия. - Подготовка Дионисия к агрессивной войне с карфагенянами. - Улучшение поведения Дионисия по отношению к сиракузянам. - Его примирительные предложения другим греческим городам в Сицилии. Враждебные настроения регийцев по отношению к нему. Их обращение к Мессене. - Он заключает мир с Мессеном и Регией. - Желает жениться на регийской жене. Город отклоняет его предложение. Он сильно разгневан. - Он делает предложение взять в жены жену из Локри - его желание исполняется, он женится на локрийской девушке по имени Дорис. - Огромное военное снаряжение Дионисия в Сиракузах - оружие, двигатели и т. д. - Морские приготовления в гавани Сиракуз. Увеличение основной массы военных кораблей - квадриремы и квинкверемы. - Общая симпатия сиракузян к его проектам против Карфагена. - Он нанимает солдат со всех концов света. - Он празднует бракосочетание с двумя женами в один день - Дорис и Аристомахой. Временное хорошее отношение к нему в Сиракузах. - Он созывает собрание сиракузян и призывает их к войне против Карфагена. - Он хочет задержать эмиграцию тех, кто боялся карфагенского владычества меньше, чем своего. - Он разрешает грабить карфагенских жителей и корабли в Сиракузах. Тревога в Карфагене - страдания в Африке от моровой язвы. - Дионисий выступает из Сиракуз с огромным войском против карфагенян в Сицилии. - Восстание против Карфагена среди подвластных ему сицилийских греков. Страшные пытки, которым подвергаются карфагеняне. - Дионисий осаждает карфагенский морской порт Мотику. - Положение Мотики - ход осады - энергичная оборона. - Дионисий захватывает соседние области Карфагена - сомнительный результат осады Мотики - появление Имилькаона с карфагенским флотом - он вынужден вернуться. - Отчаянная оборона Мотики. В конце концов он взят ночной атакой. - Разграбление Мотики - жители либо вырезаны, либо проданы в рабство. - Дальнейшие действия Дионисия. - Прибытие Имилькаона с карфагенским войском - его успешные действия - он снова берет Мотику. - Дионисий удаляется в Сиракузы. - Имилькон захватывает Мессену. - Восстание сикелов против Дионисия. Начало Тавромения. - Поставки Дионисия для обороны Сиракуз - он укрепляет Леонтины - он продвигается к Катане как с сухопутной армией, так и с флотом. - Морское сражение у Катаны - большая победа карфагенского флота под командованием Магона. - Прибытие Имилькаона для соединения с флотом Магона у Катаны - бесплодное приглашение

кампанцев из Этны. - Дионисий отступает в Сиракузы - недовольство его армии. - Имилкон приближается к Сиракузам - карфагенский флот подходит, чтобы занять Большую гавань - их внушительный вход. Укрепленная позиция Имилкона у гавани. - Имилкон грабит пригород Ахрадины - блокирует Сиракузы с моря. - Морская победа, одержанная сиракузским флотом во время отсутствия Дионисия. - Эффект этой победы в возвышении духа сиракузян. - Общественное собрание, созванное Дионисием, - мятежный дух против него - пламенная речь Федора. - Сочувствие, вызванное речью в сиракузском собрании. - Спартанец Фаракид поддерживает Дионисия - тот окончательно распускает собрание и подавляет враждебное движение. - Союз Спарты с Дионисием - соответствует ее общей политике в то время. Освобождение Сиракуз зависело от Фаракида. - Дионисий пытается завоевать популярность. - Страшный мор среди карфагенской армии перед Сиракузами. - Дионисий нападает на карфагенский лагерь. Он намеренно приносит в жертву отряд своих наемников. - Успех Дионисия, как на море, так и на суше, против сиракузской позиции. - Пожар в карфагенском лагере - ликование в Сиракузах. - Имилкон заключает тайный договор с Дионисием, чтобы ему позволили бежать с карфагенянами, при условии, что он оставит свою оставшуюся армию. Уничтожение оставшейся карфагенской армии, кроме сикелов и иберов. - Бедствия в Карфагене - несчастный конец Имилкона. - Опасность Карфагена - гнев и восстание ее африканских подданных - в конце концов подавлены.

446-512

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА LXXVI.

ОТ МИРА АНТАЛКИДА ДО ПОКОРЕНИЯ ОЛИНФА СПАРТОЙ.

Мир или договор^[1], носящий имя Анталкида, был серьезным и скорбным событием в греческой истории. Его истинный характер нельзя описать лучше, чем в кратком замечании и ответе, которые мы находим у Плутарха. "Увы Элладе (заметил кто-то Агесилаю), когда мы видим, что наши лаконцы *медитируют!*" - "Нет (ответил спартанский царь), лучше скажи, что медики (персы) *лаконизируют!*"^[2].

Эти два утверждения не исключают друг друга. Оба они были совершенно верны. Конвенция возникла в результате отдельного партнерства между спартанскими и персидскими интересами. Спартанец Анталкид предложил ее Тирибазу на том основании, что она точно соответствует целям и желаниям персидского царя, о чем мы узнаем даже от фило-лаконца Ксенофонта^[3]. Хотя Спарта и Персия были в большом выигрыше, ни одно греческое государство ничего не выиграло, так как конвенция была первоначально сформулирована. Но после первого отказа Анталкиды сочли необходимым примирить Афины, добавив специальную статью, предусматривающую возвращение ей Лемноса, Имброса и Скироса^[4]

Это дополнение, по-видимому, было впервые сделано во время неудачных переговоров, которые составляют предмет уже упомянутого рассуждения, произнесенного Андокидом. Впоследствии оно было продолжено и включено в окончательный декрет, который Анталкид и Тирибаз привезли от имени царя из Суз; несомненно, оно в некоторой степени способствовало присоединению Афин, хотя объединенные силы Спарты и Персии стали настолько подавляющими, что у нее вряд ли были бы средства выстоять, даже если бы дополнительная статья была опущена. Тем не менее, это условие, несомненно, обеспечило Афинам определенную долю в выигрыше, наряду с гораздо более крупными долями Спарты и Персии. Однако не менее верно и то, что Афины, как и Фивы, [5] согласились на мир только под страхом и принуждением. Что касается других греческих государств, то они были заинтересованы лишь в меланхоличном качестве партнеров в общей потере и деградации.

Эта деградация явно прослеживается в форме, происхождении и передаче конвенции, даже помимо ее сути. Это было постановление, изданное при дворе Суз; как таковое, оно было демонстративно провозглашено и "спущено" оттуда в Грецию. Его авторитет исходил от царской печати, а санкция - от его заключительной угрозы, что он начнет войну против всех отступников. Оно было доставлено сатрапом Тирибазом (вместе с Анталкидом), прочитано им вслух и с покорностью выслушано собравшимися греческими посланниками, после того как он обратил их особое внимание на царскую печать. [6] Такова была конвенция, которой Спарта, древний президент греческого мира, первой добивалась от персидского царя, и которую она теперь не только показала пример одобрения своим собственным спонтанным повиновением, но даже заявила как гарант и защитник против всех противников, готовясь применить ее острием меча против любого государства-отступника, независимо от того, является ли оно его участником или нет. Такова была конвенция, которая теперь была начертана на камне и помещена как постоянная запись в храмах греческих городов; [7] нет, даже в общих святилищах - Олимпийском, Пифийском и других, - великих *очагах* и местах сплочения панэллинских настроений. Хотя он и назывался конвентом, по сути своей он был императивным мандатом, исходящим от древнего врага Греции, принятие которого было не чем иным, как актом повиновения. Если для него это был славный трофей, то для всех панэллинских патриотов это был глубочайший позор и оскорбление. [Даже слова конвенции объявляли ее актом вторжения иностранной власти и возводили варварского короля в ранг диктатора греческих разногласий; опекуна [9], который заботился о мире Греции больше, чем сами греки. И таким образом, если смотреть только на форму, это было равносильно тому символу покорности - уступке земли и воды, - который за столетие до этого предок Артаксеркса потребовал от предков спартанцев и афинян; требование, которое Спарта и Афины тогда не только отвергли, но и возмутились так жестоко, что предали смерти глашатаев, принесших его, - заклеив эгинетян и других как предателей Эллады за то, что они подчинились ему. [10] Однако такая уступка не подразумевала ничего большего, чем то, что было воплощено в надписи на той "colonna infame", которая поместила мир Анталкидов рядом с панэллинскими славными и украшениями в Олимпии [11].

Должно быть, промежуточные события произвели в Спарте, мнимом президенте Греции, - в ее собственной оценке даже больше, чем в оценке других, [12] - такие перемены, что она утратила панэллинскую совесть и достоинство, превратившись в послушного министра, добивающегося и принуждающего персидского мандата для достижения своих собственных политических целей. Каким безумием показалось бы такое ожидание Эсхилу или слушателям "Персов", Геродоту или Фукидиду, Периклу и Архиду, да даже Калликратиду или Лисандру! Это был последний итог целого ряда предыдущих политических грехов, когда она все чаще и чаще обращалась к Персии за помощью в борьбе с греческими врагами.

Ее первое обращение к Великому Царю с этой целью датируется началом Пелопоннесской войны и предваряется извинением, не менее унижительным, от царя Архидам, который, не сознавая, какого рода измену он замышляет, утверждает, что Спарту, когда афиняне замышляют против нее, нельзя обвинять в том, что она просит помощи для своего спасения как у иностранцев, так и у греков.^[13] С самого начала и до седьмого года войны спартанцы отправляли в Сузы множество отдельных и последовательных посланников; двое из них были схвачены во Фракии, доставлены в Афины и там преданы смерти. Остальные достигли места назначения, но говорили так путано и так противоречили друг другу, что персидский двор, не понимая, что они имеют в виду,^[14] отправил Артаферна с письмами в Спарту (на седьмом году войны), жалуясь на такую глупость и требуя более четких сведений. Артаферн попал в руки афинской эскадры в Эйоне на Стримоне и был доставлен в Афины, где с ним обошлись очень вежливо и отправили обратно (после того как письма, которые он вез, были изучены) в Эфес. Важнее всего отметить, что вместе с ним были отправлены афинские посланники, чтобы ввести Афины в дружеское общение с великим царем; этому помешало лишь то, что Артаксеркс Лонгиман как раз в это время умер. Здесь мы видим роковую практику, порожденную междоусобной войной, призывать персов на помощь; ее начала Спарта, как настойчивый проситель, - и частично подражали Афины, хотя мы не знаем, что должны были сказать ее посланники, если бы им удалось добраться до Суз.

Больше о персидском вмешательстве ничего не слышно до года великих афинских бедствий перед Сиракузами. Окрыленные надеждами, возникшими в связи с этим событием, персы не нуждались в просьбах, но с такой же готовностью предлагали вмешаться в свои дела, с какой Спарта приглашала их для своих. О том, как Спарта была готова купить свою помощь сдачей азиатских греков, причем без каких-либо условий в их пользу, рассказывалось в моем последнем томе.^[15] Теперь у нее не было оправдания - ибо это только оправдание, а не оправдание - самообороны против агрессии со стороны Афин, которое Архидам выдвинул в начале войны. Но и тогда это было лишь благовидное оправдание, не подтвержденное реальным положением дел; теперь же как заявленная, так и реальная цель была совсем иной - не отразить, а сокрушить Афины. И для достижения этой цели, даже не из притворной безопасности, а из чистого честолюбия, Спарта безоговорочно пожертвовала свободой своих азиатских сородичей; цена, которую Архидам в начале войны, конечно, никогда бы не позволил себе заплатить, несмотря на грозную силу Афин. Здесь же мы видим, что Афины последовали примеру и согласились, в надежде получить помощь персов, на такую же жертву, хотя сделка так и не была завершена. Правда, в то время она боролась за свое существование. Тем не менее, эти факты служат печальным доказательством того, насколько ослабили чувства панэллинской независимости в обоих лидерах на фоне ожесточенного междоусобного конфликта, завершившегося битвой при Эгоспотамах^[16].

После этой битвы сделка между Спартой и Персией, несомненно, была бы выполнена, и азиатские греки сразу же перешли бы под власть последней, если бы не совершенно новое стечение обстоятельств, возникшее в результате весьма своеобразного положения и замыслов Кира. Этот молодой принц делал все возможное, чтобы заручиться расположением греков в качестве помощников для своих честолюбивых замыслов; в этих замыслах принимали участие и Спарта, и азиатские греки, бесповоротно скомпрометировав себя против Артаксеркса, а еще больше - против Тиссаферна. Таким образом, Спарта невольно стала врагом Персии и была вынуждена защищать азиатских греков от его враждебности, которой они угрожали; эту защиту ей было легко предоставить не только из-за бескрайней империи, которой она тогда пользовалась в греческом мире, но и из-за

присутствия знаменитых десяти тысяч киреев и презрения к персидской военной силе, которое они принесли домой из своего отступления. Таким образом, она оказывается в роли панэллинского протектората или президента, сначала благодаря служению Деркиллида, затем Агесилая, который даже приносит жертвы в Аулисе, берет скипетр Агамемнона и обдумывает крупные планы агрессии против великого царя. Однако персы играют против нее в ту же игру, к которой она обратилась за помощью против Афин. Их флот, который за пятнадцать лет до этого она пригласила для своих целей, теперь используется против нее самой, причем с гораздо большим эффектом, поскольку ее империя была более одиозной, а также более деспотичной, чем афинская. Теперь Афины и их союзники призывают на помощь персов; правда, без прямого обязательства сдать азиатских греков, поскольку нам говорят, что после битвы при Книде Конон навлек на себя недовольство персов своими предполагаемыми планами воссоединения с Афинами,^[17] а афинская помощь все еще продолжала оказываться Эвагору, - но, тем не менее, косвенно прокладывая путь к этому завершению. Если Афины и их союзники обвиняют себя в отречении от панэллинских чувств, мы можем, как и прежде, отметить, что они действуют под давлением более сильной необходимости, чем та, на которую могла бы ссылаться Спарта; и что они могли бы с гораздо большей правдой использовать от своего имени оправдание самосохранения, которое предпочел царь Архидам.

Но ни в одном случае это оправдание не было столь реальным, как в отношении миссии Анталкидов. В то время Спарта была настолько сильна, даже после потери своей морской империи, что союзники на Коринфском перешейке, завидовавшие друг другу и державшиеся вместе только благодаря общему ужасу, вряд ли смогли бы обороняться против нее и, вероятно, были бы разобщены разумными предложениями с ее стороны; не понадобилось бы ей и отзывать Агесилая из Азии. Тем не менее, миссия, вероятно, была продиктована в значительной степени беспочвенной паникой, возникшей при виде возрожденных Длинных стен и укрепленного Пирея, и сразу же породила фантазию, что новая афинская империя, подобная той, что существовала сорок лет назад, вот-вот начнет жить; фантазия маловероятна для осуществления, поскольку те самые особые обстоятельства, которые создали первую афинскую империю, теперь были полностью перевернуты. Лишенная возможности самой создать морскую империю, Спарта первым делом стремилась отгородить Афины от себе подобных, а затем уничтожить все частичные федерации или политические комбинации и ввести всеобщую автономию или максимальную политическую изоляцию, чтобы нигде не было державы, способной противостоять ей самой, сильнейшей из всех отдельных государств. В качестве средства для достижения этой цели, которая отвечала интересам Персии не меньше, чем ее собственные, она превзошла все прежние покорности Великому Царю, самым вопиющим образом предала ему не только целую дивизию своих эллинских сородичей, но и общую честь эллинского имени, - и вызвалась *посредничать*, чтобы персы отплатили ей *лаконизмом*.^[18] Чтобы обеспечить полное повиновение всех сатрапов, которые не раз проявляли собственное несогласие, Анталкида достала и привезла в Сузы официальный приказ, подписанный и скрепленный печатью; и Спарта без стыда и угрызений совести обязалась исполнять тот же приказ - "соглашение, ниспосланное царем" - в отношении всех своих соотечественников, превратив их в подданных, а себя - в своего рода наместника или сатрапа Артаксеркса. Такой акт измены общеэллинскому делу был гораздо более вопиющим и разрушительным, чем предполагаемая конфедерация с персидским царем, за которую фиванка Исмения была впоследствии предана смерти, и тоже самими спартанцами.^[19] К несчастью, он стал прецедентом на будущее и был впоследствии тщательно скопирован

Фивами;^[20] предвещая, но слишком явно, короткую карьеру, которую греческая политическая независимость должна была пройти.

То большое патриотическое чувство, которое продиктовало великодушный ответ афинян^[21] на предложения Мардония в 479 г. до н.э., отказавшись посреди настоящих и будущих разрушений от соблазна предать святость панэллинской общности, - это чувство, которое в течение двух последующих поколений было преобладающим вдохновением Афин, а также было сильным, хотя всегда менее сильным, в Спарте, - теперь в первых было перекрыто более насущными опасениями, а во второй полностью угасло. Теперь Греция должна была надеяться только на ведущие государства, чтобы держать великое знамя панэллинской независимости; от меньших государств нельзя было требовать ничего другого, кроме того, чтобы они придерживались и защищали его, когда оно будет поддержано.^[22] Но как только Спарта стала требовать и принуждать, а Афины - принимать (даже под принуждением) прокламацию под царской рукой и печатью, подписанную Анталкидом, - это знамя перестало быть частью общественных эмблем политической жизни Греции. Грандиозная идея коллективного самоопределения эллинизма, которую оно олицетворяло, осталась жить в груди отдельных патриотов.

Если мы посмотрим на конвенцию Анталкида отдельно от ее формы и гарантий, а по существу, то обнаружим, что, хотя ее первая статья была однозначно позорной, последняя была, по крайней мере, популярна как обещание на слух. Всеобщая автономия для каждого города, малого или великого, была дорога греческому политическому инстинкту. Я уже не раз отмечал, что преувеличенная сила этого желания была главной причиной недолгого существования греческой свободы. Поглощая все жизненные силы отдельных частей, оно не оставляло ни жизненной силы, ни целостности целому; в особенности оно лишало каждого и всех силы самозащиты от чужеземных нападений. Хотя до определенного момента и при определенных изменениях она была необходима, но за пределами этих изменений, которые греческий политический инстинкт был далек от признания, она приносила огромное количество бед. Поэтому, хотя этот пункт конвенции был по своему обещанию приемлемым и популярным, и хотя в дальнейшем мы увидим, что на него ссылаются как на защиту в различных отдельных случаях несправедливости, мы должны выяснить, как он был приведен в исполнение, прежде чем мы сможем сказать, был ли он добрым или злым, подарком друга или врага.

На последующих страницах мы найдем ответ на этот вопрос. Лакедемоняне, как "президенты (гаранты или исполнители) мира, посланные царем"^[23], взяли на себя обязанность исполнения; и мы увидим, что с самого начала они не имели в виду ничего искреннего. Они даже не пытались искренне и неуклонно следовать честному, хотя и неразличимому политическому инстинкту греческого ума; тем более они не стремились предоставить столько, сколько было действительно хорошо, и удержать остальное. Они определяли автономию таким образом и распределяли ее на такие части, которые отвечали их собственным политическим интересам и целям. Обещание, данное конвентом, за исключением тех случаев, когда оно позволяло им увеличить собственную власть путем расчленения или партийного вмешательства, оказалось совершенно ложным и пустым. Ведь если мы вспомним начало Пелопоннесской войны, когда они отправили в Афины требование всеобщей автономии по всей Греции, то увидим, что это слово имело тогда отчетливый и серьезный смысл: они требовали, чтобы города, находящиеся в зависимости от Афин, были оставлены свободными, и эту свободу Спарта могла бы обеспечить им сама по окончании войны, если бы не предпочла превратить ее в гораздо более суровую империю. Но в 387 году (дата заключения Анталкидского мира) не было большого количества подданных, которые

должны были быть освобождены, кроме союзников самой Спарты, к которым это ни в коем случае не должно было относиться. Так что на самом деле то, что было обещано, а также то, что было реализовано, даже в самом убогом пункте этой позорной конвенции, заключалось в том, что "города должны пользоваться автономией не для собственного комфорта и не своим путем, а для лакедемонского удобства"; эта знаменательная фраза (использованная Периклом[24] в дебатах, предшествовавших Пелопоннесской войне) является своего рода бегущим текстом для греческой истории в течение шестнадцати лет между Анталкидским миром и битвой при Лектре.

Я уже упоминал о том, что первыми двумя заявлениями лакедемонян о вновь провозглашенной автономии были требование от коринфского правительства уволить его аргейских помощников и принуждение Фив отказаться от своего древнего председательства в Беотийской федерации. Последнее было целью, которую они давно вынашивали;[25] и благодаря обоим этим действиям их господство в Греции значительно усилилось. Афины, напуганные новым развитием персидской силы, а также частично подкупленные восстановлением своих трех островов, согласились на мир, лишившись таким образом своих фиванских и коринфских союзников и лишившись возможности противостоять спартанским проектам. Но, прежде чем перейти к рассмотрению этих проектов, будет удобно на короткое время обратиться к действиям персов.

Еще до смерти Дария Нофа (отца Артаксеркса и Кира) Египет восстал против персов под руководством местного принца по имени Амиртей. Греческим вождям, сопровождавшим Кира в его походе против брата, было хорошо известно, что это восстание сильно разозлило персов; так что Клеарх в разговоре, который состоялся после смерти Кира по поводу размещения с Артаксерксом, намекнул, что Десять Тысяч могут оказать ему действенную помощь в завоевании Египта.[26] Не только эти греки подвергались опасности после смерти Кира, но и различные персы и другие подданные, которые оказывали ему помощь; все они подчинились и пытались примирить Артаксеркса, кроме Тамоса, который командовал флотом Кира на побережье Ионии и Киликии. Тамос был так встревожен, когда Тиссаферн в полном составе подошел к побережью, что бежал со своим флотом и сокровищами в Египет, чтобы искать защиты у царя Псамметиха, которому он оказал ценную услугу. Однако этот предатель, получив столь ценный залог, забыл обо всем на свете в своем стремлении добиться своего и предал смерти Тамоса со всеми его детьми.[27] Около 395 года до н.э. мы находим Неферуса, царя Египта, оказывающего помощь лакедемонскому флоту против Артаксеркса.[28] Через два года после этого (392-390 гг. до н.э.), в годы, непосредственно следующие за победой Книда и путешествием Фарнабаза через Эгейское море в Пелопоннес, мы слышим об этом сатрапе, который вместе с Аброком и Тифраустом предпринимал упорные, но безуспешные попытки вновь завоевать Египет.[29] Получив таким образом отпор персам, египетский царь Акорас между 390-380 гг. до н.э.,[30] посылает помощь Евагору на Кипр против того же врага. И несмотря на дальнейшие попытки Артаксеркса вновь завоевать Египет, туземные цари этой страны сохраняли свою независимость в общей сложности около шестидесяти лет, вплоть до правления его преемника Охуса.

Но именно греческий враг, по средствам уступающий, но по качествам намного превосходящий любого из этих египтян, занимал главное внимание персов сразу после заключения Анталкидского мира: Евагор, деспот Саламиса на Кипре. Об этом царевиче мы располагаем самым пышным и обильным панегириком, составленным после его смерти для удовлетворения (и, вероятно, оплаченным деньгами) его сына и преемника Никоклеса

современником Исократа. Если отбросить преувеличения и пристрастность, то даже достоверные черты этой картины достаточно интересны.

Эвагор принадлежал к саламинскому роду, называемому Teukridæ, который насчитывал среди своих предков великолепные легендарные имена Teukrus, Telamon и Æakus; через них он восходил к божественному имени Зевса. Считалось, что лучник Тевкрus, вернувшись после осады Трои в (афинский) Саламин, эмигрировал по суровому приказу своего отца Теламона и положил начало городу с таким названием на восточном побережье Кипра.[31] Как и на Сицилии, на Кипре греческий и финикийский элементы находились в тесном контакте, хотя и в очень разных пропорциях. Из девяти или десяти отдельных городов-общин, которые делили между собой все морское побережье, причем все низшие города зависели от одного или другого из них, - семь относятся к эллинским, два самых значительных - Саламис и Соли; три - к финикийским: Пафос, Аматус и Китиум. Вероятно, в каждом из них в разных пропорциях смешивалось греческое и финикийское население.[32] Каждый из них управлялся своим отдельным князем или деспотом, греческим или финикийским. Греческие переселения (хотя их точная дата не может быть установлена), по-видимому, были более поздними, чем финикийские. На во время восстания ионийцев (496 г. до н.э.) перевес был на стороне эллинизма, но со значительной примесью восточных обычаев. Однако эллинизм был сильно подавлен персидским завоеванием восставших, осуществленным с помощью финикийцев[33] на противоположном континенте. И хотя, несомненно, победы Кимона и афинян (470-450 гг. до н. э.) частично возродили его, Перикл, примирившись с персами, благоразумно отказался от Кипра и Египта;[34] так что греческий элемент в первом, получая мало постороннего поощрения, становился все более и более подчиненным финикийскому.

Примерно в это время правящие князья Саламины, которые во время восстания ионийцев были греками из рода Теукридов,[35] были вытеснены и свергнуты финикийским изгнанником, который завоевал их доверие и стал деспотом вместо них.[36] Чтобы обеспечить себе скипетр, этот узурпатор сделал все возможное, чтобы умножить и усилить финикийское население, а также оттеснить и унижить эллинское. Та же политика была продолжена не только его преемником в Саламине, но, похоже, и в некоторых других городах; настолько, что в течение большей части Пелопоннесской войны Кипр ощутимо ослаб. Греки на острове жестоко притеснялись; новых греческих гостей и купцов отпугивали самым отвратительным обращением, а также угрозами жестоких увечий тела, которые обычно использовались восточными народами в качестве наказания; в то время как греческие искусства, образование, музыка, поэзия и интеллект быстро приходили в упадок[37].

Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, в которых прошла юность Тевкрида Эвагора в Саламине, он уже в раннем возрасте проявил такую энергию ума и тела и такую силу завоевания популярности, что сразу же стал заметным человеком как среди греков, так и среди финикийцев. Как раз в это время финикийский деспот был убит в результате заговора, организованного китийцем или тирийцем по имени Абдекмон, который завладел его скипетром.[38] Узурпатор, не доверяя своему положению и стремясь наложить руки на всех известных людей, которые могли бы причинить ему зло, попытался схватить Эвагора; но тот сбежал и перешел в Соли и Киликию. Оказавшись беспомощным изгнанником, он нашел возможность нанести решающий удар, в то время как новая узурпация, запятнанная первыми насилиями и жестокостью, была окружена врагами, сомневающимися или нейтралами, не имея еще твердой опоры. Он переправился из Соли в Киликию с небольшим, но решительным отрядом из примерно пятидесяти сторонников, - тайно пробравшись через

ворота Саламины, - и ночью напал на Абдокмона в его дворце. Несмотря на значительно превосходящую численность охраны, это предприятие было проведено с такой необычайной смелостью и рассудительностью, что Абдокмон погиб, а Эвагор стал деспотом вместо него[39].

Великолепие этого подвига было вполне достаточным для того, чтобы Евагор без сопротивления занял трон среди населения, всегда привыкшего к княжескому правлению; а среди саламинских греков он был еще более почитаем благодаря своему происхождению от Тевкрида[40]. Его поведение полностью оправдало возлагавшиеся на него надежды. Он не только воздерживался от кровопролития, грабежей и насилия ради удовлетворения личных appetитов; воздержания, достаточно примечательного для любого греческого деспота, чтобы запечатлеть его правление золотыми буквами, и тем более примечательного для Евагора, поскольку он обладал восприимчивым темпераментом грека, хотя его огромная умственная сила всегда держала его под должным контролем.[41] Но он также был осторожен в расследовании и строг в наказании преступлений, но без тех демонстраций жестокости, которыми восточные принцы демонстрируют свою энергию. [42] Его правительство было в то же время очень популярным и примирительным, как по отношению к толпе, так и по отношению к отдельным людям. Неустанно занимаясь личным контролем, он сам все изучал, определял свою линию политики и следил за ее исполнением. 43] Он был первым во всех начинаниях и во всех опасностях. Поддерживая спокойную безопасность, он постепенно удваивал богатство, торговлю, промышленность и военную силу города, а его собственная популярность и слава продолжали расти.

Прежде всего, его первым желанием было возродить в Саламине и на Кипре эллинизм, который финикийские деспоты последних пятидесяти лет так старались уничтожить или испортить. За помощью в этом деле он, похоже, обратился к Афинам, с которыми его связывали языческие и легендарные симпатии, как теукрида, и которые в то время только-только перестали быть великой морской державой Эгейского моря. Хотя мы не можем точно определить дату начала правления Эвагора, мы можем заключить, что это было около 411 или 410 года до н. э. Похоже, что вскоре после этого периода его посетил афинянин Андокид;[44] более того, он должен был быть уже не просто состоявшимся, но и могущественным принцем, когда он решился захватить Конон в 405 году до н. э., после битвы при Эгоспотамах. Он пригласил в Саламин свежих переселенцев из Аттики и других частей Греции, как за полтора столетия до этого сделал принц Филокиприс из Соли под покровительством Солона[45]. Он прилагал особые усилия для возрождения и совершенствования греческой письменности, искусств, преподавания, музыки и интеллектуальных наклонностей. Поощрение было столь успешным, что за несколько лет, без принуждения и насилия, лицо Саламины изменилось. Мягкость и общительность, мода и занятия эллинизма снова стали преобладающими; пример оказал огромное влияние на все остальные города острова.

Если бы Эвагор возвысился на несколько лет раньше, Афины, возможно, воспользовались бы открывшейся возможностью обратить свои амбиции на восток, а не на тот губительный импульс, который привел ее на запад, в Сицилию. Но, придя только в тот поздний момент, когда она была вынуждена вести даже оборонительную войну, он скорее воспользовался ее слабостью, чем силой. В последние годы войны, когда Афинская империя была частично разрушена, а Эгейское море, вместо спокойствия, которым оно наслаждалось в течение пятидесяти лет под властью Афин, стало ареной борьбы между двумя соперничающими флотами, занимавшимися сбором денег, - многие переселенцы из Афин, которые приобрели собственность на островах, в Херсонесе или в других местах под ее гарантии, оказались во

всех отношениях незащищенными и были склонны сменить место жительства. Наконец, после поражения при Игоспотами (405 г. до н. э.) все оставшиеся переселенцы были изгнаны и вынуждены искать убежища либо в Афинах (на тот момент наименее привлекательном месте в Греции), либо в каком-то другом населенном пункте. Для таких людей, не в меньшей степени, чем для афинского адмирала Конона с его небольшим остатком афинских трирем, спасшихся от великого поражения, провозглашенные приглашения Эвагора представляли собой убежище, которого больше нигде нельзя было найти. Соответственно, мы узнаем, что в Саламине собралось множество переселенцев самого лучшего характера из разных частей Греции.[46] Многие афинские женщины в годы лишений и страданий, которые предшествовали и последовали за битвой при Игоспотами, с удовольствием эмигрировали и нашли себе мужей в этом городе;[47] а по всей Лакедемонской империи многочисленные жертвы, изгнанные гаростами и декархиями, в целом не имели другого столь безопасного и заманчивого убежища. Обширная равнина Саламины дала землю многим колонистам. На каких условиях, правда, они были приняты, мы не знаем; но поведение Эвагора как правителя вызывало всеобщее удовлетворение.

В первые годы своего правления Эвагор, несомненно, регулярно платил дань и не предпринимал никаких шагов, направленных на оскорбление персидского царя. Но по мере того как росла его власть, росли и его амбиции. К 390 году до н. э. мы видим его втянутым в борьбу не только с персидским царем, но и с Аматом и Китиумом на своем острове, а также с великими финикийскими городами на материке. С каких шагов и в какой именно период началась эта война, мы не можем определить. Ко времени битвы при Книде (394 г. до н. э.) Эвагор не только платил дань, но и в основном способствовал тому, чтобы персидский флот под командованием Конона выступил против лакедемонян, сам служа на борту.[48] На самом деле (если верить Исократу) именно необычайной энергии, способностям и силе, проявленным им по этому случаю на службе у самого Артаксеркса, следует приписать ревность и тревогу последнего против него. Без всякой провокации, в тот самый момент, когда он пользовался ревностными услугами Эвагора, великий царь вероломно начал маневрировать против него и вынудил его вступить в войну для самозащиты.[49] Эвагор принял вызов, несмотря на неравенство сил, с таким мужеством и эффективностью, что вначале одержал заметные успехи. Под командованием своего сына Пнитагора он не только разгромил и смирил Аматус, Китиум и Соли, города, которые при царе Агирисе перешли на сторону Артаксеркса, но и снарядил большой флот, напал на финикийцев на материке с такой силой, что даже взял великий город Тир; кроме того, заставил некоторые кикийские города выступить против персов.[50] Он получил мощную помощь от Акориса, местного и независимого царя в Египте, а также от Хабрия и войск, посланных афинянами.[51] Начавшись, по-видимому, около 390 г. до н.э, война с Эвагором продолжалась более десяти лет, стоила персам огромных усилий и огромных денежных затрат. Дважды Афины посылали ему на помощь эскадру - из благодарности за долгую защиту Конона и энергичные усилия до и в битве при Книде, - хотя тем самым она всячески рисковала сделать персов своими врагами.

Сатрап Тирибаз понимал, что пока у него на руках война в Греции, он не сможет сосредоточить свои силы против князя Саламины и египтян. Отсюда, в частности, и чрезвычайные усилия персов продиктовать совместно со Спартой Анталкидский мир и собрать в Ионии такой флот, который бы заставил Афины и Фивы покориться. Одним из условий этого мира был отказ от Эвагора;[52] весь остров Кипр был признан принадлежащим персидскому царю. Отрезанный от Афин и лишенный греческой помощи, кроме наемников, которых он мог оплатить, Эвагор все же получил помощь от

Акориса из Египта и даже от Гекатомна, принца Карики, с тайным денежным подарком.[53] Но Анталкидов мир в Азии был заключен, и персидские сатрапы стали полными хозяевами греческих городов на азиатском побережье и получили возможность перебросить в Киликию и на Кипр не только весь свой флот из Ионии, но и дополнительные контингенты из этих самых греческих городов. Таким образом, значительная часть персидских войск, действовавших против Кипра, была греческой, но, похоже, действовала по принуждению, не имела ни хорошей оплаты, ни хорошего использования[54], а потому была не очень эффективной.

Сатрапы Тирибаз и Оронт командовали сухопутными войсками, значительная часть которых была переправлена на Кипр; адмирал Гаос возглавлял флот, стоявший в Китиуме на юге острова. Именно здесь Эвагор, предварительно получив сражение на суше, атаковал их. Путем невероятных усилий он собрал флот из двухсот трирем, почти равный им по численности; но после упорного поединка, в котором он, как сначала казалось, мог одержать победу, он потерпел полное морское поражение, что лишило его возможности удерживать море и позволило персам блокировать Саламин как с моря, так и с суши.[55] Однако Эвагор защищался с непоколебимой решимостью, опираясь на помощь Акориса в Египте; Тир и несколько городов в Киликии также продолжали восставать против Артаксеркса, так что усилия персов были отвлечены, и война была завершена только через десять лет после ее начала.[Она стоила им в целом (если верить Исократу)[57] пятнадцати тысяч талантов деньгами и таких тяжелых потерь в людях, что Тирибаз уступил предложениям Эвагора о мире, согласившись оставить ему в полное владение Саламин под уплату оговоренной дани, "как раб своему господину". Сатрап требовал, чтобы эти последние слова были буквально вставлены в договор; но Эвагор решительно отказался от своего согласия, требуя, чтобы дань была признана уплаченной "одним царем другому". Не желая уступать в этом вопросе чести, он даже прервал переговоры и снова решил защищаться до конца. После того как осада еще более затянулась, его спас спор, разгоревшийся между двумя командирами персидской армии. Оронт, обвинив Тирибазу в готовящейся измене и восстании против царя совместно со Спартой, отправил его в качестве пленника в Сузы и таким образом стал единоличным командующим. Но так как осаждающая армия была уже измотана упорным сопротивлением Саламины, он согласился на капитуляцию, оговорив только дань и обменяв наступательную фразу, навязанную Тирибазом, на поправку другой стороны[58].

Таким образом, Эвагор был освобожден от осаждавших его врагов и до конца жизни оставался данником Саламины под властью персов. Он больше не участвовал в войне, и его общая популярность среди саламинцев не уменьшилась из-за трудностей, через которые они прошли вместе с ним.[59] Его благоразумие успокоило разгорающуюся антипатию великого царя, который с радостью нашел бы предлог для разрыва договора. Его дети были многочисленны и жили в согласии как с ним, так и друг с другом. Исократ особо отмечает этот факт, так как он заметно контрастирует с семейными отношениями большинства греческих деспотов, обычно запятнанными ревностью, антипатиями и конфликтами, часто с кровопролитием.[60] Но он упускает из виду случай, из-за которого погиб Эвагор; случай, не соответствующий той сверхчеловеческой удаче и благосклонности богов, которой хвастается панегирическая оратория, что была обеспечена герою на протяжении всей его жизни.[По-видимому, вскоре после заключения мира ламинец Са по имени Никокреон составил заговор против его жизни и владычества, но по необычной случайности был обнаружен перед самым моментом исполнения и вынужден спасаться бегством. Он оставил после себя в гареме юную дочь под присмотром евнуха (грека, уроженца Элиды) по имени Фрасидей; тот, преисполненный мстительного сочувствия к делу своего господина, сообщил о красоте молодой дамы как самому Эвагору, так и Пнигагору, самому выдающемуся из его сыновей, участнику доблестной обороны Саламины от персов. Оба они, не зная друг друга, соблазнились тайным уговором, чтобы евнух провел их в ее покои; там они оба были убиты его рукой[62].

Так погиб грек выдающейся силы и ума, удивительно свободный от пороков, обычных для греческих деспотов, и составляющий в этом отношении сильный контраст со своим современником Дионисием, чья военная энергия так глубоко запятнана преступлениями и насилием. Никоклес, сын Евагора, царствовал в Саламине после него и оказывал большое уважение, сопровождая его щедрыми подарками, афинянину Исократу, который хвалил его как мирного и благожелательного принца, привязанного к греческим занятиям и искусствам, лично изучившего греческую философию и, прежде всего, копировавшего своего отца в том справедливом отношении к людям и имуществу, которое так способствовало как комфорту, так и процветанию города[63].

От эпизода с Евагором, интересного не только выдающимися качествами этого принца, но и тем, что позволяет увидеть борьбу эллинизма с финикийским элементом на Кипре, мы переходим к общим последствиям Анталкидского мира в Центральной Греции. Впервые после битвы при Микале в 479 году до н. э. персы стали настоящими хозяевами всех греков на азиатском побережье. Сатрапы не теряли времени, чтобы подтвердить свое господство. Во всех городах, которые вызвали у них подозрение, они строили цитадели и размещали постоянные гарнизоны. В некоторых случаях их недоверие или недовольство доходило до того, что они полностью разрушали город. [64] Таким образом, эти города, уже однажды изменившие свое положение к худшему, перейдя от легкого подчинения Афинам к суровому правлению лакедемонских гарматов и местных децемвиров, теперь переходили под власть еще более деспотичных хозяев, еще более лишенных эллинского сочувствия. Как в публичных поборах, так и в неправомерных действиях по отношению к частным лицам комендант и его наемники, которых содержал сатрап, были, вероятно, более хищными и, конечно, более необузданными, чем даже гаросты Спарты. Более того, персидские вельможи требовали красивых мальчиков в качестве евнухов для своей службы и красивых женщин для своих гаремов. [65] То, что было взято для их удобства, не допускало ни возврата, ни возмещения; а греческие женщины, если и не были красивее многих местных азиаток, то, по крайней мере, были более умными, живыми и соблазнительными, - как мы можем прочитать в истории той фокейской дамы, спутницы Кира, которая была взята в плен в Кунаксе. Более того, эти азиатские греки, переходя в руки восточных хозяев, попадали под действие максим и настроений восточных людей, касающихся причинения боли или пыток, - максим не только более жестоких, чем у греков, но и не делающих особого различия между свободными и рабами[66] Разница между греками и фокейцами на Кипре по этому вопросу была только что отмечена; и, несомненно, разница между греками и персами была еще более заметной. В то время как азиатские греки были приведены Спартой и персо-спартанской конвенцией Анталкидов в состояние, во всех отношениях худшее, они в то же время были брошены, как неохотные помощники, чтобы укрепить руки Великого Царя против других греков, - против Эвагора на Кипре, - и, прежде всего, против островов, прилегающих к побережью Азии, - Хиоса, Самоса, Родоса и т. д. [67] Эти острова теперь подвергались той же опасности со стороны своих подавляющих персидских соседей, от которой они были спасены почти столетие назад Делосской конфедерацией и Афинской империей, в которую эта конфедерация была преобразована. Вся опека, которую гений, энергия и панэллинский пыл Афин впервые организовали и так долго поддерживали, теперь была разрушена; а Спарта, которой они обязаны своим исчезновением, сдав азиатских греков, разрушила безопасность даже островитян.

Однако вскоре выяснилось, как много выиграла сама Спарта от этой капитуляции в том, что касалось господства в более близком регионе. Правительство Коринфа, отторгнутое от дружественной Аргосу партии, лишенное аргейских помощников и теперь находившееся в руках восстановленных коринфских изгнанников, которые были самыми преданными приверженцами Спарты, обратилось к ней за поддержкой и сделало ее хозяйкой перешейки, как для нападения, так и для обороны. Таким образом, она получила возможность свободно действовать против Фив,

врага, на которого в первую очередь было направлено ее внимание. Теперь Фивы были объектом спартанской антипатии, не меньшей, чем ранее Афины; особенно со стороны царя Агесилая, который должен был отомстить за оскорбление, нанесенное ему во время жертвоприношения под Аулисом, а также за упорное сопротивление на поле Коронеи. Он находился в зените своего политического влияния, поэтому его сильные мизо-фиванские настроения заставляли Спарту, которая теперь становилась агрессивной со всех сторон, вдвойне агрессивно настроена против Фив. Более благоразумные спартанцы, такие как Анталкид, предупреждали его[68], что его настойчивая враждебность в конечном итоге разожжет в фиванцах смертельную энергию военного сопротивления и организации. Но это предупреждение было проигнорировано, пока оно не реализовалось в полной мере в развитии великого военного гения Эпаминонда и в поражении при Лейктре.

Я уже упоминал, что во время торжественного обмена клятвами по Анталкидову миру фиванцы сначала колебались, признавать ли автономию других беотийских городов; тогда Агесилай проявил яростное нетерпение исключить их из договора и напасть на них в одиночку. [69] Их своевременное присоединение помешало ему в этом порыве; но оно позволило ему приступить к ряду мер, крайне унижительных как для достоинства, так и для власти Фив. Все беотийские города были провозглашены автономными в соответствии с конвенцией. Спарта, как ходатай, гарант и толкователь этой конвенции, имела или считала себя вправе защищать их автономию от угроз, фактических или условных, со стороны их прежнего ворта или председательствующего города. Для этого она воспользовалась этим моментом перемен, чтобы организовать в каждом из них местную олигархию, состоящую из сторонников, враждебных Фивам, а также преданных ей, и поддерживаемую в случае необходимости спартанским гарнизоном. [70] Такая внутренняя революция почти естественно вытекала из ситуации; поскольку прежние лидеры и преобладающие настроения в большинстве городов, похоже, были благосклонны к беотийскому единству и продолжению председательства Фив. Поэтому при новой системе эти лидеры окажутся скованными, запуганными и дисквалифицированными, в то время как те, кто раньше составлял оппозиционное меньшинство, выступят со смелой и решительной политикой, как Критий и Ферамен в Афинах после сдачи города Лисандру. Новые лидеры, несомненно, скорее пригласят, чем оттолкнут создание спартанского хармоста в своем городе, чтобы обезопасить себя от сопротивления собственных граждан, а также от нападений со стороны Фив, и чтобы поставить их в гарантированные условия лисандровской декархии. Хотя большинство беотийских городов в целом были благосклонны к Фивам, и хотя Спарта добилась от них блага, которое она называла автономией, по своим собственным мотивам, а не по их просьбе, Орхомен и Феспии, над которыми, судя по всему, жестоко осуществлялось председательство Фив, были настроены против нее и благосклонны к спартанскому союзу. [71] Эти два города были сильно гарнизонырованы Спартой и являлись ее главными пунктами в Беотии. [72]

Наличие таких гарнизонов, по одному с каждой стороны Фив, - прекращение правления беотархов с разрывом всех символов и процедур беотийской федерации, - и установление в других городах олигархий, преданных Спарте, - несомненно, глубоко ранило гордость фиванцев. Но была и другая, еще более глубокая рана, и лакедемоняне немедленно приступили к ее нанесению - восстановлению Платеи.

Меланхолический интерес вызывает и местоположение этого города, как одной из самых ярких сцен греческой славы, и его храброе и верное население, ставшее жертвой уязвимого положения в сочетании с численной слабостью. Особенно с отвращением мы следим за капризными поворотами политики, которые диктовали спартанцам их поведение. За сто двадцать лет до этого платейцы бросились в Спарту, чтобы попросить у нее защиты от Фив. Спартанский царь Клеомен отказался от этого обязательства как от слишком далекого и посоветовал им вступить в союз с

Афинами.[73] Эта рекомендация, хотя и продиктованная главным образом желанием вызвать раздор между Афинами и Фивами, была выполнена, и союз, полностью отделив Платею от Беотийской конфедерации, оказался выгодным и почетным для нее вплоть до начала Пелопоннесской войны. В то время спартанцы стремились всячески поддерживать и укреплять господство Фив над беотийскими городами; именно благодаря спартанскому вмешательству власть Фив была восстановлена после великого прозябания и позора, которому она подверглась, будучи предательницей Эллады и ревностной служительницей Мардония.[74] Афины, с другой стороны, в то время делали все возможное, чтобы разрушить Беотийскую федерацию и записать ее различные города в свои союзники; этот проект, хотя, несомненно, был предложен и способствовал ее собственным амбициям, в то время (460-445 гг. до н.э.) был совершенно оправдан по общеэллинским соображениям; учитывая, что Фивы, как их бывший вождь, так недавно завербовали их всех на службу Ксерксу, и можно ожидать, что они сделают то же самое снова, если будет предпринято второе персидское вторжение. Хотя на некоторое время Афины добились успеха, они были изгнаны из Беотии поражением при Коронее, а в начале Пелопоннесской войны вся Беотийская федерация (кроме Платеи) объединилась под Фивами в ожесточенной враждебности против нее. Первый удар в войне, еще до ее объявления, нанесли Фивы в своей неудачной ночной попытке застать врасплох Платею. На третьем году войны царь Архидам во главе всего лакедемонского войска осадил этот город, который после героической обороны и долгой блокады сдался под натиском голода, но не раньше, чем половина его храбрых защитников перебралась через крепостную стену и бежала в Афины, где до осады благополучно укрылись все платейские старики, женщины и дети. В результате жестокого акта, который стоит в ряду главных беззаконий греческой войны, лакедемоняне предали смерти всех платейских пленников, числом двести человек, попавших в их руки; город Платея был разрушен, а вся его территория, присоединенная к Фивам, с тех пор оставалась возделанной на фиванский счет.[75] Афиняне отнеслись к оставшимся в живых платейцам доброжелательно и гостеприимно. В Афинах им было предоставлено право квалифицированного гражданства, а когда в 420 г. до н. э. был отвоеван Скионес, этот город (опустевший после резни пленных граждан) был передан платейцам в качестве резиденции.[76] Вынужденные эвакуироваться из Скионки, они были вынуждены в конце Пелопоннесской войны[77] вернуться в Афины, где оставшиеся из них проживали во время Анталкидского мира; они не надеялись, что те, кто разрушил их город и их отцов сорок лет назад, теперь повернутся и восстановят его[78].

Такое восстановление, на какие бы показные основания ни опирались спартанцы, на самом деле не было предпринято ни для выполнения Анталкидского договора, гарантировавшего только автономии *существующих* городов, ни для исправления прежней несправедливости, поскольку прежнее разрушение было преднамеренным актом их самих и царя Архидам, отца Агесилая, - а просто как шаг, способствующий нынешним политическим взглядам Спарты. И для этой цели он был искусно придуман. Он ослабил фиванцев, не только отняв у них то, что в течение сорока лет было частью их территории и собственности, но и создав на ней постоянный опорный пункт в оккупации их злейших врагов, поддерживаемый спартанским гарнизоном. С полного согласия новопоселенцев он стал дополнительным пунктом для такого гарнизона в Беотии. Более того, это стало предметом разногласий между Афинами и Фивами, что должно было помешать им в дальнейшем искренне сотрудничать против Спарты. Поскольку симпатии платейцев к Афинам были не менее древними и сердечными, чем их антипатии к Фивам, мы, вероятно, можем заключить, что восстановление города было актом, приемлемым для афинян; по крайней мере, вначале, пока они не увидели, как его используют, и какое положение Спарта стала занимать по отношению к Греции в целом. Многие из платейцев, жившие в Афинах, вступали в брак с афинскими женщинами,[79] которые теперь, вероятно, сопровождали своих мужей в восстановленный городок на севере Китерона, у южного берега реки Асоп.

Если бы платейцам была возвращена реальная и почетная автономия, которой они пользовались в союзе с Афинами до Пелопоннесской войны, мы бы сердечно сочувствовали этому событию. Но дальнейшее докажет - и их собственное последующее заявление с особой силой заявляет, - что они были всего лишь зависимой частью Спарты и форпостом спартанских операций против Фив.[80] Они были частью великой революции, которую спартанцы совершили в Беотии, в результате которой Фивы превратились из президента федерации в изолированный автономный город, а другие беотийские города, которые до этого были членами федерации, были возведены каждый сам по себе в такую же автономию; Или же (если подставить истинную правду[81] вместо спартанских заверений) они стали зачислены и присягнули как зависимые союзники Спарты, под властью олигархических фракций, преданных ее целям и опирающихся на ее поддержку. То, что фиванцы покорились такому перевороту, и, прежде всего, виду Платеи как независимого соседа с отделенной от них территорией, свидетельствует о том, как сильно они чувствовали собственную слабость и как непреодолимо в этот момент было превосходство их великого врага, извратившего в угоду своим амбициям народную приманку всеобщей автономии, которую давал Анталкидский мир. Вынужденные смириться, фиванцы ждали какого-то поворота судьбы, который позволил бы им вновь организовать Беотийскую федерацию, а их враждебные настроения по отношению к Спарте были не менее горькими от того, что их подавили. Спарта, со своей стороны, постоянно следила за тем, чтобы предотвратить воссоединение Беотии;[82] в чем она на некоторое время полностью преуспела, и даже смогла, сверх своих надежд, овладеть самими Фивами[83] благодаря партии предателей внутри, как будет показано далее.

В этих мерах, касающихся Беотии, мы видим энергичную руку и мизо-фиванский дух Агесилая. В это время он был главным руководителем спартанской внешней политики, хотя ему противостоял его более справедливый и умеренный коллега царь Агесиполид[84], а также часть ведущих спартанцев, которые упрекали Агесилая в том, что он собирается управлять Грецией с помощью подчиненных местных деспотий или олигархий в различных городах[85], и утверждали, что автономия, обещанная Анталкидским миром, должна быть оставлена для свободного развития, без какого-либо принудительного вмешательства со стороны Спарты[86].

Отнюдь не желая таким образом выполнить условия мира, которые они сами себе навязали, лакедемоняне воспользовались ранним моментом после освобождения от своих врагов в Беотии и Коринфе, чтобы напрячь свою власть над союзниками за ее прежние пределы.

Проанализировав[87] поведение каждого из них во время войны, они решили взять пример с города Мантинеи. Мантинейцам вменялись в вину некоторые поступки, но не враждебные, а двусмысленно верные. Их обвиняли в том, что они небрежно выполняли свои военные обязанности, иногда даже отказываясь от воинского контингента под предлогом религиозного перемирия; в том, что во время войны они поставляли кукурузу враждебным аргейцам; и в том, что они явно проявляли свое недовольство Спартой - раздражение по поводу каждого ее успеха и недовольство, когда ей случалось потерпеть поражение.[Спартанские эфоры отправили в Мантинею посланника, который осудил все подобное поведение и настоятельно потребовал, чтобы стены города были разрушены, как единственная гарантия будущего покаяния и исправления. Поскольку подчиниться им было отказано, они отправили армию, создав все союзные войска для приведения приговора в исполнение. Они поручили командование царю Агесиполису, так как Агесилай отказался от этой обязанности, сославшись на то, что мантинейцы оказали существенную услугу его отцу Архидаму в опасной мессенской войне, охватившей Спарту в начале его царствования[89].

Попытавшись сначала запугать мантинейцев разорением их земель, Агесиполид начал блокаду с рытья рва вокруг города; половина его солдат стояла на страже, а остальные работали лопатой.

Закончив рытьё рва, он приготовился возвести обводную стену. Но, узнав, что предыдущий урожай был настолько хорош, что в городе остался большой запас провизии, а процесс голодания стал утомительным как для Спарты, так и для ее союзников, он попытался найти более быстрый способ достижения своей цели. Так как река Офис, довольно широкая для греческой реки, проходила через середину города, он запрудил ее поток с нижней стороны;^[90] таким образом, она затопила внутреннюю часть города и поставила под угрозу прочность стен, которые, похоже, были не очень высокими и построены из обожженных солнцем кирпичей. Разочаровавшись в своем обращении за помощью к Афинам^[91] и не имея возможности обеспечить постороннюю поддержку для своих шатающихся башен, мантинейцы были вынуждены просить о капитуляции. Но Агесиполис отказался удовлетворить эту просьбу только при условии, что не только укрепления их города, но и сам город будут в значительной степени разрушены, а жители вновь распределены по тем пяти деревням, которые за много лет до этого были объединены в общий город Мантинею. На это мантинейцы также были вынуждены подчиниться, и капитуляция была ратифицирована.

Хотя в условиях капитуляции ничего не говорилось о вождях мантинейского демократического правительства, последние, сознавая, что их ненавидит как собственная олигархическая оппозиция, так и лакедемоняне, считали себя уверенными в том, что их предадут смерти. И такова была бы их судьба, если бы Павсаний (покойный царь Спарты, ныне находившийся в изгнании в Тегее), чьим добрым мнением они всегда пользовались, не добился в качестве личной услуги от своего сына Агесиполиса сохранения жизни самым отъявленным из них, числом шестьдесят, при условии, что они уйдут в изгнание. Агесиполис с большим трудом выполнил пожелание отца. Его лакедемонские солдаты стояли в оружии по обе стороны ворот, через которые выходили несносные люди; Ксенофонт отмечает как признак лакедемонской дисциплины, что они могли держать копья незанятыми, когда обезоруженные враги были в пределах их досягаемости; тем более что олигархические мантинеи проявляли самые кровожадные наклонности, и их было очень трудно контролировать.^[92] Как и в Пейреусе, так и здесь, в Мантинее, либеральный, но неудачливый царь Павсаний вмешивается в качестве посредника, чтобы смягчить ярость политических антипатий.

Город Мантинея был разрушен, а жители снова распределены по пяти составляющим его деревням. Из четырех пятых населения каждый человек снес свой дом в городе и отстроил его в той деревне, рядом с которой находился его участок. Оставшаяся пятая часть продолжала занимать Мантинею как деревню. Каждая деревня была передана под олигархическое управление и оставлена без укрепления. Хотя поначалу (говорит Ксенофонт) перемены были хлопотными и неприятными, но потом, когда люди стали жить в своих земельных владениях, - а еще больше, когда они почувствовали себя избавленными от назойливых демагогов, - новое положение стало более популярным, чем старое. Лакедемоняне были еще более довольны. Вместо одного города Мантинеи в каталог их союзников теперь были занесены пять отдельных аркадских деревень. Каждому из них был назначен отдельный ксенаг (спартанский офицер, призванный командовать каждым союзным контингентом), и военная служба всех отныне проходила с максимальной регулярностью^[93].

Так был расчленен или разрезан на части древний город Мантинея; это один из самых одиозных актов бесцеремонного спартанского деспотизма. Его истинный характер скрыт пристрастностью историка, который рассказывает о нем с уверенностью, что после того, как хлопоты по переезду были окончены, население почувствовало, как оно изменилось в лучшую сторону. Такому заверению можно верить только на том основании, что, будучи пленниками по греческим законам войны, они могли быть благодарны за то, что избежали более страшных обязательств - смерти или личного рабства - ценой утраты своей гражданской общности. О том, что их чувства по

отношению к этой перемене были искренне неприязненными, свидетельствует их последующее поведение после битвы при Лектре. Как только страх перед Спартой был снят, они с единомышленным порывом собрались вместе, чтобы восстановить и укрепить свой разрушенный город. ^{94]} Было бы странно, если бы дело обстояло иначе; ведь привязанность к гражданской общине была самым сильным политическим инстинктом греческого ума. Горожанин был против - часто, к большому несчастью, против того, чтобы ставить под угрозу отдельную и автономную работу своей общины, присоединяясь к любой более крупной политической комбинации, какой бы справедливой она ни была, и как бы она ни обещала в целом повышение эллинского достоинства. Но еще сильнее он боялся мысли о том, чтобы разбить свой город на отдельные деревни и поменять характер гражданина на характер деревенского жителя, что в глазах греков в целом, не исключая и спартанцев, было не чем иным, как большой социальной деградацией^[95].

По правде говоря, приговор, вынесенный спартанцами Мантинее, был как по бесчестию, так и по лишениям, одним из самых суровых, какие только можно было нанести свободным грекам. Вся отличительная слава и превосходство эллинизма, все интеллектуальные и художественные проявления, вся литература и философия, утонченная и рациональная социальность зависели от городской жизни народа. И влияние Спарты в период ее империи было особенно пагубным и ретроградным, так как она стремилась не только разложить федерации, такие как Беотия, на изолированные города, но даже разложить подозреваемые города, такие как Мантинея, на деревни; все это для того, чтобы сделать каждую из них исключительно зависимой от себя. Афины в период своей империи не оказывали подобного разъединяющего влияния; тем более Фивы, которые, как мы увидим в дальнейшем, активно участвовали в основании новых и великих городов Мегалополя и Мессены. Имперские тенденции Спарты хуже, чем у Афин и Фив; она в меньшей степени опирается на улучшающие или панэллинские симпатии и наиболее систематически опирается на подчиненные фракции в каждом подчиненном городе. В самом обращении с Мантинеей, о котором мы только что рассказали, ясно видно, что нападение Спарты было если не изначально приглашено, то, по крайней мере, приветствовано олигархической партией этого места, которая стремилась захватить власть в свои руки и расправиться со своими политическими противниками. В первом они полностью преуспели, и их власть, вероятно, была более уверенной в пяти деревнях, чем во всем городе. Во втором случае ничто не помешало им добиться успеха, кроме случайного вмешательства изгнанника Павсания; случайность, которая одна спасла спартанское имя от дополнительного позора политической резни, помимо длительной одиозности, вызванной самим актом; разрушив древний автономный город, который не проявил ни одного акта открытой вражды и был настолько умеренным в своих демократических проявлениях, что удостоился похвальной критики судей, весьма несклонных к демократии в целом. [За тридцать лет до этого, когда Мантинея завоевала некоторые соседние аркадские районы и вела настоящую войну со Спартой за их сохранение, победившие спартанцы требовали лишь сокращения города до его первоначального района;^[97] теперь же они довольствовались лишь разделом города на неукрепленные деревни, хотя никакой настоящей войны перед этим не было. За это время спартанская власть, равно как и спартанские деспотические наклонности, сильно прогрессировали.

Общий язык Исократ, Ксенофонт и Диодор^[98] указывает на то, что эта суровость по отношению к Мантинее была лишь самой строгой из целого ряда мер, которые лакедемоняне распространяли на всю свою конфедерацию и применяли ко всем ее членам, которые давали им повод для недовольства или недоверия. В течение десяти лет после сдачи Афин они были владыками греческого мира как на суше, так и на море, с могуществом, которым никогда не обладало ни одно греческое государство; пока битва при Книде и объединение Афин, Фив, Аргоса

и Коринфа, поддержанное Персией, не разрушили их империю на море и не поставили ее под угрозу на суше. В конце концов Анталкидский мир, привлечший Персию на их сторону (ценой свободы азиатских греков), позволил им распустить враждебную комбинацию против них. Общая автономия, о которой они толковали, означала не более чем отделение беотийских городов от Фив, а Коринфа от Аргоса, и ни в коем случае не распространялась на отношения между Спартой и ее союзниками. Освободив таким образом руки, лакедемоняне постарались поднять свое господство на суше до того уровня, на котором оно находилось до битвы при Книде, и даже восстановить, насколько это было возможно, свою империю на море. Вернуть господство, подобное лисандрийским гарогам и декархиям, и воссоздать местную олигархию из своих самых преданных сторонников в каждом из тех городов, где правительство было несколько либерализовано во время недавней войны, - такова была их систематическая политика.

Те изгнанники, которые подверглись осуждению сограждан за раболепие перед Спартой, теперь находили удобное время для обращения к спартанскому вмешательству, чтобы добиться своего возвращения. Таким образом, изгнанные политические лидеры из Флиуса, чьей большой заслугой было то, что город под их управлением ревностно служил Спарте, но теперь стал вялым или даже недовольным в руках их противников, получили от эфоров послание, вежливое по форме, но авторитетное по сути, адресованное флисийцам, с требованием восстановить изгнанников, как друзей Спарты, изгнанных без справедливой причины^[100].

В то время как спартанская власть в течение нескольких лет после заключения Анталкидского мира находилась в решительном движении на суше, предпринимались также усилия по ее восстановлению на море. Несколько Кикладских и других мелких островов были вновь переданы в подчинение. Однако в этой последней сфере Афины стали ее конкурентом. После заключения мира и восстановления Лемноса, Имброса и Скироса, а также укрепленного Пирея с его Длинными стенами, афинская торговля и военно-морская мощь возрождались, хотя и медленными и скромными шагами. Как и военно-морские силы Англии по сравнению с Францией, воинственный флот Афин опирался на значительный торговый флот, которого в Лаконии почти не было. В Спарте не было моряков, кроме стесненных гелотов или платных иностранцев,^[101] в то время как торговля Пейреуса требовала и поддерживала многочисленное население такого рода. Пирейская гавань была удобной в плане размещения и хорошо снабженной ремесленниками, в то время как в Лаконии было мало ремесленников, а гавани, как известно, отсутствовали.^[102] Таким образом, в этом морском соревновании Афины, хотя и были лишь тенью себя прежней, имели преимущество перед Спартой, и, несмотря на превосходство последней на суше, могли соперничать с ней в приобретении зависимых островов Эгейского моря. Для этих последних, не имевших собственного морского флота и нуждавшихся (как и сами Афины) в постоянных поставках импортной кукурузы, было важно получить как доступ к Пейрею, так и защиту афинских трирем от той своры пиратов, которая объявилась после Анталкидского мира, когда еще не было господствующего морского государства; Кроме того, рынок Пирея часто снабжался иностранной кукурузой из Крыма, благодаря предпочтению, оказанному князьями Босфора Афинам, в то время, когда суда из других мест не могли получить никакого груза. [Умеренная дань, выплачиваемая Афинам, обеспечила бы острову-притоку большие преимущества, чем если бы он платил Спарте, - по крайней мере, равную защиту. Вероятно, влиянию Афин на жителей этих островов способствовало и то, что она руководила праздниками и выдавала средства на содержание священного храма на Делосе. По сохранившимся надписям мы знаем, что крупные суммы под проценты из сокровищницы храма брали не только отдельные жители островов, но и все вместе - Наксос, Андрос, Тенос, Сифнос, Серифос. Совет Амфикитии, выдававший эти ссуды (или, по крайней мере, председательствовавший в нем), состоял из

афинян, ежегодно назначаемых в Афинах. [104](#)] Более того, жители этих островов оказывали религиозную почесть и участвовали в Делийских праздниках, и таким образом попадали в сферу центрального афинского влияния, способного при благоприятных обстоятельствах укрепиться и стать даже политически значимым.

Благодаря такой помощи Афины постепенно приобретали вторую морскую конфедерацию, которая, как мы вскоре увидим, имела большое значение, хотя никогда не приближалась к величию ее прежней империи; так, в 380 году до н.э, когда Исократ опубликовал свое "Панегирическое рассуждение" (через семь лет после Анталкидского мира), хотя ее общая мощь все еще была слабой по сравнению с превосходящей мощью Спарты, [105](#)] но ее флот уже достиг такого прогресса, что он требует для нее права принять командование на море в том крестовом походе, который он настойчиво поддерживает, Афины и Спарта в гармоничном единстве во главе всей Греции против азиатских варваров [106](#)].

Похоже, что через несколько лет после заключения Анталкидского мира Спарте стало стыдно за то, что она сдала азиатских греков Персии, а царь Агесиполис и другие ведущие спартанцы поддержали идею новой греческой экспедиции в Азию в соответствии с предложениями некоторых недовольных подданных Артаксеркса. [107](#)] На каком-то таком проекте, обсуждавшемся в настоящее время, но так и не реализованном, Исократ, вероятно, построил свою Панегирическую ораторию, написанную в возвышенном тоне патриотического красноречия (380 г. до н. э.), чтобы стимулировать Спарту и Афины в этом деле и призвать их, как совместных вождей Греции, приостановить раздоры дома ради великого панэллинского выступления против общего врага за рубежом. Но какие бы идеи такого рода ни вынашивали спартанские вожди, их внимание было отвлечено около 382 года до н. э. движениями в более отдаленном регионе греческого мира, которые привели к важным последствиям.

С 414 года до н. э. (когда афиняне были заняты осадой Сиракуз) мы ничего не слышали ни о царях Македонии, ни о халкидских греческих городах на полуострове Фракия, примыкающем к Македонии. До этого года Афины все еще сохраняли часть своей морской империи в этих регионах. Платеяне все еще владели Скионом (на Палленском перешейке), который она им выделила; афинский адмирал Эвтион при поддержке многих наемных фракийцев и даже македонского царя Пердикки предпринял бесплодную осаду Амфиполя на Стримоне. [108](#)] Но роковая катастрофа в Сиракузах лишила Афины возможности поддерживать столь отдаленные интересы, и они были потеряны для нее вместе с остатками империи, - возможно, еще раньше, хотя мы не знаем, каким образом. В то же время, в последние годы Пелопоннесской войны, царство Македонии значительно усилилось; отчасти, как мы можем предположить, из-за беспомощного состояния Афин, но еще больше благодаря способностям и энергии Архелая, сына и преемника Пердикки.

Порядок престолонаследия среди македонских князей, похоже, не был урегулирован, поэтому после смерти некоторых из них возникали споры и кровопролитие. Кроме того, существовали отдельные племена македонян, которые, хотя и входили, реально или номинально, в состав владений князей Теменидов, тем не менее, сразу же подчинялись отдельным, но подчиненным им князьям. Правление Пердикки было беспокойным. В первую очередь он лишил короны своего родного брата Алкетаса, который, насколько мы можем судить, имел больше прав на нее; затем он также изгнал своего младшего брата Филиппа из подчиненного ему княжества. Восстановить Аминтаса, сына Филиппа, было одной из целей фракийского принца Ситалкеса в экспедиции, предпринятой совместно с Афинами на втором году Пелопоннесской войны. [110](#)] После смерти Пердикки (около 413 г. до н. э.) его старший или единственный законный сын был ребенком семи лет; но его естественный сын [111](#)] Архелай был в зрелом возрасте и с беспринципными амбициями. Свергнутый Алкетас был еще жив, и теперь у него были большие

шансы вновь утвердиться на троне; Архелай, пригласив его и его сына под предлогом, что он сам добьется их восстановления, убил их обоих в опьянении на пиру. Затем он умертвил мальчика, своего законного брата, задушив его в колодце, и благодаря этим преступлениям стал царем. Однако его правление было настолько энергичным и умелым, что Македония достигла такой степени военной мощи, какой не обладал ни один из его предшественников. Его войска, военное снаряжение и укрепленные места были значительно увеличены в численности; кроме того, он проложил прямые дороги сообщения между различными частями своей территории, - новшество, казалось, повсеместное в то время.^[112] Помимо такой улучшенной организации (о которой, к сожалению, нам не дано знать подробно), Архелай основал великолепный периодический Олимпийский фестиваль в честь олимпийского Зевса и муз^[113] и поддерживал переписку с поэтами и философами Афин. Он уговорил трагических поэтов Еврипида и Агатона, а также эпического поэта Херила посетить его в Македонии, где к Еврипиду отнеслись с особой благосклонностью и щедростью,^[114] оставаясь там до своей смерти в 406 или 405 году до н.э. Архелай также пригласил Сократа, который отклонил приглашение, но, похоже, проявил некоторую благосклонность к Платону.^[115] Он погиб в том же году, что и Сократ (399 г. до н. э.), насильственной смертью; двое фессалийских юношей, Кратеус и Элланократ, вместе с македонцем по имени Декамних, были его убийцами во время охотничьей пирушки. Первые двое были юношами, к которым он был сильно привязан, но чье достоинство он уязвил оскорбительным обращением и невыполнением обещаний; третий был македонянином, который за обидное замечание о дурном запахе изо рта Еврипида был отдан по приказу Архелая поэту, чтобы его за это выпороли. Еврипид действительно привел приговор в исполнение, но только через шесть лет после его смерти Декамних, который не забыл и не простил оскорбления, нашел возможность отомстить, подстрекая и помогая убийцам Архелая^[116].

Эти инциденты, пересказанные на основании авторитета Аристотеля и относящиеся как к македонскому царю Архелая, так и к афинскому гражданину и поэту Еврипиду, иллюстрируют политический контраст между Македонией и Афинами. В первых правительство полностью личное, зависящее от страстей, вкусов, appetитов и возможностей царя. Честолюбие Архелая приводит как к его преступлениям при завоевании трона, так и к улучшению организации военной силы государства впоследствии; его восхищение поэтами и философами Афин заставляет его горячо сочувствовать Еврипиду и обеспечивать последнему личное удовлетворение за оскорбительное замечание; его appetиты, смешивая свободу с оскорблением, заканчиваются тем, что он навлекает на себя личных врагов грозного характера. *Государство - это я* - отмечено во всей серии разбирательств; личность монарха является определяющим элементом. Сейчас в Афинах такого элемента нет. С одной стороны, нет простого способа применить власть энергичного вождя для улучшения военной организации, - что Афины, к своему стыду, обнаружили, когда на них напал Филипп, преемник Архелая после некоторого перерыва и во многих отношениях параллельный ему. Но, с другой стороны, ни личные вкусы, ни appetиты отдельного афинянина не являются активными причинами в движении общественных дел, которое определяется установленным законом и выраженными настроениями всего общества граждан. Каким бы грубым ни было оскорбление, нанесенное Еврипиду в Афинах, дикасты никогда бы не приговорили к тому, чтобы отдать обидчика на поругание. Они назначили бы такую меру наказания, какой, по их мнению, требовал характер проступка и действующий закон. Политические меры или судебные приговоры в Афинах могли быть хорошо или плохо продуманными; но в любом случае они всегда диктовались известным законом и общественными представлениями о государственных интересах, достоинстве и обязанностях, без явного вмешательства личности какого-либо человека. Для Еврипида, который всю жизнь был объектом нападок Аристофана и других комических писателей и вынужден был выслушивать в переполненном театре насмешки, куда более язвительные, чем те, что приписываются Декамниху, контраст, должно быть, был действительно разительным, когда по приказу его нового

покровителя обидчик был передан ему, а плеть предоставлена в его распоряжение. И для его чести мало значения имеет то, что он воспользовался этой привилегией, вызвав реальное исполнение наказания, которое он никогда не видел, чтобы применялось в течение пятидесяти лет его прошлой жизни к любому свободному афинскому гражданину.

Кратеус продержался не более трех-четырёх дней, после чего на трон был посажен Орест, сын Архелая, ребенок, под опекой Эропа. Последний, однако, спустя примерно четыре года расстался со своим подопечным и царствовал вместо него в течение двух лет. Затем он умер от болезни, и его сменил сын Павсаний, который, процарствовав всего один год, был убит и сменил Аминтаса.^[117] Этот Аминтас (прославленный как отец Филиппа и дед Александра Македонского), хотя и принадлежал к царскому роду, был не более чем слугой Эропа,^[118] пока не сделал себя царем, предав смерти Павсания. [Он царствовал, хотя и с перерывами, двадцать четыре года (393-369 гг. до н. э.); по большей части это были годы бед и унижений для Македонии и периодических изгнаний для него самого. Энергичная военная организация, введенная Архелаем, похоже, пришла в упадок; а частые свержения и убийства царей, начавшиеся еще с Пердикки, отца Архелая, и продолжавшиеся вплоть до Аминта, ослабили центральную власть и разобщили различные части македонской фамилии, которые, естественно, стремились к разделению и могли держаться вместе только твердой рукой.

Внутренние области Македонии граничили с севером, северо-востоком и северо-западом с воинственными варварскими племенами, фракийцами и иллирийцами, чьи вторжения были нередкими и часто грозными. Соблазненные, вероятно, неустойчивым положением правительства, иллирийцы нахлынули на Аминтаса в первый год его правления; возможно, их пригласили другие князья внутренних областей,^[120] и в любом случае их приход послужил сигналом для недовольных заявить о себе. Аминтас, получивший скипетр лишь за несколько месяцев до этого, убив своего предшественника, и не имевший достаточного влияния на народ, не только не смог отразить их, но и был вынужден эвакуировать Пеллу и даже вообще удалиться из Македонии. Отчаявшись в своем положении, он передал олинфянам большую часть соседней территории - Нижнюю Македонию или побережье и города вокруг Термического залива.^[121] Поскольку эта уступка представлена как сделанная в момент его бедственного положения и изгнания, мы можем справедливо подозревать, что она была сделана за какую-то взаимную выгоду или ценный эквивалент; в котором Аминтас вполне мог нуждаться в момент такой крайней необходимости.

Именно по этому случаю мы снова начинаем слышать о халкидцах из Олинфа и конфедерации, которую они постепенно объединили вокруг своего города как центра. Начало конфедерации, похоже, положила эта уступка Аминтаса - или, правильнее сказать, его отречение от престола; ведь уступка того, что он не мог удержать, имела сравнительно небольшое значение, и мы увидим, что он попытался возобновить ее, как только обрел силу. Следствием его бегства стало разрушение правительства Нижней или Приморской Македонии и оставление расположенных в ней городов беззащитными перед иллирийцами или другими захватчиками из внутренних районов. Единственным шансом на безопасность для этих городов было броситься на помощь греческим городам на побережье и организовать совместно с ними конфедерацию для взаимной поддержки. Среди всех греков на этом побережье самыми упорными и настойчивыми (так они показали себя в своих прежних спорах с Афинами, когда находились на вершине своего могущества), а также самыми близкими были халкидяне из Олинфа. Эти олинфяне выступили вперед, взяли в свой союз и под свою защиту небольшие города приморской Македонии, расположенные непосредственно рядом с ними, и вскоре расширили свою конфедерацию так, что охватили все крупные города этой области, включая даже Пеллу, самый значительный город страны.^[122] Поскольку они начали это предприятие в то время, когда иллирийцы хозяйничали в

стране, чтобы довести Аминта до отчаяния и бегства, мы можем быть уверены, что оно стоило им серьезных усилий, не без большой опасности в случае неудачи. Мы также можем быть уверены, что сами города должны были охотно, не говоря уже о желании, стать коадьюторами; подобно тому, как островитяне и азиатские греки прилепились к Афинам при первом образовании Делосской конфедерации. Олинфяне не смогли бы силой и против воли жителей завоевать даже менее значительные македонские города, а тем более Пеллу.

Как иллирийцы были вынуждены отступить, и какими методами была собрана конфедерация, нам не дано знать. Наши сведения (к сожалению, очень краткие) получены от акантийского посланника Клейгенаса, выступавшего в Спарте примерно через десять лет после этого (383 г. до н. э.) и в нескольких словах описавшего конфедерацию в том виде, в каком она тогда существовала. Но есть одно обстоятельство, которое этот свидетель, сам враждебно настроенный к Олинфу и пришедший просить спартанской помощи против него, убедительно подтверждает: равные, великодушные и братские принципы, на которых олинфяне строили свою схему с самого начала. Они не представляли себя как имперский город, набирающий в свои ряды зависимых союзников, а предлагали каждому отдельному городу принять общие законы и взаимное гражданство с Олинфом, с полной свободой браков, торговых операций и землевладения. То, что македонские города, расположенные у моря, приняли такое либеральное предложение, исходящее от самого могущественного из их греческих соседей, не может нас удивить, особенно в то время, когда они подвергались нападению иллирийских захватчиков и когда Аминтас бежал из страны. До сих пор они всегда были подданными; [\[123\]](#) их города не (как греческие города) пользовались автономией в собственных стенах; предложение, сделанное им теперь олинфянами, было свободой в обмен на их прошлое подчинение македонским царям, в сочетании с силой, достаточной для их защиты от иллирийских и других захватчиков. Возможно, в этих различных городах - Антеме, Термах, Халастре, Пелле, Алоре, Пидне и т. д. - среди коренного населения могла быть определенная доля греческих жителей, для которых предложение олинфян было бы особенно приемлемым.

Таким образом, мы можем понять, почему предложение Олинфа было с радостью принято македонскими приморскими городами. Они были первыми, кто присоединился к конфедерации в качестве добровольных партнеров; заложив эту основу, олинфяне стали расширять ее, делая такие же либеральные предложения греческим городам, расположенным по соседству. Некоторые из них присоединились добровольно, другие побоялись отказаться, так что в конфедерацию вошло значительное число греков, особенно Потидея, расположенная на Палленском перешейке и обеспечивающая сообщение между городами Палленского полуострова и континентом. Олинфяне со скрупулезной искренностью проводили в жизнь исповедуемые ими принципы равного и тесного партнерства, избегая любых посягательств или оскорбительного преобладания в пользу своего города. Но, несмотря на эту либеральную процедуру, они обнаружили среди своих греческих соседей препятствия, которых не испытывали со стороны македонян. Каждый из греческих городов привык к своей городской автономии и отдельному гражданству, со своими особыми законами и обычаями. Все они были привязаны к такой самостоятельной политической жизни одним из самых стойких и универсальных инстинктов греческого ума; все они с неохотой отказались бы от нее, даже согласившись войти в Олинфскую конфедерацию с ее щедрыми обещаниями, расширенной безопасностью и очевидными преимуществами; были даже такие, кто, презрев все перспективные соображения, отказывался изменить свое положение иначе, как на острие меча.

Среди последних были Акант и Аполлония, крупнейшие города (после Олинфа) на Халкидском полуострове и, следовательно, наименее способные к самостоятельности. К ним олинфяне не обращались, пока не привлекли в свою конфедерацию значительное число других греческих, а

также македонских городов. Тогда они предложили Аканту и Аполлонии войти в их состав на тех же условиях равного союза и согражданства. Отклонив это предложение, они отправили второе послание, в котором намекнули, что если оно не будет принято в течение определенного времени, то они будут добиваться его выполнения принудительными мерами. Военная сила олинфской конфедерации была уже настолько мощной, что Акант и Аполлония, неспособные противостоять ей без иностранной помощи, отправили в Спарту посланников, чтобы изложить положение дел на Халкидском полуострове и попросить вмешательства против Олинфа.

Их посольство достигло Спарты около 383 г. до н. э., когда спартанцы, разбив город Мантинею на деревни и объединив Флию, были в полной власти над Пелопоннесом и когда они также распустили Беотийскую федерацию, разместив в Платее и Феспии гармосты для сдерживания любого движения Фив. Аканфянин Клейгенес, обращаясь к собранию спартанцев и их союзников, нарисовал тревожную картину недавнего роста и перспективных тенденций Олинфа, призывая Спарту вмешаться в борьбу с этим городом. Олинфская конфедерация (по его словам) уже состояла из многих городов, малых и великих, как греческих, так и македонских, - Эминтас потерял свое царство. Ее военная мощь, даже в настоящее время большая, росла с каждым днем.^[124] Территория, включающая большую площадь плодородных кукурузных земель, могла содержать многочисленное население. Древесина для строительства кораблей была совсем рядом, а многочисленные гавани городов-конфедератов обеспечивали процветающую торговлю и стабильный доход от таможенных пошлин. Соседние фракийские племена можно было легко держать в добровольной зависимости и тем самым увеличивать военную силу Олинфа; даже золотые рудники горы Пангея быстро оказались бы в пределах ее уверенной досягаемости. "Все, что я вам сейчас говорю (такова была суть его речи), является предметом всеобщего обсуждения среди олинфян, которые полны надежд и уверенности. Как можете вы, спартанцы, которые всеми силами стараются предотвратить объединение беотийских городов, допустить объединение столь грозной как на суше, так и на море силы, как олинфская? Туда уже отправлены посланники из Афин и Фив, а олинфяне постановили отправить посольство в обмен на заключение союза с этими городами; следовательно, ваши враги получают большую дополнительную силу. Мы, жители Аканта и Аполлонии, отказавшись от предложения добровольно присоединиться к конфедерации, получили уведомление, что, если мы будем упорствовать, они будут нас принуждать. Но если мы не сможем получить от вас помощь, то будем вынуждены присоединиться к ним, как это уже сделали несколько других городов, не посмевших отказаться; города, которые отправили бы посланников вместе с нами, если бы не боялись обидеть олинфян. Эти города, если вы вмешаетесь немедленно и с мощной силой, сейчас же восстанут из новой конфедерации. Но если вы отложите свое вмешательство и дадите конфедерации время поработать, их настроения вскоре изменятся. Их свяжет в единое целое совместное проживание, браки и взаимные земельные владения, которые уже были введены в действие в перспективе. Все они убедятся, что у них есть общий интерес и в принадлежности к конфедерации, и в ее укреплении, - подобно тому как аркадяне, следуя за вами, спартанцами, в качестве союзников, получают возможность не только сохранить свою собственность, но и грабить чужую. Если из-за вашего промедления привлекательные тенденции конфедерации вступят в силу, вы вскоре обнаружите, что не в ваших силах ее распустить".

Эта речь акантийского посланника примечательна не только в одном отношении. Прозвучавшая из уст врага, она является лучшим из всех свидетельств либерального и всеобъемлющего духа, в котором действовали олинфяне. Их обвиняют - не в несправедливости, не в корыстных амбициях, не в унижении окружающих, а буквально - в организации нового партнерства на слишком щедрых и соблазнительных принципах; в мягкой замене, вместо насильственного разрушения барьеров между различными городами, взаимными узами собственности и семьи между гражданами каждого из них; в объединении их всех в новую политическую совокупность, в которой не только

все будут пользоваться равными правами, но и все без исключения будут в выигрыше. Преимущество, как в безопасности, так и во власти, которое в перспективе получают все, не только признается оратором, но и стоит в первых рядах его аргументов. "Поспешите разбить конфедерацию (внушает он Спарте), пока ее плоды еще не созрели, чтобы конфедераты никогда не попробовали их и не узнали, насколько они хороши; ведь если они это сделают, вы не сможете убедить их отказаться от них". Подразумевая это, он также допускает, - а он не говорит ничего, что могло бы вызвать сомнение, - что города, которые он представляет, Акант и Аполлония, разделят с остальными эту же выгоду. Но греческий политический инстинкт все же преобладал: "Мы хотим сохранить наши отцовские законы и быть самостоятельным городом". Таким образом, возражение было высказано в голом виде, в то время как вопрос заключался не в том, должен ли Акант потерять свою свободу и стать подвластным имперскому городу, такому как Афины, а в том, должен ли он стать свободным и равным членом более крупной политической совокупности, скрепленной всеми связями, которые могли бы сделать союз безопасным, выгодным и достойным. Любопытно наблюдать, как прекрасно оратор осознает, что это отвращение, хотя и преобладающее в данный момент, все же преходящее и сменится привязанностью, когда союз станет реальностью; и как горячо он призывает Спарту не терять времени на сдерживание отвращения, пока оно длится. Он обращается к ней не ради каких-то благотворных или общеэллинских целей, а в интересах ее собственного господства, которое требовало, чтобы греческий мир был как бы раздроблен на мельчайшие, самостоятельно действующие атомы, лишенные целостности, - чтобы каждый город или каждая деревня, будучи защищенными от подчинения другим, были лишены возможности равного политического союза или слияния с любым другим, будучи, таким образом, более беспомощными и зависимыми по отношению к Спарте.

Не только из Аканта и Аполлонии, но и от лишенного власти македонского царя Аминта в Спарту прибыли посланники с просьбой о помощи против Олинфа. Похоже, что Аминтас, оставив царство и уступив его олинфянам, получил помощь из Фессалии и попытался восстановить себя силой. В этом плане он потерпел неудачу, потерпев поражение от олинфян. В самом деле, мы находим еще одного человека по имени Аргеус, который упоминается как претендент на македонский скипетр и владел им в течение двух лет[128].

Выслушав этих просителей, лакедемоняне сначала заявили о своей готовности исполнить мольбу и низложить Олинфа; затем они поставили этот вопрос на голосование собравшихся союзников[129]. Среди последних не было искренней антипатии к олинфам, подобной той, что преобладала против Афин перед Пелопоннесской войной, в синоде, состоявшемся тогда в Спарте. Но власть Спарты над своими союзниками теперь была намного больше, чем тогда. Большинство их городов находились под властью олигархий, зависящих от ее поддержки в вопросах власти над своими согражданами; кроме того, недавние события в Беотии и в Мантинее послужили серьезным средством устрашения. Стремление сохранить расположение Спарты было первостепенным, поэтому большинство ораторов, как и большинство голосов, объявили войну,[130] и было решено собрать армию в десять тысяч человек. Для пополнения армии каждому конфедерату был назначен пропорциональный контингент, а также впервые добавлена оговорка, что каждый может предоставить деньги вместо людей, из расчета три эгинеийских обол (половина эгинеийской драхмы) за каждого гоплита. Солдат-кавалерист в тех городах, которые его предоставляли, считался равным четырем гоплитам; один гоплит - двум пельтастам; или денежный взнос по той же шкале. Все города, не выполнившие это требование, были обязаны выплачивать штраф в размере одного статера (четыре драхмы) в день за каждого непосланного солдата; штраф должен был взиматься Спартой.[131] Такая лицензированная замена денежной оплаты на личную службу, как я уже описывал, имела место почти за столетие до этого в Делосской конфедерации под председательством Афин. [132] Эта система вряд ли могла широко

применяться среди спартанских союзников, которые были одновременно беднее и воинственнее афинских. Но в обоих случаях она отвечала амбициям ведущего государства, и здесь проявляется тенденция к тому, чтобы формальностью публичной резолюции санкционировать усиление лакедемонского превосходства, которое уже росло на практике.

Акантийские посланники, выражая удовлетворение только что принятым голосованием, намекнули, что сбор этих многочисленных контингентов займет некоторое время, и снова настаивали на необходимости немедленного вмешательства, даже с небольшими силами; прежде чем олинфяне найдут время, чтобы привести свои планы в действие или оценить их в окрестных городах. Умеренные лакедемонские силы (говорили они), если их немедленно направить, не только удержат тех, кто отказался присоединиться к Олинфу, в силе, но и побудят других, присоединившихся неохотно, к восстанию. Поэтому эфоры сразу же назначили Евдамида, выделив ему две тысячи гоплитов - неодамодов (или бесправных гелотов), периезов и скиритов, или аркадских пограничников. Акантийцы так стремились к поспешности, что не позволили ему медлить даже для того, чтобы собрать все это умеренное войско. Он немедленно выступил в поход с теми, кто был готов, а его брат Фибидас остался позади, чтобы собрать остальных и последовать за ним. И, похоже, акантийцы рассудили правильно. Ибо Евдамид, прибыв во Фракию после быстрого марша, хотя и не смог противостоять олинфянам в поле, все же побудил Потидею восстать от них и смог защитить те города, такие как Акант и Аполлония, которые решительно стояли в стороне.^[133] Аминтас привел с собой отряд для сотрудничества с ним.

Задержка в походе Фибидаса привела к последствиям не менее важным, чем неожиданным. Прямой путь из Пелопоннеса в Олинф пролегал через территорию фиванцев; фиванцы, как бы они ни хотели, не были достаточно сильны, чтобы отказаться, хотя и заключили союз с Олинфом^[134], и хотя было объявлено, что ни один фиванский гражданин не должен присоединиться к лакедемонскому войску. Евдамид, выехав в мгновение ока, без остановки прошел через Беотию, направляясь во Фракию. Но было известно, что его брат Фибид вскоре последует за ним, и на этом основании фило-лаконская партия в Фивах организовала заговор.

Они добились от эфоров и от мизо-фиванцев Агесилая тайных приказов Фибиду, чтобы он сотрудничал с ними в любом партийном движении, которое они найдут возможность осуществить;^[135] и когда он остановился со своим отрядом у гимнасия, немного в стороне от стен, они согласовали с ним дела так же хорошо, как и между собой. Леонтиад, Гипатес и Архиас возглавляли в Фивах партию, благосклонную к Спарте; эта партия была в меньшинстве, но все еще сильна и в этот момент настолько усилилась благодаря беспредельному возвышению спартанского имени, что сам Леонтиад был одним из полемархов города. Среди антиспартанских, или преобладающих, настроений в Фивах, к которым относилось большинство богатых и деятельных граждан, а также те, кто последовательно занимал посты гиппархов или генералов конницы,^[136] лидерами были Исмений и Андроклеид. Первый, особенно выдающийся, а также самый искусный проводник последней войны против Спарты, теперь занимал пост полемарха вместе со своим соперником Леонтиадом.

В то время как Исмения, ненавидя спартанцев, держалась в стороне от Фибидаса, Леонтиад усердно ухаживал за ним и завоевал его доверие. В день Фесмофории - религиозного праздника, отмечаемого женщинами отдельно от мужчин, во время которого акрополь или Кадмея освящались исключительно для их использования, - Фибидас, полагая, что он закончил свой привал, выступил в поход и направился как бы во Фракию; кажется, он обогнул стены Фив, но не вошел в них. Сенат как раз собрался в портике агоры, и жара летнего полудня выгнала всех на улицы, когда Леонтиад, ускользнув от сената, поспешил на коне догнать Фив, заставил его повернуться лицом к городу и повел лакедемонян прямо к Кадмее, ворота которой, как и городские, были открыты по его приказу как полемарха. На улицах не было не только ни одного

горожанина, но даже и в Кадмее; ни одному мужчине не разрешалось присутствовать на женской Фесмофории, так что Фибид со своим войском овладел Кадмеей без малейшего сопротивления. В то же время они стали обладателями не менее важного приобретения - лиц всех собравшихся фиванских женщин, которые служили заложниками за спокойное, пусть и неохотное, подчинение граждан в нижнем городе. Леонтиад передал Фибиду ключ от ворот, а затем спустился в город, приказав, чтобы никто не поднимался без его приказа[138].

Собравшийся сенат с тревогой узнал о захвате акрополя Фибидом. Не успели сенаторы ничего обсудить, как Леонтиад спустился вниз, чтобы занять свое место. Лохаги и вооруженные граждане его партии, которым он ранее отдал приказ, стояли неподалеку. "Сенаторы, - сказал он, - не пугайтесь известия о том, что спартанцы находятся в Кадмее; ведь они уверяют нас, что не имеют враждебных намерений против того, кто не затевает против них войны. Но я, как полемарх, уполномочен законом схватить любого, чье поведение явно и капитально преступно. Соответственно, я захватываю этого человека, Исменияса, как великого разжигателя войны. Выходите вперед, капитаны и солдаты, хватайте его и ведите, куда прикажете". Исмений был схвачен и поспешно отправлен в качестве пленника в Кадмею; сенаторы же, пораженные и ошеломленные, не оказали никакого сопротивления. Те из них, кто был приверженцем арестованного полемарха, и многие даже из более нейтральных членов покинули сенат и разошлись по домам, благодарные за то, что им удалось спасти свои жизни. Триста из них, включая Андроклейда, Пелопида, Меллона и других, искали безопасности в добровольном изгнании в Афины; после этого оставшийся сенат, состоявший теперь из немногих или совсем без сторонников фило-спартанцев, принял решение официально уволить Исмения и назначить на его место нового полемарха[139].

Этот удар, нанесенный Исмениясу с применением насилия, является достойным аналогом захвата Ферамена Критием[140] за двадцать два года до этого в афинском сенате при Тридцати. Ужасающее само по себе, оно, вероятно, сопровождалось аналогичными силовыми актами против других членов той же партии. Внезапный взрыв и полный успех заговора, задуманного самим исполнительным вождем, самым непреодолимым из всех заговорщиков, - присутствие Фибидаса в Кадмее и сговорчивого сената в городе, захват или бегство Исменияса и всех его ведущих партизан - были более чем достаточны, чтобы подавить всякий дух сопротивления со стороны граждан; Первой заботой горожан, вероятно, было вызволить своих жен и дочерей из-под опеки лакедемонян в Кадмее. Имея такую цену, Леонтиаду было легче добиться покорности, и он, вероятно, обеспечил бы голосование народа, ратифицировавшего новый *режим*, спартанский союз и дальнейшее занятие акрополя. Осуществив первые шаги по установлению своей власти, он без промедления отправился в Спарту, чтобы сообщить, что в Фивах "воцарился порядок".

Весть о захвате Кадмеи и революции в Фивах была воспринята в Спарте с величайшим удивлением, а также со смешанным чувством стыда и удовлетворения. По всей Греции, вероятно, это произвело больший фурор, чем любое событие со времен битвы при Эгоспотамах. Если судить по признанным общественным законам Греции, это было вопиющее беззаконие, на которое у Спарты не было и тени претензий. Оно было даже хуже, чем неожиданный захват Платеи фиванцами перед Пелопоннесской войной, который допускал частичное оправдание, что война, во всяком случае, приближалась; в то время как в этом случае фиванцы не сделали и не угрожали ничем, чтобы нарушить мир Анталкидов. Он был осужден возмущенным настроением всей Греции, о чем невольно свидетельствовал даже сам фило-лаконский Ксенофонт[141]. Но в то же время это было огромным приращением спартанского могущества. Оно было достигнуто с выдающимся мастерством и успехом, и Фибидас вполне мог претендовать на то, что нанес Спарте

самый важный удар со времен Эгоспотамов, избавив ее от одного из двух действительно грозных врагов[142].

Тем не менее, не получив благодарности в Спарте, он стал объектом гнева и осуждения как эфоров, так и граждан в целом. Каждый был рад свалить на него одиозность происходящего и обличить его в том, что он действовал без приказа. Даже эфоры, которые заранее тайно разрешили ему сотрудничать с фиванской фракцией, не давая никаких конкретных указаний, теперь с негодованием отrekliсь от него. Один только Агесилай выступил в его защиту, утверждая, что единственный вопрос заключается в том, были ли его действия в Фивах вредны или полезны для Спарты. Если первое, то он заслуживает наказания; если второе, то всегда законно оказывать услуги, даже *экспромтом* и без предварительного приказа.

Если судить по этому стандарту, то вердикт не вызывал сомнений. Каждый житель Спарты чувствовал, насколько выгоден этот поступок сам по себе, и еще больше почувствовал это, когда в город прибыл Леонтиад, смиренный в просьбах и обильный в обещаниях. В своей речи, обращенной к собравшимся эфорам и сенату, он прежде всего напомнил им, как враждебно относились к ним Фивы до сих пор, при Исмении и только что уничтоженной партии, - и как постоянно они пребывали в ревливой тревоге, опасаясь, что Фивы силой восстановят Беотийскую федерацию. "Теперь (добавил он) вашим опасениям может быть положен конец; только позаботьтесь о том, чтобы поддерживать наше правительство, как и мы будем повиноваться вашим приказам. В будущем вам ничего не останется делать, как посылать нам короткие депеши, чтобы получить все услуги, которые вам требуются"[143]. Лакедемоняне, по совету Агесилая, решили сохранить свой гарнизон в Кадмее, поддержать Леонтиада с его коллегами в управлении Фивами и отдать Исмения под суд. В то же время, в качестве искупления греческого мнения, они вынесли порицание Фибиду, отстранили его от командования и даже приговорили к штрафу. Однако штраф, скорее всего, так и не был наложен, ибо по поведению Сфодрия впоследствии мы увидим, что недовольство Фибидасом, если и было поначалу искренним, то уж точно не было продолжительным.

То, что лакедемоняне одновременно осудили Фибидаса и сохранили Кадмею, было отмечено как грубое противоречие. Тем не менее, не стоит забывать, что если бы они покинули Кадмею, партия Леонтиада в Фивах, которая пошла на компромисс как ради Спарты, так и ради собственного возвеличивания, была бы безвозвратно принесена в жертву. Подобное оправдание, если оно есть, нельзя приводить в отношении их обращения с Исмением, которого они отдали под суд в Фивах, перед судом, состоящим из трех лакедемонских комиссаров и по одному от каждого союзного города. Его обвинили, вероятно, Леонтиад и другие его враги, в том, что он вступил в дружбу и сговор с персидским царем в ущерб Греции,[144] что он участвовал в персидских средствах, ввезенных в Грецию Тимократом Родианом, и был настоящим автором той войны, которая тревожила Грецию с 395 года до н. э. вплоть до заключения Анталкидского мира. После безуспешной защиты он был осужден и казнен. Если бы эта участь была уготована ему его политическими противниками как следствие их победы в кишках, это было бы слишком похоже на греческую партийную войну, чтобы требовать какого-либо особого внимания. Но есть нечто особенно отвратительное в проституции судебной торжественности и панэллинского притворства, которую совершили здесь лакедемоняне. Они вообще не имели права судить Исмения как преступника, тем более судить его по обвинению в конфедерации с персидским царем, когда сами всего за пять лет до этого выступали не только как союзники, но даже как орудие этого монарха в принуждении к миру в Анталкиде. Если Исмений получал деньги от одного персидского сатрапа, то спартанец Анталкид наживался подобным образом на другом - и тоже с целью ведения греческой войны. Настоящим мотивом спартанцев, несомненно, было желание отомстить этому выдающемуся фиванцу за то, что он поднял против них войну, начавшуюся в 395

году до н. э. Но насмешка над справедливостью, которой маскировалась эта месть, и наглость наказывать его как измену тому самому иностранному союзу, с которым они себя демонстративно отождествляли, придают всей этой затее еще большую чудовищность.

Теперь Леонтиад и его сторонники стали правителями в Фивах, а лакедемонский гарнизон в Кадмее поддерживал их и выполнял их приказы. Некогда непокорные Фивы были зачислены в состав Лакедемонской конфедерации. Теперь Спарта могла с удвоенной энергией продолжать свою олинфскую экспедицию. Эвдамид и Аминтас, хотя и сдерживали рост олинфской конфедерации, не были достаточно сильны, чтобы подавить ее; поэтому требовались более крупные силы, и десять тысяч человек, о которых было объявлено ранее, были немедленно реквизированы, и командовать ими должен был Телеутий, брат Агесилая. Новый полководец, человек весьма популярных манер, вскоре выступил в поход во главе этого большого войска, в котором было много фиванских гоплитов, а также всадников, предоставленных новыми правителями в их безоговорочной преданности Спарте. Он отправил посланников к Аминте в Македонию, призывая его к самым упорным усилиям по возвращению македонских городов, которые присоединились к олинфянам, а также к Дердасу, князю района Верхней Македонии под названием Элимея, приглашая его к сотрудничеству против этого дерзкого города, который быстро распространит свое господство (по его мнению) от приморского региона до внутренних районов, если не будет подавлен^[145].

Хотя лакедемоняне были повсюду хозяевами и имели свободные руки, - хотя Телеутиас был компетентным офицером с мощными силами, - и хотя Дердас присоединился с четырьмя сотнями отличных македонских коней, - все же завоевание Олинфа оказалось нелегким предприятием.^[146] Олинфская конница, в частности, была многочисленной и эффективной. Не имея возможности выступить против Телеутиаса в поле или подавить его наступление, они, тем не менее, в беспорядочной схватке у городских ворот разбили лакедемонскую и фиванскую конницу, привели в замешательство даже пехоту и были готовы одержать полную победу, если бы Дердас со своей конницей на другом фланге не отвлек их внимание, заставив вернуться для защиты города. Телеутиас, оставаясь хозяином поля, продолжал опустошать олинфскую территорию в течение лета, за что, однако, олинфяне отвечали частыми грабительскими походами на союзные ему города^[147].

Последующей весной олинфяне потерпели несколько поражений, особенно одно под Аполлонией, от Дердаса. Они все больше и больше прижимались к своим стенам, так что Телеутиас стал уверен в себе и начал презирать их. Под влиянием этих споров с его стороны однажды утром показался отряд олинфской конницы, перешел реку возле своего города и спокойным строем двинулся к лакедемонскому лагерю. Возмущенный такой дерзостью, Телеутиас приказал Тлемониду с пельтастами разогнать их, после чего олинфяне медленно отступили, а пельтасты нетерпеливо бросились их преследовать, даже когда они вновь перешли реку. Не успели олинфяне увидеть, что половина пельтастов переправилась через реку, как они внезапно повернули, энергично атаковали их и обратили в бегство, потеряв своего командира Тлемонида и сотню других. Все это происходило на глазах у Телеутиаса, который совершенно потерял самообладание. Схватив оружие, он поспешил вперед, чтобы прикрыть беглецов вместе с окружающими его гоплитами, и послал приказ всем своим войскам, гоплитам, пельтастам и всадникам, также выступить вперед. Но олинфяне, снова отступив, потянули его к городу с такой неосмотрительностью, что многие из его воинов, взобравшись на возвышенность, на которой находился город, бросились вплотную к стенам.^[148] Здесь, однако, их встретил ливень снарядов, заставивший их в беспорядке отступить; тогда олинфяне снова выступили, вероятно, сразу из нескольких ворот, и атаковали их сначала конницей и пельтастами, а затем гоплитами. Лакедемоняне и их союзники, потревоженные и расстроенные первой атакой, не смогли

противостоять плотному натиску последней; сам Телеутиас, сражавшийся в первых рядах, был убит, и его смерть послужила сигналом к бегству всех окружающих. Все осаждающие рассеялись и разбежались в разные стороны - к Аканту, к Спартолу, к Потидее, к Аполлонию. Преследование олинфян было столь энергичным и эффективным, что потери беглецов были огромны. Вся армия была фактически уничтожена;[149] ведь, вероятно, многие из бежавших союзников впали в уныние и разошлись по домам.

В другое время, вероятно, столь решительная победа могла бы удержать лакедемонян от дальнейших действий и спасти Олинф. Но теперь они были настолько полными хозяевами во всем остальном мире, что думали лишь о том, чтобы исправить бесчестье еще более впечатляющей демонстрацией. Их царь Агесиполис был поставлен во главе экспедиции самого крупного масштаба, и его имя вызвало горячее содействие союзников, как людьми, так и деньгами. Он отправился в поход с тридцатью спартанскими советниками, как Агесилай в Азию; кроме того, в качестве добровольцев выступили энергичные молодые люди из периев, незаконнорожденных сыновей спартанцев, а также чужеземцы или граждане, потерявшие право голоса из-за бедности, введенные в качестве друзей более богатыми спартанскими гражданами для прохождения тяжелого обучения в Ликурге.[Аминтас и Дердас также были побуждены к большим усилиям, чем прежде, так что Агесиполис смог, получив их подкрепление во время своего похода по Македонии, предстать перед Олинфом с подавляющей силой и заключить граждан в его стенах. Затем он завершил опустошение их территории, начатое Телеутиасом, и даже взял штурмом Торон. Но от сильного летнего зноя у него началась лихорадка, которая через неделю оказалась смертельной, хотя он и перенес себя для отдыха в тенистую рощу и к чистым водам возле храма Диониса в Афитисе. Его тело погрузили в мед и перевезли в Спарту, где похоронили с положенными церемониями[151].

Полибиад, сменивший Агесиполиса на посту командующего, продолжал войну с прежней энергией, а олинфяне, лишенные права как на домашнюю продукцию, так и на импорт, быстро оказались в таком затруднительном положении, что были вынуждены просить мира. Они были вынуждены разорвать свою собственную федерацию и записать себя в качестве присяжных членов Лакедемонской конфедерации с ее обязательствами служить Спарте. [152] Олинфский союз был распущен, составляющие его греческие города были записаны по отдельности в союзники Спарты, в то время как приморские города Македонии были лишены своего соседнего греческого покровителя и снова перешли под власть Аминта.

И распад этой растущей конфедерации, и восстановление приморской Македонии стали серьезным несчастьем для греческого мира. Никогда еще оружие Спарты не применялось так озорно или так неоправданно. То, что на Халкидском полуострове, в пограничной области, где Эллада соединялась с неэллинскими племенами, должна была образоваться мощная греческая конфедерация, было событием, имевшим большое значение для эллинского мира в целом. Оно послужило бы Греции оплотом против соседних македонцев и фракийцев, за счет которых и были бы достигнуты ее завоевания, если бы она их совершила. Олинф не притеснял своих греческих соседей, принципы его конфедерации были самыми равноправными, великодушными и соблазнительными, принуждение было не сильнее, чем требовалось для преодоления неотразимого инстинкта автономии городов, - и что сами города, повиновавшиеся этому инстинкту, в очень короткое время осознали бы выгоды, которые давала конфедерация каждому, - эти факты подтверждает настоятельная просьба неохотных акантийцев, когда они умоляют Спарту не оставлять промежутков для того, чтобы конфедерация дала о себе знать. Ничто, кроме вмешательства Спарты, не могло разрушить это либеральное и благодетельное обещание; ничто, кроме случайности, что в течение трех лет с 382 по 379 год до н. э. она находилась на пике своего могущества и имела совершенно свободные руки, а Фивы и Кадмеи были под ее гарнизоном.

Такое процветание продолжалось недолго. Всего через несколько месяцев после подчинения Олинфа Кадмея была вновь захвачена фиванскими изгнанниками, которые подняли столь энергичную войну против Спарты, что она не могла вмешиваться в дела Олинфа, как мы увидим из того факта (о котором мы расскажем далее), что она отказалась от вмешательства в Фессалию, чтобы защитить фессалийские города от Ясона Ферейского. Если бы Олинфская конфедерация была оставлена на произвол судьбы, она вполне могла бы объединить все эллинские города вокруг себя в гармоничном действии, чтобы сохранить морское побережье во владении конфедерации свободных и самоопределяющихся общин, ограничив македонских князей внутренними районами. Но Спарта бросила свои посторонние силы, в равной степени неодолимые и вредные, чтобы победить эти тенденции и сорвать то благотворное изменение - от дробной автономии и изолированного действия к целостной и равной автономии с коллективным действием, - которое Олинф стремился осуществить. Она дала победу Аминту и подготовила необходимую основу, на которой впоследствии поднялся его сын Филипп, чтобы свести не только Олинф, но и Акант, Аполлонию и большую часть греческого мира к единому уровню подчинения. Многие из тех акантийцев, которые отвергли благодеяние равного партнерства и свободного общения с греками и соседями, дожили до того, что узнали, насколько бессильны были их собственные отдельные стены в качестве оплота против македонских соседей; и увидели себя сбитыми с толку в том общем рабстве, которое неосмотрительность их отцов наложила на них. Заключив Анталкидский мир, Спарта передала азиатских греков Персии; разгромив Олинфскую конфедерацию, она фактически передала фракийских греков македонским князьям. Никогда больше не было возможности поставить эллинизм на прочную, консолидированную и самоподдерживающуюся основу у берегов Термического залива.

В то время как продолжалась Олинфская экспедиция, лакедемоняне под руководством Агесилая предприняли еще одну интервенцию в Пелопоннес, против города Флиус. Уже упоминалось, что некоторые изгнанники из этого города были недавно отозваны по прямому указанию Спарты. Правящая партия во Флиусе в то же время приняла решение о возвращении конфискованного имущества этих изгнанников, возместив из государственной казны тем, кто его приобрел, цену, которую они заплатили, и оставив все спорные вопросы на усмотрение суда.^[153] Вернувшиеся изгнанники снова пришли в Спарту, чтобы пожаловаться на то, что они не могут добиться справедливой реституции своего имущества; что городские трибуналы находятся в руках их противников, многие из которых непосредственно заинтересованы в покупке, которые отказывают им в праве апеллировать к любой посторонней и беспристрастной власти; и что даже в самом городе есть многие, кто считает их обиженными. Подобные утверждения, вероятно, были в большей или меньшей степени основаны на правде. В то же время обращение к Спарте, отменяющее независимость Флиуса, настолько возмутило правящих флизийцев, что они приговорили всех апеллянтов к штрафу. Последние настаивали на этом приговоре как на новом поводе для усиления своих жалоб в Спарту и как на еще одном доказательстве антиспартанских чувств, а также беспардонной несправедливости флизийских правителей.^[154] Их дело горячо поддерживал Агесилай, у которого были личные гостеприимные отношения с некоторыми из изгнанников; похоже, что его коллега, царь Агесиполис, был в хороших отношениях с правящей партией во Флии, получал от них ревностную помощь, как людьми, так и деньгами, для своей олинфской экспедиции, и публично благодарил их за преданность Спарте. [Флиасийское правительство, ободренное объявленным свидетельством Агесиполя, удостоверяющим их верность, полагало, что стоит на твердой почве и что никакие спартанские принуждения не подействуют на них. Но заметная благосклонность Агесиполя, отсутствовавшего во Фракии, говорила, по мнению Агесилая, скорее против них, в соответствии с той ревностью, которая обычно преобладала между двумя спартанскими царями. Несмотря на долгие уговоры в Спарте, многие из которых осуждали военные действия против города с пятью тысячами жителей ради

выгоды горстки изгнанников, он не только поддержал объявление эфорами войны против Флиуса, но и принял командование армией[156].

Когда армия была собрана, а пограничные жертвоприношения прошли успешно, Агесилай с привычной быстротой направился в сторону Флиуса, отмахнувшись от флизийских посланников, которые встречались ему на пути и подкупали или умоляли отступить, суровым ответом, что правительство уже однажды обмануло Спарту и что его устроит только сдача акрополя. Получив отказ, он двинулся к городу и обнес его крепостной стеной. Осажденные защищались с решительной храбростью и стойкостью под руководством гражданина по имени Дельфион, который с отборным отрядом в триста человек нес постоянную стражу в каждом пункте и даже досаждал осаждающим частыми вылазками. По общественному указу каждый гражданин был поставлен на половинный паек хлеба, так что осада затянулась вдвое дольше, чем предполагал Агесилай по сведениям изгнанников о запасах провизии. Постепенно, однако, голод дал о себе знать; увеличилось дезертирство изнутри, среди тех, кто был благосклонен или не очень благосклонен к изгнанникам; дезертирство, которое Агесилай старался поощрять обильными запасами продовольствия и зачислением флиасийских эмигрантов на спартанскую сторону. В конце концов, после примерно годовой блокады[157], запасы провизии внутри города были исчерпаны, и осажденные были вынуждены просить у Агесилая разрешения отправить посланников в Спарту и просить об условиях. Агесилай удовлетворил их просьбу. Но, возмущенный тем, что они подчинились Спарте, а не ему, он послал просить эфоров, чтобы условия были поставлены под его диктовку. Тем временем он удвоил наблюдение за городом; несмотря на это, Дельфиону с одним из самых активных подчиненных удалось бежать в этот последний час. Теперь Флий был вынужден сдаться Агесилаю, который назначил совет из ста человек (половина из изгнанников, половина из тех, кто был в городе), наделенный абсолютной властью жизни и смерти над всеми гражданами и уполномоченный разработать конституцию для будущего управления городом. Пока это не будет сделано, он оставил в акрополе гарнизон с гарантированным жалованьем на шесть месяцев[158].

Если бы Агесиполис был жив, возможно, флиасийцы смогли бы добиться лучших условий. Как повела себя всесильная Гекатонтархия, названная так из-за пристрастных чувств Агесилая[159], мы не знаем. Но все предположения неблагоприятны, поскольку их положение и власть были аналогичны положению Тридцати в Афинах и лисандрийских декархий в других местах.

Сдача Олинфа Полибиаду и Флия Агесилаю, похоже, произошла почти в одно и то же время.

ГЛАВА LXXVII.

ОТ ПОКОРЕНИЯ ЛАКЕДЕМОНЯНАМИ ОЛИНФА ДО КОНГРЕССА В СПАРТЕ И ЧАСТИЧНОГО МИРА В 371 ГОДУ ДО Н. Э.

В начале 379 года до н. э. империя лакедемонян на суше достигла небывалого размаха. На море их флот был не слишком мощным, и они, похоже, держали разделенную с Афинами империю на мелких островах, в то время как крупные острова (насколько мы можем судить) были независимы от обоих. Но вся внутренняя Греция, как в Пелопоннесе, так и за его пределами, за исключением Аргоса, Аттики и, возможно, более могущественных фессалийских городов, теперь была включена в конфедерацию, зависимую от Спарты. Оккупация Фив спартанским гарнизоном и олигархией местных партизан, казалось, ставила ее империю вне всяких шансов на успешное нападение; а победоносное завершение войны

с Олинфом повсюду несло в себе пугающее ощущение ее далеко идущей мощи. Ее союзники, управляемые во многих случаях спартанскими хармосами и олигархиями, чья власть зависела от Спарты, были гораздо более зависимы от нее, чем во время Пелопоннесской войны.

Такое положение дел делало Спарту объектом такого же смешанного страха и ненависти (первый преобладал), какие испытывали к императорским Афинам за пятьдесят лет до этого, когда ее называли "городом-деспотом"[160]. И эти чувства еще более усугубились недавним Анталкидским миром, во всех смыслах делом рук Спарты, который она сначала заключила, а затем привела в исполнение. Этот мир был достаточно позорным, поскольку был продиктован царем Персии, навязан от его имени и передавал ему всех азиатских греков. Но он стал еще более позорным, когда всеобщая автономия, которую он обещал, была показана в таком исполнении, что означала не что иное, как подчинение Спарте. Из всех актов, совершенных Спартой, не только извращающих автономию, обещанную каждому городу, но и нарушающих все признанные каноны правильных отношений между городом и городом, самым вопиющим был недавний захват и оккупация Кадмеи в Фивах. Ее подрыв (в союзе с македонским царем Аминтой и отчасти в его интересах) свободной Олинфской конфедерации был едва ли менее оскорбительным для каждого грека с большим или панэллинским патриотизмом. С одной стороны, она была единомышленницей персидского царя, с другой - македонского Аминта, с третьей - сиракузского деспота Дионисия, предавая чужеземцам независимость Греции и стремясь повсюду подавить в ней тот свободный дух, который стоял на пути ее собственных гармоний и партизанских олигархий.

Однако как бы ни была непопулярна Спарта, она неоспоримо стояла во главе Греции. Ни один человек не осмеливался поставить под сомнение ее главенство или спровоцировать сопротивление против него. Тон патриотических и свободолюбивых греков в этот момент проявился в двух выдающихся жителях Афин - Лисии и Исократе. Из этих двух риториков первый написал орацию, которую он публично прочитал в Олимпии во время празднования 99-й Олимпиады 384 года до н. э., через три года после заключения Анталкидского мира. В этой оратории (от которой, к сожалению, остался только фрагмент, сохраненный Дионисием Галикарнассским) Лисий поднимает крик об опасности, грозящей Греции, частично от персидского царя, частично от деспота Дионисия Сиракузского.[Он призывает всех греков отбросить вражду и зависть друг к другу и объединиться в борьбе с этими двумя действительно грозными врагами, как это делали их предки, с одинаковым рвением свергая деспотов и отгоняя чужеземцев. Он отмечает количество греков (в Азии), переданных персидскому царю, чье огромное богатство позволило ему нанять неограниченное количество греческих солдат, и чьи морские силы превосходили все, что могли собрать греки; в то время как самым сильным флотом в Греции был флот сиракузца Дионисия. Признавая лакедемонян вождями Греции, Лисий выражает свое удивление тем, что они спокойно позволяют огню распространяться от одного города к другому. Они должны были смотреть на несчастья тех городов, которые были разрушены как персами, так и Дионисием, как на возвращение домой; а не терпеливо ждать, пока две враждебные державы объединят свои силы, чтобы напасть на центр Греции, который все еще оставался независимым.]

Из двух общих врагов - Артаксеркса и Дионисия, - которых так обличает Лисий, последний послал на этот самый олимпийский праздник великолепную Феорию, или легацию, чтобы принести торжественную жертву от своего имени; вместе с несколькими колесницами для состязаний в беге и несколькими прекрасными рапсодами, чтобы декламировать стихи, сочиненные им самим. Сиракузская делегация во главе с Феаридом, братом Дионисия, была

облачена в богатые одеяния и разместились в необычайно роскошном шатре, украшенном золотом и пурпуром; такого, вероятно, не видели со времен показного выступления Алкивиада[162] на девяностой Олимпиаде (420 г. до н. э.). Призывая присутствующих зрителей выступить как греки за освобождение своих братьев, поработанных Дионисием, Лисий увещевал их немедленно начать враждебную демонстрацию против последнего, разграбив стоящий перед ними великолепный шатер, который оскорблял священную равнину Олимпии зрелищем богатства, вымогаемого у греческих страдальцев. Судя по всему, это увещевание было выполнено частично, но лишь частично[163]. Некоторые люди напали на палатки, но, вероятно, элейские надзиратели без труда их усмирили. Тем не менее этот инцидент в сочетании с речью Лисия помогает нам понять опасения и симпатии, которые будоражили олимпийскую толпу в 384 г. до н.э. Это был первый олимпийский праздник после Анталкидова мира; праздник, памятный не только тем, что на него снова приехали афиняне, беотийцы, коринфяне и аргейцы, которым предыдущая война помешала приехать ни в 388 году до н. э., ни в 392 году до н. э. 392 г. до н. э., - но также и в виде гостей и феариев из азиатских греков, впервые с тех пор, как они были переданы Спартой персам, - а также многочисленных италийцев и сицилийских греков, которых поработил Дионисий. Все эти страдальцы, особенно азиаты, несомненно, будут полны жалоб на тяготы своей новой участи и на Спарту, которая их предала; жалоб, которые вызовут искреннее сочувствие у афинян, фиванцев и всех остальных, кто неохотно подчинился Анталкидскому миру. Таким образом, в обществе было много людей, готовых откликнуться на заявления Лисия. И многие греческие патриоты, которые постыдились бы наложить руки на сиракузские палатки или посланников, все же скорбно согласились бы с замечанием оратора, что свободный греческий мир горит[164] с обеих сторон; что азиаты, италики и сицилийцы уже перешли в руки Артаксеркса и Дионисия; и что, если эти два грозных врага объединятся, свобода даже центральной Греции окажется в большой опасности.

Легко понять, насколько такое чувство горя и стыда способно вызвать антипатию к Спарте. Лисий в той части своей речи, которой мы располагаем, маскирует свое осуждение в ее адрес под формой удивления. Но Исократ, написавший через четыре года после этого аналогичную речь (возможно, ее читали на следующем олимпийском празднике 380 г. до н. э.), высказывается более откровенно. Он осуждает лакедемонян как предателей общей безопасности и свободы Греции, как пособников иностранных царей и греческих деспотов, стремящихся возвеличить себя за счет автономных греческих городов, - и все это в интересах собственного эгоистического честолюбия. Неудивительно, говорит он, что свободный и самостоятельный эллинский мир с каждым днем становился все теснее, когда главенствующий город Спарта помогала Артаксерксу, Аминту и Дионисию поглотить его, а сама предпринимала несправедливые агрессии против Фив, Олинфа, Флиуса и Мантинеи[165].

Предыдущих цитат из Лисия и Исократа было бы достаточно, чтобы показать, как разумные современники оценивали состояние Греции и поведение Спарты в течение восьми лет после Анталкидского мира (387-379 гг. до н. э.). Но еще более категоричен в своем осуждении Спарты фило-лаконский Ксенофонт. Описав ее триумфальное и, казалось бы, неприступное положение после покорения Олинфа и Флиуса, он продолжает:[166]- "Я мог бы привести множество других случаев, как в Греции, так и за ее пределами, чтобы доказать, что боги внимательно следят за нечестивцами и злодеями; но событий, о которых я сейчас расскажу, вполне достаточно. Лакедемоняне, поклявшиеся оставить каждый город автономным, нарушили свою клятву, захватив цитадель Фив, и были наказаны теми самыми людьми, которых они обидели, - хотя никто на земле до этого не одержал над ними победу. А фиванская группировка, которая ввела их в цитадель с намеренной целью поработить свой

город Спарте, чтобы самим править деспотично, была уничтожена не более чем семью нападавшими, из числа изгнанников, которых они изгнали".

Какой же должна была быть ненависть и чувство оскорбленного превосходства, которые питали к Спарте нейтральные или недружелюбные греки, когда Ксенофонт, отличающийся как пристрастием к ней, так и неприязнью к Фивам, мог использовать эти решающие слова, предвещая грядущую фазу спартанского унижения, представляя ее как заслуженную кару богов? Предложение, которое я только что перевел, в обычной манере ксенофоновской "Эллиники" отмечает тот самый момент резкого контраста и перехода, - прошлая слава внезапно и неожиданно омрачилась надвигающимся несчастьем, - который предвосхищается в повествовании Фукидида диалогом между афинскими посланниками и Мелийским советом[167]; или в "Эдипе и Антигоне" Софокла[168] предупреждениями пророка Тейресия.

Правительство Фив уже три года (со времени удара, нанесенного Фибидом) находилось в руках Леонтиада и его олигархических сторонников, поддерживаемых спартанским гарнизоном в Кадмее. О деталях его проведения у нас почти нет сведений. Мы можем лишь (как уже отмечалось выше) судить о нем по аналогии с Тридцатью тиранами в Афинах и лисандрійскими декархиями, с которыми он был совершенно схож по происхождению, положению и интересам. То, что общий дух ее был жестоким, деспотичным и хищным, не вызывает сомнений, хотя в какой степени, мы не можем знать. Аппетиты бесконтрольных правителей, как и аппетиты большого иностранного гарнизона, обеспечили бы такой результат; кроме того, эти правители должны были постоянно опасаться восстаний или заговоров среди высокодуховных граждан, которые видели, что их город превратился из главы Беотийской федерации в невольную зависимость от Спарты. Этот страх усугублялся соседством с многочисленными фиванскими изгнанниками, принадлежавшими к противоположной или антиспартанской партии; три или четыре сотни из них бежали в Афины при первом захвате их лидера Исмения, а впоследствии к ним, несомненно, присоединились и другие. Фиванские правители так сильно ожидали беды от этих изгнанников, что наняли убийц, чтобы те расправились с ними в Афинах путем частного убийства; и им действительно удалось убить Андроклейда, вождя группы и главного преемника покойного Исмения, - хотя остальные удары они пропустили.[169] И мы можем быть уверены, что они сделали тюрьму в Фивах подвластной для множественных бесчинств и казней, когда мы читаем не только о том, что сто пятьдесят заключенных были найдены в ней, когда правительство было свергнуто, [170] но и о том, что в пылу этого революционного движения убитый тюремщик был объектом такой яростной антипатии, что его труп топтали и оплевывали толпы фиванских женщин.[В Фивах, как и в других греческих городах, женщины не только не принимали участия в политических спорах, но даже редко показывались на людях,[172] так что это яростное проявление диктаторских чувств должно было быть вызвано потерей или жестоким обращением с сыновьями, мужьями и братьями.

Фиванские изгнанники нашли в Афинах не только надежный приют, но и искреннее сочувствие своим жалобам на лакедемонскую несправедливость. Щедрость, проявленная фиванцами за двадцать четыре года до этого к Фрасибулу и другим афинским беженцам во время всемогущества Тридцати, была с благодарностью вознаграждена этим поворотом судьбы к обоим городам;[173] причем вознаграждена вопреки угрозам Спарты, требовавшей изгнать изгнанников, - как ранее она требовала, чтобы афинские беженцы были уволены из Фив. Однако защитить фиванских изгнанников - это все, что могли сделать Афины. Их восстановление было задачей, непосильной для нее, и, похоже, еще более непосильной для них самих. Ведь существующее правительство Фив прочно обосновалось в городе и

полностью контролировало граждан. Управляемые небольшой фракцией - Архиасом, Филиппом, Гипатесом и Леонтиадом (первые двое были в этот момент полемархами, хотя последний был самым энергичным и решительным), - они в то же время поддерживались большим гарнизоном из пятнадцати сотен лакедемонян и союзников,^[174] под командованием Лисанорида и двух других хармостов в Кадмее, а также лакедемонские посты в других окрестных беотийских городах - Орхомене, Феспии, Платее, Танагре и т. д. Хотя в целом фиванское население города было настроено решительно против правительства, и хотя юноши, занимаясь в палестре (гимнастические упражнения в Фивах преследовались с большей энергией, чем где-либо еще, кроме Спарты), поддерживали в частном общении пыл искреннего, но сжатого патриотизма, - однако всякое проявление или собрание насильственно пресекалось, и командные посты нижнего города, как и цитадель, бдительно удерживались правящим меньшинством.^[175]

Некоторое время фиванские изгнанники в Афинах ждали, надеясь на восстание на родине или на положительную помощь со стороны афинян. В конце концов, на третью зиму после своего бегства, они начали отчаиваться в поддержке со стороны любой стороны и решили взять инициативу в свои руки. Среди них было несколько человек из самых богатых и высокопоставленных фиванских семей, владельцев колесниц, жокеев и тренировочных заведений для состязаний на различных праздниках: Пелопидас, Меллон, Дамоклейдас, Теопомп, Ференикус и другие^[176].

Из них самым смелым в зарождении агрессивных мер, хотя и почти самым молодым, был Пелопид; его смелость и самоотверженность в предприятии, которое казалось совершенно отчаянным, вскоре передалась горстке его товарищей. Изгнанники, поддерживая постоянную частную переписку со своими друзьями в Фивах, были уверены в сочувствии граждан в целом, если им удастся нанести хоть один удар. Однако ничего другого не оставалось, как уничтожить четырех правителей, Леонтиада и его соратников, - никто в городе не стал бы предаваться столь безнадежной опасности. Именно этот заговор Пелопидас, Меллон и еще пять или десять изгнанников (все они числятся по-разному: одни - семь, другие - двенадцать^[177]) решили привести в исполнение. Многие из их друзей в Фивах пришли к ним в качестве вспомогательных лиц, которые не стали бы участвовать в замысле в качестве основных действующих лиц. Из всех помощников самым эффективным и незаменимым был Филлидас, секретарь полемархов; рядом с ним - Харон, выдающийся и искренний патриот. Филлидас, отправленный в Афины по официальным делам, вступил в тайную беседу с заговорщиками, согласовал с ними день их приезда в Фивы и даже обязался обеспечить им доступ к лицам полемархов. Харон не только обещал укрыть их в своем доме с момента их появления в воротах до момента нанесения удара, но и вписал свое имя, чтобы принять участие в вооруженном нападении. Тем не менее, несмотря на такие частичные поощрения, план все равно казался отчаянным многим, кто от души желал ему успеха. Например, Эпаминондас, который впервые предстает перед нами, живя в Фивах и не только сочувствуя политическим взглядам Пелопида, но и связанный с ним тесной дружбой, отговорил других от попытки и отказался участвовать в ней. Он четко заявил, что не станет соучастником гражданского кровопролития. Похоже, что среди изгнанников были люди, жестокость которых заставляла его опасаться, что они, подобно Пелопиду, не станут орудовать мечом только против Леонтиада и его соратников, а воспользуются успехом, чтобы совершить безмерное насилие над другими политическими врагами^[178].

День для этого предприятия был определен секретарем Филлиды, который приготовил вечерний банкет для Архиаса и Филиппа в честь их ухода с поста полемарха и обещал по этому случаю привести в их компанию женщин, отличающихся красотой, а также из лучших

фиванских семей.[179] В согласии с общей массой фиванских изгнанников в Афинах, которые держали себя в готовности на границах Аттики, вместе с некоторыми афинскими единомышленниками, отправиться в Фивы, как только получат уведомление, - а также в согласии с двумя из десяти стратегов Афин, которые взяли на себя частное обязательство поддержать это предприятие без какого-либо общественного голосования, - Пелопидас и Меллон, и их пять спутников,[180] пересекли Китхерон из Афин в Фивы. Стояла сырая погода, примерно декабрь 379 года до н. э.; они переоделись деревенщинами или охотниками, не имея никакого оружия, кроме спрятанного кинжала; они вошли в ворота Фив один за другим в сумерках, как раз когда последние земледельцы возвращались домой с полей. Все они благополучно добрались до дома Харона, назначенного для встречи.

Однако по чистой случайности они не повернули назад, и вся затея сорвалась. Ибо фиванец Гиппостенид, дружелюбный к заговору, но слабонервный, которого против воли Филлиды посвятили в тайну, так испугался, когда приблизился момент казни, что без ведома остальных взял на себя труд послать Хлидона, послать Хлидона, верного раба Меллона, с приказом выехать верхом из Фив, встретить на дороге своего господина и пожелать, чтобы он и его товарищи вернулись в Аттику, так как обстоятельства сложились так, что этот проект на данный момент неосуществим. Хлидон, отправившись домой за уздечкой, но не найдя ее на обычном месте, спросил у жены, где она. Та, сначала делая вид, что ищет ее, в конце концов призналась, что одолжила ее соседу. Хлидон был так раздражен этой задержкой, что вступил в громкую перепалку с женой, которая со своей стороны пожелала ему удачи в путешествии. В конце концов он избил ее, пока не вмешались соседи. Таким образом, его отъезд был случайно сорван, и задуманное сообщение об отклонении так и не достигло заговорщиков в пути[181].

В доме Харона они оставались скрытыми весь следующий день, вечером которого должен был состояться пир Архия и Филиппа. Филлидас задумал представить их на пиру в тот момент, когда оба полемарха будут полны вина, в женском наряде, как женщин, чьего визита ожидали. Час уже настал, и они готовились играть свои роли, когда в дверь постучал неожиданный гонец, мгновенно вызвав Харона в присутствие полемархов. Все присутствующие были ошеломлены этим вызовом, из которого следовало, что заговор был раскрыт, возможно, робким Гиппостенидом. Было решено, что Харон должен немедленно подчиниться. Однако сам он, даже в той опасной неизвестности, которая его подстерегала, больше всего опасался, как бы друзья, которых он приютил, не заподозрили его в предательстве по отношению к себе и своему делу. Поэтому перед отъездом он послал за своим единственным сыном, пятнадцатилетним юношей, подающим большие надежды во всех отношениях. Этому юношу он отдал в руки Пелопида, как заложника за свою верность. Но Пелопид и остальные, решительно отвергая все подозрения, умоляли Харона убрать сына подальше, подальше от опасности, в которую все теперь были вовлечены. Однако Харон не смог устоять и оставил сына среди них, чтобы тот поделил участь остальных. Он вошел к Архиасу и Филиппу, которых застал уже в полупьяном состоянии, но известил их о том, что в Афинах зреет какой-то заговор, о котором они не знают. Они послали за ним, чтобы расспросить его, как известного друга изгнанников; но ему не составило труда, при содействии Филлиды, развеять смутные подозрения пьяных людей, жаждущих лишь возобновить общение[182]. Ему позволили удалиться и вернуться к друзьям. Однако вскоре после его отъезда - так много благоприятных случайностей выпало на долю этих импровизированных людей - полемарху Архиасу было доставлено новое послание от его тезки Архиаса, афинского иерофанта, с точным изложением имен и плана заговорщиков, которые стали известны фило-лаконской партии в Афинах. Гонец, доставивший эту депешу, передал ее Архиасу с намеком на то, что она касается очень серьезных дел. "Серьезные дела

будут завтра", - сказал полемарх, кладя депешу, нераспечатанную и непрочитанную, под подушку дивана, на котором он лежал[183].

Вернувшись к своему веселью, Архиас и Филипп нетерпеливо потребовали от Филлиды представить женщин, как он обещал. Секретарь удалился и привел заговорщиц, одетых в женские наряды, в соседнюю комнату; затем, вернувшись к полемархам, он сообщил им, что женщины не войдут, пока не будут уволены все домашние. Тотчас же был отдан приказ, чтобы они удалились, а Филлидас позаботился о том, чтобы их хорошо угостили вином в доме одного из них. Таким образом, за столом у полемархов остались лишь один или два друга, полупьяные, как и они сами; среди них Кабейрих, архонт года, который всегда в течение всего срока пребывания в должности держал освященное копье в действительном владении, а в этот момент оно находилось рядом с его лицом. Теперь Филлидас провел притворных женщин в пиршественный зал: три из них были одеты как знатные дамы, а четыре остальные - как служанки. Их длинные вуали и широкие складки одежды были вполне достаточны для маскировки, даже если бы гости за столом были трезвыми, пока они не сели рядом с полемархами, и мгновенное поднятие вуали стало сигналом для применения кинжалов. Архиас и Филипп были убиты сразу и без особого сопротивления; но Кабейрих с копьем пытался защищаться и погиб вместе с остальными, хотя заговорщики изначально не собирались лишать его жизни[184].

Добившись успеха, Филлидас привел трех заговорщиков - Пелопидаса, Кифисодоруса и Дамоклеида - в дом Леонтиада, в который он вошел, объявив себя носителем приказа полемархов. Леонтиадес лежал после ужина, а его жена пряла шерсть рядом с ним, когда они вошли в его покои. Будучи человеком храбрым и сильным, он поднялся, выхватил меч и смертельно ранил Кефисодоруса в горло; затем между ним и Пелопидом завязалась отчаянная борьба в узком дверном проеме, где не было места для подхода третьего. Однако в конце концов Пелопид одолел и убил его, после чего они удалились, угрозами заставив жену молчать и закрыв за собой дверь с настоятельными приказами не открывать ее больше. Затем они отправились в дом Гипатеса, которого убили, когда он пытался сбежать через крышу[185].

После того как четыре крупных правителя фило-лаконской партии в Фивах были преданы смерти, Филлидас вместе с заговорщиками отправился в тюрьму. Здесь тюремщик, доверенное лицо притеснителей умерших правителей, колебался, впускать ли его, но был убит внезапным ударом копья, чтобы обеспечить свободный вход для всех. Освобождение пленников, вероятно, в большинстве своем родственникам заговорщикам, снабжение их оружием, взятым из боевых лож, развешанных в соседних портиках, и расстановка их в боевом порядке у храма Амфиона - таковы были следующие действия; после этого они начали чувствовать некоторую уверенность в безопасности и триумфе. [Эпаминондас и Горгидас, узнав о случившемся, первыми явились с оружием в руках и несколькими друзьями, чтобы поддержать дело; в то время как повсюду через глашатаев провозглашалось, что деспоты убиты, Фивы свободны и что все фиванцы, ценящие свободу, должны собраться с оружием в руках на рыночной площади. В этот момент в Фивах было много трубачей, приехавших побороться за приз на приближающемся празднике Гераклеи. Гиппостенид поручил этим людям трубить в свои трубы в разных частях города и таким образом повсюду побуждать горожан к оружию[187].

Хотя в темноте преобладало чувство удивления, и никто не знал, что делать, - но как только рассвело и стала известна правда, среди большинства горожан возникло одно чувство - радость и патриотический энтузиазм[188] И всадники, и гоплиты поспешили с оружием в руках на агору. Здесь впервые после захвата Кадмеи Фибидом было созвано официальное собрание фиванцев, перед которым предстали Пелопид и его соратники по заговору. Жрецы города увенчали их венками и поблагодарили от имени местных богов, а собрание приветствовало их восторженными и благодарственными возгласами, в один голос назначив Пелопида, Меллона и Харона первыми обновленными беотархами.[Возрождение этого титула, утраченного со времен Анталкидова мира, само по себе было событием немалой важности; оно означало не только то, что Фивы вновь обрели свободу, но и то, что Беотийская конфедерация также была или будет восстановлена.

Заговорщики немедленно отправили гонцов в Аттику, чтобы сообщить о своем успехе; после чего все оставшиеся изгнанники с двумя афинскими генералами, посвященными в заговор, и афинскими добровольцами, или *франками*, которые были готовы на границах в ожидании вызова, - стекались в Фивы, чтобы завершить дело. Спартанские генералы, со своей стороны, также отправились за помощью в Платею и Феспию. Всю ночь они были растеряны и встревожены беспорядком в городе; то тут, то там появлялись огни, звучали трубы и крики о недавнем успехе.[190] Узнав о скорой расправе над полемархами, от которых они привыкли получать приказы, они не знали, кому довериться и с кем посоветоваться, а их, несомненно, окружали испуганные беглецы побежденной стороны, которые спешили в Кадмею, чтобы спастись. Сначала они рассчитывали на то, что силы Платеи и Феспии отвлекут их внимание в свою пользу. Но этим войскам не позволили даже приблизиться к городским воротам; как только они появились в поле зрения, их энергично атаковала только что усиленная фиванская конница, и они были вынуждены отступить с потерями. Таким образом, лакедемоняне, находившиеся в цитадели, не только остались без поддержки, но и увидели, что их враги в городе усилены другими изгнанниками и вспомогательными добровольцами[191].

Тем временем Пелопид и другие новые бётархи оказались во главе вооруженных граждан, полных преданного патриотизма и единодушно приветствовавших недавнюю революцию. Они воспользовались этим первым всплеском пыла, чтобы подготовиться к штурму Кадмеи без промедления, понимая, как важно предотвратить любую помощь со стороны Спарты. И горожане уже устремились на штурм - было объявлено о крупном вознаграждении тем, кто первым прорвется внутрь, - когда лакедемонский полководец прислал предложения о капитуляции. [192] Беспрепятственный выход из Фив с воинскими почестями был с готовностью гарантирован ему клятвой, и Кадмея была сдана. Когда спартанцы выходили из ворот, многие фиванцы из числа побежденных также вышли вперед. Но в отношении этих последних ярость победителей была столь неудержима, что несколько наиболее одиозных из них были схвачены на ходу и преданы смерти; в некоторых случаях вместе с ними были и их дети. И их было бы еще больше, если бы афинские помощники с великодушной тревогой не приложили все усилия, чтобы убрать их с глаз долой и поместить в безопасное место.[193] Нам не говорят - да и нет уверенности, - что эти фиванцы были защищены капитуляцией. Однако даже если бы они были защищены, гневный порыв все равно мог бы возобладать над ними. Из трех хармосов, которые таким образом эвакуировались из Кадмеи без боя, двое были преданы смерти, а третьего власти Спарты оштрафовали и изгнали.[194] Мы не знаем, каковы были укрепления Кадмеи, и насколько она была обеспечена. Но мы вряд ли можем удивляться тому, что эти офицеры считались опозорившими лакедемонское оружие, не предприняв никакой попытки защитить его; если вспомнить, что для получения адекватной помощи из дома потребовалось бы не более четырех или пяти дней, и что сорок три года

спустя македонский гарнизон в том же месте удерживался против фиванцев в городе более четырнадцати дней, вплоть до возвращения Александра из Иллирии.[Первый гонец, принесший в Спарту известие о заговоре и революции в Фивах, по-видимому, сообщил в то же время, что гарнизон эвакуировался из Кадмеи и полностью отступил, с обозом фиванских изгнанников из побежденной партии[196].

Революция в Фивах обрушилась на греческий мир как удар током. У современного читателя убийство четырех лидеров в их домах и на пиру вызывает чувство отвращения, которое отвлекает его внимание от других моментов этого памятного деяния. Древний грек не только не испытывал такого отвращения, но и сочувствовал полной мести за захват Кадмеи и смерть Исмения; кроме того, он восхищался необычайной личной смелостью Пелопида и Меллона, искусным предвидением заговора и внезапным свержением столь презрительно малой силой правительства, которое накануне казалось неприступным.[197] Следует отметить, что здесь мы видим богатейших людей Фив, которые в одиночку и с собственными людьми идут на риск, который, по здравому размышлению, должен был казаться не менее чем отчаянным. Начиная с гомеровских Одиссея и Ахилла и вплоть до конца свободного эллинизма, богатый грек раздевается в Палестре[198] и выставляет свою персону в рядах солдат, как и беднейшие граждане, обычно превосходя их в силе и телесной работоспособности.

Как революция в Фивах сильно подействовала на греческий ум благодаря тому, как она была совершена, так и своими положительными последствиями она сразу же изменила соотношение сил в Греции. Империя Спарты, далекая от неоспоримого и почти всеобщего над Грецией, отныне сохраняется лишь с большими или меньшими усилиями, пока в конце концов не будет полностью свергнута[199].

Изгнанники из Фив, прибывшие в Спарту, до крайности раззадорили и эфоров, и мизо-фиванца Агесилая. Хотя была глубокая зима,[200] было принято решение о немедленном походе на Фивы, и были созваны союзные войска. Агесилай отказался принять командование, сославшись на то, что ему уже больше шестидесяти лет, а значит, он уже не подлежит обязательной иностранной службе. Но это (говорит Ксенофонт[201]) не было его настоящей причиной. Он боялся, что его враги в Спарте скажут: "Вот Агесилай снова вводит нас в расходы, чтобы поддерживать деспотов в других городах", - как он только что сделал и в чем его упрекали во Флии; второе доказательство того, что упреки Спарте (которые я цитировал несколькими страницами выше из Лисия и Исократа) в том, что она вступает в союз с греческими деспотами, а также с иностранцами, чтобы подавить греческую свободу, нашли отклик даже в самой Спарте. Командование взял на себя Клеомброт, другой царь Спарты. Он недавно сменил своего брата Агесиполиса и никогда раньше не командовал.

Клеомброт провел свою армию вдоль Коринфского перешейка через Мегару к Платее, разрубив на куски фиванский форпост, состоявший в основном из пленных, освобожденных в результате недавней революции, которые были размещены для обороны промежуточного горного прохода. Из Платеи он направился в Феспию, а оттуда - в Киноскефалу на территории Фив, где простоял лагерем шестнадцать дней, после чего отступил в Феспию. Судя по всему, он ничего не предпринимал, и его бездействие вызвало немалое удивление в его армии, которая, как говорят, даже сомневалась, действительно ли он искренне враждебен Фивам. Возможно, изгнанники, по своему обыкновению преувеличивая, внушили ему надежду, что они смогут спровоцировать восстание в Фивах, если он только

приблизится. Во всяком случае, плохая погода должна была стать серьезным препятствием для действий, поскольку во время его похода в Пелопоннес через Креусис и Игостен ветер дул ураганный, так что его солдаты не могли идти, не оставив щитов и не вернувшись за ними. Однако Клеомброт не покинул Беотию, не оставив Сфодрия гармостом в Феспиях с одной третью всей армии и значительной суммой денег, чтобы нанять наемников и энергично действовать против фиванцев[202].

Армия Клеомброта, шедшая из Мегары в Платею, прошла мимо Аттики, вызвав такую тревогу у афинян, что они поставили Хабрия с отрядом пельтастов охранять свою границу и соседнюю дорогу через Элевтерий в Беотию. Это был первый случай, когда лакедемонская армия коснулась Аттики (теперь уже не охраняемой линиями Коринфа, как во время войны между 394 и 388 гг. до н.э.) со времени ухода царя Павсания в 404 г. до н.э.; это было доказательством незащищенности страны, которое должно было оживить в афинском сознании все ужасные воспоминания о Декелее и Пелопоннесской войне. Именно во время первой волны этой тревоги, когда Клеомброт, по-видимому, еще находился со своей армией в Феспии или Киноскефале, недалеко от афинской границы, в Афины прибыли три лакедемонских посланника, Этимоклас и двое других, чтобы потребовать удовлетворения за участие двух афинских генералов и афинских добровольцев в согласовании и помощи в предприятии Пелопида и его товарищей. В обществе так сильно было стремление не дать Спарту в обиду, что оба генерала были обвинены в дикастерии. Первый из них был осужден и казнен; второй, воспользовавшись этим предупреждением (поскольку, согласно псефизму Καππόνης [203] их будут судить отдельно), бежал, и против него был вынесен приговор об изгнании.[204] Эти два генерала были, несомненно, виновны в серьезном злоупотреблении своими служебными обязанностями. Они подвергли государство общественной опасности, не только не посоветовавшись с сенатом или собранием, но даже не прислушавшись к мнению своего собственного совета Тена. Тем не менее суровость вынесенного приговора свидетельствует как о тревоге, так и о недовольстве всего афинского народа, а по факту, если не по форме, он служил отказом от всех политических связей с Фивами[205].

Однако еще до того, как лакедемонские посланники покинули Афины, случай, столь же внезапный и памятный, полностью изменил нравы афинян. Лакедемонянин Сфодрий (которого Клеомброт оставил в Феспиях для ведения войны с Фивами), получив сведения о том, что Пирей со стороны суши не имеет ни ворот, ни ночного дозора, - поскольку не было никаких подозрений в нападении, - задумал удивить его ночным маршем из Феспий и таким образом одним махом овладеть торговлей, богатством и морскими ресурсами Афин. Выдвинув свои войска в поход вечером после раннего ужина, он рассчитывал достичь Пейреуса на следующее утро до рассвета. Но его расчет оказался ошибочным. Утро застало его, когда он продвинулся не дальше Фриасийской равнины близ Элевсиса; оттуда, поскольку дальше идти было бесполезно, он повернул назад и отступил в Феспию, не совершив, однако, различных грабительских актов в отношении окрестных афинских жителей.

Этот план против Пейреуса, похоже, не был плохо продуман. Если бы Сфодрий был человеком, способным организовать и осуществить такие же быстрые движения, как у Брасидаса, нет причин, почему бы он не увенчался успехом; в этом случае вся картина войны изменилась бы, поскольку лакедемоняне, став хозяевами Пейреуса, могли бы и удержать его. Но это была одна из тех несправедливостей, которые никто никогда не одобряет, пока они не будут успешно завершены, - "consilium quod non potest laudari nisi peractum"[206]. Поскольку не удался, он рассматривался, как критиками, так и современниками, не только

как преступление, но и как вина, а его автор Сфодриас - как храбрый, но необычайно слабый и вспыльчивый человек.^[207] Не признавая всей глубины этого порицания, мы можем видеть, что его нынешняя агрессия выросла из недостойного подражания славе, которую Фибидас, несмотря на симулированное или преходящее недовольство своих соотечественников, приобрел, захватив Кадмею. То, что Сфодриас получал частные инструкции от Клеомброта (как утверждает Диодор), недостаточно доказано; подозрение же, на которое намекает Ксенофонт, что он был подстрекаем тайными эмиссарами и подкупам своих врагов фиванцев с целью втянуть Афины в войну со Спартой, вообще невероятно;^[208] и кажется просто гипотезой, предложенной последствиями этого поступка, которые были таковы, что если бы его враги подкупили его, он не смог бы служить им лучше.

О присутствии Сфодриаса и его армии на Триасийской равнине вскоре после рассвета узнали в Афинах, где это вызвало не столько ужас, сколько удивление. Каждый человек тут же взялся за оружие, чтобы защищаться; но вскоре пришло известие, что захватчик отступил. Успокоившись таким образом, афиняне перешли от страха к негодованию. Лакедемонских посланников, которые остановились в доме проксена Каллиаса в Спарте, немедленно арестовали и допросили. Но все трое утверждали, что они не менее удивлены и не менее возмущены походом Сфодрия, чем сами афиняне; в подтверждение они добавили, что если бы они действительно были посвящены в планы захвата Пейреев, то позаботились бы о том, чтобы их не нашли в городе, а поселились в доме проксена, где, конечно, их сразу же схватили бы. В заключение они заверили афинян, что в Спарте Сфодрия не только с негодованием отвергнут, но и подвергнут суровому наказанию. Их ответ был сочтен настолько удовлетворительным, что им разрешили удалиться, а в Спарту было отправлено афинское посольство с требованием наказать обидчика-полководца^[209].

Эфоры немедленно вызвали Сфодрия домой в Спарту, чтобы предать его суду по обвинению в смертной казни. Сам он настолько отчаялся в своем деле, что не решился явиться; в то время как в Спарте и в других местах сложилось общее впечатление, что его непременно осудят. Тем не менее, несмотря на отсутствие и отсутствие защиты, он был оправдан, исключительно благодаря частной благосклонности и уважению к его характеру. Он принадлежал к партии Клеомброта, поэтому все друзья этого принца поддерживали его дело, как само собой разумеющееся. Но поскольку он принадлежал к партии, противостоящей Агесилаю, его друзья опасались, что тот выступит против него и осудит его. Сфодрия не спасло ничего, кроме особой близости между его сыном Клеонимом и Архидамом, сыном Агесилая. Скорбные просьбы Архидама побудили Агесилая, когда это важное дело было вынесено на рассмотрение сената Спарты, отбросить свое судебское убеждение и подать голос следующим образом: "Несомненно, Сфодрий виновен; в этом вопросе не может быть двух мнений. Тем не менее мы не можем предать смерти такого человека, как он, который, будучи мальчиком, юношей и мужчиной, безупречно отстаивал спартанскую честь. Спарта не может расстаться с такими воинами, как Сфодрий"^[210]. Друзья Агесилая, следуя этому мнению и совпадая с мнением Клеомброта, обеспечили благоприятный вердикт. Примечательно, что сам Этимокл, который, будучи посланником в Афинах, с уверенностью заявил, что Сфодрия предадут смерти, - как сенатор и друг Агесилая проголосовал за его оправдание^[211].

Этот примечательный инцидент (дошедший до нас от свидетеля, не только фило-лаконского, но и лично близкого к Агесилаю) показывает, насколько сильно в Спарте на ход правосудия влияли частные симпатии и интересы, особенно интересы двух царей. Это особенно наглядно иллюстрирует то, что было сказано в предыдущей главе о притеснениях, чинимых

спартанскими гарматами и декархиями, которые в Спарте не могли быть восстановлены. В данном случае речь шла не только о признании вины Сфодрия, но и о том, что за его оправданием непременно должна была последовать война с Афинами. Если при таких обстоятельствах требование афинян о возмещении ущерба было отклонено благосклонностью двух царей, то каковы были шансы на справедливость жалобы зависимого города или обиженного человека, против вредителя? Поучителен и контраст между спартанским и афинским судопроизводством. Всего за несколько дней до этого афиняне по требованию Спарты осудили двух своих генералов, которые без разрешения оказали помощь фиванским изгнанникам. Таким образом, афинский дикастерий привел в исполнение закон против явного служебного проступка - и это в том случае, когда их симпатии были на стороне этого деяния, хотя страх перед войной со Спартой был сильнее. Но самое важное обстоятельство, которое следует отметить, заключается в том, что в Афинах ни частное, ни царское влияние не в состоянии отменить искреннюю судебную совесть многочисленной и независимой дикастерии.

Результат оправдания Сфодриаса должен был быть заранее известен всем партиям в Спарте. Даже всеобщий голос Греции осудил этот приговор как незаконный.^[212] Но афиняне, которые совсем недавно с большим энтузиазмом реагировали на выступления Спарты против своих полководцев, были уязвлены этим приговором до глубины души; и уязвлены еще больше из-за необычайных комплиментов Сфодрию, которыми обернулось оправдание. Они немедленно заключили сердечный союз с Фивами и начали энергичные приготовления к войне со Спартой как на суше, так и на море. Достроив укрепления Пирея, чтобы сделать его недостижимым для любых будущих попыток, они занялись строительством новых военных кораблей и расширением своего военно-морского превосходства за счет Спарты^[213].

С этого момента в греческой политике началась новая комбинация. Афиняне сочли момент благоприятным для попытки создания новой конфедерации, аналогичной Делосской конфедерации, образовавшейся за столетие до этого, на основе которой была воздвигнута грозная Афинская империя, утраченная в конце Пелопоннесской войны. К такому строительству Афины уже имели небольшое число морских союзников, а риторы вроде Исократ (в его "Панегирическом дискурсе", опубликованном за два года до этого) приобщали общественное сознание к более масштабным идеям. Но теперь к этому предприятию приступили с решимостью и яростью людей, ожесточенных недавним оскорблением. У афинян была хорошая почва для строительства; поскольку, то время как недовольство против возвышения Спарты было широко распространено, недавняя революция в Фивах сделала многое, чтобы ослабить те чувства страха, на которых это возвышение в основном покоилось. Для Фив объединение с Афинами было крайне желанным, и их лидеры с радостью записали свой город в состав новой конфедерации. [Они с радостью признали председательство Афин, сохранив, однако, молчаливо или явно, свои собственные права председателей Беотийской федерации, как только она будет восстановлена; это восстановление было в данный момент желательно даже для Афин, поскольку беотийские города были теперь зависимыми союзниками Спарты под властью гармостов и олигархий.

Затем афиняне отправили посланников на главные острова и в приморские города Эгейского моря, приглашая их всех к союзу на равных и почетных условиях. Принципы были в основном те же, что и у Делосской конфедерации, созданной против персов почти за столетие до этого. Было предложено, чтобы в Афинах собрался конгресс депутатов, по одному от каждого города, как малого, так и большого, каждый с одним голосом; чтобы Афины были

президентом, а каждый отдельный город самостоятельным; чтобы был собран общий фонд, с общими военно-морскими силами, путем обложения каждого конгрессом, и применялся по предписанию той же власти; общая цель была определена как поддержание свободы и безопасности от иностранной агрессии, для каждого конфедерата, общей силой всех. Было принято решение максимально изгнать ассоциации с данью и подчинением, которые делали воспоминания о прежней Афинской империи непопулярными. 215] А поскольку среди афинских граждан было много тех, кто во времена господства был поселен в качестве клерухов или поселенцев в различных зависимых странах, но был лишен своего имущества после окончания войны, было сочтено необходимым принять официальный декрет, 216 запрещающий возрождение этих приостановленных прав. Кроме того, было постановлено, что отныне ни один афинянин не должен ни под каким предлогом владеть имуществом, ни домом, ни землей, на территории любого из конфедератов; ни путем покупки, ни в качестве залога за деньги, взятые займы, ни каким-либо другим способом приобретения. Любой афинянин, нарушивший этот закон, подлежал доносу в синод, который, при доказательстве этого факта, должен был лишить его собственности, причем половина ее шла доносчику, а половина - на общие нужды конфедерации.

Таковы были либеральные принципы конфедерации, предложенные Афинами, которые, как кандидат на власть, были прямы и справедливы, как иродотеи Дейокиз, [217] и официально ратифицированные как афинянами, так и общим голосом депутатов конфедерации, собравшихся в их стенах. Официальное постановление и договор о союзе были начертаны на каменной колонне и поставлены рядом со статуей Зевса Элевтерия или Освободителя; это был символ достигнутого права на свободу от Спарты, а также свободы, которую предстояло поддерживать против Персии и других врагов. 218] Периодические собрания депутатов конфедерации должны были проводиться (как часто, мы не знаем) в Афинах, а синод был признан компетентным судьей всех лиц, даже афинских граждан, обвиненных в измене конфедерации. Для большей безопасности конфедератов в целом, в первоначальном договоре было предусмотрено, что если какой-либо афинский гражданин будет говорить или ставить на голосование какой-либо вопрос в афинском собрании, противоречащий положениям этого документа, он должен судиться перед синодом за измену; и если его признают виновным, он может быть приговорен им к самому суровому наказанию.

Три афинских лидера занимали видное место в качестве уполномоченных в первой организации конфедерации и в отношениях с теми многочисленными городами, чье присоединение должно было быть достигнуто путем дружеских уговоров, - Хабрий, Тимофей, сын Конона, и Каллистрат [219].

Первый из этих троих уже известен читателю. Он и Ификрат были самыми выдающимися воинами, которых Афины причисляли к своим гражданам. Но после заключения Анталкидского мира в 387 году до н. э. Афины не участвовали ни в одной войне и не нуждались в их услугах; поэтому оба они отсутствовали в городе в течение большей части последних девяти лет, а Ификрат, похоже, отсутствовал и сейчас. В то время, когда был заключен мир, Ификрат служил в Геллеспонте и Фракии, а Хабрий с Евагором - на Кипре; каждый из них был послан туда Афинами во главе отряда наемников-пельтастов. Вместо того чтобы распустить свои войска и вернуться в Афины мирными гражданами, военным вкусам этих полководцев было не менее приятно, чем их значению и прибыли, держать вместе свои отряды и брать на службу иностранцев. Так, Хабриас продолжал служить сначала на Кипре, затем у египетского царя Акориса. Персы, против которых он служил, нашли его враждебность настолько неудобной, что Фарнабаз потребовал от афинян отозвать его под

страхом недовольства Великого Царя; одновременно он просил послать Ификрата в помощь персидским сатрапам для организации большой экспедиции против Египта. Афиняне, для которых благосклонность Персии имела сейчас особое значение, пошли на оба условия; отзывали Хабрия, который таким образом стал непригоден для афинской службы,[220] и отправили Ификрата принять командование вместе с персами.

Ификрат, со времен Анталкидова мира, использовал своих пельтастов на службе у царей Фракии: сначала у Сеутеса, у берегов Пропонтиды, которому он помог вернуть некоторые утраченные владения, - затем у Котиса, чью благосклонность он приобрел и на чьей дочери впоследствии женился.[Он не только получил широкие возможности для военных действий и грабежа среди "фракийцев, питающихся маслом"[222], но и приобрел в качестве приданого большой запас продуктов, которыми располагали фракийские князья, а также еще более важное благо - приморскую деревню недалеко от устья Гебруса под названием Дрис, где он основал укрепленный пост и собрал греческую колонию, зависимую от него.[До него то же самое сделали Мильтиад, Алкивиад и другие выдающиеся афиняне, хотя Ксенофонт отказался от подобного предложения, сделанного ему ранее Сеутесом. 224 Таким образом, Ификрат стал великим человеком во Фракии, но ни в коем случае не отказался от связи с Афинами, а сделал свое положение в каждом из них подчиненным своему значению в другом. В то время как он был в состоянии поддержать проекты афинских граждан о торговых и территориальных приобретениях в Херсонесе и других частях Фракии, он также мог оказать помощь афинским морским и военным искусством не только принцам во Фракии, но и другим даже за ее пределами, поскольку мы узнаем, что Аминтас, царь Македонии, стал настолько привязан или обязан ему, что усыновил его как своего сына.[225] Когда афиняне отправили его в Персию по просьбе Фарнабаза (около 378 г. до н. э.), Ификрат имел все основания предвидеть, что перед ним откроется еще более выгодная карьера.[226]

Находясь за границей, афиняне присоединили к Хабриасу в миссии и мерах по организации новой власти двух других коллег, о которых мы слышим впервые - Тимофея, сына Конона, и Каллистрата, самого знаменитого оратора своего времени. 227] Способности Каллистрата были совсем не военными, тогда как Тимофей и Хабриас были людьми с выдающимися военными заслугами. Но, приобретая новых союзников и привлекая депутатов на предложенный ею конгресс, Афины нуждались в убедительных призывах, примирительном обращении и основательной справедливости во всех своих предложениях не меньше, чем в полководческом искусстве. Нам рассказывают, что Тимофей, несомненно, сын освободителя Конона, по воспоминаниям о битве при Книде, особенно преуспел в завоевании новых сторонников; и, вероятно, Каллистрат,[228] объезжая с ним различные острова, своим красноречием не в малой степени способствовал тому же результату. По их приглашению многие города вступили в федерацию.[229] В это время (как и в более ранней конфедерации Делоса) все присоединившиеся должны были быть неограниченными членами. И мы можем понять мотивы их объединения, прочитав нарисованную Исократом (в 380 году до н. э.) картину тирании персов на азиатском материке, грозящей поглотить соседние острова. Теперь не только существовала новая основа для навязывания силы, представленная Афинами и Фивами в союзе, но и была широко распространена ненависть к имперской Спарте, усугубившаяся после того, как она извратила притворное благодеяние автономии, обещанное Анталкидским миром; сочетание этих настроений привело к тому, что афинская миссия приглашения была чрезвычайно успешной. Все города Эвбеи (кроме Гистиеи на севере острова), а также Хиос, Митилена, Византия и Родос - три первых из которых сохраняли благосклонность к Афинам со времен Анталкидского мира[230] - вступили

в конфедерацию. Афинский флот под командованием Хабрия, плававший среди Киклад и других островов Эгейского моря, помог изгнать лакедемонских гарматов[231] вместе с их преданными местными олигархиями, где они еще существовали; все освобожденные таким образом города стали равноправными членами вновь учрежденного в Афинах конгресса. Через некоторое время в нем приняли участие не менее семидесяти городов, многие из которых были отдельно могущественны и посылали своих депутатов;[232] этого количества было достаточно, чтобы запугать Спарту и даже польстить Афинам надеждой на восстановление своего бывшего блеска.

Первые голоса как самих Афин, так и вновь собранного конгресса угрожали войной в самых широких масштабах. Было принято постановление о снаряжении двадцати тысяч гоплитов, пятисот всадников и двухсот трирем.[233] Вероятно, ионийские и инсультские депутаты обещали каждому определенный денежный взнос, но не более того. Мы, однако, не знаем, сколько, и насколько большие или малые обязательства были выполнены, и были ли Афины уполномочены принуждать к исполнению неплательщиков, и были ли у них обстоятельства, чтобы действовать на основании таких полномочий, если бы они были предоставлены ей конгрессом. Именно таким образом (как читатель помнит из моего пятого тома) Афины впервые сделали себя непопулярными в Делосской конфедерации, обеспечив исполнение постановлений конфедеративного синода против уклоняющихся или отделившихся членов. Именно таким образом то, что поначалу было добровольным объединением, в итоге превратилось в империю по принуждению. В новых обстоятельствах 378 года до н. э. мы можем предположить, что конфедераты, хотя и были пылкими и полными обещаний, когда впервые собрались в Афинах, даже вначале не были точны, а впоследствии стали еще менее точны в исполнении; однако Афины были вынуждены быть сдержанными в требовании или в использовании права принуждения. Добиться голосования большинства присутствующих депутатов за внесение вклада было лишь первым шагом в этом процессе; добиться пунктуальной оплаты, когда афинский флот был отправлен для сбора, - при этом не навлекая на себя опасной непопулярности, - было вторым шагом, но, безусловно, самым сомнительным и трудным.

Однако следует помнить, что в этот момент, когда конфедерация только образовалась, и Афины, и другие города объединились в спонтанном порыве сердечного взаимопонимания и сотрудничества. Через несколько лет все изменилось: Афины стали эгоистичными, а конфедераты - неохотными.[234] Подстрекаемые как обновленным положением главы, так и новой враждой со Спартой, афиняне предприняли важные собственные усилия, как финансовые, так и военные. Снарядив флот, который на тот момент был самым большим в Эгейском море, они опустошили враждебную территорию Гистиеи в Эвбее и присоединили к своей конфедерации острова Пепархт и Скиаф. Они также обложили себя прямым налогом на имущество, но в каком размере, мы не знаем.

Именно благодаря этому налогу они внесли большие изменения в финансовое устройство и конституцию города; эти изменения привели к назначению архонта Наусиника (378-377 гг. до н. э.). Большая часть основных афинских граждан, а также метисы теперь были заново классифицированы для целей налогообложения. Следует помнить, что еще со времен Солона[235] афинские граждане были разделены на четыре класса - пентакосиомедимни, гиппеи, зевгиты, теты, - отличавшиеся друг от друга размером своего имущества. Из этих солонских классов четвертый, или самый бедный, не платил прямых налогов, в то время как три первых облагались налогами в соответствии с оценками, составлявшими определенную долю их фактического имущества. Имущество самых богатых (Pentakosiomedimni, включая всех, кто имел минимальный доход в пятьсот медимнов кукурузы в год или выше) заносилось

в налоговую книгу в размере, равном двенадцатикратному доходу; имущество *Hipreis* (включая всех, кто имел годовой доход от трехсот до пятисот медимнов) - в десятикратном размере; имущество *Zeugitæ* (или обладателей годового дохода от двухсот до трех ста медимнов) - в пятикратном размере. Медимн кукурузы приравнивался к драхме, что позволяло применять эту же систему классов как к движимому имуществу, так и к земле. Таким образом, когда взимался реальный налог на имущество (или *эйсфора*), он действовал как равный или пропорциональный налог для всех членов одного класса, но как градуированный или прогрессивный налог для всех членов более богатого класса по сравнению с теми, кто был беднее.

Три вышеупомянутых солонских имущественных класса просуществовали, хотя, вероятно, и не без изменений, вплоть до окончания Пелопоннесской войны; и в значительной степени сохранились после обновления демократии в 403 г. до н. э., во время правления Эвклида.^[236] Хотя право на занятие великих государственных должностей до этого времени перестало зависеть от материального положения, все же было необходимо иметь какие-то средства для выделения более состоятельных граждан, не только в случае введения прямого налогообложения, но и потому, что обязанность служить на литургиях или занимать обременительные должности была обусловлена зачислением человека в число обладателей имущества, превышающего определенный минимум. Поэтому представляется, что солоновская перепись в своих основных принципах классификации и градации была сохранена. Имущество каждого человека оценивалось, и он относился к одному из трех или более классов в зависимости от его количества. Для каждого из классов предполагалась определенная пропорция облагаемого налогом капитала к имуществу каждого человека, и каждый вносился в таблицу не на все свое имущество, а на сумму облагаемого налогом капитала, соответствующую его имуществу, в соответствии с принятой пропорцией. В первом, или самом богатом, классе облагаемый капитал находился в большем отношении к фактическому имуществу, чем в менее богатом; во втором - в большем, чем в третьем. Сумма всех этих статей облагаемого капитала во всех различных классах, указанная в таблице напротив имени каждого человека, составляла совокупную перепись Аттики, на которую налагался весь прямой налог на имущество, в равной пропорции на каждого человека.

О предыдущих изменениях в реестре налогооблагаемого имущества или особенностях его распределения по классам, которые были введены в 403 г. до н. э. при архонте Эвклиде, у нас нет никакой информации. Мы также не можем определить, насколько велики или многочисленны были оценки прямого налога на имущество, введенные в Афинах между этим правлением и правлением Наусиника в 378 году до н.э. Но в этот последний период реестр был снова значительно изменен, в тот момент, когда Афины готовились к усиленным нагрузкам. Была проведена новая оценка имущества каждого человека, владеющего имуществом на сумму от двадцати пяти мин (или двадцати пяти сотен драхм) и выше. Исходя из этой оценки, каждому вносилась в расписание сумма облагаемого налогом капитала, равная определенной доле того, чем он владел. Но эта доля была различной для каждого из разных классов. Сколько было классов, мы точно не знаем; мы также не можем сказать, за исключением самого низкого класса, облагаемого налогом, какая сумма была принята в качестве минимальной для любого из них. Однако вряд ли могло быть меньше трех классов, а скорее всего, их было четыре. Но что касается первого, или самого богатого, класса, то мы знаем, что каждый человек был внесен в таблицу с облагаемым капиталом, равным одной пятой части его оценочного имущества, и что в него были включены обладатели пятнадцати талантов. Отец Демосфена умер в этом году, и мальчик Демосфен был возвращен опекунами в первый класс как обладатель пятнадцати талантов, после чего его имя было внесено в расписание с облагаемым капиталом в три таланта, что составляло одну пятую часть его

действительного имущества. Налогооблагаемый капитал второго класса был внесен в размере меньшем, чем одна пятая часть их фактического имущества (вероятно, достаточно одной шестой, как и у всех зарегистрированных мериков); третьего - в размере еще меньшем; четвертого (если был четвертый) - еще меньшем, чем третий. Этот последний класс опускался до минимума в двадцать пять мин, или двадцать пять сотен драхм, ниже которого не принималось никаких счетов[237].

Кроме облагаемых капиталов граждан, таким образом, в расписание были включены капиталы метисов или иностранцев-резидентов; каждый из них был зачислен (без различия большего или меньшего имущества, выше двадцати пяти мин) в облагаемый капитал, равный одной шестой части его фактического имущества;[238] что было меньше, чем у самого богатого класса граждан, и, вероятно, равнялось второму классу в порядке богатства. Все эти статьи в сумме составляли пять тысяч семьсот пятьдесят или шесть тысяч талантов,[239] образуя совокупную таблицу облагаемого налогом имущества; то есть что-то около шести тысяч талантов. Налог на имущество не входил в число обычных способов и средств государства. Он взимался только в особых случаях; и всякий раз, когда он взимался, он оценивался по этой таблице, - каждый человек, богатый или бедный, оценивался одинаково в соответствии с его налогооблагаемым капиталом, как это было указано. Так, налог на имущество в размере одного процента составлял шестьдесят талантов; два процента - сто двадцать талантов и т. д. Весьма вероятно, что благодаря усилиям Афин во время правления архонта Нausиника, когда впервые была подготовлена эта новая таблица, налог на имущество был введен, но мы не знаем, в каком размере[240].

Наряду с этим новым расписанием облагаемых налогом капиталов, теперь происходило новое распределение граждан по определенным органам, называемым симмориями. Насколько мы можем судить по весьма туманному вопросу, кажется, что этих симморий было двадцать, по две на каждое племя; что каждая содержала шестьдесят граждан, составляя таким образом тысячу двести человек; что эти тысяча двести были самыми богатыми гражданами по расписанию, - содержащими, возможно, два первых класса из четырех зачисленных. Однако среди этих тысячи двухсот человек триста самых богатых выделялись в отдельную группу; по тридцать человек от каждого племени. Эти триста были самыми богатыми людьми в городе и назывались "вождями или начальниками симморийцев". Триста и двенадцать сотен соответствовали, если говорить приблизительно, старым солонийским классам пентакосиомедимни и гиппеев; из них в начале Пелопоннесской войны также было двенадцать сотен.[241] Литургии, или обременительные и дорогостоящие должности, исполнялись в основном тремя сотнями, но частично и двенадцатью сотнями. По-видимому, первая сотня была по сути непостоянным органом, и после того, как человек некоторое время находился в ней, выполняя принадлежащие ей обязанности, стратеги или генералы позволяли ему смешиваться с двенадцатью сотнями и выдвигали одного из них на место в трех сотнях. Что касается отношений между людьми, то аттический закон всегда допускал процесс, называемый антидозис, или обмен имуществом. Любой гражданин, считавший, что на него возложены чрезмерно дорогие литургии и что другой гражданин, такой же богатый или более богатый, чем он, не понес своей справедливой доли, мог, если ему поручали новую литургию, потребовать, чтобы другой взял ее на себя вместо него; а в случае отказа он

мог предложить ему обмен имуществом с обязательством, что он возьмет на себя новую обязанность, если имущество другого будет передано ему.

Следует заметить, что кроме двенадцатисот самых богатых граждан, составлявших симмории, было еще более значительное число менее богатых граждан, не включенных в них, но все же облагаемых налогом на имущество; лиц, обладавших имуществом от минимума в двадцать пять мин до неизвестного нам максимума, с которого начинались симмории, - и соответствовавших, говоря условно, третьему классу или Zeugitæ солонской переписи. Два симмория от каждого племени (состоявшего из ста двадцати самых богатых членов) вели реестр имущества каждого племени и собирали взносы, причитавшиеся с менее богатых членов племени. Иногда, когда государство требовало немедленной уплаты, тридцать самых богатых людей в каждом племени (всего их было триста) вносили всю сумму налога, взимаемого с племени, имея законное средство принудительного взыскания с других членов для получения суммы, взимаемой с каждого. Таким образом, богатейшие граждане были одновременно вооружены правами и обложены обязанностями, такими, которые не принадлежали им до архонтства Наусиника. Предполагалось, что благодаря их вмешательству расписание будет ближе к истине в том, что касается оценки каждого человека, а фактически наложенные суммы будут получены быстрее, чем при прямом вмешательстве государства с помощью собственных чиновников. Вскоре после этого система симморий была расширена до триерархии; это изменение, которое сначала не предполагалось. Каждая симмория имела своих начальников, своих кураторов, своих ассессоров, действующих под общим председательством стратегов. Двадцать пять лет спустя Демосфен (тогда ему было около тридцати лет) рекомендовал еще более всеобъемлющее применение того же принципа, чтобы люди, деньги, корабли и все средства и силы государства были разделены на отдельные фракции и переданы отдельным симмориям, каждая из которых имела бы ограниченный круг обязанностей, которые должны были бы выполнять ее члены, и каждая подвергалась бы не только судебному преследованию, но и потере уважения в случае невыполнения. Однако на практике оказалось, что системой симморий стали злоупотреблять, и она привела к пагубным последствиям, которых никто не ожидал.

Однако сейчас я обращаю внимание на эту новую финансовую и политическую классификацию, введенную в 378 году до н. э., только как на одно из свидетельств того, с каким рвением Афины принялись за задуманную войну против Спарты. Среди ее союзников, фиванцев, настроения были не менее решительными. Правительство Леонтиада и спартанский гарнизон оставили после себя столь сильную антипатию, что большинство граждан, с радостью приняв участие в революции против них, подчинялись всем приказам Пелопида и его коллег, у которых, со своей стороны, не было другой мысли, кроме как дать отпор общему врагу. Теперь правительство Фив стало, вероятно, демократическим по форме и еще более демократическим по духу, благодаря единодушному рвению, охватившему всю массу. Его военные силы были подвергнуты наилучшему обучению; наиболее плодородная часть равнины к северу от Фив, откуда поступали основные средства к существованию города, была окружена рвом и частоколом,^[242] чтобы отразить ожидаемое спартанское вторжение; и памятный Священный отряд был впервые организован. Это была бригада из трех сотен гоплитов, называвшаяся Лохусом, или полком города, как посвященная защите Кадмеи, или акрополя^[243]. Она была постоянно вооружена и обучена за государственный счет, как и Тысяча в Аргосе, о которой упоминалось в моем седьмом томе.^[244] Она состояла из молодых граждан из лучших семей, отличавшихся силой и мужеством во время суровых испытаний палестры в Фивах, и была сформирована таким образом, что каждая пара соседних солдат была в то же время близкими друзьями; таким образом, вся группа

держалась вместе благодаря узам, которые не могли разорвать никакие опасности. Вначале она, под командованием Горгидаса (как мы видим на примере отборных трехсот человек, сражавшихся в 424 году до н. э. в битве при Делиуме),^[245] должна была служить в качестве передового отряда, за которым должна была следовать общая масса гоплитов. Но в силу обстоятельств, о которых мы еще упомянем, они стали использоваться Пелопидом и Эпаминондасом как самостоятельный полк, и в атаке были признаны неотразимыми^[246].

Следует отметить, что фиванцы всегда были хорошими солдатами, как гоплитами, так и конницей. Поэтому существующий энтузиазм и более продолжительная тренировка только повышали уровень хороших солдат. Но теперь Фивам выпала еще одна удача, подобной которой еще не было. Она нашла среди своих граждан вождя редчайшего совершенства. Именно сейчас Эпаминондас, сын Полимниса, впервые начинает выделяться в общественной жизни Греции. Его семья, скорее бедная, чем богатая, была одной из самых древних в Фивах, принадлежала к тому роду, который назывался Спарти, чьи героические предки, как говорили, произошли от зубов дракона, посеянного Кадмом.^[247] Эпаминондас был уже в среднем возрасте; Пелопид был моложе и происходил из очень богатой семьи; однако между ними были отношения равной и близкой дружбы, проверенные в день битвы, где они стояли бок о бок как гоплиты, и где Эпаминондас спас жизнь своему раненому другу ценой нескольких ран и величайшей опасности для себя^[248].

Эпаминондас пунктуально выполнял военные и гимнастические обязанности, которые были возложены на каждого фиванского гражданина. Но нам говорят, что в гимнастическом зале он старался приобрести максимум активности, а не силы; ловкие движения бегуна и борца, а не тяжелую мускулатуру, приобретенную отчасти чрезмерным питанием, как у беотийского драчуна.^[249] Он также учился музыке, вокальной и инструментальной, и танцам, под которыми в те времена подразумевалась не просто сила удара по лире или дуновения флейты, но все, что относится к изящному, выразительному и эмфатическому управлению голосом или телом; ритмичное произношение, упражняемое повторением поэтов, и дисциплинированные движения для участия в хорическом празднике с созвучием среди толпы граждан-исполнителей. Из таких гимнастических и музыкальных упражнений, сочетание которых составляло совершенного греческого гражданина, первые преобладали в Фивах, вторые - в Афинах. Более того, в Фивах музыкальная подготовка основывалась больше на флейте (для изготовления которой в районе Копайского озера рос превосходный тростник), а в Афинах - на лире, которая допускала вокальное сопровождение исполнителя. Афинянин Алкивиад^[250], выбросив с отвращением свою флейту, заметил, что игра на флейте - подходящее занятие для фиванцев, поскольку они не умеют говорить; а в отношении соотечественников Пиндара^[251] вообще это замечание было едва ли менее верным, чем презрительным. В этом главном вопросе Эпаминондас представлял собой великолепное исключение. Он не только обучался лире^[252] и флейте у лучших мастеров, но и, расходясь во взглядах со своим братом Кафесием и другом Пелопидом, с ранних лет проявлял пылкий интеллектуальный порыв, который был бы замечен даже в афинянце. Он с жадностью искал общения с доступными ему философами, среди которых были фиванский Симмий и тарентинский Спитарус, некогда соратники Сократа; таким образом, возбуждающее влияние сократовского метода частично и вторично попало в лоно Эпаминондаса. Поскольку отношения между Фивами и Афинами с момента окончания Пелопоннесской войны становились все более дружественными, перерастая в союз и совместную войну против спартанцев, мы можем с полным основанием предположить, что он извлек пользу из учителей в последнем городе, так же как и в первом. Но человеком, которому он особенно посвятил себя, которого он не только слушал как ученика, но и опекал почти как сына в течение всей своей преклонной жизни, был тарентинский изгнанник по

имени Лисий, член пифагорейского братства, который по причинам, которые мы не можем выяснить, нашел убежище в Фивах и прожил там до своей смерти. [253] С ним, как и с другими философами, Эпаминондас обсуждал все предметы изучения и исследования, которые тогда были на плаву. Упорно следуя этому курсу в течение нескольких лет, он не только приобрел значительные положительные знания, но и стал практиковаться в новых и расширенных интеллектуальных комбинациях; и, подобно Периклу, [254] освободился от того робкого толкования природы, которое сделало столь многих греческих полководцев рабами знаков и предзнаменований. Его терпение как слушателя и безразличие к показным разговорам на свой счет были столь замечательны, что Спинтарус (отец Аристоксена) после многочисленных бесед с ним утверждал, что никогда не встречал никого, кто бы больше понимал или меньше говорил [255].

Такая сдержанность не объяснялась и недостатком готовых выразительных средств. Напротив, красноречие Эпаминондаса, когда он начал свою государственную карьеру, оказалось не только выдающимся среди фиванцев, но и эффективным даже против лучших афинских противников. [256] Но его нрав был по сути скромным и неамбициозным, в сочетании с сильным интеллектуальным любопытством и большими способностями; редкое сочетание среди расы, обычно склоняющейся на сторону бесцеремонности и самолюбования. Мало движимый личными амбициями и никогда не добивавшийся популярности недостойными средствами, Эпаминондас был еще более равнодушен к деньгам. До конца жизни он оставался в довольной бедности, не оставив достаточно средств на оплату своих похорон, отвергая не только развращающие предложения иностранцев, но и настойчивые просьбы личных друзей; [257] хотя нам рассказывают, что, когда он однажды занимал дорогостоящую должность хорега, он позволил своему другу Пелопиду взять на себя часть расходов. [258] Так как он был свободен от двух болезней, которые чаще всего вводили в заблуждение выдающихся греческих государственных деятелей, в его моральном облике была и третья черта, не менее ценная: мягкость его политических антипатий, отвращение к суровому обращению с завоеванными врагами и отказ участвовать в кровопролитии. Если и были люди, чье поведение, казалось, оправдывало безмерное возмездие, то это были Леонтиадес и его товарищи-предатели. Они открыли двери Кадмеи спартанцу Фибиду и предали смерти фиванского вождя Исмения. Однако Эпаминондас не одобрял план Пелопида и других изгнанников по их убийству и отказался принять в нем участие; отчасти из соображений благоразумия, а отчасти по соображениям совести. [259] Ни одной из его добродетелей не было так трудно подражать его последующим поклонникам, как этому владению обидчивыми и мстительными страстями. [260]

Однако прежде чем Эпаминондас мог в полной мере оценить эти добродетели, необходимо было, чтобы он доказал необычайную способность к действию, с которой они сочетались, и чтобы он добился чего-то такого, что заслужило бы то хвалебное восклицание, которое, как мы увидим впоследствии, произнес его враг Агесилай, увидев его во главе фиванской армии под Спартой: "О, ты человек великих дел!" [261] В 379 г. до н. э., когда Кадмея была освобождена, он еще ничем не выделялся в общественной жизни и был известен только Пелопиду и другим своим друзьям; среди которых его неамбициозный и любознательный нрав вызывал жалобы, поскольку он оставался на заднем плане. [262] Но беспримерные явления того года послужили толчком, преодолевшим всю отсталость и подавившим все соперничающие наклонности. Фиванцы, только что отвоевавшие свой город благодаря невероятному повороту судьбы, оказались в одиночку перед полным нападением Спарты и ее обширной конфедерации. Даже Афины еще не заявили о своей поддержке, и у них не

было ни одного другого союзника. В таких обстоятельствах Фивы могли быть спасены только энергией всех своих граждан - как неамбициозных и философски настроенных, так и остальных. Необходимость дела требовала такой одновременной преданности, поэтому электрический удар недавней революции оказался достаточным, чтобы пробудить энтузиазм в умах куда менее патриотичных, чем Эпаминондас. Он был одним из первых, кто присоединился к победоносным изгнанникам с оружием в руках, после того как состязание было перенесено из домов Архиаса и Леонтиада на открытую рыночную площадь; и, вероятно, он был бы одним из первых, кто взошел на стены Кадмеи, если бы спартанская крепость ожидала нападения. Пелопида назначили бётархом, а его друга Эпаминондаса, естественно, поставили в число самых первых и самых передовых организаторов необходимого военного сопротивления общему врагу; в этой работе его способности быстро проявились. Хотя в этот момент он был почти неизвестен, в 371 г. до н. э., через семь лет после этого, он приобрел такую репутацию оратора и полководца, что его выбрали в Спарте в качестве выразителя фиванской политики и доверили ему ведение битвы при Лейктре, от которой зависела судьба Фив. Отсюда можно сделать справедливый вывод, что хорошо спланированная и успешная система обороны, а также неуклонное продвижение Фив против Спарты в промежуточные годы были в основном делом его рук[263].

Поворот в политике Афин, последовавший за оправданием Сфодрия, принес фиванцам несомненную пользу, поскольку во второй инг, а также стимулировал их оборону; и спартанцы, не без тревоги восприняв появление новых врагов, вызванных обращением со Сфодрием, сочли необходимым приложить некоторые усилия на своей стороне. Они организовали военные силы своей конфедерации в более систематическом масштабе и даже предприняли некоторые примирительные шаги, чтобы сгладить одиозность своего прошлого правления.[Вся сила их конфедерации, включая, как яркий знак нынешней спартанской мощи, даже далеких олинфян,[265] была направлена против Фив летом при Агесилае; Он ухитрился, внезапно потребовав на службу аркадский город Клейтор против его соседа аркадского Орхомена, овладеть китежскими перевалами, прежде чем фиванцы и афиняне успели заметить, что он перешел лакедемонскую границу.[266] Затем, перейдя через Китерон в Беотию, он основал свой штаб в Феспиях, уже занятых спартанцами. Оттуда он начал свои атаки на фиванскую территорию, которую он нашел защищенной частично значительной длиной рва и палисада, частично основными силами Фив, которым помогало подразделение смешанных афинян и наемников, посланное из Афин под командованием Хабрия. Держась по свою сторону палисада, фиванцы внезапно выслали свою конницу и напали на Агесилая врасплох, понеся некоторые потери. Подобные вылазки повторялись часто, пока он быстрым маршем на рассвете не пробился через отверстие в крепостной стене во внутренние районы, которые он опустошил почти до самых городских стен.[267] Фиванцы и афиняне, хотя и не предлагали ему сражаться на равных, все же держали против него поле, стараясь занимать выгодные для обороны позиции. Агесилай со своей стороны не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы атаковать их при таких шансах. Но однажды он все же решился на это и уже собирался идти в атаку, как вдруг был обескуражен твердой позицией и отличным строем войск Хабрия. Они получили приказ ожидать его приближения на высоком и выгодном месте, не двигаясь с места, пока не будет дан сигнал; их щиты покоились на коленях, а копья были выставлены вперед. Их вид был настолько внушительным, что Агесилай отозвал свои войска, не решившись завершить атаку.[268] После месяца или более опустошения фиванских земель и череды бесполезных стычек, в которых он, похоже, скорее проигрывал, чем выигрывал, Агесилай отошел к Феспиям, укрепления которых он укрепил, оставив Фибидаса со значительными силами на занятии, а затем повел свою армию обратно в Пелопоннес.

Фибидас, бывший похититель Кадмеи, расположившись в Феспиях, вел активные военные действия против Фив, частично со своим спартанским подразделением, частично с феспийскими гоплитами, которые обещали ему непоколебимую поддержку. Его вторжения вскоре вызвали ответные действия фиванцев; они вторглись в Феспию, но были отбиты Фивами с потерей всего награбленного. Однако во время преследования, неосмотрительно бросившись вперед, он был убит внезапным ударом фиванской конницы, [269] после чего все его войска обратились в бегство, преследуемые фиванцами до самых ворот Феспии. Хотя спартанцы из-за этого несчастья отправили морем другого полководца с дивизией, чтобы заменить Фибидаса, дело фиванцев значительно укрепилось благодаря их недавней победе. Они развивали свой успех не только против Феспий, но и против других беотийских городов, все еще удерживаемых местными олигархиями в зависимости от Спарты. В то же время этим олигархиям угрожала растущая сила их собственных народных или фило-фиванских граждан, которые в значительных количествах стекались в Фивы в качестве изгнанников [270].

Вторая экспедиция против Фив, предпринятая Агесилаем летом следующего года с главной армией конфедерации, не была ни более решительной, ни более выгодной, чем предыдущая. Хотя ему удалось с помощью хорошо спланированной хитрости преодолеть фиванский палисад и опустошить равнину, он не одержал серьезной победы и даже продемонстрировал, более явно, чем прежде, свое нежелание вступать в бой, кроме как на совершенно равных условиях. [271] Стало очевидно, что фиванцы не только укрепляют свои позиции в Беотии, но и приобретают практику в ведении войны и уверенность в себе против спартанцев; настолько, что Анталкид и некоторые другие соратники стали убеждать Агесилая не продолжать войну, чтобы только дать своим врагам лучшие уроки военной практики, - и призывали его нанести какой-нибудь решающий удар. Однако после летней кампании он покинул Беотию, так и не сделав этого шага. [272] По пути он утихомирил кишечный конфликт, который должен был разгореться в Феспиях. После этого, проезжая в Мегару, он испытал растяжение или боль, которая сильно повредила его здоровую ногу (уже упоминалось, что он был хромым на одну ногу), и побудил своего хирурга вскрыть вену в конечности, чтобы уменьшить воспаление. Однако когда это было сделано, кровь не удалось остановить до тех пор, пока он не потерял сознание. В тяжелых страданиях его доставили домой в Спарту, где он пролежал на кушетке несколько месяцев, и еще долгое время он оставался непригодным для активного командования [273].

Полководческие функции перешли к другому царю Клеомброту, который весной следующего года с армией конфедерации вновь вторгся в Беотию. Но в этот раз афиняне и фиванцы заняли Китеронские перевалы, так что он не смог даже войти в страну и был вынужден распустить свои войска, ничего не добившись [274].

Его бесславное отступление вызвало такой ропот среди союзников, собравшихся в Спарте, что они решили снарядить большой военный флот, достаточный как для перехвата поставок импортной кукурузы в Афины, так и для переброски армии вторжения по морю против Фив, в беотийский порт Креусис в Крисейском заливе. Первой была предпринята попытка осуществить первую цель. Ближе к середине лета флот из шестидесяти трирем под командованием спартанского адмирала Поллиса крейсировал в Эгейском море, особенно у берегов Аттики, возле Эгины, Кеоса и Андроса. Афиняне, которых со времен их недавно возобновленной конфедерации не беспокоили никакие враги на море, оказались под угрозой не только потери власти, но и потери торговли и даже голода, поскольку их корабли с кукурузой из Эвксинского моря, хотя и благополучно достигли Герестуса (южной оконечности Эвбеи), не смогли удвоить мыс Суниум. Тяжело переживая эту заминку, они

снарядили в Пейреусе флот из восьмидесяти трирем, [275] экипажи которых состояли в основном из граждан; под командованием адмирала Хабрия в острой борьбе у Наксоса они полностью разгромили флот Поллиса и вернули Афинам господство на море. Сорок девять лакедемонских трирем были выведены из строя или захвачены, восемь - со всеми экипажами. [276] Более того, Хабрий мог бы уничтожить все или большинство остальных, если бы не приостановил атаку, выведя из строя восемнадцать своих кораблей, чтобы подобрать на борт живых и мертвых, а также всех афинян, которые спасались вплавь. Он сделал это (как нам говорят [277]), отчетливо помня о яростном недовольстве народа победоносными полководцами после битвы при Аргинусе. Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что действия в том памятном случае были запятнаны незаконностью и насилием, они оказали благотворное влияние на общественное поведение последующих полководцев. Многие храбрые афиняне (экипажи которых состояли в основном из граждан) после битвы при Наксосу были обязаны своей жизнью страшному уроку, который народ преподал своим полководцам в 406 году до н. э., за тридцать лет до этого.

Это была первая большая победа (в сентябре 376 года до н. э. [278]), которую афиняне одержали на море со времен Пелопоннесской войны; и хотя она наполнила их радостью и уверенностью, она привела к материальному расширению их морской конфедерации. Флот Хабрия, из которого была выделена эскадра по приказу Фокиона, молодого афинянина, впервые проявившего себя и часто упоминаемого в дальнейшем, победоносно обошел Эгейское море, взял в качестве приза двадцать других трирем, привел три тысячи пленных со ста десятью талантами денег и присоединил к конфедерации семнадцать новых городов, приславших депутатов в синод и предоставивших взносы. Сдержанное и примирительное поведение Фокиона, в особенности, снискало большую благосклонность среди островитян и определило несколько новых присоединений к Афинам. [279] Жителям Абдеры во Фракии Хабрий оказал неоценимую услугу, помогая им отразить варварскую орду трибаллов, которые, покинув свое жилище от голода, нахлынули на морское побережье, разгромив абдеритов и разграбив их территорию. Горожане, благодарные за то, что у них остались силы для защиты своего города, охотно вступили в союз с Афинами, чья конфедерация таким образом распространилась на побережье Фракии [280].

Благополучно расширив свою конфедерацию к востоку от Пелопоннеса, афиняне стали стремиться к приобретению новых союзников на западе. Флот из шестидесяти трирем, который недавно служил под началом Хабрия, был отправлен под командованием Тимофея, сына Конона, обогнуть Пелопоннес и встревожить побережье Лаконии; отчасти по просьбе фиванцев, которые хотели занять морские силы Спарты, чтобы помешать ей переправить войска через Крисский залив из Коринфа в беотийский порт Креусис. [Перипл Пелопоннеса - первая попытка афинского флота после унижения при Игоспотаме - в сочетании с последующими успехами надолго запомнился соотечественникам Тимофея. Его крупные силы, справедливые действия и примирительные заявления привлекли новых и ценных союзников. Не только Кефалления, но и еще более важный остров Коркира добровольно приняли его предложения; а поскольку он старался избегать любого насилия или вмешательства в политическую конституцию, его популярность в округе росла с каждым днем. Алкетас, князь молоссов, хаонийцы с другими эпирскими племенами и акарнанцы на побережье - все приняли его союз. [282] Когда он находился возле Ализии и Леукаса на этом побережье, на него напали пелопоннесские корабли под командованием Николоха, весьма уступавшие по численности его флоту. Он разбил их, а вскоре после этого, получив подкрепление в виде других трирем из Коркиры, стал настолько превосходить их в этих водах, что вражеский флот не осмеливался показываться. Получив всего тринадцать талантов при отплытии из Афин, он с большим трудом смог оплатить свой флот; он добился от

каждого из шестидесяти триерархов своего флота выдачи денег в размере семи мин на оплату соответствующих кораблей; и что он также посылал домой просьбы о крупных переводах из государственной казны;[283] меры, которые подтверждают то благородное отвращение к грабежу друзей или нейтралов и заботу о том, чтобы избежать даже подозрения в грабеже, которые приписывает ему его панегирист Исократ.[284] Это была черта, к сожалению, редкая среди греческих генералов с обеих сторон и имеющая тенденцию становиться еще более редкой из-за увеличения числа наемных отрядов.

Требования Тимофея к афинской казне не были приняты благосклонно. Хотя ее военно-морская позиция была теперь более блестящей и внушительной, чем после битвы при Эгоспотамах, хотя ни один лакедемонский флот не проявил себя, чтобы потревожить ее в Эгейском море[285], все же расходы на войну начали серьезно ощущаться. Каперы с соседнего острова Эгина мешали ее торговле, требовалась постоянная береговая охрана, а взносы депутатов в конфедеративный синод были недостаточны, чтобы избавиться от необходимости взимать большой прямой налог на имущество дома[286].

В этом синоде были представлены фиванцы, как члены конфедерации[287]. Им было предложено внести свой вклад в расходы на морскую войну, тем более что именно по их инициативе флот был отправлен в Ионическое море. Но фиванцы отказались подчиниться,[288] да и , вероятно, не были в состоянии оказать денежную помощь. Их отказ вызвал большое недовольство Афин, ожесточенных завистью к успехам, которых они добивались в течение двух последних лет, отчасти благодаря косвенному воздействию морских успехов Афин. В конце 377 г. до н. э., после двух последовательных вторжений Агесилая, гибель двух домашних урожаев настолько затруднила положение фиванцев, что они были вынуждены импортировать кукурузу из Пагаса в Фессалии; в этом предприятии их корабли и моряки были сначала захвачены лакедемонским гармастом в Ореусе на Эвбее Алкетасом. Однако его небрежность вскоре привела не только к перестрелке с моряками, попавшими в плен, но и к восстанию города против Спарты, так что сообщение Фив с Пагасеем стало совершенно беспрепятственным. В течение двух последующих лет спартанцы не вторгались в Беотию, поскольку в 376 году до н. э. Клеомброт не смог преодолеть Китеронские высоты, а в 375 году до н. э. внимание Спарты было занято морскими операциями Тимофея в Ионийском море. В течение этих двух лет фиванцы вели активные действия против соседних городов Беотии, в большинстве из которых сильная партия, если не большинство населения, была настроена благосклонно, хотя управление находилось в руках фило-спартанской олигархии, поддерживаемой спартанскими гарнизонами.[289] Мы слышим об одной победе, одержанной фиванской конницей под Платеей под командованием Харона, и о другой - под Танагрой, где был убит Пантоидес, лакедемонский гармаст в этом городе.[290]

Но самым важным из всех их успехов был успех Пелопида под Тегирой. Этот полководец, узнав, что спартанский гармаст с двумя (moræ or) дивизиями, стоявшими гарнизоном в Орхомене, отправился на экскурсию в Локрию, выступил из Фив со священным отрядом и несколькими конниками, чтобы захватить это место. Это было время года, когда воды Копайского озера были наиболее полноводны, поэтому он был вынужден сделать широкий круг на северо-запад и пройти мимо Тегиры, по дороге между Орхоменом и Опунтским Локрисом. Прибыв Орхомену, он убедился, что в городе все еще находятся лакедемоняне, и что удивить их не удастся; тогда он двинулся в обратный путь. Но, достигнув Тегиры, он столкнулся с лакедемонскими полководцами Горголеоном и Теопомпом, возвращавшимися со своими войсками из локрийского похода. Поскольку его численность уступала им вдвое,

они обрадовались встрече; войска же Пелопида поначалу были встревожены, и ему потребовались все его побуждения, чтобы привести их в чувство. Но в последующей схватке, которая велась в тесном и упорном бою в узком проходе, сила, доблесть и слаженность действий Священного отряда оказались непреодолимыми. Оба лакедемонских военачальника были убиты, их войска разомкнулись, чтобы дать фиванцам возможность беспрепятственно отступить, но Пелопид, не желая упускать такую возможность, продолжал сражаться до тех пор, пока все его враги не рассеялись и не обратились в бегство. Окрестности Орхомена не позволяли долго преследовать его, поэтому Пелопид смог лишь воздвигнуть свой трофей и раздеть мертвых, прежде чем вернуться в Фивы[291].

Эта битва, в которой лакедемоняне впервые были побеждены в честном бою превосходящим их числом, произвела сильное впечатление на умы обеих спорящих сторон. Уверенность фиванцев, как и их усилия, удвоились, так что к 374 году до н. э. они очистили Беотию от лакедемонян, а также от местных олигархий, которые их поддерживали, убедили или заставили города снова вступить в союз с Фивами и возродили Беотийскую конфедерацию. Халиартус, Коронея, Лебадея, Танагра, Феспия, Платея и другие города снова стали беотскими; [292] остался только Орхомен (с зависимой от него Херонеей), который находился на границах Фокисы и все еще оставался под лакедемонской оккупацией. В большинстве этих городов партия, дружественная Фивам, была многочисленной, и перемены в целом были популярны; хотя в некоторых преобладали такие настроения, что присоединение было достигнуто только путем запугивания. Фивы изменили ситуацию не для того, чтобы поглотить эти города, а чтобы вернуть их к старой федеративной системе Беотии - политике, которую она публично провозгласила при захвате Платеи в 431 году до н.э. [293] Возвращая свои древние права и привилегии в качестве главы федерации Беотии, она в то же время гарантировала остальным городам - конвенцией, вероятно, явно выраженной, но несомненно подразумеваемой, - их древние права, их безопасность и их квалифицированную автономию в качестве членов; система, существовавшая до Анталкидского мира.

Положение фиванцев значительно улучшилось в результате этого завоевания или рефедерации Беотии. Став хозяевами Креусиса, порта Феспии, [294] они укрепили его и построили несколько трирем, чтобы отразить любое вторжение из Пелопоннеса по морю через Крисский залив. Почувствовав себя защищенными от вторжения, они начали мстить своим соседям и врагам - фокийцам, союзникам Спарты и помощникам в недавних нападениях на Фивы, - которые, однако, с древних времен находились в дружеских отношениях с Афинами. [295] Фокийцы были так сильно потеснены, тем более что Ясон из Фере в Фессалии был в то же время их злейшим врагом, [296] что, если бы им не помогли, они были бы вынуждены подчиниться фиванцам, а вместе с ними и Орхомен, включая лакедемонский гарнизон, занимавший его в то время; сокровища Дельфийского храма также были бы открыты, если бы фиванцы сочли нужным захватить их. Когда фокийцы послали в Спарту извещение, царь Клеомброт отправился к ним на помощь по морю через залив с четырьмя лакедемонскими дивизиями войск и вспомогательным корпусом союзников. [297] Это подкрепление, заставив фиванцев отступить, обеспечило безопасность Фокисы и Орхомена. Пока Спарта поддерживала их, даже Афины смотрели на дело фокийцев с сочувствием. Когда она увидела, что фиванцы перешли от обороны к наступлению - частично с ее помощью, но все же отказавшись участвовать в расходах на ее флот, - ее древняя ревность к ним снова стала настолько сильной, что она отправила посланников в Спарту, чтобы предложить условия мира. Каковы были эти условия, нам не известно; не похоже, что фиванцы даже получили уведомление об этом. Но мир был принят в Спарте, и два афинских

посланника сразу же отправились оттуда, даже не заходя домой, в Коркиру, чтобы уведомить о мире Тимофея и приказать ему немедленно отвести свой флот обратно в Афины[298].

Это предложение афинян, сделанное, по-видимому, в момент бурного недовольства, было сделано в пользу Спарты и послужило некоторым противовесом неприятному открытию, которое достигло спартанцев незадолго до этого из другого места.

Полидамас, знатный гражданин Фарсала в Фессалии, прибыл в Спарту с просьбой о помощи. Он давно находился в гостеприимных отношениях с лакедемонянами, а Фарсал не только был в союзе с ними, но и некоторое время занимал один из их гарнизонов.[299] В обычном состоянии Фессалии большие города Ларисса, Фера, Фарсал и другие, каждый из которых держал несколько меньших городов в зависимом союзе, находились в разногласиях друг с другом, часто даже в состоянии настоящей войны. Редко когда им удавалось договориться о совместном голосовании за избрание верховного вождя или тагуса. В своем собственном городе Фарсале Полидамас занимал господствующее положение, пользуясь доверием всех крупных семейных фракций, которые обычно боролись за преобладание; до такой степени, что ему доверили охрану цитадели и все управление доходами, как поступлениями, так и выплатами. Будучи человеком состоятельным, "гостеприимным и показным по фессалийской моде", он выдавал деньги из собственного кошелька в казну, когда она была скудна, и расплачивался сам, когда поступали государственные средства[300].

Но в Фессалии уже появился более великий человек, чем Полидамас, - Ясон, деспот Фере, чью грозную власть, угрожавшую независимости Фарсала, он теперь прибыл в Спарту, чтобы осудить. Хотя силы Ясона вряд ли были очень значительными, когда спартанцы проходили через Фессалию за шесть лет до этого в своих неоднократных походах на Олинф, теперь он был не только деспотом Фере, но и хозяином почти всех фессалийских городов (как частично удалось сделать Ликофрону из Фере за тридцать лет до этого),[301] а также большой территории, прилегающей к ним. Главным инструментом его владычества была постоянная и хорошо оснащенная армия из шести тысяч наемных войск, собранных со всех концов Греции. Он обладал всеми личными качествами, необходимыми для управления солдатами с наибольшим эффектом. Его телесная сила была велика, активность неутомима, самообладание, как перед трудностями, так и перед искушениями, одинаково выдающееся. Всегда лично участвуя в учениях и гимнастике солдат и поощряя воинские заслуги с величайшей щедростью, он не только дисциплинировал их, но и внушал им крайний воинский пыл и преданность своей особе. Несколько соседних племен, а также Алкетас, князь молоссов в Эпире, были низведены до уровня его зависимых союзников. Кроме того, он уже победил фарсалийцев и лишил их многих городов, которые когда-то были связаны с ними, так что теперь ему оставалось только направить оружие против их города. Но Ясон был не только смел, но и благоразумен. Будучи уверенным в успехе, он хотел избежать дурной славы применения силы и опасности получить в подданство недовольных. Поэтому в частной беседе он предложил Полидаму передать Фарсал под власть Ясона, а сам занял второе место в Фессалии, назначив Ясона тагом или президентом. Объединенные таким образом силы Фессалии с множеством окружающих ее народов-вкладчиков стали бы, несомненно, первой силой в Греции, превосходящей на суше Спарту или Фивы, а на море - Афины. Что же касается персидского царя с его толпами невоинственных рабов, то Ясон считал его врагом, которого еще легче свергнуть, учитывая, чего добились сначала киреевцы, а затем Агесилай.

Таковы были предложения и честолюбивые надежды, с которыми энергичный деспот Феры обратился к Полидаму; тот ответил, что сам давно состоит в союзе со Спартой и не может принять решение, враждебное ее интересам. "Тогда отправляйся в Спарту (повторил Ясон) и

предупреди там, что я намерен напасть на Фарсал и что именно они должны предоставить тебе защиту. Если они не смогут выполнить это требование, то ты будешь неверен интересам своего города, если не примешь мои предложения". Именно с этой миссией Полидамас прибыл в Спарту, чтобы объявить, что если ему не будет оказана помощь, то он будет вынужден волей-неволей порвать с ней. "Помни (заключил он), что враг, с которым тебе придется сражаться, грозен во всех отношениях, как по личным качествам, так и по силе; так что ничего, кроме первоклассной силы и полководца, не хватит. Подумайте и скажите мне, что вы можете сделать".

Спартанцы, поразмыслив, ответили отрицательно. Под командованием Клеомброта уже был отправлен большой отряд, необходимый для обороны Фокисы; кроме того, афиняне были сейчас более сильной державой на море. И наконец, Ясон до сих пор не оказывал активной помощи Фивам и Афинам, на что его, несомненно, спровоцируют, если спартанская армия выступит против него в Фессалии. Поэтому эфоры прямо заявили Полидаму, что не могут удовлетворить его требования, и посоветовали ему заключить наилучшие условия, какие он только сможет, как для Фарсала, так и для себя. Вернувшись в Фессалию, он возобновил переговоры с Ясоном и пообещал выполнить все, что от него требовалось. Но он просил избавить его от позора впускать чужой гарнизон в цитадель, которая была доверена его попечению; в то же время он обещал привести своих сограждан к добровольному союзу с Ясоном и предоставить двух своих сыновей в качестве заложников за верное исполнение. Все это и было осуществлено. Политика фарсалийцев была мягко приведена в порядок, и Ясон их голосами, как и все остальные, был единогласно избран тагом Фессалии[302].

Увольнение Полидамаса означало унижительное признание слабости со стороны Спарты. Кроме того, оно знаменует собой важный этап в реальном упадке ее могущества. За восемь лет до этого, по просьбе акантских посланников, поддержанных македонцем Аминтой, она направила три мощные армии подряд, чтобы сокрушить либеральную и многообещающую конфедерацию Олинфа и вернуть греческие города на морском побережье под власть македонской короны. Регион, куда были направлены ее войска, был крайней границей Эллады. Стороны, в чью пользу она действовала, не имели и тени претензий как друзья или союзники; те же, *против* кого она действовала, не сделали ей ничего плохого и не угрожали: более того, главным основанием для ее вмешательства было желание помешать свободной и равноправной конфедерации греческих городов. *Теперь* к ней обращается Полидамас из Фарсала, старый друг и союзник, с претензией, и претензией серьезной. И, наконец, политические интересы Полидама, естественно, заставляют ее сдерживать угрожающее усиление агрессивной силы, уже такой грозной, как сила Ясона. Однако за последние восемь лет (382-374 гг. до н. э.) положение Спарты настолько серьезно изменилось, что теперь она вынуждена отклонить требование, которое справедливость, симпатии и политическая политика побуждали ее удовлетворить. Так неудачно сложилась судьба олинфской конфедерации, что их благородные и хорошо скомбинированные устремления пали именно в те несколько лет, когда Спарта находилась на пике своего могущества! Такое совпадение времени было неудачным не только для Олинфа, но и для Греции в целом, поскольку ничто, кроме спартанского вмешательства, не вернуло македонских царей на морское побережье, в то время как Олинфская конфедерация, если бы ей позволили расшириться, могла бы, вероятно, ограничить их во внутренних районах и предотвратить смертельный удар, который настиг греческую свободу в следующем поколении от их рук.

Лакедемоняне нашли некоторую компенсацию за свой неохотный отказ от Полидамаса в мирных предложениях Афин, которые освободили их от одного из их главных врагов. Но заключенный таким образом мир едва ли был приведен в исполнение. Тимофей, получив

приказ вернуться домой из Коркиры, повиновался и отплыл со своим флотом. С собой он взял несколько изгнанников из Закинфа; проплывая мимо этого острова, он высадил на нем этих изгнанников и помог им основать укрепленный пост. На эти действия закинфское правительство подало жалобы в Спарту, где они вызвали столь глубокое возмущение, что тщетно требовали возмещения в Афинах, и мир был немедленно расторгнут, а война объявлена вновь. Лакедемонская эскадра из двадцати пяти кораблей была отправлена в на помощь закинфам,[303] в то время как были разработаны планы по захвату более важного острова Коркира. Когда флот Тимофея был отправлен домой, недовольная коркирская партия организовала заговор с целью представить лакедемонян как друзей и предать им остров. Лакедемонский флот из двадцати двух трирем отплыл туда под предлогом путешествия в Сицилию. Но коркирское правительство, обнаружив заговор, отказалось принять их, приняло меры к обороне и отправило посланников в Афины просить о помощи.

Теперь лакедемоняне решили напасть на Коркиру открыто, со всеми военно-морскими силами своей конфедерации. Совместными усилиями Спарты, Коринфа, Леукаса, Амбракии, Элиды, Закинфа, Ахайи, Эпидавра, Трезена, Гермियोны и Галии, усиленными денежными выплатами от других конфедератов, которые предпочли отменить свое обязательство служить за морем, был собран флот из шестидесяти трирем и тысяча пятьсот наемных гоплитов; кроме того, несколько лакедемонян, вероятно, гелотов или неодамодов.[304] В то же время Дионисию, сиракузскому деспоту, было направлено обращение с просьбой о сотрудничестве против Коркиры, поскольку связь этого острова с Афинами уже однажды доказала и может снова оказаться опасной для его города.

Весной 373 года до н. э. эти силы выступили против Коркиры под командованием лакедемонянина Мнаsipпа, который, перегнав коркирскую флотилию и потеряв четыре триремы, высадился на острове, одержал победу и заточил жителей в стенах города. Затем он совершил опустошительный набег на прилегающие земли, которые были найдены в самом высоком состоянии культивации и полны богатейшей продукции; поля, прекрасно обработанные, виноградники в превосходном состоянии, великолепные хозяйственные постройки, хорошо оборудованные винные погреба, изобилие скота и рабов. Солдаты-захватчики, обогащаясь за счет грабежей скота и рабов, стали настолько изнеженными от изобилия запасов, что отказывались пить вино не первого сорта".[305] Такова картина, данная Ксенофонтом, недружелюбным свидетелем, демократической Коркиры, в отношении ее хваленой экономики, в то время, когда она была захвачена Мнаsipпом; картина не менее запоминающаяся, чем представленная Фукидидом (в речи Архидамы), процветающего сельского хозяйства вокруг демократических Афин, в момент, когда рука пелопоннесского опустошителя впервые почувствовала там в 431 году до н.э.[306].

Имея столь обильные помещения для своих солдат, Мнаsipп расположился на холме у стен города, отрезав тех, кто находился внутри, от припасов из страны, и в то же время заблокировал гавань своим флотом. Вскоре коркирцы начали испытывать нужду. Казалось, что у них нет шансов на спасение, кроме как через помощь афинян, к которым они отправили посланников с настоятельными просьбами[307] и которые теперь имели основания сожалеть о своем поспешном согласии (в предыдущем году) отозвать флот Тимофея с острова. Однако Тимофей снова был назначен адмиралом нового флота, который должен был быть отправлен туда; а подразделение из шестисот пельтастов под командованием Стесиклеса было приказано отправить кратчайшим путем, чтобы удовлетворить насущные нужды коркирцев во время задержек, неизбежных при подготовке основного флота и его кругосветном плавании по Пелопоннесу. Эти пельтасты были доставлены по суше через Фессалию и Эпир к побережью напротив Коркиры; на этот остров они смогли высадиться благодаря

вмешательству Алкетаса, о котором просили афиняне. Им посчастливилось попасть в город, где они не только принесли весть о том, что скоро можно будет ожидать большой афинский флот, но и внесли значительный вклад в оборону. Без такой поддержки и помощи коркирцы вряд ли смогли бы выстоять, ведь голод в стенах города усиливался с каждым днем и в конце концов стал настолько сильным, что многие горожане дезертировали, а многие рабы были изгнаны. Мнасипп отказался принять их, объявив, что каждый дезертир должен быть продан в рабство; а поскольку дезертиры все же продолжали приходить, он велел бичевать их до самых городских ворот. Что касается несчастных рабов, то, не будучи ни принятыми им, ни вновь допущенными внутрь, многие погибали за воротами от голода[308].

Подобные зрелища несчастий так явно предвещали приближение часа капитуляции, что осаждающая армия стала беспечной, а генерал - наглым. Хотя его военный сундук был хорошо наполнен благодаря многочисленным денежным выплатам, которые он получал от союзников в качестве компенсации за личную службу, он все же уволил нескольких своих наемников без жалованья, и все они оставались неоплаченными в течение последних двух месяцев. Его нынешний нрав заставлял его не только быть более суровым к собственным солдатам,[309] но и менее бдительным при ведении осады. Поэтому осажденные, заметив со своих сторожевых башен небрежность стражи, выбрали удобный случай и предприняли энергичную вылазку. Мнасипп, увидев, что его заставы загнаны внутрь, вооружился и поспешил вперед с лакедемонянами, чтобы поддержать их; он отдал приказ офицерам наемников также вывести своих людей вперед. Но те ответили, что не могут отвечать за послушание солдат без жалованья; тогда Мнасипп так разгневался, что ударил их своей палкой и древком копья. Такое оскорбление еще больше подогрело недовольство. И офицеры, и солдаты вышли на бой удрученными и бессердечными, а афинские пельтасты и коркирские гоплиты, выскочив сразу из нескольких ворот, с отчаянной энергией бросились в атаку. Мнасипп, проявив большую личную доблесть, был в конце концов убит, а все его войска, будучи полностью разбиты, бежали обратно в укрепленный лагерь, в котором хранились их запасы. Даже он мог быть взят, а все вооружение уничтожено, если бы осажденные сразу же атаковали его. Но они были поражены собственным успехом. Приняв многочисленных лагерников за солдат в резерве, они отступили обратно в город.

Однако их победа была настолько полной, что позволила восстановить сообщение с городом, обеспечить достаточное количество временных запасов и уверенность в том, что они смогут продержаться до прибытия подкрепления из Афин. Такое подкрепление, действительно, уже находилось в пути, и о его приближении было объявлено Гиперменесу (второму после умершего Мнасиппа), который теперь сменил командующего. Ужаснувшись этому известию, он поспешил отплыть со своего поста, который он занял вместе с флотом, чтобы блокировать гавань, к укрепленному лагерю. Здесь он первым делом посадил рабов, а также имущество на свои транспорты и отправил их прочь; сам же остался защищать лагерь с солдатами и морскими пехотинцами, но пробыл там недолго, а затем взял их также на борт трирем. Таким образом, он полностью эвакуировал остров и направился к Леукасу. Но так торопились, так боялись прибытия афинского флота, что оставили много зерна и вина, много рабов и даже много больных и раненых солдат. Победоносным коркирянам эти приобретения были не нужны, чтобы повысить ценность триумфа, избавившего их от плена, рабства и голодной смерти[310].

Афинский флот не только запоздал с прибытием, так что был большой риск обнаружить, что остров уже захвачен, но и когда он прибыл, им командовали Ификрат, Хабрий и оратор Каллистрат,[311] а не Тимофей, которого первоначально выдвинуло народное голосование. Тимофей, который (в апреле 373 г. до н. э.), узнав, что грозный лакедемонский флот начал

атаку на Коркиру, получил приказ немедленно отправиться туда с флотом из шестидесяти трирем, столкнулся с трудностями в укомплектовании кораблей в Афинах и поэтому предпринял предварительный поход, чтобы получить моряков и пожертвования от морских союзников. Первым делом он переправил шестьсот пельтастов под командованием Стесиклеса в Фессалию, где вступил в отношения с Ясоном из Фере. Он уговорил последнего стать союзником Афин и далее поход Стесиклеса с его отрядом по суше через Фессалию по перевалам Пинда в Эпир, где Алкетас, который был одновременно и союзником Афин, и зависимым от Ясона, переправил их ночью через пролив из Эпира в Коркиру. Установив таким образом важные связи с могущественным фессалийским деспотом и получив от него весьма своевременную услугу, а также (возможно) несколько моряков из Пагаса для укомплектования своего флота, Тимофей направился в порты Македонии, где также вступил в отношения с Аминтой, получив от него знаки личной благосклонности, - а затем во Фракию и на соседние острова. Это путешествие принесло ему ценные субсидии в виде денег и моряков, а также несколько новых сторонников и депутатов в афинскую конфедерацию.

Это предварительное плавание Тимофея, предпринятое с общей целью собрать средства для экспедиции на Коркиру, началось в апреле или в начале мая 373 года до н. э.^[312] По отплытии, как выясняется, он отдал приказ тем союзникам, которые должны были войти в состав экспедиции, собраться в Калаурии (остров у Трезена, посвященный Посейдону), куда он сам придет и заберет их, чтобы продолжить путь. Во исполнение этого приказа на острове собралось несколько отрядов, в том числе и беотийцы, которые прислали несколько трирем, хотя в предыдущем году против них утверждали, что они ничем не поддерживают морские усилия Афин. Но Тимофей долгое время оставался в стороне. На него и на деньги, которые он должен был привезти домой, возлагались надежды по оплате флота, и в ожидании его возвращения неоплаченные триремы в Калаурии пришли в расстройство и дезорганизацию.^[313] В это время до Афин дошли свежие новости о том, что Коркира сильно потеснена; поэтому большое негодование вызвал отсутствующий адмирал, который использовал в своем плавлении драгоценный промежуток времени, необходимый для того, чтобы вовремя достичь острова. Ификрат (который недавно вернулся со службы у Фарнабаза в безуспешной попытке отвоевать Египет для персидского царя) и оратор Каллистрат были особенно громкими в своих обвинениях против него. А поскольку спасение Коркиры требовало срочной спешки, афиняне отменили назначение Тимофея даже во время его отсутствия, поручив Ификрату, Каллистрату и Хабриасу снарядить флот и без промедления отправиться в Коркиру^[314].

Не успели они собраться, как Тимофей вернулся; он привез несколько новых приверженцев конфедерации, а также блестящий отчет об общем успехе^[315]. Он отправился в Калаурию, чтобы восполнить недостаток средств и устранить неудобства, вызванные его отсутствием. Но он не мог заплатить беотийским триерархам, не заняв для этой цели денег в свой кредит; хотя сумма, привезенная домой из путешествия, была значительной, казалось, что требования к нему были еще больше. Сначала Ификрат и Каллистрат выдвинули против него обвинение, вызванное явным недовольством народа. Но поскольку эти двое были назначены адмиралами для экспедиции в Коркиру, которая не терпела отлагательств, суд над ним был отложен до осени; отсрочка была выгодна обвиняемому и, несомненно, поддерживалась его друзьями^[316].

Тем временем Ификрат принимал самые энергичные меры для ускорения оснащения своего флота. При нынешнем настроении общества и известной опасности Коркиры ему разрешили (хотя, возможно, Тимофею несколькими неделями раньше не разрешили бы) не только

нанимать моряков в порту, но даже сурово уговаривать триерархов[317] и использовать все триремы, предназначенные для береговой охраны Аттики, а также две священные триремы под названием Парал и Саламиния. Таким образом, он достроил флот из семидесяти парусов, пообещав сразу же отправить большую его часть обратно, если дела на Коркире пойдут благоприятно. Ожидая встретить на вахте лакедемонский флот, полностью равный его собственному, он организовал свое плавание таким образом, чтобы совместить максимальную скорость с обучением моряков и подготовкой к морскому бою. Большие паруса древних трирем обычно убирались с корабля перед сражением, так как были неудобны на борту: Ификрат оставил такие паруса в Афинах - даже меньшие паруса использовал экономно - и постоянно держал своих моряков за веслами; это значительно ускорило его продвижение, в то же время поддерживая отличную подготовку людей. Каждый день ему приходилось останавливаться для еды и отдыха на вражеском берегу, и эти остановки делались с такой ловкостью и точностью, что на них тратилось как можно меньше времени, которого не хватало, чтобы собрались местные вражеские силы. Достигнув Сфактерия, Ификрат впервые узнал о поражении и смерти Мнасиппа. Однако, не до конца доверяя правильности полученных сведений, он все же проявил настойчивость, как в быстроте, так и в мерах предосторожности, пока не достиг Кефаллении, где впервые полностью убедился, что опасность Коркиры миновала. Ксенофонт с восхищением говорит о прекрасном управлении Ификрата в течение всей экспедиции[318].

Не опасаясь больше лакедемонского флота, афинский полководец, вероятно, отправил обратно домашнюю эскадру из Аттики, которую ему разрешили взять, но которую нельзя было пощадить для обороны побережья.[319] Овладев некоторыми из кифалленских городов, он направился к Коркире, куда как раз прибыла эскадра из десяти трирем из Сиракуз, посланная Дионисием на помощь лакедемонянам, но еще не осведомленная об их бегстве. Ификрат, расставив разведчиков на холмах, чтобы предупредить об их приближении, выделил двадцать трирем, чтобы они были готовы к движению по первому сигналу. Его дисциплина была столь превосходна (говорит Ксенофонт), что "в тот момент, когда был подан сигнал, пыл всех экипажей был прекрасным зрелищем; не было ни одного человека, который не поспешил бы бегом занять свое место на борту". Десять сиракузских трирем после плавания от Иапигийского мыса остановились отдохнуть на одном из северных пунктов Коркиры, где их обнаружил Ификрат и захватил со всеми экипажами и адмиралом Аниппом; одна лишь триера спаслась благодаря упорным усилиям ее капитана, родянина Меланопа. Ификрат вернулся с триумфом, отбуксировав девять своих призов в гавань Коркиры. Экипажи, проданные или выкупленные, принесли ему сумму в шестьдесят талантов; адмирал Анипп был оставлен в надежде на большой выкуп, но вскоре умер от горя[321].

Хотя вырученная сумма позволила Ификрату на время расплатиться со своими людьми, самоубийство Аниппа стало для него денежным разочарованием, и вскоре он начал нуждаться в деньгах. Это обстоятельство побудило его согласиться на возвращение своего коллеги Каллистрата, который, будучи оратором по профессии и не будучи в дружеских отношениях с Ификратом, выступил против его собственного согласия. Ификрат сам выделил и Каллистрата, и Хабрия в качестве своих коллег. Ему были безразличны их советы, и он не боялся критики, даже со стороны соперников, по поводу того, что они действительно видели в его действиях. Но он принял командование в опасных обстоятельствах: не только из-за оскорбительного перемещения Тимофея и провокации, которую он устроил влиятельной партии, приверженной сыну Конона, но и из-за больших сомнений в том, что ему удастся освободить Коркиру, несмотря на строгое принуждение, которое он применял для комплектования своего флота. Если бы остров был взят, и если бы Ификрат потерпел

неудачу, то в Афинах он подвергся бы жестокому уничтожению и умножению врагов. Возможно, Каллистрат и Хабрий, оставшись дома, оказались бы в числе его противников, поэтому для него было важно, чтобы оба они были причастны к его удачному или неудачному успеху, и чтобы извлечь выгоду из военных способностей последнего, а также ораторского таланта первого.[322] Однако, поскольку результат экспедиции был в целом благоприятным, все подобные тревоги были устранены. Ификрат мог позволить себе расстаться с обоими своими коллегами, а Каллистрат обещал, что если ему разрешат вернуться домой, он приложит все усилия, чтобы флот был хорошо оплачен из государственной казны, а если это окажется невыполнимым, он будет стараться заключить мир. 323] Так ужасны трудности, которые испытывают сейчас греческие генералы при получении денег из Афин (или из других городов, на службе которых они находятся) для оплаты своих войск! Ификрат испытывал те же трудности, что и Тимофей за год до этого, и которые будут еще более болезненно ощущаться по мере продвижения вперед в истории. Пока же он прокормил своих моряков, найдя для них работу на коркирских фермах, где, несомненно, была большая необходимость в ремонте после разрушений Мнасиппа, а сам со своими пельтастами и гоплитами переправился в Акарнанию, где получил службу в дружественных Афинам городах против тех, которые были дружественны Спарте; особенно против воинственных жителей сильного города Тириэя[324].

Счастливым результатом коркирской экспедиции, вызвавший всеобщее удовлетворение в Афинах, был не менее благоприятен для Тимофея, чем для Ификрата. Именно в ноябре 373 года до н. э. первый, а также его квестор или военный казначей Антимах подверглись каждому испытанию. Каллистрат, вернувшись домой, выступил против квестора, а возможно, и против Тимофея, как одного из обвинителей,[325] хотя, вероятно, в духе большей мягкости и умеренности, в связи с недавним совместным успехом и общим добрым нравом, царившим в городе. И пока острие обвинения против Тимофея было таким образом притуплено, защита укреплялась не только многочисленными друзьями гражданина, говорившими в его пользу с большей уверенностью, но и необычным явлением двух могущественных иностранных сторонников. По просьбе Тимофея Алкетас из Эпира и Ясон из Феры прибыли в Афины за некоторое время до суда, чтобы выступить в качестве свидетелей в его пользу. Он принял их и поселил в своем доме на Гипподамовой агоре, главной площади Пирея. А так как в то время он был в некотором затруднении из-за нехватки денег, то, чтобы оказать им честь, он счел необходимым одолжить у Пасиона, богатого банкира, находившегося неподалеку, различные предметы одежды, постельные принадлежности и две серебряные чаши для питья. Эти два важных свидетеля подтвердили бы ревностную службу и достойные качества Тимофея, который внушил им горячий интерес и стал средством заключения союза с Афинами; союз, который они сразу же скрепили, переправив Стесикла и его отряд через Фессалию и Эпир в Коркиру. На умы дикастерийцев сильно подействовало бы появление перед ними такого человека, как Ясон Ферейский, в тот момент самого могущественного человека в Греции; и мы не удивлены, узнав, что Тимофей был оправдан. Его казначею Антимаху, которого не судил тот же дикастерий и который, несомненно, не был столь могущественным другом, повезло меньше. Он был приговорен к смерти, а его имущество конфисковано; дикастерий, несомненно, считал (на основании каких доказательств, мы не знаем), что он был виновен в мошенничестве с государственными деньгами, которое нанесло серьезный ущерб в самый важный момент. В соответствии с обстоятельствами дела, он был привлечен к ответственности как казначей за финансовый отдел денежной команды, доверенной Тимофею народом.

Что касается военного поведения, за которое Тимофей должен был нести личную ответственность, мы можем только отметить, что, получив командование с особой целью

освободить осажденные Коркиры, он, похоже, посвятил неоправданно много времени своему собственному круизу в другие места; хотя этот круиз сам по себе был полезен для Афин; так что если бы Коркиры действительно были взяты, народ имел бы все основания приписать это несчастье его промедлению.[326] И хотя он был оправдан, его репутация так сильно пострадала от всего этого дела, что весной следующего года он с радостью принял приглашение персидских сатрапов, которые предложили ему командовать греческими наемниками в их службе для египетской войны; то же самое командование, от которого Ификрат отошел немного раньше.[327]

Этот адмирал, чьи морские силы были усилены большим количеством коркирских трирем, без сопротивления совершал набеги на Акарнанию и западное побережье Пелопоннеса; настолько, что изгнанные мессенцы в своем далеком изгнании в Гесперидах в Ливии начали надеяться на восстановление Афинами Наупакта, который они занимали под ее защитой во время Пелопоннесской войны.[328] И пока афиняне были хозяевами на море к востоку и западу от Пелопоннеса, Спарта и ее союзники, обескураженные неудачей своей экспедиции против Коркиры в предыдущем году, похоже, бездействовали. При таком умонастроении на них сильно подействовала религиозная тревога, вызванная страшными землетрясениями и наводнениями, которые посещали Пелопоннес в течение этого года и которые считались признаками гнева бога Посейдона. В этом году в Пелопоннесе произошло больше таких страшных землетрясений, чем когда-либо прежде; особенно одно, самое ужасное из всех, в результате которого были разрушены два города Гелике и Бура в Ахайе вместе со значительной частью их населения. Десять лакедемонских трирем, которые оказались пришвартованными на этом берегу в ночь, когда произошло бедствие, были уничтожены нахлынувшими водами[330].

В этих удручающих обстоятельствах лакедемоняне прибегли к тому же маневру, который так хорошо послужил их цели пятнадцатью годами ранее, в 388-387 гг. до н. э. Они снова отправили Антала кидаса посланником в Персию, чтобы попросить как денежной помощи,[331] так и нового персидского вмешательства, принуждающего к новому миру, носящему его имя; этот мир теперь был нарушен (согласно лакедемонянам) восстановлением Беотийской конфедерации под председательством Фив. И, судя по всему, в течение осени или зимы персидские посланники действительно прибыли в Грецию, требуя, чтобы все воюющие стороны отказались от войны и прекратили свои разногласия на принципах Анталкидского мира.[332] Персидские сатрапы, в это время возобновившие свои действия против Египта, были заинтересованы в прекращении военных действий в Греции как в средстве увеличения числа греческих наемников, командование которыми Тимофей за несколько месяцев до этого покинул Афины.

Однако, помимо этой перспективы персидского вмешательства, которое, несомненно, не осталось без последствий, Афины сами все больше склонялись к миру. Общий страх и ненависть к лакедемонянам, которые привели ее к союзу с Фивами в 378 году до н. э., теперь уже не были преобладающими. Она фактически стояла во главе значительной морской конфедерации, и вряд ли она могла надеяться увеличить ее за счет продолжения войны, поскольку морская мощь лакедемонян уже была смята. Кроме того, расходы на военные действия были очень обременительными, их не покрывали ни взносы союзников, ни результаты побед. Оратор Каллистрат, обещавший либо обеспечить денежные переводы из Афин Ификрату, либо рекомендовать заключить мир, был вынужден ограничиться последним вариантом и немало способствовал умиротворению своих соотечественников[333].

Кроме того, афиняне все больше и больше отдалялись от Фив. Древняя антипатия между этими двумя соседями на какое-то время сменилась общим страхом перед Спартой. Но как только Фивы восстановили свою власть в Беотии, в Афинах вновь вспыхнула ревность. В 374 году до н. э. она заключила мир со спартанцами без согласия Фив; этот мир был нарушен почти сразу после заключения самими спартанцами в результате действий Тимофея в Закинфе. Финикийцы, против которых, будучи активными союзниками Спарты в ее вторжениях в Беотию, Фивы теперь вели войну, также были древними друзьями Афин, которые сочувствовали их страданиям. [Кроме того, фиванцы, вероятно, были возмущены тем, что Тимофей оставил их моряков в Калаурии во время экспедиции по спасению Коркиры в предыдущем году; [335] экспедиции, слава и преимущества которой достались только Афинам. Хотя они оставались членами конфедерации, посылая депутатов на конгресс в Афины, враждебный дух с обеих сторон продолжал расти и еще больше усугублялся их жестокими действиями против Платеи в первой половине 372 года до н.э.

В течение последних трех-четырех лет Платея, как и другие города Беотии, была вновь включена в конфедерацию под руководством Фив. Восстановленная Спартой после Анталкидского мира в качестве так называемого автономного города, она была гарнизонирована ею как пост против Фив и уже не могла сохранять реальную автономию после того, как спартанцы были исключены из Беотии в 376 г. до н.э. В то время как другие беотийские города были рады освободиться от своих фило-лаконских олигархий и присоединиться к федерации под властью Фив, Платея, как и Феспия, подчинилась союзу только по принуждению, ожидая любой благоприятной возможности для разрыва либо со стороны Спарты, либо со стороны Афин. Зная, вероятно, о растущей холодности между афинянами и фиванцами, платейцы тайно пытались убедить Афины принять и занять их город, присоединив Платею к Аттике; [336] проект, опасный как для Фив, так и для Афин, поскольку он поставил бы их в состояние открытой войны друг с другом, в то время как ни те, ни другие еще не были в мире со Спартой.

Эта интрига, ставшая известной фиванцам, заставила их нанести решающий удар. Их правление не одним из мелких беотийских городов всегда было мягким, соответствующим грубости их нравов. К Платее, в особенности, они не только питали древнюю антипатию, но и рассматривали вновь основанный город не иначе как лакедемонское посягательство, отнимая у себя часть территории, ставшей фиванской, по предписанию, действовавшему в течение сорока лет с момента сдачи Платеи в 427 г. до н. э. Поскольку для них было бы не только потерей, но и неудобством, если бы Афины решили заключить договор с Платеей, они предотвратили это событие, захватив город для себя. После повторного завоевания Фивами Беотии платейцы вновь, хотя и неохотно, подчинились древней конституции Беотии; они жили в мире с Фивами, признавая ее права как президента федерации и имея взамен свои собственные права как ее членов, гарантированные ею, вероятно, на основе позитивного обязательства, - то есть свою безопасность, свою территорию и свою квалифицированную автономию, подчиненную федеральным ограничениям и обязательствам. Но, несмотря на мир с Фивами, платейцы хорошо знали, каковы были ее реальные настроения по отношению к ним, а их - по отношению к ней. Если мы поверим, что кажется весьма вероятным, что они вели тайные переговоры с Афинами о помощи в выходе из федерации, то сознание того, что это интрига, еще больше усиливало их тревогу и подозрительность. Поэтому, опасаясь агрессии со стороны Фив, они постоянно держали себя начеку. Но их бдительность была несколько ослаблена, и большинство из них уезжали из города на свои фермы в деревню в те дни, когда, как было известно заранее, в Фивах проводились общественные собрания. Этой расслабленностью воспользовался бётарх Неокл. [338] Сразу после собрания он провел фиванское вооруженное войско кружным путем через Гизис в Платею; город оказался

покинутым большинством взрослых мужчин и неспособным оказать сопротивление. Платеяне, рассеянные по полям, обнаружив, что их стены, жены и семьи находятся во владении победителя, были вынуждены принять предложенные им условия. Им разрешили уйти в безопасное место и забрать все свое имущество, но их город был разрушен, а его территория вновь присоединена к Фивам. Несчастные беглецы были вынуждены во второй раз искать убежища в Афинах, где их снова любезно приняли и восстановили те же права гражданства, которыми они пользовались до заключения Анталкидского мира[339].

Фивы теперь вмешивались не только в дела Платеи, но и Феспии. Не доверяя нравам феспийцев, она заставила их разрушить укрепления своего города,[340] как это было сделано за пятьдесят два года до этого, после победы при Делиуме,[341] по подозрению в благосклонности к Афинам.

Такие действия фиванцев в Беотии вызвали сильное волнение в Афинах, где платейцы не только явились в качестве сторонников, демонстрируя знаки несчастья, но и патетически изложили свое дело перед собранием и попросили помощи, чтобы вернуть свой город, которого они только что лишились. По вопросу, одновременно столь трогательному и полному политических последствий, несомненно, было написано и произнесено множество речей, одна из которых, к счастью, дошла до нас; она была написана Исократом и, возможно, действительно произнесена платейским оратором перед общественным собранием. Здесь впечатляюще изложена тяжелая судьба этого интересного маленького сообщества, включая самые горькие упреки, высказанные с немалой долей риторического преувеличения, в адрес многочисленных злодеяний, совершенных Фивами как по отношению к Афинам, так и к Платее. Многие из его инвектив скорее яростны, чем убедительны. Так, когда оратор неоднократно заявляет о праве Платеи на автономное существование под гарантией всеобщей автономии, данной при заключении Анталкидского мира[342], фиванцы, несомненно, отвечают, что во время заключения этого мира Платея уже не существовала, а вымерла в течение сорока лет и была восстановлена только после этого лакедемонянами для своих политических целей. Оратор недвусмысленно намекает, что фиванцы ничуть не стыдились своего поступка, а приехали в Афины, чтобы открыто и открыто его оправдать; более того, несколько самых выдающихся афинских ораторов выступали на той же стороне.[343] То, что платейцы сотрудничали со Спартой в ее недавних операциях в Беотии против Афин и Фив, было неоспоримым фактом, который сам оратор может оправдать только тем, что они действовали под давлением спартанских войск, - но который приводился противоположной стороной как доказательство их фило-спартанских склонностей и готовности снова присоединиться к общему врагу, как только он представится.[Фиванцы обвиняли Платею в последующей измене конфедерации; и даже, кажется, утверждали, что оказали положительную услугу общей афинской конфедерации, членами которой они были,[345] изгнав жителей Платеи и разрушив Феспию; оба города были не только преданы Спарте, но и примыкали к Китерону, пограничной линии, по которой спартанская армия могла бы вторгнуться в Беотию. И в общественном собрании Афин, и на общем съезде конфедератов в этом городе развернулись оживленные дискуссии по этому вопросу;[346] дискуссии, в которых, как выяснилось, Эпаминондас, как оратор и представитель Фив, был признан компетентным защитником против Каллистрата, самого выдающегося оратора в Афинах; он поддерживал дело фиванцев с умением, которое значительно повысило его растущую репутацию.[347]

Но хотя фиванцы и их афинские сторонники, имея на своей стороне все благоразумные аргументы, довели дело до того, что не было сделано ни одного шага для восстановления платейцев, ни одного враждебного заявления против тех, кому они были обязаны своим

изгнанием, - все же общий результат дебатов, вызванных горячим сочувствием к платейским страдальцам, имел тенденцию отравить добрые чувства и ослабить узы между Афинами и Фивами. Эта перемена проявилась в усилении тяготения к миру со Спартой; за него активно выступал оратор Каллистрат, и теперь этому способствовало не только объявленное персами вмешательство, но и большие расходы на войну, и отсутствие всякой перспективной выгоды от ее продолжения. В конце концов Афины, а затем, вероятно, и большинство конфедератов, собравшихся в Афинах, приняли решение обратиться с предложением о мире в Спарту, где, как было хорошо известно, царила аналогичная позиция в отношении мира. Об этом намерении были уведомлены фиванцы, которым было предложено также направить туда посланников, если они пожелают принять в нем участие. Весной 371 года до н. э., когда члены Лакедемонской конфедерации собрались в Спарте, туда прибыли афинские и фиванские посланники, а также посланники от различных членов Афинской конфедерации. Среди афинских посланников, по крайней мере, двое - Каллиас (наследственный дадух или факелonosец Элевсинских церемоний) и Автоклес - были людьми из большого семейства в Афинах; их сопровождал оратор Каллистрат.[348] Из фиванцев единственным заметным человеком был Эпаминондас, тогда один из бётархов.

О дебатах, происходивших на этом важном конгрессе, мы знаем очень плохо; а о более частных дипломатических беседах, не менее важных, чем дебаты, мы вообще ничего не знаем. Ксенофонт передает нам речь каждого из трех афинян, и никого больше. Речь Каллиаса, объявившего себя наследственным проксом Спарты в Афинах, хвастлива и пуста, но вполне фило-лаконская по духу;[349] речь Автоклеса - в противоположном тоне, полная суровых порицаний прошлого поведения Спарты; Речь Каллистрата, произнесенная после двух других, - в то время как враги Спарты были воодушевлены, ее друзья унижены, а обе стороны молчали от свежего воздействия упреков Автоклеса[350], - составлена в духе примирения; признавая недостатки обеих сторон, но осуждая продолжение войны, как вредной для обеих, и показывая, насколько совместные интересы обеих сторон указывают на мир.[351]

Этот оратор, представляющий афинскую дипломатию того времени, четко признает мир Анталкида как основу, на которой Афины были готовы вести переговоры, - автономию для каждого города, как малого, так и большого; и таким образом, совпадая с мнением персидского царя, он равнодушно отвергает угрозу, что Анталкид возвращался из Персии с деньгами, чтобы помочь лакедемонянам в войне. Афины стремились к миру не из-за страха перед персидскими сокровищами, как утверждали противники мира. 352 Ее дела сейчас настолько процветают, как на море, так и на суше, что это доказывает, что она сделала это только из соображений общего зла длительной войны и из благоразумия, отказавшись от опрометчивой самоуверенности, которая всегда была готова спорить на огромные ставки,[353] как игрок, играющий на двойки или квиты. И для Спарты, и для Афин наступило время прекратить военные действия. Первая имела силу на суше, вторая преобладала на море, так что каждая из них могла охранять другую; примирение же двух сторон привело бы к миру во всем эллинском мире, поскольку в каждом отдельном городе одна из двух враждующих местных партий опиралась на Афины, другая - на Спарту.[354] Но было необходимо, чтобы Спарта отказалась от той системы агрессии (которую уже резко осудил афинянин Автоклес), по которой она действовала со времен Анталкидского мира; системы, от которой она наконец-то получила горькие плоды, поскольку ее несправедливый захват Кадмеи закончился тем, что она бросила в объятия фиванцев все те беотийские города, отдельную автономию которых она пыталась обеспечить всей своей политикой.[355]

Два момента выделяются в этой замечательной речи, которая разумно оценивает фактическое положение дел; во-первых, автономия каждого города, причем автономия в подлинном смысле, а не истолкованная и принудительная, обусловленная отдельными интересами Спарты, как это было во время Анталкидского мира; во-вторых, распределение такого главенства или главенства, которое соответствовало этой всеобщей автономии, между Спартой и Афинами; первая на суше, вторые на море, - как средство обеспечения спокойствия в Греции. Этой "автономии, извращенной в лакедемонских целях", которую Перикл осудил перед Пелопоннесской войной как состояние Пелопоннеса и которая стала политическим каноном Греции по Анталкидскому миру, теперь был положен конец. С другой стороны, Афины и Спарта должны были стать взаимными партнерами и гарантами; разделив главенство в Греции по установленной линии разграничения, ни одна из них не должна была вмешиваться в принцип всеобщей автономии. Фивы и их притязания на главенство в Беотии должны были быть отменены по взаимному согласию.

Именно на этой основе и был заключен мир. Вооружение обеих сторон должно было быть распущено, гарнизоны выведены, чтобы каждый город мог пользоваться полной автономией. Если какой-либо город не будет соблюдать эти условия и продолжит силовую борьбу с другим, все были вольны взять в руки оружие для поддержки пострадавшей стороны; но никто, кто не чувствовал себя расположенным, не был обязан брать в руки оружие. Это последнее условие освобождало лакедемонских союзников от одной из самых неприятных для них цепей.

На перечисленные условия согласились все стороны, и на следующий день состоялся обмен клятвами. Спарта присягала за себя и своих союзников, Афины - только за себя, а их союзники - по отдельности, каждый город за себя. Почему было сделано такое различие, нам не известно, так как, по-видимому, принцип разделения распространялся на обе конфедерации одинаково.

Далее настала очередь фиванцев принести клятву, и тут обнаружилась роковая заминка. Эпаминондас, фиванский посланник, настаивал на том, чтобы присягать не за Фивы отдельно, а за Фивы как президента Беотийской федерации, включающей все беотийские города. Спартанские власти, и в первую очередь Агесилай, решительно воспротивились этому. Они требовали, чтобы он принес клятву только за Фивы, оставив беотийские города присягать каждый за себя.

Уже в ходе предварительных дебатов Эпаминондас смело высказался против господства Спарты. В то время как большинство депутатов стояло, потрясенное ее достоинством, представленным энергичным Агесилаем в качестве представителя, он, подобно афинскому Автоклесу, при сильном сочувствии многих присутствующих депутатов, провозгласил, что ничто не поддерживает войны, кроме ее несправедливых притязаний, и что никакой мир не может быть прочным, если эти притязания не будут отброшены. [356](#) Приняв условия мира как окончательно определенные, он явился, чтобы присягнуть им от имени Беотийской федерации. Но Агесилай, потребовав, чтобы каждый из беотийских городов принес клятву за себя, обратился к тем же принципам свободы, на которые только что ссылался сам Эпаминондас, и спросил его, не имеет ли каждый из беотийских городов такое же право на автономию, как и Фивы. Эпаминондас мог бы ответить, спросив, почему Спарте только что было позволено принести клятву за своих союзников, а не за себя. Но он занял более высокую позицию. Он утверждал, что председательство в Беотии принадлежит Фивам на таком же праве, как и суверенитет Лаконии - Спарте. [Он напомнил собранию, что, когда Беотия была впервые завоевана и заселена ее нынешними жителями, все остальные города вышли из Фив как их главного и материнского города; что федеративный союз всех городов,

управляемый избранными всеми беотархами с Фивами в качестве президента, возник вместе с первым заселением страны; что отдельная автономия каждого из них была ограничена установленным институтом, передававшим беотархам и советам, заседавшим в Фивах, управление внешними отношениями всех вместе. Все это уже было заявлено фиванским оратором за пятьдесят шесть лет до этого перед пятью спартанскими комиссарами, собравшимися для решения судьбы пленных после сдачи Платеи; он требовал осудить плательцев как виновных в измене исконным институтам Бётии; [358] и спартанские комиссары признали законность этих институтов, вынеся смертный приговор нарушителям. Более того, в то время, когда господство Фив над беотийскими городами было сильно подорвано их антиэллинским сотрудничеством с вторгшимися персами, спартанцы сами всеми силами помогали ей восстановить его в качестве противодействующей силы против Афин. [Эпаминондас мог показать, что председательство Фив над беотийскими городами было краеугольным камнем федерации; это право не только имело незапамятную древность, но и было признано и упорно отстаивалось самими спартанцами. Он мог бы доказать, что это право было таким же древним и таким же хорошим, как и их право на управление лаконскими городами, которое было приобретено и удержано (как хвастливо заявил один из лучших их воинов) [360] ничем иным, как спартанской доблестью и остротой спартанского меча.

Речь такого тона, произнесенная среди депутатов, собравшихся в Спарте, и обличающая спартанцев не только в их господстве над Грецией, но даже в их владычестве внутри страны, была как бы тенью, отбрасываемой грядущими событиями. Она открывала вопрос, который ни один грек никогда не осмеливался поднять. Это была новинка, поражающая всех, - возможно, в глазах Каллистрата и афинян она была чрезмерной, - но для самих спартанцев нестерпимо острой и оскорбительной. [361] У них уже был длинный счет антипатии к Фивам; их собственная ошибка в захвате Кадмеи, их последующее унижение, когда они потеряли ее и не смогли вернуть, их недавние недостатки и неудачи, в последние семь лет войны против Афин и Фив вместе. К тому же их гордость была уязвлена в непредвиденном месте, самом нежном из всех. Агесилай, переполненный национальными чувствами, которые в сознании спартанца считались первой из добродетелей, был ранен до глубины души. Если бы он был афинским оратором, как Каллистрат, его гнев нашел бы выход в оживленной проповеди. Но царь Спарты стремился лишь презрительно резко завершить эти оскорбительные дискуссии, не оставив самонадеянному фиванцу ничего среднего между смиренным отказом и признанной враждебностью. Возмущенно вскочив с места, он обратился к Эпаминондасу: "Говори прямо: оставишь ли ты или нет каждому из беотийских городов отдельную автономию?" На что тот ответил: "Оставишь ли *ты* автономию каждому из лаконских городов?" Не говоря больше ни слова, Агесилай немедленно заставил вычеркнуть имя фиванцев из списка и объявил их исключенными из договора [362].

Так завершился этот памятный конгресс в Спарте в июне 371 года до н. э. Между спартанцами и афинянами, а также их союзниками был заключен мир. Но фиванцы были исключены, и их депутаты вернулись домой (если верить Ксенофону [363]) обескураженными и убитыми горем. Однако такой человек, как Эпаминондас, должен был прекрасно понимать, что ни его претензии, ни его аргументы не будут приняты Спартой. Если он и был разочарован результатом, то только потому, что рассчитывал на поддержку афинян и других, но не получил ее.

На протяжении всего конгресса афинские депутаты склонялись скорее в неблагоприятную, чем в благоприятную для Фив сторону. Из симпатий к плательцам они были не склонны

отстаивать президентские претензии Фив, хотя в целом политические интересы Афин заключались в том, чтобы сохранить Беотийскую федерацию как оплот против Спарты. Однако отношения Афин с Фивами после конгресса, как и до него, оставались дружбой, скорее номинальной, чем искренней. Фивы воевали только со Спартой и ее союзниками, не имея при этом ни одного союзника. В целом Каллистрат и его коллеги распорядились интересами Афин на этом конгрессе с большим благоразумием и успехом. Они отстранили ее от союза с Фивами, который был продиктован семью годами ранее общим страхом и неприязнью к Спарте, но который уже не имел достаточных мотивов, чтобы компенсировать затраты на продолжение войны; в то же время это отсоединение было осуществлено без недобросовестности. За последние семь лет войны Афины добились значительных успехов. Она приобрела огромную военно-морскую мощь и множество морских единомышленников, в то время как ее враги спартанцы потеряли свою военно-морскую мощь в такой же пропорции. Афины теперь были восходящим лидером морской и островной Греции, в то время как Спарта все еще оставалась ведущей державой на суше, но только на суше; между ними установилось молчаливое партнерство, каждая из которых признавала другую в своих соответствующих половинах эллинской гегемонии. [364](#) Более того, Афинам хватило благоразумия сделать ставку и выйти из игры, когда они достигли максимума своих приобретений, не подвергая себя риску будущих случайностей.

Обе стороны отказались от системы обязательных и нерушимых конфедераций; отказ, в котором уже однажды поклялись, шестнадцать лет назад, во время Анталкидского мира, но который был вероломно извращен Спартой при исполнении. По этому новому договору союзники Спарты или Афин перестали представлять собой организованное постоянное тело, голосующее большинством, принимающее постановления, постоянно обязательные для несогласных, вооружающее главу государства большей или меньшей силой принуждения против всех, и запрещающее добровольное отделение отдельных членов. Они превратились в простое нерасчлененное скопление людей, каждый из которых действовал сам за себя; они совещались вместе, сколько хотели, и сотрудничали, пока все были в согласии; но никто не был связан никаким решением других и не признавал за другими никакого права принуждать его даже к исполнению того, что он специально обещал, если это становилось неприятным. В результате такого изменения и Афины, и Спарта потеряли власть, но последняя в гораздо большей степени, чем первая, так как ее власть над союзниками была более всеобъемлющей и жесткой.

Здесь мы видим, на чем именно основывалась просьба Спарты к Фивам и спор между Эпаминондасом и Агесилаем. Агесилай утверждал, что отношения между Фивами и другими беотийскими городами были такими же, как между Спартой и ее союзниками; что, соответственно, когда Спарта отказалась от нерушимого и обязательного характера своей конфедерации и согласилась иметь дело с каждым из ее членов как с самостоятельной и независимой единицей, она была вправе требовать от Фив того же по отношению к беотийским городам. Эпаминондас, напротив, отрицал справедливость этой параллели. Он утверждал, что надлежащим предметом сравнения было отношение Спарты не к ее внезаконным союзникам, а к лаконским городам; что федеративный союз беотийских городов под властью Фив был неизбежен с расселением беотийцев и относится к числу древнейших явлений Греции; что по отношению к другим государствам Беотия, как Лакония или Аттика, была сложным и организованным целым, из которого каждый отдельный город был лишь частью; что другие греки имели не больше прав вмешиваться во внутреннюю конституцию этих частей и превращать каждую из них в целое, - чем настаивать на отдельной независимости каждой из волостей Лаконии. Эпаминондас не хотел утверждать, что власть Фив над беотийскими городами была столь же полной и абсолютной, как власть

Спарты над лаконскими волостями; он лишь утверждал, что ее президентская власть и федеративная система, частью которой она является, были установлены, незыблемы и не подлежали вмешательству никаких эллинских конвенций - в той же мере, что и внутреннее правительство Спарты в Лаконии.

Однажды этот вопрос уже оспаривался между Спартой и Фивами во время Анталкидского мира, и однажды он был решен превосходящей силой первой, требовавшей покорность у второй. Последние шестнадцать лет отменили прежнее решение и позволили фиванцам вновь завоевать те президентские права, которых их лишил прежний мир. Таким образом, вопрос снова стоял на повестке дня, с обостренной антипатией обеих сторон, с уменьшившейся силой в Спарте, но с возросшей силой, возросшей уверенностью и новым лидером, чьи неоценимые достоинства были еще только наполовину известны, - в Фивах. Афиняне, дружившие с обеими странами, но не являвшиеся союзниками ни одной из них, позволили решить спор, не вмешиваясь в него. О том, как он был разрешен, мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА LXXVIII. БИТВА ПРИ ЛЕЙКТРЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Сразу же после конгресса в Спарте в июне 371 года до н. э. афиняне и лакедемоняне предприняли шаги для выполнения соглашений, данных друг другу, а также союзникам в целом. Афиняне отправили Ификрату, который все еще находился в Коркире или в Ионическом море и совершал набеги на лакедемонские или пелопоннесские берега, приказ немедленно отвести свой флот домой, а если он захватил что-либо после обмена клятвами в Спарте, то все они должны быть возвращены;^[365] чтобы предотвратить недоразумение, которое произошло за пятьдесят два года до этого с Брасидасом на полуострове Паллен. Лакедемоняне со своей стороны послали вывести свои хармосы и гарнизоны из всех городов, все еще находящихся под оккупацией. Поскольку они уже однажды давали такое обещание при заключении Анталкидского мира, но так и не выполнили его, то теперь от общего собрания были назначены уполномоченные,^[367] не спартанцы, для принуждения к исполнению договора.

Однако в выполнении этой части условий, вероятно, не было особой спешки, поскольку вся душа и чувства спартанцев были поглощены ссорой с Фивами. Мизо-фиванский импульс теперь гнал их вперед с яростью, которая превосходила все другие мысли; и которая, хотя Агесилай и другие, несомненно, считали ее в то время законной патриотической обидой за недавнее оскорбление, показалась фило-лаконскому Ксенофону, когда он оглянулся на нее в последующий период спартанского унижения, неверным вдохновением, посланным богами,^[368] подобно гомеровскому Атеку. Теперь, когда Фивы были изолированы от Афин и всех других союзников из Беотии, Агесилай был полностью уверен, что сможет основательно покорить их. Такое же впечатление о превосходстве спартанской силы сложилось и у афинян, и у других греков, в значительной степени даже у самих фиванцев. Ожидалось, что спартанцы разобьют Фивы на деревни (как это было в Мантинее) или, возможно, отомстят ей за то, что она причинила Платее, или даже уничтожат ее граждан и имущество в угоду дельфийскому богу, согласно обету, данному более века назад в связи с помощью,

оказанной фиванцами Ксерксу.[369] Мало кто из жителей Беотии сомневался в успехе Спарты.

Для нападения на Фивы, однако, требовалась армия, а поскольку Спарта по только что заключенному миру отказалась от всего, что напоминало имперское превосходство над своими союзниками, оставив за каждым из них право посылать или отказывать в помощи по своему усмотрению, собрать армию было нелегко; ведь союзники, как правило, вовсе не пылали спартанской антипатией к Фивам и хотели лишь, чтобы им оставили возможность наслаждаться вновь обретенной свободой. Но случилось так, что в момент заключения мира спартанский царь Клеомброт находился во главе армии лакедемонян и союзников в Фокисе, на северо-западной границе Беотии. Сразу же узнав о заключении мира, Клеомброт отправился домой, чтобы получить указания относительно своих дальнейших действий. Единодушным голосом спартанских властей и собрания, причем Агесилай был самым решительным из всех,[370] ему было приказано выступить в поход против фиванцев, если только они не дрогнут в последний момент (как это было при заключении Анталкидского мира) и не откажутся от главенства над другими беотийскими городами. Это единодушие нарушил один гражданин по имени Протей. Он протестовал против этого приказа, во-первых, как против нарушения клятвы, которая требовала от них распустить армию и воссоздать ее на добровольных началах, во-вторых, как против неосторожности по отношению к союзникам, которые теперь рассматривали такую свободу как свое право и никогда не стали бы служить с радушием, если бы она не была им предоставлена. Но к Протею отнеслись с презрением, как к глупому паникерику,[371] и отправили императивный приказ в Клеомброт, сопровождаемый, вероятно, подкреплением из спартанцев и лакедемонян, число которых в последующей битве, похоже, было больше, чем можно предположить, до службы в Фокисе.

Тем временем в Фивах не проявлялось никаких признаков уступчивости.[372] Эпаминондас, вернувшись, нашел сердечное сочувствие решительному тону, который он принял как в защиту Беотийской федерации, так и против Спарты. Хотя все чувствовали масштаб опасности, все же была надежда, что врагу не удастся проникнуть из Фокиса в Беотию. Эпаминондас занял с сильными войсками узкий проход у Коронеи, лежащий между отрогом горы Геликон с одной стороны и Копайским озером с другой; это то же самое место, которое было занято беотийцами и форсировано армией, возвращавшейся из Азии под командованием Агесилая, двадцать три года назад. Орхомен лежал к северу (то есть на фокейской стороне) от этой позиции, и его граждане, а также лакедемонский гарнизон, несомненно, входили в состав армии вторжения Клеомброта. Этот царевич, обладавший редким для спартанских полководцев военным мастерством, сбил все расчеты фиванцев. Вместо того чтобы идти по обычной дороге из Фокиса в Беотию, он повернул на юг по горной дороге, которую едва ли можно было назвать проходимой, разбил охранявшую ее фиванскую дивизию под командованием Херея и перевалил через Геликонский хребет к беотийскому порту Креусис на берегу Крисского залива. Настигнув его врасплох, он взял его штурмом, захватив двенадцать фиванских трирем, стоявших в гавани. Затем он оставил гарнизон, чтобы занять порт, и без промедления двинулся через гористую местность на территорию Феспий на восточном склоне Геликона; там он расположился лагерем на возвышенности, в месте с памятным названием Лейктра[373].

Это был важный успех, умело достигнутый; он не только поместил Клеомброта в пределах легкого марша от Фив, но и открыл надежное морское сообщение со Спартой через порт Креусис, избежав таким образом трудностей горы Китхеррон. И царь, и окружавшие его лакедемоняне были полны радости и уверенности; фиванцы же были поражены не только

удивлением, но и тревогой. Потребовались все способности Эпаминондаса и вся смелость Пелопида, чтобы поддержать решимость своих соотечественников и объяснить или нейтрализовать ужасающие знаки и предвестия, которые удрученный грек непременно видел в каждом происшествии на дороге. Однако в конце концов им это удалось, и фиванцы с союзными им беотийцами выступили из Фив в Лейктру, где расположились на склоне напротив спартанского лагеря. Командовали ими семь беотархов, одним из которых был Эпаминондас. Но так распространено было предчувствие вступить в бой со спартамцами на равных, что даже находясь на месте, трое из этих беотархов отказались принять приказ о сражении и предложили затвориться в Фивах на время осады, отослав своих жен и семьи в Афины. Эпаминондас тщетно боролся с их решимостью, когда седьмой беотарх, Бранхилид, прибыл с перевалов Китерона, где он стоял на страже, и был убежден проголосовать за более смелый курс. Хотя большинство голосов было получено для борьбы, в фиванском лагере царило скорее мужественное отчаяние, чем радостная надежда; убеждение, что лучше погибнуть на поле боя, чем жить в изгнании с лакедемонянами хозяевами Кадмеи. Однако в лагерь доходили некоторые обнадеживающие предзнаменования из храмов Фив и Трофония в Лебадее, [374] а спартанский изгнанник по имени Леандрый, служивший в рядах фиванцев, осмелился заверить их, что они сейчас находятся на том самом месте, которое было предрешено для свержения Лакедемонской империи. Здесь находилась могила двух женщин (дочерей лейктрийца по имени Скедас), которые подверглись насилию со стороны двух лакедемонян и после этого покончили с собой. Скедас, тщетно пытаясь добиться от спартанцев справедливости за это оскорбление, вернулся, проклиная их, и тоже покончил с собой. Месть этих погибших страдальцев теперь непременно должна была обрушиться на Спарту, когда ее войско находилось в их же округе и у их же могилы. И фиванские вожди, для которых эта история была полной своевременного ободрения, увенчали гробницу венками, призывая ее обитателей на помощь против общего врага, который сейчас присутствует [375].

Пока другие утешались надеждой на помощь сверхчеловека, Эпаминондас, которому был доверен порядок предстоящей битвы, позаботился о том, чтобы не было никаких человеческих предосторожностей. Его задача была нелегкой, ведь не только его войска были подавлены, в то время как вражеские были уверены в себе, но и их численность была ниже, а некоторые из присутствующих беотийцев даже не заслуживали доверия. Какова была точная численность обеих сторон, нам не дано знать. Диодор приписывает фиванцам около шести тысяч человек, а Плутарх называет одиннадцать тысяч человек у Клеомброта. [376] Не доверяя этим цифрам, мы видим веские основания полагать, что фиванцы значительно уступали в численности. Эпаминондас попытался компенсировать это отставание искусной тактикой, причем комбинацией, которая в то время была не только новаторской, но и гениальной. Во всех прежних греческих сражениях противоположные армии выстраивались в линию и сражались по всей линии; по крайней мере, таково было намерение полководцев, а если оно не осуществлялось, то причину следовало искать в случайностях местности, отсталости или беспорядке какого-либо подразделения солдат. Отступив от этой привычки, Эпаминондас расположил свои войска таким образом, чтобы с неотразимой силой обрушить левый фланг на спартанский правый, а остальную часть армии оставить в стороне. Зная, что Клеомброт со спартамцами и всеми официальными лицами будет находиться справа от их собственной линии, он рассчитал, что в случае успеха на этом направлении против лучших войск, он не встретит особого сопротивления со стороны остальных. Поэтому он поставил на левом крыле отборных фиванских гоплитов, глубиной в пятьдесят щитов, а впереди - Пелопида и Священную дружину. Его наступательный порядок был расположен косо или эшелонированно, так что глубокая колонна слева должна была вступить в бой первой, в то время как центр и правая часть держались сравнительно позади и занимали скорее оборонительную позицию.

В 371 году до н. э. такое сочетание было абсолютно новым и свидетельствовало о высоком военном гении. Поэтому нет ничего постыдного в том, что Клеомброт не был к ней подготовлен и придерживался обычной греческой тактики - вступать в бой сразу по всей линии. Но среди спартанцев царила такая беспредельная уверенность, что не было случая, чтобы они меньше думали об особых мерах предосторожности. Когда из своего укрепленного лагеря на Лейктрийской возвышенности они увидели фиванцев, расположившихся на противоположной возвышенности, отделенной от них небольшой полосой низменности и умеренными склонами, - единственным их нетерпением было поспешить к решающему моменту, чтобы не дать врагу ускользнуть. И партизаны, и противники Клеомбротуса объединились, чтобы спровоцировать приказ к бою, каждый на своем языке. Первые призывали его, поскольку он еще ничего не предпринимал против фиванцев, нанести удар и очиститься от пренебрежительных сравнений, которые молва установила между ним и Агесилаем; вторые давали понять, что если Клеомброт сейчас отступит, то подтвердятся их подозрения, что он в душе склоняется к фиванцам.^[377] Вероятно, царь и сам был достаточно рвется в бой, как и любой другой спартанский полководец при тех же обстоятельствах перед битвой при Лейктрах. Но даже если бы он был настроен иначе, нетерпение, преобладавшее среди лакедемонской части его армии, не оставляло ему выбора. Поэтому было принято решение сражаться. Последний совет был проведен, а окончательные приказы отданы Клеомбротом после утренней трапезы, где обильные возлияния вина подтверждали и усиливали уверенность каждого. Армия была выведена из лагеря и расположилась на нижней части склона; Клеомброт со спартанцами и большинством лакедемонян находился справа, в порядке двенадцати человек в глубину. Некоторые лакедемоняне находились и слева, но о порядке остальных частей линии у нас нет никаких сведений. Конница располагалась в основном вдоль фронта.

Тем временем Эпаминондас также маршировал по склону в выбранном им самим боевом порядке: его левое крыло было выдвинуто вперед и укреплено в очень глубоком строю для отчаянной атаки. Его кавалерия тоже расположилась перед строем. Но прежде чем начать марш, он отослал свой багаж и сопровождающих домой в Фивы; в то же время он объявил, что все его беотийские гоплиты, которые не были готовы к бою, могут по своему усмотрению удалиться. Феспийцы немедленно воспользовались этим разрешением;^[378] так много было в фиванском лагере тех, кто оценивал шансы на победу лакедемонян. Но когда эти люди, большая часть которых была безоружна, стали отступать, значительный отряд из армии Клеомброта, с приказом или без, бросился за ними, чтобы предотвратить их бегство, и заставил их вернуться для безопасности к главной фиванской армии. Наиболее ревностные из присутствовавших союзников Спарты - фокийцы, флиасийцы и ираклеоты, вместе с наемниками, - осуществили это движение, которое, похоже, ослабило лакедемонян в главном сражении, не причинив фиванцам никакого вреда.

Сначала в бой вступила кавалерия, находившаяся перед обеими линиями; и здесь превосходство фиванцев вскоре стало очевидным. Лакедемонская конница, ни разу не очень хорошая, но в данный момент необычайно плохая, состоящая из сырых и слабых новичков, посаженных на лошадей, предоставленных богачами, была вскоре разбита и отброшена назад к пехоте, ряды которой были нарушены беглецами. Чтобы восстановить ход сражения, Клеомброт дал команду пехоте наступать, сам лично возглавив правую часть. Победоносная фиванская конница, вероятно, нависла над лакедемонской пехотой в центре и слева и не дала им продвинуться вперед; в то время как Эпаминондас и Пелопид слева продвинулись вперед, намереваясь сбить Клеомброта и его правое крыло. Удар здесь был ужасен; с обеих сторон решительно и отчаянно оспаривалась победа, в тесном рукопашном бою, с толканием противоположных щитов и противоположных масс. Но такова была

подавляющая сила фиванского натиска - со священной группой или избранными воинами впереди, состоявшими из людей, прошедших специальную подготовку в палестре,[379] и глубокой колонной в пятьдесят щитов, двигавшейся позади, - что даже спартанцы, при всем их мужестве, упорстве и дисциплине, были не в состоянии противостоять ему. Клеомброт, находившийся на фронте или рядом с ним, был смертельно ранен, по-видимому, в самом начале битвы; и только благодаря героическим и беспримерным усилиям окружавших его товарищей его удалось унести живым, чтобы он не попал в руки врага. Вокруг него также пали самые выдающиеся члены спартанского чиновничьего аппарата: полемарх Дейнон, Сфодрий с сыном Клеонимом и некоторые другие. После упорного сопротивления и страшной резни правое крыло спартанцев было полностью разбито и отброшено к своему лагерю на возвышенности.

Именно на это спартанское правое крыло, где фиванский левый фланг был непреодолимо силен, выпало все напряжение битвы, - как и предполагал Эпаминондас. Ни на одном другом участке линии, похоже, не было серьезных боев; отчасти из-за того, что он намеренно не выдвигал вперед ни центр, ни правую часть, отчасти из-за предварительной победы фиванской конницы, которая, вероятно, сдержала часть продвижения вражеской линии, а отчасти из-за вялой приверженности или даже подавленной враждебности союзников, собранных под командованием Клеомброта.[Фокийцы и гераклеоты, ревностно относящиеся к делу из ненависти к Фивам, покинули строй, чтобы нанести удар по отступающему багажу и сопровождающим; остальные же союзники после номинального боя, не понеся практически никаких потерь, отступили в лагерь, как только увидели, что спартанские правые разбиты и отброшены к нему. Более того, даже некоторые лакедемоняне на левом фланге, вероятно, ошеломленные вялостью окружающих и неожиданным бедствием справа, отступили таким же образом. Таким образом, все лакедемонское войско с умирающим царем было вновь собрано и выстроено за укреплением на возвышенности, где победоносные фиванцы не пытались их преследовать[381].

Но их чувства, когда они стояли в лагере, сильно отличались от того ликующего бахвальства, с которым они покидали его за час или два до этого; и страшен был проигрыш, когда он подтвердился. Из семисот спартанцев, вышедших из лагеря, в него вернулись только триста.[382] Тысяча лакедемонян, кроме того, осталась на поле, даже по признанию Ксенофонта; вероятно, реальное число было еще больше. Кроме того, смерть Клеомброта сама по себе была впечатляющим для всех событием, подобного которому не случалось со времен рокового дня Фермопилы. Но это было еще не все. Союзники, стоявшие рядом с ними с оружием в руках, были уже изменившимися людьми. Все они были больны своим делом и не желали продолжать борьбу; некоторые едва ли скрывали удовлетворение от поражения. И когда оставшиеся в живых полемархи, теперь уже полководцы, советовались с главными офицерами о том, как поступить в сложившейся ситуации, нашлось немного, но очень немного спартанцев, которые настаивали на возобновлении битвы и на том, чтобы силой вернуть на поле боя своих убитых братьев или погибших при этом. Все остальные чувствовали себя избитыми людьми, поэтому полемархи, поддерживая общее настроение, послали глашатая просить обычного перемирия для погребения своих мертвых. Фиванцы согласились, воздвигнув свой трофей. 383] Но Эпаминондас, зная, что спартанцы будут использовать все уловки, чтобы скрыть размеры своих потерь, сопровождал это согласие условием, что союзники должны похоронить своих мертвых первыми. Выяснилось, что у союзников почти не было погибших, и почти каждый убитый на поле воин был лакедемонянином. 384] Таким образом, фиванский полководец, поставив потери вне возможности сокрытия, в то же время публично провозгласил такое доказательство спартанской храбрости, которое спасло несчастье Лейктры от всякого усугубления за счет

бесчестья. Каковы были потери фиванцев, Ксенофонт не сообщает. Павсаний называет сорок семь человек, Диодор - триста. Первое число абсурдно мало, а второе, несомненно, ниже истины; ведь победа в ближнем бою над такими воинами, как спартанцы, должна была быть дорого куплена. Хотя тела спартанцев были преданы погребению, их оружие сохранилось, а щиты главных офицеров путешественник Павсаний видел в Фивах пятьсот лет спустя[386].

С того момента, как Эпаминондас покинул Спарту после того, как Фивы были исключены из общего мира, до того дня, когда он победоносно стоял на поле Лейктры, прошло всего двадцать дней[387]. Это событие как громом поразило всех в Греции, как победителей, так и побежденных, как союзников, так и нейтралов, как близких, так и далеких. Все ожидали, что Фивы будут быстро свергнуты и разобраны, но вместо этого они не только спаслись, но и нанесли сокрушительный удар по военному величию Спарты. Напрасно Ксенофонт, чей рассказ о битве неясен, частичен и запечатлен той досадой, которую вызвало у него это событие,[388] приписывает поражение несчастливым случайностям[389] или опрометчивости и беспечности Клеомброта; чей полководец Агесилай и его партия в Спарте не побрезговали бросить неблагородный упрек,[390] в то время как другие слабо оправдывали его, говоря, что он сражался вопреки своему здравому смыслу, под страхом непопулярности. Такая критика, исходящая от людей, умудренных опытом и утешающих себя общественным бедствием, порицая несчастного полководца, не выдерживает проверки. В данном случае Клеомброт олицетворял собой всеобщее чувство среди своих соотечественников. Ему было приказано идти на Фивы с полной уверенностью, которую разделяли Агесилай и все спартанские вожди, что ее несокрушимая сила не сможет ему противостоять. Сразиться с фиванцами на открытой местности было именно тем, чего желал он и все остальные спартанцы. Хотя его манера форсировать вход в Беотию и захват Креусиса были достойными похвалы маневрами, он, похоже, выстроил свой боевой порядок так, как это было принято у греческих полководцев того времени. Нет причин порицать его полководческий талант, за исключением того, что он не смог разгадать то, что никто другой не разгадал, - превосходные комбинации своего противника, впервые примененные на практике. К несчастью Ксенофонта, Эпаминондас ни разу не назван в его рассказе о битве, хотя он признает, что исход сражения решила неодолимая сила фиванцев, обрушившаяся на один из пунктов вражеской фаланги; этот факт Плутарх и Диодор[391] однозначно относят к гению полководца. Все расчеты Эпаминондаса оказались успешными. Храбрость фиванцев, как конницы, так и пехоты, подкреплённая тренировкой, которую они получили за последние несколько лет, оказалась достаточной, чтобы привести его планы в полное исполнение. Именно этому обстоятельству, в первую очередь, был обязан последовавший за битвой переворот мнений во всей Греции. Все чувствовали, что возникла новая военная сила и что фиванская выучка под руководством Эпаминондаса оказалась более чем подходящей на честном поле, со щитом и копьем, и с числом, в целом уступающим, - для древней ликургской дисциплины; последняя до сих пор не имела аналогов, поскольку готовила художников и ремесленников к войне, против простых граждан в противоположных рядах, вооруженных, но без подобной подготовки.[Ликургская дисциплина, по сути своей неподвижная и старомодная, была теперь подавлена прогрессивным военным совершенствованием других государств, управляемых выдающимся тактиком; несчастье, предсказанное коринфянами[393] в Спарте за шестьдесят лет до того, и теперь осуществленное, к убеждению всей Греции, на поле Лейктры.

Но если в спартанскую систему вторглись и превзошли ее в привилегиях подготовки воинов, то был еще один вид обучения, в котором она не была и не могла быть превзойдена, - тяжелый урок перенесения боли и подавления эмоций. Памятно то, как в Спарте было воспринято известие об этой роковой катастрофе. Чтобы подготовить читателя соответствующим контрастом, мы можем обратиться к тому, что произошло в Афинах за двадцать семь лет до этого, когда трирема под названием "Парал" прибыла из Эгоспотама с вестью о захвате всего афинского флота. "Стон бедствия (говорит историк)[394] пронесся по всей Длинной стене от Пирея до Афин, когда каждый передал новость своему соседу: в ту ночь ни один человек не спал, оплакивая своих погибших сограждан и свою собственную надвигающуюся гибель". Не так обстояли дела в Спарте, когда гонец прибыл с поля Лейктры, хотя там было все, чтобы сделать потрясение сильным. Ведь поражение было не только ужасным и унижительным, но и произошло в тот момент, когда все рассчитывали на победу. Как только Клеомброт, прорвавшись в Беотию, увидел перед собой несокрушимых фиванцев на равнине, ни один спартанец не сомневался в результате. В таком настроении прибыл гонец с поразительным сообщением, что армия полностью разбита, потеряв царя, четыреста спартанцев и более тысячи лакедемонян, и это поражение признается тем, что они попросили перемирия для погребения убитых. В тот момент, когда он прибыл, праздник под названием "Гимнопедии" отмечался в последний день, и хор взрослых мужчин проходил в театре с обычной торжественностью. Несмотря на всю пикантность известия, эфоры не позволили ни прервать, ни сократить торжественность. *"По необходимости, я полагаю, они были опечалены, но все прошло так, как будто ничего не случилось, только сообщили имена убитых их родственникам и отдали общий приказ женщинам не шуметь и не причитать, а молча переносить несчастье"*. То, что такой приказ был издан, достаточно примечательно; то, что он был издан и исполнен, - это то, чего нельзя было ожидать; то, что он был не только издан и исполнен, но и превзойден, - это то, во что никто не мог бы поверить, если бы это не было прямо подтверждено современным историком. "На следующий день (говорит он) вы могли видеть тех, чьи родственники были убиты, расхаживающими по городу с яркими и веселыми лицами; но из тех, чьи родственники остались в живых, почти никто не показывался; а те немногие, кто был за границей, выглядели скорбными и смиренными"[395].

Сравнивая эту необычайную сдержанность и покорность приказам в Спарте при самых тяжелых обстоятельствах с чувствительным и демонстративным нравом и спонтанной вспышкой чувств в Афинах, столь близко подходящих к гомеровскому типу греков, мы должны в то же время отметить, что в отношении активных и героических усилий, направленных на исправление прошлых бедствий и на преодоление перевеса, афиняне были явно лучше из двух. Я уже рассказывал о невероятной и неожиданной энергии, проявленной Афинами после гибельной потери двух армий перед Сиракузами, когда никто не ожидал, что они смогут продержаться шесть месяцев: Теперь я собираюсь рассказать о действиях Спарты после бедствия при Лейктре, - бедствия, действительно, большого и серьезного, но в положительном отношении уступающего тому, что постигло афинян при Сиракузах. Читатель увидит, что если посмотреть на интенсивность активных усилий в обоих случаях, то сравнение будет в пользу Афин; по крайней мере, оправдывая, если не оправдывая, хвастовство Перикла[396] в его памятной похоронной речи, - что его соотечественники, не имея строгой подготовки спартанцев, все же не уступали спартанцам в смелом напряжении, когда наступал час настоящего испытания.

Первой обязанностью эфоров было обеспечить безопасность своей разбитой армии в Беотии, для чего они отправили в поход почти все оставшиеся силы Спарты. Из лакедемонских *могаэ*, или военных подразделений (кажется, всего шесть), два или три были отправлены с Клеомбротом; теперь были отправлены все остальные, включая даже пожилых граждан в возрасте почти шестидесяти лет и всех, кто был оставлен в связи с другими государственными должностями. Архидам принял командование (Агесилай все еще оставался инвалидом) и занялся сбором

обещанной помощи из Тегеи, из деревень, представлявших распавшуюся Мантинею, из Коринфа, Сикиона, Флиуса и Ахайи; все эти места все еще находились под властью тех же олигархий, которые держали их под лакедемонским покровительством, и все еще придерживались Спарты. В Коринфе были снаряжены триремы, чтобы переправить новую армию в Креусис и таким образом соединиться с разбитыми войсками у Лейктры; порт Креусис, недавно приобретенный Клеомбротом, был теперь неocenим как единственное средство доступа в Беотию[397].

Тем временем разбитая армия продолжала оставаться в своем укрепленном лагере в Лейктре, где фиванцы поначалу не спешили ее тревожить. Кроме того, это было очень трудное предприятие, даже после недавней победы, - мы должны помнить о действительных чувствах самих фиванцев, для которых их собственная победа стала неожиданностью, в тот момент, когда они были воодушевлены скорее отчаянием, чем надеждой. Они, несомненно, были поглощены пьянящим триумфом и ликованием момента, объятиями и поздравлениями своих семей в Фивах, спасенных их доблестью от неминуемой гибели. Как и сиракузянам после их последней великой победы[398] над афинским флотом в Великой гавани, им, вероятно, требовался перерыв, чтобы дать волю своим чувствам экстаза, прежде чем они возобновят действия. Эпаминондас и другие вожди, понимая, насколько возросла ценность фиванского союза, постарались получить подкрепление извне, прежде чем приступить к последующему удару. В Афины они послали глашатая, увенчанного венками триумфа, возвестив о своей недавней победе. Они предлагали афинянам воспользоваться представившейся возможностью и отомстить Спарте, объединив свои силы с фиванскими. Но симпатии афинян были сейчас скорее враждебны, чем дружественны Фивам, к тому же не далее как за месяц до этого они поклялись заключить мир со Спартой. Сенат, собравшийся на акрополе, когда прибыл вестник, выслушал его новости с явным огорчением и отпустил его, не сказав ни слова вежливости, а несчастные платейцы, которые, несомненно, ждали в городе победы Клеомброта и своего скорого восстановления, снова оказались поражены и обречены на бессрочное изгнание.

К Ясону из Фере в Фессалии с той же целью был послан другой фиванский глашатай, и его приняли совсем по-другому. В ответ деспот сообщил, что немедленно прибудет морем, и приказал снарядить триремы для этой цели. Но это был всего лишь обман, так как в то же время он собрал наемников и конницу, находившихся поблизости, и начал свой поход по суше. Его передвижения были столь стремительны, что он обошел все препятствия - хотя ему пришлось пересечь территорию Гераклеотов и Фокии, которые были его злейшими врагами, - и благополучно присоединился к фиванцам в Беотии.[399] Но когда фиванские вожди предложили ему напасть на лагерь лакедемонян с фланга, с возвышенности, в то время как они бы шли прямо на холм и атаковали его спереди, Ясон решительно отговорил его как от слишком опасного предприятия; он рекомендовал им разрешить врагу уйти по капитуляции. "Довольствуйтесь той великой победой, которую вы уже одержали, - сказал он. Не ставьте ее под угрозу, предпринимая еще более опасные действия против лакедемонян, доведенных до отчаяния в своем лагере. Вспомните, что несколько дней назад *вы* сами были в отчаянии и что ваша недавняя победа - плод именно этого чувства. Помните, что богам доставляет удовольствие вызывать эти внезапные перемены судьбы"[400] Убедив таким образом фиванцев, он обратился с дружеским посланием к лакедемонянам, напоминая им об их опасном положении, а также о том, что их союзникам нельзя доверять, и предлагая себя в качестве посредника для переговоров об их безопасном отступлении. Они с готовностью согласились, и по его приказу обе стороны заключили перемирие, гарантировавшее лакедемонянам свободу покинуть Беотию. Однако, несмотря на соглашение, лакедемонский полководец не доверял ни фиванцам, ни Ясону, опасаясь обмана с целью склонить его покинуть лагерь и напасть на него в походе. Поэтому он отдал в лагере приказ всем быть готовыми к отплытию после вечерней трапезы и ночью идти к Китерону, чтобы на следующее утро миновать эту гору. Наведя врага на этот ложный след, он направил свой

настоящий ночной поход другим и не очень легким путем, сначала к Креусису, а затем к Игосфену на территории Мегарии.^[401] Фиванцы не оказали никакого сопротивления; также маловероятно, что они замыслили какой-либо обман, учитывая, что Ясон был здесь гарантом и что у него, по крайней мере, не было повода нарушить свое слово.

Именно у Игостены отступающие лакедемоняне встретили Архидама, который выдвинулся к этому месту с лаконскими войсками и ожидал соединения со своими пелопоннесскими союзниками. Теперь цель его похода была выполнена, и дальше он не продвигался. Вооружение было распушено, и лакедемоняне, как и союзники, вернулись домой^[402].

В любом обществе возвращение стольких побежденных солдат, освобожденных в результате капитуляции врага, стало бы сценой скорби. Но в Спарте оно было чревато серьезными и опасными последствиями. Презрение и бесчестие, обрушивавшиеся на спартанского гражданина, пережившего поражение, были столь ужасны, что жизнь становилась для него совершенно невыносимой. Для осуждения было достаточно самого факта, без всякого выяснения оправдывающих или смягчающих обстоятельств. Ни один гражданин дома не разговаривал с ним, не был замечен в общении с ним в палатке, игре или хоре; ни одна семья не вступала в брак с его семьей; если его видели идущим по улице с веселым видом, прохожие били и издевались над ним, пока он не принимал видимое смирение, которое, как предполагалось, должно было соответствовать его униженному положению. Такое суровое обращение (о котором мы узнаем из панегириста Ксенофонта)^[403] помогает объяснить удовлетворение спартанских отца и матери, когда они узнали, что их сын был среди убитых, а не среди выживших. До сих пор поражения спартанских войск были редкостью. Но в случае с пленниками при Сфактерии, когда их освободили из плена и вернули к унижительному существованию в Спарте, чувствовалось некоторое беспокойство, и некоторые меры предосторожности считались необходимыми, чтобы предотвратить их превращение в опасных злоумышленников.^[404] Вот другой случай, еще более грозный. Побежденные, вернувшиеся из Лейктры, были многочисленны, а тяжелые потери, понесенные в битве, свидетельствовали об их храбрости. Осознавая опасность применения к ним установленного обычая, эфоры передали дело на рассмотрение Агесилая, который предложил, чтобы на это время и в этом случае обычные наказания были отменены, но после возрождены и вступили в силу, как прежде. Так и было сделано,^[405] чтобы выжившие на этом роковом поле боя могли смешаться с остальными гражданами без позора и унижения. Этот шаг был вдвойне необходим, учитывая небольшое общее число полностью квалифицированных граждан; это число всегда имело тенденцию к уменьшению - из-за природы спартанской политической франшизы в сочетании с требованиями спартанского воспитания^[406] - и не могло выдержать даже такого большого сокращения, как число четырехсот убитых при Лейктре. "Спарта (говорит Аристотель) не могла устоять ни перед одним поражением, но была разрушена из-за малочисленности своих граждан"^[407].

Причина, на которую ссылается Аристотель, объясняя полную потерю превосходства за границей и капитальное ослабление власти и неприкосновенности дома, которые, как теперь выяснится, обрушились на Спарту, была, несомненно, реальной и важной. Но еще более важным фактом было изменение мнения, произведенное повсеместно в Греции в отношении Спарты внезапным потрясением, вызванным битвой при Лейктре. Весь престиж и старые ассоциации, связанные с ее давней властью, исчезли; а враждебность и страхи, внушаемые как ею самой, так и ее сторонниками, но до сих пор сдерживаемые молчанием, теперь вырвались наружу и открыто проявились.

Господство, которое до сих пор принадлежало Спарте к северу от Коринфского залива, в Фокисе и других местах, ушло от нее и было поделено между победоносными фиванцами и Ясоном из Фере. Фиванцы и беотийские союзники, которые теперь им сердечно сочувствовали, воодушевленные недавним успехом, жаждали новой славы и с готовностью подчинялись всем требованиям военной подготовки; а под руководством такого вождя, как Эпаминондас, их пыл был обращен на пользу, и они с каждым месяцем становились лучшими солдатами.[409] Фокийцы, неспособные защитить себя в одиночку, с радостью перешли под защиту фиванцев, как менее жестоко враждебных им, чем фессалийский Ясон, и заключили с ними обязательства взаимной защиты и союза.[409] Этому примеру последовали города Эвбеи, а также локрийцы (как эпикнемидийцы, так и опунты), малийцы и город Гераклея. Последний город был теперь беззащитен, так как Ясон, возвращаясь из Беотии в Фессалию, напал на него и разрушил его укрепления, поскольку благодаря своему важному местоположению у Фермопильского прохода он мог легко занять позицию, препятствующую его входу в Южную Грецию.[410] Беотийский город Орхомен, который держался вместе с лакедемонянами вплоть до последней битвы, теперь был совершенно беззащитен, и фиванцы, крайне раздраженные его жителями, были намерены разрушить город, обратив жителей в рабство. Как ни сурово было это предложение, оно не превышало ни обычных жестокостей войны, ни даже того, что могло бы постигнуть сами Фивы, если бы Клеомброт победил при Леукре. Но упорные уговоры Эпаминондаса не позволили привести его в исполнение. Отличаясь в равной степени мягким нравом и дальновидностью, он напомнил своим соотечественникам, что в их нынешних надеждах на возвышение в Греции необходимо утвердить характер умеренности в делах[411], не уступающий их военной храбрости, подтвержденной недавней победой. Поэтому орхоменцы были покорны и вновь приняты в члены Беотийской конфедерации. Однако к феспийцам не было проявлено такой же снисходительности. Они были изгнаны из Беотии, а их территория присоединена к Фивам. Следует вспомнить, что непосредственно перед битвой при Лейктре, когда Эпаминондас объявил, что те из беотийцев, кто не поддерживает фиванское дело, могут уйти, феспийцы воспользовались этим разрешением и ушли.[412] Беглые феспийцы нашли приют, как и платейцы, в Афинах.[413]

Пока Фивы отмечали свою недавнюю победу возведением казенной палаты[414] и посвящением благочестивых жертв в Дельфах, - пока военная организация Беотии получала столь заметные улучшения, а группа зависимых государств, присоединенных к Фивам, становилась все больше под умелым управлением Эпаминондаса, - Ясон в Фессалии также становился все могущественнее с каждым днем. Он был тагусом всей Фессалии; его соседи-трибуны находились в полном повиновении, Македония частично зависела от него, а наемников, хорошо оплачиваемых и обученных, было больше, чем когда-либо собиралось в Греции. Разрушив Гераклею во время своего возвращения из Беотии, он открыл Фермопильский пролив, чтобы в любой момент иметь доступ в Южную Грецию. Его личные способности и честолюбие в сочетании с огромной силой внушали всеобщую тревогу, ибо никто не знал, куда он направит свое оружие: в Азию, против персидского царя, как он любил хвастаться,[415] или на север, против городов Халкидики, или на юг, против Греции.

Последний план казался наиболее вероятным в начале 370 года до н. э., через полгода после битвы при Лейктре: ведь Ясон ясно объявил о своем намерении присутствовать на пифийском празднике (время которого наступило около 1 августа 370 года до н. э. в Дельфах) не только с великолепными подарками и жертвами Аполлону, но и во главе многочисленной армии. На был отдан приказ, чтобы его войска были готовы к военной службе,[416] примерно к тому времени, когда должен был отмечаться праздник; были разосланы запросы, требующие от всех его данников жертв для пифийского жертвоприношения, в общей сложности не менее тысячи быков и десяти тысяч овец, коз и свиней; кроме того, во главе процессии должен был идти призовой бык, за которого полагался венок из золота. Никогда прежде богу не оказывали такой чести; ведь

те, кто приходил принести жертву, обычно довольствовались одним или несколькими животными, выращенными на соседней равнине Кирра.^[417] Однако следует помнить, что этот пифийский праздник 370 года до н. э. проходил при особых обстоятельствах. произошел при особых обстоятельствах; ведь два предыдущих праздника в 374 и 378 гг. до н. э., должно быть, были сравнительно редкими; из-за войны между Спартой и ее союзниками с одной стороны и Афинами и Фивами - с другой, а также из-за захвата Фокиса Клеомбротом. Поэтому праздник 370 года до н. э., последовавший сразу за заключением мира, казалось, должен был оправдать необычайный всплеск благочестивого великолепия, чтобы компенсировать скудные подношения богу в течение двух предыдущих; в то время как враждебные настроения фокийцев должны были послужить оправданием для военной силы, которая должна была сопровождать Ясона.

Но были и другие намерения, которые, по общему мнению, хотя и не были официально объявлены, но которые ни один грек не мог представить без тревоги. Утверждали, что Ясон собирается присвоить себе председательство и празднование фестиваля, которое по праву принадлежало собранию Амфикионов. Кроме того, опасались, что он завладеет богатыми сокровищами дельфийского храма; говорили, что этот план был задуман сиракузским деспотом Дионисием за пятнадцать лет до этого в союзе с эпиротом Алкетасом, который теперь зависел от Ясона. [Так как не было никаких видимых средств для защиты от этого удара, дельфийцы обратились к богу, чтобы узнать, что им делать, если Ясон приблизится к казне; на что бог ответил, что сам позаботится об этом, - и он сдержал свое слово. Этот предприимчивый деспот, находившийся в расцвете лет и на вершине своего могущества, погиб самым неожиданным образом еще до наступления дня праздника.^[419] Он проводил смотр своей конницы возле Фере и сидел, чтобы принять просителей и ответить им, когда к нему подошли семь юношей, явно горячо споривших друг с другом и взывавших к нему о согласии. Как только они приблизились, они набросились на него и убили его. ^{420]} Один из них был убит на месте стражниками, другой - когда садился на коня; но остальные пятеро сумели добраться до приготовленных для них лошадей и ускакать галопом вне пределов досягаемости погони. В большинстве греческих городов, которые посетили эти беглецы, их приняли с почетом, как избавивших греческий мир от того, кто внушал всеобщую тревогу,^[421] так как Спарта была не в состоянии противостоять ему, а другая держава еще не заняла ее место.

Ясона сменили в его достоинстве, но не в силе, и способностях, два брата - Полифрон и Полидор. Если бы он прожил дольше, то оказал бы самое серьезное влияние на последующие судьбы Греции. Что бы он еще сделал, мы не можем сказать; но он бы существенно повлиял на развитие фиванской власти. Фивы сильно выиграли от его смерти, хотя были совершенно невиновны в ней и до последнего находились в союзе с ним; настолько, что его вдова отправилась жить туда для безопасности.^[422] Эпаминондас был избавлен от самого грозного соперника, а союзники фиванцев к северу от Беотии стали намного более зависимыми, чем они бы остались, если бы в Фессалии существовала конкурирующая сила, подобная той, что была у Ясона. Сокровища бога были сохранены еще на несколько лет, чтобы быть разграбленными другой рукой.

Пока эти события происходили в Северной Греции, в течение нескольких месяцев после битвы при Лектре, в Пелопоннесе происходили не менее серьезные и волнующие события. Договор, заключенный в Спарте за двадцать дней до битвы, обязывал лакедемонян распустить свои войска, снять все гарнизоны и гарнизоны и предоставить каждому подчиненному городу свободу действий. Как они не побрезговали нарушить договор приказами, посланными Клеомброту, так, вероятно, не проявили усердия и в выполнении остальных условий; хотя были назначены офицеры с явной целью объехать все города и убедиться, что эвакуация городов действительно осуществлена^[423]. Но, вероятно, она не была осуществлена за двадцать дней; и, возможно, не была бы осуществлена более чем номинально, если бы Клеомброт имел успех в Беотии. Но после

этих двадцати дней пришло предвещающее судьбу принца и его армии известие. Непобедимая рука Спарты была сломлена; у нее не осталось ни одного человека для поддержания внешнего превосходства. Ее хармосы сразу же исчезли (как они исчезли из азиатских и островных городов за двадцать три года до этого, сразу после битвы при Книде[424]) и вернулись домой. Но и это было еще не все. Лакедемонское господство повсюду поддерживалось местными олигархиями или декархиями, которые в большинстве своем были жестокими и деспотичными. Против этих правительств, лишенных теперь иностранной поддержки, с неодолимой силой хлынул долго копившийся поток внутреннего недовольства, стимулируемый, вероятно, вернувшимися изгнанниками. Их прошлое неправильное управление было отомщено суровыми приговорами и проскрипциями, вплоть до великой реакционной несправедливости; а партии, изгнанные этой антиспартанской революцией, стали настолько многочисленными, что досаждали и вызывали серьезную тревогу у вновь созданных правительств. Таковы были волнения, которые во второй половине 371 г. до н. э. беспокоили многие пелопоннесские города - Фигалею, Флиус, Коринф, Сикион, Мегару и т. д., хотя и с большими местными различиями, как в деталях, так и в результатах[425].

Но городом, где кишечные беспорядки проявлялись в наиболее острой форме, был Аргос. Мы не знаем, как этот факт был связан с общим состоянием греческой политики в то время, поскольку Аргос не был ни подвластен Спарте, ни членом спартанской конфедерации, ни (насколько нам известно) вовлечен в недавнюю войну, начиная с Анталкидского мира 387 года до н. э. Арге́йское правительство было демократическим, и народные лидеры были горячи в своих обличениях против олигархической оппозиционной партии - людей богатых и с большим семейным положением. Эти последние, обличая друг друга, составили заговор с целью насильственного свержения правительства. Но заговор был раскрыт еще до его осуществления, и некоторых из подозреваемых заговорщиков допросили под пыткой, чтобы заставить их раскрыть своих сообщников; в ходе допроса один из них дал показания против тридцати известных граждан. Народ, после поспешного суда, предал этих тридцать человек смерти и конфисковал их имущество, а другие, чтобы избежать той же участи, покончили с собой. Страх и ярость народа, подстрекаемого народными вождями, были столь неистовы, что они продолжали казни, пока не предали смерти двенадцать сотен (или, как говорят некоторые, пятнадцать сотен) главных граждан. В конце концов народные вожди сами устали и испугались того, что натворили; тогда народ воспрянул духом и предал их смерти"[426].

Эта мрачная череда событий получила название "Скайтализм", или "Дубина", от инструмента (как нам говорят), с помощью которого эти многочисленные казни были приведены в исполнение; хотя это название, кажется, больше указывает на бурный народный мятеж, чем на преднамеренные казни. Мы слишком плохо знаем факты, чтобы делать выводы о чем-то большем, чем жестокое действие разъяренных политических страстей среди населения, подобного аргосскому или коркирскому, где не было (как в Афинах) ни вкуса к речи, ни привычки руководствоваться речью и слышать обе стороны каждого вопроса в полном обсуждении. Цицерон отмечает, что никогда не слышал об арге́йском ораторе. Язвительность Демосфена и Эсхина разряжалась взаимным красноречием, а затем собрание или дикастерия принимали решение между ними. Нам рассказывают, что собравшийся афинский народ, услышав новость о скитальчестве в Аргосе, был так потрясен этим, что устроил вокруг собрания торжественное очищение[427].

Хотя Спарта видела, что ее доверенные партизаны были низложены, изгнаны или подвергались жестокому обращению во многих пелопоннесских городах, и хотя в пределах перешейки не было ни фактического, ни потенциального вмешательства фиванцев, она была глубоко обескуражена и не могла предпринять никаких усилий ни для защиты, ни для поддержания верховной власти.

Одно поражение поставило ее перед необходимостью бороться за дом и семью;^[428] вероятно, и расположение ее собственных периеков и гелотов в Лаконии было таким, что требовало от нее всех сил, а также всей ее бдительности. Во всяком случае, ее империя и ее влияние на настроения греков из Лаконии внезапно исчезли, причем в такой степени, что мы удивляемся, когда вспоминаем, что это стало своего рода традицией в греческом сознании и что всего за девять лет до этого оно доходило до Олинфа. О том, насколько полностью исчезло ее превосходство, свидетельствует замечательный шаг, предпринятый Афинами, по-видимому, ближе к концу 371 года до н. э., примерно через четыре месяца после битвы при Лейктре. Многие пелопоннесские города, хотя и потеряли страх и почтение к Спарте, все еще хотели оставаться членами добровольного союза под председательством какого-нибудь значительного города. Воспользовавшись этим чувством, афиняне отправили посланников и предложили им заключить в Афинах общий союз на основании Анталкидова мира и мира, недавно заключенного в Спарте.^[429] Многие из них, повинувшись призыву, заключили соглашение следующего содержания: "Я буду придерживаться мира, ниспосланного персидским царем, и постановлений афинян и союзников в целом. Если какой-либо из городов, давших эту клятву, подвергнется нападению, я буду помогать ему всеми силами". Какие города или сколько их было, мы не знаем; косвенно известно, что одним из них был Коринф;^[430] но элейцы отказались, сославшись на то, что их право на суверенитет над марганцами, трифилиями и скиллунтийцами не признано. Однако само создание лиги с Афинами в качестве председателя - поразительный факт, свидетельствующий о внезапном свержении Спарты и предупреждающий о том, что впредь ей придется двигаться по своей собственной орбите, как Афинам после Пелопоннесской войны. Афины заняли место Спарты как президент Пелопоннесской конфедерации и гарант клятвенного мира; хотя города, вступившие в этот новый договор, не считали, что тем самым они порывают со своим древним президентом^[431].

Другой инцидент, произошедший, по-видимому, около нынешнего времени, хотя мы не можем назвать его точную дату, также свидетельствует об изменении положения Спарты. Фиванцы выдвинули против нее в амфикинийском собрании обвинение в незаконном захвате их цитадели Кадмеи Фибилом во время клятвенного мира, а также в том, что спартанские власти дали санкцию на этот акт, задержав и заняв это место. Амфикинийское собрание признало спартанцев виновными и приговорило их к штрафу в пятьсот талантов. Поскольку штраф не был уплачен, собрание через некоторое время удвоило его; но второй приговор остался неисполненным, как и первый, поскольку не было никаких средств для его исполнения.^[432] Вероятно, ни те, кто выдвинул обвинение, ни те, кто принял решение, не ожидали, что лакедемоняне действительно подчинятся и уплатят штраф. Самое большее, что можно было сделать в качестве наказания за такую непокорность, - это исключить их из Пифийских игр, которые проводились под председательством Амфикинионов; и мы можем предположить, что они действительно были исключены.

Однако этот инцидент заслуживает особого внимания не только с одной точки зрения. Во-первых, как свидетельство уменьшения достоинства Спарты. После победы над Лектрой и смерти Ясона Фивы стали преобладать, особенно в Северной Греции, где находилось большинство народов или рас, участвовавших в голосовании на амфикинийском собрании. Очевидно, что именно благодаря возвышению Фив и было принято это осуждающее голосование. Далее, как указание на зарождающуюся тенденцию, которая, как мы увидим в дальнейшем, получила дальнейшее развитие, расширить функции Амфикинийского собрания за пределы его особой сферы религиозных торжеств и сделать его инструментом политического принуждения или мести в руках доминирующего государства. В предыдущем курсе этой истории прошло целое столетие, в течение которого Амфикиния ни разу не упоминалась в политических делах. Ни Фукидид, ни Ксенофонт, хотя их совместные истории охватывают семьдесят лет, главным образом эллинского

конфликта, никогда не говорят об этом собрании. Последний даже не упоминает об этом штрафе, наложенном на лакедемонян, хотя он приходится на период его истории. Мы знаем об этом факте только от Диодора и Юстина, и, к сожалению, только как о голом факте, без каких-либо сопутствующих или предварительных деталей. В течение шестидесяти или семидесяти лет, предшествовавших битве при Лектре, Спарта всегда имела свою регулярную политическую конфедерацию и синод союзников, созываемый ею самой: ее политическое превосходство осуществлялось над ними, *eo nomine*, методом более прямым и легким, чем извращение религиозного авторитета амфикионийского собрания, даже если бы такая процедура была для нее возможна.^[433] Но когда Фивы после битвы при Лектре стали более могущественным государством в отдельности, у нее не было такой установленной конфедерации и синода союзников, чтобы одобрить ее предложения, разделить или поддержать ее антипатии. Амфикионийская ассамблея, собирающаяся попеременно в Дельфах и Фермопилах и состоящая из двенадцати древних рас, в основном принадлежащих к Северной Греции, а также в большинстве своем незначительных по силе, представляла собой удобный инструмент для достижения ее целей. Захват Кадмеи Фибидом считался религиозным преступлением, поскольку он был совершен не только во время пифийского праздника, но и сам по себе являлся вопиющим нарушением общественного права и межполитических обязательств, признанных между греческими городами; Хотя, возможно, если бы афиняне и платейцы предпочли аналогичную жалобу Амфикионов против Фив за ее столь же несправедливую попытку удивить Платею полным миром весной 431 г. до н.э.С.,-и спартанцы, и фиванцы воспротивились бы этому. Однако в данном случае у фиванцев были достаточно правдоподобные аргументы против Спарты в сочетании с их преимущественным положением, чтобы получить большинство голосов в амфикионийском собрании и добиться наложения этого огромного штрафа. Само по себе это предложение не произвело никакого прямого эффекта, что объясняет молчание Ксенофонта. Но это первый из целого ряда процессов, связанных с Амфикионами, которые в дальнейшем будут иметь серьезные последствия для греческой стабильности и независимости.

Среди всех жителей Пелопоннеса недавнее поражение спартанцев при Лейктре не затронуло никого сильнее, чем аркадян. Тегея, их самый важный город, расположенный на границе Лаконии, управлялся олигархией, полностью поддерживающей интересы Спарты: Орхомен был настроен аналогично, а Мантинея была разделена на отдельные деревни (около пятнадцати лет назад) самими лакедемонянами - акт беспардонной несправедливости, совершенный в зените их могущества после заключения Анталкидского мира. Оставшееся население Аркадии было в значительной степени сельскими жителями; грубыми людьми, но отличными солдатами, всегда готовыми следовать за лакедемонянскими знаменами, как по старой привычке и военному почтению, так и из любви к грабежу^[434].

Поражение при Лейктре уничтожило эти древние настроения. Аркадийцы не только перестали рассчитывать на победу и грабеж на службе Спарте, но и стали считать, что их собственная военная мощь *ess* не уступает спартанской; а исчезновение гармостов оставило им свободу действий. Именно мантинейцы первыми начали движение. Лишенные греческой городской жизни и обреченные жить в отдельных деревнях, каждая под властью своей фило-спартанской олигархии, они питали глубокую вражду, которая проявилась при первой же возможности свергнуть эти олигархии и вновь собраться вместе. Единогласно было принято решение восстановить Мантинею с ее стенами и возобновить политическую консолидацию; при этом лидеры, изгнанные спартанцами при их прежнем вмешательстве, теперь, несомненно, вернулись, чтобы стать первыми в этом деле.^[435] Поскольку разрушение Мантинеи было одним из самых несносных актов спартанского всемогущества, теперь в пользу ее воссоздания было сильное сочувствие. Многие аркадяне пришли из других кварталов, чтобы предоставить подсобный труд, а элейцы прислали три таланта в качестве взноса на покрытие расходов. Глубоко удрученные таким

поведением, но слишком слабые, чтобы предотвратить его силой, спартанцы послали Агесилая с дружеским протестом. Будучи связан с городом отцовскими узами гостеприимства, он отказался от командования армией принуждения, которая ранее была направлена против него; тем не менее, в этот раз мантинейские вожди отказались созвать свое общественное собрание, чтобы выслушать его сообщение, желая, чтобы он сообщил им о своей цели. Тогда он заявил, что пришел не с целью помешать восстановлению города, а просто попросить отложить его до получения официального согласия Спарты, которое (как он обещал) должно быть получено в ближайшее время, вместе с внушительной подпиской, чтобы облегчить расходы. Но мантинейские вожди ответили, что это невозможно, так как уже принято общественное решение о немедленном начале работ. Разгневанный таким отказом, но не имея сил на него ответить, Агесилай был вынужден вернуться домой. [436](#)] Мантинеи упорствовали и отстроили свой город на ровном месте, в эллиптической форме, окруженный искусными стенами и башнями.

Оскорбление, нанесенное здесь, возможно, тщательно продуманное мантинейскими лидерами, которые сами были изгнанниками или сочувствовали изгнанникам, было лишь прелюдией к целому ряду других (о которых мы сейчас расскажем), еще более неприятных и нестерпимых. Но и эфоры, и Агесилай, несомненно, остро ощущали его как публичный симптом той прострации, в которую они так внезапно впали. Чтобы в полной мере оценить столь болезненные чувства, мы должны вспомнить, что преувеличенная гордость и чувство собственного достоинства, как индивидуального, так и коллективного, основанные на военном превосходстве и заработанные невероятной суровостью тренировок, были главным результатом умственной деятельности, впитанной каждым учеником Ликурга, и до сих пор утверждались как законные общим свидетельством Греции. Это было его главным вознаграждением за сильную усталость, интенсивное самообеспечение, узкую, монотонную и неграмотную рутину, в которой он родился и умер. На спартанского гражданина как на личность указывали пальцем восхищения на Олимпийских и других праздниках, [\[437\]](#) в то время как он видел свой город, к которому обращались с мольбами из самых отдаленных областей Греции и которому повиновались почти везде у ее собственных границ, как президенту Панэллина. Внезапно, без всяких предварительных событий, он почувствовал, что эти гордые прерогативные чувства не только лишены прежней дани, но и уязвлены самым ужасным образом. Агесилай тем более был открыт для такого унижения, что он не только был спартанцем до мозга костей, но и был нагружен сознанием того, что пользовался большим влиянием, чем любой другой царь до него, - что он вступил на престол в тот момент, когда Спарта находилась на пике своего могущества, - и что теперь, в старости, он сопровождал ее, отчасти доведя ее своими просчетами до нынешнего упадка.

Кроме того, Агесилай был непопулярен среди самих спартанцев, чье недовольство принимало форму религиозных угрызений и беспокойства. Уже говорилось, что он был хромым, и с детства; на этом уродстве горячо настаивали его противники (во время спора между ним и Леотихидом в 398 году до н. э. за вакантный трон), считая его неспособным к царскому достоинству и именно тем бедствием, против которого предостерегал древний оракул - "Берегись хромого царствования". Гениальное толкование Лисандра в сочетании с высокими личными достоинствами Агесилая и подозрениями относительно законности Леотихида привели к тому, что возражение было отклонено. Но даже во времена расцвета Агесилая всегда находились те, кто считал, что корона досталась ему не по заслугам. И когда наступило унижение Спарты, религия каждого человека с готовностью подсказывала ему его причину: "Посмотрим, что получится, если свести на нет милостивое предупреждение богов и возложить на себя хромоту правления!" Однако, несмотря на такое неприятное впечатление, настоящая энергия и храбрость Агесилая, не покинувшая даже в немоющем теле и семидесятилетнем возрасте, была более чем когда-либо необходима его стране. Он все еще оставался главным руководителем ее дел, обреченный на

печальную необходимость подчиниться этому мантинейскому оскорблению и многому другому, что последовало за ним, не имея ни малейшей возможности воспрепятствовать.

Восстановление Мантинеи было завершено, вероятно, осенью и зимой 371-370 гг. до н.э. Такое объединение деревень в город, в сочетании с преобладанием враждебных Спарте чувств, похоже, навело на мысль о более крупном политическом союзе всех, кто носил имя Аркадия. Пока такого союза не существовало; фракции аркадцев не имели ничего общего с другими греками, кроме легендарных и религиозных симпатий, веры в единую героическую родословную и исконную древность.^[439] Но теперь по стране быстро распространилась идея и стремление, с особой горячностью поддерживаемые ведущим мантинейцем по имени Ликомед, сформировать "коммуну Аркадум", или центральную аркадскую власть, состоящую в определенных пропорциях из всех частей, ныне автономных, - и наделенную императивной властью определять решения путем голосования своего большинства. Такая центральная власть, однако, не должна была поглощать или отменять отдельные правительства, а только использоваться для определенных целей; для поддержания единодушия внутри страны и одновременных, независимых действий в отношении иностранных государств.^[440] Этот план панаркадской федерации горячо поддерживался мантинейцами, которые рассматривали его как защиту для себя в случае возрождения спартанской власти; а также фиванцами и аргейцами, от которых ожидалась помощь в случае необходимости. Он нашел большую поддержку в большинстве частей Аркадии, особенно в небольших районах, граничащих с Лаконией, которые больше всего нуждались в союзе для защиты от спартанцев, - меналийцы, паррасийцы, эвтрезийцы, эгиты,^[441] и т. д. Но из-за ревности более крупных городов некоторые из них были против любого плана, исходящего из Мантинеи. Среди этих недружелюбных противников были Гереея, расположенная на западе Аркадии и граничащая с Элидой, Орхомен,^[442] граничащий с Мантинеей на севере, и Тегея, граничащая с ней на юге. Спартанцы всегда удерживали Аркадию в основном через Орхомен и Тегею. В первом они размещали своих заложников, взятых в других подозрительных городах; вторым управляли Стасипп и олигархия, преданная их интересам^[443].

Среди населения Тегеи, однако, значительная часть была ярыми приверженцами нового панаркадского движения и желала разорвать связь со Спартой. Во главе этой партии стояли Проксен и Каллибий, а Стасипп и его друзья, поддерживаемые сенатом, состоявшим в основном из их сторонников, решительно выступали против любых изменений существующей системы. Проксен и его сторонники решили обратиться к собравшемуся народу, который, соответственно, они создали с оружием в руках; мирные народные собрания со свободным обсуждением, похоже, не были частью конституции города. Стасипп и его друзья также явились в вооруженном количестве; завязался конфликт, в котором каждая сторона обвиняла другую в недобросовестности и в нанесении первого удара.^[444] Сначала преимущество было на стороне Стасиппа. Проксен и несколько человек из противоположной стороны были убиты, а Каллибий с остальными держался у городской стены и владел воротами со стороны Мантинеи. В этот город он заранее отправил депешу с просьбой о помощи, а сам начал переговоры с противниками. Вскоре прибыл мантинейский отряд и был впущен в ворота, после чего Стасипп, видя, что больше не может держаться, бежал через другие ворота в сторону Паллантиума. Вместе с несколькими друзьями он укрылся в соседнем храме Артемиды, где его преследовали противники, которые разобрали крышу и начали сбрасывать на них черепицу. Несчастные были вынуждены сдаться. Схваченные и посаженные на телегу, они были доставлены обратно в Тегею и предстали перед объединенным судом тегейцев и мантинейцев, которые осудили их и предали смерти. Восемьсот тегейцев из побежденной партии бежали как изгнанники в Спарту^[445].

Такова была важная революция, произошедшая в Тегее; это была борьба силы с обеих сторон, а не дискуссия, как это было в природе греческих олигархических правительств, где едва ли можно было добиться серьезных изменений в политике государства без насилия. Это определило успех панаркадского движения, которое теперь развивалось с удвоенным энтузиазмом. И Мантинея, и Тегея сердечно объединились в его пользу, хотя Орхомена, все еще упорно сопротивляясь ему, наняла для этой цели, а также для собственной защиты, наемников из Коринфа под командованием Политропа. Полное собрание аркадцев было созвано в небольшом городке Асея, расположенном в горной местности к западу от Тегеи. Судя по всему, на нем присутствовало много людей, так как мы слышим об одном месте, Эвтее (в районе горы Меналус[446] и недалеко от границ Лаконии), откуда каждый взрослый мужчина приходил на собрание. Именно здесь окончательно определился исход панаркадской конфедерации, хотя Орхомен и Герея по-прежнему стояли в стороне[447].

Вряд ли можно было нанести Спарте более смертельный удар, чем эта потеря для себя и передача врагам Тегеи, самого могущественного из ее оставшихся союзников. [448] Чтобы помочь изгнанникам и отомстить Стасипу гною, а также остановить аркадское движение, она решилась на поход в эту страну, несмотря на свое нынешнее удрученное состояние; в то время как Герея и Лепреум, но не другие места, послали ей на помощь контингенты. Из Элиды и Аргоса, напротив, в Мантинею и Тегею пришло подкрепление. Объявив, что мантинейцы нарушили мир, войдя в Тегею, Агесилай двинулся на них через границу. Первым аркадским городом, которого он достиг, была Эвтея,[449] где он обнаружил, что все взрослые мужчины отправились на большое аркадское собрание. Хотя оставшееся слабое население было полностью в его власти, он тщательно следил за сохранностью людей и имущества и даже оказал помощь в восстановлении разрушенной части стены. В Евтее он остановился на день или два, решив дождаться соединения наемных войск и беотийских изгнанников под командованием Политропа, находившихся сейчас в Орхомене. Однако против этого места мантинейцы выступили под командованием Ликомеда, а Политроп, вышедший навстречу им со стен, был разбит с потерями и убит.[450] Поэтому Агесилай был вынужден продвигаться вперед со своими собственными силами без поддержки, через территорию Тегеи до окрестностей Мантинеи. Его дальнейший поход оставил путь из Асеи в Тегею свободным, поэтому аркадяне, собравшиеся в Асее, разделились и ночью отправились в Тегею, откуда на следующий день двинулись в Мантинею, вдоль горного хребта к востоку от Тегейской равнины; таким образом, все аркадяне стали единым целым. Агесилай с стороны, опустошив поля и расположившись лагерем на расстоянии чуть более двух миль от стен Мантинеи, был приятно удивлен соединением своих союзников из Орхомена, которые ночным маршем ускользнули бдительности врага. Таким образом, силы были сосредоточены как с одной, так и с другой стороны. В первую же ночь Агесилай, сам того не желая, оказался в углублении гор близ Мантинеи, где на возвышенности вокруг собрались мантинейцы, чтобы на следующее утро напасть на него сверху. Хорошо организованное отступление позволило ему выбраться из этого неудобного положения и вернуться на равнину; там он оставался три дня, готовый дать бой, если враг выступит, чтобы "не показалось (говорит Ксенофонт), что он поспешил уйти из-за страха"[451] Поскольку враг оставался в своих стенах, на четвертый день он отправился домой, в свой прежний лагерь на территории Тегеи. Враг не преследовал его, и он продолжил свой поход, хотя уже был поздний вечер, в Евтею; "желая (говорит Ксенофонт) увести свои войска до того, как будут видны костры врагов, чтобы никто не мог сказать, что его возвращение было бегством. Он считал, что поднял дух Спарты из прежнего уныния, вторгшись в Аркадию и опустошив страну так, что ни один враг не вышел на бой с ним"[452] Затем войско было возвращено в Спарту и распущено.

Теперь для Агесилая (по словам его собственного дружественного историка) стало предметом гордости удерживать поле боя три или четыре дня, не показывая страха перед аркадянами и элейцами! Так фатально разбилась спартанская гордость с того дня (менее чем за восемнадцать

месяцев до этого), когда Клеомброту был отправлен императивный приказ выступить из Фокисы прямо против Фив!

Однако не из страха перед Агесилаем, а из мудрого благоразумия аркадяне и элейцы держались в стенах Мантиней. Эпаминондас с фиванской армией приближался к ним на помощь и ожидал ее ежедневно; элейцы одолжили ему десять талантов на покрытие расходов.^[453] Он был приглашен ими и другими мелкими пелопоннесскими государствами, которые чувствовали необходимость внешнего защитника против Спарты, и которые еще до того, как обратились за помощью к Фивам, просили подобного вмешательства со стороны Афин (вероятно, под общим председательством, принятым Афинами, и клятвами, которыми она обменялась с различными нижестоящими городами после битвы при Лейктре), но получили отказ^[454].

Эпаминондас готовился к этому событию еще со времен битвы при Лейктре. В первую очередь он использовал свою победу для того, чтобы установить или подтвердить господство Фив над раскольничьими беотийскими городами, а также над соседними фокейцами, локрийцами и т. д. После того как это было сделано, он, должно быть, был занят (в начале 370 г. до н. э.) тем, что с тревогой наблюдал за передвижениями Ясона из Фере, который уже объявил о своем намерении отправиться с внушительным войском в Дельфы на празднование Пифийских игр (около 1 августа). Хотя этот деспот был союзником Фив, но поскольку и его могущество, и его стремление возглавить Грецию^[455] были хорошо известны, ни один фиванский полководец, даже по благоразумию уступающий Эпаминондасу, не мог решиться перед лицом таких обязательств увести фиванские войска в Пелопоннес, оставив Беотию неприкрытой. Убийство Ясона избавило Фивы от подобных опасений, и нескольких недель хватило, чтобы показать, что его преемники были гораздо менее грозными как по силе, так и по способностям. Осенью 370 года до н. э. Эпаминондас отправился в Пелопоннес, чтобы поддержать антиспартанскую революцию, произошедшую в Тегее, и поддержать выраженный импульс аркадян к федеративной коалиции.

Но цели этого выдающегося человека простирались гораздо дальше: он заключал в себе дальновидные и постоянные договоренности, которые должны были навсегда лишить Спарту возможности восстановить ее выдающееся положение в греческом мире. Одной рукой он организовывал Аркадию, а другой принимал меры по возвращению изгнанных мессенцев на их древнюю территорию. Для этого необходимо было отторгнуть от спартанцев область, некогда известную как независимая Мессения, под властью собственной линии царей, а теперь, в течение почти трех столетий, лучшую часть Лаконии, обрабатываемую гелотами для прибыли собственников в Спарте. Превратив этих гелотов в свободных мессенцев, какими когда-то были их предки, Эпаминондас предложил пригласить обратно всех странников той же расы, рассеянных по разным частям Греции, чтобы одновременно обеднить Спарту за счет потери территории и посадить на ее фланг злейшего враждебного соседа. Уже упоминалось, что во время Пелопоннесской войны изгнанные мессенцы были одними из самых активных союзников Афин и Спарты - в Наупакте, в Сфактерии, в Пилусе, в Кефаллении и других местах. Изгнанные в конце войны победоносными спартанцами^[456] не только из Пелопоннеса, но и из Наупакта и Кефаллении, эти изгнанники с тех пор были рассеяны по различным эллинским колониям: в Региуме в Италии, в Мессене на Сицилии, в Гесперидах в Ливии. С 404 г. до н. э. (конец войны) по 373 г. до н. э. они оставались без дома. Наконец, около последнего года (когда афинский конфедеративный флот снова стал равен или превосходил лакедемонский на западном побережье Пелопоннеса), они начали питать надежду на возвращение в Наупактус.^[457] Вероятно, их просьба могла быть рассмотрена и обсуждена в синоде афинских союзников, где фиванцы заседали в качестве членов. Однако афиняне, которые вскоре устали от войны и заключили мир со Спартой, так ничего и не предприняли, когда судьбоносная битва при Лейктре полностью и внезапно изменила расстановку сил в Греции. Теперь перед мессенцами открылась

возможность защиты со стороны Фив, гораздо более перспективная, чем та, которую они когда-либо имели со стороны Афин. Эпаминондас, прекрасно понимая, какие потери и унижения он должен нанести Спарте, вернув им их древнюю территорию, вступил с ними в общение и стал приглашать их в Пелопоннес со всех дальних мест их эмиграции.^[458] К моменту его похода в Аркадию, поздней осенью 370 года до н. э., многие из них уже присоединились к нему, пылая всей своей древней ненавистью к Спарте и способствуя обострению тех же настроений среди фиванцев и союзников.

Вместе с планом восстановления мессенцев Эпаминондас задумал и другой - политическую консолидацию аркадян; оба они были задуманы как части одной сильной и самодостаточной организации, противостоящей Спарте на ее собственной границе. Конечно, он не смог бы добиться ничего подобного, если бы среди самих аркадян не возникло мощное спонтанное движение к консолидации. Но без его руководства и защиты это движение оказалось бы безрезультатным из-за местной ревности внутри страны, разжигаемой и поддерживаемой спартанской помощью извне. Хотя общее голосование за федеративную коалицию прошло с энтузиазмом, для того чтобы провести его в жизнь к всеобщему удовлетворению, не рассорившись по мелочам, потребовалось бы гораздо больше общественных настроений, а также ума, чем то, на что можно было рассчитывать среди аркадян. Необходимо было основать новый город, так как постоянная ревность между Мантинеей и Тегеей, которые теперь впервые включились в одно общее дело, никогда бы не позволила предпочесть одну из них в качестве центра новой консолидации.^[459] Помимо выбора нового места, необходимо было также сделать выбор между противоречивыми требованиями и разрушить древние привычки таким образом, который вряд ли мог быть обеспечен каким-либо чисто аркадским большинством. Недостающий авторитет был в точности обеспечен Эпаминондасом; он принес с собой победоносную армию и великолепное личное имя, в сочетании с беспристрастностью в отношении местной политики Аркадии и единодушной враждебностью к Спарте.

Именно с этими двумя великими целями, а также с целью изгнать Агесилая, Эпаминондас направил фиванскую армию в Аркадию; командование было добровольно доверено ему Пелопидом и другими присутствовавшими здесь беотархами. Он прибыл вскоре после отставки Агесилая, когда аркадцы и элейцы опустошали земли города-отступника Герееи. Так как они быстро вернулись, чтобы приветствовать его прибытие, общая численность конфедератов - аргеев, аркадян и элейцев, объединенных с фиванцами и их союзниками, - как говорят, достигала сорока тысяч, а по некоторым данным, даже семидесяти тысяч человек.^[460] Эпаминондас привел с собой не только отборных помощников - фокийцев, локрийцев, эвбейцев, акарнанцев, гераклеотов, малийцев, фессалийскую конницу и пельтастов, - но и сами беотийские отряды были столь блестящи и внушительны, что вызывали всеобщее восхищение. Победа при Лектре пробудила в них восторженный военный пыл, обращенный на пользу гению Эпаминондаса и приведший к законченной дисциплине, которую не может не признать даже безвольный Ксенофонт.^[461] Сознвая мощь собранных сил, находившихся в одном дне пути от Лаконии, аркадяне, аргейцы и элейцы требовали от Эпаминондаса вторжения в эту страну, когда никакие союзники не могли подойти к ее границе на помощь. Поначалу он не хотел подчиняться. Он не был готов к этому предприятию, так как хорошо знал из своего собственного путешествия в Спарту (когда там проходил мирный съезд перед битвой при Лейктре) о непроходимости этой страны, которую так легко оборонять, особенно в зимнее время, войсками вроде лакедемонян, которые, по его мнению, занимали все перевалы. Его нежелание не было преодолено до тех пор, пока примеры его союзников не были подкреплены заверениями аркадян на границе, что перевалы не все охраняются, а также приглашениями некоторых недовольных Периеков в Лаконии. Эти перийцы обещали открыто восстать, если он только покажется в стране. Они рассказали ему, что в Лаконии царит всеобщая небрежность в выполнении военных требований Спарты, и предложили

свою жизнь в качестве искупления, если окажется, что они говорят неправду. Под влиянием таких поощрений, а также общего нетерпения всех окружающих отомстить Спарте за ее долгую гордыню и злоупотребления, Эпаминондас был вынужден отдать приказ о вторжении[462].

То, что он колебался, принимая на себя эту ответственность, не удивит нас, если мы вспомним, что, помимо реальных трудностей страны, вторжение в Лаконию по суше было беспрецедентным явлением, - что силы Спарты были известны очень плохо, - что у него не было такой мысли, когда он покидал Фивы, - что законный срок командования для него и его соратников не позволял этого, - и что, хотя его пелопоннесские союзники были впереди, остальные его войска и его соотечественники вполне могли бы порицать его, если бы неизвестная сила сопротивления оказалась столь грозной, как они предполагали по своим давним ассоциациям.

Армия вторжения была разделена на четыре части, каждая из которых проникала через разные проходы. Самый западный и легкий путь был у элейцев, самый восточный - у аргейцев,[463] а сами фиванцы и аркадяне составляли две центральные части. Только последние оказали серьезное сопротивление. Более смелые, чем фиванцы, они встретили спартанца Исхолая в Иуме или Оеуме в районе Скиритиса, напали на него в деревне и одолели его благодаря ярости нападения, численному превосходству, а также, по-видимому, некоторой благосклонности или сговору[464] со стороны жителей. После отчаянного сопротивления этот храбрый спартанец почти со всем своим отрядом погиб. В Карее фиванцы также встретили и преодолели некоторое сопротивление; но победа аркадян над Исхолаем послужила ободрением для всех, так что четыре дивизии достигли Селласии[465] и снова объединились в безопасности. Незащищенная и покинутая (как казалось) спартанцами, Селласия была сожжена и разрушена захватчиками, которые, продолжая свой марш по равнине или долине в сторону Еврота, расположились лагерем в священной роще Аполлона. На следующий день они достигли Евротаса, у подножия моста, который пересекал эту реку и вел в город Спарту.

Эпаминондас нашел мост слишком хорошо охраняемым, чтобы пытаться его форсировать: на другом берегу, на священной земле Атене-Алеа, виднелись сильные отряды спартанских гоплитов. Поэтому он двинулся вниз по левому берегу реки, сжигая и грабя дома на своем пути, до Амиклеи, расположенной в двух-трех милях ниже Спарты. Здесь он нашел брод, хотя река была полноводной из-за зимнего сезона, и переправился через нее, победив после тяжелого поединка спартанцев, которые пытались ему противостоять. Теперь он находился на одном берегу реки со Спартой, к которой медленно и осторожно приближался, заботясь о том, чтобы его фиванские войска всегда находились в наилучшем боевом порядке, и защищая их, когда разбивали лагерь, срубленными деревьями; в то время как аркадяне и другие пелопоннесские союзники рассеялись вокруг, чтобы грабить соседние дома и имущество[466].

В городе, лишенном укреплений, но до сих пор нерушимом фактически и неприступном даже в мыслях, царило великое смятение. Кроме собственных сил, у спартанцев не было никаких вспомогательных войск, кроме наемников из Орхомена, вернувшихся с Агесилаем; заранее не было уверенности, что и эти войска останутся с ними, если вторжение станет грозным.[467] При первом же появлении неудержимой армии на их границе они послали одного из своих командиров иностранных контингентов (называемого Ксенаги), чтобы заставить немедленно прибыть тех пелопоннесских союзников, которые остались им верны; а также посланников в Афины, прося помощи у этого города. Были получены вспомогательные войска и быстро отправлены в поход из Пеллена, Сикиона, Флиуса, Коринфа, Эпидавра, Трезена, Гермiony и Халии. 468] Но обычный поход в Лаконию был для них теперь невозможен: вся граница была перекрыта аргейцами и аркадянами. Поэтому они были вынуждены сначала направиться к Арголическому полуострову, а оттуда морем (высадившись, вероятно, в Халиесе на юго-западном побережье полуострова) добраться до Прасиеса на восточном побережье Лаконии; оттуда они

через Лаконские горы направились в Спарту. По этой случайности флиасийский контингент переправился только в последнюю очередь, а ксенаг, стремившийся попасть в Спарту, оставил их позади, а остальных повел за собой, прибыв как раз перед тем, как враги конфедерации отчалили из Селласии. Переправившись в Прасию, флиасийцы не нашли ни своих товарищей, ни ксенага, но были вынуждены нанять проводника до Спарты. К счастью, они прибыли туда вовремя и благополучно, ускользнув от бдительности врага, который в это время находился у Амиклеи.

Эти подкрепления были не менее своевременны для Спарты, чем верность союзников. Дурное чувство, которое обычно царило в Лаконии между спартанскими гражданами, с одной стороны, и перизками и гелотами - с другой, в этот час опасности принесло свои естественные плоды - дезертирство, тревогу и слабость. Не только перизки и гелоты были в постоянном недовольстве, но даже среди самих спартанских граждан привилегированная фракция, называемая пэрами, стала монополизировать политические почести; в то время как остальные, более бедные люди, но амбициозные и активные, известные под общим названием низшие, подвергались унижительному исключению и были ожесточенно враждебны. Рассказ о заговоре Кинадона, приведенный в предыдущей главе, должен был показать, в какой страшной незащищенности находился спартанский гражданин, окруженный столькими недовольными товарищами; перизки и гелоты в Лаконии, низшие граждане в Спарте. При появлении вторгшегося врага, действительно, возникло определенное чувство общей заинтересованности, поскольку даже недовольные могли разумно представить, что грабительская армия, если не дать ей отпор острием меча, ухудшит их положение вместо того, чтобы улучшить. Поэтому, когда эфоры объявили, что любой гелот, который примет тяжелые доспехи и будет служить в рядах гоплитов, должен быть отпущен на волю, - не менее шести тысяч гелотов дали свое согласие служить. Но столь многочисленное войско, когда его видели вооруженным, само становилось предметом недоверия спартанцев; так что прибытие новых союзников из Прасиеса приветствовалось как защита не только от вооруженных гелотов внутри города, но и от фиванцев снаружи.^[470] Открытая вражда, однако, не была лишней. Значительное число как перизков, так и гелотов фактически взяли в руки оружие на стороне фиванцев; другие бездействовали, игнорируя настоятельный призыв эфоров, который теперь не мог быть приведен в исполнение^[471].

При столь широком распространении чувства недовольства защита даже самой Спарты от наступающего врага была задачей, требовавшей всей энергии Агесилая. После тщетных попыток помешать фиванцам переправиться через Евротас он был вынужден оставить Амиклею и снова броситься на Спарту, к которой они немедленно двинулись. Не один заговор был готов разразиться, если бы его бдительность не предотвратила эти проекты. Двести молодых солдат сомнительной верности шли без приказа, чтобы занять сильный пост (священный для Артемиды) под названием Иссориум. Окружающие уже собирались напасть на них, но Агесилай, подавив их пыл, один подошел к отряду, обратился к ним с речью, не вызывающей подозрений, но предупредил, что они ошиблись в его приказе: их услуги нужны не в Иссориуме, а в другой части города. Они повиновались его приказу и двинулись к указанному месту, после чего он немедленно занял Иссориум войсками, которым мог доверять. В последующую ночь он схватил и предал смерти пятнадцать вождей из двухсот. Другой заговор, который, как говорят, вот-вот должен был разразиться, был подавлен путем захвата заговорщиков в доме, где они собрались, и предания их смерти без суда; это первый случай (отмечает Плутарх), когда спартанец был предан смерти без суда^[472] - утверждение, которому я не решаюсь верить, не зная, у кого он его позаимствовал, но которое, если оно верно, доказывает, что спартанские цари и эфоры не применяли к спартанским гражданам тех же мер, что и к перизкам и гелотам.

Таковыми суровыми мерами удалось сдержать недовольство; сильные посты города были эффективно заняты, а более широкие подступы забаррикадированы грудями камней и земли.^[473] Хотя Спарта не имела стен, она была очень надежно защищена с позиционной точки зрения. Эпаминондас медленно подошел к ней со стороны Амиклеи; аркадяне и другие члены его армии расположились так, чтобы сжечь и разграбить окрестности. На третий или четвертый день его конница заняла Ипподром (вероятно, ровное место у реки, под холмистой местностью города), где спартанская конница, хотя и уступала в численности и силе, получила преимущество над ними, благодаря помощи трехсот отборных гоплитов, которых Агесилай посадил в засаду неподалеку, в участке, священном для Диоскуров. Хотя это действие, вероятно, не имело большого значения, Эпаминондас все же не решился штурмовать город. Удовлетворенный тем, что бросил вызов спартам и продемонстрировал свое превосходство на поле боя даже перед их собственными дверями, он двинулся на юг, к Евротасу. Для них, в их нынешней депрессии, было утешением и даже похвалой,^[474] что он не осмелился напасть на них в их последней крепости. Агония их чувств - горе, обида и уязвленная честь - была невыносима. Многие хотели выйти и сражаться, во что бы то ни стало; но Агесилай сопротивлялся им с той же твердостью, какую проявил Перикл в Афинах, когда пелопоннесцы впервые вторглись в Аттику в начале Пелопоннесской войны. Говорят, что спартанские женщины, никогда прежде не видевшие врага, проявляли такие неистовые и страшные эмоции, что это значительно увеличивало трудности обороны.^[475] Нам даже рассказывают, что Анталкидас, в то время один из эфоров, отправил своих детей в целях безопасности подальше от Спарты на остров Китира. Эпаминондас хорошо понимал, насколько отчаянным будет сопротивление спартанцев, если на их город нападут; в то время как для него самого, находящегося среди враждебной и труднодоступной страны, отпор был бы полной гибелью^[476].

Покинув Спарту, Эпаминондас дошел до Гелоса и Гифиума на морском побережье; он сжег и разграбил страну и три дня пытался захватить Гифиум, где находились лакедемонский арсенал и корабли. Многие из лаконских периеков присоединились к его войску и стали служить в нем; тем не менее, его попытка захватить Гифиум не увенчалась успехом, после чего он повернул назад и направился к аркадской границе. Тем более что его пелопоннесские союзники, аркадяне и другие, ежедневно уходили домой с богатой добычей, а его запасы становились все более скудными^[477].

Таким образом, Эпаминондас добился гораздо большего, чем предполагал, покидая Фивы; ведь влияние экспедиции на мнение греков было огромным. Репутация его армии, как и его самого, была чрезвычайно возвышена; и даже рассказ Ксенофонта, недружелюбный и неясный, невольно свидетельствует как о превосходстве его полководческого искусства, так и о хорошей дисциплине его войск. Он заставлял своих фиванцев держаться в строю и держать фронт против врага, даже когда их аркадские союзники разбредались по окрестностям в поисках добычи. Кроме того, оскорбление и унижение, нанесенные Спарте, были еще сильнее, чем в битве при Лейктре, которая, правда, показала, что она больше не непобедима в поле, но все же оставила ей предположение о неприкосновенности территории и неприступности города.

Сопротивление спартанцев действительно (за исключением того, что касалось их города) было намного меньше, чем ожидали друзья или враги; вера в их силу была пропорционально ослаблена. Теперь Эпаминондасу оставалось завершить их унижение, осуществив те два предприятия, которые были главной целью его экспедиции: восстановить Мессену и объединить аркадян.

Недавнее вторжение в Лаконию, победоносное и прибыльное, внушило аркадянам еще большее доверие и антипатию к Спарте, а также расположение прислушаться к Эпаминондасу. Когда этот выдающийся человек провозгласил необходимость создания сильной границы против Спарты со стороны Аркадии, и когда он объявил о своем намерении еще больше ослабить Спарту путем восстановления изгнанных мессенцев, - общее чувство маленьких аркадских общин, уже имевших тенденцию к объединению, стало достаточно сильным, чтобы преодолеть все такие препятствия к деталям, которые влечет за собой разрыв древних мест проживания и привычек. Что касается ранней афинской истории, то Фукидид рассказывает,^[478] что легендарный Тесей, "став могущественным в дополнение к своим огромным способностям", добился прекращения существования многочисленных независимых правительств, которые когда-то разделяли Аттику, и объединил их в одно общее правительство в Афинах. Именно такую революцию совершил сейчас Эпаминондас, благодаря такому же сочетанию ума и силы. Для выполнения решения, принятого аркадскими собраниями в Асее и Тегее, о создании общеаркадского города и центра был назначен совет *ἑκιστα* или основателей. Из этого совета двое были из Тегеи, двое из Мантинеи, двое из Клейтора, двое из округа Меналус, двое из округа Паррасиан. Выбрав удобное место на реке Гелиссон (которая протекала через город и делила его на две части), примерно в двадцати милях к западу от Тегеи, хорошо приспособленное для того, чтобы преградить путь Спарте в северо-западном направлении, *ἑκιστα* совместно с Эпаминондом заложили фундамент нового Великого города (Мегалополя). Сорок отдельных аркадских поселений со всех сторон от этого центра были убеждены присоединиться к новому сообществу. Десять были из Меналии, восемь - из Паррасии, шесть - из Евтресии, три большие части аркадского названия, каждая из которых представляла собой совокупность деревень. Четыре маленьких городка, занимавшие часть территории, предназначенной для новой территории, но не одобрявшие эту затею, были вынуждены присоединиться к ней; но в одном из них, Трапезунте, неприятие было настолько сильным, что большинство жителей предпочли эмигрировать и отправились к трапезунтцам в Эвксинское море (Трапезунд), которые приняли их любезно. Некоторые из ведущих трапезунтцев были даже убиты из-за буйного нрава аркадского большинства. Стены нового города окружали территорию в пятьдесят стадий в окружности (более пяти миль с половиной); вокруг него была также обширная сельская территория, простиравшаяся на север на двадцать четыре мили от города и граничившая на востоке с Тегеей, Мантинеей, Орхоменом и Кафией, а на западе - с Мессеном, Фигалией и Герцеговиной.

Другой новый город, Мессен, был основан под совместным покровительством фиванцев и их союзников, аргейцев и других; аргейцы специально выбрали для этой цели Эпителес.^{481]} Мессенские изгнанники, хотя и были полны желания и радости при мысли о восстановлении своего имени и национальности, не хотели основывать свой новый город в *Ἐχάλια* или *Andania*, которые были местом их бедствий во время ранних войн со Спартой. Более того, говорят, что место на горе Итоме было указано героем Кауконом во сне эгейскому полководцу Эпителесу. Местные условия этой горы (на которой в период между Персидской и Пелопоннесской войнами было оказано последнее доблестное сопротивление восставших мессенцев Спарте) были таковы, что указания снов, пророков и религиозных знаков полностью совпали с сознательным выбором судьбы, подобного Эпаминондасу. В последующие времена этот холм Итоме (на котором в то время находились город и цитадель Мессен) вместе с Акрокоринфом были отмечены Де метрием Фара как два рога Пелопоннеса: кто владел этими двумя рогами, тот был хозяином быка.^[482] Итоме находился на высоте около двух тысяч пятисот футов над уровнем моря, на его вершине был обильный источник воды, называемый Клепсидрой. На этой вершине была построена цитадель или акрополь нового города Мессены; сам же город располагался ниже по склону, хотя и был соединен сплошной стеной с акрополем. Сначала Эпаминондас, признанный *ἑκιστα* или Основатель, принес торжественные жертвы^[483] Дионисию и Аполлону Исмену, аргейцы - аргейскому Хре и Зевсу Немею, мессенцы - Зевсу Итоматесу и Диоскурам. Затем молились

древним героям и героиням мессенского народа, особенно непобедимому воину Аристомену, чтобы они вернулись и снова поселились в Мессене. После этого была проведена разметка территории и начато строительство под звуки аргейских и беотийских флейт, исполнявших гимны Пронома и Сакады. Со всей Греции были приглашены лучшие каменщики и архитекторы, чтобы равномерно проложить улицы, а также обеспечить правильное распределение и строительство священных сооружений.^[484] В отношении укреплений Эпаминондас также был тщательно предусмотрителен. Они были настолько совершенны и прочны, что вызывали восхищение даже во времена путешественника Павсания^[485].

От своего недавно основанного города на холме Итоме мессенцы владели территорией, простиравшейся на пятнадцать миль к югу до Мессенского залива, через равнину, как тогда, так и сейчас самую богатую и плодородную в Пелопоннесе; а к востоку их территория граничила с Аркадией и современным городом Мегалополием. Все вновь захваченное пространство было землей, отрезанной от спартанского владычества. Сколько было отрезано в направлении к юго-востоку от Итоме (вдоль северо-восточного побережья Мессенского залива), мы точно сказать не можем. Но, по-видимому, перизки Фурии, расположенные по соседству, были превращены в независимую общину и защищены близостью Мессены.^[486] Однако важнее всего отметить, что весь обширный район к западу и юго-западу от Итоме, весь юго-западный угол Пелопоннеса от реки Неда на юг до мыса Акритас, теперь также был отторгнут от Спарты. В начале Пелопоннесской войны спартанец Брасидас держал гарнизон у Метона^[487] (недалеко от мыса Акритас); Пилус, где афинянин Демосфен возвел свой враждебный форт, возле которого был произведен важный захват Сфактерии, был морским пунктом, принадлежащим Спарте, примерно в сорока шести милях от города;^[488] Аулон (гораздо дальше к северу, у реки Неда) во время заговора Кинадона был поселением спартанских перизков, весьма сомнительной верности.^[489] Теперь вся эта обширная область, от северо-восточного угла Мессенского залива на запад, лучшая половина спартанской территории, была отделена от Спарты и стала собственностью периев и гелотов, превращенных в свободных людей; они не только не платили Спарте ренту или дань, как прежде, но были люто враждебны ей по самой природе своего владения. Именно в следующем году аркадская армия разбила на куски лакедемонский гарнизон в Асинке,^[490] убив спартанского полемарха Геранора; вероятно, примерно в то же время были изгнаны и другие лакедемонские гарнизоны на юго-западе полуострова. Освобожденные таким образом, перизки региона приветствовали нового Мессенка как гаранта своей независимости. Эпаминондас не только подтвердил независимость Метона и Асинка, но и восстановил некоторые другие города,^[491] которые под лакедемонским владычеством, вероятно, оставались неукрепленными и пришли в упадок.

Весной 425 года до н. э., когда Демосфен высадился в Пилусе, Фукидид считает ценным приобретением для Афин и серьезной травмой для Спарты размещение в этом незначительном пункте небольшого гарнизона мессенцев, грабителей спартанской территории и подстрекателей гелотов к дезертирству,^[492] тем более что их диалект нельзя было отличить от диалекта самих спартанцев. Какое огромное впечатление должно было произвести на всю Грецию, когда Эпаминондас, посадив мессенских изгнанников и других на сильном пограничном городе и позиции Итоме, за короткое время лишил Спарту всего обширного пространства между этой горой и западным морем, предоставив права на владение содержащимися в нем перийцами и гелотами! Мы должны помнить, что название Мессенка издревле применялось к этому региону в целом, и что оно никогда не присваивалось ни одному городу до времен Эпаминонда. Поэтому, когда спартанцы жаловались на "освобождение Мессены" - "потерю Мессены", - они

подразумевали под этим словом не только город на горе Итоме, но и всю эту территорию, хотя не вся она входила в состав владений нового города.

Они еще более возмущенно жаловались, что вместе с истинными мессенцами, возвращенными из изгнания, на их границе поселился сброд их собственных освобожденных периэков и гелотов.^[493] Сюда входили не только те из этих двух классов, которые, живя в рабстве на территории к западу от Итома, теперь оставались там в состоянии свободы, но и, несомненно, множество других, которые дезертировали из других частей Лаконии. Ибо как мы знаем, что таких дезертиров было немало, даже когда не было лучшего убежища, чем отдаленные посты Пилуса и Китеры, так мы можем быть уверены, что их стало гораздо больше, когда соседний город Мессен был основан под надлежащей защитой, и когда появилась возможность получить к западу от Мессенского залива свободные земли с новым домом. Более того, те перики и гелоты, которые присоединились к армии Эпаминонда в Лаконии, были бы вынуждены из-за простой незащищенности покинуть страну, когда он уйдет, и получили бы новые места жительства на вновь освобожденной территории. Все эти люди сразу же перешли бы из состояния особенно сурового рабства в достоинство свободных и равных эллинов,^[494] вновь отправив торжественную мессенскую легацию или Феорию на олимпийский праздник, после более чем трехвекового перерыва,^[495] - превзойдя своих прежних хозяев в величии их подношений с той же самой земли, - и оплатив им за прежнее плохое обращение словами пренебрежения и оскорбления, вместо того всеобщего почтения и восхищения, которые спартанец до сих пор привык считать своим долгом.

Присоединение и реорганизация всей Западной Лаконии, обновление мессенского имени, основание двух новых городов (Мессены и Мегалополя), расположенных по соседству и в непосредственной близости друг от друга, - все это завершило деградацию Спарты и во всех отношениях представляло собой самые интересные политические явления, которые Греция наблюдала в течение многих лет. К глубокой досаде историка, он не может изложить ничего, кроме голых фактов, с такими умозаключениями, которые сами эти факты оправдывают. Ксенофонт, под чьим взором все это должно было пройти, намеренно не замечает их;^[496] Павсаний, которого мы должны благодарить за большую часть того, что нам известно, побуждаемый своим религиозным воображением, рассказывает о многих божественных знамениях и предупреждениях, но мало о фактах, имевших место в действительности. Подробности полностью скрыты от нас. Мы не знаем ни того, сколько времени заняло строительство двух городов, ни того, кто оплатил расходы, хотя и то, и другое должно было быть значительным. О тысяче новых мероприятий, связанных с упразднением многих мелких поселений и началом строительства двух крупных городов, мы не можем дать никакого отчета. И все же нет такого момента времени, когда социальные явления были бы столь интересны или столь поучительны. При описании уже сложившихся и древних обществ мы видим, что сила традиционной рутины почти всецельна в своем влиянии как на действия людей, так и на их чувства; плохое, как и хорошее, сохраняется в одном бетоне, поскольку мертвый груз прошлого подавляет всякий конструктивный разум и оставляет мало места даже для улучшающих стремлений. Но сорок небольших общин, объединившихся в Мегалополь, а также мессенцы и другие поселенцы, впервые собравшиеся вместе на холме Итоме, находились в состоянии, когда новые требования любого рода требовали немедленного удовлетворения. Не было ни дела, которое могло бы послужить прецедентом, ни какого-либо другого ресурса, кроме как предоставить все проблемы на обсуждение тех, чей характер и суждения были наиболее уважаемы. Независимо от того, были ли проблемы решены хорошо или плохо, сейчас должна была быть предпринята искренняя и серьезная попытка найти настолько хорошее решение, насколько позволяли освещение времени и места, с определенной свободой действий для противоречивых мнений. Должны были быть приняты меры по распределению домов и земель

между гражданами, путем покупки, или дарения, или того и другого вместе; по политической и судебной конституции; по религиозным и развлекательным церемониям, по военной обороне, по рынкам, по безопасности и передаче собственности и т.д. Все эти и многие другие социальные потребности зарождающегося сообщества должны были быть теперь обеспечены, и было бы очень интересно узнать, каким образом. К сожалению, мы не знаем, как это сделать. Мы можем зафиксировать лишь тот факт, что эти два самых молодых члена эллинского братства городов родились в одно и то же время и под эгидой одного и того же гения-предводителя, Эпами pondas; им было суждено поддерживать друг друга в дружеской симпатии и отражать все общие опасности от нападений Спарты; цель, которая даже два века спустя осталась запечатленной в памяти такого мегалопольского патриота, как Полибий[497].

Мегалополь задумывался не только как великий город сам по себе, но и как центр новой конфедерации, в которую, судя по всему, входила вся Аркадия, кроме Орхомена и Гереи. Было принято решение о периодическом созыве синода или собрания из всех отдельных членов аркадской фамилии, на котором, вероятно, имели право присутствовать все граждане Аркадии из входящих в нее общин. Это собрание называлось Десять тысяч, или Великое число. Также был предусмотрен корпус аркадских войск, называемых эпарити, предназначенных для поддержания федерации и получающих жалование во время службы. С каждого города взимались взносы на их содержание, и был назначен общеаркадский генерал (возможно, и другие офицеры). Десятитысячное собрание от имени всей Аркадии принимало иностранных посланников, заключало войну, мир или союз, судило всех офицеров и других аркадян по обвинению в государственных проступках.[498] Великие афинские ораторы, Каллистрат, Демосфен, Эсхин, по разным поводам выступали перед ним.[499] Каковы были времена его заседаний, мы не можем сказать. В течение определенного времени оно серьезно способствовало поддержанию общеаркадского единства действий и чувств, которого никогда прежде не существовало;[500] и предотвращению или смягчению тех разногласий, которые всегда имели тенденцию вспыхивать среди отдельных аркадских городов. Однако патриотический энтузиазм, из которого возник Мегалополь, постепенно ослабевал. Город так и не достиг того величия и могущества, которое предполагали его основатели и из-за которого он был заложен в масштабах, слишком больших для фактически населявшего его населения[501].

Не только часть Лаконии к западу от Мессенского залива стала теперь независимой от Спарты, но и большая часть территории, лежащей к северу от Спарты, между этим городом и Аркадией. Таким образом, скириты (выносливые горцы аркадской расы, ранее зависимые от Спарты и составлявшие ценный контингент в ее войсках)[502] со своей территорией, образующей северную границу Лаконии в направлении Аркадии, стали с этого времени независимыми и враждебными Спарте.[503] То же самое произошло даже с местом, расположенным гораздо ближе к Спарте, - Селласией; хотя она была вновь захвачена лакедемонянами четыре или пять лет спустя[504].

Эпаминондас оставался в Аркадии и Лаконии около четырех месяцев сверх установленного законом срока.[505] Страдания суровой середины зимы были значительно облегчены для его солдат аркадянами, которые, полные преданной дружбы, оказывали им чрезмерное гостеприимство, которое он не мог позволить в соответствии со своими военными обязанностями.[506] Он оставался достаточно долго, чтобы уладить все предварительные споры и трудности и привести в исполнение серьезные планы по созданию Мессены и Мегалополя. Для завершения столь масштабной работы, изменившей облик и характер Пелопоннеса, конечно же, требовалось много времени. Поэтому фиванская дивизия под командованием Памена была оставлена для отражения всех препятствий со стороны Спарты;[507] а Тегея с этого времени несколько лет была занята фиванским гарнизоном.[508]

Тем временем на афинян сильно повлияли эти действия Эпаминондаса в Пелопоннесе. Накопление сил против Спарты было настолько мощным, что при таком вожде, как он, казалось достаточным, чтобы сокрушить ее; и хотя афиняне теперь были нейтральны в этом споре, такая перспектива их совсем не устраивала,^[509] поскольку предполагала возвышение Фив до уровня, несовместимого с их безопасностью. Именно в разгар успехов Эпаминондаса в Афины прибыли посланники из Спарты, Коринфа и Флии с просьбой о помощи. Послание было не только унижительным для лакедемонян, которые никогда ранее не обращались с подобной просьбой ни к одному греческому городу, но и сложным для Афин. История свидетельствует о многочисленных проявлениях ревности и враждебности, но лакедемоняне не проявляли к ней ни добрых чувств, ни заинтересованности. То немногое, что можно было найти, посланники ловко привели в пример: свержение Писистратидов из Афин с помощью спартанцев, славное изгнание Ксеркса из Греции совместными усилиями обоих городов, а также вспомогательные войска, посланные Афинами в Лаконию в 465 году до н.э., чтобы помочь спартанцам против восставших мессенцев на горе Итоме. В те времена (напомнил он афинскому собранию) Фивы предали эллинское дело, присоединившись к Ксерксу, и стали объектом общей ненависти для обоих. Кроме того, морские силы Греции были объединены под Афинами в Делосскую конфедерацию с полной санкции и рекомендации Спарты, а главенство последней на суше было таким же образом принято афинянами. Он призвал собрание, во имя этой былой славы, вместе со Спартой забыть все печальные военные действия, которые произошли с тех пор, и оказать ей щедрую помощь в борьбе со старым общим врагом. Фивы могли быть уничтожены (согласно клятве, данной после поражения Ксеркса), несмотря на их нынешнее угрожающее превосходство, - если Афины и Спарту удастся склонить к сердечному сотрудничеству; с ними можно было поступить так, как Фивы сами хотели поступить с Афинами после Пелопоннесской войны, когда Спарта отказалась присоединиться к вынесению приговора о полном разорении^[510].

Это обращение Спарты было горячо поддержано посланниками из Коринфа и Флиуса. Коринфский оратор утверждал, что Эпаминондас и его армия, пройдя через территорию Коринфа и нанеся ему ущерб при проходе в Пелопоннес, совершили вопиющее нарушение общего мира, заключенного в 371 г. до н. э. сначала в Спарте, а затем в Афинах, гарантировавшего всеобщую автономию каждому греческому городу. Посланник из Флиуса, похвалив Афины за то гордое положение, которое они занимают сейчас, имея в своих руках судьбу Спарты, рассказал о почете, который она заслужит в Греции, если сейчас великодушно вмешается в спасение своей древней соперницы, забыв прошлые обиды и помня только прошлые выгоды. Приняв такую политику, она также действовала бы в соответствии со своими собственными истинными интересами, поскольку, если Спарта будет разгромлена, фиванцы станут неоспоримыми главами Греции и еще более грозными для Афин^[511].

То, что Спарта была вынуждена направить в Афины такое посольство и просить амнистии за многие неблагоприятные поступки, совершенные в прошлом, не было ни малейшим признаком протрации Спарты. Контраст действительно поразителен, когда мы сравниваем ее нынешний язык с тем, которого она придерживалась по отношению к Афинам до и во время Пелопоннесской войны.

Поначалу ее посланников выслушали с сомнительной благосклонностью; настроение собрания было скорее против, чем за них. "Такие слова спартанцев (роптали собравшиеся граждане) вполне понятны во время их нынешнего бедственного положения; но пока они были в хороших обстоятельствах, мы не получали от них ничего, кроме злобы"^[512] Жалоба спартанцев на то, что вторжение в Лаконию противоречило заключенному миру, гарантировавшему всеобщую автономию, также не была принята без возражений.

Некоторые говорили, что лакедемоняне сами навлекли на себя вторжение своим предыдущим вмешательством в дела Тегеи и Аркадии; и что вмешательство мантинейцев в дела Тегеи было оправданным, поскольку Стасипп и фило-лаконская партия в этом городе первыми начали несправедливое насилие. С другой стороны, обращение посланников к конгрессу пелопоннесских союзников, состоявшемуся в 404 году до н.э. Когда после сдачи Афин фиванский депутат предложил полностью уничтожить Афины, а спартанцы решительно протестовали против столь жестокого приговора, это произвело сильное впечатление на собрание и более чем что-либо другое способствовало принятию решения в пользу этого предложения.^[513] "Как Афины были тогда, так Спарта находится сейчас на грани гибели по воле того же врага: тогда Афины были спасены Спартой, и неужели теперь она оставит это спасение безответным?" Таков был широкий и простой вопрос, который воздействовал на чувства собравшихся афинян, располагая их слушать с возрастающей благосклонностью как посланцев из Коринфа и Флиуса, так и своих собственных ораторов с той же стороны.

Спасать Спарту, действительно, было не только благоразумно, но и великодушно. Таким образом можно было противостоять чрезмерному возвеличиванию Фив, которое в этот момент, несомненно, вызывало у афинян серьезную тревогу и ревность. Таким образом, после первого всплеска негодования против Спарты, естественно, вызванного историей прошлого, фило-спартанский взгляд на ситуацию постепенно становился все более и более преобладающим в собрании. Оратор Каллистрат^[514] красноречиво выступал в поддержку деймонианцев Лация; противников же слушали плохо, как выступающих в пользу Фив, которых никто не хотел еще больше возвеличивать. Решительно и с энтузиазмом было принято решение оказать помощь спартанцам всеми силами Афин под командованием Ификрата, проживавшего тогда в Афинах в качестве частного лица^[515] после заключения мира в предыдущем году, по которому он был отозван из Коркиры.

Как только жертвы, принесенные в связи с этим предприятием, были объявлены благоприятными, Ификрат объявил, что граждане, предназначенные для службы, должны снарядиться и собраться с оружием в роцце Акадекмус (за воротами), там принять вечернюю пищу и выступить в поход на следующее утро с рассветом. Всеобщий пыл был таков, что многие граждане вышли из ворот даже раньше самого Ификрата, а общее число людей, следовавших за ним, как говорят, составляло двенадцать тысяч человек - не призывников, а добровольцев.^[516] Сначала он отправился в Коринф, где остановился на несколько дней, к большому неудовольствию своих солдат, которым не терпелось осуществить свой проект спасения Спарты. Но Ификрат прекрасно понимал, что за пределами Коринфа находятся враждебные земли и что ему предстоит иметь дело с грозными врагами. Укрепив свои позиции в Коринфе и получив информацию о противнике, он отправился в Аркадию, где вел войну без каких-либо значимых результатов. Эпаминондас со своим войском покинул Лаконию, а многие аркадяне и элейцы разошлись по домам с награбленным добром, так что Спарта на время оказалась вне опасности. Под влиянием недавнего выступления Афин^[517] сам фиванский полководец вскоре начал свой обратный поход в Беотию, в ходе которого ему необходимо было пройти линию горы Оней между Коринфом и Кенхреей. Эта линия состояла из труднопроходимой местности и представляла собой хорошие средства для сопротивления проходу армии; тем не менее Ификрат, хотя и занял две ее оконечности, не пытался напрямую препятствовать проходу фиванцев. Он довольствовался тем, что выслав из Коринфа всю свою конницу, как афинскую, так и коринфскую, чтобы преследовать их на марше. Но Эпаминондас отбил их с некоторыми потерями и преследовал их до ворот Коринфа. Возбужденные этим зрелищем, афинские войска, находившиеся в городе, загорелись желанием выйти и вступить в генеральное сражение. Однако их пыл был

подавлен Ификратом, который, отказавшись выступить, позволил фиванцам продолжать отступление без сопротивления[518].

Вернувшись в Фивы, Эпаминондас вместе с Пелопидом и другими беотархами отказался от командования. Они уже сохраняли его на четыре месяца дольше, чем законно истекал срок их полномочий. Хотя по конституционному закону Фив любой полководец, сохранявший свои полномочия дольше установленного законом срока, подлежал смерти, Эпаминондас, занятый своими великими проектами по унижению Спарты и основанию двух враждебных городов на ее границе, взял на себя смелость отступить от этого незаконного решения, убедив всех своих коллег согласиться с ним. Сложив с себя командование, все они должны были подвергнуться суду ответственности, который, разумеется, ожидает каждого отставного магистрата, но который в данном случае был необходим по особым обстоятельствам, поскольку все они совершили поступок, заведомо наказуемый и опасный в плане прецедента. Эпаминондас взял на себя обязанность защищать как своих коллег, так и самого себя. В том, что у него, как и у Пелопида, были политические враги, готовые воспользоваться любым благовидным предлогом для обвинения, сомневаться не приходится. Но мы можем сомневаться, что в данном случае кто-то из этих врагов действительно выступил с предложением наложить законное наказание; и не только потому, что такое предложение перед лицом победоносной армии, возвращающейся в восторге от своих успехов и гордящейся своими командирами, таило в себе опасность для самого инициатора, но и по другой причине - вряд ли Эпаминондас был бы настолько неосмотрителен, чтобы ждать, пока дело изложат его враги. Зная, что совершенное противозаконное деяние было вопиющим и опасным, и заботясь не только о своей репутации, но и о репутации своих коллег, Эпаминондас предотвратил бы обвинения, выступив сам, чтобы объяснить и оправдать происходящее. Он рассказал о славных результатах только что завершившейся экспедиции; вторжение и опустошение Лаконии, которую до сих пор не посещал ни один враг, заточение спартанцев в ее стенах, освобождение всей Западной Лаконии и основание Мессены как города, создание нового сильного аркадского города, образующего, с Тегеей на одном фланге и Мессеной на другом, линию обороны на спартанской границе, чтобы обеспечить постоянное подавление великого врага Фив, - освобождение Греции в целом от спартанского господства, теперь завершённое.

Такое оправдание - будь оно дано в ответ существенному обвинителю или (что более вероятно) предложено спонтанно самим Эпаминондасом - было не просто удовлетворительным, но и триумфальным. Он и другие полководцы были оправданы всеобщим одобрением, даже не прибегая к формальности сбора голосов.[519] И, судя по всему, Эпаминондас и Пелопид были немедленно вновь назначены в число бётархов этого года.[520]

ГЛАВА LXXIX. ОТ ОСНОВАНИЯ МЕССЕНЫ И МЕГАЛОПОЛЯ ДО СМЕРТИ ПЕЛОПИДА.

В течение восемнадцати месяцев между июнем 371 года до н. э. (когда в Спарте, за двадцать дней до битвы при Лейктре, был заключен всеобщий мир, включавший все города, кроме Фив) и весной 369 года до н. э., когда фиванцы после победоносной экспедиции в Пелопоннес были возвращены домой Эпаминондасом, во всем греческом мире произошли огромные перемены.

О том, как эти перемены отразились на Пелопоннесе и привели к частичному восстановлению полуострова, было рассказано в предыдущей главе. В большинстве городов и районов, которые до сих пор были зависимыми союзниками Спарты, местные олигархии, благодаря которым сохранялось спартанское влияние, были свергнуты, причем не без жесткой и жестокой реакции. Лакония была захвачена и опустошена, а спартанцы вынуждены были довольствоваться тем, что охраняли свой центральный очаг и свои семьи от нападения. Западная и лучшая половина Лаконии была отторгнута от них; Мессень стала свободным городом на их границе; значительная часть их периеков и гелотов была превращена в независимых греков, люто враждовавших с ними; кроме того, аркадское население было освобождено от зависимости и превращено в самостоятельных ревнивых соседей в новом городе Мегалополе, а также в Тегее и Мантинее. Некогда фило-лаконская Тегея теперь была в числе главных врагов Спарты, а скириты, долгое время считавшиеся самыми храбрыми из вспомогательных войск последней, теперь объединились в своих настроениях с аркадянами и фиванцами против нее.

В Пелопоннесе также произошли значительные перемены: отчасти из-за обстоятельств в Фессалии и Македонии, отчасти из-за позиции и политики Афин.

В момент битвы при Лектре (июль 371 г. до н. э.) Ясон был тагом Фессалии, а Аминтас - царем Македонии. Аминтас находился в зависимости, а то и в данничестве у Ясона, чьи владения, военная сила и доходы в сочетании с необычайной личной энергией и способностями делали его безусловно первым властителем Греции, а его устремления, как известно, были безграничны; поэтому он везде внушал большую или меньшую тревогу, особенно слабым соседям, таким как македонский принц. На протяжении двадцатитрехлетнего царствования, полного бед и опасностей, Аминтас укреплял дружбу Спарты и Афин,^[521] особенно первой. Только благодаря помощи спартанцев он смог одержать победу над Олинфской конфедерацией, которая в противном случае оказалась бы для него непосильной задачей. В то время, когда Спарта помогала ему сокрушить эту многообещающую и либеральную конфедерацию, она находилась на пике своего могущества (382-379 гг. до н. э.), держа в гарнизоне даже Фивы среди своих союзников. Но революция в Фивах и война против Фив и Афин (с 378 года до н. э. и далее) заметно уменьшили ее власть на суше, а вновь организованные военно-морские силы и морская конфедерация афинян свергли ее империю на море. Более того, могущество Ясона в Фессалии настолько возросло (в сочетании с сопротивлением фиванцев), что прервало связь Спарты с Македонией и даже запретило ей (в 374 г. до н. э.) помогать своему верному союзнику, фарсалийцу Полидаму, против него.^[522] Для Аминта, соответственно, дружба Афин, теперь снова величайшей морской державы в Греции, стала более важной, чем дружба Спарты. Мы знаем, что он пытался примирить могущественных афинских полководцев Ификрата и Тимофея. Он усыновил

первого как своего сына;^[523] в какой именно период, выяснить невозможно, но я уже говорил, что Ификрат женился на дочери Котиса, царя Фракии, и приобрел приморское поселение Дрис на фракийском побережье. В 373-372 гг. до н. э. Тимофей также был в большом расположении к Аминте, о чем свидетельствует ценный подарок, присланный ему в Афины: груз древесины, лучшей продукции Македонии.^[524] В этот период Аминта находился в наилучших отношениях с Афинами, послал своих депутатов в качестве конфедерата в собравшийся там регулярный синод, и к нему относились с большой благосклонностью.^[525]

Битва при Лейктре (июль 371 г. до н. э.) способствовала более тесной связи между Аминтой и афинянами, которые теперь были помощниками, способными поддержать его в борьбе с преобладанием Ясона. В то же время это имело и более важный эффект, поскольку стимулировало амбиции Афин во всех направлениях. Не только ее древняя соперница Спарта, побежденная на поле боя и переходящая от одного унижения к другому, лишилась возможности противостоять ей и даже была вынуждена просить ее о помощи, но и новые соперники, фиванцы, внезапно возвысились, вызывая у нее смешанную ревность и опасения. Таким образом, свежие надежды и свежая ревность подтолкнули Афины к такой устремленной карьере, какой она не видела со времен катастрофы 404 года до нашей эры. Расширение ее взглядов проявилось в шаге, предпринятом через два-три месяца после битвы при Лейктре (упомянутой в предыдущей главе), - в том, что мир, уже заключенный в Спарте в предыдущем июне, был вновь заключен под председательством и гарантией Афин, а города связали себя взаимными обязательствами в качестве оборонительных союзников Афин;^[526] таким образом Спарта была молчаливо отстранена от власти и заняла ее место.

На суше, однако, Афины никогда не занимали и вряд ли могли рассчитывать занять место выше второго, служа оплотом против фиванского разбогатения. На море она уже занимала первое место во главе обширной конфедерации, и именно на дальнейшее морское возвышение указывали ее нынешние шансы, как и ее прошлые традиции. Таков новый путь, на который она вступает сейчас. При первом образовании новой конфедерации в 378 году до н. э. она решительно отказалась от всякой мысли о возвращении большого количества владений, государственных и частных, которые были отняты у нее вместе с империей в конце Пелопоннесской войны, и официально провозгласила, что ни один афинский гражданин не должен в будущем владеть или обрабатывать землю за пределами Аттики - гарантия против обновления прежних клерухий или владений. Эта благоразумная сдержанность, которая в течение последних семи лет так много способствовала тому, что Афины вновь заняли первое место в военно-морском флоте, теперь постепенно отменяется под влиянием заманчивых обстоятельств момента. Отныне афинские морские силы используются как для возвращения утраченных владений, так и для защиты или расширения конфедерации. Запрет на клерухии из Аттики вскоре оказывается забытым. Обиды наносятся видным членам морской конфедерации, так что афинская сила, неправильно использованная и разбитая на части, через двенадцать или тринадцать лет оказывается неспособной отразить нового агрессора, который появляется, как способный, так и неожиданный, в лице македонского принца Филиппа, сына Аминтаса.

Совсем иной была позиция самого Аминта по отношению к Афинам в 371 году до н. э. Он был неприятельным союзником, искал помощи в случае необходимости против Ясона и отправил своего посланника на встречу в Афины примерно в сентябре или октябре 371 года до н. э., когда под эгидой Афин был заключен всеобщий мир. Именно на этой встрече Афины, похоже, впервые заявили о своих новых морских притязаниях. Гарантируя всем греческим городам, большим и малым, автономию, она сделала исключение для некоторых городов,

которые считала принадлежащими себе. Среди них, несомненно, был Амфиполь; вероятно, также города во фракийском Херсонесе и Потидее; все они, как мы видим, через несколько лет после этого были заняты афинянами.[527] Какую часть своих утраченных владений афиняне сочли разумным теперь вернуть, мы не можем точно сказать. Но мы знаем, что их стремления охватывали гораздо больше, чем Амфиполь;[528] и, вероятно, момент был благоприятным для выдвижения других требований. Аминтас через своего посланника, вместе с остальными собравшимися посланниками, без возражений признал право афинян на Амфиполь[529].

Само по себе такое признание не было ни потерей для Аминта, ни выигрышем для Афин, поскольку Амфиполь, хотя и граничил с его царством, никогда не принадлежал ему и не имел права передавать его. Первоначально это была афинская колония,[530] затем отнятая у Афин в 424-423 гг. до н. э. Брасидасом по неосторожности афинских офицеров Эвклеса и Фукидида, затем вновь заселенная под эгидой лакедемонян, - с тех пор она оставалась независимым городом; хотя Спарта пообещала восстановить ее по Никиасскому миру (421 г. до н. э.), но так и не выполнила своего обещания. Его беспрецедентное положение, недалеко от моста и устья Стримона, посреди плодородной территории, в пределах досягаемости от шахтерского района Пангея, делало его заманчивым призом; право Афин на него было неоспоримым, насколько это право могла дать первоначальная колонизация до захвата Брасидами и официальный договор об уступке Спартой после захвата. Но этот договор, не выполненный в то время, был уже пятьдесят лет назад. Неприязнь амфиполитанского населения, которая первоначально препятствовала его выполнению, была усилена всеми санкциями давнего предписания; а гробница и часовня второго основателя Брасидаса, освященные в агоре, служили нерушимым предостережением от любых притязаний со стороны Афин. Такие притязания, какими бы правильными они ни были, были прискорбно нелепыми, если Афины не были готовы поддержать их напряженными усилиями людей и денег; мы увидим, что теперь она уклоняется от этого, как уклонялась (по неразумному совету Никиаса) в 421 году до н. э. и в последующие годы. На самом деле, большие обновленные притязания Афин как на Амфиполь, так и на другие места на македонском и халкидском побережье, в сочетании с ее вялостью и инертностью в военных действиях, - впредь будут считаться величайшими бедами для общего дела эллинской независимости, и наиболее эффективными помощниками для хорошо проведенных агрессий Филиппа Македонского.

Хотя претензии Афин на возвращение части утраченных трансмаринских владений были выдвинуты и признаны на конгрессе осенью 371 года до н. э., похоже, они не смогли предпринять никаких немедленных шагов для их реализации. Через шесть месяцев после этого состояние северной Греции снова полностью изменилось в результате смерти, почти одновременно, Ясона в Фессалии и Аминта в Македонии.[531] Первый был убит (как уже говорилось в предыдущей главе), находясь в расцвете сил; его огромная власть не могла быть удержана более слабыми руками. Два его брата, Полифрон и Полидор, сменили его на посту тагуса Фессалии. Полифрон, предав смерти своего брата, наслаждался этим достоинством недолго, после чего его тоже убил третий брат, Александр из Фере, но не раньше, чем он совершил грубые преступления, убив и изгнав многих выдающихся граждан Лариссы и Фарсала, среди которых был и уважаемый Полидамас.[532] Ларисские изгнанники, многие из которых принадлежали к великой семье Алеуадов, нашли убежище в Македонии, где Аминта (умершего в 370 г. до н. э.) сменил на троне его юный сын Александр. Последний, будучи убежденным вторгнуться в Фессалию с целью их восстановления, сумел

овладеть Лариссой и Кранноном; оба города он держал под своими гарнизонами, несмотря на безуспешное сопротивление Полифрона и Александра Ферейского[533].

Этот Александр, унаследовавший деспотизм Ясона в Фере и значительную часть его военной мощи, тем не менее не смог удержать всю Фессалию и прилегающие к ней притоки в едином владении. Фессалийские города, враждебные ему, обратились за помощью не только к Александру Македонскому, но и к фиванцам; те отправили в страну Пелопида, кажется, в 369 году до н. э., вскоре после возвращения армии под командованием Эпаминонда из победоносного похода в Лаконию и Аркадию. Пелопид вошел в Фессалию во главе армии и взял Лариссу и другие города под защиту фиванцев, очевидно, с согласия Александра Македонского, с которым он заключил союз.[534] Таким образом, большая часть Фессалии перешла под защиту Фив, враждебных династии Фере и жестокому тирану Александру, который теперь правил в этом городе.

Александр Македонский обнаружил, что ему достаточно трудно поддерживать свое господство дома, не держа фессалийские города в гарнизоне. Его донимали междоусобные распри, и после двухлетнего правления он был убит (368 г. до н. э.) заговорщиками из Алора и Пидны, двух городов (наполовину македонских, наполовину эллинских) у западного побережья Термического залива. Птолемей (или Птолемея) из Алора упоминается как руководитель предприятия, а Аполлофан из Пидны - как один из агентов.[535] Но кроме этих заговорщиков, был еще один враг, Павсаний, человек из царского рода и претендент на престол; [536] который, будучи до сих пор в изгнании, теперь вернулся во главе значительного числа греков, поддерживаемый многочисленными партизанами в Македонии, и уже владел Антемом, Термой, Стрепсой и другими местами в Термическом заливе или близ него. Он вел войну как против Птолемея, так и против оставшейся семьи Аминта. Эвридика, вдова этого принца, осталась с двумя младшими детьми, юношей Пердиккой и еще юным Филиппом. У нее были общие интересы с Птолемеем, удачливым заговорщиком против ее сына Александра, и даже существовала история, которая представляла ее его сообщницей в этом деле. Птолемей был регентом, управляя ее делами и делами ее несовершеннолетних детей, против Павсания[537].

Покинутые многими из своих самых влиятельных друзей, Эвридика и Птолемей были бы вынуждены уступить страну Павсанию, если бы случайно не обнаружили рядом иностранного помощника. Афинский адмирал Ификрат с эскадрой умеренной силы находился тогда у берегов Македонии. Он был послан туда своими соотечественниками (369 г. до н. э.) (вскоре после частичного столкновения у Коринфа с отступающей армией Эпаминонда на пути из Пелопоннеса в Беотию) с целью общего изучения приморского региона Македонии и Фракии, начала переговоров с местными жителями и составления планов будущих военных операций. В то время, когда Александр был убит, а Павсаний осуществлял свое вторжение, Ификрат оказался на македонском побережье. Там его посетила Эвридика с двумя сыновьями - Пердиккой и Филиппом; последнему на вид было лет тринадцать-четырнадцать, первому - несколько больше. Она настоятельно просила его помочь семье в сложившейся ситуации, напоминая, что Аминтас не только всю жизнь был верным союзником Афин, но и усыновил его (Ификрата) как своего сына и, таким образом, стал братом двух юных принцев. Положив Пердикку ему на руки и заставив Филиппа обнять его колени, она обратилась к его великодушным симпатиям и призвала его на помощь как единственный шанс на восстановление или даже на личную безопасность семьи. Ификрат, тронутый этой трогательной мольбой, высказался в ее пользу, действовал против Павсания так решительно, что изгнал его из Македонии, и закрепил скипетр за семьей Аминта; регентом на время стал Птолемей Алорский.

Этот поразительный случай описан оратором Эсхином[538] в оратории, произнесенной много лет спустя в Афинах. Мальчик, который тогда сжимал колени Ификрата, впоследствии жил, чтобы свергнуть независимость не только Афин, но и всей Греции. Афинский полководец был послан не для того, чтобы вмешиваться в споры о престолонаследии македонской короны. Тем не менее, учитывая обстоятельства того времени, его вмешательство могло действительно сулить Афинам благоприятные последствия, так что мы не вправе винить его за непредвиденное разорение, к которому оно впоследствии привело.

Хотя вмешательство Ификрата сохранило семью Аминта и утвердило Птолемея Алорского в качестве регента, оно не обеспечило Афинам владение Амфиполем, которое македонские цари не в силах были даровать. Амфиполь в то время был свободным греческим городом, населенным в основном халкидским населением и находившимся в конфедерации с Олинфом.[539] Ификрат вел свои морские операции на побережье Фракии и Македонии в течение трех лет (368-365 гг. до н. э.). Мы очень плохо знаем, чего он добился. Он взял к себе на службу полководца по имени Харидем, уроженца Орея в Эубоеа; одного из тех кондотьеров (если использовать итальянское слово, привычное в XIV веке), которые, имея под своим командованием отряд наемников, нанимались к лучшему претенденту и на самое перспективное дело. Эти наемники служили под началом Ификрата в течение трех лет,[540] пока афиняне не отстранили его от командования и не заменили Тимофеем. Каких успехов они добились для Афин, неясно, но точно известно, что ему не удалось взять Амфиполь. По-видимому, он руководил одной или двумя попытками взять город другими офицерами, которые оказались неудачными; но он получил несколько амфипольских пленников или заложников,[541] что открывало перспективу добиться сдачи города.

Однако, несмотря на скудость нашей информации, кажется очевидным, что Ификрат во время своего правления в 369-365 гг. до н. э. не оправдал надежд своих соотечественников. В то время эти ожидания были велики, о чем свидетельствует отправка не только Ификрата в Македонию и Фракию, но и Тимофея (который вернулся со службы у персов в 372-371 гг. до н. э.) в Ионию и Геллеспонт вместе с фригийским сатрапом Ариобарзанесом.[542] Этот сатрап владел Сестосом, а также различными другими городами во фракийском Херсонесе, к которым афинское честолюбие теперь склонялось, согласно тому новому повороту, к более специальным и отдельным приобретениям для Афин, которые оно сделало после битвы при Лейктре. Но, прежде чем мы обратимся к достижениям Тимофея (366-365 гг. до н. э.) в этих регионах, мы должны обратить внимание на основной ход политического конфликта в самой Греции, вплоть до частичного умиротворения 366 г. до н. э.

Хотя афиняне отправили Ификрата (зимой 370-369 гг. до н. э.) вызволять Спарту из рук Эпаминондаса, условия постоянного союза между ними еще не были урегулированы; вскоре после этого посланники Спарты и ее союзников посетили Афины с этой целью.[543] Все претензии на исключительное главенство со стороны Спарты теперь были прекращены. После бурных обсуждений в общественном собрании все ораторы, как лакедемоняне и другие, так и афиняне, единодушно заявили, что главенство должно принадлежать Спарте и Афинам совместно и в равной степени; единственным предметом споров был вопрос о том, как наиболее целесообразно осуществить такое соглашение. Сначала было предложено, чтобы первые командовали на суше, а вторые - на море; такое распределение, на первый взгляд, было справедливым и удобным, пока афинянин по имени Кефисодот не напомнил своим соотечественникам, что у лакедемонян мало военных кораблей, и те укомплектованы в основном гелотами, а сухопутные силы Афин состоят из всадников и гоплитов, отборных граждан государства. Соответственно, при указанном распределении афиняне, в большом количестве и лучшего качества, попали бы под командование спартанцев, а

немногочисленные лакедемоняне и те, кто не обладает высокими достоинствами, - под командование афинян; это было бы не равенство, а наоборот. Кифисодот предложил, чтобы как на суше, так и на море командование чередовалось между Афинами и Спартой с периодами в пять дней; его поправка была принята[544].

Хотя достоинством такой поправки было полное равенство между двумя претендентами на главенство, она отнюдь не была рассчитана на успех в совместных операциях против такого полководца, как Эпаминондас. Союзники решили занять Коринф в качестве главной станции и охранять линию горы Оней между этим городом и Кенхреей,[545] чтобы не дать фиванцам снова проникнуть в Пелопоннес. Об упадке Спарты свидетельствует тот факт, что именно этот пост, выбранный теперь для того, чтобы держать фиванского захватчика подальше от ее границ, афиняне и фиванцы удерживали во время войны 394-387 гг. до н. э. против нее самой, чтобы не дать ей вырваться из Пелопоннеса в Аттику и Беотию. Со времен вторжения Ксеркса никогда не возникало необходимости защищать Коринфский перешеек от нападения со стороны Пелопоннеса. Но теперь, даже чтобы отправить войска из Спарты в Коринф, нужно было прибегнуть к морским перевозкам, либо через Арголический залив от Прасиеса до Халии, либо вокруг мыса Скиллеум в Саронический залив и Кенхрею; ведь спартанские войска не могли пройти по суше через Аркадию или Аргос. Однако эта трудность была преодолена, и большое союзное войско (не менее двадцати тысяч человек, согласно Диодору), состоящее из афинян с наемниками под командованием Хабрия, лакедемонян, пелленцев, эпидавров, мегарян, коринфян и всех остальных союзников, все еще придерживавшихся Спарты, заняло оборонительную позицию вдоль линии Онея.

Для Фив было крайне важно возобновить связь со своими пелопоннесскими союзниками. Поэтому Эпаминондас во главе фиванцев и их северных союзников прибыл летом того же года в Пелопоннес. Его численность уступала численности собравшихся врагов, а положение не позволяло ему присоединиться к своим аркадским, аргейским и элейским союзникам, уже собравшимся в Пелопоннесе. Тщетно предложив противнику спуститься и сразиться на равнине, Эпаминондас разработал план нападения на позиции. Выдвинувшись из своего лагеря немного раньше рассвета, чтобы подойти к врагу, когда ночные стражи уже отходили, но еще не успели подняться и взяться за оружие,[546] он направил атаку вдоль всей линии. Но главные усилия во главе отборных фиванских войск он направил против лакедемонян и пелленцев, которые расположились в самой удобной для нападения части линии. 547] Так искусно было проведено его движение, что ему удалось полностью их удивить. Лакедемонский полемарх, застигнутый врасплох, был выбит со своей позиции и вынужден отойти на другой участок холмистой местности. Вскоре он послал просить перемирия, чтобы похоронить своих мертвецов, и согласился оставить линию Онея, которая теперь стала неодолимой. Другие части фиванской армии не произвели никакого впечатления своей атакой, да они, вероятно, и не собирались ничего делать, кроме как занимать внимание, в то время как сам Эпаминондас энергично атаковал слабое место позиции. Однако Ксенофонт порицает лакедемонского полемарха как слабонервного за то, что он эвакуировал всю линию, как только его собственная позиция была вынуждена; утверждая, что он мог бы легко найти другую хорошую позицию на одном из соседних возвышений и вызвать подкрепление от своих союзников, - и что фиванцы, несмотря на их частичный успех, были настолько смущены тем, как спуститься на пелопоннесскую сторону Онея, что они были наполовину склонны отступить. Критика Ксенофонта, несомненно, свидетельствует о неблагоприятном суждении, высказанном многими лицами в армии; справедливость которого мы не в состоянии оценить. Но независимо от того, был ли виноват лакедемонский полководец или нет, Эпаминондас, умело и победоносно атаковав эту сильную позицию, укрепил свою и без того высокую военную славу[548].

Объединив своих пелопоннесских союзников, аркадян, элейцев и аргейцев, он с лихвой противостоял спартанским и афинским войскам, которые, судя по всему, теперь ограничивались Коринфом, Лехейем и Кенхреей. Он опустошил территории Эпидавра, Трезена и Флиуса, овладел Сикионом и Пелленом.^[549] В Сикионе, на голосовании народа, было принято решение покинуть Спарту, заключить союз с Фивами и ввести фиванский гарнизон в акрополь; Эвфрон, гражданин, до сих пор преобладавший в городе благодаря Спарте и преданный ее интересам, теперь изменил свою политику и пошел на поводу у более сильного течения.^[550] Мы также не можем сомневаться в том, что Эпаминондас отправился в Аркадию, чтобы поощрять и регулировать ход двух своих великих предприятий - основание Мессены и Мегалополя; молчание Ксенофонта по этому вопросу не может служить опровержением. Эти новые города, начатые менее чем за год до этого, не могли быть еще закончены и, вероятно, требовали повторного появления его победоносной армии. Маленький город Флий, расположенный к югу от Сикиона и к западу от Коринфа, который был одним из самых верных союзников Спарты, также находился в большой опасности быть захваченным филийскими изгнанниками. Когда аркадяне и элейцы шли через Немею, чтобы присоединиться к Эпаминонду у Онея, эти изгнанники уговаривали их только показаться у Флиуса, уверяя, что такой демонстрации будет достаточно для взятия города. Тогда изгнанники ночью пробрались к подножию городских стен с лестницами и затаились там, пока с наступлением дня разведчики с соседнего холма Трикаранум не сообщили, что враги-союзники уже в поле зрения. Пока внимание горожан было занято тем, что происходило на другой стороне, спрятавшиеся изгнанники установили свои лестницы, одолели немногочисленную неподготовленную стражу и завладели акрополем. Вместо того чтобы довольствоваться этой позицией до подхода союзных войск, они попытались захватить и город; но и в этом они потерпели поражение от горожан, которые отчаянными усилиями храбрости отразили и вторгшихся внутрь, и врага снаружи, сохранив таким образом свой город.^[551] Верность флиасийцев Спарте влекла за собой тяжелые испытания, связанные с превосходством врагов в поле и постоянным опустошением их территории многочисленными враждебными соседями (Аргос, Аркадия и Сикион), которые установили укрепленные посты на их границах; только со стороны Коринфа флиасийцы имели дружественного соседа, у которого они могли покупать провизию.^[552]

На фоне общего успеха фиванцы испытывали частичные неудачи. Когда их поход приблизился к Коринфу, некоторые из них дерзнули броситься на ворота и попытаться захватить город врасплох. Но афинянин Хабрий, командовавший в нем, так искусно расположил свои войска и оказал такое сопротивление, что разбил их с потерями и вынудил просить обычного перемирия, чтобы похоронить своих мертвых, которые лежали очень близко к стенам.^[553] Это преимущество над победоносными фиванцами несколько подняло дух спартанских союзников; их еще больше ободрило прибытие в Лехей эскадры из Сиракуз с двумя тысячами наемных галлов и иберийцев и пятьюдесятью всадниками в качестве помощи от деспота Дионисия. Таких чужеземцев в Пелопоннесе еще не видели. Их храбрость и необычайная ловкость движений дали им преимущество в нескольких стычках и привели фиванцев в замешательство. Но спартанцы и афиняне не были настолько смелы, чтобы рисковать генеральным сражением, и сиракузский отряд вернулся домой после не очень долгого пребывания,^[554] в то время как фиванцы тоже ушли в Беотию.

Один поступок Эпаминондаса во время этой экспедиции заслуживает особого внимания. Фиванцы обычно предавали смерти всех беотийских изгнанников, попавших к ним в плен, а всех остальных греческих пленников отпускали под выкуп. При захвате деревни Фибиас на

территории Сикиона Эпаминондас взял в плен значительное число беотийских изгнанников. С минимальной задержкой он отпустил их под выкуп, заявив, что считает их принадлежащими другим городам.[555] Мы видим, что он всегда старался смягчить суровое отношение к политическим противникам, принятое в то время.

На протяжении всей кампании 369 года до н. э. все пелопоннесские союзники действовали против Спарты под руководством Эпаминонда и фиванцев. Но в следующем году дух аркадян был настолько поднят образованием нового панаркадского союза, успехами Мессены и Мегалополя и заметным упадком Спарты, что они возомнили себя не только способными самостоятельно сохранить свою независимость, но и вправе разделить власть с Фивами, как Афины разделили ее со Спартой. Мантинеец Ликомед, богатый, энергичный и способный, выступил в качестве выразителя этих новых устремлений и защитника аркадского достоинства. Он напомнил Десятитысячному (панаркадскому) синоду, что, хотя все остальные жители Пелопоннеса были первоначально иммигрантами, только они являются коренными жителями полуострова; что они были самой многочисленной частью, а также самыми храбрыми и выносливыми людьми, носившими эллинское имя, - доказательством чему служил тот факт, что аркадские наемные солдаты предпочитались всем остальным; что лакедемоняне никогда не осмеливались вторгнуться в Аттику, а фиванцы - в Лаконию без аркадских помощников. "Давайте не будем следовать чужому примеру (заклучил он), а будем отстаивать свои интересы. В прежние времена мы укрепляли могущество Спарты, служа в ее войсках; а теперь, если мы спокойно подчинимся фиванцам, не требуя для себя альтернативного главенства, то в скором времени обнаружим, что они - спартанцы под другим именем"[556].

Подобные увещевания были с энтузиазмом выслушаны собравшимися аркадянами, для которых политические дискуссии и чувство коллективного достоинства были в новинку. Под впечатлением от восхищения Ly komedes, они выбрали в офицеры всех, кого он рекомендовал, призвав его вести их на активную службу, чтобы оправдать их новые притязания. Он провел их в Эпидавр, куда вторглись аргейцы; однако они подверглись величайшей опасности быть отрезанными, так как их отступление перехватили войска из Коринфа под командованием Хабрия - афиняне и коринфяне. Ликомедес со своими аркадянами, пробиваясь через врагов, а также через труднопроходимую страну, отбил дивизию Хабрия и вызволил смущенных аргейцев. Затем он вторгся на территорию к югу от нового города Мессена и к западу от Мессенского залива, часть которой все еще удерживалась спартанскими гарнизонами. Он дошел до Асина, где спартанский полководец Геранор вывел свой гарнизон для сопротивления, но был разбит с потерями и убит, а предместья Асина разрушены.[557] Вероятно, этой экспедицией было покончено со спартанским господством в юго-западном углу Пелопоннеса. Неутомимая активность, которую проявили аркадяне под руководством своего нового командира, одолев всех врагов и преодолев все трудности и сложности похода через самые труднопроходимые горы, как ночью, так и днем, в течение всего зимнего сезона, - вызвала повсюду изумление и тревогу; не обошлось без зависти даже со стороны их союзников - фиванцев[558].

В то время как эта ревность способствовала ослаблению союза между аркадянами и Фивами, другие причины в то же время стремились разъединить их с Элисом. Элейцы претендовали на главенство над Лепреоном и другими городами Трифилии, от которых они были вынуждены отказаться тридцать лет назад под ударами спартанского оружия[559]. С тех пор эти города считались отдельными общинами, каждая из которых была зависимым союзником Спарты. Теперь, когда власть последней была сломлена, элейцы стремились восстановить свое утраченное господство. Но образование новой "коммуны Аркадум" в

Мегалополе создало препятствие, о котором раньше и не помышляли. Трифилийские города, утверждающие, что они аркадского происхождения, и представляющие своего одноименного героя Трифила, сына Аркаса,[560] попросили принять их в качестве полноправных членов зарождающейся панаркадской коммуны. Они были сердечно приняты общим аркадским корпусом (с симпатией, подобной той, которую недавно проявили германцы по отношению к Шлезвику-Гольштейну), приняты как политические братья и гарантированы как независимые от Элиса.[561] Элейцы, таким образом, оказались разочарованными в выгодах, которые они ожидали получить от унижения Спарты, сильно отделились от аркадцев.

Ариобарзанес, сатрап Фригии, с которым афиняне только что установили переписку, теперь попытался (возможно, по их просьбе) выступить посредником в установлении мира в Греции, прислав гражданина Абида по имени Филиск, снабженного большой суммой денег. Выбрав Дельфы в качестве центра, Филиск от имени персидского царя созвал туда депутатов от всех враждующих сторон - фиванцев, лакедемонян, афинян и т. д., чтобы они встретились с ним. Эти посланники никогда не советовались с богом о наилучших средствах достижения мира (говорит Ксенофонт), а просто советовались между собой; поэтому, замечает он, прогресс в достижении мира был незначительным, так как спартанцы[562] категорически настаивали на том, чтобы Мессенка снова была возвращена им, а фиванцы не менее твердо сопротивлялись этому предложению. Скорее похоже, что союзники Спарты были готовы уступить и даже пытались, хотя и тщетно, преодолеть ее нежелание. Конгресс, соответственно, распался, а Филиск, объявив себя сторонником Спарты и Афин, потратил свои деньги на сбор наемников с якобы целью помочь им в войне.[563] Однако мы не находим, что он действительно оказывал им какую-либо помощь. Похоже, что его наемники предназначались для службы самому сатрапу, который в то время организовывал свое восстание против Артаксеркса, и что его вероятной целью в попытке прекратить войну было то, что он мог бы легче и в большем количестве получить греческих солдат. Хотя угрозы Филиска не привели к немедленному результату, они настолько встревожили фиванцев, что те решили отправить посольство к великому царю; тем более что они узнали, что лакедемонский Эвтикл уже отправился к персидскому двору, чтобы просить от имени Спарты[564].

Насколько важен был шаг, предпринятый Эпаминондасом для воссоздания автономных мессенцев, показал, помимо прочих доказательств, недавний несостоявшийся конгресс в Дельфах. Это уже стало главной темой греческих политических дискуссий, причем темой, в которой Спарта была почти одинока. Ведь не только фиванцы (которых Ксенофонт[565] называет так, словно не было других единомышленников), но и все союзники Фив искренне сочувствовали новоиспеченным жителям горы Итоме и Западной Лаконии и разделяли их интересы; в то время как союзники даже Спарты были, по большей части, настроены против них лишь вяло, а то и вовсе склонялись в их пользу.[566] Вскоре произошло новое явление, которое послужило своего рода признанием новорожденной или вновь возрожденной мессенской общины общественным мнением Греции. На сто третьем Олимпийском празднике (середина лета 368 г. до н. э.), который состоялся менее чем через два года после того, как Эпаминондас заложил камень в основание Мессены, мессенский мальчик по имени Дамиск получил венок как победитель в беге мальчиков. Со времен первой Мессенской войны, в результате которой народ подчинился Спарте,[567] ни один мессенский победитель не был зачислен в реестр; хотя до этой войны, в первые полвека существования Олимпийских игр, несколько мессенских победителей были внесены в реестр. Ни один участник не допускался в списки, кроме как свободный грек из свободной общины; соответственно, пока эти мессенцы были либо в рабстве, либо в изгнании, им

никогда бы не позволили претендовать на приз под этим именем. Тем сильнее было впечатление, когда в 368 году до н. э., после более чем трехвекового перерыва, победителем был провозглашен мессенец Дамиск. В Олимпию из Спарты не могли прибыть феарии (или общественные легаты для жертвоприношений), поскольку она в то время воевала и с элейцами, и с аркадянами; вероятно, присутствовали лишь немногие лакедемоняне; так что зрители, состоявшие в основном из греков, недружелюбно настроенных к Спарте, приветствовали провозглашение нового имени как свидетельство ее деградации, а также из сочувствия к долгому и жестокому угнетению мессенцев.^[568] Этот олимпийский фестиваль - первый после великой революции, вызванной битвой при Лейктре, - несомненно, был сценой искренних антиспартанских эмоций.

В течение этого 368 года до н. э. фиванцы не предпринимали похода в Пелопоннес; вероятно, их внимание было занято мирным собранием в Дельфах, а аркадяне не желали и не нуждались в их помощи. Но в этом году Пелопид направил фиванский отряд в Фессалию, чтобы защитить Лариссу и другие города от Александра Ферейского и противодействовать честолюбивым замыслам этого деспота, который просил подкрепления у Афин. Первая цель ему удалась. Александр был вынужден посетить его в Лариссе и просить о мире. Однако этот деспот, встревоженный поступавшими со всех сторон жалобами на его жестокость и словами Пелопида, сначала назидательными, а затем угрожающими, вскоре перестал считать себя в безопасности и бежал домой в Феру. Пелопид создал оборонительный союз против него среди других фессалийских городов, а затем двинулся в Македонию, где регент Птолемей, не имея достаточно сил для сопротивления, вступил в союз с фиванцами, отдав им тридцать заложников из самых знатных семей Македонии в качестве гарантии своей верной приверженности. Среди заложников был и юноша Филипп, сын Аминта, который в таком виде оставался в Фивах около лет под опекой Памменеса.^[569] Таким образом, Птолемей и семья Аминта, хотя и были сохранены в Македонии благодаря активному вмешательству Ификрата и афинян за несколько месяцев до этого, теперь связали себя союзом с фиванцами, врагами Афин. Афинский оратор Эсхинес осуждает их за неблагодарность, но, возможно, превосходящие силы фиванцев не оставили им выбора. Таким образом, и фиванские, и македонские силы были задействованы для защиты свободы Амфиполя от Афин.^[570] А Пелопид вернулся в Фивы, расширив господство Фив не только над Фессалией, но и над Македонией, что было обеспечено приобретением тридцати заложников.

Такое расширение фиванской власти в Северной Греции смущало морские проекты Афин на побережье Македонии, одновременно закладывая основу для союза между ней и Александром Ферейским. Пока она противостояла фиванцам в Фессалии, в Коринф из Сиракуз прибыла вторая эскадра с подкреплением под командованием Киссида, посланного деспотом Дионисием. На синоде союзников, собравшемся в Коринфе, обсуждался вопрос о том, как лучше их использовать, и афиняне решительно настаивали на том, чтобы их отправили действовать в Фессалию. Но спартанцы придерживались противоположной точки зрения и добились того, чтобы их отправили к южному побережью Лаконии, чтобы они могли совместно отразить или вторгнуться в Аркадию.^[571] Усиленный этими галлами и другими наемниками, Архидам повел лакедемонские войска против Аркадии. Он взял штурмом Карию, предав смерти всех, кого захватил в плен; и далее опустошал всю аркадскую территорию в районе, названном в честь Паррасия, пока против него не выступили объединенные аркадские и аргейские войска; тогда он отступил на возвышенность близ Мидеи.^{572]} Здесь Киссидас, сиракузский полководец, уведомил его, что он должен

отступить, поскольку срок, до которого действовал его приказ, истек. Он отправился обратно в Спарту, но на середине пути, в узком проходе, мессенские войска задержали его продвижение и так помешали ему, что он был вынужден послать за помощью к Архидаму. Тот вскоре явился, за ним последовала основная масса аркадян и аргейцев, и Архидам решил напасть на них в генеральном сражении у Мидеи. Призвав своих солдат спасти великое имя Спарты от позора, в который оно впало, он нашел их полными ответного пыла. Они с таким ожесточением бросились в атаку, что аркадяне и аргейцы были совершенно обескуражены и бежали, не встретив почти никакого сопротивления. Преследование было ожесточенным, особенно со стороны галльских наемников, и резня была ужасающей. Десять тысяч человек (если верить Диодору) были убиты, не потеряв ни одного лакедемонянина. Весть об этой легкой и важной победе, или, как ее стали называть, "битве без слез", была немедленно передана в Спарту глашатаем Демотелесом. Его рассказ произвел столь сильное впечатление, что все спартанцы, услышавшие его, разрыдались; Агесилай, сенаторы и эфоры подали пример;[573] - яркое доказательство того, насколько смиренными и непривычными к мысли о победе стали их умы в последнее время!-удивительное доказательство, если сравнить его с негибимым самообладанием, которым они восприняли катастрофическую весть из Лейктры, - насколько неотразимее неожиданная радость, чем неожиданное горе, действует на эти умы с железным характером!

Дерзость аркадян была столь оскорбительна, что известие об их поражении не было нежелательным даже для их союзников - фиванцев и элейцев. Это заставило их почувствовать, что они не зависят от помощи фиванцев, и побудило Эпаминондаса снова появиться в Пелопоннесе с целью привлечь ахейцев к своему союзу. Оборонительная линия Онея все еще была занята лакедемонянами и афинянами, штаб-квартира которых находилась в Коринфе. Однако, оставаясь без атак весь предыдущий год, она теперь охранялась так небрежно, что Пейсиас, аргосский полководец, подстрекаемый частной просьбой Эпаминондаса, получил возможность внезапно захватить высоты над Кенхреей с двухтысячным войском и провиантом на семь дней. Фиванский полководец, ускорив свой поход, обнаружил, что линия Онея открыта у Кенхреев, и без сопротивления вошел в Пелопоннес, после чего, присоединившись к своим пелопоннесским союзникам, двинулся против городов в Ахайе.[574] До битвы при Лектре эти города были среди зависимых союзников Спарты, управляемых местными олигархиями в ее интересах. После этого события они отделились от нее, но все еще находились под властью олигархических правителей (хотя, несомненно, не тех же самых людей) и сохраняли нейтралитет, не связывая себя ни с аркадянами, ни с фиванцами.[575] Не будучи в состоянии противостоять столь грозным силам вторжения, они начали переговоры с Эпаминондом и попросили зачислить их в союзники Фив, обязавшись следовать ее примеру, когда бы их ни позвали, и выполнять свои обязанности в качестве членов ее синода. Они предложили гарантии, которые Эпаминондас посчитал достаточными для выполнения их обещания. Поэтому, в силу своего личного превосходства, он согласился принять их в том виде, в каком они были, не требуя ни изгнания существующих правителей, ни замены демократических форм на олигархические.[576] Такое решение не только соответствовало умеренности в делах, столь замечательной в Эпаминондасе, но и было рассчитано на то, чтобы укрепить интересы Фив в Пелопоннесе при нынешнем ревнивом и неудовлетворительном нраве аркадян, присоединив к ней на особых основаниях ахейцев, а также элейцев; последние сами были наполовину отчуждены от аркадян. Далее Эпаминондас освободил Наупакт и Калидон,[577] которые удерживались ахейскими гарнизонами, и записал их в отдельные союзники Фив; туда он и вернулся, не добившись больше никаких успехов (насколько нам известно) в Пелопоннесе.

Но щедрые расчеты этого выдающегося человека не нашли отклика у его соотечественников. И аркадяне, и оппозиционная партия в ахейских городах выдвигали против него обвинения, утверждая, что он обескуражил и унизил всех настоящих друзей Фив, оставив власть в руках людей, которые при первой же возможности присоединились бы к Спарте. Обвинения были выдвинуты Менеклеидой, фиванским оратором с большими способностями, резко настроенным против Эпаминондаса, а также против Пелопида. Фиванцы были так недовольны - отчасти, возможно, из-за нежелания обидеть аркадян, - что не только изменили политику Эпаминонда в Ахайе, но и не стали переизбирать его на пост бётарха в следующем году.[578] Они послали своих гармостов в каждый из ахейских городов, свергли существующие олигархии, отправили в изгнание главных олигархов и их сторонников и установили в каждом из них демократические правительства. Таким образом, вскоре скопилось большое количество изгнанников, которые, выждав благоприятный момент и объединив свои силы против каждого города, были достаточно сильны, чтобы свергнуть вновь созданные демократии и изгнать фиванских гарматов. Восстановленные таким образом, ахейские олигархии приняли решительное и активное участие в борьбе со Спартой;[579] с одной стороны они энергично теснили аркадян, с другой - лакедемоняне, воодушевленные недавней Бесслезной битвой, активно действовали.

Город Сикион, вплотную примыкавший к Ахайе, в это время находился в союзе с Фивами, имея в своем акрополе фиванский гарнизон и гарнизон. Но его правительство, которое всегда было олигархическим, оставалось неизменным. Недавняя контрреволюция в ахейских городах, последовавшая за их объединением со Спартой, встревожила аркадян и аргейцев, опасавшихся, что Сикион также последует этому примеру. Этой тревогой воспользовался один из ведущих сикионских граждан по имени Эвфрон. Он предупредил их, что если олигархия останется у власти, то они непременно получат помощь от гарнизона Коринфа и перейдут на сторону Спарты. Чтобы предотвратить такое отступничество (по его словам), необходимо, чтобы Сикион был демократизирован. Затем он предложил сам, с их помощью, совершить революцию, приправив свое предложение сильными протестами отвращения к невыносимому высокомерию и угнетению Спарты: протесты были не лишними, так как он сам, до битвы при Лектре, осуществлял управление своим родным городом в качестве местного агента для ее целей и интересов. Аркадяне и аргейцы, разделяя взгляды Эвфрона, отправили в Сикион большой отряд, под чьим присутствием и при его лице он созвал общее собрание на рыночной площади, провозгласил олигархию низложенной и предложил на будущее равную демократию. Приняв это предложение, он предложил народу выбрать генералов, и, как и следовало ожидать, был выбран он сам с пятью партизанами. У предшествующей олигархии не было на службе наемников под командованием Лисименеса, но эти люди были ошеломлены новым иностранным войском. Теперь Евфрон приступил к их реорганизации, поставил их под командование своего сына Адея вместо Лисименеса и увеличил их численность. Выбрав из них специальную гвардию для своей личной безопасности и став таким образом хозяином города под мнимым видом вождя новой демократии, он начал карьеру самой хищной и кровожадной тирании[580] Он убил нескольких своих коллег и изгнал других. По подозрению в лаконизме он изгнал оптом самых богатых и именитых граждан, конфисковал их имущество, чтобы обеспечить себя деньгами, разграбил общественную сокровищницу и даже лишил храмы всего их богатого запаса освященных золотых и серебряных украшений. Кроме того, он приобрел себе сторонников, освободив множество рабов, возведя их в гражданство и, вероятно, зачислив в свой наемный отряд.[581] Власть, которую он таким образом приобрел, стала очень велика. Захваченные деньги позволяли ему не только регулярно платить своим многочисленным наемникам, но и подкупать ведущих аркадян и аргейцев, так что они попустительствовали его беззакониям; в то время как он был готов и активно действовал в поле, чтобы оказать им

военную поддержку. Фиванский хармост все еще удерживал акрополь со своим гарнизоном, хотя Евфрон был хозяином города и гавани.

Во время расцвета власти Эвфрона в Сикионе соседний город Флий был сильно потеснен. Флийцы оставались верны Спарте на протяжении всех ее несчастий, несмотря на непрекращающиеся военные действия со стороны Аргоса, Аркадии, Пеллена и Сикиона, которые уничтожали их урожай и причиняли им серьезные лишения. Я уже рассказывал, что в 369 году до н. э., незадолго до форсирования Эпаминондом линии Онея, город Флиус, застигнутый врасплох своими же изгнанниками при помощи элейцев и аркадян, спасся только благодаря отчаянной храбрости и сопротивлению своих граждан.^[582] В следующем, 368 году до н. э, аргейские и аркадские войска снова опустошили Флизийскую равнину, нанеся большой урон, но не без потерь для себя при отходе, от нападения отборных флизийских гоплитов и некоторых афинских всадников из Коринфа.^[583] В следующем 367 году до н.э, Евфрон предпринял второе вторжение на территорию Флии, со своими наемниками в количестве двух тысяч человек, вооруженными силами Сикиона и Пеллена, а также фиванским гарнизоном из акрополя Сикиона. Прибыв к Флии, сикионцы и пелленцы расположились у ворот города, выходящих в сторону Коринфа, чтобы противостоять любому нападению изнутри; остальные захватчики совершили обход через возвышенность *Трикаранум* (она была укреплена аргейцами и удерживалась их гарнизоном), чтобы подойти и опустошить флийскую равнину. Но филийская конница и гоплиты так храбро сопротивлялись им, что не позволили им распространиться по равнине и нанести урон, пока в конце дня они не отступили, чтобы присоединиться к сикионцам и пелленцам. От последних, однако, их отделял овраг, из-за которого им пришлось совершить длинный обход; тогда как флиасийцы, пройдя более короткой дорогой под своими стенами, заранее достигли сикионцев и пелленцев, на которых они энергично напали и победили с потерями. Евфрон со своими наемниками и фиванской дивизией прибыл слишком поздно, чтобы предотвратить беду, которую они не попытались исправить^[584].

Выдающийся пелленский гражданин по имени Проксен попал сюда в плен, но флиасийцы, несмотря на все свои страдания, отпустили его без выкупа. Этот акт великодушия в сочетании с потерями, понесенными пелленцами в недавней войне, а также с недавними олигархическими контрреволюциями, отделившими другие ахейские города от Фив, изменил политику Пеллена и привел к миру между этим городом и Флием.^[585] Такое присоединение принесло ощутимое облегчение - можно сказать, почти спасение - флизийцам в условиях жестокого обнищания; ведь даже необходимое пропитание, за исключением того, что добывалось мародерскими набегами на врага и закупалось в Коринфе, было трудно оплатить и еще труднее доставить домой, столкнувшись с врагом. С помощью афинского полководца Хареса и его наемных войск из Коринфа они смогли перевезти свои семьи и невоенное население в Пеллен, где горожане предоставили им любезный приют. Военные флиасийцы, проводя запасы провианта во Флиус, прорвались и разгромили засаду врага на своем пути, а затем вместе с Харесом захватили форт Фиамия, который сикионцы укрепляли как агрессивный пост на своих границах. Форт стал не только защитой Флиуса, но и средством агрессии против врага, обеспечивая также большие возможности для доставки провизии из Коринфа^[586].

Другая причина, как этих успехов, так и общего облегчения флизийцев, проистекала из смятенного положения дел в Сикионе. Тирания Евфрона стала настолько невыносимой, что аркадяне, которые помогли ему возвыситься, пришли в отвращение. Иней Стимфала, генерал коллективных аркадских сил, отправился с войском в Сикион, присоединился к фиванскому гарнизону в Акрополе и созвал там сикионских *знатных людей* на собрание.

Под его защитой свободно проявились сильные настроения против Эфрона, и было решено отозвать многочисленных изгнанников, которых он изгнал без суда и следствия. Опасаясь гнева этих многочисленных и злейших врагов, Эвфрон счел благоразумным удалиться со своими наемниками в гавань; туда он пригласил лакедемонянина Пасимакла с частью коринфского гарнизона и сразу же объявил себя открытым приверженцем Спарты. Гавань, отдельный город и укрепление на небольшом расстоянии от города (как Лехейм от Коринфа), таким образом, удерживалась спартанцами и для спартанцев; Сикион же придерживался фиванцев и аркадян. Однако в самом Сикионе, хотя он и был эвакуирован Евфроном, все еще сохранялись жестокие разногласия. Вернувшиеся изгнанники, вероятно, были настроены реакционно; более скромные граждане боялись потерять недавно приобретенные политические привилегии; а освобожденные рабы еще больше боялись потерять ту свободу, которую дала им недавняя революция.

Поэтому у Евфрона оставалось так много сторонников, что, получив из Афин подкрепление в виде наемных войск, он смог вернуться в Сикион и снова утвердиться в качестве хозяина города вместе с народной партией. Но поскольку его противники, главные люди в этом месте, нашли убежище вместе с фиванским гарнизоном в акрополе, который он тщетно пытался взять штурмом, [587] его владение даже городом было весьма шатким, пока не удастся удалить столь грозных соседей. Поэтому он решил посетить Фивы, надеясь получить от властей приказ изгнать своих противников и во второй раз передать Сикион под свою власть. На каких основаниях, после столь недавнего перехода на сторону спартанцев, он надеялся на успех, мы не знаем; разве что он взял с собой большую сумму денег для подкупа. [588] Его сикионские противники, встревоженные тем, что ему действительно удастся добиться своего, последовали за ним в Фивы, где их тревога еще более усилилась, когда они увидели его в знакомом общении с магистратами. Под влиянием первого порыва ужаса и отчаяния они убили Евфрона среди бела дня - на Кадмее и даже перед дверями фиванского сената, где заседали и магистраты, и сенат.

За столь явный акт насилия их, разумеется, немедленно схватили и предали суду сената. Магистраты приговорили их к высшей мере наказания - смерти, настаивая на чудовищности и даже наглости возмущения, совершенного почти на глазах у властей, а также на священном долге защитить не только величие, но и безопасность города, показательно наказав пренебрегших его законами. Сколько человек было замешано в этом деле, мы не знаем. Все, кроме одного, отрицали фактическое участие рук, но этот один откровенно заявил об этом и встал, чтобы оправдаться перед фиванским сенатом. Он говорил по существу почти следующее, подхватывая язык обвиняющих магистратов: "Презирать вас я не могу.

"Презирать вас я не могу, жители Фив, ибо вы хозяева моей личности и жизни". Я убил этого человека на других основаниях: во-первых, я был убежден, что поступаю справедливо; во-вторых, я верил в ваш праведный суд. Я знал, что *ты* не стал дожидаться суда и приговора, чтобы расправиться с Архиасом и Ипатесом, [589] которых ты поймал после карьеры, подобной карьере Евфрона, - но наказал их при первой же возможности, будучи уверен, что люди, проявившие себя в святотатстве, измене и деспотизме, уже осуждены всеми людьми. А разве не был виновен во всех этих преступлениях и Евфрон? Разве не он нашел храмы, полные золотых и серебряных подношений, и обдирал их до нитки? Разве может быть более явный предатель, чем человек, который, пользуясь благосклонностью и поддержкой Спарты, сначала предал ее вам, а затем, получив от вас все знаки доверия, предал вас ей, отдав Сикионскую гавань вашим врагам? Разве он не был деспотом без удержу, человеком, который возвысил рабов не только до свободных, но и до граждан, человеком, который

лишал жизни, изгонял или убивал не преступников, а всех, кого выбирал, и больше всего - главных граждан? А теперь, после тщетной попытки вместе с вашими врагами афинянами изгнать силой из Сикиона ваш гарнизон, он собрал большой запас денег и прибыл сюда, чтобы обратить их в свою пользу. Если бы он собрал против вас оружие и солдат, вы бы благодарили меня за то, что я его убил. Как же ты можешь наказывать меня за то, что я отдал ему должное, когда он пришел с деньгами, чтобы развратить тебя и снова купить у тебя власть над Сикионом, к твоему собственному позору, а также к позору вождя? Если бы он был моим врагом и твоим другом, я, несомненно, поступил бы неправильно, убив его в твоём городе; но поскольку он предатель, обманувший тебя, чем он больше мой враг, чем твой? Мне скажут, что он пришел сюда по своей воле, доверившись законам города. Что ж! Ты бы поблагодарил меня за то, что я убил его где-нибудь за пределами Фив; почему же не в Фивах, когда он пришел сюда только для того, чтобы причинить тебе новое зло в дополнение к прежнему? Где у греков безнаказанность хоть раз была обеспечена предателям, дезертирам или деспотам? Вспомните, что вы приняли решение о том, что изгнанники из любого из ваших союзных городов могут быть схвачены как преступники в любом другом. Теперь Евфрон - осужденный изгнанник, который осмелился вернуться в Сикион без всякого голосования общего собрания союзников. Как может кто-то утверждать, что он не понес справедливую смерть? В заключение скажу вам, фиванцы: если вы предадите меня смерти, вы сделаете себя мстителями своего злейшего врага, если же вы признаете, что я поступил правильно, вы публично проявите себя как справедливые мстители, как от своего имени, так и от имени всех ваших союзников"[590].

Эта впечатляющая речь побудила фиванский сенат объявить, что Эвфрон получил по заслугам. Вероятно, оно исходило от одного из главных граждан Сикиона, среди которых было большинство как врагов, так и жертв покойного деспота. Оно характерным образом апеллировало к той части греческой морали, которая относилась к людям, которые сами своими преступлениями обеспечивали себе безнаказанность; против которых не существовало законной силы, способной защитить других, и которые поэтому считались не имеющими права на защиту, если кинжалы других могли когда-либо до них дотянуться. Тираноубийца уверенно апеллирует к этому настроению, распространенному во всех свободных греческих городах. Оно нашло горячее одобрение в фиванском сенате и, вероятно, нашло бы такое же одобрение, если бы было изложено с таким же акцентом, в большинстве греческих сенатов или собраний в других местах.

Однако в Сикионе царили совершенно иные настроения. Тело Евфрона было перевезено туда и удостоилось почетной чести быть похороненным на рыночной площади.[591] Там, вместе с его могилой, была возведена часовня, в которой ему поклонялись как Archêgetês, или герою-покровителю и второму основателю города. Ему воздавались те же почести, что и Брасидасу в Амфиполе. Более скромные граждане и рабы, которым он даровал свободу и политические права - или хотя бы название политических прав, - вспоминали его с благодарным восхищением как своего благодетеля, забывая или оправдывая те жестокости, которые он творил с их политическими противниками. Такова возмездие Немезиды, которое всегда угрожает, а иногда и настигает олигархию, лишаящую массу граждан политических привилегий. Таким образом, создается ситуация, позволяющая какому-нибудь амбициозному и энергичному гражданину оказать благосклонность и завоевать популярность среди многих, и таким образом приобрести власть, которая, независимо от того, используется она или нет на благо многих, идет вразрез с их антипатиями, когда она унижает или сокрушает ранее монополизировавших ее немногих.

На основании этих высказываний можно предположить, что правительство Сикиона стало демократическим. Но провокационная краткость Ксенофонта не сообщает нам ни о последующих договоренностях с фиванским гарнизоном в акрополе, ни о том, как возникли кишечные разногласия между демократией в городе и беженцами в цитадели, ни о том, что стало с теми гражданами, которые убили Евфрона. Мы узнаем только, что вскоре после этого гавань Сикиона, которую Евфрон удерживал совместно с лакедемонянами и афинянами, была оставлена без должной защиты после отзыва последних в Афины; соответственно, она была вновь взята силами города при поддержке аркадян[592].

Судя по всему, эти действия Евфрона (от первого провозглашения им демократии в Сикионе и реального приобретения деспотии для себя до его смерти и восстановления гавани) происходили в течение 367 г. до н. э. и первой половины 366 г. до н. э. Никакой такой враг, вероятно, не появился бы, чтобы смутить Фивы, если бы политика, рекомендованная Эпаминондасом в Ахайе, не была отменена, а сам он не попал под неудовольствие своих соотечественников. Его влияние также, вероятно, было ослаблено, а политика Фив пострадала в худшую сторону из-за случайного отсутствия его друга Пелопида, который в то время находился с миссией при персидском дворе в Сузах. Такое путешествие и возвращение с выполнением порученных дел должно было занять большую часть 367 года до н. э., а завершилось, вероятно, возвращением посланников в начале 366 года до н. э.

Ведущие фиванцы были встревожены речами Филиска, который за несколько месяцев до этого прибыл в качестве посланника сатрапа Ариобарзанеса и угрожал использовать азиатские деньги в интересах Афин и Спарты против Фив, хотя его угрозы, похоже, так и не были реализованы, а также присутствием лакедемонянина Эвтикла (после неудачи Анталкида[593]) при персидском дворе, просящего помощи. Кроме того, Фивы теперь претендовали на главенство в Греции, по крайней мере, не хуже, чем любой из двух ее соперников, а после рокового примера, поданного Спартой во время мира, названного именем Анталкида в 387 году до н. э., и повторенного Афинами после битвы при Лейктре в 371 году до н. э., стало своего рода признанной модой, что ведущее греческое государство должно высуживать свой титул из внушающего ужас рескрипта Великого царя и объявлять себя исполняющим условия, продиктованные им. На этой почве заимствованного возвышения Фивы теперь пытались занять свое место. В ее случае была особая причина, которая могла бы частично оправдать значение, придаваемое ей ее лидерами. Основание двух новых городов, Мегалополя и Мессены, было почти главным актом ее политики. Жизнеспособность и шансы на продолжительность существования обоих городов, особенно последнего, которому приходилось противостоять неистребимой враждебности Спарты, были бы значительно улучшены при существующем состоянии греческого ума, если бы они были признаны автономными в соответствии с персидским рескриптом. Для достижения этой цели Пелопид и Исменас отправились в качестве посланников в Сузы, несомненно, под формальным голосованием союзного синода, поскольку их сопровождали аркадянин Антиох, знаменитый панкратиаст, элейский Архидам и гражданин из Аргоса. Осведомленные об этом, афиняне также отправили в Сузы Тимагора и Леона, и мы с некоторым удивлением читаем, что эти враждебные посланники отправились туда в одной и той же компании[595].

Пелопид, хотя и отказался совершить обычную церемонию прострации, [596] был благосклонно принят персидским двором. Ксенофонт, который описывает всю эту процедуру в несправедливой манере по отношению к фиванцам, забывая, что они теперь лишь копировали пример Спарты, добиваясь персидской помощи, утверждает, что его ходатайству немало способствовало воспоминание о древнем союзе Фив с Ксерксом против Афин и Спарты во время битвы при Платее; а также тот факт, что Фивы не только отказались

поддержать, но и фактически уценили экспедицию Агесилая в Азию. Можно, пожалуй, усомниться в том, что эти доводы имели большое значение, как и прямолинейное красноречие Пелопида, столь восхваляемое Плутархом,^[597] которое могло дойти до персидских ушей только через переводчика. Но главным фактом, который должен был знать великий царь, было то, что фиванцы одержали победу при Лектре; что впоследствии они еще больше подорвали славу Спарты, пронеся свое оружие через Лаконию и освободив завоеванную половину страны; что когда они уже не были в Пелопоннесе, их союзники аркадяне и аргейцы были позорно разбиты лакедемонянами (в битве без слез). Подобные хвастовства Пелопида, подтвержденные как факты даже афинским Тимагором, должны были убедить персидских министров в том, что в их интересах установить господство над Грецией через Фивы, а не через Спарту. Поэтому Пелопид, спрошенный Великим царем, какого рода рескрипт он желает, получил свои условия. Мессена была объявлена автономной и независимой от Спарты: Амфиполь также объявлялся свободным и автономным городом: афинянам предписывалось разойтись по домам и заложить свои военные корабли, находящиеся в строю, под страхом персидского вмешательства в случае неповиновения. Кроме того, Фивы объявлялись главным городом Греции, а любой город, отказывающийся следовать ее руководству, грозил немедленным принуждением персидской силой.^[598] Что касается спорных вопросов между Элидой и Аркадией (первая претендовала на суверенитет над Трифилией, которая исповедовала себя аркадской и была принята в аркадское сообщество), рескрипт высказался в пользу элейцев;^[599] вероятно, по просьбе Пелопида, поскольку между фиванцами и аркадянами теперь существовала большая вражда.

Леон Афинянин протестовал против персидского рескрипта, заметив вслух, когда услышал его чтение: "Клянусь Зевсом, афиняне, я думаю, что вам пора искать себе другого друга, кроме Великого Царя". Это замечание, сделанное в присутствии царя и переведенное ему, привело к следующему дополнению к рескрипту: "Если афиняне хотят предложить что-то более справедливое, пусть придут к царю и сообщат ему". Однако столь неопределенное изменение мало успокоило ропот афинян. По возвращении двух посланников в Афины Леон обвинил своего коллегу Тимагора в том, что тот не только отказался сотрудничать с ним во время путешествия, но и потворствовал целям Пелопида, был замешан в изменнических обещаниях и получал крупные взятки от персидского царя. По этим обвинениям Тимагор был осужден и казнен.^[600] Аркадский посланник Антиох был так же возмущен рескриптом; он отказался даже принять такие подарки формальной вежливости, которые были предложены всем и приняты самим Пелопидом, который, однако, строго отказался от всего остального. Поведение этого выдающегося фиванца резко контрастировало с крупными приобретениями афинского Тимагора.^[601] Антиох, вернувшись в Аркадию, отчитался о своей миссии перед панаркадским синодом, названным Десятитысячным, в Мегалополе. Он в самых презрительных выражениях отозвался обо всем, что видел при персидском дворе. Там было (по его словам) много пекарей, поваров, виночерпиев, носильщиков и т. д., но что касается людей, способных сражаться с греками, то, хотя он и присматривался к ним, не увидел ни одного; и даже хваленая золотая чинара была недостаточно велика, чтобы дать тень кузнечнику^[602].

С другой стороны, элейский посланник вернулся с чувством удовлетворения, а фиванцы - с триумфом. Депутаты от каждого из союзных городов были приглашены в Фивы, чтобы выслушать персидский рескрипт. Его предъявил местный перс, их официальный спутник из Суз - первый перс, которого, вероятно, видели в Фивах со времен, непосредственно

предшествовавших битве при Платее, - который, выставив царскую печать, зачитал документ вслух, как это сделал сатрап Тирибаз по случаю Анталкидского мира[603].

Но хотя фиванские вожди и копировали поведение Спарты как в средствах, так и в целях, они отнюдь не встретили столь же готового согласия, когда призвали присутствующих депутатов принести клятву рескрипту, Великому царю и Фивам. Все они ответили, что прибыли с инструкциями, уполномочивающими их выслушать и доложить, но не более того, и что вопрос о принятии или отклонении должен решаться в их городах. Но и это было не самое худшее. Ликомед и другие депутаты из Аркадии, и без того ревнивые к Фивам и, несомненно, еще более отчужденные гневным докладом своего посланника Антиоха, пошли еще дальше и заявили общий протест против главенства Фив, утверждая, что синод должен проводиться не постоянно в этом городе, а в месте военных действий, где бы оно ни находилось. Возмущенные такими словами, фиванцы обвинили Ликомеда в нарушении главного принципа конфедерации, после чего он и его аркадские товарищи немедленно удалились и отправились домой, заявив, что больше не будут заседать в синоде. Остальные депутаты, похоже, последовали его примеру. В самом деле, поскольку они отказались присягу, которую им принесли, специальная цель синода была потеряна.

Потерпев неудачу в коллективном общении с союзниками, фиванцы решили испытать эффективность индивидуальных обращений. Они отправили посланников с персидским рескриптом в руках, чтобы те последовательно посетили города, призывая каждый из них к принятию клятвы верности. Каждый город в отдельности (думали они) побоится отказаться под угрозой объединенной вражды со стороны Великого царя и Фив. Они были настолько уверены в ужасе царского имени и печати, что обратились с этим призывом не только к городам, состоящим с ними в союзе, но даже к нескольким из своих врагов. Сначала их посланники изложили свое предложение в Коринфе, городе, который не только не враждовал с ними, но даже служил центром действий афинских и лакедемонских войск для охраны линии Онея и предотвращения проникновения фиванской армии в Пелопоннес. Но коринфяне полностью отвергли это предложение, отказавшись официально связать себя какими-либо общими клятвами по отношению к персидскому царю. Подобный отказ посланники получили и в Пелопоннесе, если не от всех посещенных городов, то, по крайней мере, от столь значительной их части, что миссия была полностью провалена. Таким образом, рескрипт, который Фивы с таким трудом добыли, оказался практически недейственным в подтверждении или укреплении ее главенства;[604] хотя, несомненно, сам факт, что он включал и признавал Мессену, способствовал укреплению жизнеспособности и возвышению достоинства этого новорожденного города.

Стремясь добиться от персов признания их главенства во всей Греции, фиванцы, естественно, посетили Фессалию и северные районы, а также Пелопоннес. Похоже, что Пелопид и Исмения сами взяли на себя эту миссию, а во время ее выполнения они были схвачены и заключены в тюрьму Александром Ферейским. Этот деспот, по-видимому, под мирными предлогами вышел им навстречу в Фарсале. Они надеялись убедить его, как и других фессалийцев, принять персидский рескрипт; на примере Коринфа мы видим, что они испробовали свои силы убеждения как на врагах, так и на друзьях. Но коринфяне, отказав в просьбе, тем не менее соблюли общественную мораль, свято соблюдаемую в Греции даже между врагами, и отпустили посланников (был ли среди них Пелопид, мы не можем утверждать) в целости и сохранности. Но не таков был тиран Фере. Увидев, что Пелопида и Исмения не сопровождают никакие военные силы, он схватил их и увез в Ферею как пленников.

Как ни вероломно было это действие, оно оказалось очень выгодным для Александра. Личное значение Пелопида было столь велико, что его заключение в тюрьму навело ужас на фиванских партизан в Фессалии и побудило некоторых из них подчиниться деспоту Фере, который, кроме того, послал известить афинян о его пленении и попросить их помощи против надвигающейся мести Фив. Афиняне были очень впечатлены этой новостью и рассматривали Александра как второго Ясона, способного остановить угрожающее восхождение их соседа и соперника. ^{605]} Они немедленно отправили ему на помощь тридцать трирем и тысячу гоплитов под командованием Автоклеса, который, не имея возможности пройти через Еврип, когда Беотия и Эвбея были враждебны Афинам, был вынужден обогнуть последний остров. Он достиг Феры как раз вовремя, потому что фиванцы, разгневанные захватом Пелопида, без промедления отправили восемь тысяч гоплитов и шестьсот конников, чтобы вернуть его или отомстить за него. К несчастью для них, Эпаминондас не был вновь избран полководцем после прошлогоднего разбирательства в Ахайе. Теперь он служил в рядах гоплитов, а командование осуществлял Клеомен с другими беотархами. Когда они вошли в Фессалию, к ним присоединились различные союзники в этой стране. Но армия Алекса андера, при поддержке афинян и под командованием Автоклеса, оказалась очень грозной, особенно в коннице. Фессалийские союзники Фив, действуя со свойственным им вероломством, дезертировали в час опасности, и предприятие, столь трудное и опасное, стало неосуществимым из-за некомпетентности бётархов. Не имея возможности выступить против Александра и афинян, они были вынуждены отступить на родину. Но их генералитет был настолько неумелым, а вражеская конница настолько активной, что вся армия оказалась под угрозой голода или уничтожения. Теперь их не спасало ничто, кроме присутствия в рядах простых солдат Эпаминондаса. Возмущенная и встревоженная, вся армия объединилась, чтобы сместить своих генералов, и в один голос призвала его выволить их из беды. Эпаминондас принял на себя эту обязанность, в полном порядке организовал отступление, принял на себя командование арьергардом, отбил все атаки врага и благополучно провел армию обратно в Фивы^[606].

Этот памятный подвиг, опозорив неудачливых беотархов, которые были приговорены к штрафу и отстранению от должности, как никогда поднял репутацию Эпаминондаса среди его соотечественников. Но неудача экспедиции на время стала смертельным ударом по влиянию Фив в Фессалии, где Александр теперь царствовал победоносно и неодолимо, а Пелопид все еще находился в своей темнице. Жестокость и притеснения, во все времена привычные для деспота Фере, были доведены до предела, превосходящего все прежние параллели. Помимо других жестоких деяний, о которых мы читаем с ужасом, он, как говорят, окружил своей военной силой безоружных граждан Мелибеи и Скотусы и массово их истребил. В таких руках жизнь Пелопида висела на волоске, но сам он, с тем личным мужеством, которое никогда его не покидало, держал язык непоколебимого вызова и провокации против тирана. Многие фессалийцы и даже жена Александра Феба проявили большое сочувствие к столь прославленному пленнику, и Александр, опасаясь навлечь на себя непримиримую вражду Фив, был вынужден пощадить его жизнь, хотя и оставил его в плену. Его заточение, похоже, тоже длилось некоторое время, прежде чем фиванцы, обескураженные неудачей, были готовы предпринять вторую экспедицию.

В конце концов они отправили туда отряд, которым в этот раз командовал Эпаминондас. Известность его имени собрала много сторонников в стране; его благоразумие, как и военное мастерство, было ярко продемонстрировано, когда он победил и запугал Александра, но не довел его до такого отчаяния, которое могло бы оказаться фатальным для

пленника. В конце концов деспот был вынужден отправить посольство с оправданием своего недавнего насилия, предложением восстановить Пелопида и просьбой принять его в мир и союз с Фивами. Но Эпаминондас согласился лишь на временное перемирие[607], сопровождавшееся обязательством эвакуировать Фессалию; в обмен он потребовал освобождения Пелопида и Исмении. Его условия были приняты, и он с удовольствием доставил своего освобожденного друга в безопасное место в Фивы. Однако, хотя эта главная цель была достигнута, очевидно, что он не вернул Фивам того влияния в Фессалии, которым они пользовались до захвата Пелопида.[608] Это событие с его последствиями все еще оставалось ударом для Фив и выгодой для Александра; он снова стал хозяином всей или большей части Фессалии, вместе с Магнетами, фтиотами-ахейцами и другими зависимыми от Фессалии народами, сохраняя без ущерба свое влияние и связи в Афинах[609].

Пока фиванское оружие теряло позиции в Фессалии, на другой стороне Беотии в его пользу был завоеван важный пункт. Ороп, расположенный на северо-восточной границе Аттики, примыкающей к Беотии, был захвачен и отвоеван у Афин группой изгнанников, переправившихся из Эретрии в Эвбею, при содействии Фемисона, деспота упомянутого города. Он не раз терялся и вновь обретался между Афинами и Фивами; будучи, по-видимому, по своему происхождению беотийским, он никогда не был включен в качестве дэмы или равноправного члена афинского сообщества, а только признавался зависимым от Афин; хотя, поскольку он находился близко к границе, многие из его жителей были также гражданами Афин, де мот соседней дэмы Грæа.[610] Совсем недавно, в период, непосредственно предшествовавший битве при Лейктре, между Афинами и Фивами происходил обмен гневными репликами по поводу части оропийской территории. В то время фиванцы были вынуждены уступить, а их партизаны в Оропе были изгнаны.[611] Именно эти партизаны, благодаря помощи Фемисона и эретрийцев, теперь вернулись, чтобы вновь завладеть Оропом и, несомненно, изгнать главных граждан, дружественно настроенных к Афинам.[612] Сенсация, произведенная среди афинян, была столь велика, что они не только выступили в поход со всеми своими силами, чтобы вернуть это место, но и отозвали своего генерала Хареса с наемными войсками, которыми он командовал на территории Коринфа и Флиуса. Кроме того, они попросили помощи у коринфян и других своих союзников в Пелопоннесе. Эти союзники не подчинились призыву, но одних афинских сил хватило бы, чтобы вернуть Ороп, если бы фиванцы не заняли его так, что он стал недосыгаем для их нападения. Афины были вынуждены согласиться на его занятие, хотя и с протестом, и с пониманием того, что спорное право должно быть передано на рассмотрение беспристрастного арбитра[613].

Захват Оропа имел не одно существенное последствие. Из-за отзыва Хареса из Коринфа сикионская гавань больше не могла удерживаться против сикионцев в городе, которые с помощью аркадян отвоевали ее, так что и город, и гавань снова оказались в лиге фиванцев и аркадян. Кроме того, Афины стали недовольны своими пелопоннесскими союзниками за то, что они проигнорировали ее вызов по чрезвычайной ситуации в Оропусе, хотя афинские войска постоянно находились на службе для защиты Пелопоннеса от фиванцев. О росте таких настроений в Афинах стало известно мантинейцу Ликомеду, самому способному и честолюбивому вождю Аркадии, который не только ревновал к преобладанию фиванцев, но и формально порвал с ними на синоде, созванном для получения персидского рескрипта.[Стремясь отторгнуть аркадян как от Фив, так и от Спарты, Ликомед, воспользовавшись недовольством Афин, начал переговоры с этим городом, уговорив большинство аркадских десяти тысяч отправить его туда послом. Афиняне с трудом приняли

его предложение, поскольку между ними и Спартой существовал союз. Но им напомнили, что отторжение аркадян от Фив не в меньшей степени отвечает интересам Спарты, чем Афин, и тогда Ликомеду был дан положительный ответ. Последний сел на корабль в Пирее, чтобы вернуться, но так и не добрался до Аркадии, так как случайно высадился в том месте, где собрались аркадские изгнанники противоположной партии, и эти люди сразу же предали его смерти.^[615] Однако, несмотря на его смерть, союз между Аркадией и Афинами все же состоялся, хотя и не без сопротивления.

В течение этого года Фивы были заняты неудачной кампанией в Фессалии (о которой уже упоминалось) по спасению Пелопида, что лишило их возможности эффективно действовать в Пелопоннесе. Но как только это спасение было совершено, Эпаминондас, ее величайший человек и единственный выдающийся оратор, был отправлен в Аркадию, чтобы совместно с посланником из Аргоса предложить дипломатическое препятствие предложенному афинскому союзу. Он должен был выступить против Каллистрата, самого выдающегося оратора в Афинах, который был послан своими соотечественниками, чтобы отстаивать их интересы среди аркадских десяти тысяч, и который, среди прочих аргументов, осуждал те беззакония, которые омрачали героические легенды как Фив, так и Аргоса. "Разве Орест и Алкмеон, оба убийцы своих матерей (спрашивает Каллистрат), не были уроженцами Аргоса? Разве Эвдип, убивший своего отца и женившийся на своей матери, не был уроженцем Фив?" - "Да (ответил Эпаминондас), были. Но Каллистрат забыл сказать тебе, что эти люди, пока жили дома, были невиновны или считались таковыми. Как только стало известно об их преступлениях, Аргос и Фивы изгнали их; и тогда Афины приняли их, запятнанных признанной виной"^[616] Этот умный ответ во многом говорит в пользу риторического мастерства Эпаминонда; но в целом его речь не имела успеха. Аркадяне заключили союз с Афинами, но без формального отказа от дружбы с Фивами.

Как только этот новый союз был ратифицирован, Афинам стало важно обеспечить себе свободный и гарантированный вход в Пелопоннес; в то же время недавняя медлительность коринфян в отношении вызова в Оропус заставляла ее сомневаться в их верности. Поэтому афинское собрание по предложению гражданина Демотиона приняло решение захватить и оккупировать Коринф; в разных местах коринфской территории уже находились разрозненные афинские гарнизоны, которые можно было сосредоточить и использовать для этой цели. Флот и сухопутные войска под командованием Хареса были подготовлены и отправлены. Но, достигнув коринфского порта Кенхрея, Харес обнаружил, что ему не разрешают даже войти. Предложение о понижении в должности и решение афинян стали известны коринфянам, которые немедленно поднялись на стражу, послали своих солдат на помощь различным афинским заставам на своей территории и призвали последних отказаться от всех жалоб на , которые они могли обосновать, поскольку в их услугах больше не нуждались. Харес сделал вид, что узнал о том, что Коринфу угрожает опасность. Но и он, и остальные афиняне были уволены, хотя и со всеми выражениями благодарности и вежливости^[617].

Таким образом, коварный замысел Афин был сорван, и коринфяне на время оказались в безопасности. Однако их положение было шатким и неудобным, ведь их враги, Фивы и Аргос, уже были их хозяевами на суше, а Афины теперь превратились из союзника во врага. Поэтому они решили собрать достаточное количество наемников на свое собственное жалованье;^[618] но, обеспечив таким образом военную безопасность, они отправили посланников в Фивы, чтобы начать переговоры о мире. Фиванцы разрешили им отправиться и посоветоваться со своими союзниками, а также заключить мир совместно с теми, кто мог бы разделить их взгляды. Поэтому коринфяне отправились в Спарту и изложили свое дело

перед полным синодом союзников, созванным по этому случаю. "Мы находимся на грани разорения (говорил коринфский посланник) и должны заключить мир. Мы с радостью заключим его вместе с вами, если вы согласитесь; но если вы считаете нужным продолжать войну, не будьте недовольны, если мы заключим мир без вас". Эпидавры и флиасийцы, доведенные до такого же бедственного положения, в тех же выражениях выражали усталость и нетерпение к миру[619].

В Фивах убедились, что нельзя принимать никаких предложений о мире, которые не содержали бы формального признания независимости Мессены. С этим без труда согласились коринфяне и другие союзники Спарты. Но они тщетно пытались убедить саму Спарту пойти на такую же уступку. Спартанцы решительно отказались отказаться от территории, унаследованной от победоносных предков и удерживаемой в течение столь долгого времени. Они с еще большим негодованием отвергли идею признать свободными греками и равными соседями тех, кто так долго был их рабами; они заявили о своей решимости продолжать войну, даже в одиночку и со всеми ее опасностями, чтобы вернуть утраченное;[620] и хотя они не могли прямо запретить коринфянам и другим союзникам, для которых война стала невыносимой, заключать для себя отдельный мир, они все же дали лишь неохотное согласие. Архидам, сын Агесилая, даже упрекнул союзников в робком эгоизме, отчасти в том, что они бросили свою благодетельницу Спарту в трудную минуту, отчасти в том, что они рекомендовали ей пойти на жертву, губительную для ее чести.[621] Спартанский принц призывал свою страну мужчин, во имя всего их древнего достоинства, отвергнуть мандаты Фив; не уклоняться ни от усилий, ни от опасности для повторного завоевания Мессены, даже если им придется сражаться одним против всей Греции; и превратить свое военное население в постоянный лагерь, отослав своих женщин и детей в убежище в дружественных иностранных городах.

Хотя спартанцы не были склонны принять отчаянные предложения Архидама, этот важный съезд закончился разрывом между ними и их союзниками. Коринфяне, флиасийцы, эпидавры и другие отправились в Фивы и заключили мир, признав независимость Мессены и утвердив независимость каждого отдельного города на его собственной территории, без обязательного союза или главенства со стороны какого-либо города. Однако когда фиванцы предложили им заключить союз, они отказались, заявив, что это было бы лишь вступлением в войну с другой стороной, тогда как они жаждали мира. Мир был заключен на условиях, указанных в персидском рескрипте, в части, касающейся общей автономии каждого отдельного города, в частности Мессены, но не включающей никаких санкций, прямых или косвенных, на фиванское главенство[622].

Этот договор вывел из войны и поставил в положение нейтралитета значительное число греческих государств, главным образом те, что находились вблизи перешейка, - Коринф, Флий, Эпидавр; вероятно, Трезен и Гермiona, поскольку мы не находим их повторного упоминания среди враждующих сторон. Но более могущественные государства, Фивы и Аргос, Спарта и Афины,[623] оставались в состоянии войны, а также Аркадия, Ахайя и Элида. Отношения между этими государствами, однако, теперь несколько осложнились: Фивы были в войне со Спартой и в союзе, хотя и не совсем сердечном, с аркадянами; Афины же были в войне с Фивами, но в союзе со Спартой, а также с Аркадией. Аргеи были в союзе с Фивами и Аркадией и в войне со Спартой; элейцы были в недружественных отношениях с Аркадией, хотя еще не находились в настоящей войне, но все еще (как кажется) в союзе с Фивами. Наконец, сами аркадяне теряли внутреннее сотрудничество и согласие друг с другом, которое началось совсем недавно. Среди них формировались две партии под старыми противоречивыми эгидами Мантинеи и Тегеи. Тегея, занятая фиванским гарнизоном, упорно

держалась с Мегалополем и Мессеной, а также с Фивами, составляя таким образом сильную и единую границу против Спарты.

Как спартанцы жаловались на своих пелопоннесских союзников за то, что те настаивали на признании Мессены независимым государством, так они были не менее возмущены персидским царем, который, хотя и называл себя их союзником, включил то же признание в рескрипт, пожалованный Пелопиду.^[624] Афиняне также были недовольны этим рескриптом. Они (как уже говорилось) приговорили к смерти Тимагора, одного из своих посланников, сопровождавших Пелопида, за получение взятки. Теперь они воспользовались возможностью, оставленной для них в самом тексте рескрипта, чтобы отправить новое посольство к персидскому двору и выпросить более выгодные условия. Их новые посланники, сообщив, что Тимагор предал свое доверие и был за это наказан, добились от великого царя нового рескрипта, объявлявшего Амфиполь афинским владением вместо свободного города.^[625] Была ли теперь отменена и другая статья прежнего рескрипта, повелевавшая Афинам призвать все свои вооруженные корабли, мы не можем сказать, но это кажется вероятным.

В то же время, когда афиняне отправили второе посольство, они также отправили вооружение под командованием Тимофея к побережью Малой Азии, но с четкими инструкциями не нарушать мир с персидским царем. Агесилай, царь Спарты, отправился на ту же сцену, хотя и без государственных сил; он воспользовался лишь своей давней военной репутацией, чтобы продвигать интересы своей страны в качестве переговорщика. Внимание спартанцев и афинян было обращено теперь непосредственно и специально на фригийского сатрапа Ариобарзанеса, который (как уже говорилось) за два года до этого отправил в Грецию Филиска Абидского с целью либо добиться от фиванцев мира на выгодных для Спарты условиях, либо оказать последним помощь в борьбе с ними.^[626] Ариобарзанес в то время готовил и, по-видимому, уже открыто осуществил свое восстание против персидского царя, для разжигания которого Агесилай использовал все свое влияние. Однако афиняне, желая избежать разрыва с Персией, поручили Тимофею помочь Ариобарзанесу, но с формальной оговоркой, что он не должен нарушать перемирие с великим царем. Они также даровали Ариобарзанесу (с его тремя сыновьями) и Филиску афинское гражданство.^[627] Этот сатрап, похоже, теперь располагал большим наемным войском и владел обеими сторонами Геллеспонта, а также Перинфом на Пропонтиде; в то время как Филиск, как его главный начальник, осуществлял обширное господство, позорящееся тиранией и жестокостью, над греческими городами в этом регионе.

Не имея права открыто помогать восставшему Ариобарзану, Тимофей направил свои силы против острова Самос, которым теперь владел Кипротемис, греческий вождь с военной силой на службе у Тиграна, персидского сатрапа на противоположном материке. Как и когда Тигран приобрел его, мы не знаем; но персы, оставив по Анталкидскому миру в спокойном владении континентальных азиатских греков, естественно, стремились распространить свое господство на соседние острова. Проведя в течение десяти или одиннадцати месяцев военные действия на Самосе с восемью тысячами пельтастов и тридцатью триремами, Тимофей стал его хозяином. Его успех был тем приятнее, что он нашел средства платить и содержать свои войска все это время за счет врагов, не пользуясь ни афинской казной, ни вымогая жертвования у союзников.^[628] Таким образом, Афины получили важное владение, в то время как значительное число саамитян противоположной партии отправилось в изгнание с потерей своего имущества. Поскольку Самос не входил в число законных владений персидского царя, это завоевание не означало войны между ним и Афинами. Действительно, похоже, что восстание Ариобарзанеса и неопределенная верность

различных соседних сатрапов на некоторое время поколебали власть царя и лишили его доходов в этих регионах. Автофрадат, сатрап Лидии, и Мавсол, родной принц Карики под властью Персии, напали на Ариобарзанеса с целью, реальной или притворной, подавить его восстание; они осадили Ассус и Адрамитиум. Но, как говорят, их побудило остановиться личное влияние Агесилая.[629] Поскольку у последнего не было ни армии, ни средств соблазна (кроме, возможно, денег, полученных от Ариобарзанеса), мы можем справедливо предположить, что оба осаждающих не были очень серьезными в этом деле. Более того, через несколько лет мы обнаружим, что оба совместно с Ариобарзаном восстали против персидского царя.[630] Агесилай получил от всех троих денежную помощь для Спарты.[631]

Приобретение Самоса, возвысив репутацию Тимофея, значительно расширило морские владения Афин. Похоже, оно также ослабило власть Великого царя в Малой Азии, склонило жителей, как сатрапов, так и греческих городов, к восстанию и тем самым помогло Ариобарзану, который вознаграждал и Агесилая, и Тимофея. Агесилай получил возможность доставить домой денежную сумму для своих смущенных соотечественников; Тимофей же, отказавшись от денежной помощи, добился для Афин более ценного блага - возвращения во фракийский Херсонес. Ариобарзанес передал ему Сест и Критотеку на этом полуострове; владения вдвойне ценные, поскольку они обеспечивали афинянам частичное владение проходом через Геллеспонт и большую прилегающую территорию для оккупации[632].

Самос и Херсонес были не просто новыми конфедератами-притонами, объединенными в афинский синод. В значительной степени это были новые территории, приобретенные Афинами, которые могли быть заняты афинскими гражданами в качестве переселенцев или клерухов. Большая часть Херсонеса принадлежала афинским гражданам еще со времен первого Мильтиада и после него вплоть до разрушения Афинской империи в 405 году до н. э. Хотя все эти владельцы были тогда изгнаны домой и экспроприированы, они никогда не теряли надежды на благоприятный поворот судьбы и возвращение на родину.[633] Теперь этот момент настал. Формальный отказ от всех частных земельных наделов в Аттике, который Афины провозгласили при создании второй конфедерации в 378 г. до н. э. в качестве средства примирения с морскими союзниками, был забыт теперь, когда она больше не боялась Спарты. Та же система клерухий, которая так сильно дискредитировала ее прежнюю империю, была снова частично запущена. Множество клерухов, или держателей лотов, были отправлены занимать земли на Самосе и в Херсонесе. Эти люди были афинскими гражданами, которые даже в своем иностранном местожительстве оставались гражданами Афин, а их имущество входило в налоговую сетку Афин. Подробности этой важной меры нам неизвестны. На Самосе эмигранты, должно быть, были новыми людьми, поскольку там никогда не было клерухов.[634] Но в Херсонесе старые афинские владельцы, которые были экспроприированы сорок лет назад (или их потомки), несомненно, теперь вернулись и попытались, с большим или меньшим успехом, вернуть свои прежние земли; к ним присоединились группы новых эмигрантов. А Тимофей, закрепившись в Сестии и Критоте, вскоре распространил свои приобретения на Елеус и другие места; таким образом, Афины получили возможность открыто заявить, что весь Херсонес, или, по крайней мере, большая его часть, является ее собственным древним владением, - от крайней северной границы по линии, проведенной через перешеек к северу от Кардии, до Елеуса на его южной оконечности[635].

Эта передача земель на Самосе афинским владельцам в сочетании с возвращением Херсонеса, похоже, вызвала сильную сенсацию во всей Греции, как возрождение амбициозных тенденций со стороны Афин и явный отход от тех бескорыстных обещаний, которые она провозгласила в 378 году до н.э. Даже в афинском собрании граждан по

имени Кидий выразил решительный протест против переселения клерухов на Самос.^[636] Однако, как бы ни была несносна эта мера для критики, ей все же предшествовала завоевательная осада и изгнание многих местных владельцев, она, похоже, не создала для Афин столь серьезных трудностей, как возобновление ее старых прав в Херсонесе. Здесь она вступила в конфликт не только с независимыми городами, такими как Кардия,^[637] которые сопротивлялись ее притязаниям, - и с постоянными владельцами, которых она должна была помочь своим гражданам лишиться собственности, - но и с новым врагом, Котисом, царем Фракии. Этот принц, претендовавший на Херсонес как на фракийскую территорию, уже собирался захватить Сестус, когда Агесилай или Ариобарзанес прогнали его,^[638] чтобы освободить место для Тимофея и афинян.

Уже упоминалось, что Котис,^[639] новый враг фракийцев, но прежде друг и приемный гражданин Афин, был тестем афинского полководца Ификрата, которому он позволил основать и заселить город и поселение под названием Дрис на побережье Фракии. Последние три или четыре года афиняне использовали Ификрата на побережье Македонии и Халкидики, особенно против Амфиополя; но он не взял последнее место и не добился (насколько нам известно) никакого другого успеха; хотя в течение трех лет он тратился на наемного генерала по имени Харидем с войсками. Чем объясняется столь невыгодный результат для такого энергичного человека, как Ификрат, мы сказать не можем. Но в глазах соотечественников он, естественно, предстал в невыгодном свете по сравнению с Тимофеем, который только что овладел Самосом и Херсонесом. Дополнительную причину для недоверия к Ификрату давал и тот факт, что Афины находились в состоянии войны с его тестем Котисом. Поэтому афиняне решили отозвать его и назначить Тимофея^[640] на обширную должность, включавшую Фракию и Македонию, а также Херсонес. Возможно, переменам способствовала партийная вражда между двумя афинскими вождями и их друзьями. Как Ификрат был обвинителем Тимофея за несколько лет до этого, так и последний, возможно, воспользовался возможностью отомстить.^[641] В любом случае, уволенный генерал вел себя так, чтобы оправдать недоверие своих соотечественников; он участвовал в войне вместе со своим тестем Котисом и фактически сражался против Афин.^[642] Он получил в свое распоряжение несколько заложников Амфиополя, сданных ему Гарпалом, что давало большие надежды вымогать сдачу города. Этих заложников он передал на хранение наемному полководцу Харидему, хотя в афинском собрании было принято решение отправить их в Афины. ^{643]} Как только назначение Ификрата было отменено, Харидем сразу же передал заложников самим амфиполитянам, лишив тем самым Афины материального преимущества. Но и это было еще не все. Хотя Харидем три года со своим отрядом служил Афинам при Ификрате, но когда новый полководец Тимофей пожелал вновь привлечь его к службе, он отказался от этого предложения; он увез свои войска на афинских транспортах, чтобы поступить на службу к решительному врагу Афин - Котису, причем совместно с самим Ификратом.^[644] Впоследствии он шел морем из Кардии на службу к другим ее врагам, Олинфу и Амфиполю, когда был захвачен афинским флотом. В этих обстоятельствах его снова уговорили служить Афинам.

Именно против этих двух городов, а также на общее побережье Македонии и Халкидской Фракии Тимофей направил свое первое внимание, отложив на время Котис и Херсонес. В этом предприятии он нашел средство добиться союза с Македонией, которая была враждебна его предшественнику Ификрату. Птолемей Алорский, регент этой страны, убивший предыдущего царя, Александра, сына Аминта, сам был убит (365 г. до н. э.) Пердиккасом, братом Александра.^[645] Пердиккас в первые год или два своего царствования, по-видимому, был дружелюбен, а не враждебен Афинам. Он оказал помощь Тимофею, который направил свои силы против Олинфа и других городов как в халкидской

Фракии, так и на побережье Македонии.[646] Возможно, Олинфская конфедерация вновь набрала силу за годы недавнего спартанского унижения, так что Пердиккас теперь нашел свой счет в помощи Афинам, чтобы покорить или ослабить ее, как его отец Аминтас призвал Спарту с той же целью. Тимофей при содействии Пердиккаса добился больших успехов в этих краях, став хозяином Торонки, Потидеи, Пидны, Метона и других мест. Поскольку он овладел многими халкидскими городами, союзными с Олинфом, средства и приверженцы этого города настолько уменьшились, что о Тимофее стали говорить как о завоевателе.[647] Здесь, как и на Самосе, он добился успеха не только без затрат для Афин, но и (как нам говорят) без жестокостей для союзников, просто за счет регулярных взносов фракийских единоверцев Афин, которым помогала временная чеканка монет из цветного металла.[648] И хотя Тимофей одержал победу в Термах и вблизи залива, он был не более удачлив, чем его предшественник, в попытке достичь того, что Афины больше всего хотели, - захвата Амфиполя; хотя, случайно захватив Харидема в море, он смог снова привлечь этого вождя к своей группе, чьи услуги, похоже, были с благодарностью оценены в Афинах.[649] Сначала Тимофей послал Алкимаха, который был отбит, затем высадился сам и атаковал город. Но амфиполиты, при поддержке соседних фракийцев в большом количестве (и, возможно, фракийцев Котиса), оказали столь упорное сопротивление, что он был вынужден отступить с потерями; и даже сжечь несколько трирем, которые, будучи переправлены для нападения на город с широкой части реки Стримон выше, не могли быть выведены перед лицом врага[650].

Далее Тимофей обратил свое внимание на войну с Котисом во Фракии и на оборону недавно приобретенных афинских владений в Херсонесе, которым теперь угрожало появление нового и неожиданного для Афин врага в восточных водах Эгейского моря - фиванского флота.

Я уже упоминал, что в 366 году до н. э. Фивы постигло большое несчастье в Фессалии. Пелопида обманным путем захватил и удерживал в плену Александр Ферейский; фиванская армия была послана на его спасение, но была с позором отбита и смогла отступить только благодаря гению Эпаминондаса, служившего тогда рядовым и призванного солдатами принять командование. После этого Эпаминондас сам был послан во главе второй армии, чтобы вызволить своего пленного друга, что ему и удалось, но не без того, чтобы отдать Фессалию и оставить Александра более сильным, чем когда-либо. Некоторое время после этого поражения фиванцы оставались сравнительно смиренными и тихими. В конце концов, усугубившиеся притеснения тирана Александра причинили фессалийцам такие страдания и вызвали такие жалобы в Фивы, что Пелопид, горя желанием отомстить за свой город и за себя, уговорил фиванцев поставить его во главе нового войска для вторжения в Фессалию[651].

В то же время, вероятно, выдающиеся успехи афинян при Тимофее на Самосе и в Херсонесе вызвали беспокойство во всей Греции и ревность фиванцев. Эпаминондас рискнул предложить своим соотечественникам сразиться с Афинами в их собственной стихии и побороться за главенство в Греции не только на суше, но и на море. Фактически рескрипт, доставленный Пелопидом от персидского двора, санкционировал это притязание, повелевая Афинам сложить свои военные корабли под страхом наказания Великого Царя;[652] мандат, который она настолько полностью проигнорировала, что стала предпринимать свои морские усилия еще более энергично, чем прежде. Эпаминондас использовал все свое красноречие, чтобы внушить своим соотечественникам, что, поскольку Спарта теперь смирилась, Афины были их настоящим и главным врагом. Он напомнил им - языком, подобным тому, который использовали Брасидас в первые годы

Пелопоннесской войны и Гермократ в Сиракузах,[653] - что такие люди, как фиванцы, храбрые и обученные солдаты на суше, вскоре могут приобрести такие же качества на корабле; и что сами афиняне когда-то были простыми сухопутными людьми, пока нужды персидской войны не заставили их выйти в море.[654] "Мы должны смирить этого надменного соперника (увещевал он своих соотечественников); мы должны перенести в нашу собственную цитадель, Кадмею, те великолепные Пропилеи, которые украшают вход на акрополь в Афинах"[655].

Столь категоричные высказывания, как надолго врезавшиеся в память враждебных афинских ораторов, так и в тот момент вызвали крайний пыл у фиванских слушателей. Они решили построить и оснастить сто трирем, а также соорудить доки с корабельными домиками, пригодными для постоянного содержания такого количества кораблей. Сам Эпаминондас был назначен командующим, чтобы с первым флотом, как только он будет готов, отправиться к Геллеспонту и островам близ Ионии; в то же время Родосу, Хиосу и Византии были разосланы приглашения, побуждавшие их готовиться к разрыву с Афинами.[656] Однако в собрании возникло некоторое противодействие новому начинанию, особенно со стороны Менеклеида, оратора оппозиции, который, будучи частым и суровым в своей критике ведущих людей, таких как Пелопид и Эпаминондас, был передан Непосом и Плутархом в одиозных красках. Таких демагогов, как он, чья власть находилась в общественном собрании, обычно представляют так, как будто они были естественно заинтересованы в том, чтобы ввергнуть свои города в войну, чтобы было больше поводов для обвинений против ведущих людей. Это представление основано главным образом на картине, которую Фукидид дает о Клионе в первой половине Пелопоннесской войны: В своем шестом томе я постарался показать,[657] что это несправедливая оценка даже отдельно Клиона, а тем более демагогов в целом, людей, не похожих на военных ни по вкусам, ни по склонностям. Менеклеидас в Фивах, отнюдь не поощряя военные походы, чтобы осудить полководцев, когда они вернутся, выступал за благоразумие дальнейшего мира и обвинял Эпаминондаса в вовлечении своей страны в далекие и опасные планы с целью повторить славу Агамемнона, отплыв из Аулисы в Беотии в качестве командующего внушительным флотом для завоеваний в Геллеспонте. "С помощью Фив (ответил Эпаминондас) я уже сделал больше, чем Агамемнон. Он, с силами Спарты и всей Греции, десять лет не мог взять ни одного города; я же, с силами Фив и в один день Лектры, сокрушил могущество агамемноновской Спарты"[658] Отбиваясь от обвинений в личных мотивах, Эпаминондас утверждал, что мир равносителен отречению от главенства в Греции, и что, если Фивы хотят сохранить это возвышенное положение, они должны держать своих граждан в постоянном военном обучении и действии.

Некоторые читатели могут считать, что ошибаться вместе с Эпаминондасом лучше, чем быть правым вместе с Менеклеидой. Но в главном вопросе этого спора Менеклеида, похоже, была действительно права. Ибо общие увещевания, приписываемые Эпаминондасу, слишком напоминают лихорадочные стимуляторы, которые Алкивиад вводил в Афинах, чтобы взбодрить своих соотечественников для роковой экспедиции против Сиракуз.[659] Если мы даже признаем его советы мудрыми в отношении сухопутной войны, мы должны помнить, что здесь он побуждал Фивы к новой и неопробованной морской карьере, к которой у нее не было ни способностей, ни возможностей. Чтобы удержать господство только на суше, потребовались бы все ее силы, и, возможно, это было бы слишком трудно для нее; удерживать господство на суше и на море одновременно было бы еще более невыполнимой задачей. Ухватившись за то и другое, она, скорее всего, не удержит ни одного из них. Такие соображения заставляют нас подозревать, что проект протягивания через Эгейское море ультрамариновых зависимых территорий был предложен этому великому человеку не

столько из-за здравого понимания постоянных интересов Фив, сколько из-за ревности к Афинам, особенно после недавних завоеваний Тимофея[660].

Однако проект был действительно осуществлен, и большой фиванский флот под командованием Эпаминондаса пересек Эгейское море в 363 г. до н. э. В том же году, очевидно, Пелопид во главе фиванского сухопутного войска выступил в Фессалию против Александра Ферейского. Чего добился флот, нам вряд ли дано знать. Похоже, что Эпаминондас посетил Византию; нам говорят, что он прогнал афинский сторожевой эскадрон под командованием Лахеса, заставив нескольких союзников Афин заявить в свою пользу.[661] И он, и Тимофей, похоже, были в этих морях если не одновременно, то, по крайней мере, без большого промежутка времени между ними. К обоим обращалась олигархия понтийской Гераклеи с просьбой выступить против народа; оба отказались от помощи.[662] Тимофей, как говорят, освободил осажденный город Кизик: кем он был осажден, мы точно не знаем, но, вероятно, фиванским флотом.[663] Эпаминондас вернул свой флот в конце года, не одержав ни одной блестящей победы и не приобретя ни одного надежного владения для Фив, но не ослабив Афины, не ослабив их зависимость и косвенно поддерживая военные действия, которые вел Котис; таким образом, дела афинян в Херсонесе и Фракии были гораздо менее благополучными в 362 г. до н.э. Вероятно, Эпаминондас намеревался вернуться со своим флотом в следующем году (362 г. до н. э.) и продвинуть свои морские предприятия еще дальше;[664] но мы увидим, что его настоятельно позвали в другое место, на другое и роковое поле битвы. Таким образом, первая морская экспедиция Фив стала и последней.

Тем временем его друг и коллега Пелопид выступил в поход в Фессалию против деспота Александра, который сейчас находился на пике своего могущества, держа в зависимости большую часть Фессалии вместе с фтиотами-ахейцами и магнетами и имея в союзниках Афины. Тем не менее, его жестокости были столь отвратительны, а недовольные, пославшие просить помощи из Фив, столь многочисленны, что Пелопид не отчаивался одолеть его. Его не испугало даже затмение солнца, которое, как говорят, произошло как раз в тот момент, когда он начинал свой поход, и мрачные предостережения пророков; хотя это событие устрало многих его сограждан, так что его силы стали не только менее многочисленными, но и менее уверенными. Прибыв в Фарсал и укрепившись за счет фессалийских союзников, он обнаружил, что Александр идет навстречу ему во главе хорошо оснащенного отряда наемников, значительно превосходящего его по численности. Два вождя спорили, кому первому занять холмы, называемые Кинос Кефалæ, или Собацьи головы. Пелопид прибыл туда первым со своей конницей, разбил конницу противника и преследовал ее на некотором расстоянии; но при этом он оставил холмы открытыми для занятия многочисленной пехотой противника, а его собственная пехота, подошедшая позже, была отбита с потерями при попытке занять позицию. Таким бесперспективным выглядело сражение, когда Пелопид вернулся после преследования. Приказав своей победоносной коннице атаковать пехоту на холме во фланг, он тут же разбежался, схватил свой щит и встал во главе своей обескураженной пехоты, которую он снова повел на холм, чтобы атаковать позицию. Его присутствие вселило столько нового пыла, что его войска, несмотря на то, что дважды были отбиты, с третьей попытки сумели согнать врага с вершины холма. Овладев холмом, Пелопид увидел перед собой всю армию противника, отступавшую в некотором беспорядке, но еще не побежденную; в то время как Александр лично находился на правом фланге, прилагая все усилия, чтобы сплотить и ободрить их. Когда Пелопид увидел в пределах своей досягаемости этого ненавистного врага, чей вероломный арест и темницу он сам испытал на себе и чьи жестокости набили оскомину, его охватил приступ ярости и безумия, как Кира младшего на поле Кунакса при виде своего брата Артаксеркса. Не думая о своих обязанностях полководца

и даже не глядя, кто за ним следует, он стремительно бросился вперед, с громкими криками и призывами к Александру выйти и сразиться. Тот, отклонив вызов, отошел к своим стражникам, в середину которых Пелопид бросился с немногими, кто последовал за ним, и там, сражаясь с отчаянной храбростью, встретил свою смерть. Этот необдуманный поступок был совершен так быстро, что стоявшая позади армия поначалу не заметила его. Но вскоре они поспешили вперед, чтобы спасти или отомстить за него, энергично атаковали войска Александра и обратили их в бегство с большими потерями[665].

Однако эта победа, хотя и важная для фиванцев и еще более важная для фессалийцев, была для них обоих лишена всякой ощутимой ценности из-за смерти Пелопида. Проявления скорби по всей армии были беспредельными и всеобщими. Солдаты, еще не остывшие от победы, раненые, которым еще не оказали помощь, стекались вокруг трупов, складывая рядом с ними, как трофеев, оружие убитых врагов. Многие, не желая ни разжигать огонь, ни притрагиваться к вечерней трапезе, свидетельствовали о своем несчастье, отрезая себе волосы и гривы своих лошадей. Фессалийские города состязались друг с другом в знаках привязанности и добились от фиванцев разрешения принять главное участие в его похоронах, как своего погибшего опекуна и защитника. В Фивах эти чувства проявились не менее ярко. Пелопид, полюбившийся своим соотечественникам прежде всего как глава той преданной горстки изгнанников, которые отважились на любую опасность, чтобы спасти город от лакедемонян, без перерыва переизбирался на ежегодный пост бётарха в течение всех прошедших лет[666] (378-364 гг. до н. э.). Он принимал главное участие во всех их битвах и во всех их славах; он был первым, кто ободрял их в час уныния; он с мудростью патриота и великодушием друга поддерживал руководящее восхождение Эпаминондаса и его умеренность в обращении с покоренными врагами[667].

Все, что могли сделать Фивы, - это отомстить за смерть Пелопида. Фиванские полководцы, Малкитас и Диогейтон,[668] ввели в Фессалию мощное войско из семи тысяч гоплитов и поставили себя во главе своих партизан в этой стране. С этим объединенным войском они сильно потеснили Александра, полностью выбили его из колеи и заставили подчиниться своим условиям. Он был вынужден отказаться от всех своих владений в Фессалии, ограничиться Фермами с их территорией у Пагасского залива и поклясться в верности Фивам как вождю. Вся Фессалия вместе с фтиотскими ахейцами и магнатами перешла под власть фиванцев, которые таким образом приобрели в Северной Греции большее превосходство, чем когда-либо прежде.[669] Власть Александра была окончательно подавлена на суше, но он по-прежнему оставался могущественным и хищным на море, как будет видно из последующего года.

ГЛАВА LXXX. ОТ СМЕРТИ ПЕЛОПИДА ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ.

Именно в этот период, пока Эпаминондас отсутствовал с флотом, а Пелопид был занят в фессалийском походе, из которого он так и не вернулся, фиванцы разрушили Орхомен. Этот город, второй в Беотийской федерации, всегда был недоволен Фивами, и отсутствие двух великих вождей, а также большого фиванского войска в Фессалии, похоже, рассматривалось орхоменскими рыцарями или всадниками (первыми и самыми богатыми из

граждан, числом в триста человек) как благоприятный момент для нападения. Некоторые фиванские изгнанники приняли участие в этом замысле, намереваясь свергнуть существующее правительство; для исполнения был назначен день военного смотра близ Фив. Большое количество заговорщиков присоединилось к нему с видимым рвением. Но перед наступлением дня некоторые из них раскаялись и выдали заговор беотархам, после чего орхоменские всадники были схвачены, приведены в фиванское собрание, приговорены к смерти и казнены. Но помимо этого было принято решение уничтожить город, взрослых мужчин убить, а женщин и детей продать в рабство.[670] Этот варварский указ был приведен в исполнение, хотя, вероятно, некоторая часть нашла способ спастись, составив ядро того населения, которое впоследствии было восстановлено. Таким образом, была насыщена вся мера древней фиванской ненависти; ненависти, восходящей даже к тем мифическим временам, когда Фивы, как говорили, платили дань Орхомену. Но исключение этого почтенного города из списка автономных единиц Эллады, массовая казнь и продажа в рабство стольких свободных родственников вызвали у соседей сильное сочувствие, а также отвращение к фиванской жестокости;[671] это чувство, вероятно, усиливалось тем фактом, который, как мы должны предположить, был сопутствующим, - тем, что фиванцы присвоили территорию среди своих граждан. Похоже, что соседний город Коронея разделил ту же участь; по крайней мере, впоследствии об этих двух городах говорят вместе так, что мы можем предположить это.[672] Таким образом, Фивы поглотили эти два города и территории к северу от своего города, а также Платею и Феспию к югу.

Мы должны помнить, что во время господства Спарты и периода борьбы и унижения фиванцев, до битвы при Лектре, Орхомен активно поддерживал спартанцев. Вскоре после этой победы фиванцы в порыве негодования решили разрушить город, но были сдержаны снисходительными рекомендациями Эпаминонда.[673] Весь их полуподавленный гнев был возрожден заговором орхоменских рыцарей; однако крайняя суровость действий никогда не была бы доведена до конца, если бы не отсутствие Эпаминонда, который был глубоко удручен по возвращении.[Он хорошо знал, какие горькие нарекания вызовет на себя Фивы, наказав весь город за заговор богатых рыцарей, причем еще более сурово, чем Платею и Феспию; ведь жители этих двух городов были изгнаны со своими семьями из Беотии, а орхоменские взрослые мужчины были убиты, а женщины и дети проданы в рабство.

По возвращении из морского похода в конце 363 года до н. э. Эпаминондас был вновь избран одним из беотархов. Вероятно, он намеревался возобновить свой поход в следующем году. Но его досада из-за орхоменского дела и скорбь по поводу смерти Пелопида - близкого друга и политического коллеги, которому он мог доверять, - могли удержать его от повторного отсутствия; к тому же дела в Пелопоннесе теперь становились настолько сложными, что необходимость повторного вмешательства фиванцев снова становилась вероятной.

После мира, заключенного в 366 году до н. э. с Коринфом, Флием и т. д., Фивы не посылали армию на этот полуостров, хотя их гарнизон все еще оставался в Тегее, возможно, в Мегалополе и Мессене. Аркадийцы, завидуя ей, а также разобщенные между собой, даже пошли на то, чтобы заключить союз с ее врагом Афинами. Однако главный конфликт теперь разгорелся между аркадянами и элейцами за обладание Трифилией и Писатидой. Элейцы в это время (365 г. до н. э.) снова вступили в союз со Спартой,[675] отказавшись от союза с Фивами; ахейцы же, энергично сотрудничавшие со Спартой[676] с 367 г. до н. э. (в результате реакции фиванцев), вступали в союз со Спартой. (реакция против фиванцев, которые, отбросив благоразумную и умеренную политику Эпаминонда, насильственно сменили ахейские правительства), заключили союз с Элидой также в 365 г. до н. э. или раньше[677] И

таким образом Спарта, хотя и лишенная в результате умиротворения 366 г. до н. э. помощи Коринфа, Флиуса, Эпидавра и др, приобрела взамен Элиду и Ахайю - не менее ценные конфедераты.

Трифилия, территория, прилегающая к западному побережью Пелопоннеса, к северу от реки Неда, и Пизатида (включая нижнее течение реки Алфей и равнину Олимпии), к северу от Трифилии, - обе между Мессенией и Элидой, - были в прежние времена завоеваны и долго удерживались элейцами, но всегда в качестве недовольных подданных. Спарта, во времена своего безусловного господства, сочла политическим мотивом отстоять их независимость и после двух-трехлетней войны вынудила элейцев официально отказаться от всякого господства над ними. [Однако не успела битва при Лектре обезоружить Спарту, как элейцы вернули себе утраченное господство; [679] а их подданные нашли новых покровителей в лице аркадян и даже были приняты, под предлогом родства, в панаркадскую конфедерацию. [680] Персидский рескрипт Пелопида (367-366 гг. до н. э.), похоже, отменил это соглашение, признав императорские права элейцев. [681] Но поскольку аркадяне отреклись от рескрипта, элейцам оставалось, если они могли, добиваться своих императорских прав силой оружия. Они нашли Спарту в тех же интересах, что и они сами; она не только была одинаково враждебна аркадянам, но и жаловалась на то, что у нее отняли Мессену, как они жаловались на потерю Трифилии. Спарта только что получила небольшое преимущество над аркадянами, отвоевав Селласию; в основном благодаря помощи сиракузского подкрепления из двенадцати трирем, посланного к ним младшим Дионисием, но с приказом быстро вернуться [682].

Помимо имперских претензий на Трифилию и Писатиду, которые ставили Элиду в союз со Спартой и в конфликт с Аркадией, была еще территория, лежащая к северу от Алфея (на холмистой местности, образующей западную или элейскую сторону горы Эриманф, между Элидой и северо-западной частью Аркадии), которая включала Ласион и горные поселения, называемые Акрореи, и которая оспаривалась между Элидой и Аркадией. В этот момент она была включена в состав общеаркадской совокупности; [683] но элейцы, объявив ее своей собственностью и внезапно выступив в поход вместе с аркадскими изгнанниками, захватили и заняли Ласион, а также некоторые из соседних Акрореев. Аркадийцы не замедлили отомстить за нанесенное оскорбление. Панаркадское ополчение под названием эпариты, собранное из разных городов и районов, отправилось в Ласион, разгромило элейских гоплитов, понеся значительные потери в людях и оружии, и вытеснило их из района. Победители вернули себе Ласион и все Акрореи, кроме Фраустуса; затем они направились к священной земле Олимпии и формально завладели ею, разместив гарнизон, защищенный регулярным острогом, на холме Кронион. Укрепив эту позицию, они двинулись к самому городу Элису, который не был укреплен (хотя имел надежный акрополь), так что они смогли войти в него, не встретив сопротивления, пока не достигли агоры. Здесь они нашли элейских всадников и отборных гоплитов, которые отбили их с некоторыми потерями. Но Элис был в большом смятении, а демократическая оппозиция, выступившая против правящей олигархии, захватила акрополь в надежде впустить аркадян. Однако храбрость всадников и гоплитов подавила это внутреннее движение, отвоевала акрополь и заставила недовольных, числом в четыреста человек, покинуть город. Изгнанные таким образом, последние захватили Пилус (на элейской территории, примерно в девяти милях от Элиса в сторону аркадской границы [684]) и обосновались там, где их подкрепили не только аркадцы, но и многие их партизаны, которые пришли из города, чтобы присоединиться к ним. Из этого укрепленного пункта, расположенного в стране, как Декелея в Аттике, они вели изнурительную войну против элейцев в городе и через некоторое время привели их в большое затруднение. Была даже надежда принудить город к сдаче, и для завершения

предприятия было приглашено новое вторжение аркадян. Элейцев спасло только подкрепление от их союзников в Ахайе, которые пришли большими силами и поставили город в безопасное место, так что аркадянам ничего не оставалось делать, как опустошить территорию вокруг[685].

Отступив по этому случаю, аркадяне вскоре после этого возобновили свое вторжение; их гарнизон по-прежнему занимал Олимпию, а изгнанники оставались в Пилусе. Теперь они прошли по всей стране и даже подошли к Киллену, гавани Элиса на западном берегу моря. Между гаванью и городом элейцы решились напасть на них, но были разбиты с такими потерями, что их полководец Андромех (который и побудил их к нападению) в отчаянии упал на меч. Бедствие элейцев стало еще большим, чем когда-либо. В надежде отвлечь аркадских захватчиков, они отправили в Спарту посланника, умоляя лакедемонян отвлечь их внимание на Аркадию. В результате спартанский принц Архидам (сын царя Агесилая), вторгшись в юго-западную часть Аркадии, занял холмистый город или пост под названием Кромнус (кажется, на территории Мегалополя, и отрезал сообщение между этим городом и Мессеной), который он укрепил и гарнизонировал примерно двумя сотнями спартанцев и периэков. Эффект, на который рассчитывали элейцы, был достигнут. Аркадская армия (за исключением гарнизона Олимпии) была отведена домой, и у них появилось время выступить против Пилуса. Пилийские изгнанники недавно предприняли неудачную попытку напасть на Фаламею, по возвращении из которой их настигли и разгромили элейцы, понеся большие потери убитыми, а двести человек из их числа в итоге попали в плен. Среди этих последних все элейские изгнанники были сразу же преданы смерти, а остальные проданы в рабство[686].

Тем временем к основным силам аркадцев, вернувшихся из Элиса, присоединились союзники - фиванцы, аргейцы и мессенцы - и сразу же двинулись к Кромнусу. Там они блокировали лакедемонский гарнизон двойным палисадом, установленным по всему периметру, и заняли его многочисленными силами. Архидам тщетно пытался отвлечь их, обрушивая свои опустошения на Скириты и другие районы Аркадии; ведь Скириты, в прежние времена зависимые от Спарты и являвшиеся наиболее ценным пополнением лакедемонских армий,[688] теперь стали независимыми аркадянами. Блокада продолжалась без перерыва. Архидам попытался овладеть вершиной холма, с которого просматривалась аркадская позиция. Но, пройдя по дороге вверх, он встретил врага в большом количестве и был отбит с некоторыми потерями; сам он был пронзен копьем в бедро, а его родственники Полиэнид и Хилон убиты. Лакедемонские войска отступили на некоторое расстояние на более широкую местность, где снова построились в боевой порядок, но были сильно обескуражены как поражением, так и сообщением имен убитых, которые были среди самых выдающихся солдат Спарты. Аркадийцы, напротив, шли на приступ в приподнятом настроении, когда один из древних спартанцев, выйдя из рядов, громким голосом воскликнул: "К чему сражаться, господа? Не лучше ли заключить перемирие и разойтись?". Обе армии с радостью приняли это предложение. Перемирие было заключено; лакедемоняне взяли своих убитых и отступили; аркадяне также отступили на место, где они получили преимущество, и там воздвигли свой трофей[690].

Под графическим описанием, приведенным Ксенофонтom, скрывается поражение лакедемонян, более серьезное, чем он любит рассказывать. Аркадийцы полностью оправдались, продолжая непрерывную блокаду. Лакедемоняне предприняли еще одну попытку выручить своих соотечественников. Внезапно напав ночью на палисад, им удалось овладеть той его частью, которую охраняли аргейцы.[691] Они выбили проем и призвали осажденных поспешить наружу. Но помощь пришла неожиданно, так что лишь немногие из

тех, кто находился поблизости, смогли воспользоваться ею, чтобы спастись. Аркадийцы, поспешив на место большими силами, отогнали нападавших и вновь заперли осажденных, которые вскоре были вынуждены сдаться из-за нехватки провизии. Более сотни пленных, спартанцев и периеков вместе, были распределены между захватчиками - аргейцами, фиванцами, аркадянами и мессенцами - по одной доле на каждого.[За шестьдесят лет до этого захват двухсот двадцати спартанцев и лакедемонян в Сфактерии Клеоном и Демосфеном вызвал крайнее недоверчивое удивление во всей Греции; это особо отметил беспристрастный Фукидид. 693] Теперь ни следа подобных настроений нет даже у фило-лаконца Ксенофонта. Так печально падала слава спартанцев!

Положив таким образом конец спартанскому наступлению, аркадяне возобновили агрессию против Элиды, приурочив ее к новому проекту, имевшему большое значение. Это была весна, непосредственно предшествующая празднованию великого четырехлетнего олимпийского фестиваля, который наступал в середине лета. Главенство в этой священной церемонии долгое время было заветной привилегией элейцев, которые получили ее, покорив пизанцев - жителей области, расположенной непосредственно вокруг Олимпии, и первых кураторов праздника в его самом примитивном состоянии. Эти пизанцы, всегда неохотно подчинявшиеся Элиде, никогда не теряли убежденности в том, что председательство на празднике принадлежит им по праву; они просили Спарту восстановить их право за тридцать пять лет до этого, когда Агис как завоеватель навязал элейцам условия мира.[694] Тогда их просьба была отклонена на том основании, что они слишком бедны и грубы, чтобы оказать достойную честь церемонии. Но, возобновив ее, аркадяне оказались более сговорчивыми, чем спартанцы. Аркадский гарнизон, более года занимавший священную равнину Олимпии, был сильно усилен, и пизанцы под аркадской защитой стали готовиться к празднованию праздника.[Греческие государства с удивлением получили бы по этому случаю два разных извещения от официальных глашатаев, возвещавших им о начале иеромении, священного сезона, и точный день начала церемоний: ведь элейцы, хотя и изгнанные силой из Олимпии, все еще отстаивали свои права и рассылали свои извещения, как обычно.

Было очевидно, что эта памятная равнина, освященная эллинским братством и общением, в данном случае будет опозорена спором и, возможно, кровопролитием: аркадяне созвали на место, помимо своих собственных военных сил, значительное число союзников: две тысячи гоплитов из Аргоса и четыреста всадников из Афин. Посчитав, что столь внушительная сила достаточна для того, чтобы отвести недружелюбных элейцев от мысли отстаивать свои права с помощью оружия, аркадяне и пизанцы начали праздник с обычной рутины жертвоприношений и поединков. Пройдя через гонки на колесницах, они приступили к пятиборью, или состязанию пятиборцев, в котором первыми по порядку шли беговой и борцовский поединки. Бег уже был завершен, и те, кто был достаточно успешен в нем, чтобы продолжить борьбу за приз в остальных четырех видах, начали бороться на пространстве между стадионом и большим алтарем,[696] как вдруг на священную землю вошли элейцы в оружии, в сопровождении своих союзников ахейцев, и маршировали к противоположному берегу маленькой речки Кладеус, которая протекала на небольшом расстоянии к западу от Алтиса, или внутреннего закрытого участка Зевса, впадая затем в Алфею. После этого аркадяне выстроились в вооруженном порядке на своей стороне Кладея, чтобы противостоять дальнейшему приближению элейцев.[697] Последние, со смелостью, которой никто не им похвастаться, перешли реку во главе со Стратоласом и его отборным отрядом из трехсот человек, и энергично атаковали сначала аркадян, а затем аргейцев; и те, и другие

были разбиты и отброшены назад. Победоносные элейцы пробились в Алтис и устремились вперед, чтобы достичь великого алтаря. Но с каждым шагом их продвижение становилось все сильнее, чему способствовали многочисленные здания - здание сената, храм Зевса и различные портики, - которые и дезорганизовывали их ряды, и служили прекрасной защитой для дартеров и лучников на крышах. Здесь был убит Стратолас, а его войска, вытесненные со священной земли, были вынуждены переправиться через Кладеус. После этого праздник возобновился и проходил в обычном порядке. Но аркадяне так боялись повторного нападения на следующий день, что не только заняли крыши всех зданий более полно, чем прежде, но и провели ночь в возведении оборонительного палисада, срывая для этого временные палатки, которые были заботливо поставлены для размещения толпы посетителей.^[698] Такие меры предосторожности сделали место неприступным, так что элейцы были вынуждены вернуться домой на следующий день, не без сочувствия и восхищения многих греков за неоправданную смелость, которую они проявили. Они отомстили, объявив 104-ю Олимпиаду вовсе не Олимпиадой и записав ее в свой каталог, когда вернули себе власть, сохранив, однако, имена тех, кто был провозглашен победителями, которые появились в списках, как и все остальные^[699].

Такова была нечестивая битва, опозорившая святилище панэллинского братства, в которой великий храм с вознесенным в нем величественным Зевсом Фидия впервые превратился в крепость против своих привычных президентов - элейцев. Это была битва, в которой, хотя Фивы и Спарта, соперничающие лидеры Греции, были чисты, Афины, а также большинство главных государств Пелопоннеса оказались замешаны. Она была вызвана алчным честолюбием аркадян, и ее результат, казалось, утверждал их, под видом президентства Писатана, в постоянном владении Олимпией. Но, несмотря на столь очевидные перспективы, это событие несло в себе семена бурной реакции. Мы не сомневаемся, что толпа греческих зрителей, присутствовавших на празднике, была не только раздосадована перерывом в работе и разрушением их палаток, но и глубоко потрясена оскорблением священной земли - "imminentium templorum religio"^[700]. Большинство из них, вероятно, считали элейцев законными президентами, поскольку никогда не видели и не слышали ни о ком другом в этом качестве. И они вряд ли могли не испытывать сильного сочувствия к неожиданной храбрости этих лишенных власти президентов, которая показалась Ксенофону (возможно, он сам был ее зрителем) настолько поразительной, что он приписывает ее особому вдохновению богов^[701].

Если они не одобряли поведение аркадян и пизанцев как несправедливое вторжение, то еще больше они не одобряли то разорение богатых храмов в Олимпии, которым злоумышленники вознаградили себя. Аркадяне, всегда ищущие грабежа и платы как наемные солдаты, получили от этой войны и то, и другое в изобилии: первое - от ферм, скота и полевых рабочих в окрестностях Элей, более обильных, чем в любой части Пелопоннеса;^[702] второе - от обильного накопления, как денег, так и драгоценных подношений, распределенных по многочисленным храмам в Олимпии. Пизанцы, ставшие теперь администраторами, с готовностью согласились бы отдать эти сокровища на жалование своим защитникам, которых они, несомненно, считали слугами Зевса Олимпийского. Соответственно, эпариты, ополчение объединенной Аркадии, оплачивались лучше, чем когда-либо прежде, так что на службу привлекалось множество добровольцев из более бедных слоев населения^[703].

В начале Пелопоннесской войны коринфяне и спартанцы говорили о том, что будут вести ее частично на заемные деньги из сокровищниц Дельф и Олимпии.^[704] Насколько этот проект был осуществлен, мы не знаем. Но, по крайней мере, он не был реализован таким образом,

чтобы стать прецедентом для больших сумм, которые теперь были присвоены пизанцами и аркадянами; эти ассигнования, соответственно, вызвали много возмущений, как вопиющая хищность и святотатство. Эти настроения с особой силой ощущались даже среди самих аркадян, виновных в этом. Более того, некоторые из вождей сделали для себя важные частные приобретения, чем вызвали недовольство и ревность своих соперников. Общеаркадская община, недавно собранная и плохо укрепленная, была мало рассчитана на то, чтобы противостоять влиянию какой-либо сильной причины раздора. В него вошли города, которые до этого привыкли действовать обособленно и даже враждовать друг с другом; особенно Мантинея и Тегея. Эти два города теперь возобновили свое древнее соперничество. 705 Мантинеи, завидуя Тегее и Мегалополю, начали скрытно действовать против единства Аркадии и фиванского союза - с целью возобновления связи со Спартой; хотя всего за пять лет до этого они были обязаны Фивам восстановлением своего города, после того как он был разбит на деревни спартанской силой. Присвоение священных средств, как ни оскорбительно оно было для многих искренних чувств, дало им удобную почву для начала противостояния. В мантинейском собрании было принято постановление об отказе от всякого участия в олимпийских сокровищах; в то же время среди граждан была собрана сумма, достаточная для оплаты всех членов Эпарити, прибывших из их города. Эта сумма была передана командующим, которые, однако, не только отказались ее принять, но даже вызвали авторов этого дела на суд панаркадского собрания - Десяти тысяч в Мегалополе - по обвинению в нарушении целостности Аркадии.[706] Вызванные таким образом мантинейские лидеры отказались явиться, и Десять тысяч осудили их в отсутствие, - отряд эпарити был послан в Мантинею для охраны их лиц. Но ворота оказались запертыми, и приказ был оставлен на произвол судьбы. В Аркадии к мантинейцам проявили такое сочувствие, что многие другие города повторили их протест. Но даже большинство из Десяти тысяч, движимые неоднократными обращениями к ним от имени оскорбленных богов, постепенно склонились к его принятию, публично отказавшись и запретив впредь участвовать в олимпийских сокровищах.

В этом был справедливый смысл и важное преимущество отказа от скандального присвоения. Получившая его партия немедленно попыталась продвинуть его дальше. Начав как защитники справедливости и олимпийского Зевса, мантинейцы быстро заявили о себе как о поборниках олигархии, дружественной Спарте и враждебной Фивам. Припасы из Олимпии больше не поступали, а платить эпаритам, или народному ополчению, не было возможности. Соответственно, те члены этого корпуса, которые были слишком бедны, чтобы оставаться без жалованья, постепенно отказывались от службы; с другой стороны, более богатые и влиятельные граждане, по предварительному сговору между собой, записывались в большом количестве, чтобы вырвать национальную силу из рук противоположной партии и передать ее в свои руки.[Вожди этой противоположной партии ясно видели, что это олигархическое движение не только привлечет их к суровому ответу за присвоение священного сокровища, но и снова ввергнет Аркадию в союз со Спартой. Поэтому они послали фиванцам уведомление о предстоящем изменении политики, приглашая их предотвратить его немедленной экспедицией в Аркадию. Проинформированные об этом,[708] противоположные лидеры вынесли это на рассмотрение панаркадского собрания; на нем они добились резолюции, согласно которой посланники должны быть отправлены в Фивы, желая, чтобы ни одна фиванская армия не могла войти в Аркадию до официального вызова, - и отменяя предыдущее приглашение как несанкционированное. В то же время собрание решило заключить мир с элейцами и вернуть им город Олимпию со всеми прежними правами. Элейцы с радостью согласились, и мир был заключен[709].

Только что описанные операции заняли около одного года и девяти или десяти месяцев, с середины лета 364 г. до н. э. (время битвы в Олимпии) по апрель 362 г. до н. э. Мир был в целом популярен во всей Аркадии, кажется, даже среди городов, которые придерживались Фив, хотя он был заключен без консультаций с фиванцами. Даже в Тегее, центре фиванского влияния, чувствовалось удовлетворение от отказа от злонамеренной агрессии и разграбления Олимпии, до которой фиванцам не было никакого дела. Поэтому, когда мир, который сначала, вероятно, был заключен в других аркадских городах, был заключен и в Тегее, на церемонии присутствовали и участвовали не только городские власти, но и фиванский хармост, занимавший город с гарнизоном из трехсот беотийцев. По окончании церемонии большинство мантинейцев отправились домой: их город был недружелюбен к Тегее и находился недалеко. Но многие другие аркадяне провели вечер в городе, празднуя мир возлияниями, пирами и пиршествами. Внезапно ворота были закрыты по приказу, и самые видные представители олигархической партии были арестованы, когда они сидели на пиру, беотийским гарнизоном и аркадскими эпаритами из противоположной партии. Схваченные лидеры были в таком большом количестве, что заполнили и тюрьму, и дом правительства; правда, мантинейцев среди них было немного, так как большинство последних разошлись по домам. Среди остальных царило крайнее смятение. Одни спускались со стен, другие тайком убегали через ворота. Велико было негодование в Мантинее на следующее утро, когда туда принесли весть об этом жестоком аресте. Власти, разослав по остальным аркадским городам сведения, призывающие их немедленно взяться за оружие, отправили глашатаев в Тегею, требуя всех мантинейских пленников, содержащихся там. В то же время они выразили решительный протест против ареста или казни любого аркадянина без предварительного суда перед общеаркадским сообществом; и они обязались от имени Мантиinei отвечать за появление любого аркадянина, против которого будут выдвинуты обвинения[710].

Получив это требование, фиванский хармост немедленно отпустил всех своих пленников. Затем он созвал собрание, на котором присутствовало, кажется, всего несколько человек из чувства недоверия[711], и объяснил, что его ввели в заблуждение и что он приказал арестовать пленников на основании ложного сообщения о том, что лакедемонские войска находятся на границе и готовы захватить город в согласии с вероломными корреспондентами внутри. На голосовании было принято это объяснение, хотя (по словам Ксенофонта) никто ему не поверил. Однако в Фивы немедленно были отправлены посланцы, вероятно, от мантинейцев и других аркадян, которые громко жаловались на его поведение и настаивали на том, что он должен быть наказан смертью.

Если проанализировать все обстоятельства, то есть основания полагать, что фиванский офицер правдиво объяснил мотивы, по которым он действовал. Тот факт, что он отпустил пленников по первому зову, больше согласуется с этим предположением, чем с каким-либо другим. Ксенофонт действительно говорит, что его главной целью было завладеть мантинейцами, и что, обнаружив среди захваченных людей лишь несколько человек, он был равнодушен к задержанию остальных. Но если бы у него была такая цель, он вряд ли стал бы действовать так слепо и неуклюже. Он сделал бы это, пока мантинейцы еще находились в городе, а не дожидаясь их отъезда. Он не стал бы совершать оскорбительный и незаконный поступок, не убедившись в том, что он был совершен в то время, когда главная цель была еще достижима. С другой стороны, ничто не может быть более естественным, чем предположение, что более буйные из аркадских эпаритов верили в существование заговора с целью предать Тегею лакедемонянам и внушили фиванцу убежденность в подобной надвигающейся опасности. Устроить революцию в Тегее было бы очень выгодно для олигархической партии, и это стало бы сравнительно реальным благодаря скоплению в

городе разношерстного отряда аркадян. Не исключено, что идея такого заговора действительно могла возникнуть; но, по крайней мере, весьма вероятно, что в вероятность такого события искренне верили противники[712].

Объяснение фиванского правителя, утверждавшего, что его приказ об аресте либо действительно предотвратил, либо показался ему необходимым для предотвращения предполагаемого вероломного предательства, достигло Фив в то же время, что и жалобы на него. Оно не только было принято как вполне удовлетворительное, но Эпаминондас даже ответил жалобщикам встречными жалобами: "Арест (сказал он) был актом более оправданным, чем освобождение арестованных. Вы, аркадяне, уже совершили предательство по отношению к нам. Это из-за вас и по вашей просьбе мы перенесли войну в Пелопоннес, а теперь вы заключаете мир, не посоветовавшись с нами! Будьте уверены, что мы сейчас же придем с оружием в Аркадию и начнем войну, чтобы поддержать наших партизан в этой стране"[713].

Таков был императивный ответ, который аркадский посланник привез из Фив, объявив своим соотечественникам, что они должны немедленно готовиться к войне. Соответственно, они согласовали меры сопротивления с элейцами и ахейцами. Они послали приглашение лакедемонянам отправиться в Аркадию и помочь в отражении любого врага, который приблизится с целью покорения Пелопоннеса, но с оговоркой, что каждое государство должно взять на себя инициативу, когда война будет вестись на его собственной территории; и далее они послали просить помощи у Афин. Таковы были меры, принятые мантинейцами и их сторонниками, составлявшими теперь большинство в панакратическом собрании, которые (говоря языком Ксенофонта) "действительно заботились о Пелопоннесе"[714].

"Зачем эти фиванцы (говорит) идут в нашу страну, когда мы хотим, чтобы они не приходили? С какой еще целью, кроме как причинить нам зло? заставить нас причинять зло друг другу, чтобы обе стороны нуждались в *них*? максимально ослабить Пелопоннес, чтобы им было легче удерживать его в рабстве?"[715] Таков язык, который повторяет Ксенофонт, с симпатией, явно свидетельствующей о его фило-лаконском уклоне. Ибо если мы проследим за фактами, как он сам их излагает, то обнаружим, что они гораздо больше согласуются с упреками, которые он вкладывает в уста Эпаминондаса. Эпаминонд впервые отправился в Пелопоннес (в 369 году до н. э.) по просьбе аркадян и элейцев, чтобы защитить их от Спарты. Он первым придал силу и достоинство аркадянам, организовав их в политическое объединение и создав для них сильную границу против Спарты в Мессене и Мегалополе. Организовавшись таким образом, аркадяне проявили как ревность к Фивам, так и неспособность к разумным действиям. По их вине были отменены мягкие и политичные меры, принятые Эпаминондасом в отношении ахейских городов, которые они таким образом снова бросили в объятия Спарты. Они по собственной воле начали войну против Элиды и озорные посягательства на Олимпию. С другой стороны, фиванцы не вступали в Пелопоннес с 367 года до н. э. - с тех пор прошло почти пять лет. Они пытались убедить аркадян принять персидский рескрипт и отказаться от идеи союза с Афинами, но, получив отказ, не сделали ни одной попытки добиться своего силой. Теперь Эпаминондас имел полное право жаловаться на них за то, что они заключили мир с Элидой и Ахайей, друзьями и союзниками Спарты, без каких-либо консультаций с Фивами. Вероятно, он считал, что существовал реальный заговор с целью предать Тегею лакедемонянам, как один из плодов этого вероломного мира; и он ясно видел, что сохранение пограничной линии против Спарты - Тегеи, Мегалополя и Мессены - больше не может быть обеспечено без нового вторжения фиванцев.

Такова, на мой взгляд, разумная оценка ситуации в Пелопоннесе в июне 362 года до н. э. - непосредственно перед последним вторжением Эпаминонда. Мы не можем доверять неблагоприятным суждениям Ксенофонта ни об этом великом человеке, ни о фиванцах. Оно не выдерживает критики, даже если сравнивать его с фактами, рассказанными им самим; еще менее вероятно, что оно выдержит критики, если мы получим факты от беспристрастного свидетеля.

Я уже рассказал, насколько это возможно, о действиях фиванцев с момента возвращения Пелопида из Персии с рескриптом (зимой 367-366 гг. до н. э.) до конца 363 г. до н. э. В 366-365 гг. до н. э. они пережили большие потери и унижения в Фессалии, связанные с задержанием Пелопида, которого они с трудом вызволили из темницы в Фере. В 364-363 гг. до н. э. Пелопид получил новое командование в Фессалии, и хотя он был убит, фиванское оружие добилось огромного успеха, овладев страной полнее, чем когда-либо прежде; а Эпаминондас, убедив своих соотечественников стремиться к морскому превосходству, провел лето 363 г. до н. э. в качестве адмирала мощного фиванского флота на побережье Азии. Вернувшись в Фивы в конце 363 года до н. э., он застал своего друга Пелопида убитым, а отношения Фив как в Пелопоннесе, так и в Фессалии становились достаточно сложными, чтобы поглотить все его внимание на суше, не допуская дальнейших стремлений к морской империи. Он, несомненно, наблюдал за постепенным изменением политики в Аркадии (зимой и весной 363-362 гг. до н. э.), когда мантинейская и олигархическая партия, пользуясь реакцией настроений против действий в Олимпии, добилась большинства в общеаркадском собрании и ополчении, чтобы заключить мир с Элидой и представить перспективу возможного союза со Спартой, Элидой и Ахайей. Эту политическую тенденцию, несомненно, держала перед Эпаминондасом тегейская партия в Аркадии, противостоящая партии Мантинеи; она была передана ему с пристрастными преувеличениями, выходящими за рамки реальности. Действительная или предполагаемая опасность, грозившая Тегее, и арест, который там был произведен, убедили его в том, что мощное вмешательство фиванцев больше нельзя откладывать. Как беотарх, он заручился согласием своих соотечественников собрать беотийские силы, созвать союзные контингенты и провести эту совместную экспедицию в Пелопоннес.

Армия, с которой он начал свой поход, была многочисленной и внушительной. В нее входили все беотийцы и эвбейцы, большое количество фессалийцев (некоторых даже послал Александр из Фере, который теперь стал зависимым союзником Фив), локрийцы, малийцы, эниане и, вероятно, другие союзники из Северной Греции; хотя фокийцы отказались присоединиться, утверждая, что их соглашение с Фивами было чисто оборонительным. [Пройдя линию горы Оней, которая уже не защищалась, как это было при его предыдущем входе, он достиг Немеи, где к нему, вероятно, присоединился сикионский контингент^[717] и где он остановился, надеясь перехватить афинский контингент, направлявшийся на соединение с его врагами. Вероятно, у него были сведения, побудившие его ожидать их; ^[718] но эти сведения оказались ложными. Афиняне так и не появились, и было понятно, что они готовятся переправиться по морю к восточному побережью Лаконии. После бесплодной остановки он двинулся к Тегее, где к нему вскоре присоединились его пелопоннесские союзники: аркадяне из Тегеи, Паллантия, Асеи и Мегалополя, мессенцы - (все они составляли линию границы с Лаконией) - и аргейцы.

Остановка в Немее, поскольку Эпаминондас не достиг своей прямой цели, была вредна и с другой стороны, так как позволила основной массе его пелопоннесских врагов сосредоточиться в Мантинее; это соединение, вероятно, можно было бы предотвратить, если бы он без промедления вошел в Аркадию. Там была собрана мощная пелопоннесская армия,

состоявшая из мантинейцев и большей части других аркадян, элейцев и ахейцев. Спартанцам было послано приглашение, а старый Агесилай, которому шел уже восьмидесятый год, с лакедемонскими войсками полным ходом шел в Мантинею. Кроме того, немедленно ожидался афинский контингент, особенно ценный своей конницей, поскольку пелопоннесцы не были сильны в этом виде войск, а некоторые из них и вовсе не имели их.

Эпаминондас разбил свой лагерь и расположился в стенах Тегеи; эта мера предосторожности, которую Ксенофонт оценил как более безопасную и удобную, а его передвижения - как менее удобные для врага.[719] Затем он отправился в Мантинею, чтобы спровоцировать врага на действия, прежде чем спартанцы и афиняне соединятся; но они держались настороже, находясь недалеко от Мантинеи, и были слишком сильно расположены, чтобы их можно было форсировать. 720] Вернувшись в свой лагерь в Тегее, он получил известие, что Агесилай со спартанскими войсками, покинув Спарту на марше в Мантинею, уже добился некоторого успеха и достиг Пелленки. В связи с этим он решил попытаться застать Спарту врасплох внезапным ночным маршем из Тегеи, которая лежала на прямой дороге из Спарты в Мантинею, в то время как Агесилай, чтобы добраться из Спарты в Мантинею, должен был идти более извилистым путем на запад. Выдвинувшись вскоре после вечерней трапезы, Эпаминондас со всей скоростью повел фиванские войска к Спарте; он почти настиг этот город, "как гнездо незащищенных птенцов", в тот момент, когда сопротивление было невозможно. Ни Агесилай, ни кто-либо другой не ожидали столь дерзкого и меткого удара, успех которого изменил бы облик Греции. Спарту не спасло ничего, кроме providенциального вмешательства богов,[721] о чем свидетельствовал случай, когда к Агесилаю поспешил критский гонец с вестью о том, что фиванцы полным ходом идут на юг от Тегеи, и вовремя задержал его дальнейшее продвижение в сторону Мантинеи. Агесилай немедленно вернулся с войсками в Спарту, которая, таким образом, была приведена в достаточное состояние для обороны до прибытия фиванцев. Однако его войска, хотя и были достаточными для чрезвычайной ситуации, не были многочисленными, так как спартанская конница и наемники все еще отсутствовали, будучи отправлены в Мантинею. Было приказано, чтобы главная армия, находящаяся в этом городе, немедленно поспешила на помощь Спарте[722].

Поход Эпаминонда был предпринят только в расчете на то, что Спарта окажется беззащитной. Он был не в состоянии штурмовать город, даже если бы он был достаточно занят, и тем более тратить время на его штурм; он знал, что враг из Мантинеи немедленно последует за ним в Лаконию, в пределах которой он не хотел рисковать общими действиями. Он счел нецелесообразным брать этот неукрепленный, но неприступный город Спарты даже во время своего предыдущего вторжения в 370-369 годах до н. э., когда большая часть Пелопоннеса активно сотрудничала с ним, а у лакедемонян не было армии в поле. Поэтому, хотя он и переправился через Евротас и фактически вошел в город Спарту[723] (у которого не было стен, чтобы не пустить его), однако, как только он увидел крыши, укомплектованные солдатами, и другие приготовления к сопротивлению, он продвигался с большой осторожностью, не заходя на улицы и в захваченные дома. Он старался лишь завладеть различными возвышенностями, с которых можно было бы с выгодой для себя обрушиться на защитников города. Но и здесь, хотя они и уступали ему в численности, ему не удалось произвести никакого впечатления. И Архидам, сын Агесилая, неожиданно выйдя за линию обороны с небольшой ротой из ста гоплитов, пробрался по труднопроходимой местности впереди и атаковал фиванцев даже на холме с такой галантностью, что фактически отбил их

с некоторыми потерями; преследовал их некоторое время, пока сам не был отбит и вынужден отступить.^[724] Храбрость спартанца Исидаса, сына Фибидаса, захватившего фиванскую Кадмею, сделала честь Спарте в этот день ее сравнительного упадка. Отличаясь красотой и ростом, этот юноша вышел вперед обнаженным и без щитов, с телом, намазанным маслом, как в палестре. Взяв в правую руку копье, а в левую - меч, он бросился на врага, неся смерть и разрушения; несмотря на это, ему удалось вернуться обратно не раненым: так велик был трепет, внушаемый его необычной внешностью и отчаянным упорством. После этого эфоры украсили его почетным венком, но в то же время оштрафовали за то, что он выставил себя без защитных доспехов^[725].

Хотя спартанцы проявили здесь почетную галантность, но эти успехи, сами по себе незначительные, превозносятся до важности только благодаря пристрастности Ксенофонта. Главным фактом было то, что Агесилай был случайно предупрежден, чтобы успеть вернуться в Спарту и поставить ее на защиту до прибытия фиванцев. Как только Эпаминондас убедился в этом, он увидел, что его проект больше не осуществим; он не стал делать ничего другого, кроме как обследовать город, чтобы найти уязвимое место, не ввязываясь в опасный штурм. Запутавшись в своем первом плане, он с одинаковой готовностью к действиям и быстротой движений приступил к осуществлению второго. Он знал, что враждебная армия из Мантинеи немедленно двинется к Спарте, чтобы отвести опасность от этого города. Прямая дорога из Мантинеи в Спарту (почти на юг), пролегающая через Тегею, была открыта для Эпаминонда, но не для врага, который был бы вынужден идти другим, более извилистым путем, вероятно, через Асею и Паллантион; таким образом, он находился ближе к Мантинее, чем они. Он решил немедленно вернуться в Тегею, пока они на марше к Спарте, и прежде чем смогут узнать об изменении его намерений. Разбившись на части, он, почти не отдыхая, двинулся обратно в Тегею, где было совершенно необходимо дать отдых своим гоплитам после столь сильного утомления. Но он без промедления послал вперед свою конницу, чтобы застать врасплох Мантинею, которая теперь (он хорошо знал) будет неподготовленной и необороняемой; ее военные силы отсутствовали на марше в Спарту, а оставшееся население, как свободные, так и рабы, было занято на полях в связи с уборкой урожая. Ничто иное, как необычайное превосходство Эпаминондаса, - в сочетании с его настойчивостью в объяснении важности цели и вероятной добычи, - не смогло бы убедить усталых всадников согласиться на такой дополнительный труд, пока их товарищи наслаждались прохладой и отдыхом в Тегее^[726].

Все в окрестностях Мантинеи оказалось в том состоянии, которое предвидел Эпаминондас. Однако город был сохранен, а его хорошо продуманный план потерпел поражение благодаря неожиданной случайности, которую мантинейцы, несомненно, приписали провидению богов - так же, как Ксенофонт относится к предыдущему предупреждению, сделанному Агесилаю. Афинская конница прибыла не более чем за час до этого и только что сошла с коней у стен Мантинеи. Выехав из Элевсиса (вероятно, убедившись, что Эпаминондас больше не занимает Немею), они приняли вечернюю пищу и отдохнули на Коринфском перешейке, где, по-видимому, понесли какие-то потери или досаду.^[727] Затем они двинулись через Клеон в Мантинею, прибыв туда, не нарушив в этот день поста ни себе, ни своим лошадям. Как раз после того, как они достигли Мантинеи и еще не успели подкрепиться, внезапно появилась фиванская и фессалийская конница, продвинувшись даже до храма Посейдона, менее чем в миле от ворот^[728].

Мантинеи были в ужасе от этого события. Их военные граждане отсутствовали на походе в Спарту, а остальные были рассеяны по полям. В таком беспомощном состоянии они обратились за помощью к недавно прибывшей афинской коннице, которая, хотя и была

голодна и устала, немедленно выступила, - и действительно была обязана это сделать, так как от этого зависела их собственная безопасность. Нападавшие были отличной конницей, фиванцы и фессалийцы, более многочисленные, чем афиняне. Однако последние сражались с такой галантностью, в тесном и кровавом бою, что в целом получили преимущество, заставили нападавших отступить и с удовлетворением сохранили Мантинею со всеми ее гражданами и имуществом. Ксенофонт превозносит[729] (и, несомненно, с полным основанием) великодушную энергию афинян, которые отправились в путь голодными и изможденными. Но мы должны помнить, что фиванская конница подверглась еще более жестокому голоду и усталости, - Эпаминондас никогда бы не послал их вперед в таком состоянии, если бы ожидал серьезного сопротивления; и что они, вероятно, в некоторой степени рассеялись, чтобы пограбить и захватить пропитание в полях, через которые они проходили, так что они были найдены в беспорядке, когда афиняне вышли на них. Командир афинской кавалерии Кефисодорус,[730] вместе с Гриллом (сыном историка Ксенофонта), служившим тогда вместе со своим братом Диодором среди афинских конников, были оба убиты в битве. Памятная картина в Афинах, написанная современным художником Эвфранором, увековечила и битву, и личную галантность Грилла, памяти которого мантинейцы также воздали почести.

Вот два последовательных движения Эпаминондаса, оба хорошо продуманные, но оба потерпевшие неудачу по случайности, без каких-либо упущений с его стороны. Он сосредоточил свои силы в Тегее, в то время как его враги, возвращавшиеся из Спарты, образовали единый лагерь в окрестностях Мантинеи. Среди них были лакедемоняне, элейцы, аркадяне, ахейцы и афиняне; всего двадцать тысяч пеших и две тысячи конных, если верить утверждению Диодора:[731] который также называет численность Эпаминонда в тридцать тысяч пеших и три тысячи конных. Ни одна из этих оценок не имеет большого значения, и нельзя с уверенностью сказать, какая из двух армий была более многочисленной. Но Эпаминондас видел, что теперь у него не осталось шансов нанести удар, кроме как в открытом сражении, и совсем не отчаивался в результате.[732] Он привлек своих северных союзников на ограниченное время, которое они, вероятно, не собирались продлевать, поскольку приближался сезон сбора урожая. Кроме того, его запасов провизии едва хватало:[733] новый урожай еще не был собран, а урожай предыдущего года, вероятно, был почти исчерпан. Поэтому он принял решение немедленно напасть на врага.

Но я не могу согласиться с мнением Ксенофонта, что такое решение было вынуждено принять Эпаминондас против его собственной воли, из-за отчаянного положения, делающего невозможным для него уйти без боя, - из-за разочарования от того, что на его собственной стороне было так мало союзников, и так много собралось против него, - и из-за необходимости смыть позор своих двух недавних неудач (в Спарте и в Мантинее) или погибнуть при попытке.[734] Это оценка положения Эпаминондаса, не согласующаяся с фактами, о которых рассказывает сам Ксенофонт. Для фиванского полководца не могло быть неожиданностью, что пришло время отдавать приказ о сражении. С какой еще целью он прибыл в Пелопоннес? Или с какой другой целью он мог привести столь многочисленную армию? Если допустить, что он рассчитывал на большую поддержку в Пелопоннесе, чем нашел на самом деле, мы не можем представить себе, чтобы он надеялся, что одного его присутствия, без сражения, будет достаточно, чтобы смирить врагов, как храбрых, так и сильных. Ксенофонт преувеличивает значение недавних поражений (как он их называет) в Спарте и Мантинее. Это были скорее проверки или разочарования, чем поражения. Прибыв в Тегею, Эпаминондас счел возможным (чего он не мог знать заранее) попытаться совершить

главный переворот, сначала против Спарты, а затем против Мантинеи. Это были случайные возможности, которые его гений разглядел и использовал в своих целях. Их успех, столь близкий к реальному достижению, был бы огромным выигрышем;[\[735\]](#) но их случайная неудача оставила его не в худшем положении, чем прежде. Ему оставалось, имея врага перед собой в поле и не имея больше возможности поразить его врасплох боковыми ударами, вступить с ним в открытый бой, который он и все его окружение, должно быть, рассматривали с самого первого вступления в Пелопоннес как единственно вероятный способ решения поединка.

Армия Эпаминондаса, далекая от чувства разочарованной надежды и суровой необходимости, которое Ксенофонт приписывает своему полководцу, с нетерпением ждала его приказа и с восторженной готовностью, когда он, наконец, объявил о своем намерении. Он держал их в стенах Тегеи, тем самым не только предоставляя им лучшие помещения и более полный отдых, но и скрывая свои действия от врага, который со своей стороны расположился лагерем на границе мантинейской территории. Обрадованные перспективой выйти на бой, всадники и гоплиты Эпаминонда привели себя в наилучшее состояние. Всадники выбелили свои шлемы, гоплиты отполировали щиты, наточили копья и мечи. Даже деревенские и полувооруженные аркадцы, у которых вместо меча или копья были только дубинки, с готовностью разделили опасность фиванцев и начертали на своих щитах (вероятно, не более чем жалкие квадратики дерева) фиванский знак.[\[736\]](#) Самый лучший дух и уверенность окрыляли всех союзников, когда они выходили из ворот Тегеи и располагались в порядке марша, которым командовал Эпаминондас.

Возвышенная Мантинико-Тегейская равнина, две тысячи футов над уровнем моря (ныне известная как равнина Триполица) - "самая большая из того скопления долин в центре Пелопоннеса, каждая из которых так тесно закрыта пересекающимися горами, что для вод нет иного выхода, кроме как через сами горы." Он вытянут в длину с севера на юг, граничит с горной цепью Меналус на западе, Артемизиум и Парфенион на востоке. Его ширина в самой широкой части составляет около восьми миль, а в самой узкой - одну милю. Мантинея расположена у ее северной оконечности, Тегея - у южной; расстояние между этими двумя городами по прямой, не сильно отличающейся от севера и юга, составляет около десяти английских миль. Граница между двумя этими владениями проходила по особенно узкой части долины, где низкий хребет, выступающий с одной стороны из Менала, а с другой - из Артемизиума, сужает пространство и образует своего рода обороняемый проход в четырех милях к югу от Мантинеи;[\[738\]](#) таким образом, он был удален от Тегеи примерно на шесть миль. Именно на этой позиции, охватывающей всю территорию Мантинеи, была сосредоточена армия, противостоящая Эпаминондасу; основные силы лакедемонян, как и остальные, уже вернулись из Спарты[\[739\]](#).

Эпаминонд, выйдя из Тегеи через северные ворота, выстроил свою армию в колонны, подходящие для наступления на врага; сам он с колоннами фиванцев составлял фургон. Закончив расстановку, он сначала двинулся вперед по направлению прямо к врагу. Но вскоре он изменил свой курс, повернув налево, к Меналийской гряде гор, которая образует западную границу равнины и которой он, вероятно, достиг где-то в районе нынешней Триполицы. Оттуда он продолжил свой марш на север, огибая фланг горы с той стороны, которая находится напротив Тегеи,[\[740\]](#) пока, в конце концов, не приблизился к месту расположения врага, на его правом фланге. Здесь он остановился и заставил свои колонны повернуться лицом вправо, образовав таким образом линию, или фалангу, умеренной глубины, фронтом к врагу. Во время марша каждая лохага или рота шла в одном строю с

лохагом или капитаном (обычно самым сильным и лучшим солдатом в ней) во главе; хотя мы не знаем, сколько таких лохаг шли в один ряд, и какова была ширина колонны. Когда формировалась фаланга или фронт по отношению к врагу, каждый лохаг, конечно, становился в линию со своей ротой и по левую руку от нее; фиванцы же и сам Эпаминондас находились слева от всей линии. В таком положении Эпаминондас отдал приказ заземлить оружие[741].

Неприятель, наблюдая за ним с тех пор, как он покинул Тегею и сформировал свой походный строй, сначала предполагал, что он идет прямо на фронт их позиции, и ожидал скорого сражения. Но когда он повернул влево, к горам, и некоторое время не приближался к их позиции, они стали думать, что он не намерен сражаться в этот день. Такое мнение, возникнув однажды, продолжало существовать, несмотря на то, что, продвигаясь по склону горы, он постепенно подошел очень близко к их правому флангу. Они еще больше утвердились в этом предположении, когда увидели его фалангу с наземным оружием; это они истолковали как признак того, что он собирается разбить лагерь на том месте, где он стоял. Вполне вероятно, что Эпаминондас мог специально имитировать и другие предварительные условия лагеря, поскольку его поход из Тегеи, похоже, был организован отчасти для того, чтобы вызвать у врагов ложное впечатление, отчасти для того, чтобы попасть им в правый фланг, а не во фронт. Он полностью преуспел в своей цели. Солдаты лакедемонской стороны, полагая, что битвы не будет до следующего дня, привели свои ряды в беспорядок и рассеялись по полю. Многие всадники даже сняли нагрудные знаки и распрягли коней. И что было едва ли менее важно, - та душевная подготовка солдата, в которой он был заведен к моменту действия и которую предусмотрительные командиры никогда не упускали, если возможно, разжечь специальной проповедью в момент, - была пущена на самотек и ослаблена.[742] Так сильно вся армия была убеждена в намерении Эпаминонда разбить лагерь, что они позволили ему не только без помех, но даже без подозрений сделать все свои движения и расположения, подготовленные к немедленной атаке.

Такая беспечность удивительна, если вспомнить, что самый искусный полководец и лучшие войска Греции находились так близко к правой стороне их позиции. Отчасти это объясняется, вероятно, тем, что спартанское главенство теперь было на исходе, и не было верховного вождя, которому все лакедемонские союзники оказывали бы почтение. Если бы один из царей Спарты присутствовал, - а этот момент нельзя точно установить, - он не имел бы никакого начальства, кроме лакедемонских войск. Во всей союзной армии мантинейцы занимали крайнее правое место (как и в прошлом случае, потому что битва происходила на их территории[743] и потому что лакедемоняне потеряли свою некогда признанную привилегию) вместе с другими аркадянами. В правом и центре находились лакедемоняне, элейцы и ахейцы; в крайнем левом - афиняне.[744] Конница была на обоих флангах: афинская - слева, элейская - справа; она была распределена не более чем на обычную глубину, без примеси легкой пехоты к всадникам.[745]

В фаланге Эпаминонда сам он с фиванцами и беотийцами был слева, аргейцы - справа, аркадяне, мессенцы, эвбейцы, сикионцы и другие союзники - в центре.[746] Его целью было повторить тот же общий план атаки, который так хорошо удался при Лейктре; самому возглавить атаку со своими бейотийцами слева против правого или правого центра противника и сбить врага с этой стороны с неодолимой силой, как пехоты, так и конницы; в то время как он удерживал свою правую сторону и центр, состоящие из менее надежных войск, пока битва не была бы полностью или частично решена таким образом. Таким образом, он заставил беотийских гоплитов, занимавших левую часть его линии в лохах или ротах, с

лохагом или капитаном на левом краю каждой, повернуть вправо и выстроиться в колонну перед врагом, впереди его остальной линии. Таким образом, фиванские лохаги оказывались непосредственно перед лицом врага, возглавляя колонну необычайной глубины; все гоплиты каждого лохага, а возможно, и нескольких лохагов, выстраивались в строй позади них.^[747] Какова была фактическая глубина и каково было точное число лохагов, мы не знаем. При Лейктре Эпаминондас атаковал с глубиной в пятьдесят щитов; в Мантинее глубина его колонны, вероятно, была не меньше. Во главе колонны шел он сам с отборными фиванскими воинами, и он рассчитывал прорвать фалангу противника на любом участке, где бы он ни атаковал; ведь их ряды вряд ли были глубже восьми, и они не могли противостоять столь мощному удару. Его колонна должна была прорезать фалангу противника, как нос триремы в морском бою пробивает мидель противника.

По-видимому, только беотийские гоплиты были выстроены в колонну, выступая вперед, а остальные союзники оставались в своей обычной фаланге или линии.^[748] Эпаминондас рассчитал, что когда он прорвет фалангу противника в одном месте, остальные либо обратятся в бегство, либо будут настолько подавлены, что его союзники, идущие в фаланге, смогут легко с ними справиться.

Против конницы справа от противника, которая была выстроена лишь в обычной для фаланги гоплитов глубине (четыре, шесть, а может быть, и восемь человек),^[749] и без какой-либо легкой пехоты, перемешанной в строю, фиванский полководец противопоставил слева свою собственную превосходную конницу, фиванскую и фессалийскую, но в сильной и глубокой колонне, чтобы обеспечить им также превосходство в силе атаки. Кроме того, он добавил в их ряды активных пехотинцев, стрелков и пращников, которых у него было много из Фессалии и Малийского залива^[750].

Оставалась еще одна мера предосторожности. Его глубокая колонна фиванцев и беотийцев, выдвинувшись в атаку, могла оказаться с правой или незащищенной стороны под ударом афинян, особенно афинской конницы, с левой стороны противника. Для защиты от такого движения он разместил на возвышенности справа от себя особый резерв, как конный, так и пеший, чтобы зайти афинянам в тыл, если они попытаются это сделать.

Все эти новые диспозиции для атаки, сделанные на месте, должны были занять время и вызвать много видимых движений. Составить колонну пехоты и колонну конницы для атаки слева и разместить резерв на возвышенности справа от афинян - это были действия, которые враг с соседней позиции не мог не заметить. Но они либо не обращали внимания, либо не понимали, что происходит.^{751]} И только когда Эпаминондас, считая, что все завершено, дал команду "взяться за оружие", у них появилось хоть какое-то подозрение о надвигающейся опасности. Как только они увидели, что он на полном марше быстро движется к ним, удивление и бурные движения охватили их. Разрозненные гоплиты побежали по своим местам; офицеры приложили все усилия, чтобы выстроить строй; всадники поспешили запрячь коней и вернуть нагрудные знаки.^[752] И хотя пространство, разделявшее две армии, было достаточно велико, чтобы частично исправить эту оплошность, солдаты, застигнутые врасплох, спешенные и встревоженные, были не в состоянии выдержать страшный удар отборных фиванских гоплитов в глубокой колонне.

Грандиозная атака, как кавалерии, так и пехоты, которую Эпаминондас организовал слева от себя, была триумфальной в обеих своих частях. Его кавалерия, при поддержке смешавшихся с фессалийцами дартеров и легких отрядов, разбила и разгромила противостоящую им конницу противника, а затем, удержавшись от преследования, повернула, чтобы обрушиться

на фалангу пехоты. Эпаминондас, со своей колонной фиванцев, вступил в тесное столкновение с мантинейской и лакедемонской пехотой, которую после отчаянной борьбы щитом, копьем и мечом он снес благодаря превосходству в силе и весе. В этом месте он прорвал строй вражеской пехоты, заставив противостоявших ему лакедемонян после мужественного и убийственного сопротивления повернуться спиной и обратиться в бегство. Оставшиеся в строю войска противника, видя, что лучшая часть их армии разбита и обращена в бегство, тоже повернули и бежали. Центр и правая часть Эпаминонда, находившиеся на менее продвинутом фронте, вступили в бой с врагом лишь после того, как на них произвело впечатление его наступление, и поэтому обнаружили, что противостоящие им войска уже дрогнули и были обескуражены. Ахейцы, элейцы и другая пехота с этой стороны после недолгого сопротивления сдались; как видно, в основном от заражения и тревоги, когда они увидели, что лакедемоняне разбиты. Афиняне же, особенно конница, на левом крыле своей армии, похоже, вступили в серьезную схватку с конницей противника. Диодор утверждает, что они были побеждены после галантного боя,^[753] пока им на помощь не пришла элейская конница с правого фланга. Здесь, как и во многих других вопросах, трудно согласовать его рассказ с Ксенофонтом, который явно намекает, что основная нагрузка пришлась на фиванскую левую и лакедемонскую правую и центральную части, - и из его рассказа мы скорее должны были бы заключить, что элейская конница, разбитая справа, могла получить помощь от афинской конницы слева, что меняет утверждение Диодора.

Однако в отношении этого важного сражения мы не можем с уверенностью судить ни о чем, кроме определяющего момента и конечного результата.^[754] Расчеты Эпаминондаса полностью оправдались. Неотразимая атака, как пехоты, так и конницы, предпринятая им самим с левого крыла, не только разгромила непосредственно противостоящие войска, но и обратила в бегство всю армию противника. Именно при этих победных обстоятельствах, когда он во главе колонны своей фиванской пехоты наседали на отступающего врага, он получил смертельную рану копьем в грудь. По привычке и характеру он всегда был первым, кто отваживался на опасность, и в этот день, вероятно, подверг себя опасности, чтобы ободрить окружающих и обеспечить успех своего собственного похода, от которого так много зависело; кроме того, греческий генерал сражался пешим в строю и носил то же оружие (копье, щит и т. д.), что и рядовой солдат. Диодор рассказывает, что лакедемонская пехота оказывала длительное сопротивление, когда Эпаминондас выступил во главе фиванцев для новой отчаянной атаки; он вышел вперед, метнул копье и убил лакедемонского командира; убив нескольких воинов и запугав других, он заставил их уступить дорогу; Лакедемоняне, увидев его впереди своих товарищей, повернулись к нему и осыпали его дротиками, от некоторых из которых он уклонялся, другие отбивал своим щитом, а третьи, попав в тело и ранив его, вырывал и использовал для отражения врага. В конце концов он получил смертельную рану в грудь копьем.^[755] Я не могу не обратить внимания на эти подробности, которые когда-то вошли в греческую историю, хотя они кажутся скорее плодом воображения, возникшего после прочтения "Илиады", чем пересказом реального боя фиванцев и лакедемонян, оба из которых отличались ближним боем, с длинным копьем и тяжелым щитом. Смертельное ранение Эпаминондаса копьем в грудь - единственная часть дела, о которой мы действительно знаем. Рукоятка копья сломалась, и острие осталось торчать в его груди. Он тут же упал, а поскольку враги в этот момент отступали, попал в объятия своих товарищей. За его тело не было споров, как за тело Клеомброта при Лектре.

Весть о его смертельной ране разнеслась по армии, как лесной пожар, а произведенный эффект относится к числу самых необычных явлений во всей греческой военной истории. Я привожу его словами современного историка. "Таким образом (говорит Ксенофонт) Эпаминондас выстроил свой порядок нападения; и он не разочаровался в своих ожиданиях. Ибо, одержав победу в том месте, где он сам напал, он обратил в бегство все войско врага. Но как только он пал, те, кто остался, уже не имели сил даже по праву использовать победу. Хотя фаланга вражеской пехоты была на полном ходу, фиванские гоплиты не убили больше ни одного человека и не продвинулись ни на шаг за пределы места сражения. Хотя вражеская конница также была в полном бегстве, фиванские всадники не продолжали преследования, не убили больше ни всадников, ни гоплитов, а отступили назад сквозь отступающих врагов с робостью избитых людей. Легкие отряды и пельтасты, смешавшиеся с фиванской конницей и способствовавшие победе, с уверенностью завоевателей двинулись на врага слева; но там (не поддержанные своими всадниками) они были большей частью истреблены афинянами на куски"[756].

Как ни поразителен этот рассказ, мы не можем сомневаться в том, что он буквально правдив, поскольку противоречит симпатиям рассказывающего свидетеля. Ничто, кроме давления неопровержимых доказательств, не могло заставить Ксенофонта записать столь болезненную для него сцену, как избитая лакедемонская армия, находящаяся в полном бегстве и спасенная от гибели только несвоевременной раной фиванского полководца. То, что Эпаминондас не оставил бы себе преемника, равного или второго, теперь, когда Пелопидаса больше не было, - то, что армия, которой он командовал, была бы неспособна совершить новые движения или завершить незаконченную кампанию, - мы можем легко представить. Но чтобы на поле битвы, когда уже пройден момент опасной и сомнительной борьбы, когда кровь солдата бурлит, чтобы он пожинал свою награду, преследуя врага, которого он видит бегущим перед собой, чтобы в этот кризис буйного нетерпения, когда Эпаминондас, если бы он был не ранен, ему было бы трудно сдерживать своих солдат от чрезмерного форсирования, они должны были сразу же стать парализованными и обезоруженными, услышав о его падении, - вот во что мы не могли бы поверить, если бы не нашли это подтверждение у свидетеля, одновременно современного и враждебного. Едва ли когда-либо было найдено столь яркое доказательство преданных и всепоглощающих чувств солдат по отношению к своему генералу. Все надежды этой армии, состоящей из столь разных элементов, были сосредоточены на Эпаминондасе; вся их уверенность в успехе, вся их безопасность от поражения проистекали из идеи действовать по его приказу; вся их сила, даже в том, чтобы поразить побежденного врага, казалось, исчезала, когда эти приказы отменялись. Мы не можем с одобрением говорить о таких действиях. У Фив и союзных им городов были все основания жаловаться на своих солдат за грубое неисполнение воинского долга и капитальное разочарование в заслуженном триумфе, - как бы мы ни относились к этому мотиву. Конечно, больше всех был огорчен сам Эпаминондас, чьи предсмертные минуты должны были быть омрачены, если бы он дожился до этого. Но если рассматривать этот факт просто как знак и меру превосходства, которое он установил над умами своих солдат, то он не найдет аналогов в истории. Несколько страниц назад я уже рассказывал о сильной скорби фиванцев и их союзников в Фессалии по поводу мертвого тела Пелопида[757] на холме в Киносикефале. Но все прямые и осознанные свидетельства привязанности к мертвому или умирающему вождю (а их, несомненно, было предостаточно и на Мантинейском поле) не дотягивают до произвольной приостановки оружия в заманчивый час победы.

О том, что настоящая победа и почести в тот день принадлежали Эпаминондасу и фиванцам, мы знаем из неопровержимых свидетельств Ксенофонта. Но поскольку побежденные,

получив возможность отступить без преследования, были отделены лишь небольшим расстоянием от стен Мантинеи и, возможно, сплотились еще до того, как достигли города, - поскольку афинская конница разрубила на части некоторые из отставших легких войск, - они тоже претендовали на победу. С обеих сторон были воздвигнуты трофеи. Тем не менее фиванцы были хозяевами поля боя, так что лакедемоняне после некоторого колебания были вынуждены послать глашатая просить перемирия для погребения убитых и предоставить для погребения те фиванские тела, которые были у них в наличии[758] Это было понятное признание поражения.

Хирурги, осмотрев рану Эпаминондаса, в которой еще торчал наконечник копья, сказали, что он должен умереть, как только его извлекут. Сначала он спросил, цел ли его щит, и щитоносец, ответив утвердительно, показал его ему на глаза. Затем он спросил о результате битвы и получил ответ, что его собственная армия одержала победу. [759] Затем он пожелал увидеть Иолайдаса и Дайфанта, которых он намеревался сменить на посту командующего, но получил скорбный ответ, что оба они убиты. [760] "Тогда (сказал он) ты должен заключить мир с врагом". Он приказал отвести наконечник копья, и поток крови быстро оборвал его жизнь.

Из трех вопросов, приписываемых здесь умирающему вождю, третий является самым серьезным и значимым. Смерть этих двух граждан, единственных людей в лагере, которым Эпаминондас мог доверять, показывает, насколько тяжелой и невосполнимой была потеря фиванцев, причем не по количеству, а по качеству. Не только сам Эпаминондас, но и два единственных человека, способных в какой-то мере заменить его, погибли на том же поле; а Пелопид пал в предыдущем году. Такое накопление индивидуальных потерь следует иметь в виду, когда мы переходим к рассмотрению полной утраты славы и достоинства фиванцев после этой дорого купленной победы. Это наглядное свидетельство крайней бесцеремонности, с которой их лидеры выставляли себя напоказ, а также галантного сопротивления, которое они испытали.

Смерть Эпаминонда вызвала в лакедемонском лагере ликование, соразмерное печали фиванцев. Не один воин был удостоен чести нанести этот удар. Мантинеи отдали ее своему гражданину Махериону, афиняне - Гриллу, сыну Ксенофонта, спартанцы - своему соотечественнику Антикрату.[761] В Спарте даже во времена Плутарха почет оказывался потомкам Антикрата, который, как считалось, спас город от самого грозного врага. Подобные знаки служат драгоценным свидетельством памяти Эпаминондаса, полученным от свидетелей, не вызывающих никаких подозрений.

Как весть о его смерти была воспринята в Фивах, мы не знаем. Но несомненно, что печаль, так парализующая победоносных солдат на поле Мантинеи, ощущалась с такой же остротой и не менее угнетающим эффектом в здании сената и на рыночной площади Фив. Город, граждане-солдаты и союзники в равной степени должны были проникнуться скорбным убеждением, что предсмертный наказ Эпаминондаса должен быть выполнен. Поэтому были открыты переговоры, и мир был заключен - возможно, сразу же, еще до того, как армия покинула Пелопоннес. Фиванцы и их аркадские союзники требовали лишь признания *statu quo*; оставить все как было, без каких-либо изменений или реакционных мер, но при этом признать Мегалополь с пан-аркадской конституцией, приложенной к нему, а также признать Мессену как независимый город. Против этой последней статьи Спарта громко и императивно протестовала. Но ни один из ее союзников не сочувствовал ее чувствам. Некоторые, правда, были решительно против нее; до такой степени, что мы видим, как вскоре после этого сохранение независимой Мессены против Спарты стало признанным принципом афинской внешней политики.[762] Ни афиняне, ни элейцы, ни аркадяне не

желали усиления Спарты. Никто не был заинтересован в затягивании войны, перспективы которой были сомнительны для каждого; в то время как все желали, чтобы большие армии, находившиеся в Аркадии, были отведены. Поэтому мир был заключен на этих условиях, а автономия Мессены была гарантирована всеми, кроме спартанцев, которые одни держались в стороне, не имея ни друзей, ни помощников, в надежде на лучшие времена, - вместо того чтобы подчиниться тому, что они считали невыносимой деградацией[763].

В этих условиях армии обеих сторон отступили. Ксенофонт прав, когда говорит, что ни одна из сторон не получила ничего - ни города, ни территории, ни владений; хотя до битвы, учитывая величину двух противоборствующих армий, все ожидали, что победители, кем бы они ни были, станут хозяевами, а побежденные - подданными. Но его утверждение, что "после битвы в Греции было больше беспорядков и споров, чем до нее", должно быть истолковано отчасти как вдохновение фило-лаконскими настроениями, которые рассматривают мир, не принятый Спартой, как не мир вообще, а отчасти как основанное на том обстоятельстве, что ни одно государство не признавало за собой определенного главенства. Спарта когда-то пользовалась этим правом и подала позорный пример, вытребовав его подтверждение у персидского царя во время Анталкидского мира. И Фивы, и Афины стремились к тому же достоинству, и оба с помощью тех же средств, после битвы при Лейктре; ни один из них не преуспел. Таким образом, Греция осталась без главы, и в этом утверждение Ксенофонта верно. Но было бы неверно полагать, что последняя экспедиция Эпаминондаса в Пелопоннес не принесла никаких результатов, хотя безвременная смерть и лишила его великих и блестящих плодов. Перед его походом фиванская партия в Аркадии (Тегея, Мегалополь и т. д.) была на грани разгрома мантинейцами и их союзниками. Его экспедиция, хотя и закончилась нерешительной победой, тем не менее, разбила конфедерацию, зачисленную в поддержку Мантинеи; это позволило Тегее и Мегалополю удержаться против своих аркадских противников и, таким образом, оставило границу против Спарты незатронутой. Поэтому мы признаем утверждение Ксенофонта, что Фивы не получили в результате битвы ни города, ни территории, ни владений, но в то же время должны добавить, что она получила возможность сохранить своих аркадских союзников и антиспартанскую границу, включая Мессену.

Это был выигрыш немалой важности. Но оно было дорого куплено кровью ее первого героя, пролитой на поле Мантинеи, не говоря уже о двух его секундантах, о которых мы знаем только из его приговора, - Даифанте и Иолаиде.[764] Он был похоронен на поле битвы, и на его могиле воздвигли монументальную колонну.

Едва ли какой-либо персонаж греческой истории был оценен с таким единодушием, как Эпаминондас. Он получил массу восхищения - от всех, искреннего и сердечного, от некоторых - восторженного. Цицерон объявляет его первым человеком Греции".[765] Суждение Полибия, хотя и не выражено столь категорично в одном эпитете, но едва ли менее значимо и хвалебно. Не только историки или критики сформировали это суждение. Лучшие деятели, сочетающие в себе воина и патриота, такие как Тимолеон и Филопемн,[766] ставили перед собой Эпаминондаса как образец для подражания. Об Эпаминондасе часто говорят, и это замечание приходит на ум всякий раз, когда мы говорим об Эпаминондасе, хотя его силу мы ощутим только тогда, когда перейдем к последующей истории, - что с ним началось и закончилось достоинство и влияние Фив. Период его активной политической жизни охватывает шестнадцать лет, начиная с возрождения Фив в свободную общину, изгнания лакедемонского гарнизона и ниспровержения правящей олигархии, и заканчивая роковым днем Мантинеи (379-362 гг. до н.э.). Его выдающееся и беспримерное восхождение относится к последним восьми годам, начиная с победы при Лейктре (371 г. до н. э.). На

протяжении всего этого периода все, что мы знаем, и все, что мы можем разумно предположить, полностью подтверждает суждения Полибия и Цицерона, которые имели возможность узнать гораздо больше. И это при том, что Эпаминондас судим по суровому канону: ведь главный свидетель-современник - решительно враждебный. Даже философ-лаконист Ксенофонт не находит в главном враге Спарты ни проступков, ни упущений, которые можно было бы раскрыть, - он упоминает его только для того, чтобы записать то, что достойно чести, - и проявляет извращающую предвзятость главным образом в том, что замалчивает или замалчивает его триумфы. Человек, чье красноречие умилило Агесилая на съезде, предшествовавшем битве при Лектре,^[767] который в этой битве лишил Спарту славы и передал венок Фивам, который через несколько месяцев после этого не только опустошил всю девственную территорию Лаконии, но и отрезал лучшую половину ее для возвращения независимой Мессены, а на ее границе воздвиг враждебную аркадскую общину Мегалополь, - автор этих роковых бедствий внушает Ксенофону такую нестерпимую досаду и антипатию, что в двух первых он сохраняет имя, а в третьем пресекает содеянное. Но в последней кампании, предшествующей битве при Мантинее (в которой Спарта не понесла никаких потерь, а смерть Эпаминонда смягчила все предубеждения против него), не было такого сильного давления на верность историка. Соответственно, заключительная глава "Эллиники" Ксенофонта содержит панегирик,^[768] обширный и безоговорочный, посвященный военным заслугам фиванского полководца; Его смелое предприятие, его всеобъемлющая прозорливость, его забота о том, чтобы избежать ненужного воздействия на солдат, его превосходная дисциплина, его хорошо скомбинированная тактика, его плодотворный агрессивный ресурс в нанесении ударов по слабым местам противника, который довольствуется тем, что следует и парирует его удары (по выражению Демосфена^[769]), как неумелый драчун, и добивается этого только благодаря сигнальной помощи случая. Усилия стратегического гения, впервые придуманные и примененные в то время, когда неотразимая сила атаки обрушивается на один пункт вражеской линии, в то время как остальная часть его армии находится в относительном отступлении, пока действие не будет решено таким образом, - четко отмечены Ксенофонтом, вместе с его триумфальным эффектом, в битве при Мантинее; хотя та же самая комбинация на поле Лейктры обойдена в его описании, как будто она настолько обычна, что не требует никакого упоминания о вожде, с которым она произошла. Сравните Эпаминондаса с Агесилаем, - как велико превосходство первого, даже в рассказе Ксенофонта, искреннего панегириста другого! Как наглядно мы видим, что ничто, кроме смертельного ранения копьем в Мантинее, не помешало ему пожинать плоды целого ряда восхитительных мероприятий и стать арбитром Пелопоннеса, включая саму Спарту!

Одни только военные заслуги Эпаминондаса, если бы они принадлежали только генералу наемников, в сочетании с ничем не заслуживающим похвалы в других отношениях, - поставили бы его как человека высокого и оригинального гения выше любого другого грека, предшественника или современника. Но в том-то и состоит особенность этого великого человека, что мы не вынуждены заимствовать одну сторону его характера, чтобы компенсировать недостатки другой.^[770] Его великолепная военная мощь никогда не была использована в личных целях: ни скупостью, ни честолюбием, ни непомерным тщеславием. Бедный в начале своей жизни, он не оставил в конце ее достаточно средств, чтобы оплатить свои похороны; презрев многочисленные возможности для обогащения, которые предоставляло его положение, а также самые богатые предложения от иностранцев.^{771]} Честолюбия у него было так мало, по природному темпераменту, что друзья обвиняли его в оцепенении. Но как только опасное положение Фив требовало этого, он проявлял столько же энергии в ее защите, сколько и самый честолюбивый из ее граждан, без всякой придиристичности, частой у честолюбцев, к тому, сколько прославления или почтения

причитается ему от его соотечественников. И его личное тщеславие было настолько слабо разгорелось даже после впечатляющего успеха при Лейктре, что мы видим его служащим в Фессалии в качестве рядового гоплита в строю, а в городе - в качестве эдила или низшего уличного магистрата, под титулом Телеарха. Выдающийся образец способности и доброй воли, как командовать, так и быть повелеваемым, которые, по мнению Аристотеля, составляют в своем сочетании характерную черту достойного гражданина.^[772] Однажды он вызвал недовольство своих сограждан за свою мудрую и умеренную политику в Ахайе, которую они имели несправедливость отменить. Мы также не сомневаемся, что он часто подвергался нападкам со стороны политических цензоров и врагов, что является условием высокого положения в каждом свободном государстве; но ни одна из этих причин не нарушила достойного спокойствия его политического курса. Как он никогда не добивался популярности недостойными искусстваами, так и непопулярность он переносил без ропота и без гневного отречения от патриотического долга^[773].

Мягкость его антипатии к политическим противникам на родине была неизменной; и, что еще более примечательно, на фоне прецедента и практики греческого мира его враждебность к иностранным врагам, беотийским раскольникам и фиванским изгнанникам была неизменно свободна от реакционной мести. На предыдущих страницах было приведено достаточно доказательств этого редкого сочетания качеств в одном человеке; возвышенного бескорыстия, не только в отношении коррупционных выгод, но и в отношении более соблазнительных раздражителей честолюбия, в сочетании со справедливой привязанностью к сторонникам и беспримерной мягкостью к врагам. Его дружба с Пелопидом никогда не нарушалась в течение пятнадцати лет их совместной политической карьеры; отсутствие ревности - сигнал и заслуга обоих, хотя больше всего заслуга Пелопида, более богатого, а также более низкого человека из них двоих. Им обоим и их гармоничному сотрудничеству Фивы были обязаны своим недолгим великолепием и возвышением. Однако, сравнивая одного с другим, мы не только не замечаем в Пелопиде недюжинного стратегического гения и выдающегося красноречия, но даже постоянной бдительности и благоразумия, которые никогда не покидали его друга. Если бы у Пелопида был Эпаминондас в качестве его спутника в Фессалии, он вряд ли доверился бы доброй воле и не попробовал бы темницу ферейского Александра; не бросился бы он вперед на верную гибель, в порыве френсийского страха, при виде этого ненавистного тирана в последующей битве.

В красноречии Эпаминондас, несомненно, нашел бы себе начальников в Афинах; но в Фивах у него не было ни равных, ни предшественников, ни преемников. В новой фазе, в которую Фивы перешли после изгнания лакедемонян из Кадмеи, такой дар уступал по важности только великим стратегическим качествам; сочетание же обоих возвышало его обладателя до посланника, советника, спорщика своей страны,^[774] также как и до ее военного министра и главнокомандующего. Стыд за признание Фив ведущим государством Греции, воплощенный в нынешних фразах о глупости беотийцев, был бы заметно смягчен, если бы ее представитель на собравшемся конгрессе говорил с плавным изобилием гомеровского Одиссея, а не громким, кратким и торопливым блеянием Менелая. ^{775]} Обладание таким красноречием в неинтересной атмосфере Фив предполагало гораздо большую умственную силу, чем то, что подобное достижение могло быть продемонстрировано в Афинах. У Эпаминондаса оно устойчиво ассоциировалось с мыслью и действием - тем тройным сочетанием мышления, речи и действия, которое Исократ и другие афинские софисты^[776] ставили перед своими слушателями как основу и квалификацию для достойной гражданской

жизни. К общей для всех фиванцев телесной подготовке и солдатской практике Эпаминондас добавил пылкий интеллектуальный порыв и свойственный только ему круг дискуссий с окружающими философами. Он не попал в общественную жизнь по случайности рождения или богатства, не был водружен и поддерживаем олигархическими клубами, и даже не был определен в нее изначально какими-то своими спонтанными амбициями. Но великая революция 379 года до н. э., изгнавшая из Фив и лакедемонский гарнизон, и местную олигархию, правившую с его помощью, заставила его идти вперед по сильнейшим обязательствам долга и интереса, поскольку ничто, кроме энергичной защиты, не могло спасти от рабства ни его, ни всех остальных свободных фиванцев. Именно по такой же необходимости американская революция и первая французская революция выдвинули в первые ряды самых образованных и способных людей страны, независимо от того, были ли они честолюбивы по темпераменту или нет. Как давление времени побудило Эпаминондаса двигаться вперед, так и его соотечественники были вынуждены искать компетентного лидера везде, где его можно было найти; и в ни в одном другом живом человеке они не могли найти такого же союза солдата, генерала, оратора и патриота. Просматривая всю греческую историю, только в Перикле мы находим подобное многогранное превосходство, ибо, хотя Эпаминондас значительно уступает ему как полководец, Перикл должен быть признан выше его как государственный деятель. Но для обоих одинаково верно, - и это замечание в значительной степени иллюстрирует источники греческого совершенства, - что ни один из них не вышел исключительно из школы практики и опыта. Они оба привели в эту школу умы, упражнявшиеся в беседах с наиболее образованными философами и софистами, доступными им, - приученные к разнообразным интеллектуальным комбинациям и к более широкому кругу вопросов, чем те, которые ставились перед общественным собранием, - знакомые с рассуждениями, которые скрупулезная набожность Никиаса отвергала, а преданный военный патриотизм Пелопида презирал.

В одном вопросе, как я уже заметил, политика, которую Эпаминондас рекомендовал своим соотечественникам, представляется сомнительно мудрой - его совет соперничать с Афинами за трансмаринную и морскую мощь. Нельзя признать в этом совете ту же точную оценку постоянных причин, тот же дальновидный взгляд на условия силы для Фив и слабости для их врагов, который продиктовал основание Мессены и Мегалополя. Эти два города, будучи основанными, пустили такие прочные корни, что Спарта не смогла убедить даже своих союзников содействовать их уничтожению; это явное доказательство здравого смысла, на который опирался их основатель. Как бы поступил Эпаминондас - последовал ли бы он столь же благоразумным и проницательным принципам, - если бы пережил победу при Мантинее, - это вопрос, который мы не в силах определить. Тогда он оказался бы на вершине славы и был бы наделен такой властью, какой не обладал ни один грек, не злоупотребляя ею. Но все, что мы знаем об Эпаминондасе, оправдывает предположение, что он, как никто другой из греков, был бы признан равным даже этому великому испытанию; и что его безвременная смерть закрыла ему путь в будущее, не менее почетный для него самого, чем полезный для Фив и Греции в целом.

О личной жизни и привычках Эпаминондаса мы почти ничего не знаем. Нам говорят, что он никогда не женился; и мы находим краткие упоминания, без каких-либо подробностей, о привязанностях, которым он, как говорят, предавался.^[777] Среди соотечественников Пиндара^[778] преданная привязанность между зрелыми мужчинами и прекрасными юношами была более частой, чем в других частях Греции. Она подтверждалась взаимными клятвами у гробницы Иолая и считалась самым крепким залогом воинской верности в час битвы. Асопих и Кафисодор названы юношами, которым Эпаминондас был очень предан. Первый с отчаянной храбростью сражался в битве при Лейктре и после победы вырезал на

своем щите изображение лейктрийского трофея, который посвятил в Дельфах;[779] второй погиб вместе со своим прославленным другом и вождем на поле Мантинее и был похоронен в могиле, расположенной рядом с ним[780].

Похоже, что спартанцы, сильно обидевшись на своих союзников за то, что те бросили их на произвол судьбы в Мессене, стали отвлекаться от дел Греции на дела Азии и Египта. Но разногласия в Аркадии не были полностью утихомирены даже недавним миром. Город Мегалополь был основан всего за восемь лет до этого путем слияния множества мелких поселений, каждое из которых до этого обладало более или менее совершенной автономией. Яростный антиспартанский импульс, которым были отмечены два года, последовавшие за битвой при Лейктре, до такой степени подавил прежние инстинкты этих поселений, что они поддались планам Ликомеда и Эпаминонда о создании в новом городе расширенной общины. Но с тех пор произошла реакция. Во главе антимегалопольской партии в Аркадии встали мантинейцы, и несколько общин, влившихся в Мегалополь, рассчитывая на помощь от них и от элейцев, настаивали на отделении и возвращении своей первоначальной автономии. Если бы не помощь извне, Мегалополь оказался бы в затруднительном положении. Настоятельная просьба была направлена фиванцам, которые отправили в Аркадию три тысячи гоплитов под командованием Паммена. Эта сила позволила мегалопольцам, хотя и не без мер значительной жесткости, сохранить целостность своего города и удержать в общении непокорных членов.[781] И, судя по всему, полученное таким образом вмешательство было постоянно эффективным, так что целостность этой недавней панаркадской общины больше не нарушалась.

Старый царь Агесилай в возрасте восьмидесяти лет был вынужден видеть, как безвозвратно сужается владычество Спарты, как ниспровергается ее влияние в Аркадии, а потеря Мессены официально признается даже ее собственными союзниками. Все его протесты, а также протесты его сына Архидама, так настойчиво выдвигаемые Исократом, закончились лишь тем, что Спарта еще больше изолировалась от греческой поддержки и сочувствия. Архидам, вероятно, никогда всерьез не пытался осуществить отчаянную затею, которой он угрожал за два или три года до битвы при Мантинее; лакедемоняне должны были отослать своих жен и семьи и превратить свое военное население в вечный лагерь, чтобы никогда не складывать оружие, пока они не отвоюют Мессену или не погибнут при попытке.[Однако он и его отец, хотя и покинутые всеми греческими союзниками, не теряли надежды получить помощь в виде денег для сбора наемных войск от туземных князей в Египте и восставших персидских сатрапов в Азии, с которыми они, похоже, некоторое время состояли в переписке[783].

Ко времени битвы при Мантинее - и, как кажется, за несколько лет до нее - значительная часть западных владений Великого Царя находилась в состоянии отчасти восстания, отчасти сомнительного повиновения. Египет уже несколько лет находился в состоянии фактического восстания и под властью туземных князей, которых персы тщетно пытались подчинить (прибегая для этого к помощи афинских полководцев Ификрата и Тимофея) в 374 и 371 годах до н. э. Ариобарзанес, сатрап области близ Пропонта и Геллеспонта, похоже, восстал около 367-366 годов до н. э. В других частях Малой Азии, Пафлагонии, Писидии и т. д., также восстали подчиненные князья, - подчиненные князья или правители стали недовольны Артаксерксом. Но их недовольство некоторое время сдерживалось необычайными способностями и энергией карийца Датамеса, военачальника царя в части Каппадокии, который одержал над ними несколько важных побед благодаря быстроте передвижения и хорошо продуманной стратегаеме. Вскоре заслуги Датамеса стали настолько выдающимися, что вызвали ревность многих персидских вельмож; они отравили царские умы против него и

тем самым подтолкнули его к поднятию восстания в его собственном округе Каппадокии, в союзе и согласии с Ариобарзанесом. Напрасно Автофрадат, сатрап Лидии, был послан Артаксерксом с мощным отрядом, чтобы покорить Датамеса. Последний сопротивлялся всем открытым силам Персии и в конце концов был побежден только вероломным заговором Митридата (сына Ариобарзана), который, развращенный персидским двором и ставший предателем как своего отца Ариобарзана, так и Датамеса, симулировал ревностное сотрудничество, склонил последнего к доверительной беседе и там убил его[784].

Однако в Малой Азии оставались влиятельные князья и сатрапы, недовольные двором: Мавсол, князь Карики; Оронт, сатрап Мизии, и Автофрадат, сатрап Лидии, - последний теперь, очевидно, присоединился к восставшим, хотя до этого активно поддерживал власть царя. Похоже, что восстание распространилось также на Сирию и Финикию, так что все западное побережье с его большими доходами, а также Египет были сразу же отторгнуты от империи. Тахос, родной царь Египта, был готов оказать помощь этой грозной комбинации недовольных военачальников, которые избрали своим вождем Оронта, доверив ему свои объединенные силы и отправив Реомитра в Египет для получения денежной помощи. Но персидский двор разрушил силу этой комбинации, развратив Оронта и Реомитра, которые предали своих единомышленников и привели к провалу предприятия. О подробностях мы почти ничего не знаем[785].

И спартанский царь Агесилай с тысячей лакедемонских или пелопоннесских гоплитов, и афинский полководец Хабрий были приглашены в Египет, чтобы командовать войсками Тахоса; первый - на суше, второй - на море. Хабрий прибыл просто как доброволец, без какой-либо общественной санкции или приказа из Афин. Но служба Агесилая была предпринята в целях и с согласия властей дома, о чем свидетельствует присутствие тридцати спартанцев, которые выступили в качестве его советников. Спартанцы были недовольны персидским царем за то, что он одобрил независимость Мессены, а поскольку перспектива свержения или ослабления его империи в этот момент представлялась значительной, они рассчитывали получить большое вознаграждение за свои услуги египетскому принцу, который в свою очередь окажет им помощь в реализации их замыслов в Греции. Но раздоры и дурные мысли омрачили все комбинации против персидского царя. Агесилай, прибыв в Египет,[786] был принят без особого уважения. Египтяне с изумлением увидели, что тот, кого они приглашали как грозного воина, оказался маленьким обезображенным стариком, в убогом одеянии, сидящим на траве со своим войском, не заботясь о показухе и роскоши. Они не только выразили свое разочарование в язвительных замечаниях, но и отказались передать ему верховное командование, как он предполагал. Его признали лишь генералом сухопутных наемных войск, в то время как Тахос сам командовал главнокомандующим, а Чабриас стоял во главе флота. Были предприняты большие усилия, чтобы собрать силы, способные выступить против Великого царя; говорят, что Хабрий предлагал различные хитрости для получения денег от египтян.[787] Укрепив таким образом армию, Агесилай, хотя и недовольный и возмущенный, все же сопровождал Тахоса в экспедиции против персидских войск в Финикии; отсюда они были вынуждены вернуться из-за восстания Нектанебиса, двоюродного брата Тахоса, который заставил себя провозгласить царем Египта. Тахос теперь был полон мольбы к Агесилаю поддержать его против конкурента за египетский трон; в то время как Нектанебис, также на его стороне, начал делать большие ставки на благосклонность спартанцев. С одобрения домашних властей, но несмотря на противодействие Хабрия, Агесилай принял решение в пользу Нектанебиса, выведя наемников из лагеря Тахоса,[788] который, соответственно, был вынужден бежать. Хабрий

вернулся домой в Афины; либо не решив оставить Тахоса, которому он пришел служить, - либо отозванный по специальному приказу своих соотечественников, в связи с протестом персидского царя. Вскоре в Мендесском разделе Египта появился конкурент на престол. Агесилай, энергично поддерживая дело Нектанебиса, разгромил все усилия своего противника. Однако его великие планы против Персидской империи были оставлены, и в результате его египетской экспедиции не было достигнуто ничего, кроме утверждения Нектанебиса, который, тщетно пытаясь убедить его остаться дольше, уволил его в зимний сезон с большими подарками и с государственным пожертвованием Спарте в размере двухсот тридцати талантов. Агесилай отправился от Нила к Кирене, чтобы получить в этом городе и его портах корабли для путешествия домой. Но он умер во время похода, не дойдя до Киренаиды. Его тело было доставлено домой его войсками для погребения в восковой оболочке, так как меда было не достать[789].

Так скончался в возрасте чуть старше восьмидесяти лет самый способный и энергичный из спартанских царей. Он пользовался тем преимуществом, которого лишен любой другой выдающийся греческий вождь, - его характер и подвиги были изложены в наиболее благоприятном ракурсе другом и соратником Ксенофонтом. Если сделать все поправки на предвзятость в этой картине, все равно останется действительно великий и выдающийся персонаж. Мы видим добродетели солдата и способности полководца, объединенные с напряженной личной волей и решимостью, в такой степени, чтобы обеспечить Агесилаю постоянное превосходство над умами других людей, намного превышающее то, что естественно было для его положения; и это несмотря на заметное телесное уродство, среди народа, чрезвычайно чувствительного в этом отношении. Из достоинств, которые приписывает ему Ксенофонт, некоторые являются справедливыми результатами спартанского воспитания: его мужество, простота жизни и безразличие к побрякушкам, его бодрое перенесение трудностей в любой форме. Но его верность обязательствам, неизменное превосходство над денежным развратом, а также те приятные и сердечные манеры, которые привлекали к нему всех окружающих, были добродетелями не спартанскими, а его личными. Однако мы находим в нем больше сходства с Лисандром - человеком, которого нельзя упрекнуть в корыстолюбии, - чем с Брасидасом или Калликратидом. Агесилай вступил на престол со спорным титулом под покровительством и благодаря интригам Лисандра, чье влияние, в то время преобладавшее как в Спарте, так и в Греции, насаждало повсюду декархии и хармосы как инструменты возвышения императорской Спарты - и под именем Спарты - для себя. Агесилай, слишком высокодуховный, чтобы вести себя как второстепенный человек, быстро разрушил ту часть системы, которая была построена для личного господства Лисандра, но не стал следовать тем же эгоистическим стремлениям или пытаться построить такую же индивидуальную диктатуру на свой собственный счет. Его амбиции действительно были безграничны, но в первую очередь они были направлены на Спарту, а во вторую - только на себя. Несчастье заключалось в том, что в своих мерах по поддержанию и управлению царской властью Спарты он все еще продолжал ту смесь внутреннего и внешнего принуждения (представленную декархией и хармостом), которую ввел Лисандр; печальный контраст с достойным равенством и решительным отказом от вмешательства партизан, провозглашенным Брасидасом как девиз Спарты в Аканфе и Тороне, и с еще более благородными панэллинскими целями Калликратида.

Самой славной частью жизни Агесилая были три азиатских похода, когда он действовал под влиянием мизо-персидского импульса, за который его так высоко ценит панегирист[790].

Здесь он преследовал панэллинские цели, защищая азиатских греков от подчинения Персии, которое Спарта сама навязала им за несколько лет до этого в качестве платы за персидскую помощь Афинам.

Вскоре персам удалось применить уроки Спарты против нее самой и найти греческих союзников для войны с ней у себя дома. На этом панэллинские настроения и поистине благородные амбиции в груди Агесилая закончились. Он был отозван, чтобы вести войну ближе к дому. Плутарх и Ксенофонт высоко оценивают его послушание приказу об отзыве - на мой взгляд, без особых на то оснований, поскольку у него не было иного выбора, кроме как вернуться. Но он вернулся изменившимся человеком. Его мизо-персидские чувства исчезли, и на смену им пришли мизо-фиванские, которые постепенно приобрели силу страсти. В качестве главного руководителя войны 394-387 гг. до н. э. он проявил ту энергичность и способности, которые никогда не оставляли его в военных операциях. Но когда он обнаружил, что империя Спарты вблизи дома не может быть укреплена иначе, как путем превращения ее в союзницу Персии и исполнительницу персидского рескрипта, он согласился купить такую помощь, которая сама по себе была бесчестной, еще большим бесчестьем - пожертвовать азиатскими греками. До поры до времени его политика казалась успешной. С 387 по 379 год до н. э. (то есть вплоть до революции в Фивах, совершенной Пелопидом и его небольшим отрядом) господство Спарты на суше, в Центральной Греции, постоянно росло. Но ее несправедливость и угнетение признает даже ее панегирист Ксенофонт; и это как раз тот период, когда влияние Агесилая было максимальным. После этого мы видим, как он лично укрывает Сфодрия от наказания и тем самым навлекает на своих соотечественников войну как с Афинами, так и с Фивами. В ходе этой войны его военные действия, как обычно, были напряженными и умелыми, с определенной долей успеха. Но в целом война складывается неблагоприятно для Спарты. В 371 году до н. э. она вынуждена принять мир на условиях, весьма унижительных по сравнению с ее положением в 387 году до н. э.; единственная компенсация, которую она получает, - это возможность вычеркнуть фиванцев из договора, оставив их в одиночку сражаться против, казалось бы, непреодолимых препятствий. В этом сильном мизо-фиванском порыве, который так быстро привел к неожиданной и сокрушительной катастрофе при Лейктре, Агесилай выделяется как выдающийся выразитель. В последующие дни спартанского несчастья мы находим его поведение достойным похвалы и энергичным, насколько позволяла оборонительная позиция, в которой тогда оказалась Спарта; И хотя Плутарх, кажется, недоволен им^[791] за упрямство в отказе признать автономию Мессены (по миру, заключенному после битвы при Мантинее), когда ее признали все остальные греки, все же нельзя доказать, что этот отказ принес Спарте какой-либо реальный вред; и обстоятельства вполне могли сложиться так, что он оказался бы выгодным.

В целом, несмотря на многочисленные военные и личные заслуги Агесилая, как советник и политик он не заслуживает особого уважения. Мы вынуждены отметить меланхолический контраст между состоянием, в котором он застал Спарту при своем вступлении на престол, и тем, в котором он оставил ее после своей смерти - "Marmoream invenit, lateritiam reliquit". Ничто, кроме смерти Эпаминонда в Мантинее, не спасло ее от еще худшего; хотя было бы несправедливо по отношению к Агесилаю, когда мы рассматриваем несчастья Спарты во время его правления, не вспомнить, что Эпаминонд был врагом более грозным, чем тот, с которым она когда-либо сталкивалась.

Эффективная служба, оказанная Агесилаем во время его последней экспедиции в Египет, имела следствием прочное установление господства туземного царя Нектанебиса и защиту этой страны от повторного завоевания персами; это событие произошло только через

несколько лет после этого, во время правления следующего персидского царя. Однако от масштабного восстания, которое в свое время грозило вырвать у персидской короны Малую Азию, а также Египет, не осталось и следа. Вероломство Оронта и Реомитра настолько полностью разрушило планы восставших, что Артаксеркс Мнемон сохранил персидскую империю (за исключением Египта) в неприкосновенности.

Он умер вскоре после подавления восстания (по-видимому, примерно через год после него, в 359-358 гг. до н. э.), процарствовав сорок пять или сорок шесть лет.^[792] Его смерти предшествовала одна из тех кровавых трагедий, которые так часто омрачали передачу персидского скипетра. Дарий, старший сын Артаксеркса, был объявлен своим отцом преемником трона. Согласно персидскому обычаю, провозглашенный таким образом преемник имел право подать любое прошение, которое он пожелает; монарх был обязан его удовлетворить. Дарий воспользовался этой привилегией и попросил одну из любимых обительниц гарема своего отца, к которой он воспылил страстью. Эта просьба так не понравилась Артаксерксу, что он, похоже, решил по-новому распорядиться престолонаследием, отбросив Дария и отдав предпочтение его младшему сыну Охусу, интересы которого горячо поддерживала Атосса, жена и дочь монарха. Встревоженный такой перспективой, Дарий подговорил недовольного придворного по имени Терибаз подготовить заговор с целью убийства Артаксеркса; но заговор был раскрыт, и царь предал смерти и Дария, и Терибаза. Эта катастрофа повысила шансы Охуса, а его амбиции еще более усилились. Но оставались еще два принца, старше его - Арсамес и Ариаспес. Обоих этих братьев он сумел убрать с дороги: одного - вероломным обманом, заманив в ловушку, чтобы тот принял яд, другого - убийством. Таким образом, Охус стал следующим преемником короны, которая недолго была ему отказана, ибо Артаксеркс, уже очень старый и пораженный роковой развязкой в отношении своего старшего сына Дария, не смог пережить дополнительного горя от того, что два его других сына умерли так быстро после этого.^[793] Он умер, и его сын Охус, принявший имя Артаксеркс, сменил его без сопротивления; как царь он проявлял те же кровожадные склонности, что и те, с помощью которых он возвел себя на трон.

В течение двух лет после битвы при Мантинее Афины, хотя и избавленные общим миром от сухопутных войн, были втянуты в серьезные морские споры и трудности. Ее значительно смутили два события: военно-морское вооружение фиванцев под командованием Эпаминондаса и подчинение Фивам Александра Ферейского - оба события относятся к 364-363 гг. до н.э. Именно в 363-362 гг. до н.э. афинянин Тимофей, который с большим успехом вел войну против Олинфа и соседних городов в Термическом заливе, но с очень плохим успехом против Амфиполя, перевел свои силы на войну с царем Котисом Фракийским у фракийского Херсонеса. Прибытие фиванского флота в Геллеспонт сильно отвлекло афинского полководца и послужило мощной помощью Котису; кроме того, ему помогал афинский генерал Ификрат, в этот раз служивший своему тестю против его страны.^[794] Тимофей, как говорят, вел войну против Котиса с пользой и приобрел для Афин большую добычу.^[795] По-видимому, его операции носили агрессивный характер, и во время его командования в тех краях афинские владения в Херсонесе были в безопасности от Котиса; ибо Ификрат оказывал Котису помощь только в оборонительной войне; он уходил с его службы, когда тот начинал нападать на афинские владения в Херсонесе^[796].

Мы не знаем, какие обстоятельства привели к увольнению или отстранению Тимофея от командования. Но в следующем году мы находим Эргофила афинским полководцем в Херсонесе, а Каллистена (кажется) - афинским полководцем против Амфиполя.^[797] Переходные дела Афин, однако, были далеки от улучшения. Кроме того, что при новом

полководце она, похоже, теряла силы у Херсонеса, у нее появился новый морской враг - Александр Ферейский. Незадолго до этого он был ее союзником в борьбе с Фивами, но победы фиванцев в предыдущем году настолько унизили его, что теперь он отождествил свое дело с их; он послал войска, чтобы присоединиться к экспедиции Эпаминондаса в Пелопоннес,[798] и снарядил флот для нападения на морских союзников Афин. Его флот захватил остров Тенос, опустошил несколько других Кикладских островов и осадил Пепаретос. В Афинах поднялась тревога, и примерно в конце августа (362 г. до н. э.),[799] через два месяца после битвы при Мантинее, флот был снаряжен с максимальной активностью, чтобы защищать островных союзников, а также действовать в Геллеспонте. От всех триерархов требовались энергичные усилия, и некоторые действительно прилагали их, чтобы ускорить отплытие этого флота. Но та часть его, которая, в то время как остальные отправились в Геллеспонт, была послана под командованием Леостена защищать Пепаретос, потерпела поражение от кораблей Александра, потеряв пять трирем и шестьсот пленных.[800] Нам даже рассказывают, что вскоре после этого морского преимущества победители дерзнули ворваться в сам Пейрей (как это сделал Телеутиас за двадцать семь лет до этого), где они захватили имущество на кораблях и людей на набережной, прежде чем нашлись силы, готовые их отразить.[801] Фессалийские мародеры в конце концов были изгнаны обратно в свою гавань Пегас, но не без большого раздражения для островных конфедератов и некоторого позора для Афин. Потерпевший поражение адмирал Леостен был приговорен к смерти, а несколько триерархов, которые, вместо того чтобы служить лично, выполняли возложенные на них обязанности через заместителей и по договору, были подвергнуты порицанию или преданы суду[802].

Не только дела Афин в Геллеспонте при Эргофиле стали хуже, чем при Тимофее, но и Каллистен, сменивший Тимофея в операциях против Амфиполя, не добился никакого постоянного результата. Судя по всему, амфиполитанцы, чтобы защититься от Афин, обратились за помощью к македонскому царю Пердиккасу и отдали свой город в его руки. Этот принц до этого действовал совместно с афинскими войсками под командованием Тимофея против Олинфа, и их совместное вторжение настолько ослабило олинфян, что они не смогли оказать помощь Амфиполю. По крайней мере, эта гипотеза объясняет, как Амфиполь впервые стал не свободным городом, а отделился от Олинфа и присоединился к Пердиккасу (возможно, с гарнизоном) как владение Македонии. 803] Таким образом, Каллистен оказался в войне в более невыгодном положении, чем Тимофей, имея Пердиккас в качестве врага вместе с Амфиполем. Тем не менее, судя по всему, поначалу он получил большие преимущества и вынудил Пердикку купить перемирие обещанием отказаться от амфиполитанцев. Однако македонский князь, получив за время перемирия время для восстановления сил, уже не думал выполнять свое обещание, а удерживал Амфиполь против афинян так же упорно, как и раньше. Каллистен упустил возможность, которая уже никогда не вернется. Объявив в Афинах о победоносном перемирии и приближающейся капитуляции, он, похоже, был вынужден по возвращении признать, что его обманом заставили приостановить операции в тот момент, когда (как казалось) Амфиполь мог быть завоеван. За этот просчет или проступок он был предан суду в Афинах, вернувшись к своим разочарованным соотечественникам; в то же время Эргофил был вызван домой из Херсонеса за неудачное или плохое ведение войны с Котисом.[804] Народ был сильно возмущен против обоих, но больше всего против Эргофила. Тем не менее случилось так, что Каллистена судили первым и приговорили к смерти. На следующий день судили Эргофила. Но вердикт предыдущего дня умерил гнев дикастов и сделал их настолько снисходительными, что они оправдали его[805].

Вместо Эргофила на войну за Афины в Геллеспонте и Босфоре был отправлен Автокл. Его операции были необходимы не только против Котиса. Союзники Афин, прокон нцы, нуждались в защите от нападений Кизикуса; кроме того, существовала и другая, более насущная необходимость. Запасы кукурузы становились все более скудными, а цены на нее росли, причем не только в Афинах, но и на многих островах Эгейского моря, в Византии и других местах. Поэтому в стране царило необычное беспокойство, сопровождавшееся острой конкуренцией, за кукурузу, которую собирались ввезти с Эвксинского полуострова. Византийцы, халкедонцы и кизикенцы уже начали задерживать проходящие корабли с кукурузой для снабжения собственных рынков, и ничто иное, как мощный афинский флот, не могло обеспечить безопасный транзит таких поставок в сами Афины.[806] Афинский флот, охранявший Босфор даже от Иерона внутри (часовня у слияния Босфора с Эвксином), обеспечивал безопасный конвой для осеннего экспорта этой важной статьи.

При ведении операций против Котиса Автоклес получил неожиданное преимущество благодаря недавнему восстанию могущественного фракийца Милтокитеса против этого князя. Это восстание настолько встревожило Котиса, что он написал в Афины письмо в покорном тоне и отправил посланников, чтобы различными уступками купить мир. В то же время Мильтоцитес также сначала отправил посланников, а затем лично отправился в Афины, чтобы изложить свое дело и попросить помощи. Однако его приняли холодно. Голосование афинского собрания, принятое по итогам слушания дела (и, вероятно, частично полученное через друзей Ификрата), было настолько неблагоприятным,[807] что отправило его не просто в уныние, а в тревогу; в то время как Котис вернул себе всю свою власть во Фракии и даже стал хозяином Священной горы с ее богатыми месторождениями. Тем не менее, несмотря на это неосторожное голосование, афиняне действительно намеревались поддержать Мильтокифа против Котиса. Их полководец Автокл был отозван через несколько месяцев и предан суду за то, что позволил Котису без помощи расправиться с этим врагом.[808] Чем закончился суд и насколько справедливым было дело, мы не можем выяснить из мимолетных упоминаний Демосфена.

Менон был послан командующим в Геллеспонт, чтобы заменить Автокла; через несколько месяцев его самого снова сместил Тимомах. Конвой для судов с кукурузой из Эвксинского моря снова стал необходим, как и в предыдущем году; во второй раз осенью 361 г. до н. э. его обеспечивали афинские военные корабли;[809] не только для перевозки провизии в Афины, но и для тех, что направлялись в Маронею, Тасос и другие места во Фракии или вблизи нее. Но дела в Херсонесе становились все более неблагоприятными для Афин. Зимой 361-360 гг. до н. э. Котис при содействии абиденских граждан и сестийских изгнанников, переправившихся через Геллеспонт из Абидоса, сумел захватить Сестос,[810] важнейшее место в Херсонесе и сторожевой пост Геллеспонта на его европейской стороне для всех судов, проходящих туда или обратно. Теперь весь Херсонес был открыт для его агрессии. Он готовился к нападению на Элей и Критотеку, два других главных владения Афин, и пытался убедить Ификрата принять участие в его проектах. Но этот полководец, хотя и помогал Котису в обороне от Афин, отказался совершить более серьезную измену, связанную с агрессивной враждой против нее. Он даже покинул Фракию, но, не решившись сразу посетить Афины, удалился на Лесбос.[811] Однако, несмотря на его отказ, поселенцы и владения Афин в Херсонесе подверглись нападению и опасности со стороны Котиса, который объявил весь полуостров своей собственностью и учредил в Сестосе сборщиков пошлин, чтобы взимать пошлины как за пролив, так и за гавань.[812].

Удача Афин в этих регионах по-прежнему была неблагоприятной. Все ее прежние полководцы - Эргофил, Автокл, Менон, Тимомах - последовательно испытывали недостаток в

средствах, умении или верности и подвергались обвинениям на родине.[813] Тимомаху теперь сменил Кефисодот, человек, заведомо враждебный как Ификрату, так и Котису.[814] Но Кефисодот добился не большего, чем его предшественники, и даже был вынужден бороться с новым врагом, который переправился из Абидоса в Сестос, чтобы подкрепить Котиса-Харидема с наемным подразделением под его командованием. Этот офицер, служивший три года назад при Тимофее против Амфиполя, некоторое время находился в Азии, особенно в Троаде. Он нанялся к сатрапу Артабазу, чьими затруднениями он воспользовался, чтобы захватить обманом города Скепис, Кебрен и Илиум, намереваясь удержать их в качестве небольшого княжества.[815] Считая, однако, свое положение в конечном счете несостоятельным против вероятной силы сатрапа, он послал письмо через Херсонес афинскому полководцу Кефисодоту с просьбой предоставить афинские триремы для перевозки его дивизии в Европу; в обмен на это, в случае предоставления, он обязывался разгромить Котиса и вновь завоевать Херсонес для Афин. Это предложение, независимо от того, было оно принято или нет, так и не было реализовано; Харидему удалось, благодаря перемирию, неожиданно предоставленному ему сатрапом, переправиться из Абидоса в Сестос без афинских кораблей. Но как только он оказался в Херсонесе, то, отнюдь не помогая Афинам вернуть полуостров, он фактически перешел на службу к Котису против нее, так что Элей и Критоте, ее главные оставшиеся посты, оказались в большей опасности, чем когда-либо[816].

Победоносные перспективы Котиса, однако, были неожиданно прерваны. После двадцатичетырехлетнего правления он был убит двумя братьями, Пифоном и Ираклидом, греками из города Инус во Фракии, бывшими учениками Платона в Афинах. Они совершили это убийство, чтобы отомстить за своего отца, которому, как оказалось, Котис нанес какое-то жестокое оскорбление под влиянием того буйного и развратного нрава, который сочетался в нем с энергичным военным характером.[817] Сбежав, Пифон и его брат удалились в Афины, где их приняли со всеми почестями и вручили им гражданство, а также золотые венки; отчасти как тираноубийцам, отчасти как избавившим афинян от одиозного и грозного врага.[818] Отвергая теплые восхваления, которыми его осыпали различные ораторы в собрании, Пифон, как говорят, ответил: "Это бог совершил подвиг, мы лишь протянули руки"[819] - анекдот, который, будь то правда или вымысел, убедительно иллюстрирует греческое восхищение тираноубийством.

Смерть Котиса принесла некоторое облегчение афинским делам в Херсонесе. Из его детей даже старший, Керсоблепт, был еще совсем юнцом:[820] к тому же два других фракийских вождя, Берисадес и Амадокус, теперь претендовали на долю во Фракийском царстве. Керсоблепт использовал в качестве своего главного помощника и министра наемного полководца Харидема, который либо уже женился, либо женился на его сестре; подобным образом была заключена брачная связь Амадока с двумя греками по имени Симон и Бианор, а Берисада - с афинским гражданином по имени Афинодор, который (как Ификрат и другие) основал город и владел неким независимым владением в Херсонесе или около него.[821] Таким образом, греческие вожди наемников соединяли себя брачными узами с князьями, которым они служили, как предлагал Сеутес Ксенофону, и как итальянские кондотьеры XV века облагораживали себя подобными союзами с княжескими семьями - например, Сфорца с миланскими Висконти. Все эти три фракийских конкурента теперь были представлены греческими агентами. Но поначалу, судя по всему, Харидем от имени Керсоблепта был сильнее всех. Он со своим войском находился недалеко от Перинфа на северном побережье Пропонтиды, куда к нему прибыл афинский полководец Кефисодот с небольшой эскадрой из десяти трирем, чтобы потребовать выполнения тех честных обещаний, которые Харидем дал в своем письме из Азии. Но Харидем отнесся к афинянам как к врагам, неожиданно напал на

моряков на берегу и нанес им большой урон. Затем в течение нескольких месяцев он сильно давил на Херсонес и даже вошел в его середину, чтобы защитить гнездо пиратов, которых афиняне осаждали на соседнем островке на западном побережье - Алопеконнесе. В конце концов, после семи месяцев невыгодных военных действий (начиная со смерти Котиса), он вынудил Кифисодота заключить с ним договор, настолько гибельный и позорный, что, как только о нем узнали в Афинах, он был с негодованием отвергнут.[822] Кефисодот, отозванный с позором, предстал перед судом и был оштрафован; среди его обвинителей был оратор Демосфен, служивший одним из триерархов на флоте[823].

Среди пунктов этого невыгодного соглашения был и такой: греческий город Кардия должен был быть специально зарезервирован для самого Харидема. Этот город, чрезвычайно удобный благодаря своему положению на перешейке, соединяющем Херсонес с Фракией, который афиняне считали частью Херсонеса, но в то же время сильно враждовал с Афинами, стал его главной резиденцией.[824] Ему посчастливилось путем вероломства завладеть личностью фракийца Мильтокифа, который был явным врагом Котиса и сотрудничал с Афинами. Но он не решил отдать этого важного пленника Керсоблепту, потому что таким образом была бы сохранена жизнь Мильтокитеса: у фракийцев не было обычая в своих междоусобных спорах предавать друг друга смерти.[825] Мы с удивлением отмечаем более мягкую, чем в Греции, практику среди народа, явно более варварского и кровожадного, чем греки. Харидем, соответственно, сдал Милтокитеса кардийцам, которые посадили пленника вместе с сыном в лодку, отвезли их немного в море, убили сына на глазах отца, а затем утопили и самого отца.[826] Не исключено, что существовали какие-то особые предшествующие причины, вызвавшие сильную антипатию кардийцев к Милтокитесу и побудившие Харидема отдать его им в качестве приемлемого объекта для мести. Как бы то ни было, их дикий поступок вызвал бурное негодование всех фракийцев и нанес большой вред делу Керсоблепта и Харидема. Хотя Кифисодот был отозван, и хотя прошло немало времени, прежде чем из Афин прибыл его преемник, Берисадес и Амадокус объединили свои силы в едином порыве и направили афинянам предложения о союзе с просьбой о денежной помощи. Афинодор, полководец Берисада, поставив себя во главе фракийцев и афинян вместе, оказался выше в поле Керсоблепта и Харидема, которых он заставил принять новую конвенцию, продиктованную им самим. В ней предусматривалось, что Фракийское царство должно быть разделено на равные части между тремя соперниками; что все трое должны согласиться отдать Херсонес Афинам; и что сын одного из лидеров по имени Ифиадес в Сестосе, которого Харидем держал в качестве заложника за приверженность этого города, также должен быть отдан Афинам[827].

Этот новый договор, скрепленный клятвами обеих сторон, обещал Афинам полное приобретение, которого она желала. Считая дело решенным, афиняне послали Хабрия командиром одной триремы, чтобы принять капитуляцию, но не прислали денег, запрошенных Афинодором, который, соответственно, был вынужден распустить свое войско за неимением жалованья. После этого Керсоблептес и Харидем сразу же расторгли договор, отказались исполнять только что заключенное соглашение и заставили Хабрия, пришедшего без всякой силы, вернуться к прежнему договору, заключенному с Кифисодотом. Разочарованные и возмущенные, афиняне отвергли поступок Хабрия, несмотря на его высокую репутацию. Они отправили десять посланников в Херсонес, настаивая на том, чтобы договор Афинодора был подтвержден всеми тремя фракийскими соперниками - Берисадом, Амадоком и Керсоблептом; если третий откажется, посланникам было велено принять меры для войны с ним, пока они получают обязательства от двух других. Но такая миссия без оружия не добилась от Харидема и Керсоблепта ничего, кроме отсрочки или отказа; Берисадес и Амадокус отправили в Афины горькие жалобы на нарушение веры.

Наконец, через несколько месяцев - сразу после триумфального завершения афинской экспедиции в Эвбею (358 г. до н. э.) - в Херсонес прибыл афинянин Харес во главе значительного отряда наемников. После этого оба отступника были вынуждены заново присягнуть Афинодору в присутствии последнего, а также Берисада и Амадока. И, судя по всему, вскоре условия договора были выполнены. Харидем сдал Афинам Херсонес, разумеется, включая его главный город Сестос;[\[829\]](#) но сохранил за собой Кардию,[\[830\]](#) которая, как утверждалось (хотя афиняне это отрицали), не входила в границы этого полуострова. Фракийское царство также было разделено между Керсobleптом, Берисадом и Амадоком; это тройное разделение, уменьшив силу каждого из них, рассматривалось Афинами как дополнительная гарантия надежного владения Херсонесом[\[831\]](#).

Таким образом, Афины в конце концов прочно овладели Херсонесом в борьбе с соседними фракийскими владыками. И, похоже, ее трансмаринская держава с зависимыми и конфедератами теперь стояла на большей высоте, чем когда-либо после ужасных поражений 405 года до н.э. В их число входило не только множество островов Эгейского моря (даже самые крупные - Эвбея, Хиос, Самос и Родос), но и континентальные владения Византии - Херсонес-Маронея[\[832\]](#) с другими местами на южном побережье Фракии, Пидна, Метона и Потидея с большей частью региона, окружающего Термический залив.[\[833\]](#) Эта последняя часть империи была приобретена ценой Олинфского братского союза соседних городов, против которого Афины, а также Спарта, побуждаемые самым пагубным для будущей независимости Греции импульсом, начали войну с неблагоприятным успехом. Македонский царь Пердиккас, руководствуясь справедливым инстинктом будущего возвышения своей династии, помог ей таким образом ослабить Олинф, чувствуя, что города на берегу Термического залива, если они станут частью сильной Олинфской конфедерации братьев и соседей, взаимно привязанных и самодостаточных, будут сопротивляться Македонии более эффективно, чем если бы они были наполовину неохотно зависимы от Афин, даже с учетом шансов на афинскую помощь по морю. Агрессивные действия Афин против Олинфа в 368-363 гг. до н. э. вряд ли были менее опасными для Греции в целом, чем действия Спарты в 382-380 гг. до н. э. Спарта подавила Олинфскую конфедерацию в ее первом блестящем обещании - Афины не позволили ей подняться вновь. Обе они сговорились разрушить самый эффективный барьер против македонского возвышения; ни одна из них не была признана компетентной, чтобы обеспечить Греции адекватную защиту в ее комнате.

Максимум ее второй империи, которого, как я уже отмечал, Афины достигли после восстановления Херсонеса,[\[834\]](#) продлился лишь на мгновение. В том же году произошло восстание среди ее главных союзников, известное под названием Социальной войны, которое нанесло ее могуществу смертельный удар и оставило поле сравнительно чистым для ранних агрессий ее еще более грозного врага - Филиппа Македонского. Этот принц уже вышел из неизвестности, будучи заложником в Фивах, и сменил на посту царя своего брата Пердикку, убитого в битве с иллирийцами (360-359 гг. до н. э.). Поначалу его положение казалось не просто сложным, а почти безнадежным. Не самый прозорливый глаз в Греции мог распознать в неопытном юноше, борющемся при первом вступлении в должность с соперниками дома, врагами за границей и всевозможными затруднениями, будущего завоевателя Херонеи и разрушителя греческой независимости. О том, как благодаря собственному гению, энергии и настойчивости, а также недостаткам и раздорам своих греческих врагов он достиг своего неблагоприятного положения, будет рассказано в моем последующем томе.

К моменту открытия моего девятого тома, после сдачи Афин, Греция находилась под властью Спартанской империи. Многочисленные независимые города-общины были объединены под властью одного вождя более полно, чем когда-либо прежде: Афины и Фивы были причислены к последователям Спарты.

Но конфликты, о которых рассказывается в этих двух томах (в течение сорока четырех лет - с 404-403 гг. до н. э. по 360-359 гг. до н. э.), привели к тому, что Греция оказалась более разобщенной и лишенной эллинской власти, чем когда-либо со времен персидского нашествия. Фивы, Спарта и Афины были заняты ослаблением друг друга, в чем, к несчастью, каждая из них преуспела гораздо больше, чем в укреплении себя. Морская мощь Афин сейчас действительно значительна, и ее можно назвать очень большой, если сравнивать с тем состоянием деградации, до которого она была доведена в 403 году до н. э. Но сейчас мы увидим, насколько непрочна основа ее власти, и как страшно она отпала от того имперского чувства и энергии, которые облагородили ее предков по совету Перикла.

Именно в этих обстоятельствах, столь непривычных для обороны, возникает агрессор из Македонии.

ГЛАВА LXXXI. СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ АФИНСКОГО ВОЙСКА ПЕРЕД СИРАКУЗАМИ.

В шестидесятой главе этого труда я довел историю греческих общин в Сицилии до завершения афинской осады Сиракуз, где Никиас и Демосфен почти со всем своим вооружением погибли от столь плачевной участи. Теперь я возобновляю с этого момента нить сицилийских событий, которые по-прежнему настолько отличаются от событий в Пелопоннесе и Восточной Греции, что неудобно включать их в одну главу.

Если уничтожение огромного афинского войска (в сентябре 413 г. до н. э.) вызвало сильнейшую сенсацию во всех частях греческого мира, мы можем представить себе, с каким упоением триумфа его приветствовали в Сицилии. Она была достигнута (при содействии Гилиппа и пелопоннесских союзников) объединенными усилиями почти всех греческих городов острова, ибо все они присоединились к Сиракузам, как только их перспективы стали обнадеживающими; кроме Наксоса и Катаны, которые были в союзе с афинянами, и Агригентума, который оставался нейтральным.^[835] К сожалению, мы почти ничего не знаем о действиях сиракузцев, которые последовали сразу после столь волнительных и интересных событий. По-видимому, они вели войну против Катаны, где некоторые беглецы из побежденной афинской армии оказали им сопротивление.^[836] Но и этот город, и Наксос, хотя и подверглись унижению и опасности как союзники побежденных афинян, сумели спастись без потери своей независимости. Союзники Сиракуз, вероятно, не стремились напасть на них и тем самым еще больше возвеличить этот город; сами же сиракузяне чувствовали сильное истощение, вызванное огромными усилиями, благодаря которым только и был достигнут их триумф. Денежное бремя, которому они были вынуждены подчиниться - известное Никиасу в последние месяцы осады,^[837] и смертельно искажившее его суждения, - было настолько тяжелым, что сильно подрывало их выносливость. После того как они расплатились с многочисленными вспомогательными войсками, которых им пришлось нанять, и уволили их с соответствующей благодарностью, после того как

отпраздновали недавний триумф и украсили храмы так, чтобы удовлетворить буйную радость граждан[838], вероятно, все в целом были настроены на отдых, а не на агрессивные военные действия. На всей территории, за которой плохо следили и которую плохо обрабатывали в течение года осады, нужно было бы устранить множество разрушений.

Однако, несмотря на такое истощение, чувства отчаяния и мести Афинам в сочетании с благодарностью к лакедемонянам были слишком сильны, чтобы сдерживать их. По всей Греции царило уверенное убеждение, что Афины[839] не смогут продержаться и одного лета после своего последнего ужасающего бедствия; убеждение, в значительной степени основанное на надежде, что против нее выступит большая вспомогательная эскадра из Сиракуз и других ее врагов в Сицилии и Италии. В этот тяжелый для афинян день такие враги, конечно, стали еще многочисленнее. Особенно город Фурии в Италии,[840] который был дружелюбен к Афинам и оказал помощь Демосфену в его экспедиции в Сицилию, теперь изменился, изгнал триста ведущих граждан-филоафинян (среди них ритор Лисий) и горячо поддержал пелопоннесское дело. Чувство реакции в Фуриях и чувство мести в Сиракузах побуждали жителей обоих мест принять активное участие в обещанном легком и славном деле разрушения Афин и их империи. И добровольцы, несомненно, были тем охотнее, что персидские сатрапы морского побережья теперь соперничали друг с другом в приглашениях к грекам, предлагая обильное вознаграждение.

Так, летом 412 года до н. э. (год, следующий за катастрофой афинского вооружения) сицилийская эскадра из двадцати трирем из Сиракуз и двух из Селина под командованием Гермократа достигла Пелопоннеса и присоединилась к лакедемонскому флоту в его походе через Эгейское море в Милет. Вскоре за ним последовала еще одна эскадра из десяти трирем из Фурий под командованием родосца Дориея и еще одно подкрепление из Тарентума и Локри. Именно Гермократ был главным вдохновителем своих соотечественников на эти усилия.[841] В течение всех трудных месяцев осады он принимал ведущее участие в обороне Сиракуз, поддерживая планы Гилиппа с такой же доблестью и благоразумием. В качестве командующего сиракузской эскадрой в главном флоте, действовавшем сейчас против Афин в Эгейском море (события уже описаны в моей шестьдесят первой главе), его поведение было не менее выдающимся. Он был энергичен в действиях и популярен в своем поведении по отношению к подчиненным; но что выделялось наиболее ярко, а также наиболее почетно, так это его личная неподкупность. В то время как пелопоннесские адмиралы и триерархи принимали взятки Тиссаферна, потворствуя его предательству общего дела и нарушению обязательств в отношении вооружения, равнодушно относясь к лишениям своих собственных неоплаченных моряков, - Гермократ и Дорией энергично выступали против, даже вызвав на себя возмущенное недовольство пелопоннесского адмирала Астиоха, а также самого сатрапа.[Тем более что сиракузская и фурийская триеры были укомплектованы свободными людьми в большей степени, чем остальной флот[843].

Однако сангвинические ожидания Гермократа и его спутников, которые они питали при переходе через море из Сицилии, - что одно усилие позволит славно завершить войну, - далеко не оправдались. Афины сопротивлялись с неожиданной энергией; лакедемоняне были настолько вялы и слабонервны, что даже упустили золотую возможность, предоставленную им узурпацией афинской четырехсотницы. Было обнаружено, что Тиссаферн старательно голодает и затягивает войну в своих собственных целях, чему Гермократ тщетно пытался противодействовать личным визитом и протестом в Спарте.[844] Таким образом, война продолжалась с переменным успехом и даже обновленной эффективностью со стороны Афин, так что сиракузяне дома, далекие от известий об исполнении тех великолепных ожиданий, с которыми отплыла их эскадра, получали новости

в целом неблагоприятные, а в конце концов и вовсе катастрофические. Им сообщили, что их моряки плохо оплачиваются и бедствуют, а Афины, далекие от того, чтобы поражать своей красотой, нашли средства, чтобы собрать на Самосе флот, способный еще оспаривать господство в Эгейском море. Они слышали о двух последовательных морских поражениях, которые пелопоннесский и сиракузский флоты потерпели в Геллеспонте[845] (одно при Киносеме, 411 г. до н. э.), - вторая - между Абидосом и Дарданусом, 410 г. до н.э.); и наконец третья, более решающая и катастрофическая, чем предыдущие, - битва при Кизикусе (409 г. до н.э.), в которой лакедемонский адмирал Миндарус был убит, а весь его флот захвачен или уничтожен. В этом поражении сиракузская эскадра пострадала в равной степени. Их моряки были вынуждены сжечь все свои триремы без исключения, чтобы они не попали в руки врага, и остались без средств к существованию и одежды на берегах Пропонтиды среди сатрапии Фарнабаза.[846] Этот сатрап с великодушной готовностью принял их на свое содержание, выдал им одежду и провизию на два месяца и снабдил их древесиной из лесов горы Ида для постройки новых кораблей. В Антандре (в Адрамитском заливе, одном из крупнейших мест экспорта иудейской древесины), где происходило восстановление, сиракузяне оказались настолько приемлемыми и полезными для горожан, что всем, кто пожелал принять их, были объявлены благодарности и даровано гражданство[847].

Рассказывая об этой битве, я привел краткую и грубую депешу, адресованную лакедемонянам Гиппократом, оставшимся в живых вторым офицером убитого Миндара, в которой описывается жалкое состояние побежденного войска: "Наша честь потеряна. Миндарус убит. Люди голодны. Мы не знаем, что делать".[848] Эта любопытная депеша не вошла в историю, поскольку была перехвачена афинянами и так и не дошла до адресата. Но, несомненно, бедственное положение дел, о котором она должна была сообщить, быстро долетело под разными словами и до Пелопоннеса, и до Сиракуз. Как ни печальна была действительность, первое впечатление, произведенное этой новостью, вероятно, было бы еще печальнее; ведь вмешательство Фарнабаза, благодаря которому страдальцам стало намного легче, вряд ли можно было бы почувствовать или подтвердить до истечения некоторого времени. В Сиракузах это событие вызвало не только сильное сочувствие к страдальцам, но и негодование Гермократа и его коллег, которые, побудив за три года до этого своих соотечественников с помощью радужных надежд и заверений начать иностранную экспедицию с целью окончательного уничтожения Афин, не только ничего не добились, но и потерпели ряд поражений, закончившихся в конце концов полным разорением от того самого врага, которого они объявили неспособным к дальнейшему сопротивлению.

Именно под влиянием такого недовольства, вскоре после поражения при Кизикусе, в Сиракузах был вынесен приговор об изгнании Гермократа и его соратников. Приговор был передан в Азию и доведен самим Гермократом до сведения вооруженных сил, созванных на публичное собрание. Сокрушаясь и протестуя против его якобы несправедливости и незаконности, он просил армию сохранять неизменное хорошее поведение на будущее и выбрать новых адмиралов на время, пока не придут преемники, назначенные в Сиракузах. Эта новость была с глубоким сожалением воспринята триерархами, лоцманами и морскими солдатами, которые, привязавшись к Гермократу из-за его популярного поведения, постоянной открытости в общении с ними и стремления узнать их мнение, громко заявили, что не будут ни выбирать, ни служить ни под каким другим руководством[849]. Они отдали приказ, предложив всем недовольным немедленно публично подать жалобу и напомнив солдатам о многочисленных победах и славных сражениях на суше и на море, которые связали их узами почетного товарищества. Никто не выступил с

обвинением, и они согласились, по многочисленным просьбам войска, оставаться на посту командующего, пока не придут три их преемника - Демарх, Микон и Потамис. Затем они ушли в отставку под всеобщее сожаление; многие из триерархов даже дали клятву, что по возвращении в Сиракузы они добьются их восстановления. Смена командиров произошла в Милете[850].

Хотя Гермократ в своем обращении к солдатам, несомненно, нашел бы отклик, когда призвал вспомнить прошлые победы, он вряд ли нашел бы подобный отклик в сиракузском собрании. Ведь если мы проанализируем действия войска с тех пор, как он вывел его из Сиракуз, чтобы присоединиться к пелопоннесскому флоту, то обнаружим, что в целом его экспедиция была полностью неудачной, а заверения в успехе против Афин закончились лишь разочарованием. Поэтому у его соотечественников было достаточно поводов для недовольства. Но, с другой стороны, насколько позволяют судить наши ограниченные сведения, приговор об изгнании, вынесенный ему, кажется, был незаслуженным и несправедливым. Ведь мы не можем объяснить неудачи Гермократа каким-либо проступком или упущением с его стороны, а в том, что касается личной неподкупности и упорного противостояния двуличию Тиссаферна, он выделялся как почетное исключение среди множества продажных коллег. Этот сатрап, правда, как только Гермократ впал в немилость, распространил собственную версию, утверждая, что тот, попросив у него денег и получив отказ, пытался клеветническими методами отомстить за отказ.[851] Но эта история, независимо от того, верили ей где-либо или нет, не нашла поддержки у другого сатрапа Фарнабаза, который горячо поддерживал изгнанного генерала, вручив ему даже непрошенную сумму денег. Эти деньги Гермократ немедленно потратил на сбор трирем и наемных солдат, чтобы силой вернуть Сиракузы.[852] Вскоре мы увидим, как он справился с этой попыткой. Пока же заметим, что приговор об изгнании, хотя и несправедливый сам по себе, в глазах его соотечественников выглядел вполне оправданным, если бы он сам впоследствии прибег к враждебным мерам против них.

Партия, выступавшая против Гермократа, теперь имела перевес в Сиракузах, и, вероятно, под их влиянием был вынесен приговор против него, под влиянием горя и гнева, вызванных поражением Кизикуса. К сожалению, мы располагаем лишь самыми скудными сведениями о внутреннем состоянии Сиракуз в период, непосредственно следовавший за афинской осадой; период, отмеченный народными настроениями и особым интересом. Как и в Афинах под натиском вторжения Ксеркса, энергия всех граждан, богатых и бедных, молодых и старых, была призвана для отпора общему врагу, и ее было не более чем достаточно, чтобы его. Как в Афинах после битв при Саламине и Платее, так и в Сиракузах после уничтожения афинских осаждающих - народ, воодушевленный обилием недавних усилий и сознанием того, что успешная оборона была совместной работой всех, находился в состоянии оживленного демократического порыва, стремясь к максимальному расширению и равенству политических прав. Еще до осады Афин правительство было демократическим; этот факт Фукидид отмечает как одну из причин успешной обороны, поскольку он обеспечил единодушие граждан в сопротивлении и не позволил осаждающим возбудить недовольство внутри города.[853] Но в период сразу после осады оно претерпело изменения, которые, как говорят, сделали его еще более демократическим. По предложению влиятельного гражданина по имени Диоклис была создана комиссия Десяти, председателем которой он стал, для пересмотра конституции и законодательства города. Были приняты некоторые органические изменения, одно из которых заключалось в том, что при назначении магистратов вместо принципа выборов должен применяться жребий. Кроме того, был составлен и утвержден новый кодекс, или сборник уголовных и гражданских законов. Мы ничего не знаем о его деталях, но нам говорят, что его наказания были чрезвычайно суровыми, определение преступлений - подробным и специальным, а язык - часто неясным и кратким. Он был известен под названием "Законы Диоклеса", главы комитета, который его подготовил. Принятые в Сиракузах, они просуществовали недолго: через пять или шесть лет деспотия

Дионисия уничтожила их, как Пеисистрат уничтожил солоновское законодательство в Афинах. Но оно было вновь возрождено после прекращения правления династии Дионисиев, по прошествии более шестидесяти лет; с комментариями и изменениями, внесенными комитетом, среди членов которого были коринфяне Кефал и Тимолеон. Говорят, что он также был скопирован в различных других сицилийских городах и оставался в силе до поглощения всей Сицилии под властью римлян[854].

Суровый характер Диокла иллюстрируется историей (более чем сомнительной,[855] и подобной той, что рассказывается о других греческих законодателях) о том, что, случайно нарушив одно из своих собственных постановлений, он заставил себя повиноваться, упав на свой собственный меч. Но, к сожалению, нам не дано узнать суть его законов, которые могли бы пролить свет на настроения и положение сицилийских греков. Мы также не можем точно определить, насколько изменилась политическая конституция Сиракуз. Хотя Диодор и говорит нам, что жребий теперь применялся при назначении магистратов, он не сообщает, применялся ли он ко всем магистратам и с какими оговорками и исключениями - такими, как, например, в Афинах. Аристотель также утверждает, что сиракузяне после осады Афин изменили свою конституцию, превратив ее из частичной демократии в полную демократию. Однако он описывает Дионисия через пять-шесть лет после этого, как пробившегося к деспотии путем жесточайшей демагогической оппозиции; и как обвинившего, опозорившего и свергнувшего некоторых богатых лидеров, обладавших тогда функциями правительства.[856] Если конституционные формы стали более демократичными, то, казалось бы, практика не могла существенно измениться, и , что лица, фактически занимавшие руководящие должности, по-прежнему оставались богатыми людьми.

Война, которую сиракузяне вели против Наксоса и Катаны, продолжавшаяся более трех лет,[857] была завершена приходом врага извне, еще более грозного, чем Афины. На этот раз захватчик был не эллином, а финикийцем - древним врагом Эллады, Карфагеном.

Уже рассказывалось, как в тот же богатый событиями год (480 г. до н. э.), когда Ксеркс переправился через Геллеспонт, чтобы встретить поражение при Саламине, карфагеняне направили в Сицилию огромное войско наемников под командованием Гамилькара, чтобы восстановить в Гимере деспота Терилла, изгнанного Фероном из Агригентума. По этому случаю Гамилькар был убит, а его многочисленная армия разбита сиракузским деспотом Гелоном в памятной битве при Гимере. Это поражение произвело столь глубокое впечатление, что в течение семидесяти лет, прошедших с 480 по 410 год до н. э., карфагеняне больше никогда не вторгались на остров. Они возобновили свои нападения вскоре после уничтожения афинской державы перед Сиракузами; это же событие побудило персов, которых сдерживали, пока афинская империя оставалась неповрежденной, вновь предпринять наступательные действия для восстановления своего господства над азиатскими греками. Великая военно-морская мощь Афин, внушавшая Карфагену не только опасения, но и тревогу,[858] служила защитой эллинского мира как на его восточном, так и на западном рубеже. Не успела эта защита быть свергнута, как враждебное давление чужеземцев стало ощущаться как на Западной Сицилии, так и на восточном побережье Эгейского моря.

С этого времени в течение двух столетий, вплоть до завершения второй Пунической войны, карфагеняне часто совершают агрессивные вторжения в Сицилию, причем в широких масштабах , чтобы оказывать сильное влияние на судьбы сицилийских греков. Были ли какие-то внутренние причины, заставившие их воздержаться от вмешательства в течение предыдущих поколений, мы не можем сказать. История этого мощного и богатого города очень мало известна. Мы знаем лишь несколько фактов, дающих общее представление об олигархическом правлении и обширных колониальных владениях, но оставляющих нас в неведении относительно ее непрерывной истории. Ее владения были самыми обширными, вдоль побережья Африки как на

восток, так и на запад от ее города; они включали также Сардинию и Балеарские острова, но (в это время, вероятно) мало поселений в Испании. Ей было чем занять свое внимание в других местах, не вмешиваясь в сицилийские дела; тем более что ее провинция в Сицилии была скорее зависимым союзником, чем колониальным владением. В ранних договорах, заключенных с Римом, карфагеняне ограничивали и даже запрещали римлянам торговлю с Сардинией и Африкой (кроме самого Карфагена), но предоставляли широчайшие права на сношения с карфагенской провинцией Сицилия, которая, по их мнению, находилась в таком же отношении к Карфагену, в каком города Лациума находились к Риму.^[859] Хотя связь Карфагена с Сицилией была не столь тесной, похоже, что другие зависимые территории доставляли ей немало хлопот, в основном из-за ее собственного сурового и вымогательского правления.

Вся наша позитивная информация, как бы скудна она ни была, о Карфагене и его институтах относится к четвертому, третьему или второму веку до н.э., но она может служить основанием для предположительных выводов относительно пятого века до н.э., особенно в отношении общей системы, которой она придерживалась. Максимум ее могущества был достигнут до первой войны с Римом, которая началась в 264 году до н.э.; первая и вторая Пунические войны значительно уменьшили ее силу и владычество. Однако, несмотря на такое сокращение, мы узнаем, что около 150 г. до н. э., незадолго до третьей Пунической войны, закончившейся взятием и обезлюдением города, в нем насчитывалось не менее семисот тысяч душ^[860], как обитателей укрепленной окружности длиной более двадцати миль, охватывающей полуостров с перешейком. На этом перешейке располагалась цитадель Бырса, окруженная тройной стеной и увенчанная на вершине великолепным храмом Эскулапа. Многочисленность населения тем более примечательна, что Утика (значительный город, колонизированный из Финикии более древней, чем даже сам Карфаген, и всегда независимый от карфагенян, хотя и находившийся в положении неполноценного и недовольного союзника) находилась на расстоянии семи миль от Карфагена^[861] с одной стороны и Туниса, казалось, не намного дальше - с другой. И даже в то время карфагеняне, как говорят, владели тремя сотнями городов-притоков в Ливии.^[862] Однако это была лишь малая часть той огромной империи, которая принадлежала им, безусловно, в IV веке до н. э., а также, по всей вероятности, в 480-410 годах до н. э. Эта империя простиралась на восток до Филейских алтарей, близ Большого Сиртиса, - на запад, вдоль всего побережья до Геракловых столбов и западного побережья Марокко. Линия побережья к юго-востоку от Карфагена, вплоть до залива под названием Малый Сиртис, была известна своим плодородием (под названием Визакция и Эмпория). Вдоль этой обширной линии были распространены коренные ливийские племена, живущие земледелием, и смешанное население, называемое ливийско-финикийским, образовавшееся в результате брака и коалиции некоторых из этих племен либо с колонистами из Тира и Сидона, либо, возможно, с ханаанейским населением, сходным по расе с финикийцами, но еще раньше поселившимся в этой стране.^[863] Эти ливийцы-финикийцы жили в городах, по-видимому, умеренного размера и не укрепленных, но каждый из них был окружен обширной и плодородной территорией, дававшей много урожая. Они были усердными земледельцами, но в целом не склонными к войне, и это последнее качество древняя теория приписывала чрезвычайному богатству их почвы.^[864] Число ливийско-финикийских городов нам неизвестно, но оно должно было быть невероятно большим, поскольку нам говорят, что Агатокл и Регул во время своих вторжений захватили не менее двухсот. Об одном округе, называемом Туска, также говорят, что в нем было пятьдесят городов^[865].

Несколько городов на побережье - Гиппо, Утика, Адруметум, Фапсус, Лептис и т. д. - были колониями Тира, как и сам Карфаген. Поэтому по отношению к Карфагену они стояли на другой ступени, чем ливийско-финикийские города, как приморские, так и внутренние. Однако со временем карфагеняне сумели подчинить себе все города, за исключением Утики. Таким образом, они получали доход со всех жителей этого плодородного региона, тирийцев, ливийцев и

коренных ливийцев, и сумма, которую они взимали, была непомерной. В одно время, сразу после первой Пунической войны, они забирали у сельских земледельцев до половины их продукции[866] и одним махом удвоили дань, взимаемую с городов. Город и округ Лептис платили им дань в размере одного таланта в день, или триста шестьдесят пять талантов в год. Такие поборы взимались не без крайней жестокости: иногда лишали налогоплательщика всего, чем он владел, и даже отрывали его от семьи, чтобы лично продать в рабство.[867] Поэтому общее настроение в зависимых районах по отношению к Карфагену было смешанным: страх и ненависть, что заставляло их с готовностью восставать при появлении любого иностранного захватчика. В некоторых случаях карфагеняне, по-видимому, защищались от таких случайностей с помощью платных гарнизонов; но они также обеспечивали своеобразный гарнизон из числа собственных граждан, посылая из Карфагена бедняков и выделяя им участки земли с прикрепленными к ним земледельцами. Это положение о бедных гражданах как эмигрантах (в основном по аналогии с римскими колониями) было постоянной чертой карфагенской политической системы, служившей двойной цели - предотвратить недовольство среди собственного городского населения дома и следить за своими зависимыми территориями за границей[868].

В пятом веке до н. э. карфагеняне не опасались вторжения какого-либо иностранного врага с моря, которое впервые было предпринято в 316 году до н. э., к всеобщему удивлению, смелостью сиракузца Агатокла. Их враги на суше также не были грозными завоевателями, хотя и досаждали как грабители. Нумидийцы и другие туземные племена, полуголые и хищные всадники, отличавшиеся как быстротой, так и неутомимостью, так досаждали отдельным земледельцам, что карфагеняне прорыли длинную линию рвов, чтобы отгородиться от них.[869] Но эти варвары не приобрели достаточной организации, чтобы действовать на постоянной основе, вплоть до правления Масиниссы и второй Пунической войны с Римом. Таким образом, в течение пятого и четвертого веков до н. э. (до вторжения Агатокла) карфагеняне вели постоянную агрессивную войну в чужих краях. Для этих целей они в основном использовали иностранных наемников, нанятых для этого случая из Италии, Галлии, Испании и островов Западного Средиземноморья, а также призывников из своих ливийских владений. Коренные карфагеняне,[870] хотя и поощрялись почетными знаками за эту военную службу, в целом были против нее и использовались редко. Но эти граждане, хотя и не часто отправлялись на внешнюю службу, представляли собой самую грозную силу, когда к ним обращались. Не менее сорока тысяч гоплитов вышли из ворот Карфагена, чтобы противостоять Агатоклу, вместе с тысячей конницы и двумя тысячами боевых колесниц.[871] В стенах Бирсы, цитадели Карфагена, похоже, хранился огромный общественный склад оружия, военных принадлежностей всех видов и провизии.[Отборное подразделение из двух тысяч пятисот граждан, людей состоятельных и семейных, составляло так называемый Священный отряд Карфагена,[873] отличавшийся как храбростью в поле, так и великолепием оружия, а также золотыми и серебряными пластинами, составлявшими часть их багажа. Этих гражданских солдат мы иногда находим на службе в Сицилии: но большая часть карфагенских армий состоит из галлов, иберийцев, ливийцев и т. д. - смешанного войска, собранного по случаю, несовместимого как по языку, так и по обычаям. Такие люди никогда не были привязаны к делу, за которое сражались, - редко к командирам, под началом которых служили; Карфаген часто относился к ним недобросовестно и безрассудно бросал на погибель.[874] Подобная военная система таила в себе опасность, если наемные солдаты задерживались в Африке; так случилось после первой Пунической войны, когда город был поставлен на грань разорения. Но на чужой службе в Сицилии эти наемники часто позволяли Карфагену совершать завоевания только за счет своих денег, не тратя кровь своих граждан. Карфагенские полководцы, как и персы, полагались на численность, не проявляя почти никакого военного мастерства, пока мы не перешли к Пуническим войнам с Римом, которые велись при Гамилькаре Барке и его прославленном сыне Ганнибале.

Что касается политической конституции Карфагена, то известных фактов слишком мало, и они слишком неопределенны, чтобы мы могли понять ее реальное функционирование. Наиболее заметными по рангу и старшинству магистратами были два царя или суффеты, председательствовавшие в сенате.^[875] Они, по-видимому, ежегодно обновлялись, хотя насколько одни и те же лица были повторно правомочны или фактически переизбраны, мы не знаем, но они всегда выбирались из нескольких главных семей или гентов. Есть основания полагать, что подлинные карфагенские граждане были распределены на три племена, тридцать курий и триста гентов - примерно так же, как римские патриции. Из этих *gentes* происходил сенат из трехсот человек, из которого снова формировался меньший совет или комитет из тридцати *principes*, представлявших *curiæ*;^[876] иногда еще меньший, всего из десяти *principes*. Эти малые советы часто упоминаются в политических процессах Карфагена; возможно, тридцать советов совпадают с тем, что Полибий называет Герусией, или Советом древних, а триста - с тем, что он называет Сенатом.^[877] Аристотель уподобляет двух царей (*suffetes*) Карфагена двум царям Спарты, а Герусию Карфагена - также и Спарте;^[878] последняя состояла из тридцати членов, включая царей, которые в ней заседали. Но Аристотель не упоминает о каком-либо собрании в Карфагене, аналогичном тому, что Полибий называет сенатом. Он упоминает о двух советах, один из которых состоял из ста членов, другой - из ста четырех; а также о неких коллегиях из пяти человек - пентархиях. Он сравнивает Совет ста четырех со спартанскими эфорами; снова говорит о пентархиях как о наделенных широкими функциями, а Совет ста называет величайшей властью в государстве. Возможно, этот последний совет был идентичен собранию ста судей (которые, как говорят, выбирались из сената в качестве контроля над наемными генералами), или *Ordo Judicum*, о котором Ливий говорит после второй Пунической войны, как о существующем вечно и настолько могущественном, что оно имеет власть над всеми другими собраниями и магистратурами государства. Под влиянием Ганнибала был принят закон, уменьшающий чрезмерную власть этого ордена судей, по которому они избирались только на один год, а не были вечными^[879].

Эти заявления, хотя и исходят от ценных авторов, передают так мало информации и, кроме того, их так трудно согласовать, что можно сказать, что и структура, и работа политической машины в Карфагене неизвестны.^[880] Но кажется очевидным, что общий дух правительства был в высшей степени олигархическим; что несколько богатых, старых и могущественных семей разделили между собой большие должности и влияние в государстве; что они резко и даже нагло выделялись из толпы; ^[881] что они противостояли друг другу в жестокой вражде, часто запятнанной грубым вероломством и кровопролитием; и что обращение, которому из-за этих жестоких партийных антипатий подвергались неудачливые генералы, было в высшей степени жестоким.^[882] Похоже, что богатство было одним из обязательных условий, и что магистраты и генералы получали свои назначения в значительной степени с помощью коррупции. Одной из разновидностей такой коррупции была привычка постоянно потчевать граждан на коллективных банкетах *курий* или политических ассоциаций; эта привычка была столь постоянной и охватывала столь широкий круг граждан, что Аристотель сравнивает эти банкеты с *фидитией* или общественным балаганом в Спарте. [В Карфагене существовал демос или народ, с которым советовались по особым поводам и перед которым публично обсуждали предложения в тех случаях, когда суффеты и малый совет не были единодушны.^[884] Насколько многочисленным был этот демос и какую долю всего населения он составлял, мы не имеем возможности узнать. Но ясно, что, будь он более или менее значительным, его множество держалось в зависимости от богатых семейств с помощью таких уловок, как банкеты, выгодные назначения с участками земли в иностранных владениях и т. д. Цели правительства определялись, его полномочия осуществлялись, а великие должности - суффеты, сенаторы, генералы или судьи - занимались членами небольшого числа богатых семей, и главным противодействием, с которым они

сталкивались, была их вражда друг с другом. В целом, правительство управлялось умело и стабильно, как для внутреннего спокойствия, так и для систематического внешнего и торгового обогащения. Насколько известно Аристотелю, Карфаген никогда не страдал ни от успешной узурпации деспота, ни от жестоких беспорядков в кишечнике[885].

Первым выдающимся карфагенским вождем, дошедшим до нас, является Маго (кажется, около 530-500 гг. до н. э.), который, как говорят, внес основной вклад в организацию сил и расширение владений Карфагена. Из двух его сыновей один, Гасдрубал, погиб после победоносной карьеры в Сардинии;[886] другой, Гамилькара, командовавший в битве при Гимере в Сицилии, был разбит и убит Гелоном, о чем уже рассказывалось. После смерти Гамилькара его сын Гискон был приговорен к вечному изгнанию и провел свою жизнь на Сицилии в греческом городе Селинусе.[887] Но сыновья Гасдрубала по-прежнему оставались в Карфагене, самыми влиятельными гражданами в государстве; они вели военные действия против мавров и других коренных африканцев, которых они заставили отказаться от дани, которую Карфаген до этого времени платил за землю, на которой располагался город. Говорят, что эта семья была настолько могущественной, что необходимо было сдерживать ее восхождение, и для этой цели впервые были назначены сто сенаторов, заседающих в качестве судей.[888] Такие войны в Африке, несомненно, препятствовали дальнейшему вмешательству карфагенян в дела Сицилии в период между 480-410 гг. до н. э. Возможно, были и другие причины, нам не известные, - и вплоть до 413 г. до н. э, грозная военно-морская мощь Афин (как уже отмечалось) заставляла их быть начеку даже для самих себя. Но теперь, после великой афинской катастрофы перед Сиракузами, опасения по этому поводу рассеялись, так что Карфаген снова нашел досуг и склонность искать в Сицилии как выгоды, так и мести.

Примечательно, что те же самые люди, действовавшие в той же самой ссоре, которые послужили предлогом или мотивом для недавнего вторжения Афин, теперь выступали в том же качестве в качестве подстрекателей Карфагена. Жители Эгесты, ведущие неравную войну с соседями-соперниками в Селинусе, в обоих случаях выступали в роли просителей. Они обратились сначала в Карфаген, но безуспешно,[889] прежде чем решили послать за помощью в Афины. Эта война действительно была на некоторое время слита и забыта в большом афинском предприятии против Сиракуз; но она возродилась после той катастрофы, когда Афины и их вооружение потерпели кораблекрушение. Эгестейцы не только лишились своих покровителей, но и получили еще большую враждебность со стороны соседей за то, что привели на Сицилию столь грозного ультрамаринового врага. Их первоначальная ссора с Селином была связана со спорным участком пограничной территории. Теперь они не считали себя вправе отстаивать эту точку зрения при нынешних неблагоприятных обстоятельствах. Но селинунтийцы, уверенные в себе, а также разгневанные, не удовлетворились успехом в своем первоначальном притязании. Они принялись отнимать у эгестейцев другие земли, бесспорно принадлежащие им, и серьезно угрожали как целостности, так и независимости города. Ни к кому другому, кроме Карфагена, эгестейцы не могли обратиться с надеждой найти желание и силу защитить их[890].

Город Эгеста (неэллинский или, по крайней мере, полуэллинский) располагался на северной линии сицилийского побережья, недалеко от западного мыса острова, в непосредственной близости от карфагенских поселений - Мотьки, Панормуса (ныне Палермо) и Солозиса или Солунтума. Селинус также находился недалеко от западного мыса, но на южном побережье Сицилии, и его территория была сопряжена с южной частью Эгесты. Поэтому, когда эгестейские посланники обратились к Карфагену с настоятельной просьбой о помощи, заявив, что без содействия они должны быть покорены и стать зависимыми от Селина, карфагеняне не без оснований предположили, что их собственные сицилийские поселения окажутся под угрозой, если их ближайшему эллинскому соседу будет позволено таким образом возвеличить себя.

Поэтому они согласились оказать просимую помощь, но не без долгих споров и колебаний. Им было не по себе от мысли возобновить военные действия в Сицилии, которые были отложены на семьдесят лет и, кроме того, оставили такие катастрофические воспоминания[891], в тот момент, когда сиракузская храбрость пользовалась большой славой после недавнего уничтожения афинского вооружения. Но воспоминания о гелонской победе при Гимере, хотя и внушали опасения, также разжигали жажду мести, особенно в груди Ганнибала, внука того полководца Гамилькара, который там же и погиб. В этот момент Ганнибал был королем, вернее, первым из двух суфетов, главных исполнительных магистратов Карфагена, как и его дед за семьдесят лет до этого. Поражение при Гимере произвело на карфагенян столь сильное впечатление, что они изгнали Гискона, сына убитого полководца Гамилькара и отца Ганнибала, и приговорили его к тому, чтобы он всю свою жизнь провел в изгнании. Он выбрал греческий город Селинус, где, вероятно, Ганнибал также провел свою юность, хотя с тех пор был возвращен в свою страну и в свою семью, - и откуда он привез с собой острую антипатию к греческому имени, а также нетерпение уничтожить с помощью жестокой мести бесчестье как своей страны, так и своей семьи. Поэтому, тепло откликнувшись на просьбу эгестейцев, он получил от сената полномочия принять эффективные меры для их защиты[892].

Первым делом он отправил посланников к Эгесту и Селину, чтобы те выступили против посягательств селинунтийцев; с дальнейшими инструкциями, в случае если уговоры окажутся безрезультатными, отправиться вместе с эгестейцами в Сиракузы и там передать весь спор на рассмотрение сиракузцев. Он предвидел, что селинунтийцы, имея на своей стороне превосходство в силе, откажутся признать любой арбитраж; а сиракузяне, к которым почтительно обратилась одна сторона, но отвергла другая, вообще останутся в стороне от ссоры. Все вышло так, как он и ожидал. Селинунтинцы отправили посланников в Сиракузы, чтобы выразить протест против заявлений Эгесты и Карфагена, но отказались передавать свое дело в арбитраж. Тогда сиракузяне проголосовали за то, чтобы сохранить свой союз с Селинунтом, не нарушая при этом мирных отношений с Карфагеном, оставляя последнему возможность действовать без препятствий. Ганнибал немедленно отправил на помощь Эгесту войска: пять тысяч ливийцев или африканцев и восемьсот кампанских наемников, которые раньше находились на службе у афинян в Сиракузах, но покинули лагерь до того, как произошла катастрофа[893].

Несмотря на подкрепление и внушительный вид Карфагена, селинунтийцы, находившиеся в это время в полной силе и процветании, все еще считали себя достаточно сильными, чтобы покорить Эгесту. Поддавшись такому убеждению, они вторглись на эту территорию со всей своей мощью. Сначала они начали опустошать страну, но поначалу с осторожностью и порядком, а затем, не найдя на поле врага, который мог бы им противостоять, стали беспечны и стали беспорядочно разбойничать. Это был момент, которого ждали эгестейцы и карфагеняне. Они напали на селинунтийцев врасплох, разгромили их, потеряв тысячу человек, и вернули всю добычу[894].

Война, как она велась до сих пор, была наступательной со стороны селинунтийцев с целью наказать или разорить своего древнего врага Эгесту. Карфагеняне вмешивались лишь в той мере, в какой это было необходимо для защиты последнего. Но против такого вмешательства селинунтийцы, если бы они предусмотрительно оценили свои силы, увидели бы, что им вряд ли удастся добиться какого-либо завоевания. Более того, они могли бы, возможно, получить мир сейчас, если бы стремились к нему; как настоятельно рекомендовало значительное меньшинство среди них, возглавляемое гражданином по имени Эмпедион[895]: ведь Селинунт, похоже, всегда был в более дружественных отношениях с Карфагеном, чем любой другой греческий город в Сицилии. Даже в великой битве при Гимере селинунтийские войска не только не оказали помощи Гелону, но и фактически сражались в составе карфагенской армии под командованием Гамилькара;[896] этот довод, если бы он был выдвинут, мог бы, вероятно, иметь вес у Ганнибала.

Но эта претензия на добрую волю Карфагена, похоже, лишь придавала им больше уверенности и страсти в том, чтобы отважиться на ее войско и продолжать войну. Они отправились в Сиракузы просить помощи, которую сиракузяне, при нынешних обстоятельствах, обещали им прислать. Но обещание было дано без особого радушия, что видно по тому, как они его выполнили, а также по нейтралитету, который они так недавно исповедовали; поскольку борьба со стороны Селины казалась агрессивной, Сиракузы были мало заинтересованы в том, чтобы помочь ей завоевать Эгесту. Ни сиракузяне, ни селинунтийцы не были готовы к огромным приготовлениям и энергичной быстроте движений, благодаря которым Ганнибал сразу изменил характер и расширил цели войны. Всю последующую осень и зиму он потратил на сбор многочисленных наемных войск из Африки, Испании и Кампании, а также различных греков, готовых пойти на службу[897].

Весной памятного 409 года до н. э., благодаря обильному богатству Карфагена, он смог покинуть Африку с большим флотом из шестидесяти трирем и пятнадцатисот транспортов или грузовых судов, [898] везя армию, которая, по сравнительно низкой оценке Тимея, насчитывала более ста тысяч человек; Эфор же увеличил это число до двухсот тысяч пехоты и четырех тысяч конницы, вместе с военным снаряжением и таранными машинами для осады. С ними он направился прямо к западному мысу Сицилии, Лилибею, позаботившись, однако, о том, чтобы высадить свои войска и держать флот на северной стороне этого мыса, в бухте у Мотика, - и не приближаться к южному берегу, чтобы не встревожить сиракузян мыслью, что он собирается продолжить плавание дальше на восток вдоль южного побережья к их городу. Этой мерой предосторожности он воспользовался, чтобы продлить период бездействия сиракузян. Селинунтинцы, охваченные паникой в связи с появлением врага, гораздо более сильного, чем они ожидали, отправили в Сиракузы срочных гонцов, чтобы ускорить получение обещанной помощи. Они не предусмотрели возможности обороняться от действительно грозного агрессора. Их стены, хотя и были достаточно крепкими, чтобы противостоять сицилийским соседям, но за время долгого отсутствия чужеземного осаждающего не были приведены в порядок и теперь во многих местах находились в аварийном состоянии. Ганнибал не оставил им времени на исправление прошлых недостатков. Вместо того чтобы растрачивать свое мощное вооружение (как это сделал несчастный Никиас за пять лет до этого) месяцами пустой болтовни и реального бездействия, он дождался, пока к нему присоединятся войска из Эгесты и соседних карфагенских областей, а затем двинулся всем своим войском прямо из Лилибея в Селинус. Перейдя на своем пути реку Мазара и взяв штурмом крепость, расположенную вблизи ее устья, он вскоре оказался под стенами Селинунта. Он разделил свое войско на две части, каждая из которых была снабжена таранными машинами и передвижными деревянными башнями; затем он атаковал стены сразу со многих сторон, выбирая те, где они были наиболее доступны или наиболее обветшали. Лучники и пращники в большом количестве были расставлены у стен, чтобы поддерживать обстрел и отгонять защитников от крепостных стен. Под прикрытием такого обстрела к подножию стены подкатили шесть деревянных башен, которые были равны или почти равны по высоте, так что вооруженные люди внутри них были готовы сражаться с защитниками почти на равных. Против других участков стены объединенной силой множества людей вбивались тараны с железными головками, которые сотрясали или пробивали ее основание, особенно там, где оно проявляло признаки запустения или разрушения. Таковы были методы нападения, которые Ганнибал обрушил на неподготовленных селинунтийцев. Он стремился предупредить прибытие вспомогательных войск стремительными движениями своего бесчисленного варварского войска, самого многочисленного в Сицилии с тех пор, как его дед Гамилькара потерпел поражение при Гимере. Собранные со всех берегов западного Средиземноморья, они представляли собой воинов, разнородных по расе, вооружению, языку, - во всем, кроме храбрости и общей жажды крови и грабежа[899].

Невозможно описать ужас селинунтийцев, когда они внезапно оказались под ударом этого разрушительного урагана. В планы Ганнибала не входило выдвигать условия или предоставлять капитуляцию, ведь он обещал своим солдатам разграбление их города. Единственным шансом осажденных было держаться с мужеством отчаяния, пока они не получат помощь от своих эллинских братьев на южном и восточном побережье - Агригентума, Гелы и особенно Сиракуз, - всех, кого они послали предупредить и умолять. Вооруженное население толпилось на стенах с решимостью, достойной греков и граждан; старики и женщины, хотя и были подавлены муками от судьбы, которая, казалось, угрожала им, оказывали посильную помощь и поддержку. Под звуки труб и всевозможные военные клич нападавшие приблизились к стенам, повсюду встречая доблестное сопротивление. Их отбивали снова и снова, неся тяжелейшие потери. Но на помощь убитым и изможденным подходили свежие войска, и в конце концов, после кровопролитной борьбы, кампанцы перебрались через стены в город. Но, несмотря на такое временное преимущество, героические усилия осажденных снова вытесняли их или убивали, так что наступала ночь, а захват не был завершен. Девять дней подряд штурм возобновлялся с неизменной яростью; девять дней подряд героическое население оказывало успешное сопротивление, хотя враги были достаточно многочисленны, чтобы постоянно подкреплять друг друга, - хотя их собственные силы с каждым днем убывали, - и ни один друг не пришел им на помощь. Наконец, на десятый день, после страшных потерь осаждающих, в слабой части стены была пробита брешь, и иберийцы смогли прорваться в город. Однако селинунтийцы, даже после того как их стены были разрушены, продолжали с неуклонной решимостью баррикадироваться и защищать свои узкие улицы, в чем им помогали и их женщины, сбрасывая на нападавших камни и черепицу с крыш домов. Все эти барьеры были последовательно разрушены неисчерпаемым числом и растущей страстью варварского войска, так что защитники были отброшены со всех сторон в агору, где большинство из них закончили свою доблестную оборону почетной смертью. Небольшое меньшинство, среди которых был Эмпедион, бежало в Агригентум, где им оказали самое горячее сочувствие и самое гостеприимное обращение^[900].

Сопротивление прекратилось, и нападавшие расползлись по городу во всей ярости ненасытного аппетита - убийственного, похотливого и хищного. Они без разбора истребляли стариков и детей, оставляя в плену только взрослых женщин. Печальные подробности взятия города штурмом в значительной степени одинаковы во все века и у всех народов; но уничтожение варваров в Селинусе проявило одну особенность, которая ставит их вне поля зрения эллинского сочувствия и чувства. Они уродовали тела убитых; некоторых видели с ампутированными руками, сложенными в ряд и закрепленными вокруг их поясов; другие держали головы на остриях своих копий и копьев.^[901] Греки (судя по всему, немногочисленные), служившие под началом Ганнибала, не разделяя этих свирепых проявлений, в некоторой степени способствовали смягчению плачевной участи страдальцев. Шестнадцать тысяч селинунтийцев были убиты, пять тысяч взяты в плен, а две тысячи шестьсот бежали в Агригентум.^[902] Эти цифры, вероятно, скорее занижены, чем завышены. Тем не менее, они не заслуживают доверия; они не дают нам никакого представления обо всем населении в его различных категориях, - старых и молодых, мужчинах и женщинах, свободных и рабах, гражданах и митиках. Мы можем только притворяться, что оцениваем это скорбное событие в общих чертах. Точное знание его деталей нам недоступно.

Ни щедрость, ни благоразумие эллинских соседей Селина не делают чести тому, что этот несчастный город был оставлен на произвол судьбы без помощи. Тщетно посылали гонца за гонцом в Агригентум, Гелу и Сиракузы, поскольку оборона становилась все более и более критической. Военные силы двух первых были готовы, но отложили свой поход до тех пор, пока к ним не присоединились силы последних; настолько грозными были сведения о вторжении. Тем временем сиракузяне не были готовы. Они считали необходимым, во-первых, завершить войну, которую они вели против Катаны и Наксоса, а во-вторых, собрать большие и тщательно

подготовленные силы. Прежде чем эти предварительные приготовления были закончены, девять дней осады истекли, и прозвучал смертный час Селина. Вероятно, сиракузяне были введены в заблуждение сицилийскими операциями Никиаса, который, начав с долгого перерыва в бездействии, затем приблизился к их городу медленной блокадой, как того требовали обстоятельства его дела. Ожидая в случае с Селином, что Ганнибал предпримет такую же тщательную осаду, - и не задумываясь о том, что он находился во главе огромного войска нанятых для этого случая разношерстных иностранцев, с жизнями которых он мог позволить себе быть расточительным, В то время как Никиас командовал гражданами Афин и других греческих государств, которых он не мог подвергнуть убийственному, но тщательному процессу постоянно возобновляющегося штурма недавно возведенных крепких стен, - они были поражены, когда им сообщили, что для взятия города хватило девяти дней резни. Сиракузские солдаты, три тысячи человек, которые присоединились к гелонам и агригентинцам в Агригентуме, прибыли вовремя, чтобы принять участие во всеобщей тревоге, распространившейся повсюду. Три города отправили к Ганнибалу совместное посольство, умоляя его разрешить выкуп пленников и пощадить храмы богов; в то же время Эмпедион отправился просить сострадания у своих беглых сограждан. На первое требование победоносный карфагенянин дал ответ, одновременно надменный и характерный: "Селинунтинцы не смогли сохранить свою свободу и теперь должны подвергнуться испытанию рабством. Боги обиделись на них и удалились из города" [\[903\]](#) Эмпедиону, древнему другу и ярому стороннику карфагенян, он ответил более снисходительно. Все родственники Эмпедиона, найденные живыми среди пленников, были немедленно выданы; кроме того, беглым селинунтийцам было дано разрешение вернуться, если они пожелают, и вновь занять город с его землями в качестве подданных Карфагена. Однако одновременно с этим Ганнибал приказал разрушить стены и уничтожить город с его храмами. [904\]](#) Что было сделано с предложенным выкупом, мы не слышим.

Насытив свои войска этой богатой добычей, Ганнибал покинул место кровопролития и опустошения и направился через весь остров к Гимере на северном побережье. Хотя Селин, как враг Эгесты, получил первый удар его оружия, именно на Гимеру была направлена великая цель его души. Именно здесь Гамилькар потерял и войско, и жизнь, наложив неизгладимый позор на всю жизнь своего сына Гискона: именно здесь его внук намеревался в полной мере отомстить и воздать по заслугам внукам тех, кто тогда занимал роковое место. Карфагенское войско не только радовалось успеху, но и пополнялось свежими сикелами и сиканами, жаждущими не только разграбления, но и удовлетворения антипатии своей расы к греческим захватчикам; таким образом восполнялись потери, понесенные во время недавнего штурма. Достигнув Гимеры и расположив свою армию на соответствующих позициях вокруг, Ганнибал перешел к мгновенной атаке, как и при Селине; он выдвинул свои таранные машины и башни против уязвимых частей стен, пытаясь в то же время подорвать их. Гимерийцы защищались с отчаянной храбростью, и в этот раз оборона не была безрезультатной: четыре тысячи союзников, в основном сиракузяне, во главе с сиракузянином Диоклесом, подошли к городу в качестве подкрепления. Целый день они с остервенением отражали многочисленные штурмы. Не произведя на город никакого впечатления, осажденные настолько уверились в собственной доблести, что решили не повторять селинунтийцев, ограничившись обороной, а на рассвете следующего дня выйти в поле и напасть на осаждающих. Десять тысяч доблестных мужчин - гимерийцы, сиракузяне и другие греческие союзники - вышли с рассветом, а у крепостных стен собрались старики и женщины, с тревогой наблюдавшие за их подвигами. Карфагеняне у стен, которые, готовясь к новому штурму, ожидали не иначе как нападения, были застигнуты врасплох. Несмотря на значительное превосходство в численности, а также на большую личную храбрость, они впали в замешательство и не смогли долго сопротивляться галантному и организованному натиску греков. В конце концов они сдались

и бежали к соседнему холму, где расположился сам Ганнибал со своим резервом для прикрытия штурма. Греки яростно преследовали их и перебили огромное количество людей (шесть тысяч, согласно Тимею, , но не менее двадцати тысяч, если мы примем широкое утверждение Эфора), увещевая друг друга не думать о пленных. Но в спешке и ликовании погони они запыхались, и их ряды пришли в беспорядок. В таком неприглядном состоянии они оказались лицом к лицу со свежим резервом Ганнибала, который спустился с холма, чтобы принять и поддержать своих побежденных беглецов. Судьба битвы изменилась настолько, что гимерийцы, храбро сражаясь некоторое время с новыми врагами, оказались побеждены и отброшены к собственным воротам. Однако три тысячи их храбрейших воинов, отчаявшись за свой город и помня о судьбе Селина, не пожелали повернуть назад и погибли все до одного в упорной борьбе с превосходящими силами карфагенян[905].

Сильна была скорбь и тревога в Гимере, когда цветок ее войска был изгнан, как побитый, с потерей половины своего состава. В этот момент в порт случайно прибыл флот из двадцати пяти трирем, принадлежавших Сиракузам и другим греческим городам на Сицилии; эти триремы были отправлены на помощь пелопоннесцам в Эгейское море, но затем вернулись и теперь были собраны вместе с особой целью - освободить осажденный город. Столь важное подкрепление должно было оживить дух гимерийцев. Оно сообщало , что сиракузяне полным ходом идут через весь остров с основными силами города на помощь Гимере. Но эта радостная новость была с лихвой перекрыта сообщением о том, что Ганнибал отряжает карфагенский флот в бухту Мотик, чтобы тот мог обогнуть мыс Лилибея и вдоль южного побережья войти в гавань Сиракуз, беззащитную из-за отсутствия главных сил. По всей видимости, сиракузский флот, направляясь из Сиракуз в Гимеру, прошел мимо Мотийского залива, заметил там морское движение среди карфагенян и получил эти известия в качестве объяснения. Этих сведений было более чем достаточно, чтобы возбудить тревогу за родину в душе Диокла и сиракузян в Гимере, особенно при царившем там унынии. Диокл не только велел капитанам флота немедленно отплыть в Сиракузы, чтобы уберечься от ожидаемого сюрприза, но и настоял на том, чтобы самому отправиться туда по суше с сиракузскими войсками, отказавшись от дальнейшей обороны Гимеры. По пути домой он должен был встретить своих сограждан, которые шли наружу, и проводить их обратно. Для гимерийцев это был смертный приговор или даже хуже смерти. Это повергало их в агонию страха и отчаяния. Но более безопасного совета предложить было нельзя, как и убедить Диокла предоставить что-то большее, чем транспортные средства для вывоза гимерийцев, когда город будет сдан осаждающим. Было решено, что флот, вместо того чтобы плыть прямо в Сиракузы, должен занять себя тем, чтобы вывезти столько населения, сколько можно было взять на борт, и безопасно разместить их в Мессене; после этого он вернется за остальными, которые тем временем будут защищать город всеми силами.

Таков был хрупкий шанс на убежище, который только и оставался у этих несчастных греков против пожирающего их врага. Сразу же слабая часть населения - старики, женщины и дети, - набившись на борт, пока триремы не смогли вместить больше людей, отплыли вдоль северного побережья в Мессену. В ту же ночь Диоклис тоже вышел из города со своими сиракузскими солдатами; он так спешил домой, что даже не задержался, чтобы похоронить многочисленных сиракузских воинов, убитых во время недавней катастрофической вылазки. Многие гимерийцы с женами и детьми ушли вместе с Диоклесом, как единственный шанс спастись, поскольку было совершенно очевидно, что триремы не смогут унести всех. Самая храбрая и преданная часть гимерийских воинов все еще оставалась, чтобы защищать свой город до возвращения трирем. Простояв всю ночь на стенах под вооруженной охраной, на следующее утро они вновь подверглись нападению карфагенян, воодушевленных своим триумфом в предыдущий день и бегством стольких защитников. Но, несмотря на весь натиск численности, свирепости и таранных машин, сопротивление было успешно оказано, и в ту ночь Гимера все еще оставалась греческим городом.

На следующий день триремы вернулись, вероятно, сдав свой злополучный груз в безопасное место не так далеко от Мессены. Если бы защитники смогли удержать свои стены до заката солнца, многие из них могли бы спастись. Но удача, а возможно, и физическая сила этих храбрецов, была на исходе. Боги покидали Гимеру, как ранее покинули Селинус. В тот момент, когда триремы приблизились к порту, иберийцы таранами разбили широкое пространство укрепления, ворвались через брешь и преодолели все сопротивление. Подбадриваемые криками, варвары со всех сторон форсировали стены и расположились в городе, который превратился в одну сцену массового побоища и грабежа. В планы Ганнибала не входило прерывать грабеж, который он устроил в качестве вознаграждения своим солдатам. Но он быстро пресек резню, стремясь взять как можно больше пленных и увеличивая их число за счет увода всех, кто укрывался в храмах. Возможно, немногим из этого жалкого населения удалось добраться до приближающихся трирем; все остальные либо погибли, либо попали в руки победителя[906].

Это был гордый день для карфагенского полководца, когда он стоял как хозяин на земле Гимеры; он мог выполнить долг и удовлетворить требования мести за своего убитого деда. Трагическим было завершение этой долгожданной цели. Не только стены и храмы (как в Селинусе), но и все дома в Гимере были снесены до основания. Храмы, предварительно лишившись украшений и ценностей, были сожжены. Взятые в плен женщины и дети были розданы в качестве призов солдатам. Но всех пленных мужчин, числом в три тысячи, доставили на то самое место, где был убит Гамилькар, и там с позором предали смерти, [907] в качестве искупления за утраченную честь. И наконец, чтобы даже ненавистное имя Гимеры ушло в небытие, вскоре после этого карфагеняне основали по соседству новый город под названием Термы (так его называли из-за теплых источников)[908].

Сейчас ни один человек не может читать рассказ об этой массовой резне без ужаса и отвращения. И все же мы не можем сомневаться, что среди всех деяний Ганнибала это было единственное, которым он больше всего гордился; что в нем наиболее полно и выразительно реализовались его одновременные побуждения сыновнего чувства, религиозного долга и чести патриота; что проявление милосердия было бы расценено как подлое отступление от этих уважаемых побуждений; и что если бы пленников было еще больше, все они были бы одинаково убиты, что сделало бы исполнение искупления только намного более почетным и эффективным. В карфагенской религии человеческие жертвоприношения не просто допускались, а считались самым сильным проявлением набожного рвения, и к ним особенно прибегали во времена бедствий, когда необходимость умиловить богов считалась наиболее острой. Несомненно, чувства Ганнибала сердечно разделяла и завидовала изобилию его мести окружавшая его армия. Так различаются, а иногда и полностью противоположны, тон и направление моральных настроений в разные эпохи и у разных народов.

В многочисленных войнах греков против греков, которые мы, к сожалению, вынуждены были изучать, мы не нашли ни одного примера взятия штурмом какого-либо значительного города. Тем более ужасным было потрясение греческого мира от только что описанных событий; Селинус и Гимера, два греческих города древнего положения и непрерывного процветания, - оба они были взяты штурмом, разрушены и обезлюдены варварским войском в течение трех месяцев. [После разграбления Милета персами после восстания ионийцев (495 г. до н. э.) не происходило ничего подобного, [910] что вызвало бы столь сильное сочувствие и скорбь в Афинах. Война, бушевавшая сейчас в Эгейском море между Афинами и Спартой с их соответствующими союзниками, несомненно, способствовала тому, что во всей Центральной Греции затихло впечатление от бедствий, постигших греков на западной оконечности Сицилии. Но в пределах этого острова сочувствие страдальцам было наиболее острым и усугублялось ужасом перед будущим.

Карфагенский полководец на протяжении всей войны проявлял энергию, не уступающую любому греческому офицеру, а по владению осадной и таранной техникой превосходил даже самые хорошо оснащенные греческие города. Наемники, которых он набрал, были одинаково страшны своей храбростью и свирепостью, что подстегивало амбиции карфагенян развить свои быстрые успехи нападениями на другие города острова. Однако такие перспективы не сразу реализовались. Завершив свою месть при Гимере и распространив карфагенское владычество на весь северо-западный угол Сицилии (от Селинуса на южном море до Гимеры или Термы на северном), Ганнибал распустил свои наемные войска и вернулся домой. Большинство из них были довольны не только награбленным, но и жалованьем, хотя кампанцы, которые были первыми при взятии Селинуса, посчитали себя несправедливо обделенными и с отвращением отступили.^[911] Ганнибал привез богатую добычу со славными трофеями в Карфаген, где его встретили с восторгом и восхищением^[912].

Никогда еще греческие города Сицилии, и особенно Сиракузы, на которые в случае второго карфагенского вторжения в значительной степени опирались остальные, не имели более веских мотивов для поддержания себя в состоянии эффективной обороны. К несчастью, именно в этот момент в Сиракузах вспыхнула новая причина междоусобной розни, которая фатально подрывала ее силы и оказалась губительной для ее свободы. Изгнанный сиракузский полководец Гермократ недавно прибыл в Мессену на Сицилии, где он, судя по всему, находился в то время, когда беглецы пришли из Гимеры. Уже упоминалось, что он с двумя соратниками командовал сиракузским контингентом, служившим вместе с пелопоннесцами под командованием Миндара в Азии. После катастрофического поражения при Кизикусе, в котором Миндар был убит, а все корабли флота захвачены или уничтожены, в Сиракузах был вынесен приговор об изгнании трех адмиралов. Гермократ пользовался огромной популярностью среди триерархов и офицеров; он отличался неподкупностью и, насколько мы можем судить, энергично и умело командовал. Приговор, незаслуженный его поведением, был продиктован острой досадой на потерю флота и разочарованием в тех надеждах, которые возлагал на него Гермократ, а также тем, что Диокл и противоположная партия были теперь на высоте в Сиракусе. Когда изгнанный генерал, сообщив об этом вооруженным силам, пожаловался на несправедливость и незаконность своего решения, он получил горячее сочувствие и даже увещевания сохранить за собой командование, несмотря на приказы из дома. Он убедительно запретил им даже думать о том, чтобы поднять мятеж против их общего города и страны;^[913] на основании этого триерархи, провожая его в последний путь, поклялись, что, как только вернутся в Сиракузы, не оставят попыток добиться его восстановления.

Назидательные слова, сказанные Гермократом в адрес бесцеремонности триерархов, были бы достойны его патриотизма, если бы в то же время его собственное поведение не было достойно злейших врагов его страны. Сразу же после того, как его сместили новые адмиралы, он отправился к сатрапу Фарнабазу, в чьей благосклонности находился, и получил от него значительный денежный подарок, который употребил на сбор наемных войск и строительство кораблей, чтобы начать войну против своих противников в Сиракузах и добиться собственного восстановления.^[914] Укрепленный таким образом, он вернулся из Азии в Сицилию и достиг сицилийской Мессены довольно рано, до взятия Гимеры карфагенянами. В Мессене он приказал построить пять новых трирем, а также взял на службу тысячу изгнанных гимерийцев. Во главе этих войск он попытался прорваться в Сиракузы, договорившись со своими друзьями в городе, которые обязались содействовать его вступлению оружием. Возможно, некоторые из триерархов, ранее поклявшихся оказать ему помощь, теперь вернулись и находились среди этих внутренних партизан.

Момент для такого предприятия был выбран удачно. Как катастрофа при Кизикусе возбудила сиракузян против Гермократа, так мы не можем сомневаться, что должна была возникнуть сильная реакция против Диокла и его партизан, в результате падения Селина без помощи и последующего оставления Гимеры. Какую степень вины можно справедливо возложить на Диокла за эти несчастья, мы не в состоянии судить. Но такие неудачи сами по себе должны были в большей или меньшей степени дискредитировать его и придать еще больше сил и стимула сторонникам изгнанного Гермократа. Тем не менее этот вождь, хотя и подошел к воротам Сиракуз, потерпел неудачу в попытке получить вход и был вынужден отступить; после этого он провел свою маленькую армию через внутренние районы острова и овладел разобраным Селинусом. Здесь он стал во главе нового поселения, собрал всех изгнанных жителей (среди которых, вероятно, некоторые уже вернулись вместе с Эмпедионом) и пригласил много новых колонистов из других мест. Восстановив часть разрушенных укреплений, он постепенно укрепился за счет такого количества новоприбывших, что под его командованием оказалось шесть тысяч отборных гоплитов, вероятно, независимо от других солдат более низкого достоинства. С этими войсками он стал вторгаться в соседние карфагенские поселения, Мотику и Панорм.^[915] Разбив войска обоих в поле, он успешно провел свои опустошения по их территориям, захватив большое количество награбленного. Теперь у карфагенян не осталось ни одной армии в Сицилии, так как их огромное войско предыдущего года состояло только из наемников, набранных по случаю, а затем распущенных.

Эти события вызвали сильную сенсацию во всей Сицилии. Доблесть Гермократа, восстановившего Селину и победившего карфагенян на той самой земле, где они еще недавно стояли с огромной силой, противопоставлялась бесславным действиям Диоклеса при Гимере. На общественных собраниях Сиракуз эта тема, в сочетании с несправедливым приговором, по которому Гермократ был изгнан, была решительно поднята его сторонниками; это произвело определенную реакцию в его пользу и еще больший эффект в позоре его соперника Диоклеса. Осознав, что мнение сиракузян склоняется в его сторону, Гермократ возобновил приготовления к возвращению и прибег к новой хитрости, чтобы сгладить трудности. Он отправился из Селина в разрушенную Гимеру, узнал место, где сиракузские войска потерпели смертельное поражение, и собрал кости своих убитых сограждан, которые (или, скорее, непогребенные тела) должны были лежать на поле без внимания около двух лет. Положив эти кости на богато украшенные машины, он выступил в поход со своими войсками и переправил их через весь остров от Гимеры до сиракузской границы. Здесь, как изгнанник, он остановился, считая, что теперь уместно проявить уважение к закону, - хотя в предыдущей попытке он дошел до самых городских ворот, не испытывая подобных угрызений совести. Но он послал вперед нескольких друзей с машинами и костями, предлагая их горожанам, чтобы они с должной торжественностью проводили похороны. Их прибытие стало сигналом к бурному обсуждению и вспышке острого недовольства Диоклесом, который оставил тела непогребенными на поле боя. "Именно Гермократу (так утверждали его сторонники) и его доблестным усилиям в борьбе с карфагенянами было доверено обретение этих останков убитых и возможность совершить над ними погребальные торжества. Пусть сиракузяне, должным образом совершив эти похороны, засвидетельствуют свою благодарность Гермократу голосованием о восстановлении, а свое недовольство Диоклом - приговором об изгнании"^[916] Диокл со своими сторонниками был поставлен в крайне невыгодное положение. Выступая против восстановления Гермократа, он счел необходимым выступить и против предложения о приеме и погребении костей убитых граждан. Здесь чувства народа резко выступили против него; кости были приняты и захоронены при всеобщем уважительном присутствии, и так сильны были реакционные настроения в целом, что сторонники Гермократа провели свое предложение о приговоре Диоклеса к изгнанию. Но, с другой стороны, они не смогли добиться восстановления самого Гермократа. Цели последнего были настолько очевидны: за несколько месяцев до этого он пытался прорваться в город врасплох, а теперь появился на границе с вооруженным отрядом под

командованием, - что его реадмиссия была бы не чем иным, как сознательной передачей свободы города деспоту[917].

Потерпев неудачу в этой хорошо продуманной хитрости, чтобы получить согласие, Гермократ увидел, что его возвращение не может быть осуществлено в тот момент открытой силой. Поэтому он отступил от сиракузской границы, отложив вооруженное нападение до тех пор, пока его друзья в городе не предоставят ему удобную возможность. Мы видим, что в результате недавнего маневра его собственная партия внутри страны значительно укрепилась, а его противники ослабли. Доказательством тому служит изгнание Диоклеса, которого, вероятно, не сменил ни один другой лидер, обладавший таким же влиянием. После некоторого перерыва сторонники Гермocrates придумали план, который они считали осуществимым, чтобы впустить его в город ночью. Предупрежденный ими, он выступил из Селина во главе трех тысяч воинов, пересек территорию Гелы[918] и ночью достиг условленного места у ворот Ахрадины. Из-за стремительности своего продвижения он имел с собой лишь несколько отрядов; основной корпус не смог удержаться на месте. С этими немногими, однако, он поспешил к воротам, которые уже находились во владении его друзей, вероятно, ожидавших (подобно Пасимию в Коринфе[919]) ночи, в которую они были выставлены в качестве часовых. Хозяин ворот Гермократ, хотя к нему и присоединились его партизаны внутри с оружием в руках, счел благоразумным отложить решительную атаку до подхода своих главных сил. Но в это время сиракузские власти в городе, узнав о случившемся, собрали на агоре все свои военные силы и без промедления обрушились на банду агрессоров. После острой схватки агрессоры были полностью разбиты, а сам Гермократ убит вместе со значительной частью своих сторонников. Остальные бежали, и им был вынесен приговор об изгнании. Однако некоторые из раненых были объявлены своими родственниками убитыми, чтобы избежать такого осуждения[920].

Так погиб один из самых энергичных сиракузских граждан; человек, не менее эффективный как защитник своей страны от внешних врагов, чем опасный как грозный враг ее внутренних свобод. Насколько мы можем судить, его попытка стать хозяином своей страны получила мощную поддержку и вполне могла увенчаться успехом. Но ей не хватало той авантюрной поддержки, проистекающей из нынешних затруднений и опасностей во внешних отношениях города, которая, как мы увидим через два года, была столь эффективна для продвижения честолюбивых проектов Дионисия.

Дионисий - для следующего поколения самое грозное имя в греческом мире - впервые появляется в истории. Он был молодым сиракузянином, не имевшим никакого значения для семьи или положения, описанным как человек низкого происхождения и низкого рода занятий; писец или секретарь, на которого смотрели как на подчиненную, хотя и важную функцию.[921] Он был сыном Гермocrates - не того выдающегося человека, чья смерть была только что описана, а другого человека с тем же именем, родственника или нет, мы не знаем.[922] Весьма вероятно, что он был человеком литературно одаренным и образованным, поскольку впоследствии мы читаем о нем как о сочинителе од и трагедий; и несомненно, что он отличался всеми талантами для военных действий - храбростью, силой воли и быстротой проницательности. В данном случае он горячо поддерживал партию Гермocrates и был одним из тех, кто взял в городе оружие в его поддержку. Отличившись в бою и получив несколько ран, он был в числе тех, кого выдали за мертвых его родственники.[923] Таким образом он избежал приговора об изгнании, вынесенного оставшимся в живых. И когда через некоторое время, оправившись от ран, он неожиданно был выдан за живого, можно предположить, что его противники и ведущие люди города оставили его в покое, не считая нужным возобновлять политическое расследование по поводу уже пройденных и законченных дел. Таким образом, он остался в городе, отмеченный своей смелостью и

обращением к партии гермократов как человек, наиболее подходящий для того, чтобы взять на себя мантию и возобновить антинародные замыслы их покойного лидера. Вскоре мы увидим, как вожди этой партии оказали ему помощь в возвеличивании.

Между тем внутреннее состояние Сиракуз было сильно ослаблено этим разделением. Хотя все три попытки Гермократа проникнуть в город силой или обманом потерпели неудачу, они оставили после себя грозную массу недовольных, а противники, народное правительство и его лидеры, были значительно урезаны в силе и авторитете изгнанием Диоклеса. Этого магистрата сменили Дафнеус и другие, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что о них говорят как о богатых людях, представляющих настроения богатых, и что они, похоже, не проявили особых способностей. Ничто не могло быть более прискорбным, чем слабость Сиракуз в этот конкретный момент: ведь карфагеняне, воодушевленные своими успехами при Селине и Гимере, а также, несомненно, подстрекаемые последующим возмездием Гермократа за их зависимость в Мотике и Панорме, как раз сейчас задумывали второе вторжение в Сицилию в еще больших масштабах. Не будучи в курсе их проектов, сиракузские вожди отправили посланников в Карфаген, чтобы выступить против них и сделать предложение о мире. Но удовлетворительного ответа не последовало, и приготовления не были прекращены[924].

Весной следующего года буря, надвигавшаяся со стороны Африки, с разрушительной силой обрушилась на этот роковой остров. За зиму был собран отряд наемников, превосходящий по численности тот, что разграбил Селин и Гимеру; триста тысяч человек, по словам Эфора, сто двадцать тысяч, по словам Ксенофонта и Тимея. Ганнибал снова был назначен командиром; но его преобладающие побуждения, связанные с семьей и религией, были удовлетворены великой жертвой Гимеры, и он оправдывался старостью, и только благодаря тому, что его родственник Имилкон был назначен его коллегой, он был вынужден принять эту обязанность. Их совместными усилиями огромное войско иберов, жителей средиземноморских островов, кампанцев, ливийцев и нумидийцев было объединено в Карфагене и подготовлено к переправе на флоте из ста двадцати трирем и не менее тысячи пятисот транспортов.[925] Для защиты высадки сорок карфагенских трирем были заранее отправлены в Мотийский залив. Сиракузские вожди, проявив похвальную энергию и бдительность, немедленно отправили на них такое же количество трирем, надеясь таким образом воспрепятствовать дальнейшему прибытию грандиозного вооружения. Они одержали победу, уничтожив пятнадцать карфагенских трирем и отогнав остальные в Африку; однако их цель не была достигнута, так как сам Ганнибал, немедленно выступив с пятьюдесятью свежими триремами, заставил сиракузян отступить. Вскоре после этого появилось огромное войско, высадившее свою пеструю толпу варварских воинов у западного мыса Сицилии.

Их прибытие вызвало большую тревогу по всей Сицилии. Все греческие города либо начали готовиться к войне, либо с большей энергией принялись за ранее начатое снаряжение, так как, по-видимому, заранее знали о целях врага. Сиракузяне послали просить помощи как от итальянских греков, так и от Спарты. От последнего города, однако, мало что можно было ожидать, так как все ее усилия были направлены на продолжение войны с Афинами; это был год, когда Калликратида командовала и когда произошла битва при Аргинусе.

Из всех сицилийских греков агригентинцы были и самыми напуганными, и самыми занятыми. Примыкая к Селинусу на западной границе и предвидя, что первый удар вторжения придется на них, они немедленно начали переносить свое имущество за стены, а также накапливать запасы провизии для продолжения блокады. Послав за Дексиппом, лакедемонянином, находившимся в Геле в качестве командира отряда наемников для обороны этого города, они взяли его на службу с тысячей пятьюстами гоплитов, усиленных восемьюстами кампанцев, которые служили у Ганнибала в Гимере, но покинули его с отвращением[926].

В это время Агригентум находился в наивысшем состоянии процветания и великолепия; это был заманчивый приз для любого захватчика. Его население было очень велико: по одним данным, двадцать тысяч граждан из двухсот тысяч мужчин - граждан, метисов и рабов; по другим - не менее восьмисот тысяч человек;[927] цифры непроверенные, и доверять им можно лишь в том случае, если они указывают на то, что город был очень густонаселенным. Расположенный чуть более чем в двух милях от моря и обладающий просторной территорией, хорошо возделанной, особенно виноградниками и оливками, Агригентум вел прибыльную торговлю с противоположным побережьем Африки, где в то время не процветали подобные плантации. Его храмы и портики, особенно просторный храм Зевса Олимпийского, - статуи и картины, - обилие колесниц и лошадей, - укрепления, - канализация, - искусственное озеро почти в миле в окружности, обильно заросшее рыбой, - все это ставило его в один ряд с самыми великолепными городами эллинского мира.[Из многочисленных пленников, взятых при разгроме карфагенян у Гимеры за семьдесят лет до этого, очень большая часть попала в руки агригентинцев и была использована ими на общественных работах, способствующих улучшению или украшению города.[929] Гостеприимство богатых граждан - Геллия, Антисфена и других - доходило даже до изобилия. Окрестности города славились своей породой лошадей,[930] которых богатые агригенины наперебой тренировали и снаряжали для гонок на колесницах. На последних Олимпийских играх, предшествовавших роковому вторжению карфагенян (то есть на 93-й Олимпиаде 408 года до н. э.), агригентинец Эксенет выиграл приз в гонках на колесницах. Когда он вернулся в Сицилию после победы, его приветствовали многочисленные друзья, которые провожали его домой в процессии с тремя сотнями колесниц, каждая из которых была запряжена парой белых лошадей, и все они принадлежали уроженцам Агригентины. О празднике, которым богатый Антисфен отпраздновал бракосочетание своей дочери, мы читаем почти сказочный рассказ. Среди всего этого богатства и роскоши неудивительно слышать, что грубые обязанности военных упражнений соблюдались плохо, а гражданам, стоящим на страже, позволялись поблажки, не слишком соответствующие солдатской выправке.

Таким был Агригентум в мае 406 года до н. э., когда Ганнибал и Имилкон подошли к нему со своей мощной армией. Их первые предложения, однако, не носили враждебного характера. Они предложили агригентинцам вступить в союз с Карфагеном, а если это будет неприемлемо, то, во всяком случае, сохранять нейтралитет и мир. Оба предложения были отклонены[931].

Кроме того, что агригентинцы заключили договоры с Гелой и Сиракузами, они также были уверены в прочности собственных стен и положения, что было небезосновательно. Агригентум с его цитаделью располагался на совокупности известняковых холмов, непосредственно над слиянием двух рек, текущих с севера: Акрагаса с восточной и южной сторон города и Гипсаса с западной стороны. Из этой совокупности холмов, отделенных друг от друга расщелинами и долинами, северная половина - самая высокая, около одиннадцатисот футов над уровнем моря; южная половина менее возвышенная. Но со всех сторон, кроме юго-западной, она поднимается по обрывистому склону; со стороны моря она сразу же выходит из равнины, представляя собой прекрасную перспективу для кораблей, проходящих вдоль побережья. Вся эта совокупность холмов была окружена сплошной стеной, построенной вокруг склона, а в некоторых местах вырубленной из твердой скалы. Город Агригентум располагался в южной половине крепостной стены. Цитадель, отделенная от него оврагом и доступная только по одному узкому подъему, стояла на северо-восточном холме; это была самая заметная особенность места, называемого Атенеумом и украшенного храмами Афины и Зевса Атабирия. На равнине под южной стеной города стояли агригентинские усыпальницы.[932] Укрепленные восьмью сотнями кампанских наемников и пятнадцатью сотнями других наемников, приведенных Дексиппом из Гелы, агригентинцы с уверенностью ожидали нападения на свои стены, которые были не только в гораздо лучшем состоянии, чем стены Селина, но и неприступны для таранных машин и

подвижных башен, за исключением одной части юго-западной стороны. Именно здесь Ганнибал, осмотрев город со всех сторон, начал атаку. Но после упорных и безуспешных боев в течение дня он был вынужден отступить в сумерках и даже потерял свой таран, который был сожжен ночью в результате вылазки осажденных.^[933] Отказавшись от дальнейших попыток в этом направлении, Ганнибал приказал своим войскам снести гробницы, которых было много на нижней или южной стороне города, и многие из них, особенно гробница деспота Терона, отличались заметной грандиозностью. Этим он рассчитывал обеспечить себя материалами, необходимыми для возведения огромных курганов, равных по высоте южной стене и достаточно близких к ней для штурма. Его многочисленное войско добилось значительных успехов в разрушении этих гробниц и уже было занято разрушением памятника Терону, когда их продвижение было остановлено упавшей на него молнией. За этим событием последовал религиозный ужас, внезапно охвативший лагерь. Пророки объявили, что надругательство над гробницами является преступным святотатством. Каждую ночь, к ужасу солдат, стоявших на страже, являлись призраки тех, чьи гробницы были осквернены; а суд богов проявился в жестокой эпидемии моровой язвы. Многочисленная армия погибла, среди них и сам Ганнибал; и даже те, кто избежал смерти, многие были выведены из строя бедствиями и страданиями. Имилкон был вынужден умиротворить богов и успокоить агонию войска торжественной молитвой по карфагенским обрядам. Он принес в жертву Кроносу ребенка, считавшегося самым умиловительным из всех жертвоприношений, и бросил в море несколько жертв животных в качестве подношения Посейдону^[934].

Эти религиозные обряды успокоили ужас армии и смягчили, или, как предполагалось, смягчили, болезнь; так что Имилкон, отказавшись от дальнейших действий с гробницами, смог возобновить свои батареи и нападения на стены, хотя и без значительного успеха. Он также запрудил западную реку Гипсас, чтобы повернуть поток против стены; но этот маневр не дал никаких результатов. Вскоре его действия были прерваны прибытием мощной армии, которая под командованием Дафнея выступила из Сиракуз на помощь Агригентуму. Усиленная в пути военными силами Камарины и Гелы, она насчитывала тридцать тысяч пеших и пять тысяч конных, когда достигла реки Гимеры, восточной границы агригентинской территории; в то время как флот из тридцати сиракузских трирем плыл вдоль побережья, чтобы поддержать ее усилия. Когда эти войска приблизились к городу, Имилкон выслал против них иберов и кампанцев,^[935] которые, однако, после напряженного боя были полностью разбиты и отброшены в карфагенский лагерь у города, где оказались под защитой основной армии. Дафней, одержав победу и нанеся врагу тяжелые потери, тщательно следил за тем, чтобы в пылу преследования его войска не разошлись в разные стороны, опасаясь, что Имилкон с основной массой может воспользоваться этим беспорядком и переломить судьбу, как это случилось во время страшного поражения перед Гимерой за три года до этого. Таким образом, разбитым иберам позволили вернуться в лагерь. В то же время агригентинцы, наблюдая со стен с радостным волнением за бегством врагов, горячо убеждали своих генералов немедленно выступить вперед, чтобы таким образом уничтожить беглецов. Но генералы непреклонно сопротивлялись этому требованию, полагая, что таким образом город лишится своих защитников, а Имилкон воспользуется случаем и нападет на него со своим главным корпусом, когда не будет достаточно сил, чтобы отразить их. Побежденные иберийцы бежали в основной лагерь; их не преследовали сиракузяне и не препятствовали, когда они подходили к стенам Агригентины, находившиеся внутри жители.

Вскоре Дафней со своим победоносным войском достиг Агригентума и присоединился к горожанам, которые толпами стекались вместе с лакедемонянином Дексиппом, чтобы встретить и приветствовать их. Но радость встречи и взаимные поздравления с недавней победой были смертельно отравлены всеобщим негодованием по поводу беспрепятственного бегства побежденных иберийцев, вызванного не чем иным, как беспечностью, трусостью или коррупцией

(так утверждалось) со стороны генералов - сначала сиракузских, а затем агригентинских. Против первых сейчас мало что говорилось, хотя многое было припасено, как мы скоро узнаем. Но против вторых недовольство населения Агригентины вспыхнуло мгновенно и бурно. На месте было созвано общественное собрание, на котором агригентинские генералы, в количестве пяти человек, были обвинены. Среди многочисленных ораторов, обличавших их в измене, самым яростным был камаринец Менес - один из предводителей, кажется, камаринейского контингента в армии Дафнея. Присутствие Менеса, дававшего агригентинцам полное одобрение их настроений, довело их до такой ярости, что генералы, придя на защиту, не нашли ни сочувствия, ни даже общей справедливости. Четверо из пяти были побиты камнями и преданы смерти на месте; пятого, Аргея, пощадили только по причине его молодости; и даже лакедемонянин Дексипп подвергся суровому порицанию[936].

Насколько в этих делах генералы были действительно виновны или насколько их защита, если бы она была честно выслушана, была бы обоснованной, - это вопрос, который наши скудные сведения не позволяют нам определить. Но несомненно, что прибытие победоносных сиракузян в Агригентум полностью изменило относительное положение дел. Вместо дальнейшего штурма стен Имилкон подвергся нападению Дафнея в своем лагере. Лагерь, однако, был настолько укреплен, что отразил все попытки, и осада с этого времени превратилась лишь в блокаду; состязание в терпении и лишениях между городом и осаждающими длилось семь или восемь месяцев с начала осады. Поначалу Дафнею с его собственными силами, объединенными с агригентинцами, хватало сил, чтобы преследовать карфагенян и перехватывать их припасы, так что в их армии началось величайшее бедствие. Кампанские наемники даже подняли мятеж, толпясь с шумными требованиями провизии и угрозами дезертировать вокруг палатки Имилькона, который едва успокоил их, заложив им золотые и серебряные кубки для питья, принадлежавшие главным карфагенянам, окружавшим его,[937] вместе с уговорами, чтобы они подождали еще несколько дней. За этот короткий промежуток времени он обдумал и осуществил смелый удар по спасению. Сиракузяне и агригентинцы снабжались в основном по морю из Сиракуз, откуда теперь ожидался большой транспорт кораблей с провизией под конвоем нескольких сиракузских трирем. Узнав об их приближении, Имилкон бесшумно вывел из Моти и Панорма сорок карфагенских трирем, с которыми внезапно напал на сиракузский конвой, никак не ожидавший такого сюрприза. Восемь сиракузских трирем были уничтожены, остальные вытеснены на берег, а весь флот транспортов попал в руки Имилькона. В лагере карфагенян теперь царили изобилие и довольство, а беды, а вместе с ними и недовольство, переместились в Агригентум. Кампанские наемники на службе у Дексиппа начали мятеж, жалуюсь ему на свое положение. Возможно, его встревожило и возмутило бурное выступление агригентинцев против своих генералов, частично распространившееся и на него самого. Во всяком случае, он не проявил никакого рвения в защите, и его даже заподозрили в том, что он получил от карфагенян взятку в пятнадцать талантов. Он сообщил кампанцам, что Агригентум больше не пригоден для жизни из-за нехватки припасов, после чего они немедленно отступили и ушли в Мессену, заявив, что время, отведенное для их пребывания, истекло. Такое отделение повергло всех в уныние. Агригентинские генералы немедленно начали проверку, чтобы выяснить, сколько провизии еще осталось в городе. С горечью обнаружив, что их осталось очень мало, они приняли решение эвакуировать население города в течение ближайшей ночи[938].

Последовала ночь, еще более насыщенная горем и опустошением, чем та, что была свидетелем бегства Диоклеса с жителями Гимеры из родного города. Мало можно представить себе более плачевных сцен, чем огромное население Агригентума, вынужденное спешно покидать свои ворота в декабрьскую ночь, как единственный шанс спастись от голода или меча беспощадного врага. Дорогу в Гелу преграждала растерянная толпа обоих полов, всех возрастов и состояний, объединенная в один беспорядочный жребий страдания. О сохранении имущества и заветных

вещей не могло быть и речи. Счастливы были те, кто мог спасти свою жизнь; ведь не мало таких, кто из-за личной слабости или неподвижности отчаяния оставался позади. Возможно, кое-где гражданин, сочетавший личную силу с сыновней набожностью Энея, мог унести своего престарелого отца с домашними богами на плечах; но в большинстве своем старики, больные и бессильные, чьи годы были либо слишком нежными, либо слишком дряхлыми, чтобы поспеть за поспешным бегством, были вынуждены покинуть город. Некоторые остались и покончили с собой, отказавшись даже пережить потерю своих домов и разрушение города; другие, среди которых был и богатый Геллий, отдали себя под защиту храмов, но без особой надежды на то, что это обеспечит им безопасность. Утренняя заря показала Имилькону неохраемые стены, опустевший город и жалкое население изгнанников, сгрудившихся в беспорядочном бегстве на дороге в Гелу.

Однако для этих беглецов сиракузские и агригентинские солдаты составили арьергард, достаточный для того, чтобы избежать тяжких мучений погони. Но карфагенское войско нашло достаточно средств, чтобы занять их в беззащитной добыче, которая предстала перед их глазами. Они бросились на город с яростью людей, которые боролись и страдали перед ним в течение восьми месяцев. Они разграбили дома, убили всех живых людей, которые остались, и нашли столько добычи, что хватило бы даже на самый жадный аппетит. Храмы, как и частные дома, были одинаково разграблены, так что те, кто укрывался в них, стали такими же жертвами, как и остальные: этой участи Геллий избежал только благодаря тому, что поджег храм, в котором стоял, и погиб в его руинах. Великие общественные украшения и трофеи города - бык Фалариса, а также самые ценные статуи и картины - были сохранены Имильконом и отправлены домой в Карфаген в качестве украшений.^[939] Хотя он отдал дома Агригентума на растерзание, он все же сохранил их и использовал их как зимние помещения для отдыха своих солдат после тягот восьмимесячной осады. Несчастные агригентинские беглецы сначала нашли приют и любезное гостеприимство в Геле, откуда затем, по разрешению сиракузян, были переведены в Леонтины.

Я описал, насколько позволяет нам знать повествование Диодора, эту знаменательную и трагическую часть сицилийской истории; подходящее предисловие к долгому деспотизму Дионисия. Очевидно, что семь или восемь месяцев (первое из этих чисел подтверждается Ксенофонтom, а второе - Диодором) осады или блокады должны были содержать вопросы величайшей важности, которые не упоминаются, и что даже о главных обстоятельствах, которые привели к захвату, мы осведомлены весьма несовершенно. Но хотя мы не можем до конца понять его причины, его последствия легко понять. Они были ужасающими и томительными в высшей степени. Когда буря, погубившая Селин и Гимеру, теперь распространила свое опустошение на город, гораздо более заметный, один из самых богатых и многочисленных в греческом мире, - когда уцелевшее население Агригентины, включая женщин и детей, и крупные владельцы колесниц, чьи имена были записаны как победителей в Олимпии, когда победоносное воинство и его полководцы разместились в опустевших домах, готовые после зимы отдыха распространить свои завоевания дальше, - вряд ли в Сицилии был грек, не дрожавший за свою жизнь и имущество.^[940] Некоторые из них искали убежища в Сиракузах, а другие и вовсе покинули остров, эмигрировав в Италию.

Среди стольких страданий, унижений и ужаса раздавались громкие жалобы на поведение сиракузских полководцев, под чьим командованием произошла катастрофа. Нарекания, которые были высказаны в их адрес ранее, за то, что они не преследовали энергично разбитых иберов, теперь возродились и усугубились в десятки раз последующим несчастьем. Их неэффективности приписывали взятие Агригентума, и, очевидно, не без оснований; ведь город был так прочно расположен, что не поддавался штурму и мог быть взят только путем блокады; теперь мы не

видим препятствий, достаточных для того, чтобы помешать сиракузским генералам доставить провизию; и кажется очевидным, что неожиданное появление сиракузских кораблей могло быть предотвращено надлежащими мерами предосторожности; от этого сюрприза и зависел весь вопрос: голод в карфагенском лагере или голод в Агригентуме.^[941] Эффективность Дексиппа и других генералов при защите Агригентума (по описанию Диодора) значительно уступает энергичности и умению, проявленным Гилиппом перед Сиракузами, как описано Фукидидом: и мы не можем удивляться, что люди в глубине несчастья, как агригентинцы, - или в крайней тревоге, как другие сицилийские греки - этих генералов, некомпетентных или изменнических, должны рассматривать как причину разорения.

Такое состояние настроений при обычных обстоятельствах привело бы к осуждению генералов и выдвижению других, без особого результата. Но в сочетании с фактическим положением партий в Сиракузах оно приобрело гораздо более серьезное значение. Оппозиционная партия Гермократа, - отброшенная в предыдущем году в результате потери своего лидера, но ничуть не подавленная, - теперь вновь предстала перед нами более грозной, чем когда-либо, под руководством нового лидера, более агрессивного, чем сам Гермократ. На протяжении как древней, так и современной истории поражения и неудачи во внешних сношениях оказывались плодотворными причинами перемен во внутреннем управлении. Для успеха Гермократа в предыдущем году таких помощников не хватало; но теперь тревоги всякого рода нависли над городом с потрясающей силой, и когда по возвращении из Агригентума было созвано первое сиракузское собрание, воцарилась скорбная тишина;^[942] как в памятном описании Демосфеном афинского собрания, состоявшегося сразу после взятия Элатеи. [Генералы потеряли доверие своих сограждан, но никто другой не был готов в столь опасный момент взять на себя ответственность и предложить подходящий совет для дальнейшего ведения войны. Для партии Гермократа наступило время заложить свой состав для свержения правительства. Дионисий, хотя и был молод и происходил из дурной семьи, был выбран в качестве лидера благодаря той смелости и храбрости, которую он уже проявил как в борьбе с Гермократом, так и в сражениях с карфагенянами. Гиппаринус, сиракузец из богатой семьи, разоривший себя беспутными тратами, стремился поправить свое состояние, поддержав возведение Дионисия в деспоты;^[944] Филист (последующий историк Сиракуз), богатый, молодой и способный, горячо поддержал его; несомненно, и другие ведущие лица, древние гермократиане и прочие, выступили в качестве партизан в заговоре. Но либо это движение было с самого начала, либо быстро превратилось в движение, организованное с целью передать скипетр в руки Дионисия, которому все остальные, хотя некоторые из них были гораздо богаче и важнее, служили лишь спутниками и помощниками.

Среди тишины и спокойствия, царивших в сиракузском собрании, Дионисий первым поднялся, чтобы обратиться к ним. Он затронул тему, соответствующую как нраву слушателей, так и его собственным взглядам. Он горячо осудил генералов, предавших карфагенянам безопасность Сиракуз, и тех, кому они обязаны разорением Агригентума и надвигающейся опасностью для всех людей вокруг. Он изложил их проступки, реальные или мнимые, не просто с полнотой и яростью, но со свирепой жестокостью, превосходящей все пределы допустимых дискуссий, и намеревался навлечь на них незаконное убийство, подобное смерти генералов, недавно произошедшей в Агригентуме. "Вот они сидят, предатели! Не ждите судебного разбирательства или приговора, но немедленно наложите на них руки и свершите над ними правосудие"^[945]. Такое жестокое увещание, не похожее на то, что афинянин Критий, когда он вызвал казнь Ферамена в олигархическом сенате, было

преступлением против закона, а также против парламентского порядка.

Председательствующие магистраты осудили Дионисия как нарушителя порядка и оштрафовали его, как и полагалось по закону.^[946] Но его сторонники громко поддержали его. Филист не только выплатил штраф за него на месте, но и публично заявил, что будет продолжать выплачивать все подобные штрафы, которые могут быть наложены, - и подстрекал Дионисия к упорству в таких выражениях, какие тот считал нужными. То, что начиналось как беззаконие, теперь переросло в открытое пренебрежение законом. Однако власть магистратов была настолько ослаблена, а крики, направленные против них, были так сильны в условиях города, что они не могли ни наказать, ни подавить оратора. Дионисий продолжил свою речь в еще более зажигательном тоне, не только обвиняя генералов в том, что они коррумпированно предали Агригентум, но и обличая знатных и богатых граждан в целом как олигархов, которые тиранически властвовали, - которые относились ко многим с презрением и извлекали собственную выгоду из несчастий города. Сиракузы (утверждал он) никогда не будут спасены, если власть не получают люди совершенно иного характера; люди, избранные не из богатства и положения, а скромного происхождения, принадлежащие к народу по положению и добрые в обращении из сознания собственной слабости.^[947] Его горькие инвективы против уже дискредитированных генералов, а также бурная теплота его явного сочувствия народу против богачей были приняты одинаково благосклонно. Платон утверждает, что собрание пришло в такое яростное возбуждение, что буквально последовало незаконным и кровавым внушениям Дионисия и побило камнями всех этих полководцев, числом десять, на месте, без всякого суда. Но Диодор просто говорит нам, что было принято решение обличить генералов и назначить на их место Дионисия, Гиппаринуса и других.^[948] Это последнее утверждение, на мой взгляд, более вероятно.

Таков был первый этап того, что мы можем назвать прогрессом деспота, успешно заверченный. Псевдодемагог Дионисий превосходит в яростных признаниях в антипатии к богатым все то, что мы читаем у настоящих демагогов, Афинагора в Сиракузах или Клеона в Афинах. Вот он заседает в новом совете генералов в тот момент, когда для приведения сиракузских вооруженных сил в надлежащее состояние требовалось самое тщательное внимание и энергия в сочетании с величайшим единодушием. Дионисий не только не проявил ни заботы, ни энергии, но и свел на нет все старания своих коллег и намеренно лишил их всякой возможности достичь единодушия. Он сразу же начал систематическую оппозицию и войну против своих коллег. Он отказался присутствовать на заседаниях их совета или поддерживать с ними какие-либо отношения. На частых собраниях, проводившихся во время этого возбужденного состояния общественного мнения, он открыто осуждал их как ведущих изменническую переписку с врагом. Очевидно, что его коллеги, люди, недавно избранные в том же духе, что и он сам, еще не могли совершить подобную измену в пользу карфагенян. Но среди них был его сообщник Гиппаринус;^[949] а остальные, вероятно, также выдвинутые партией, преданной ему лично, были выбраны в духе сговора, как либо убежденные партизаны, либо никчемные и некомпетентные люди, которых ему было легко отбросить. Во всяком случае, его клевета, хотя и была воспринята с большим отвращением передовыми и более умными гражданами, нашла поддержку у основной массы собрания, предрасположенной в тот момент из-за ужаса ситуации подозревать каждого. Новый совет генералов был дискредитирован, и только к Дионисию прислушались как к советнику. Его первая и самая настойчивая рекомендация заключалась в том, чтобы провести голосование за восстановление изгнанников; людей, которые, как он утверждал, были привязаны к своей стране и горели желанием служить ей, уже отвергнув предложения ее врагов; людей, которые были брошены в изгнание в результате предыдущих политических

споров, но которые, если их теперь великодушно вернуть, проявят свою благодарность преданным патриотизмом и будут служить Сиракузам гораздо более горячо, чем союзники, вызванные из Италии и Пелопоннеса. Его дискредитировавшие себя коллеги либо не смогли, либо не захотели возражать против этого предложения, которое, горячо поддерживаемое Дионисием и всей его партией, в конце концов было принято собранием. Изгнанники, соответственно, вернулись, включая всех самых жестоких людей, которые были в оружии с Гермократом, когда он был убит. Они вернулись, преисполненные партийного энтузиазма и мести, готовые отплатить другим за конфискацию, от которой пострадали сами, и рассчитывающие на деспотизм Дионисия как на единственное средство достижения успеха[950].

Второй шаг деспота был завершен. Дионисий пополнил ряды партии гермократов и обзавелся энергичной группой сателлитов, чьи надежды и интересы полностью совпадали с его собственными. Тем временем из Гелы пришли письма с просьбой о подкреплении, так как Имилкон, по слухам, собирался выступить в поход. Дионисий, получив разрешение отправить туда две тысячи гоплитов с четырьмя сотнями всадников, обратил это событие на пользу. В Геле стоял гарнизон наемников под командованием лакедемонянина Дексиппа, а управление городом, как говорят, было олигархическим, в руках богачей, хотя и с сильной и недовольной народной оппозицией. Прибыв в Гелу, Дионисий немедленно вступил в борьбу с последними, выдвигая самые жестокие предложения против правящих богачей, как он это делал в Сиракузах. Обвинив их в измене в общественном собрании, он добился осуждающего голосования, по которому они были преданы смерти, а их имущество конфисковано. На полученные средства он выплатил долги солдатам Дексиппа и удвоил жалованье своей собственной сиракузской дивизии. Эти меры обеспечили ему огромную популярность не только среди солдат, но и среди гелонского демоса, который он освободил от власти богатой олигархии. Поэтому, проведя общественное голосование в знак благодарности и одарив его крупными наградами, они отправили посланников, чтобы передать официальное выражение своих чувств в Сиракузы. Дионисий решил в то же время вернуться туда со своими сиракузскими солдатами и попытался уговорить Дексиппа сопровождать его со своим отрядом. Получив отказ, он отправился туда со своими сиракузянами один. Гелонам, которые убедительно просили не оставлять их в ожидании врага, он ответил, что скоро вернется с большим отрядом[951].

Таким образом, был сделан третий шаг. Дионисий возвращался в Сиракузы со свидетельством восхищения и благодарности из Гелы, с возросшей привязанностью своих солдат из-за двойного жалованья, а также со средствами для чеканки и распространения нового заблуждения. Он прибыл в город в день торжественного праздника, когда горожане толпами выходили из театра. Среди суматохи, вызванной такой сценой, а также возвращением солдат, многие горожане столпились вокруг него, чтобы спросить: "Какие новости о карфагенянах?" "Не спрашивайте о ваших внешних врагах (ответил Дионисий); у вас есть гораздо худшие враги внутри вас. Ваши магистраты, те самые люди, на чью бдительность вы полагаетесь во время празднества, - они предатели, которые грабят государственные деньги, оставляют солдат без жалованья и пренебрегают всеми необходимыми приготовлениями в тот момент, когда враг с огромным войском уже готов напасть на вас. Я давно знал об их предательстве, но теперь у меня есть веское доказательство. Имилкон прислал ко мне посланника под предлогом дела о пленниках, а на самом деле, чтобы купить мое молчание и попустительство; он предложил мне большую взятку, чем дал им, если я соглашусь не препятствовать им, поскольку меня нельзя побудить принять участие в их интригах. Это уже слишком. Я возвращаюсь домой, чтобы бросить свое

командование. Пока мои коллеги продают свою страну, я готов принять свою долю участия в общем риске, как гражданин, но я не могу вынести позора как соучастник их вероломства".

Такие смелые заявления, разбросанные Дионисием среди толпы, теснившейся вокруг него, - повторенные с подчеркнутой официальностью на очередном собрании, состоявшемся на следующий день, - и завершенные фактической отставкой, - поразили сиракузский разум глубоким ужасом. Он говорил авторитетно, не только как человек, только что прибывший с границы, но и как человек, имеющий благодарное свидетельство гелонов, подтвержденное солдатами, чье жалованье он недавно удвоил. Его утверждение о специальном послании от Имилькаона, возможно, наглое ложь, было уверенно принято и поддержано всеми этими людьми, а также другими его сторонниками, партией Гермократа и, прежде всего, восстановленными изгнанниками. Какую защиту выдвинули или пытались выдвинуть обвиняемые генералы, мы не знаем. Вряд ли она могла устоять, да и не устояла против положительных показаний свидетеля, получившего столь мощную поддержку. Народ, убежденный в их измене, вознегодовал на них и содрогнулся при мысли, что после отставки Дионисия его оставят под защитой столь вероломных опекунов против надвигающегося нашествия. Настало время его сторонникам выступить со своим главным предложением: "Почему бы не избавиться от этих предателей и не оставить Дионисия в покое? Оставьте их судить и наказывать в более подходящее время, а сами сразу же изберите его генералом с полными полномочиями, чтобы он возглавил борьбу с надвигающейся извне чрезвычайной ситуацией. Не ждите, пока враг начнет штурмовать наши стены. Дионисий - человек, подходящий для нашей цели, единственный, с кем у нас есть шанс на безопасность. Вспомни, что наша славная победа над тремястами тысячами карфагенян при Гимере была одержана Гелоном, выступавшим в качестве полководца с полными полномочиями". Такая риторика была неотразима при нынешнем настроении собрания, когда сторонники Дионисия были полны дерзости и прославления, когда его противники были смяты, подозревали друг друга и не могли предложить никакой положительной схемы, и когда буря, уже захлестнувшая Селинус, Гимеру и Агригентум, вот-вот должна была обрушиться на Гелу и Сиракузы. Собрание приняло решение о назначении Дионисия полководцем города, единолично и с полными полномочиями;[\[952\]](#) каким большинством мы не знаем.

Первое, что сделал новый полководец, воспользовавшись своим достоинством, - предложил на том же собрании удвоить жалованье солдатам. Такая либеральность (сказал он) будет лучшим средством для стимулирования их рвения; что же касается расходов, то здесь не нужно колебаться: деньги можно легко найти.

Так был завершен четвертый, самый важный акт прогресса деспота. Было получено голосование собрания, облеченное в конституционную форму и наделявшее Дионисия единоличной властью, неизвестной законам и стоящей над ними, - неограниченной и безответственной. Но он прекрасно понимал, что большинство голосовавших не собиралось навсегда отречься от своей свободы, что они хотели лишь установить временную диктатуру в условиях насущной опасности, с явной целью сохранить эту свободу против иностранного врага, и что даже это было достигнуто путем наглого заблуждения и клеветы, которые последующее размышление быстро развеет. Не успело голосование пройти, как в народе проявились симптомы сожаления и тревоги. Поэтому Дионисию оставалось обеспечить вечность своей власти какими-то организованными средствами, чтобы предотвратить раскаяние, начало которого он уже предвидел, и его фактическую отмену. Для этого ему требовалась военная сила, как непопулярная, так и антипопулярная, привязанная к себе, а не к городу. Он действительно приобрел популярность как среди сиракузян, так и среди наемных солдат, удвоив и обеспечив им жалованье. У него были энергичные сторонники,

готовые пойти на все ради него, особенно среди восстановленных изгнанников. Это была важная основа, но недостаточная для его целей без наличия специального корпуса стражников, постоянно и немедленно доступного, выбранного и контролируемого им самим, но действующего в таком призвании по прямому мандату и с санкции народа. Ему требовалось еще одно голосование народа, узаконивающее использование им такого корпуса стражников.

Но при всей своей силе заблуждения и рвении своих сторонников он не смог добиться такого голосования на собрании в Сиракузах. Тогда он прибег к хитрости: объявил, что решил идти на Леонтины, и созвал все военные силы Сиракуз (до сорока лет), чтобы идти вместе с ним, приказав каждому взять с собой провиант на тридцать дней. За несколько лет до этого Леонтины был независимым городом, но теперь это был отдаленный укрепленный пункт, принадлежащий сиракузянам, где получили разрешение жить различные иностранные поселенцы и изгнанники из захваченных сицилийских городов. Такие люди, лишившись своего положения и надежд как граждане, могли охотно отдать свои голоса или мечи на нужды Дионисия. Хотя он нашел там много новых сторонников, помимо тех, кого привел с собой, он предвидел, что большинство сиракузян, и особенно те, кто был наиболее недоволен им, не будут склонны подчиниться его призыву или сопровождать его. [Ведь ничто не могло быть более нелепым с общественной точки зрения, чем тридцатидневный поход всего сиракузского войска в Леонтины, где не было ни опасности, ни выгоды; к тому же в тот момент, когда опасность со стороны Гелы была наиболее серьезной из-за грозного карфагенского войска в Агригентуме.

Дионисий отправился в путь с отрядом, который якобы и согласно призыву представлял собой полную военную силу Сиракуз, но на самом деле состоял в основном из его собственных приверженцев. Разбив лагерь на ночь неподалеку от Леонтины, он поднял мнимый шум и беспорядки в темноте вокруг своей палатки, приказал разжечь костры, внезапно созвал своих самых близких друзей и под их конвоем удалился в цитадель. На следующий день было созвано собрание сиракузян и жителей города, которое называлось сиракузским собранием; Сиракузы в военном обличье, или как бы *Comitia Centuriata*, - если воспользоваться древним выражением, принадлежавшим римской республике. Перед этим собранием появился Дионисий и бросился под их защиту, заявив, что на его жизнь покушались предыдущей ночью, и решительно призвав их поддержать его против непрекращающихся ловушек его врагов, и потребовав для этой цели постоянную охрану. Его призыв, правдоподобно и патетично обращенный и, несомненно, горячо поддержанный ревностными сторонниками, имел полный успех. Собрание - сиракузское или квазисиракузское, хотя и проходившее в Леонтины, - приняло официальный декрет, предоставив Дионисию телохранителей из шестисот человек, отобранных им самим и ответственных только перед ним. [955] Один из ораторов, правда, предложил ограничить число стражников таким, чтобы его хватило для защиты от небольшого числа личных врагов, но не для того, чтобы сделать его независимым от многих или грозным для них. [956] Но такая мера предосторожности вряд ли могла быть принята во внимание, когда собрание было достаточно нечестно или введено в заблуждение, чтобы провести разрушительное голосование, о котором здесь просили; и даже если бы она была воплощена в словах резолюции, не было никаких средств, чтобы обеспечить ее соблюдение на практике. Как только полк стражи был официально утвержден, Дионисий не прислушался к предписанному ему ограничению численности. Он сразу же набрал более тысячи человек, отобранных как по храбрости, так и по бедности и отчаянному положению. Он снабдил их самым лучшим оружием и пообещал им самое щедрое жалованье. К этой основе - постоянному, узаконенному полку хозяйственных войск - он добавил еще своего рода постоянную армию,

состоящую из наемников, едва ли менее преданных ему, чем гвардейцы, называемые так правильно. Помимо наемников, уже находившихся в его окружении, он приглашал других со всех сторон, делая заманчивые предложения, выбирая по преимуществу разбойников и распутников и освобождая для этой цели рабов.^[957] Затем, вызвав из Гелы лакедемонянина Дексиппа с войсками под его командованием, он отослал этого офицера в Пелопоннес, как человека, не заслуживающего доверия для его целей и способного выступить на защиту свободы Сиракуз. Затем он объединил всех наемников в одну организацию, заново укомплектовав их преданными себе людьми.

Эти новые военные сборы и организация были осуществлены в основном во время его пребывания в Леонтины, без сопротивления, которое, вероятно, возникло бы, если бы это было сделано в Сиракузах; в это последнее место Дионисий вернулся маршем, в положении гораздо более внушительном, чем когда он покинул его. Теперь он вошел в ворота во главе не только своей отборной гвардии, но и регулярной армии наемников, нанятых им самим и зависящих от него. Он сразу же ввел их на островок Ортигия (внутренняя и самая сильная часть города, выходящая в гавань), разбил свой лагерь на акрополе Сиракуз и предстал перед всеми в качестве деспота. Хотя общее настроение в народе было резко отрицательным, его мощная военная сила и прочное положение делали отчаянной всякую надежду на открытое сопротивление. И народное собрание, созванное под давлением этой силы и, вероятно, состоявшее не из одних его сторонников, оказалось настолько покорным, что осудило и казнило по его требованию Дафнея и Демарха. Эти два человека, богатые и влиятельные в Сиракузах, были его главными противниками и, кажется, одними из тех самых полководцев, которых он подстрекал народ к расправе на месте без всякого суда на одном из предыдущих общественных собраний.^[958] Оставался только один шаг, чтобы украсить неблагородное происхождение Дионисия и отметить триумф партии гермократов, благодаря которой он в основном и возвысился. Он немедленно женился на дочери Гермократа, отдав свою сестру в жены Поликсену, брату этого умершего вождя^[959].

Так был завершен пятый или заключительный акт развития деспота, сделавший Дионисия хозяином жизни и судьбы своих соотечественников. Последовательные этапы его возвышения я подробно описал у Диодора, который (за исключением пары намеков от Аристотеля) является нашим единственным информатором. Его авторитет в данном случае выше обычного, поскольку перед ним были не только Эфор и Тимей, но и Филист. Кроме того, на протяжении всего повествования он, по крайней мере, ясен и последователен сам с собой. Мы достаточно понимаем политическую стратегию, которой придерживался Дионисий, чтобы утверждать, что она была приспособлена к его цели с такой степенью мастерства, которая сильно поразила бы критический взгляд Макиавеля, чья аналитическая оценка средств, когда он агитирует людей, подобных Дионисию, часто несправедливо истолковывалась так, будто она подразумевает сочувствие и одобрение их цели. Мы видим, что Дионисий, выдвинувшись в качестве вождя и представителя гермократовской партии, получил возможность использовать большую меру мошенничества и заблуждений, чем изгнанник Гермократ, для достижения тех же амбициозных целей. Пользуясь опасностями государства и муками общественного сознания, он мог имитировать ультрадемократический пыл как в защите народа против богачей, так и в обличении неудачливых или некомпетентных генералов, как будто они были продажными предателями. Хотя, казалось бы, правительство Сиракуз в 406 году до н. э. должно было быть сильно демократическим, Дионисий, горячо отстаивая народные права, относится к нему как к антинародной олигархии и пытается завоевать расположение народа, вступая в самые открытые ссоры и вражду с богачами. За девять лет до этого, во время дебатов между Гермократом и Афинагором в сиракузском собрании, первый выступал или, по крайней мере, считалось, что

он выступает как защитник богатых, а второй говорил как консервативный демократ, жалуясь на заговоры со стороны богатых. В 406 году до н. э. лидер партии гермократов изменил эту политику, приняв на себя притворный демократический пыл, гораздо более яростный, чем у Афинагора. Дионисий, взявший на себя ремесло так называемого демагога в этом единственном случае, просто для того, чтобы получить один-единственный голос в свою пользу, а затем силой закрыть дверь против всех будущих голосований и всех исправлений, мог прибегнуть к более грубой лжи, чем Афинагор; который, будучи постоянным оратором, всегда был перед народом и даже в случае успеха обмана на одном собрании, тем не менее, был открыт для разоблачения на втором.

Для того чтобы голосование любого общественного собрания действительно служило защитой народу, его голосования должны не только предваряться полным и свободным обсуждением, но и быть время от времени открытыми для повторного обсуждения и исправления. То, что время от времени будут совершаться ошибки, как коллективным народом, так и отдельными его фракциями, несомненно; возможность внесения поправок необходима. Голосование, которое считается окончательным и никогда впоследствии не может быть исправлено, вряд ли может пойти на пользу самому народу, хотя часто, как в случае с Дионисием, оно может способствовать зловещим целям какого-нибудь протектора.

ГЛАВА LXXXII. СИЦИЛИЯ ВО ВРЕМЯ ДЕСПОТИИ СТАРШЕГО ДИОНИСИЯ В СИРАКУЗАХ.

Процедуры, описанные в конце моей последней главы, в результате которых Дионисий установил свою деспотию, вряд ли могли занять менее трех месяцев; это почти совпадает с первыми месяцами 405 года до н.э., поскольку Агригентум был взят около зимнего солнцестояния 406 г. до н.э.^[960] В течение этого периода ему не мешали карфагеняне, которые бездействовали в кварталах Агригентума, чтобы отдохнуть после тягот блокады; они занимались тем, что избавляли город от движимых украшений, чтобы переправить их в Карфаген, и сжигали или уродовали, с варварской антипатией, то, что не могли унести.^[961] Весной Имилкон двинулся вперед к Геле, снабдив себя свежими осадными машинами и обеспечив снабжение из карфагенской территории в своем тылу. Не найдя армии, которая могла бы ему противостоять, он расположил свои войска на территории Гелы и Камарины, где было собрано много грабежа и уничтожено много имущества. Затем он вернулся, чтобы напасть на Гелу, и основал укрепленный лагерь, расчистив плантации у одноименной реки, между городом и морем. На этом месте, без стен, стояла колоссальная статуя Аполлона, которую Имилкон приказал унести и отправить в подарок в Тир.

Гелу в этот момент защищали только ее собственные граждане, так как Дионисий отозвал Дексиппа с наемными войсками. Встревоженные приближением грозного врага, который уже овладел Агригентумом, Гимерой и Селином, гелонцы обратились к Дионисию с настоятельными просьбами о помощи, решив при этом отослать своих женщин и детей в Сиракузы для безопасности. Но женщины, для которых мысль о разлуке была невыносима, так настойчиво просили позволить им остаться и разделить судьбу своих отцов и мужей, что это решение было отменено. В ожидании скорой помощи от Дионисия оборона была смелой

и энергичной. В то время как отдельные части гелонов, хорошо знакомые с местностью, выходили и действовали с большим успехом против карфагенских грабителей, основная масса горожан отражала нападения Имилькаона на стены. Его таранные машины и штурмовые отряды были пущены в ход сразу в нескольких местах; сами стены, не находящиеся в таком хорошем состоянии и не расположенные на таком неприступном возвышении, как стены Агригентума, уступили не в одном месте. Тем не менее осажденные с упорной доблестью пресекали все попытки проникнуть внутрь; ночью они заново заделывали бреши, проделанные днем. Более слабая часть населения помогала воинам на крепостных стенах всеми доступными им средствами, и так оборона держалась до тех пор, пока не появился Дионисий с долгожданным подкреплением. Оно состояло из его недавно набранных наемников, сиракузских граждан и помощи италийских и сицилийских греков; всего, по словам Эфора, было пятьдесят тысяч человек - тридцать тысяч пеших и одна тысяча конных, как представлял Тимей. Флот из пятидесяти военных кораблей обогнул мыс Пахинус, чтобы взаимодействовать с ними у Гелы[962].

Дионисий занял позицию между Гелой и морем, напротив карфагенян, и находился в непосредственной связи с их флотом. Его присутствие приостановило нападения на город, и он, в свою очередь, стал агрессором; он использовал свою конницу и флот, чтобы преследовать карфагенян и перехватывать их припасы. Теперь борьба приняла почти тот же характер, что и перед Агригентумом, и закончилась столь неблагоприятно для греков. В конце концов, после двадцати дней такой бесплодной войны, Дионисий, обнаружив, что мало чего добился, изложил свой план прямого нападения на карфагенский лагерь. Со стороны моря, поскольку опасности не ожидалось, лагерь был не укреплен; соответственно, именно там Дионисий решил произвести главную атаку левым отрядом, состоящим в основном из италийских греков, поддерживаемых сиракузскими кораблями, которые должны были атаковать одновременно со стороны моря. В то же время он намеревался нанести удары с двух других точек. Его правой дивизии, состоящей из сицилийских союзников, было приказано пройти по правой или западной стороне города Гела и таким образом обрушиться на левую часть карфагенского лагеря; сам же он с наемными войсками, которые он специально держал вокруг себя, намеревался продвинуться через сам город и атаковать передовую или центральную часть их позиции у стен, где были размещены их таранные машины. Его кавалерии было приказано держать себя в резерве для преследования, если атака окажется успешной; или для защиты отступающей пехоты, если она не удастся[963].

Из этой комбинированной схемы атака на левую, приморскую сторону карфагенского лагеря, предпринятая италийской дивизией и флотом совместно, была выполнена эффективно и поначалу обещала быть успешной. Нападавшие преодолели бастионы, ворвались в лагерь и были выбиты оттуда только благодаря чрезвычайным усилиям защитников, в основном иберийцев и кампанцев, но подкрепленных из других частей армии, которые пока оставались без защиты. Но из двух других дивизий Дионисия правая атаковала лишь спустя долгое время после намеченного момента, а центр вообще не атаковал. Правым пришлось совершить круговой марш по Гелонской равнине вокруг города, что заняло больше времени, чем было рассчитано; Дионисий же с наемниками, намеревавшимися пройти через город, обнаружил такие препятствия и затруднения, что они продвигались очень медленно, и прошло еще больше времени, прежде чем они смогли выйти на карфагенскую сторону. Вероятно, улицы, как и во многих других древних городах, были кривыми, узкими и неровными; возможно, их еще больше загромождали меры предосторожности, недавно принятые для обороны. Таким образом, сицилийцы справа, не успевшие перейти в наступление, пока италийцы слева не были отбиты, были вынуждены отступить после

мужественной борьбы под натиском основной силы карфагенской армии. Дионисий и его наемники, подошедшие еще позже, обнаружили, что момент для атаки уже прошел, и вернулись в город без боя.

Был ли здесь виноват план или исполнение, - или и то, и другое, - мы не можем точно определить. Есть основания полагать, что Дионисий не был разочарован поражением, которое должно было обескуражить его армию и послужить поводом для оставления Гелы. Отступив в стены, он созвал своих главных друзей, чтобы посоветоваться, как лучше поступить. Все сошлись во мнении, что неразумно подвергать себя дальнейшим опасностям ради сохранения города. Дионисий оказался в том же положении, что и Диокл после поражения у Гимеры, и Дафней и другие сиракузские полководцы перед Агригентумом, после захвата карфагенянами их провиантского флота. Он был вынужден оставить Гелу, используя все возможные средства для защиты жителей от бегства. Поэтому, чтобы сохранить намерение бежать в тайне, он послал глашатая в Имилькон просить о похоронной трубе на ближайший день; он также выделил отряд из двух тысяч легкого войска с приказом шуметь перед врагом всю ночь и держать огни и костры горящими, чтобы не вызвать никаких подозрений со стороны карфагенян.^[964] Прикрываясь этими мерами предосторожности, он заставил население Гелонии массово покинуть город с наступлением ночи, а сам со своим главным войском последовал за ними в полночь, чтобы защитить их. Все поспешно двинулись к Сиракузам, с максимальной пользой используя наступившие часы темноты. На их пути лежала Камарина, Камарина непоколебимая,^[965] как гласил древний оракул или легенда, но в ту роковую ночь, похоже, этот эпитет был подделан. Не считая себя способным защитить этот город, Дионисий заставил все население Камаринеи стать соучастниками бегства гелонов. Та же душераздирающая сцена, о которой уже рассказывалось в Агригентуме и Гимере, повторилась на дороге из Гелы в Сиракузы: толпы беглецов всех возрастов и полов, свободные и рабы, обездоленные и охваченные ужасом, спешили неизвестно куда, чтобы оказаться вне досягаемости безжалостного врага. Однако бегство в Сиракузы, к счастью, не встретило преследования. На рассвете карфагеняне, обнаружив, что город покинут, немедленно ворвались в него и овладели им. Поскольку почти ничего из ценного в нем не было вывезено, богатая добыча попала в руки завоевателей, чьи варварские руки без разбора истребляли жалкие остатки: стариков, больных и детей, не способных перенести столь внезапное и стремительное бегство. Некоторые из завоевателей еще больше удовлетворяли свои свирепые инстинкты, распиная или калеча этих несчастных пленников^[966].

Однако на фоне страданий этой толпы и сострадания защищающей ее армии были возбуждены и другие чувства. Дионисий, который и раньше так безмерно и эффективно клеветал на неудачливых полководцев, теперь сам подвергся тем же стрелам. Ярость и ненависть к нему вспыхивали как среди беглецов, так и в армии. Его обвиняли в том, что он предал карфагенянам не только армию, но и Гелу и Камарину, чтобы сиракузяне, запуганные этими грозными соседями, находившимися так близко от их границ, могли оставаться в терпеливом рабстве под его властью. Было отмечено, что его успехи в освобождении Гелы были недостойны больших сил, которые он привел с собой; что потери, понесенные в недавней битве, были недостаточны, чтобы вынудить или даже оправдать позорное бегство; Наемники, особенно те, на которых он больше всего рассчитывал, не только не понесли потерь, но и не были приведены в боевую готовность; в то время как его меры против врага были частичными и неэффективными, они со своей стороны не проявили никакого желания преследовать его в бегстве, что дает основание предполагать, что между ними было

попустительство. Дионисия осудили как предателя все, кроме его собственных наемников, которых он всегда держал рядом с собой для безопасности. Союзники италиотов, совершившие нападение и понесшие основные потери в недавней битве, были так разгневаны тем, что он оставил их без поддержки, что отступили всем скопом и двинулись через центр острова домой в Италию.

Но сиракузяне в армии, особенно всадники, главные лица в городе, имели двойное основание для гнева на Дионисия; отчасти из-за его проступка или предполагаемого предательства в недавнем предприятии, но еще больше из-за деспотизма, который он только что воздвиг над своими согражданами. Этот деспотизм, начатый грубым обманом и заверченный насильем, теперь был лишен единственного правдоподобного цвета, который он когда-либо носил, поскольку Дионисий был столь же позорно неудачлив против карфагенян, как и другие полководцы, которых он осудил и сместил. Решив избавиться от того, кого они ненавидели одновременно и как деспота, и как предателя, сиракузские всадники стали искать возможность настигнуть Дионисия во время отступления и убить его. Но обнаружив, что он слишком тщательно охраняется наемниками, которые всегда окружали его персону, они собрались в кучу и поскакали со всей скоростью к Сиракузам, с полной целью восстановить свободу города и не допустить Дионисия. Так как они прибыли еще до того, как были получены известия о поражении и бегстве в Геле, им удалось беспрепятственно проникнуть на островок Ортигия; это был примитивный внутренний город с причалами и гаванью, отведенный деспотом для собственного проживания и власти. Они сразу же напали на дом Дионисия и разграбили его, обнаружив, что он богато набит золотом, серебром и всевозможными ценностями. Он был деспотом всего несколько недель, так что, должно быть, уже начал разорять других, поскольку, как выяснилось, его личная собственность была отнюдь не велика. Нападавшие не только разграбили его дом со всем его внутренним богатством, но и так жестоко обошлись с его женой, что она впоследствии умерла от побоев.^[967] Против этой несчастной женщины они, вероятно, питали двойную антипатию, не только как к жене Дионисия, но и как к дочери Гермократа. В то же время они разнесли по свету весть о том, что Дионисий бежал и больше никогда не вернется; они полностью доверяли беспорядкам, свидетелями которых они были в отступающей армии, и яростному гневу, который, как они слышали, повсеместно выражался против него.^[968] После того как он предал свою армию вместе с Гелой и Камариной карфагенянам, бежав без всякой реальной необходимости (утверждали они), - он был разоблачен, опозорен и вынужден бежать на самом деле, перед справедливым недовольством своих собственных пробудившихся сограждан. Сиракузы теперь были свободны и могли на следующий день официально восстановить свое народное правительство.

Если бы эти сиракузяне предприняли какие-либо разумные меры предосторожности против неблагоприятных возможностей, их заверения, вероятно, оказались бы верными. Карьера Дионисия на этом бы и закончилась. Но, бросившись грабить его дом и жестоко расправляться с его женой, они были настолько опрометчиво уверены в его предполагаемой безвозвратной гибели и в собственном господстве над островной частью города, что не позаботились о том, чтобы охранять ворота Ахрадины (внешнего города) от его повторного вторжения. Энергия и быстрота Дионисия оказались слишком велики для них. Узнав о том, что они отделились от армии, и хорошо зная их настроения, он сразу же разгадал их планы и понял, что победить их можно только дерзостью и внезапностью нападения. Поэтому, поставив во главе своих лучших и самых преданных солдат - сто всадников и шестьсот пеших, - он оставил свою армию и форсированным маршем двинулся к Сиракузам; это расстояние составляет около четырехсот стадий, или около сорока пяти английских миль. Он прибыл туда около полуночи и предстал не перед воротами Ортигии, которые, как он,

вероятно, убедился, находились во владении его врагов, а перед воротами Ахрадины, которые (как уже говорилось) составляли отдельное укрепление от Ортыгии, с Некрополем между ними.^[969] Хотя ворота были закрыты, он вскоре обнаружил, что они не охраняются, и смог приложить к ним камыш, собранный в болотах на его пути, чтобы поджечь их и сжечь. Он так стремился к скорости продвижения, что в тот момент, когда он достиг ворот, с ним была только часть его подразделения. Но так как остальные прибыли, пока пламя делало свое дело, он со всем корпусом вошел в Ахрадину, или внешний город. Быстро пройдя по улицам, он без сопротивления овладел всей этой частью города и агорой, или рыночной площадью, которая составляла его главное открытое пространство. Его главные враги, ошеломленные этими тревожными новостями, поспешили из Ортыгии в Ахрадину и попытались занять агору. Но они обнаружили, что она уже находится во владении Дионисия; и, будучи сами очень малочисленными и не имея времени собрать сколько-нибудь значительное вооруженное тело, они были побеждены и убиты его наемниками. Таким образом, Дионисий оказался достаточно силен, чтобы победить всех своих врагов, которые входили в Ахрадину небольшими и последовательными группами, без всякого порядка, по мере того как они выходили из Ортыгии. Затем он стал нападать на дома тех, кто, как он знал, был недружелюбен к его владычеству, убивал тех, кого мог найти внутри, а остальных заставлял искать убежища в изгнании. Большая часть сиракузских всадников, которые еще накануне вечером были хозяевами города и могли бы с обычным благоразумием держаться в нем, была таким образом либо уничтожена, либо изгнана. В качестве изгнанников они обосновались в городе Этна^[970].

Овладев городом, Дионисий на следующий день присоединился к основной массе своих наемников, а также к сицилийским союзникам, которые уже завершили свой поход. Несчастные страдальцы из Гелы и Камарины, которые с негодованием смотрели на него как на своего предателя, отправились жить в Леонтины, по-видимому, в качестве компаньонов исконных леонтийских граждан, которые некоторое время жили в Сиракузах, но больше не решили оставаться там при Дионисии. Таким образом, Леонтины снова стал независимым городом^[971].

Хотя бедствия в Геле грозили погубить Дионисия, он, благодаря недавней победе, стал хозяином Сиракуз как никогда раньше и еще больше разгромил своих противников. Всадники, которых он только что уничтожил и прогнал, в большинстве своем были богатыми и влиятельными гражданами Сиракуз. То, что он расправился с такими грозными врагами, почти незаменимыми в качестве лидеров для любой партии, которая пыталась восстать против него, было самым сильным из всех негативных залогов продления его правления. В Сиракузах больше не было общественного собрания, перед которым он должен был бы отчитываться о своих действиях в Геле и Камарине и перед которым его могли бы обвинить, - как он сам обвинял своих предшественников, командовавших в Гимере и Агригентуме. Все эти народные гарантии он уже отменил или подорвал. Превосходство силы и запугивание противников, на которых основывалось его правление, теперь были более очевидны и более решительны, чем когда-либо.

Однако, несмотря на столь прочную позицию, Дионисий все равно мог бы столкнуться с трудностями в обороне, если бы Имилкон, отправившись со своей победоносной армией, свежей после разграбления Гелы и Камарины, энергично осадил Сиракузы. От всех опасностей и тревог такого рода он был быстро избавлен предложениями о мире, которые спонтанно сделал карфагенский генерал. Мир был заключен между ними на следующих условиях: - 1.

1. Карфагеняне сохраняют все свои прежние владения и все сиканские владения в Сицилии. Кроме того, они сохраняют Селинус, Гимеру, Агригентум. Города Гела и Камарина могут быть вновь заняты их нынешними беглыми жителями, но при условии уплаты дани Карфагену и разрушения их стен и укреплений.

2. Жители Леонтины и Мессены, а также все жители Сикела должны быть независимыми и самостоятельными.

3. Сиракузяне должны быть подчинены Дионисию[972].

4. Все пленные и все корабли, захваченные обеими сторонами, должны быть взаимно возвращены".

Таковы были условия, на которых был заключен мир. Хотя они были чрезвычайно выгодны для Карфагена, закрепляя за ним, либо в качестве подданного, либо в качестве данника, весь южный берег Сицилии, - однако, поскольку Сиракузы были, в конце концов, великим призом, который должен был быть получен, завоевание которого было необходимо для безопасности всех остальных, мы удивлены, что Имилкон не двинулся вперед, чтобы атаковать его, в момент, столь очевидно многообещающий. Оказывается, сразу после завоевания Гелы и Камарины карфагенскую армию посетила моровая язва, которая, как говорят, уничтожила почти половину ее состава и запретила дальнейшие действия. Однако сообщение об этом событии, хотя и несомненно точное, дошло до нас в несколько запутанном виде.[973] И когда мы читаем, как одну из статей договора, прямое и официальное положение о том, что "сиракузяне будут подчиняться Дионисию", мы ясно видим, что была и дополнительная причина для этого своевременного предложения, столь отвечающего его интересам. Имелись реальные основания для тех горьких жалоб на Дионисия, которые обвиняли его в том, что он предал Гелу и Камарину карфагенянам, чтобы обеспечить себе господство в Сиракузах. Карфагеняне, отказавшись от всех притязаний на Сиракузы и признав их автономию, не могли быть заинтересованы в том, чтобы диктовать им внутреннее управление. Если они решили признать официальным договором суверенитет, принадлежащий Дионисию, мы можем с полным основанием заключить, что он купил у них эту услугу, оказав ранее некую тайную услугу. Подобным образом и Гикетас, и Агатоклес, - последний был преемником и во многих вопросах параллельным Дионисию, девяносто лет спустя, - заручились поддержкой карфагенян как одной из ступеней к деспотизму Сиракуз[974].

Однако мор среди карфагенской армии, как говорят, был настолько ужасен, что уничтожил почти половину ее численности. Оставшаяся половина, вернувшись в Африку, либо уже нашла ее там, либо унесла с собой; ведь смертность в Карфагене и его окрестностях была не менее плачевной, чем в Сицилии[975].

Именно летом 405 года до н. э. был заключен этот договор, по которому вся эллинская земля на юге Сицилии переходила под власть карфагенян, а Сиракузы с их населением - под власть Дионисия. В сентябре или октябре того же года Лисандр захватил весь афинский флот при Игоспотаме, уничтожил морское превосходство и могущество Афин и положил начало Лакедемонской империи, которая завершилась фактической сдачей Афин в течение следующего года. Декархии и гармонии, насажденные Лисандром во многих городах центральной части эллинского мира, начали свою разрушительную работу почти одновременно с деспотией Дионисия в Сиракузах. Об этом следует помнить, говоря о предстоящем периоде. Новое положение и политика, в которые теперь была вовлечена

Спарта, вызвали у нее такое сочувствие к Дионисию, какого в прежние времена она, вероятно, не испытывала; и это способствовало, в том числе и вторично, прочности его господства, как благодаря позитивным интригам лакедемонских агентов, так и лишая угнетенных сиракузян действенной помощи или поддержки со стороны Коринфа или других частей Греции[976].

Период, непосредственно последовавший за заключением мира, был периодом бедствий, депрессии и тревоги на всем юге Сицилии. Согласно условиям договора, Гела и Камарина могли быть вновь заняты их беглым населением, но с разрушенными стенами, со всеми следами прежней роскоши и комфорта, уничтоженными грабителями, и с необходимостью платить дань Карфагену. Состояние Агригентума, Селинуса и Гимеры, которые теперь фактически стали частью карфагенской территории, было еще хуже; особенно Агригентума, который одним ударом был сброшен с самой высокой вершины процветающей независимости. Между мысом Пахинус и мысом Лилибеум, за сиракузской границей, больше не было свободной эллинской территории.

Среди глубокого уныния сиракузян вывод из Сицилии наводящей ужас карфагенской армии будет воспринят как облегчение и послужит заслугой Дионисия.[977] Это произошло при нем, хотя и не вследствие его подвигов; ведь его военные действия против Имилькаона в Геле были совершенно неудачны (и даже хуже), а карфагеняне не понесли никакого ущерба, кроме моровой язвы. Хотя у его сторонников был повод превозносить его как спасителя города, он также черпал силы в других событиях. Он добился от карфагенян официального признания своего правления; уничтожил или изгнал главных сиракузских граждан, выступавших против его власти, и навел ужас на остальных; вернул все свои наемные войска и стражу без потерь и недовольства. Теперь он воспользовался своими временными силами, чтобы принять меры предосторожности на будущее, пока сиракузяне не воспрянут духом или не получат благоприятную возможность для сопротивления.

Первой его мерой было усиление укреплений островка под названием Ортигия, укрепление его как позиции, которую нужно было удерживать отдельно от Ахрадины и остального города. Он построил новую стену, снабженную высокими башнями и тщательно продуманными защитными сооружениями, сразу за молом, который соединял этот островок с Сицилией. На внешней стороне этой новой стены он оборудовал удобные места для ведения дел, портики, достаточно просторные, чтобы вместить значительное количество людей, и, по-видимому, отдельный крепкий форт, предназначенный для общественного склада кукурузы.[978] Его цели соответствовало то, что торговля города должна вестись, а люди торговцев собираться под или около внешних стен его особой крепости. В качестве дополнительного средства безопасности он также возвел отдельную цитадель или акрополь внутри островка и за новой стеной. Цитадель находилась недалеко от Малой гавани или Порта Лаккиус. Ее стены были настолько расширены, что охватывали всю гавань, закрывая ее таким образом, чтобы пропускать только один корабль за раз, хотя внутри было место для шестидесяти судов. Таким образом, он получил почти неприступную крепость, которая не только защищала его от нападения более многочисленного населения внешнего города, но и позволяла ему нападать на них, когда он пожелает, - и в то же время делала его хозяином главного средства войны и защиты от внешних врагов.

Устроить крепость на островке Ортигия было одним шагом к вечному владычеству в Сиракузах; наполнить ее преданными приверженцами - другим. Для Дионисия орудием владычества стали его наемные войска и телохранители; люди, отобранные им самим в соответствии с его взглядами, объединенные с ним интересами и состоящие в значительной степени не только из иностранцев, но даже из освобожденных рабов. Этим людям он

поручил постоянное содержание и место жительства. Он распределил между ними дома на островке или в низшей крепости, изгнав прежних владельцев и не разрешив никому проживать там, кроме своих приближенных партизан и солдат. Их жилища находились на островке, а сам он обитал в цитадели - крепости внутри крепости, укрывая свою персону от гарнизона или постоянного войска, с помощью которого он держал Сиракузы в подчинении.[979] Обеспечив домами своих солдат, изгнав жителей Ортыгии, он приступил к назначению им удобного содержания, таким же образом лишив собственников и присвоив земли без них. Он заново распределил всю сиракузскую территорию, оставив лучшие земли и лучшие доли для своих друзей и офицеров, командовавших наемниками, а остальную территорию распределил в равных долях между всеми жителями, как гражданами, так и негражданами. В результате такого распределения последние становились отныне такими же гражданами, как и первые; по крайней мере, настолько, насколько любой человек мог правильно называться гражданином при его деспотизме. Даже недавно получившие право голоса рабы стали такими же гражданами и собственниками, как и все остальные[980].

Об этом масштабном изменении собственности, к сожалению, нет более подробной информации, чем та, что содержится в двух или трех кратких предложениях Диодора. В качестве основы для полного передела земель Дионисий должен был обнаружить, что он уже владеет имуществом тех сиракузских всадников или рыцарей, которых он недавно сместил или изгнал. Разумеется, их имущество будет конфисковано и перейдет в его владение для перераспределения. Несомненно, оно будет значительным, поскольку эти всадники в большинстве своем были богатыми людьми. Исходя из этого, Дионисий расширил свою схему до более всеобъемлющей идеи всеобщего разграбления и повторного присвоения в пользу своих партизан и наемных солдат. Число последних нам неизвестно, но в одном из случаев, произошедших не так давно, упоминается, что наемников под его началом было около десяти тысяч.[981] Чтобы обеспечить каждого из этих людей земельной собственностью, а также монополией на проживание в Ортыгии, достаточно было провести лишь поголовную конфискацию. Насколько равенство долей, установленное в принципе, соблюдалось или могло соблюдаться на практике, мы не можем сказать. Максимум, позволяющий жить в Ортыгии только друзьям и партизанам, перешел от Дионисия в традиционное соблюдение для будущих антинародных правительств Сиракуз. Римский консул Марцелл, покорив город около двух столетий спустя, предписал правило не допускать на островок никого, кроме римлян, и исключить всех коренных сиракузян[982].

Столь мощные фортификационные работы в сочетании со столь обширным переворотом как в имущественном, так и в жилищном отношении не могли быть осуществлены менее чем за значительное время и не вызвали бы значительного сопротивления в деталях. Не следует также забывать, что денежные затраты на такие укрепления должны были быть очень большими. Как Дионисий сумел собрать деньги, мы не знаем. Аристотель сообщает нам, что взносы, которые он требовал с сиракузян, были настолько непомерными, что в течение пяти лет граждане отдавали в его руки все свое имущество, то есть двадцать процентов годовых со всего своего имущества.[983] К каким годам относится это утверждение, мы не знаем, как и то, какова была сумма взносов, взимаемых по особому случаю, который мы сейчас рассматриваем. Но из него можно сделать справедливый вывод, что Дионисий не побрезговал бы наложить на сиракузян тяжелую руку, чтобы покрыть расходы на свои укрепления; и что одновременное бремя больших взносов усугубило бы болезненное разорение и передачу имущества, а также еще более невыносимые беды от многочисленной постоянной армии, размещенной в качестве хозяев в самом сердце города. При таких

обстоятельствах мы не удивляемся, что недовольство сиракузян было крайним, и что многие из них были сильно удручены тем, что упустили благоприятную возможность исключить Дионисия, когда всадники на мгновение стали хозяевами Сиракуз, прежде чем он внезапно вернулся из Гелы[984].

Какова бы ни была степень возмущения в действительности, в Сиракузах, под бдительным деспотом с подавляющей силой, собранной в Ортыгии, не могло быть ни концерта, ни манифестации. Но подходящий момент быстро наступил. Достроив крепость и выделив новые средства для гарантированного содержания наемников, Дионисий решил попытаться покорить автономные племена сикелов в глубине острова, некоторые из которых перешли на сторону Карфагена в недавней войне. Он выступил в поход с военным отрядом, состоящим частично из наемных войск, частично из вооруженных сиракузских граждан под командованием полководца по имени Дорикус. Пока он осаждал город Эрбесс, сиракузские войска, оказавшись собранными в оружии и одушевленные одним общим чувством, начали согласовывать меры для открытого сопротивления Дионисию. Полководец Дорикус, пытаясь подавить эти проявления, поднял руку, чтобы наказать одного из самых мятежных ораторов,[985] на что солдаты бросились вперед всем телом, чтобы защитить его. Они убили Дорикуса и с громкими криками вновь провозгласили себя свободными сиракузскими гражданами, призвав всех своих товарищей в лагере объединиться против деспота. Они также немедленно отправили послание в город Этну с предложением немедленно объединиться с сиракузскими всадниками, которые нашли там убежище в своем изгнании от Дионисия. Их призыв нашел горячее сочувствие среди сиракузских солдат в лагере, все они решительно выступили против деспота и были готовы к любым усилиям, чтобы вернуть себе свободу.

Эти настроения так быстро вылились в горячие и единодушные действия, что Дионисий был слишком запуган, чтобы попытаться сразу же подавить их с помощью своих наемников. Воспользовавшись полученным уроком, после обратного марша из Гелы он немедленно снял осаду Эрбесса и вернулся в Сиракузы, чтобы укрепиться в Ортыгии до того, как туда придут его сиракузские враги. Между тем последние, оставшись полными радости и уверенности, а также хозяевами лагеря, выбрали своими вождями тех воинов, которые убили Дорикуса, и быстро получили подкрепление в виде всадников или вернувшихся изгнанников из Этны. Решив не жалеть сил для освобождения Сиракуз, они отправили посланников за помощью в Мессену и Регий, а также в Коринф; в то же время они со всеми силами двинулись к Сиракузам и расположились лагерем на Эпипольских высотах. Неясно, оставались ли они на этой позиции, или же им удалось, благодаря сочувствию населения, овладеть внешним городом Ахрадиной, а также Тихой и Неаполем с их придатками. Дионисий, несомненно, был отрезан от всякого сообщения со страной; но он сохранил свою неприступную позицию в Ортыгии, теперь занятую исключительно его избранными партизанами и наемниками. Если он и продолжал оставаться хозяином Ахрадины, то, должно быть, был лишен возможности легко общаться с ней. Нападавшие расположились под стенами Ортыгии, от Эпиполя до Большой и Малой гавани.[986] На помощь им из Мессены и Регия были посланы значительные морские силы, что дало им возможность блокировать его на морском побережье; коринфяне, хотя и не могли оказать дальнейшей помощи, засвидетельствовали свое сочувствие, послав Никотела в качестве советника.[Вожди движения провозгласили Сиракузы снова свободным городом, предложили большую награду за голову Дионисия и обещали равное гражданство всем наемникам, которые должны были дезертировать.

Некоторые из наемников, привлеченные такими предложениями, а также запуганные тем видом неодолимой силы, который характеризует первый всплеск народного движения,

действительно пришли и были хорошо приняты. Казалось, все сулило успех повстанцам, которые, не довольствуясь медленным процессом блокады, подняли таранные орудия и с ожесточением штурмовали стены Ортыгии. Теперь Дионисия не спасало ничего, кроме тех сложных укреплений, которые он недавно возвел, не поддаваясь никаким атакам. И хотя он был укрыт ими, его положение казалось настолько отчаянным, что дезертирство из Ортыгии с каждым днем увеличивалось. Он сам начал отказываться от надежды сохранить свое господство, обсуждая со своими близкими друзьями альтернативу между смертью в результате доблестного, но безнадежного сопротивления и безопасностью, приобретенной бесчестным бегством. Оставалось только одно средство спасения: приобрести немедленную помощь двенадцати сотен наемных кампанских кавалеристов, находившихся сейчас на карфагенской службе и расквартированных, вероятно, в Геле или Агригентуме. Его шурин Поликсен посоветовал ему сесть на своего самого быстрого коня, лично посетить кампанцев и привести их на помощь Ортыгию. Но этому совету упорно сопротивлялись два близких друга, Гелорис и Мегаклес, которые внушали ему, что царская мантия - единственное почетное погребальное одеяние и что, вместо того чтобы покинуть свой пост на полном скаку, он должен держаться за нее, пока его не утащат за ногу. [Дионисий решил продержаться, не покидая Ортыгию, и послал к кампанцам частных воинов с обещанием большого жалованья, если они немедленно выступят на его защиту. Карфагеняне, вероятно, были обязаны не противиться этому, обеспечив Дионисию по специальной статье договора владение Сиракузами.

Чтобы выиграть время для их прибытия, обманув и обезоружив нападавших, Дионисий отказался от всякой надежды на длительную оборону и послал просить разрешения покинуть город вместе со своими личными друзьями и имуществом. Ему с готовностью разрешили уйти с пятью триремами. Но как только это свидетельство успеха было получено, нападавшие не отказались от чрезмерной радости и уверенности, считая Дионисия уже покоренным, а осаду - завершенной. Дальнейшее наступление было не только приостановлено, но и войска в значительной степени раздроблены. Всадники были распущены, что было в равной степени несправедливо и неблагородно, и отправлены обратно в Этну; гопплиты же разошлись по стране по своим землям и владениям. Та же трудность с удержанием народных сил надолго для любой военной операции, требующей времени, которая возникла, когда афиняне осаждали своих узурпаторов Килона и Писистрата в акрополе, [989] теперь возникла и при осаде Ортыгии. Утомленные длительностью осады, сиракузяне слепо поддались обманчивым заверениям Дионисия, не позаботившись о том, чтобы сохранить свои силы и боеспособность до тех пор, пока его обещанный отъезд не превратится в реальность. В таком неподготовленном и беспорядочном состоянии они были застигнуты врасплох внезапным прибытием кампанцев, [990] которые, атаковав и разгромив их со значительными потерями, заставили пробиться к Дионисию в Ортыгию. В то же время по морю к нему прибыло подкрепление из трехсот свежих наемников. Теперь положение дел полностью изменилось. Недавнее поражение породило среди нападавших не только уныние, но и взаимные упреки и ссоры. Одни настаивали на продолжении осады Ортыгии, другие, вероятно, друзья недавно уволенных всадников, высказались за то, чтобы бросить все и присоединиться к всадникам в Этне; это решение они, похоже, сразу же выполнили. Видя, что его противники ослаблены и раздираемы разногласиями, Дионисий выступил и напал на них возле предместья под названием Неаполис или Ньютаун, на юго-западе от Ахрадины. Он одержал победу и заставил их рассеяться. Но он очень старался не допустить расправы над беглецами, сам выезжал верхом, чтобы сдерживать свои войска; впоследствии он похоронил убитых с должной торжественностью. Этими действиями он хотел примирить оставшихся, так как наиболее воинственная часть его противников удалилась в Этну, где вместе с всадниками собралось

не менее семи тысяч гоплитов. Дионисий отправил туда посланников, чтобы пригласить их вернуться в Сиракузы, обещая самую большую амнистию за прошлое. Но напрасно посланцы упирали на его недавнюю снисходительность к беглецам и достойное погребение убитых. Мало кого можно было убедить вернуться, кроме тех, кто оставил своих жен и семьи в Сиракузах в его власти. Большая часть, отказавшись верить его слову и подчиняться его приказам, осталась в изгнании в Этне. С теми, кто вернулся, обращались хорошо, надеясь постепенно побудить остальных последовать их примеру[991].

Таким образом, Дионисий был спасен из ситуации, казавшейся безвыходной, и вновь утвердился в своем владычестве; главным образом, благодаря опрометчивой самоуверенности (как и в предыдущий раз, после отступления из Гелы), отсутствию настойчивого союза и вождей со стороны его противников. Первым делом он уволил вновь прибывших кампанцев. Хотя он должен был благодарить их в основном за свое восстановление, он прекрасно понимал, что они совершенно неверны и при первом же искушении могут обернуться против него. 992] Но он принял более эффективные меры для укрепления своего господства в Сиракузах и для защиты от повторения той опасности, от которой он так недавно спасся. В этом ему помогал лакедемонский посланник по имени Арист, недавно отправленный спартамцами с якобы целью полюбовного урегулирования партий в Сиракузах. В то время как Никотелес, посланный из Коринфа, выступал на стороне сиракузского народа и ставил себя во главе его, чтобы добиться для него более или менее свободного правления, Арист, напротив, поддался на уговоры Дионисия. Он отвратил народ от Никотела, которого обвинил и заставил убить. Затем, притворившись, что действует вместе с народом и использует огромное превосходство Спарты для защиты его свободы,[993] он завоевал его доверие, а затем предал его. Таким образом, деспот получил возможность укрепиться более решительно, чем прежде, и, возможно, убрать эффективных народных лидеров, которые стали ему известны; в то время как масса граждан была глубоко обескуражена тем, что Спарта участвовала в заговоре против их свобод.

Воспользовавшись этим обновленным приливом успеха, Дионисий нанес еще один важный удар. В сезон сбора урожая, когда граждане были заняты на полях, он устроил обыск в домах и конфисковал все найденное там оружие. Не удовлетворившись тем, что лишил своих противников средств нападения, он продолжил строительство дополнительных укреплений вокруг островка Ортыгия, пополнил свою постоянную армию наемниками и построил новые корабли. Чувствуя, что его владычество противно сиракузянам и держится только на голой силе, он окружил себя мерами предосторожности, возможно, более сильными, чем когда-либо накапливал любой другой греческий деспот. Его еще больше укрепила явная и активная поддержка Спарты, находившейся сейчас на пике своего имперского восхождения,[994] а также присутствие в Сиракузах могущественного Лисандра в качестве ее посла, чтобы поддержать и возвысить его.[Спартанский союз, однако, не помешал ему включить в число своих наемников значительную часть мессенцев, злейших врагов Спарты, которые теперь были изгнаны из Наупакта и Кефаллении, и у них не осталось ничего, кроме оружия[996], и чье восстановление в Пелопоннесе Эпаминондасом, примерно тридцать лет спустя, было описано в предыдущей главе.

Столь многочисленный отряд наемников, в то время как жители Сиракуз были подавлены и не могли сопротивляться, естественно, склонил Дионисия к завоеваниям и грабежам за границей. Не желая пока провоцировать войну с Карфагеном, он направил свои силы на север и северо-запад сиракузской территории; на греческие (халкидские или ионические) города - Наксу, Катану и Леонтину - и на Сикелы, расположенные в центре Сицилии. Три халкидских города были старыми врагами Сиракуз, но Леонтина был завоеван сиракузянами

еще до афинской экспедиции и оставался сиракузским владением до последнего мира с карфагенянами, когда он был объявлен независимым. Наксу и Катане удалось сохранить независимость в борьбе с Сиракузами даже после гибели афинского войска при Никии. Во главе мощного войска Дионисий выступил из Сиракуз сначала против города Этны, занятого значительным числом сиракузских изгнанников, враждебно настроенных к его владычеству. Хотя место было сильным по положению,^[997] но эти люди, слишком слабые, чтобы сопротивляться, были вынуждены покинуть его; после чего он перешел к атаке на Леонтины. Но, призвав жителей сдаться, он обнаружил, что его предложения отвергнуты, а все приготовления сделаны для упорной обороны; так что ему не оставалось ничего другого, как разграбить окрестности, а затем продвинуться вглубь сикельской территории, к Энне и Эрбите. Но его поход в этом направлении был не более чем фикцией, призванной скрыть его истинные взгляды на Наксу и Катану, с обоими городами которых он уже начал интриги. Аркесилай, полководец Катаны, и Прокл, полководец Накса, вели коррумпированные переговоры с целью продать ему свободу своих родных городов. Пока переговоры не были завершены, Дионисий хотел казаться обратившим оружие в другое место и поэтому выступил в поход на Энну. Здесь он вступил в сговор с эннейским гражданином по имени Эимнест, которого подговорил захватить скипетр его родного города, обещая помощь при условии, что сам будет принят после этого. Эимнест предпринял попытку и добился успеха, но не выполнил своего обязательства перед Дионисием; тот так сильно возмущался этим, что помог эннессийцам расправиться с Эимнестом, отдал его в плен в их руки, а затем удалился, удовлетворенный такой мезью, и больше не вмешивался. Затем он выступил в поход против Эрбиты, до которого шел практически безрезультатно, пока не подействовали взятки, обещанные в Наксе и Катане. Наконец условия были полностью урегулированы. Дионисий ночью был впущен Аркесилаем в Катану, захватил город, разоружил жителей и посадил там мощный гарнизон. Следующим в его руки попал Наксус, который был захвачен таким же образом Проклом; он был вознагражден крупной взяткой и привилегией сохранить своих сородичей. Оба города были отданы на разграбление его солдатам, после чего стены и дома были разрушены, а жители проданы в рабство. Разобранная Катана была передана кампанским наемникам, находившимся на службе у Дионисия, который, однако, оставил в своем владении заложников за их верность;^[998] Наксу - коренным сикелам, жившим по соседству. Эти захваты навели такой ужас на леонтинцев, что когда Дионисий возобновил нападение на них, они уже не чувствовали себя в силах сопротивляться. Он потребовал, чтобы они сдали свой город, удалились в Сиракузы и жили там в будущем как граждане; в то время это означало, что они являются подданными его деспотии. Леонтинцы подчинились требованию, и их город снова стал придатком Сиракуз^[999].

Эти завоевания Дионисия, достигнутые в основном путем развращения полководцев Наксоса и Катаны, имели серьезное значение и вызвали такую тревогу среди сикелов внутренних районов, что Архонид, сикельский князь Эрбиты, счел благоразумным отказаться от своего города и земли, удалившись на новое место за горами Неброда, на северном побережье острова, более недоступное для нападения сиракузян. Здесь, со своими наемными солдатами и значительной частью своего народа, добровольно сопровождавшего его, он основал город Алезу^[1000].

Укрепившись на родине благодаря этим успехам за границей, сиракузский деспот был побужден к еще большим начинаниям. Он решил начать агрессивную войну с карфагенянами. Но прежде чем объявить о своем замысле, против столь грозных врагов необходимо было провести большую подготовительную работу, как оборонительную, так и наступательную. Во-первых, он принял меры, чтобы обеспечить обороноспособность Сиракуз на случай непредвиденных обстоятельств. Пять греческих городов на юге острова,

один из которых был вторым в Сицилии, уже подверглись плачевной участи быть разграбленными карфагенским войском; бедствие, которое, возможно, ожидает и Сиракузы, особенно если она сама спровоцирует войну, если не будут приняты самые тщательные меры предосторожности, чтобы сделать успешную блокаду невозможной.

Афинская блокада под руководством Никиаса впечатала ценные уроки в сознание каждого сиракузянина. Тогда город был почти заблокирован стеной обхода, проведенной от моря до моря; она была завершена более чем наполовину и была бы завершена полностью, если бы первоначальным комендантом был Демосфен, а не Никиас. Огромное значение склона Эпиполе для безопасности города было продемонстрировано самыми неопровержимыми доказательствами. В седьмом томе я уже описывал местоположение Сиракуз и связь этого склона с внешним городом, называемым Ахрадиной. Эпиполь был пологим подъемом к западу от Ахрадины. Как с северной, так и с южной стороны его окаймляли обрывистые линии скал, глубина которых в самой нижней части составляла около двадцати футов. Эти линии обрыва почти сходились на вершине склона, называемого Эвриалом, оставляя узкий проход или дорогу между возвышенными берегами, которая сообщалась со страной к северу и западу от Сиракуз. Таким образом, Эпиполь образовывал треугольник на наклонной плоскости, поднимавшийся вверх от основания, внешней стены Ахрадины, к вершине на Эвриале; две его стороны образованы северной и южной линией скал. Эта вершина представляла собой пост первостепенной важности, с которого открывалась узкая дорога, подходившая к Эпиполе с ее западной оконечности или вершины, и только через него армия могла легко попасть на склон Эпиполе, поскольку скалы с каждой стороны были крутыми, хотя с северной стороны менее крутыми, чем с южной. [Если враг не овладеет этим склоном, Сиракузы никогда не смогут блокировать северное море у Трогила до Великой гавани; это предприятие, которое Никиас и афиняне почти осуществили, поскольку сначала они захватили с севера позицию Эвриала, а затем обрушились на склон Эпиполеи. Я уже описывал в седьмом томе, как прибытие Гилиппа лишило их превосходства в поле, в то время как их линия обхода была уже наполовину закончена - проведена от центра Эпиполя на юг до Великой гавани и частично завершена от той же точки через северную половину Эпиполя до моря у Трогила; как он помешал их дальнейшему продвижению, проведя от внешней стены Ахрадины поперечную стену, пересекающую их предполагаемую линию обхода и заканчивающуюся у северного утеса; как он, наконец, возвел форт или сторожевой пост на вершине Эвриала, который он соединил с только что упомянутой поперечной стеной одной соединительной стеной, проведенной вниз по склону Эпиполя. [\[1002\]](#)

Опасность, которой подверглись тогда Сиракузы, и средства, с помощью которых она была устранена, были свежи в памяти Дионисия. После афинской осады сиракузяне, возможно, сохранили крепость, возведенную Гилиппом возле Эвриала; но они снесли стену соединения, поперечную стену и внешнюю защитную стену, построенную между прибытием Никиаса в Сицилию и началом осады и ограждавшую священный участок Аполлона Теменита. Таким образом, от внешнего города Сиракуз осталась лишь стена Ахрадины с двумя ее пригородами или наростами, Тихе и Неаполисом. Дионисий решил создать для Сиракуз защиту, в значительной степени похожую на ту, что придумал Гилипп, но более полную, продуманную и постоянную. Он провел внешнюю линию обороны, начинающуюся от моря у порта Трогила, охватывающую пригород Тихе (который примыкал к Ахрадине с северо-запада), а затем поднимающуюся на запад, вдоль края северного утеса Эпиполе, к вершине этого склона у Эвриала. Таким образом, две крайние стены соединялись не как во времена Гилиппа, [\[1003\]](#) одной поперечной стеной, проведенной от городской стены к северному утесу, а затем соединенной под углом другой стеной, спускающейся по склону Эпиполя от Эвриала, а одной непрерывной новой линией, граничащей с северным утесом

вплоть до моря. И эта новая линия, вместо того чтобы быть просто одной стеной, теперь была построена по совету лучших инженеров, с высокими и частыми башнями, расположенными по всей ее длине, чтобы служить как средством обороны, так и постоянным жильем для солдат. Длина стены составляла тридцать стадий (около трех с половиной английских миль); она была построена из больших камней, тщательно обтесанных, некоторые из них были четырех футов в длину.^[1004] Каменоломни, находившиеся поблизости, поставляли обильные материалы, а для необходимой работы Дионисий собрал все население города и его окрестностей, из которых он отобрал шестьдесят тысяч самых эффективных рабочих рук для работы на стене. Другим было приказано обтесать камни в каменоломне, а шесть тысяч упряжек волов были запряжены, чтобы доставить их на место. Работа была распределена по фурлонгам и небольшим участкам по сто футов каждый, по полкам соответствующей численности, каждый из которых находился под руководством надсмотрщика^[1005].

До сих пор мы мало что слышали о Дионисии, кроме обманов, насилия и грабежей, совершенных с целью установить свое господство над Сиракузами и возвеличить себя за счет новых завоеваний на границах. Но это новое укрепление было делом иного значения. Вместо того чтобы быть, как его крепости и стены в Ортыгии, защитным и агрессивным сооружением только для него самого против жителей Сиракуз, оно было ценной защитой для жителей и для него самого вместе с ними от иностранных осаждающих. Он в значительной степени гарантировал Сиракузы от тех бедствий, которые так недавно постигли Агригентум и другие города. Поэтому он пользовался огромной популярностью среди сиракузян и породил между ними и Дионисием такие чувства дружбы и согласия, каких еще не было. Каждый трудился не только по доброй воле, но и с энтузиазмом, а сам деспот проявлял неустанный рвение, проводя целые дни на месте и принимая участие во всех трудностях и испытаниях. Он появлялся повсюду среди массы людей, как незаметный гражданин, без подозрений и умолчаний, что заметно контрастировало с суровостью его прежнего поведения,^[1006] объявляя награды лучшим и самым расторопным работникам; он также обеспечивал присмотр или помощь тем, чьи силы подводили. Вдохновленные таким образом, все собравшиеся, работая не только днем, но и ночью, возвели всю стену за двадцать дней. Форт в Эвриале, который был завершением этой вновь построенной линии стены, вероятно, не следует понимать как состоящий из столь короткого периода исполнения; по крайней мере, его полное завершение. Ведь оборонительные сооружения, возведенные в этом форте (сейчас или в более поздний период), были огромными по протяженности и сложными по исполнению; а их остатки даже для современных наблюдателей представляют собой наиболее полный образец древней фортификации.^{1007]} Приведение их в такое состояние должно было занять больше времени, чем двадцать дней. Даже в отношении стены, возможно, двадцать дней следует понимать скорее как время, необходимое для обеспечения непрерывности ее линии, оставляя башни, ворота и т. д. для последующего добавления.

Обеспечение обороны Сиракуз от осаждающей армии, однако, было лишь малой частью обширных планов Дионисия. Он задумал агрессивную войну с карфагенянами, для чего не только начал накапливать всевозможные приготовления в самых широких масштабах, но и изменил свою политику как по отношению к сиракузянам, так и к другим сицилийским грекам.

По отношению к сиракузянам его поведение претерпело существенные изменения. Жестокость и притеснения, которыми до сих пор отличалось его владычество, были прекращены; он больше не предавал людей смерти и не отправлял их в изгнание с той же безжалостной рукой, что и раньше. Вместо такой тирании он заменил ее сравнительной

мягкостью, терпением и примирением.[1008] Если раньше система была чревата жестоким обращением со многими и тревогой для всех, то ее смягчение должно было ощущаться не только сразу, но и с чувством. И когда мы представим себе относительное положение Дионисия и сиракузян, то увидим, что зло, причиненное по его прямому приказу, ни в коем случае не представляло всего зла, которое они терпели. Он занял неприступную крепость Ортигию со всей гаванью, доками и морскими путями города. Многочисленный гарнизон, находившийся на его содержании и преданный ему, состоял в значительной степени из варварских или неэллинских солдат и освобожденных рабов, вероятно, также неэллинских. Сиракузяне, жившие во внешнем городе и вокруг него, были не только лишены средств обороны и организации, но и разоружены. Этим наемникам нужно было платить либо из взносов граждан, либо землями из их имущества; для них, а также для других партизан Дионисий ввел грабежи и передачу земли и домашнего имущества оптом.[1009] Теперь, когда деспот сам выносил тиранические приговоры для своих целей, мы можем быть уверены, что эти люди, необходимые инструменты его тирании, сами по себе не будут склонны уважать спокойствие других граждан, и их будет легко заставить это делать. Поэтому сиракузянам приходилось страдать не только от систематических злоупотреблений вождя, но и от наглости и неумных appetитов подчиненных. И, соответственно, они вдвойне выиграют, если Дионисий, опасаясь нападения на карфагенян, сочтет разумным смягчить строгость своих действий; ведь его пример, а в случае необходимости и его вмешательство, ограничат свободу действий его собственных сторонников. Стремление к иностранным завоеваниям делало его заинтересованным в том, чтобы примирить сиракузян с некоторой долей доброй воли или, по крайней мере, заставить замолчать антипатии, которые могли бы стать неудобными, если бы они вспыхнули в разгар войны. В данном случае он имел преимущество опираться на другую антипатию, сильную и искреннюю в их умах. Ненавидя и боясь Карфагена, сиракузяне искренне сочувствовали агрессивным планам Дионисия, направленным против него; это открывало перспективу освобождения от тирании, от которой они страдали, и шанс на восстановление отнятого у них оружия[1010].

На поведение Дионисия в отношении сицилийских греков также в основном повлияли его антикарфагенские проекты, из-за которых он стремился отбросить или, по крайней мере, отложить все возможности войны в других регионах. Жители Реги, расположенной на италийской стороне Мессинского пролива, недавно проявили склонность к нападению на него. Они были общего халкидского происхождения с Наксосом и Катаной, двумя городами, которые Дионисий недавно завоевал и поработил. За шестнадцать лет до этого, когда мощное афинское войско посетило Сицилию с якобы целью защитить халкидские города от Сиракуз, регийцы, несмотря на родственную близость, отказались от приглашения Никиаса[1011] оказать помощь, опасаясь Афин. Но последующий горький опыт научил их, что для жителей Сицилии или ее окрестностей Сиракузы были более грозным врагом из двух. Разорение Накса и Катаны и значительное расширение сиракузского владычества на север внушили им Дионисием опасения, сходные со страхами перед Карфагеном, внушенными самим сиракузянам бедствиями Агригентума и Гелы. Желая отомстить своим поработанным сородичам, регийцы задумали напасть на Дионисия, пока его власть не стала еще более грозной; это решение было в значительной степени подтверждено подстрекательствами сиракузских изгнанников (теперь изгнанных из Этны и других соседних городов в Региум), уверявших, что восстание против Дионисия вспыхнет в Сиракузах, как только будет объявлено о приближении какой-либо иностранной помощи. Через пролив в Мессену были отправлены посланники с просьбой о сотрудничестве против Дионисия, мотивируя это тем, что гибель Накса и Катаны не может быть пропущена ни по великодушию, ни по благоразумию соседями по обе стороны пролива. Эти доводы произвели такое впечатление на мессенских полководцев, что они, не посоветовавшись с общественным собранием,

немедленно собрали военные силы города и вместе с регийцами двинулись к сиракузской границе - шесть тысяч регийцев и четыре тысячи мессенских гоплитов, шестьсот регийцев и четыреста мессенских всадников, пятьдесят регийских трирем. Но когда они достигли границ мессенской территории, большая часть солдат отказалась следовать за своими генералами дальше. Возглавил оппозицию гражданин по имени Лаомедон, утверждавший, что генералы не имеют права объявлять войну без всеобщего голосования города и что нападать на Дионисия без предупреждения было неосмотрительно. Эти доводы произвели такой эффект, что мессенские солдаты вернулись в свой город, а регийцы, считая себя неспособными в одиночку справиться с этим предприятием, тоже отправились домой[1012].

Узнав о задуманном нападении, Дионисий уже повел свои войска на защиту сиракузской границы. Но теперь он вернул их в Сиракузы и благосклонно выслушал предложения о мире, которые быстро дошли до него из Регия и Мессены[1013]. Он стремился любой ценой примирить их на время, чтобы карфагеняне, когда он придет к осуществлению своих планов, не нашли греческих союзников, которые бы сотрудничали с ними в Сицилии. Он приобрел влияние в Мессене, сделав городу большие уступки сопредельной территории; по какую сторону границы и как она была приобретена, мы не знаем. Далее он попытался установить тесную связь с Регией, женившись на регийской жене; с этой целью он направил гражданам официальное послание, в котором просил разрешения заключить такой союз, сопровождая его обещанием предоставить им важные преимущества, как в территориальном расширении, так и в других отношениях. После публичных дебатов регенцы отклонили его предложение. В их городе царило явно враждебное отношение к Дионисию, недавно уничтожившему Наксу и Катану; похоже, что некоторые из ораторов выражались с презрительной язвительностью, замечая, что дочь общественного палача - единственная подходящая для него жена.[1014] Сам по себе отказ был бы достаточно неприятен для Дионисия. Но в сочетании с такими оскорбительными замечаниями (сделанными, вероятно, в ходе публичных дебатов в присутствии его собственных посланников, поскольку не представляется достоверным, что эти слова должны были быть включены в официальный ответ или резолюцию собрания[1015]) он вызвал самую острую враждебность; чувство, которое мы увидим в дальнейшем в полном действии.

Получив отказ в Регии, Дионисий отправил аналогичную просьбу с аналогичными предложениями в соседний город Локри, где она была благосклонно принята. Примечательно, что Аристотель комментирует это согласие локрийцев как акт серьезной неосмотрительности, продиктованный лишь стремлением главных граждан олигархического правительства извлечь из такого союза выгоду для себя. Просьба не была бы удовлетворена (замечает Аристотель) ни при демократии, ни при хорошо регулируемой аристократии. Брачная связь Дионисия с локрийкой Дорис, дочерью знатного гражданина Ксенета, привела к свержению локрийской олигархии.[1016] И даже среди локрийцев просьба не была удовлетворена без сопротивления. Гражданин по имени Аристеид (один из спутников Платона), чью дочь Дионисий просил выдать замуж, ответил, что предпочел бы видеть ее мертвой, чем соединиться с деспотом. В отместку за этот горький ответ Дионисий приказал предать смерти сыновей Аристеиды[1017].

Но дружеские отношения, которые Дионисий так старался установить с греческими городами у Мессенского пролива, были предназначены главным образом для того, чтобы освободить его для подготовки к войне с Карфагеном, которую он теперь начал в гигантских масштабах. Столь грандиозные и разнообразные усилия, объединенные не только с прогнозами, но и со всеми доступными в то время научными приборами, до сих пор не встречались нам в истории. Ужасный эффект, с которым Ганнибал недавно применил свои

таранные машины против Селина и Гимеры, побудил Дионисия обеспечить себя подобными орудиями в большом изобилии, чем когда-либо до этого имел любой греческий полководец. Он собрал в Сиракузах, частично по принуждению, частично по соблазну, всех лучших инженеров, механиков, оружейников, ремесленников и т.д., которых только могла предоставить Сицилия или Италия. Он с максимально возможным усердием занялся строительством машин и других военных орудий, а также изготовлением оружия как наступательного, так и оборонительного. Оружие было самым разнообразным: не только такое, которое подходило греческим солдатам, тяжелое или легкое, но и такое, которое было в ходу у различных варварских племен Средиземноморья, галлов, иберов, тирренцев и т. д., у которых Дионисий намеревался нанимать наемников; так что каждый солдат по прибытии получал то оружие, которое стало для него привычным. Все Сиракузы превратились в шумную военную мастерскую - не только рыночные площади, портики, палестры и большие частные дома, но и передние и задние покои различных храмов. Дионисий разделил занятую толпу на удобные подразделения, каждое из которых возглавил какой-нибудь выдающийся гражданин. Часто посещая их лично и наблюдая за их успехами, он выплачивал значительные вознаграждения и приглашал к своему столу тех, кто производил наибольшее количество законченных работ. В дальнейшем он предлагал премии за изобретательское мастерство, и соревнование изобретательных механиков привело к появлению нескольких ценных военных новинок, особенно большого снарядного двигателя для камней и дротиков под названием Catapulta, который был впервые изобретен. Нам говорят, что щитов, изготовленных за этот сезон усердной подготовки, было не менее ста сорока тысяч, а нагрудных пластин - четырнадцать тысяч, многие из них не имели себе равных по качеству исполнения, предназначались для телохранителей и офицеров. Шлемы, копья, кинжалы и т. д., а также другие виды оружия и вооружения в неограниченном разнообразии, были умножены в соответствующей пропорции.^[1018] Запасы оружия, ракет, машин и боеприпасов во всех видах, накопленные в Ортигии, оставались в огромном количестве в течение всей жизни Дионисия и даже до падения его сына.^[1019]

Если подготовка к войне на суше была столь грандиозной, то подготовка к войне на море была полностью равна, если не превосходила ее. Доки Сиракуз были заполнены лучшими кораблестроителями, плотниками и ремесленниками; многочисленные лесорубы были отправлены рубить корабельный брус на хорошо покрытых склонах Итны и Калабрийских Апеннин; затем были предоставлены упряжки волов, чтобы перетащить его на побережье, откуда он буксировался на плотках в Сиракузы. Военно-морской флот Сиракуз состоял из ста десяти трирем; в существующих доках было сто пятьдесят корабельных домиков, или крытых стапелей, предназначенных для строительства или размещения трирем. Но этого оказалось недостаточно для замыслов Дионисия, который немедленно взялся за строительство ста шестидесяти новых корабельных домиков, каждый из которых мог вместить два судна, а затем приступил к строительству новых военных кораблей в количестве двухсот; в то же время он привел в наилучшее состояние все существующие суда и доки. И здесь, как и в случае с катапультой, изобретательность его архитекторов позволила ему выступить в качестве морского изобретателя. До сих пор самым большим военным кораблем, когда-либо ходившим по греческим или средиземноморским водам, была трирема, управляемая тремя банками или ярусами весел. Прошло уже три столетия с тех пор, как первая трирема была построена в Коринфе и на Самосе изобретательным коринфянином Амейноклесом:^[1020] только после персидского нашествия триремы стали широко использоваться; о более крупных судах и не помышляли. Афиняне, которые в период между персидским вторжением и великой катастрофой в Сиракузах занимали лидирующее положение и задавали моду во

всех морских делах, не имели никаких побуждений строить суда больше трирем. Поскольку их стиль маневрирования состоял в быстрых поворотах и изменениях направления корабля с целью поразить слабые части вражеского корабля клювом своего собственного, то, если бы размеры их корабля были увеличены, его способность к таким проворным поворотам и движениям уменьшилась бы. Но сиракузяне не пытались копировать стремительные движения афинского флота. Напротив, сражаясь с ними в тесной сиракузской гавани,^[1021] они находили все преимущества в массивности кораблей и прямолинейном ударе носа о нос. Для них более крупные корабли были более подходящими и эффективными; поэтому Дионисий или его морские архитекторы, полные честолюбивых устремлений, разработали план строительства военных кораблей с четырьмя или пятью банками весел вместо трех, то есть quadriremов или quinqueremов вместо трирем.^[1022] Таким образом, сиракузский деспот не только оснастил военно-морской флот, равный по количеству кораблей Афинам в их лучшие времена, но и выставил корабли, превосходящие по размерам те, которыми когда-либо обладали Афины, или те, которые Греция когда-либо задумывала.

Во всех этих наступательных приготовлениях против Карфагена, как и в предыдущей обороне Эпиполя, спонтанный импульс сиракузян, как правило, шел рука об руку с Дионисием.^[1023] Их сочувствие и согласие значительно способствовали успеху его усилий, для этого огромного снаряжения против общего врага. Однако даже при таком сочувствии мы не можем понять, как он нашел деньги на столь огромные расходы.

После того как материальные средства для войны были таким образом завершены, - а эта операция вряд ли могла занять менее двух или трех лет, - оставалось набрать людей. В этом вопросе идеи Дионисия были не менее устремленными. Помимо своих собственных многочисленных постоянных сил, он набрал всех наиболее эффективных среди сиракузских граждан, а также из городов, находящихся в его зависимости. Он рассылал дружеские послания и старался завоевать популярность среди общей массы греков на всем острове. Из его большого флота половина была укомплектована сиракузскими гребцами, морскими пехотинцами и офицерами, а другая половина - моряками, набранными из-за границы. Он также отправил посланников в Италию и Пелопоннес, чтобы получить вспомогательные войска с предложениями самого щедрого жалованья. От Спарты, находившейся сейчас на пике своего могущества и желавшей заключить с ним союз как средство продления своей империи, он получил такую горячую поддержку, что смог набрать немалое число воинов в Пелопоннесе; кроме того, было нанято много варварских или негреческих солдат из западных областей, расположенных вблизи Средиземного моря.^{1024]} В конце концов ему удалось, к его удовлетворению, собрать совокупную армию, грозную не столько по численности и храбрости, сколько по продуманности и разнообразию снаряжения. Его большая и хорошо укомплектованная оружейная палата (о которой уже говорилось) позволила ему снабдить каждого вновь прибывшего солдата из разных народов родным и подходящим оружием^[1025].

Когда все его приготовления были завершены, последним шагом стало празднование бракосочетания за несколько дней до активного начала войны. Он женился одновременно на двух женах - локрийке Дорис (уже упоминавшейся) и сиракузянке по имени Аристомах, дочери своего сторонника Гиппаринуса (и сестре Диона, о котором мы еще много расскажем). Первым делом он использовал один из своих недавно изобретенных quinqueremных кораблей, отправившись в Локри, украшенный самыми богатыми украшениями из золота и серебра, чтобы доставить Дорис в Ортыгию. Аристомах также привезли в его дом на великолепной колеснице с четырьмя белыми конями.^[1026] Он

отпраздновал бракосочетание с ними обеими в своем доме в один день; никто не знал, какую спальню он посетил первой; и обе они продолжали постоянно жить с ним за одним столом, с одинаковым достоинством, в течение многих лет. У него было трое детей от Дорис, старшим из которых был Дионисий Младший, и четверо от Аристомаха, но последний долгое время оставался бездетным, что очень огорчало Дионисия. Приписав ее бесплодие магическим заклинаниям, он предал смерти мать своей второй жены Дорис, как якобы виновницу этих зловещих влияний.^[1027] В Сиракузах ходили слухи, что Аристомаха был самым любимым из них. Но Дионисий хорошо относился к ним обоим, причем к обоим одинаково; более того, его сын от Дорис стал его преемником, хотя у него было два сына от другой. Его бракосочетание было отмечено пирами и праздниками, в которых участвовали все сиракузские граждане, а также солдаты. Эта сцена, вероятно, была тем более приятна Дионисию, что в этот момент, когда все умы были полны мстительных порывов и ожиданий победы над Карфагеном, он, похоже, пользовался настоящей кратковременной популярностью и мог свободно передвигаться среди людей, не опасаясь покушения, которое привычно терзало его даже в самом уединении и опочивальне, и не испытывая крайних подозрений, которые не покидали ни его жен, ни его дочерей^[1028].

После нескольких дней, посвященных такому общению и празднеству, Дионисий созвал общественное собрание, чтобы официально объявить о готовящейся войне. Он напомнил сиракузянам, что карфагеняне - общие враги для греков в целом, но больше всего для сицилийских греков, о чем слишком наглядно свидетельствуют недавние события. Он призвал их к великодушному сочувствию от имени пяти эллинских городов в южной части острова, которые недавно пережили страдания от захвата генералами Карфагена и все еще стонали под его игом. Ничто не мешало Карфагену (добавил он) попытаться распространить свое господство на остальную часть острова, кроме моровой язвы, от которой он сам страдал в Африке. Для сиракузян это должно было стать настоящим стимулом, чтобы немедленно напасть на нее и спасти своих эллинских братьев, пока она не успела оправиться^[1029].

Эти мотивы были действительно популярны и впечатляющи. Кроме того, существовало еще одно побуждение, которое побуждало Дионисия поторопиться с войной, хотя он, вероятно, не останавливался на нем в своем публичном обращении к сиракузянам. Он заметил, что различные сицилийские греки добровольно переселяются со своим имуществом на территорию Карфагена, чье господство, хотя и было ненавистным и деспотичным, но, по крайней мере, пока его не испытали, многие относились к нему с меньшим ужасом, чем к его владычеству, когда оно действительно страдало. Начав военные действия немедленно, он рассчитывал не только остановить такую эмиграцию, но и побудить тех греков, которые действительно были подданными Карфагена, сбросить его иго и присоединиться к нему^[1030].

Громкие возгласы сиракузского собрания приветствовали предложение о войне с Карфагеном; это предложение лишь претворило в реальность то, что уже давно было привычным ожиданием каждого человека. И война стала еще более популярной благодаря разрешению, которое Дионисий дал сразу же, грабить всех карфагенских жителей и торговое имущество как в Сиракузах, так и в любом из зависимых от них городов. Нам рассказывают, что в Сиракузах было не только несколько домицилированных карфагенян, но и много груженных судов, принадлежащих Карфагену, в гавани, так что грабеж был прибыльным.^[1031] Но хотя в обычное время такое могло быть, вряд ли можно поверить, что в реальных обстоятельствах какой-либо карфагенянин (человек или имущество) мог оказаться в Сиракузах только случайно; ведь война с Карфагеном уже давно была объявлена, и не

только в текущих разговорах, но и на более недвусмысленном языке всепоглощающей подготовки. Также нелегко понять, как благоразумный карфагенский сенат (который, вероятно, был снабжен шпионами в Сиракузах не меньше, чем Дионисий в Карфагене)[1032] мог быть настолько неосведомлен, чтобы в последний момент быть захваченным врасплох, когда Дионисий послал туда глашатая с официальным объявлением войны; этот глашатай был послан только после того, как разрешение на частный грабеж было выдано ранее. Он императивно потребовал от карфагенян отказаться от господства над греческими городами в Сицилии,[1033] как единственного средства избежать войны. На такое предложение ответа не последовало, да и, вероятно, не ожидалось. Но карфагеняне сейчас были настолько подавлены (как и Афины во второй или третий год Пелопоннесской войны) обезлюдением, страданиями, ужасами и унынием, вызванными мором, который настиг их в Африке, что чувствовали себя неспособными на какие-либо серьезные усилия и с тревогой выслушали письмо, зачитанное Дионисием. Однако выбора не было, и они немедленно отправили нескольких самых способных граждан собирать войска для защиты своих сицилийских владений[1034].

Первые новости, которые дошли до них, были поистине ужасающими. Дионисий выступил в поход со всей своей мощью, как сиракузской, так и иностранной, накопленной в результате столь длительной подготовки. Это была сила, подобной которой еще не было в Греции; она превосходила даже ту, которой обладал его предшественник Гелон за восемьдесят лет до этого. Если современники Гелона были поражены благоговением[1035] перед превосходством его силы над всем, что Эллада могла показать в других местах, то такое же или даже большее чувство испытывали те, кто окружал Дионисия. Еще более близким было подобное сравнение с могущественным победителем Гимеры для самого Дионисия. Он ликовал, отправляясь с еще более внушительной армией против того же врага и с той же целью - освободить приморские города Сицилии, подчиненные Карфагену;[1036] города, число и значение которых с тех пор страшно возросло.

Эти подвластные города, от Камарины на одной стороне острова до Селинуса и Гимеры на другой, хотя там и проживало некоторое количество карфагенян, не имели эффективных постоянных сил, которые могли бы занять или защитить их со стороны Карфагена; в его привычку входило набирать большие отряды наемников для особого случая, а затем распускать их после. Поэтому, как только Дионисий со своей мощной армией пересек сиракузскую границу и начал поход на запад вдоль южного побережья острова, провозгласив себя освободителем, сразу же начались самые интенсивные антикарфагенские выступления в Камарине, Геле, Агригентуме, Селинусе и Гимере. Эти греки не только подражали сиракузянам в разграблении имущества всех карфагенян, оказавшихся среди них, но и захватывали их людей и предавали их смерти со всеми видами унижений и пыток. Страшное возмездие за жестокости, недавно совершенные карфагенскими войсками при разграблении Селина, Агригентума и других завоеванных городов.[1037] Эллинская военная практика, сама по себе достаточно суровая, была усугублена беспощадным и изученным варварством, аналогичным тому, что изуродовало недавние действия Карфагена и его западных наемников. Эти "сицилийские вечерни", разразившиеся по всему югу Сицилии против карфагенян, превзошли даже памятную резню, известную под этим названием в XIII веке, когда анжуйских рыцарей и солдат действительно убивали, но не пытали. Диодор говорит нам, что карфагеняне извлекли из постигшего их возмездия урок терпения. Однако из их дальнейшего поведения не следует, что этот урок был усвоен; к несчастью, можно утверждать, что подобный обмен жестокостями с менее гуманными соседями способствовал снижению у сицилийских греков

той меры сравнительной терпимости, которая была характерна для эллинской расы в ее собственном доме.

Воодушевленные этой яростью мести, жители Камарины, Гелы, Агригентума и Селинуса присоединились к Дионисию в его походе вдоль побережья. Из своего богатого запаса недавно изготовленного оружия он смог снабдить их панцирями и оружием, поскольку, вероятно, как подданные Карфагена они были разоружены. Усиленный всеми этими подкреплениями, он собрал войско в восемьдесят тысяч человек, кроме того, более трех тысяч конницы; военных кораблей, сопровождавших его вдоль побережья, было около двухсот, а транспортов с запасами и таранными машинами - не менее пятисот. С этой огромной армией, самой мощной из всех до сих пор собранных под греческим командованием, он появился перед карфагенским поселением Мотиек, укрепленным морским портом в небольшой бухте к северу от мыса Лилибея[1038].

Из трех основных карфагенских поселений на Сицилии - Мотьки, Панормуса (Палермо) и Солоэиса - Мотька была одновременно ближайшей к материнскому городу,[1039] самой важной и самой преданной. Он располагался (как и первоначальные Сиракузы в Ортигии) на маленьком островке, отделенном от Сицилии узким проливом шириной около двух третей мили, который его жители перекинули через молы, чтобы образовать регулярную, хотя и узкую, пешеходную дорожку. Он был густонаселенным, богатым, процветающим и отличался совершенством как частных домов, так и укреплений. Почувствовав приближение Дионисия и не испугавшись капитуляции своих соседей и союзников, элимийцев в Эриксе, которые не осмелились противостоять столь мощной силе, мотиенцы привели себя в наилучшее состояние для обороны. Они разбили свой мол и снова изолировали себя от Сицилии, надеясь продержаться до тех пор, пока из Карфагена не придет помощь. Решив отомстить Мотику за страдания Агригентума и Селина, Дионисий вместе со своими главными инженерами обследовал это место. Стоит отметить, что это одна из самых ранних осад, зафиксированных в греческой истории, где мы читаем о том, что инженер, признанный профессионалом, был прямо и осознанно призван посоветовать наилучший способ действий[1040].

Составив свои планы, он оставил своего адмирала Лептинеса с частью армии, чтобы тот начал необходимые работы, а сам с остальными подверг опустошению соседние территории, зависимые от Карфагена или союзные с ним. Сиканийцы и другие покорились ему, но Анкирæ, Солоейс, Панорм, Эгеста и Энтелла устояли, хотя граждане были заключены в свои стены и вынуждены были наблюдать, не имея возможности предотвратить, разрушение своих земель.[1041] Вернувшись из этого похода, Дионисий с величайшим рвением и с помощью всех приспособлений, которые только могли придумать его инженеры, начал осаду Мотике. Пришвартовав свои транспорты вдоль берега и вытащив военные корабли на берег в гавани, он взялся за трудоемкую задачу засыпать пролив (вероятно, не очень глубокий), который отделял Мотику от главного острова,[1042] - или, по крайней мере, такую часть пролива, которая была достаточной для того, чтобы пройти через него с солдатами и таранными орудиями и подвести их вплотную к стенам города. Численность его войск позволила ему осуществить это предприятие, хотя и не без длительных усилий, в течение которых карфагеняне не раз пытались прервать его действия. Не имея флота, способного сразиться с осаждающими, карфагенский полководец Имилкон предпринял два последовательных маневра. Сначала он послал эскадру из десяти военных кораблей внезапно войти в гавань Сиракуз, надеясь, что отвлекающий маневр заставит Дионисия отвлечь часть своего флота от Мотиек. Хотя нападение, однако, было настолько успешным, что уничтожило много торговых судов в гавани, нападавшие были отбиты, не произведя

более серьезного впечатления и не создав отвлекающего маневра.[1043] Имилкон предпринял следующую попытку заставить врасплох вооруженные корабли Дионисия, когда они стояли на берегу в гавани возле Мотиек. Ночью он с сотней военных кораблей переправился из Карфагена к селинунтинскому побережью, обогнул мыс Лилибея и на рассвете появился у Мотики. Его появление застало всех врасплох. Он уничтожил или обратил в бегство корабли, стоявшие на страже, и вошел в гавань, подготовленную к нападению, в то время как на плаву оставалось лишь несколько сиракузских кораблей. Поскольку гавань была слишком тесной, чтобы Дионисий мог воспользоваться своим превосходством в количестве и размерах кораблей, большая часть его флота была бы уничтожена, если бы его не спасли многочисленные сухопутные войска и артиллерия на берегу. Снаряды, выпущенные из этой толпы, а также с палуб сиракузских кораблей, не позволили Имилкону продвинуться достаточно далеко, чтобы атаковать с толком. Особенно эффективным оказался недавно изобретенный двигатель под названием "катапульта", с которым карфагеняне еще не имели опыта; выбрасывая большие массы на большое расстояние, он приводил их в изумление и ужас. Пока их продвижение было задержано, Дионисий применил новый способ, чтобы выволить свой флот из дилеммы, в которую он попал. Его многочисленным солдатам было приказано перетащить корабли не в гавань, а на сушу, через ровный участок суши шириной более двух миль, который отделял гавань Мотиек от внешнего моря. Для прохода кораблей были уложены деревянные доски; и, несмотря на огромные размеры вновь построенных квадрирем и квинкверемов, сил и пыла армии хватило на эту утомительную работу - переправить восемьдесят кораблей за один день. Когда весь флот, вдвое превосходивший по численности карфагенский, был наконец спущен на воду, Имилкон не решился на битву, а сразу же вернулся в Африку[1044].

Хотя жители Мотии видели со стен скорбное зрелище отступления своих друзей, их мужество ничуть не уменьшилось. Они прекрасно понимали, что пощады им ждать не приходится; что всеобщая свирепость карфагенян в час победы и особенно жестокое обращение с греческими пленниками даже в самом Мотике теперь будут оплачены; и что их единственный шанс - это мужественное отчаяние. Дорога через пролив была наконец завершена, Дионисий привел в порядок свои двигатели и начал штурм. В то время как катапульты своими ракетами не давали защитникам показаться на крепостных стенах, тараны были подняты вверх, чтобы сотрясти или разрушить стены. В то же время были выкачены большие башни на колесах, в которых было шесть разных этажей, один над другим, а по высоте они равнялись домам. Против этих средств нападения осажденные со своей стороны возвышали над стенами высокие мачты с выступающими наружу верфями. На этих верфях стояли люди, защищенные от снарядов своего рода леерами и державшие в руках горящие факелы, смолу и другие горючие вещества, которые они обрушивали на машины нападавших. Многие машины загорелись в деревянных конструкциях, и не без труда огонь был потушен. Однако после долгого и упорного сопротивления стены были разрушены или взяты штурмом, и осаждающие бросились внутрь, считая, что город находится в их власти. Но неутомимая энергия осажденных уже привела дома позади в состояние обороны и забаррикадировала улицы, так что оставалось предпринять новый штурм, более трудный, чем первый. Башни на колесах подкатили поближе, но, вероятно, не смогли сразу подкатить к домам из-за руин разрушенной стены, которые мешали их подходу. Поэтому нападавшие были вынуждены набросить деревянные платформы или мосты от башен к домам и по ним идти на приступ. Но здесь они оказались в невыгодном положении и понесли серьезные потери. Мотиенцы, отчаянно сопротивляясь, не давали им твердо ступить на дома, многих из них убивали в рукопашном бою, а целые роты сбрасывали на землю, обрушивая или заваливая помосты. Несколько дней продолжался этот отчаянный бой. Осаждающие не продвинулись ни на шаг, а несчастные мотиенцы с каждым днем становились все более

изможденными, в то время как часть передовых домов также была низвергнута. Каждый вечер Дионисий отводил войска на ночной отдых, а наутро возобновлял штурм. Заставив врага ожидать, что ночь пройдет спокойно, он в одну роковую ночь застал его врасплох, отправив фурийца Архила с отборным отрядом атаковать передовые оборонительные сооружения. Этот отряд, установив лестницы и забравшись наверх по полуразрушенным домам, занял прочную позицию в городе, прежде чем удалось организовать помощь. Тщетно мотиенцы, слишком поздно обнаружившие эту хитрость, пытались выбить их. Главные силы Дионисия были быстро переброшены через искусственную земляную дорогу, чтобы подтвердить их успех, и город был взят, несмотря на самое доблестное сопротивление, которое продолжалось даже после того, как оно стало безнадежным[1045].

Победоносное войско, ворвавшееся в Мотику, разгневанное не только длительностью и упорством обороны, но и предшествующими зверствами карфагенян в Агригентуме и других местах, дало полную волю кровожадным порывам возмездия. Они резали без разбора мужчин и женщин, стариков и детей, не щадя никого. Улицы были усеяны убитыми, несмотря на все усилия Дионисия, который хотел сохранить пленных, чтобы продать их в рабство и таким образом получить выгодный доход. Но его приказ воздержаться от резни не был выполнен, и он не смог сделать ничего другого, кроме как предложить страдальцам укрыться в храмах, к чему большинство из них, вероятно, прибегло бы без приглашения. Удерживаемые от дальнейшей резни святыней храмов, победители перешли к грабежам. В их руки попало множество золота, серебра, драгоценных одеяний и других знаков роскоши, накопленных за долгий период активного процветания, и Дионисий позволил им полностью разграбить город в качестве компенсации за труды, понесенные во время осады. Кроме того, он раздал особое вознаграждение тем, кто отличился; сто мин получил Архилус, предводитель удачной ночной вылазки. Всех оставшихся в живых мотиенцев он продал в рабство; но для более жестокой участи он приберег Дайменеса и других греков, которые были взяты в плен. Этих греков он велел распять на крестах,[1046] пример финикийских наказаний, перенесенных на их эллинских соседей и врагов.

Осада Мотики заняла почти все лето, и теперь Дионисий вновь направил свою армию на родину. Он оставил в этом месте сикельский гарнизон под командованием сиракузянина Битона, а также большую часть своего флота, сто двадцать кораблей, под командованием своего брата Лептинеса, которому было поручено следить за прибытием любого войска из Карфагена и заняться осадой соседних городов Эгеста и Энтелла. Однако операции против этих двух городов не увенчались успехом. Жители храбро защищались, а эгестейцам даже удалось, благодаря хорошо спланированной ночной вылазке, сжечь вражеский лагерь со множеством лошадей и всевозможных запасов в палатках. Ни один из этих двух городов не был еще разрушен, когда весной Дионисий сам вернулся с основными силами из Сиракуз. Он привел к покорности жителей Халикии, но не совершил никаких других постоянных завоеваний, а также не опустошил соседние территории, зависящие от Карфагена[1047].

Вскоре ход войны изменился благодаря прибытию Имилькана из Карфагена. Получив главный пост в городе, он привел с собой огромную армию, собранную как из африканских подданных, так и из Иберии и Западного Средиземноморья. По скромной оценке Тимея, оно составляло сто тысяч человек, усиленных затем в Сицилии еще тридцатью тысячами, а по более обширным подсчетам Эфора - триста тысяч пеших, четыре тысячи конных, четыреста боевых колесниц, четыреста военных кораблей и шестьсот транспортов с запасами и двигателями. У Дионисия были свои шпионы в Карфагене,[1048] даже среди людей высокого ранга и политиков, чтобы сообщать ему обо всех движениях или государственных приказах. Но Имилкон, чтобы не знать точного места в Сицилии, где он намеревался высадиться, дал

лоцманам запечатанные инструкции, которые должны были быть открыты только тогда, когда они выйдут в море, указав Панорм (Палермо) как место встречи. [1049](#)] Транспорты направились прямо в этот порт, не приближаясь к суше в других местах; Имилкон же с военными кораблями подошел к гавани Мотиек и оттуда поплыл вдоль побережья к Панорму. Вероятно, он надеялся перехватить часть сиракузского флота. Но ничего путного из этого не вышло, а Лептину даже посчастливилось напасть с тридцатью триремами на передовые суда большого транспортного флота, направлявшегося в Панорм. Он уничтожил не менее пятидесяти из них с пятью тысячами человек и двумястами боевыми колесницами; но оставшийся флот благополучно достиг порта, и там к нему присоединился Имилкон с военными кораблями. Высадив сухопутные войска, карфагенский полководец повел их в Мотику, приказав своим военным кораблям сопровождать его вдоль побережья. По пути он вернул себе Эрикс, который в основе своей был карфагенским, лишь запугав Дионисия в течение предыдущего года. Затем он атаковал Мотику, которую вновь захватил, казалось бы, после очень слабого сопротивления. За несколько месяцев до этого он упорно сопротивлялся сиракузянам, находясь в руках собственных карфагенских жителей с их семьями и имуществом; но у сикельского гарнизона было гораздо меньше мотивов для стойкой обороны[\[1050\]](#).

Так Дионисий лишился завоевания, которое стоило ему столько крови и трудов в течение предыдущего лета. Мы с удивлением узнаем, что он не предпринял никаких усилий, чтобы предотвратить его возвращение, хотя сам был уже недалеко, осаждая Эгесту, - и хотя его солдаты, воодушевленные успехами предыдущего года, жаждали генерального сражения. Но Дионисий, посчитав эту меру слишком авантюрной, решил отступить в Сиракузы. Его провизия подходила к концу, а сам он находился на большом расстоянии от союзников, так что поражение было бы губительным. Поэтому он вернулся в Сиракузы, взяв с собой часть сиканийцев, которых он уговорил покинуть свое жилище в карфагенском районе, пообещав предоставить им лучший дом в другом месте. Большинство из них, однако, отказались от его предложений; некоторые (среди них халикитяне) предпочли возобновить свой союз с Карфагеном. Из недавних приобретений Дионисию теперь ничего не оставалось за пределами Селинунтина; но Гела, Камарина, Агригентум и Селин были освобождены от Карфагена и все еще находились в состоянии зависимого союза с ним; результат важный, но, похоже, очень недостаточный для огромных военных приготовлений, с помощью которых он был достигнут. Проявил ли он мудрое благоразумие, отказавшись воевать с карфагенянами, мы не располагаем достаточной информацией, чтобы определить. Но, судя по всему, его армия была недовольна этим, и это стало одной из причин восстания против него вскоре после этого в Сиракузах[\[1051\]](#).

Оставив таким образом хозяина страны, Имилкон, вместо того чтобы попытаться вновь завоевать Селину и Гимеру, которые, вероятно, обеднели в результате недавних несчастий, решил направить свое оружие против Мессены на северо-востоке острова; города еще свежего и нетронутые, мало подготовленного к нападению, стены которого не были в хорошем состоянии, и к тому же в настоящий момент еще более ослабленного отсутствием всадников в армии Дионисия.[\[1052\]](#) Таким образом, он двинулся вдоль северного побережья Сицилии, а его флот приплыл в том же направлении, чтобы сотрудничать с ним. Он заключил соглашения с Кефаледием и Термой, захватил остров Липара и в конце концов достиг мыса Пелорус, расположенного в нескольких милях от Мессены. Его стремительный марш и неожиданное прибытие повергли мессенцев в смятение. Многие из них, считая оборону невозможной против столь многочисленного войска, отослали свои семьи и ценное имущество в Региум или другие места. В целом, однако, возобладал дух большей уверенности, отчасти вызванный древним пророчеством, сохранившимся среди традиций

города и гласившим, что карфагеняне однажды проведут воду в Мессену. Толкователи утверждали, что "носить воду" означает, конечно, "быть рабом", и мессенцы, убедившись, что это предвещает Имилькону поражение, отправили отборные военные силы, чтобы встретить его у Пелора и воспротивиться его высадке. Карфагенский полководец, увидев эти войска на марше, приказал своему флоту войти в гавань города и атаковать его со стороны моря во время отсутствия защитников. Северный ветер так сильно препятствовал продвижению кораблей, что они вошли в гавань на полном ходу и обнаружили, что город с этой стороны почти не охраняется. Войска, вышедшие к Пелорусу, поспешили назад, но опоздали;^[1053] а сам Имилькон, продвигаясь по суше, ворвался в город по заброшенным частям стены. Мессенка была взята, и ее несчастное население, спасая свои жизни, бежало во все стороны. Некоторые нашли убежище в соседних городах; другие бежали на мессенские крепости, возведенные в качестве защиты от местных сикелов; около двухсот из них, находившихся вблизи гавани, бросились в море и взялись за трудную задачу - переплыть итальянский берег, что удалось пятидесяти из них^[1054].

Хотя Имилькон тщетно пытался взять штурмом некоторые из мессенских крепостей, которые были и сильно расположены, и галантно оборонялись, захват Мессены был событием и впечатляющим, и выгодным. Он лишил Дионисия важного союзника и уменьшил возможности получения помощи из Италии. Но больше всего оно удовлетворило антиэллинские настроения пунийского полководца и его армии, уравновесив взятие Мотьки в предыдущем году. Не взяв почти ни одного пленника, Имилькон не имел ничего, кроме бессознательного камня и дерева, на которых можно было бы выплеснуть свою антипатию. Он приказал полностью сжечь и разрушить город, стены и все постройки; эту задачу его многочисленное войско, как говорят, выполнило так эффективно, что остались лишь руины без следов человеческого жилья. Он получил поддержку и подкрепление от большинства сикелов^[1056] из внутренних районов, которые за год или два до этого были вынуждены подчиниться Дионисию, но ненавидели его владычество. Некоторым из этих сикелов сиракузский деспот выделил территорию покоренных наксийцев, с их городом, вероятно, без стен. Но, желая спастись от него, многие из них переселились на север от Накса - на холм Тавр, расположенный сразу за морем, который сикельское население небезосновательно считало местом, где первые греческие колонисты приплыли на остров. Их переселение поощрялось, умножалось и организовывалось под эгидой Имилькона, который убедил их построить на сильном выступе Тавра укрепленный пост, положивший начало городу, известному впоследствии как Тауромениум.^[1057] Магон был послан с карфагенским флотом для помощи в этом предприятии.

Тем временем Дионисий, сильно обеспокоенный взятием Мессены, приложил все усилия, чтобы поставить Сиракузы в эффективную позицию обороны на северной границе. Наксус и Катана оказались неукрепленными, и он был вынужден оставить их, а кампанцев, которых он поселил в Катане, убедил сменить место жительства на сильный город Этна, расположенный на склоне горы с таким названием. Своей главной позицией он сделал Леонтины, укрепив, насколько это было возможно, укрепления города, а также соседние крепости, где он накапливал запасы провизии с плодородных равнин вокруг. Он располагал тридцатью тысячами пеших и более чем тремя тысячами конных войск, а также флотом из ста восьмидесяти военных кораблей - трирем и других. В течение предыдущего года он собрал сухопутные и военно-морские силы, значительно превосходящие эти, даже для целей агрессии; как случилось, что теперь он не мог командовать больше, даже для обороны и дома, - или что стало с разницей, - нам не известно. Из ста восьмидесяти военных кораблей только шестьдесят были укомплектованы за счет чрезвычайных поступлений от освобождения рабов. Такие внезапные и серьезные изменения в количестве военных сил из

года в год наблюдаются как у карфагенян, так и у греков, - более того, на протяжении почти всей греческой истории; армии собирались главным образом по особым случаям, а затем распускались. Далее Дионисий отправил посланников в Спарту, прося подкрепления в виде тысячи наемников. Обеспечив таким образом наилучшую оборону территории, он двинулся вперед с основными сухопутными силами к Катане, имея флот, который также двигался в содружестве с ним, непосредственно у берега.

К этой же точке Катаны сейчас двигались карфагеняне, совершая поход на Сиракузы. Магону было поручено следовать вместе с флотом от Тавра (Тавромения) до Катаны, а Имилкон намеревался идти с сухопутными войсками по берегу, постоянно держась рядом с флотом для взаимной поддержки. Но его замысел был разрушен удивительной случайностью. Внезапное извержение произошло на Этне, так что поток лавы, хлынувший с горы в море, лишил его возможности идти вдоль берега к Катане и заставил сделать значительный круг со своей армией по суше со стороны горы. Хотя он и ускорил свой поход, насколько это было возможно, но в течение двух или более дней он был неизбежно отрезан от флота, который под командованием Магона плыл на юг к Катане. Воспользовавшись этим обстоятельством, Дионисий продвинулся за Катану вдоль берега, тянувшегося на север, чтобы встретить Магона на подходе и напасть на него отдельно. Карфагенский флот значительно превосходил его по численности и состоял всего из пятисот кораблей, часть из которых, однако, не была военными кораблями, а вооруженными торговцами, то есть оснащенными медными луками для удара по врагу и гребными веслами. Но, с другой стороны, Дионисий имел под рукой сухопутные войска, чтобы сотрудничать со своим флотом; преимущество, которое в древней морской войне имело большое значение, служа в случае поражения убежищем для кораблей, а в случае победы - перехватывая или сокращая пути отхода противника. Магон, встревоженный при виде греческих сухопутных войск, собранных на берегу, и греческого флота, гребущего к берегу, чтобы атаковать его, все же был вынужден нехотя принять бой. Лептинес, сиракузский адмирал, - хотя Дионисий приказал ему сосредоточить свои корабли как можно больше, ввиду меньшей численности, - атаковал смело и даже дерзко, выдвинувшись с тридцатью кораблями намного раньше остальных и находясь, очевидно, дальше в море, чем противник. Поначалу его храбрость оказалась успешной: он уничтожил или повредил самые головные корабли противника. Но их превосходящая численность вскоре сомкнулась вокруг него, и после отчаянной схватки, которая велась самым тесным образом, корабль за кораблем и рука за рукой, он был вынужден отступить и искать спасения в море. Его основной флот, подошедший в беспорядке и увидевший его поражение, также был разбит после упорной борьбы. Все они бежали по суше или по морю, как могли, под энергичным преследованием карфагенских кораблей; в конце концов, не менее ста сиракузских кораблей с двадцатью тысячами человек были захвачены или уничтожены. Многие из экипажей, плавая или держась на лонжеронах в воде, пытались выбраться на сушу, чтобы защитить своих товарищей. Но карфагенские суда, проплывая совсем близко от берега, убивали или топили этих несчастных, даже на глазах у друзей на берегу, которые не могли оказать им помощь. Близлежащая вода была усеяна как трупами, так и обломками разбитых кораблей. Карфагенянам, как победителям, удалось спасти многих своих моряков, которые либо находились на борту поврежденных кораблей, либо спасались вплавь. Однако их собственные потери тоже были тяжелыми, а победа, как оказалось, была куплена дорогой ценой.

Хотя сухопутные силы Дионисия не были задействованы, ужасное поражение его флота заставило его немедленно отдать приказ об отступлении сначала в Катану, а затем еще дальше в Сиракузы. Как только сиракузская армия эвакуировалась с прилегающего берега,

Магон отбуксировал все свои призы на сушу и вытащил их на берег; отчасти для ремонта, где это было возможно, отчасти как зримое доказательство величия триумфа, для поощрения своего собственного вооружения. В штормовую погоду он был вынужден вытащить на берег и свои корабли для безопасности, и оставался там несколько дней, освежая экипажи. Удержаться на море в такую погоду было бы практически невозможно, поэтому, если бы Дионисий, вместо того чтобы отступить, продолжал занимать берег со своими неослабными сухопутными силами, карфагенские корабли оказались бы в величайшей опасности; они были бы вынуждены либо противостоять буре, либо бежать назад на значительное расстояние к северу, либо высаживать десант против грозного врага, не имея возможности дожидаться прибытия Имилькана.^[1058] Последний, после не очень долгого перерыва, подошел, так что сухопутные силы и флот карфагенян теперь снова были в сотрудничестве. Дав своим войскам несколько дней отдохнуть и насладиться победой, он отправил посланцев в город Этну, приглашая кампанских наемников порвать с Дионисием и присоединиться к нему. Напомнив им, что их земляки в Энтелле живут в довольстве, будучи зависимыми от Карфагена (что они недавно подтвердили, сопротивляясь вторжению сиракузян), он обещал им присоединение территории и долю в военных трофеях, которые будут отвоеваны у греков, враждовавших с кампанцами не меньше, чем с карфагенянами.^[Кампанцы из Этны охотно согласились бы на его приглашение, но их удерживало от этого только то обстоятельство, что они отдали заложников сиракузскому деспоту, в армии которого служили их лучшие воины.]

Тем временем Дионисий, отправившись в Сиракузы, обнаружил, что его армия сильно недовольна. Отведенные с места боя без применения оружия, они не ожидали ничего лучшего, чем блокада Сиракуз, полная тягот и лишений. Поэтому многие из них протестовали против отступления, уговаривая Дионисия снова привести их к месту действия, чтобы они могли либо напасть на карфагенский флот во время высадки, либо вступить в бой с наступающим сухопутным войском под командованием Имилькана. Поначалу Дионисий согласился на такое изменение плана. Но вскоре ему напомнили, что, если он не поспешит вернуться в Сиракузы, Магон с победоносным флотом может приплыть туда, войти в гавань и овладеть городом, как это недавно удалось Имилькону в Мессене. Под влиянием этих опасений он повторил свой первоначальный приказ об отступлении, несмотря на горячий протест своих сицилийских союзников, которые были настолько разгневаны, что большинство из них сразу же покинули его. Какой из двух планов был более мудрым, мы не имеем достаточных средств, чтобы определить. Но обстоятельства, похоже, были не такими, как при взятии Мессены; ведь Магон не был в состоянии сразу двинуться вперед с флотом, отчасти из-за потерь в недавнем бою, отчасти из-за бурной погоды; и, возможно, его перехватили бы в самом акте высадки, если бы Дионисий быстро отошел к берегу. Насколько мы можем судить, похоже, что жалобы армии на поспешное отступление Дионисия имели под собой весьма правдоподобные основания. Тем не менее он упорствовал и достиг Сиракуз со своей армией, не только сильно обескураженной, но и сильно уменьшившейся из-за дезертирства союзников. Не теряя времени, он отправил посланников к италийским грекам и в Пелопоннес с достаточными средствами для найма солдат и настоятельными просьбами к Спарте и Коринфу.^{1060]} Поликсен, его шурин, нанятый для этой миссии, выполнил свой долг с таким усердием, что вернулся через сравнительно короткий промежуток времени с тридцатью двумя военными кораблями под командованием лакедемонянина Фаракида.^{1061]}

Тем временем Имилькон, достаточно освежив свои войска после морской победы у Катаны, двинулся вперед к Сиракузам как с флотом, так и с сухопутными войсками. Вступление его флота в Великую гавань было показным и внушительным; оно намного превосходило даже

второе афинское вооружение, когда Демосфен впервые продемонстрировал его блестящую, но недолговечную силу.^[1062] Первыми вошли двести восемь военных кораблей, выстроенных в лучшем порядке и украшенных трофеями с захваченных сиракузских судов. За ними следовали транспорты, пятьсот из которых везли солдат, а тысяча других - либо пустые, либо с магазинами и машинами. Общее число судов, как нам сообщают, достигло почти двух тысяч и покрывало большую часть Великой гавани.^{1063]} Многочисленные сухопутные войска выступили в поход примерно в то же время; Имилкон устроил свой штаб в храме Зевса Олимпийского, почти в полутора английских милях от города. Вскоре он выстроил свои силы в боевой порядок и подошел почти вплотную к городским стенам, а его военные корабли, разделившись на два флота по сто кораблей в каждом, показались перед двумя внутренними гаванями или доками (по обе стороны пролива между Ортигией и основной землей), где сиракузские корабли были надежно укрыты. Таким образом, он вызвал сиракузян на бой по обеим сторонам; но ни один из вызовов не был принят.

Укрепив таким вызовом уверенность своих войск, он сначала расселил их по сиракузской территории и позволил им в течение тридцати дней обогащаться неограниченным грабежом. Затем он приступил к созданию укрепленных пунктов, необходимых для продолжения блокады, которая, как он предвидел, будет утомительной. Помимо укрепления храма Зевса Олимпийского, он построил еще два форта: один на мысе Племмирий (у южного входа в гавань, прямо напротив Ортигии, где Никиас также возвел пост), другой - в Большой гавани, на полпути между Племмирием и храмом Зевса Олимпийского, в маленькой бухте под названием Даскон. Кроме того, он обнес весь свой лагерь возле упомянутого храма стеной, материалы для которой были частично получены от разрушения многочисленных гробниц вокруг, особенно одной гробницы, просторной и великолепной, посвященной Гелону и его жене Дамаретке. В этих различных укрепленных пунктах он мог хранить хлеб, вино и другие продукты, которые его транспорты доставляли из Африки и Сардинии для постоянного пропитания столь могущественного войска.

Похоже, что Имилкон сначала надеялся взять город штурмом; ведь он продвинул свою армию до самых стен Ахрадины (внешнего города). Он даже занял открытое предместье этого города, впоследствии отдельно укрепленное под названием Неаполис, где находились храмы Деметры и Персефоны, которые он лишил богатых сокровищ.^[1064] Но если такой был его план, он вскоре отказался от него и ограничился более медленным процессом сокращения города с помощью голода. Однако его успехи в этом деле были отнюдь не обнадеживающими. Мы должны помнить, что он не был, подобно Никиасу, хозяином центра Эпиполя; он мог протянуть правую руку на юг до Великой гавани, а левую - на север до моря у Трогила. Насколько мы можем судить, он никогда не поднимался на южный утес и не выходил на склон Эпиполя; хотя, похоже, в это время вдоль южного утеса еще не было стены, которую Дионисий недавно построил вдоль северного. Позиция Имилькана ограничивалась Великой гаванью и прилегающими к ней низменными землями к югу от утеса Эпиполя; таким образом, сообщение Сиракуз с окружающей страной оставалось частично открытым с двух сторон - на запад через Эвриалу у верхней оконечности Эпиполя и на север к Фапсу и Мегаре через Гексапилон, или главные ворота в новом укреплении, построенном Дионисием вдоль северного утеса Эпиполя. Теперь в полной мере ощущалась ценность этого недавнего укрепления, которое, защищая Сиракузы с севера и запада и охраняя ценную позицию Эвриала, существенно препятствовало операциям Имилькана. Таким образом, город был открыт, по крайней мере частично, с двух сторон, для получения припасов по суше. И даже по морю были найдены средства для доставки провизии. Хотя у Имилькана был настолько сильный флот, что сиракузяне не осмеливались вступать в сражение, ему было трудно вести постоянное наблюдение, чтобы исключить их корабли и обеспечить прибытие своих

собственных. Дионисий и Лептиний сами вышли из гавани с вооруженными эскадрами, чтобы ускорить и защитить приближение своих припасов; в то же время произошло несколько беспорядочных столкновений, как сухопутных, так и морских, которые оказались выгодными для сиракузян и значительно подняли их дух.

Особенно серьезное значение имел один морской конфликт, который произошел, пока Дионисий отсутствовал в своем походе. Заметив, что в Великую гавань вошел кукурузный корабль, принадлежащий флоту Имилькана, сиракузяне внезапно собрали пять военных кораблей, овладели им и притащили в свой собственный док. Чтобы предотвратить такой захват, карфагеняне со своей станции выслали сорок военных кораблей, на которые сиракузяне снарядили весь свой флот, обрушились на сорок кораблей с решительным превосходством в численности и полностью их разгромили. Они захватили корабль адмирала, повредили двадцать четыре других, а остальные преследовали до военноморской станции; перед ней они устроили шествие, вызывая противника на бой. Поскольку вызов не был принят, они вернулись в свой собственный док, с триумфом буксируя свои призы.

Эта морская победа ознаменовала и во многом способствовала тому повороту в судьбе осаждающих, который с каждым последующим днем все более ускорялся. Ее непосредственным результатом стало беспредельное ликование сиракузской публики. "Без Дионисия мы побеждаем наших врагов; под его командованием мы побеждены; зачем же еще больше подчиняться рабству под его началом?" Таков был взрыв возмущенных чувств, охвативших все группы и круги города; их усиливало сознание того, что все они теперь вооружены и способны вырвать свободу, - ведь Дионисий, когда осаждающий враг действительно появился перед городом, был вынужден, как меньшее из двух зол, добыть и раздать оружие, которое он ранее у них отнял. В разгар этого недовольства Дионисий сам вернулся из своего плавания. Чтобы успокоить царившие в стране нравы, он был вынужден созвать общественное собрание, на котором горячо восхвалял недавние подвиги сиракузян и призывал их к упорству, обещая, что быстро доведет войну до конца.

Возможно, что Дионисий на протяжении всего своего деспотизма иногда разрешал так называемые общественные собрания, но мы можем быть уверены, что если они и созывались, то лишь для проформы, и что никаких свободных дискуссий или оппозиции его воле никогда не допускалось. В данном случае он рассчитывал на пассивное согласие; произнеся речь, которая, несомненно, вызвала бурные аплодисменты его сторонников, он уже собирался распустить собрание, как неожиданно поднялся гражданин по имени Теодорус. Это был всадник или рыцарь, человек состоятельный и занимающий высокое положение в городе, обладающий высоким характером и известной храбростью. Набравшись смелости в силу времени и обстоятельств, он выступил вперед, чтобы публично провозгласить ту ненависть к Дионисию и стремление к свободе, которые многие его сограждане в округе высказывали в частном порядке и хорошо знали, что они чувствуют^[1065].

Диодор в своей истории приводит длинную речь Феодора (сочиненную им самим или скопированную у других, мы не можем сказать). Основные темы ее таковы, как мы и ожидали, и, вероятно, в целом подлинны. Это полный обзор и резкое осуждение прошлого поведения Дионисия, завершающееся призывом к сиракузянам освободиться от его власти. "Дионисий (утверждает оратор) - худший враг, чем карфагеняне, которые в случае победы довольствовались бы регулярной данью, оставляя нас наслаждаться нашим имуществом и

отцовской властью. Дионисий лишил нас и того, и другого. Он разграбил наши храмы, лишив их святынь. Он убивал или изгонял наших богатых граждан, а затем оптом захватывал их имущество, чтобы передать его своим сателлитам. Он отдавал жен этих изгнанников в жены своим варварским солдатам. Он освободил наших рабов и взял их к себе на содержание, чтобы держать в рабстве их хозяев. С помощью этих рабов, а также множества других наемников, он гарнизонировал против нас нашу собственную цитадель. Он предал смерти каждого гражданина, осмелившегося поднять голос в защиту законов и конституции. Он злоупотреблял нашим доверием - однажды, к несчастью, дошло до того, что его назначили генералом, - используя свои полномочия, чтобы подорвать нашу свободу и управлять нами в соответствии с собственной эгоистичной жадностью вместо справедливости. Он также лишил нас оружия; недавняя необходимость заставила его восстановить его, и теперь, если мы мужчины, мы будем использовать его для восстановления нашей собственной свободы"[1066].

"Если поведение Дионисия по отношению к Сиракузам было таким позорным, то оно было не лучше по отношению к сицилийским грекам в целом. Он предал Гелу и Камарину карфагенянам в своих собственных целях. Он допустил, чтобы Мессенка попала в их руки без малейшей помощи. Он обратил в рабство, путем грубого предательства, наших греческих братьев и соседей Накса и Катана; передал последних неэллинским кампанцам, а первых уничтожил. Он мог бы напасть на карфагенян сразу после их высадки из Африки в Панорме, пока они еще не оправились от усталости путешествия. Он мог бы провести недавнее морское сражение у порта Катана, а не у берега к северу от этого города, чтобы обеспечить нашему флоту, в случае поражения, легкое и уверенное отступление. Если бы он решил держать свои сухопутные силы на месте, он мог бы помешать победоносному карфагенскому флоту подойти к суше, когда вскоре после битвы начался шторм; или он мог бы атаковать их, если бы они попытались высадиться, с наибольшим преимуществом. В целом он вел войну с позорной некомпетентностью; не желая искренне избавиться от них как от врагов, но сохраняя ужасы Карфагена как косвенный двигатель для удержания Сиракуз в подчинении себе. Пока мы сражались с ним, мы постоянно терпели неудачи; теперь же, когда мы стали сражаться без него, недавний опыт подсказывает нам, что мы можем победить карфагенян, даже уступая им в численности".

"Давайте поищем другого вождя (заклучил Феодор) на место святотатца, грабителя храмов, которого боги теперь оставили. Если Дионисий согласится отказаться от своего господства, пусть он удалится из города со своим имуществом без охраны; если же нет, то мы здесь все в сборе, у нас есть оружие, на нашей стороне итальянские и пелопоннесские союзники. Собрание определит, изберет ли оно вождей из наших собственных граждан, - или из нашей метрополии Коринфа, - или из спартанцев, президентов всей Греции".

Таковы основные положения длинной речи, приписываемой Феодору; впервые за многие годы в Сиракузах публично прозвучал голос свободного слова. Среди обвинений, выдвинутых против Дионисия и направленных на обличение его методов ведения войны с карфагенянами, есть несколько, которые мы не можем ни признать, ни отвергнуть из-за недостаточного знания фактов. Но приписываемые ему в обращении с сиракузянами чудовищные деяния - обман, насилие, разорение и кровопролитие, с помощью которых он сначала приобрел, а потом поддерживал свое господство над ними, - это утверждения о

фактах, которые в основном совпадают с предыдущим рассказом Диодора и которые у нас нет оснований оспаривать.

Эта речь, встреченная собравшимися с большим сочувствием и одобрением, серьезно встревожила Дионисия. В своих заключительных словах Феодор призвал защиту Коринфа и Спарты против деспота, которого он с таким мужеством осмелился публично осудить. Коринфяне, как и спартанцы, под командованием Фаракида помогали в обороне. Этот спартанский офицер выступил следующим после Феодора. Среди прочих традиционных чувств уважения к Спарте все еще преобладали остатки веры в то, что она не терпит деспотов, как это действительно было когда-то, в более ранний период ее истории.^[1067] Поэтому сиракузяне надеялись и даже ожидали, что Фаракида поддержит протест Феодора и выступит в качестве защитника свободы первого греческого города на Сицилии.^[1068] Горькое разочарование постигло их. Дионисий установил с Фаракидом такие же дружеские отношения, как тридцать тиранов в Афинах с лакедемонским гармонистом Каллибием на акрополе.^[1069] Поэтому Фаракид в своей речи не только отверг только что сделанное предложение, но и решительно заявил о своей поддержке деспота, намекнув, что он послан помочь сиракузянам и Дионисию против карфагенян, а не для того, чтобы положить конец владычеству Дионисия. Для сиракузян это заявление было отказом от всякой надежды. Они ясно видели, что при любой попытке освободиться против них выступят не только наемники Дионисия, но и вся сила Спарты, тогдашней императорской и всемогущей; в данном случае ее представлял Фаракид, как и в прошлом году - Арист. Они были приговорены молча нести свои цепи, не переставая при этом произносить неустанные проклятия в адрес Спарты. Тем временем Дионисий, получив мощную поддержку, смог преодолеть опасный и критический переломный момент. Его наемники поспешно собрались вокруг его персоны - вероятно, их послали за ним, как только раздался голос свободного представителя.^{1070]} И таким образом он смог распустить собрание, которое, казалось, на одно короткое мгновение угрожало вечности его владычества и обещало освобождение Сиракузам.

Во время этой интересной и судьбоносной сцены судьба Сиракуз зависела от решения Фаракида, так как Теодорус, прекрасно понимая, что при наличии осаждающего врага перед воротами город не может остаться без верховной власти, призвал спартанского полководца с его лакедемонскими и коринфскими союзниками взять в свои руки управление и организацию народных сил. Можно не сомневаться, что Фаракид мог бы это сделать, будь у него такая возможность, чтобы одновременно и выступить против карфагенян снаружи, и сдержать, если не сломить, деспотизм внутри. Вместо того чтобы предпринять опекуновское вмешательство, о котором просил народ, он бросился на противоположную чашу весов и еще больше укрепил Дионисия в самый опасный для него момент. Действия Фаракида, несомненно, соответствовали его указаниям из дома, а также деспотичной и сокрушительной политике, которую Спарта в эти дни своей непокоренной империи (между победой при Эгоспотамах и поражением Книда) проводила во всем греческом мире.

Дионисий в полной мере осознавал опасность, которой ему помогли избежать. Под первым впечатлением от тревоги он попытался завоевать нечто похожее на популярность: примирительным языком и поведением, ловко распределенными подарками и приглашениями к своему столу. Но каков бы ни был успех этих ухищрений, удачный поворот, который приняла осада, был самым мощным из всех средств, помогавших ему вновь обрести полную силу.

Не оружие сиракузян, а гнев Деметры и Персефоны, чей храм (в пригороде Ахрадины) разграбил Имилкон, погубил осаждающую армию перед Сиракузами. Так благочестивые горожане истолковали тот страшный мор, который теперь начал свирепствовать среди множества их врагов. Божественный гнев действительно был подкреплён (как сообщает нам историк^[1071]) физическими причинами, не отличавшимися особой суровостью. Огромные массы войска были тесно сгрудились вместе; наступило начало осени, самого нездорового периода года; кроме того, лето выдалось необычайно жарким, и низкая болотистая местность вблизи Великой гавани, где утренняя прохлада контрастировала с палящим солнцем полудня, была постоянным источником лихорадки и моровой язвы. Эти невидимые и неодолимые враги с ужасающей силой обрушились на войска Имилькона; особенно на ливийцев, или коренных африканцев, которые оказались наиболее восприимчивыми. Интенсивные и разнообразные телесные страдания от этой болезни, быстрота, с которой она распространялась от человека к человеку, и бесчисленные жертвы, которые она быстро собрала, похоже, сравнялись, если не превзошли, худшие дни афинского мора в 429 году до н.э. Уход за больными и даже погребение мертвых стали невозможными, так что весь лагерь представлял собой сцену плачевной агонии, усугубляемой ужасами и зловонием от ста пятидесяти тысяч непогребённых тел.^[1072] Военная мощь карфагенян была полностью подорвана таким визитом. Не имея возможности продвигаться в осаде, они не могли даже защищаться от умеренной энергии сиракузян, которые (подобно пелопоннесцам во время великой афинской чумы) сами не были затронуты болезнью^[1073].

Таково было жалкое зрелище карфагенской армии, хорошо видимой со стен Сиракуз. Разгромить ее энергичной атакой было делом нетрудным; более того, по мнению Дионисия, настолько верным, что, разрабатывая план операции, он сделал ее средством намеренного избавления от некоторых войск в городе, которые стали ему неудобны. Согласовывая меры для одновременного нападения на карфагенскую станцию как с моря, так и с суши, он поручил восемьдесят военных кораблей Фаракиду и Лептину с приказом выступить на рассвете, а сам вывел из города часть войск в ночной темноте; Выйдя к Эпиполю и Эвриалу (как это делал Гилипп, когда удивлял Племмирий^[1074]), он обошел их кругом, пока не подошел по другую сторону Анапа к храму Киана; таким образом, он оказался на стороне суши или к юго-западу от карфагенской позиции. Сначала он отправил своих всадников вместе с полком из тысячи наемных пехотинцев, чтобы начать атаку. Эти войска стали особенно неприятны ему, так как несколько раз участвовали в мятежах и беспорядках. Поэтому, приказав им идти на штурм вместе с конницей, он в то же время дал тайные указания конникам, чтобы они бросили своих товарищей и обратились в бегство. Оба его приказа были выполнены. Наступление было предпринято совместно, но в пылу боя всадники бежали, оставив своих товарищей на растерзание карфагенянам.^[1075] Мы еще ничего не слышали о трудностях, возникших Дионисия из-за его наемных войск, на оружии которых держалось его владычество; а того, что нам здесь рассказывают, достаточно, чтобы возбудить любопытство, но не удовлетворить его. Эти люди, как говорят, были мятежными и недовольными; факт, который объясняет, если не оправдывает, грубое вероломство Дионисия, намеренно подбивавшего их на гибель, в то время как он все еще утверждал, что держит их под своим командованием.

В том состоянии, в котором находилась карфагенская армия, Дионисий мог позволить себе подарить им это неприятное подразделение. Его собственная атака, сначала на форт Полихна, а затем на форт у военно-морской станции в Дасконе, была проведена с духом и успехом. Пока защитники, поредевшие и ослабленные мором, пытались отразить его на суше, сиракузский флот вышел из своих доков в отличном настроении и порядке, чтобы атаковать корабли на станции. Эти карфагенские корабли, хотя и были на плаву и

пришвартованы, были очень плохо укомплектованы. Не успели команды подняться на борт, чтобы поставить их на защиту, как сиракузские триремы и квинкверемы, умело гребя и хорошо направляя свои наглые клювы, налетели на них с четверти или середины и пробили линию их бревен. Треск от таких ударов был слышен издалека, и лучшие корабли были быстро выведены из строя.^[1076] После успеха сиракузяне вскакивали на борт, перебивали команды или заставляли их искать безопасности в бегстве. Растерянные карфагеняне оказались под давлением одновременно с моря и с суши, и воины Дионисия с сухопутной стороны пробились через укрепление к берегу, где были запряжены сорок пентеконтеров, а рядом с ними пришвартованы купеческие суда и триремы. Нападавшие подожгли пентеконтеры, от чего пламя, быстро распространяясь под сильным ветром, охватило все соседние купеческие суда и триремы. Не в силах остановить это страшное пламя, экипажи были вынуждены прыгать за борт, а суда, оторванные от швартовов в результате поджога тросов, дрейфовали друг против друга под ветром, пока военно-морская станция в Дасконе не превратилась в одну сплошную сцену разрушения.

Такой объем пламени, хотя и уничтожил военно-морские ресурсы карфагенян, должен был в то же время отогнать нападавшие сиракузские военные корабли, а также, вероятно, и сухопутных агрессоров. Но для тех, кто наблюдал за этим из города Сиракузы, через всю ширину Великой гавани, это зрелище было грандиозным и в высшей степени стимулирующим; особенно когда огонь был виден возвышающимся над мачтами, верфями и парусами торговых судов. Стены города были переполнены зрителями, женщинами, детьми и стариками, которые выражали свое ликование громкими криками и воздевали руки к небу, как в тот памятный день, около двадцати лет назад, когда они одержали окончательную победу в той же гавани над афинским флотом. Многие юноши и старцы, слишком возбужденные, чтобы оставаться в неподвижности, бросились в маленькие суденышки, какие только смогли найти, и поплыли через гавань к месту действия, где оказали большую услугу, сохранив часть грузов и отбуксировав некоторые из вражеских судов, покинутых, но еще не подожженных. Вечером этого памятного дня Дионисий и сиракузяне, одержавшие победу как на суше, так и на море, расположились лагерем возле храма Зевса Олимпийского, который совсем недавно занимал Имилкон. Хотя им удалось сломить оборону последнего в Полихне и Дасконе и нанести ему сокрушительное поражение, они не стали стремиться занять его лагерь, находящийся в зараженном и плачевном состоянии.

В двух случаях за последние несколько лет мы видели, как карфагенские армии были уничтожены мором - под Агригентумом и под Гелой, - что предшествовало этому последнему и самому страшному бедствию. Имилкон, скорее копируя слабость Никиаса, чем решительное благоразумие Демосфена, цеплялся за свой мрачный лагерь у Великой гавани, долгое время после того, как исчезла всякая надежда на снижение Сиракуз, и в то время как вокруг него ежедневно накапливались страдания и смерть в самых ужасных масштабах. Но недавнее поражение убедило даже его в том, что его позиция больше не выдерживает критики. Отступление было необходимо, но ни в коем случае не неосуществимо, - с храбрыми людьми, иберийцами и другими, в его армии, и с сикелами внутренних районов на его стороне, - если бы он обладал хорошими качествами, а также недостатками Никиаса, или был способен на что-то подобное той непобедимой энергии, которая облагораживала последние дни последнего. Вместо того чтобы принять наилучшие меры для отступления, Имилкон отправил к Дионисию тайного посланника, неизвестного сиракузянам, предложив ему сумму в триста талантов, которая еще оставалась в лагере, при условии, что флоту и армии будет позволено отплыть в Африку без помех. Дионисий не согласился, да и сиракузяне не подтвердили бы такого согласия, чтобы позволить им всем бежать; но он согласился разрешить отплыть самому Имилкону с коренными карфагенянами. Ночью в

Ортигию была отправлена сумма в триста талантов, а четвертая ночь была назначена для отплытия Имилькаона и его карфагенян без сопротивления со стороны Дионисия. В эту ночь сорок их кораблей, наполненных карфагенянами, вышли в море и молча отплыли из гавани. Однако их незаметное бегство не осталось незамеченным коринфскими моряками в Сиракузах; они не только сообщили об этом Дионисию, но и снарядили несколько своих кораблей и пустились в погоню. Они догнали и уничтожили одного или двух самых медлительных моряков, но все остальные вместе с самим Имильконом бежали в Карфаген.

Дионисий - хотя он и послушался предупреждения коринфян, но движения его были намеренно запоздалыми и безрезультатными, - с искренней активностью принялся действовать против оставшейся в живых покинутой армии. В ту же ночь он вывел свои войска из города в окрестности их лагеря. Бегство Имилькаона, о котором быстро стало известно, привело всю армию в изумление и смятение. Ни командования, ни общего дела, ни единства - теперь не осталось среди этого разношерстного войска, и без того измученного предыдущими несчастьями. Сикелы в армии, находясь недалеко от своей территории и зная дороги, сразу же, еще до рассвета, отступили и добрались до своих домов. Едва они успели пройти, как сиракузские солдаты заняли дороги и преградили путь другим. Среди общего разброда оставленных солдат одни погибли в тщетных попытках форсировать проходы, другие сложили оружие и просили пощады. Только иберийцы, сохранив оружие и порядок с непоколебимой решимостью, послали Дионисию предложения перейти к нему на службу, которые он счел нужным принять, зачислив их в число своих наемников. Все остальные воины, в основном ливийцы, были раздеты и разграблены его солдатами, стали его пленниками и, вероятно, были проданы в рабство^[1077].

Героические усилия Никиаса, пытавшегося открыть своей армии путь к отступлению перед лицом отчаянных препятствий, закончились быстрой смертью в плену в Сиракузах, но без ничего худшего, чем обычная судьба военнопленных. Но подлая измена Имилькаона, хотя он и обеспечил себе безопасное отступление домой, предав большую часть своей армии, принесла ему лишь короткое продление жизни среди крайнего бесчестия и раскаяния. Когда он высадился в Карфагене с сохранившейся частью своей армии, город находился в глубочайшем бедствии. Бесчисленные семейные потери, нанесенные мором, еще больше усугубили беспримерные общественные потери и унижения, о которых теперь стало известно в полной мере. Воцарился всеобщий траур; все государственные и частные дела были приостановлены, все храмы закрыты, а власти и горожане встречали Имилькаона на берегу в печальной процессии. Поверженный полководец старался унять их гнев, всячески демонстрируя сломленный и подавленный дух. Одетый в жалкую одежду раба, он признал себя виновником всех бед, проявив нечестивость по отношению к богам, ведь именно они, а не сиракузяне, были его настоящими врагами и победителями. Он посетил все храмы со словами искупления и мольбы, ответил на все расспросы о родственниках, погибших от болезни, а затем, удалившись, запер двери своего дома, где и уморил себя голодом.

Но сезон несчастий для Карфагена не был закрыт его смертью. Ее владычество над ливийскими подданными всегда было суровым и непопулярным, что делало их готовыми восстать против нее в любой момент бедствия. Недавняя катастрофа в Сицилии сама по себе, возможно, была бы достаточным стимулом для восстания; но ее последствия усугублялись негодованием по поводу преднамеренного предательства их войск, служивших под командованием Имилькаона, ни один из которых не дожил до возвращения. По этому поводу у всех ливийских городов было одно общее чувство негодования; все они собрались на конгресс, договорились объединить свои силы и сформировали армию, численность которой, как говорят, достигала ста двадцати тысяч человек. Они основали свой штаб в

Тунесе (Тунисе), городе, расположенном на небольшом расстоянии от самого Карфагена, и в течение некоторого времени были настолько сильнее в поле, что карфагеняне были вынуждены оставаться в своих стенах. На мгновение показалось, что звезда этого великого торгового города вот-вот зажжется навсегда. Сами карфагеняне пребывали в глубоком унынии, считая, что находятся под гнетом богини Деметры и ее дочери Персефоны, которые, не довольствуясь страшной мезтью, уже совершенной в Сицилии за святотатство, совершенное Имильконом, все еще преследовали их в Африке. В условиях крайнего религиозного ужаса, охватившего город, все средства были направлены на то, чтобы умиротворить оскорбленных богинь. Если бы предполагалось, что оскорблены карфагенские боги, то в качестве искупления были бы принесены человеческие жертвы, причем самые ценные, например, прекрасные пленницы или дети выдающихся граждан. Но в данном случае оскорбление было нанесено греческим богам, и искупление должно было быть совершено в соответствии с более мягкими церемониями Греции. Карфагеняне еще никогда не устанавливали в своем городе поклонения Деметре или Персефоне; теперь они основали храмы в честь этих богинь, назначили жрецами нескольких самых выдающихся граждан и посоветовались с греками, живущими среди них, о том, какую форму поклонения лучше всего выбрать. Сделав это и очистив свою совесть, они посвятили себя подготовке кораблей и людей для ведения войны. Вскоре выяснилось, что Деметра и Персефона не были непримиримы и что удача Карфагена возвращается. Повстанцы, хотя поначалу и были непреодолимы, но затем впали в разногласия между собой по поводу командования. Не имея флота, они стали испытывать недостаток в провизии, в то время как Карфаген хорошо снабжался по морю из Сардинии. По этим и подобным причинам их многочисленное войско постепенно таяло и избавляло карфагенян от тревоги в том месте, где они всегда были слабее всего. Отношения командования и подчинения между Карфагеном и его ливийскими подданными установились в прежнем виде, оставив его медленно оправляться от катастрофических поражений[1078].

Но хотя власть Карфагена в Африке была таким образом восстановлена, в Сицилии она была сведена к самому низкому уровню. Прошло много времени, прежде чем она снова смогла эффективно бороться с Дионисием, который был оставлен на свободе, чтобы продвигать свои завоевания в другом направлении, против италийских греков. Об остальных операциях его правления - успешных против италийцев и неудачных против Карфагена - я расскажу в следующей главе и таме.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Он носит оба названия; Ксенофонт чаще говорит о ἡ εἰρήνη, а Исократ - о αἱ συνθήκαι.

Хотя мы говорим: мир Анталкида, греческие авторы говорят ἡ ἐπ' Ἀνταλκίδου εἰρήνη; я не замечаю, чтобы они когда-либо выражали это с родительным падежом Ἀνταλκίδου просто, без предлога.

[2] Плутарх, Артаксеркс, с. 22 (ср. Плутарх, Агесилай, с. 23; и его Apophtheg. Lacon. p. 213 B). Ὁ μὲν γὰρ Ἀγησίλαος, πρὸς τὸν εἰπόντα-Φεῦ τῆς Ἑλλάδος, ὅπου μηδίζουσιν ἡμῖν οἱ Λάκωνες!... Μᾶλλον, εἶπεν, οἱ Μῆδοι λακωνίζουσι.

[3] Xen. Hellen. iv, 8, 14.

[4] Восстановление этих трех островов составляет основу исторической правды в утверждении Исократа, что лакедемоняне были так покорены поражением Книда, что пришли и просили морскую империю у Афин - (ἐλθεῖν τὴν ἀρχὴν δώσοντας) Orat. vii, (Areopagit.) s. 74; Or. ix, (Evagor.) s. 83. Но это утверждение справедливо в отношении более позднего времени, поскольку лакедемоняне действительно сделали это предложение Афинам после того, как были ослаблены и унижены в битве при Лейктре, но не раньше (Xenoph. Hellen. vii. 1, 3).

[5] Диодор. xiv, 111.

[6] Ксен. Hellen. v, 1, 30, 31. Ὡστ' ἐπεὶ παρήγγειλεν ὁ Τιρίβαζος παρεῖναι τοὺς βουλομένους ὑπακοῦσαι, ἦν βασιλεὺς εἰρήνην καταπέμποι, ταχέως πάντες παρεγένοντο. Ἐπεὶ δὲ ξυνήλθον, ἐπιδείξας ὁ Τιρίβαζος τὰ βασιλέως σημεῖα, ἀνεγίνωσκε τὰ γεγραμμένα, εἶχε δὲ ὧδε-.

Ἀρταξέρξης βασιλεὺς νομίζει δίκαιον, τὰς μὲν ἐν τῇ Ἀσίᾳ πόλεις ἑαυτοῦ εἶναι, καὶ τῶν νήσων Κλαζομένας καὶ Κύπρον- τὰς δὲ ἄλλας Ἑλληνίδας πόλεις καὶ μικρὰς καὶ μεγάλας, αὐτονόμους εἶναι, πλὴν Λήμνου, καὶ Ἰμβρου καὶ Σκύρου, ταύτας δὲ, ὥσπερ τὸ ἀρχαῖον, εἶναι Ἀθηναίων. Ὅπότεροι δὲ ταύτην τὴν εἰρήνην μὴ δέχονται, τοῦτοις ἐγὼ πολεμήσω, μετὰ τῶν ταῦτα βουλομένων, καὶ πέζῃ καὶ κατὰ θάλασσαν, καὶ ναυσὶ καὶ χρήμασιν.

[7] Isokrates, Or. iv, (Panegy.) s. 211. Καὶ ταύτας ἡμᾶς ἠνάγκασεν (персидский царь) ἐν στήλαις λιθίναις ἀναγράψαντας ἐν τοῖς κοινοῖς τῶν ἱερῶν ἀναθεῖναι, πολὺ κάλλιον τρόπαιον τῶν ἐν ταῖς μάχαις γιγνομένων.

Панегирик Исократа (Oratio Panegyrica) (опубликованный около 380 г. до н. э., через семь лет после этого), из которого я здесь делаю копию, является лучшим свидетельством чувств, с которыми умный и патриотичный грек смотрел на этот договор в то время; когда он был еще недавно, но когда было достаточно времени, чтобы увидеть, как лакедемоняне выполняют его. Другие его оратории, хотя и ценные и поучительные, были опубликованы позже и отражают чувства более позднего времени.

Другой современник, Платон в своем "Менексене" (с. 17, р. 245 D), сурово клеймит "низкий и нечестивый поступок (αἰσχρὸν καὶ ἀνόσιον ἔργον) отдачи греков чужеземцу" и утверждает, что афиняне решительно отказались санкционировать его. Это является достаточным свидетельством его мнения относительно мира Анталкида.

[8] Исократ. Or. iv, (Panegy.) s. 207. Ἀ χρῆν ἀναιρεῖν, καὶ μηδεμίαν ἑᾶν ἡμέραν, νομίζοντες, προστάγματα καὶ οὐ συνθήκας εἶναι, etc. (s. 213). Αἰσχρὸν ἡμᾶς ὅλης τῆς Ἑλλάδος ὑβριζομένης, μηδεμίαν ποιήσασθαι κοινὴν τιμωρίαν и др.

Слово προστάγματα точно соответствует выражению Ксенофонта (вложенному в уста афинского посланника в Спарте Автокла), по поводу заключения Артаксерксом Анталкидова мира -Καὶ ὅτε μὲν Βασιλεὺς προσέταττεν αὐτονόμους τὰς πόλεις εἶναι и др. (Xen. Hellen. vi, 3, 9).

[9] Исократ. Or. iv, (Panegy.) s. 205. Καίτοι πῶς οὐ χρὴ διαλύειν ταύτας τὰς ὁμολογίας, ἐξ ὧν τοιαύτη δόξα γέγονεν, ὥστε ὁ μὲν Βάρβαρος κήδετα τῆς Ἑλλάδος καὶ φύλαξ τῆς εἰρήνης ἐστίν, ἡμῶν δὲ τινές εἰσιν οἱ λυμαινόμενοι καὶ κακῶς ποιοῦντες αὐτήν;

Слово, использованное Фотием в его реферате о Теопомпе (является ли оно выражением самого Теопомпа, мы не можем быть уверены - см. Fragm. 111, ed. Didot), для обозначения позиции, занятой Артаксерксом в отношении этого мира, -τὴν εἰρήνην ἣν τοῖς Ἕλλησιν

ἐβράβευσεν - что подразумевает императивное решение официального судьи, аналогично другому отрывку (139) из Panegy. Orat. of Isokrates-Nŭn δ' ἐκεῖνός (Artaxerxes) ἐστίν, ὁ διοικῶν τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ μόνον οὐκ ἐπιστάθμους ἐν ταῖς πόλεσι καθιστάς. Πλὴν γὰρ τούτου τί τῶν ἄλλων ὑπόλοιπόν ἐστιν; Οὐ καὶ τοῦ πολέμου κύριος ἐγένετο, καὶ τὴν εἰρήνην ἐπρυτάνευσεν, καὶ τῶν παρόντων πραγμάτων ἐπιστάτης καθέστηκεν;

[10] Herodot. vi, 49. κατηγορεῖν Αἰγινήτων τὰ πεποιήκοιεν, προδόντες τὴν Ἑλλάδα.

[11] Исократ, Orat. xii, (Panathen.) s. 112-114.

Плутарх (Agesil., с. 23; Artaxerxes, с. 21, 22) выражает свое горькое и заслуженное негодование по поводу этого мира, - "если действительно (говорит он) мы можем назвать это бесчестье и предательство Греции именем *мира*, который принес с собой столько же позора, сколько самая разрушительная война". Спарта (говорит он) потеряла главенство в результате поражения при Лейктре, но ее честь была потеряна еще раньше, в результате соглашения Анталкидов.

Однако Плутарх напрасно пытается оправдать Агесилая от участия в заключении мира. Из рассказа (в "Эллинике" Ксенофонта, т. i, 33) о его поведении во время принесения клятвы мы видим, что он поддерживал ее самым горячим образом. Ксенофонт (в "Энокмии Агесилая", vii, 7) ставит Агесилаю в заслугу то, что он был *μισοπέρης*, что было верно с 396 по 394 год до н. э. Но в 387 г. до н. э., во время Анталкидова мира, он стал *μισοθηβαῖος*; его ненависть к Персии сменилась ненавистью к Фивам.

См. также энергичный отрывок Юстина (viii, 4), осуждающий позорное положение греческих городов в более позднее время, когда они призвали Филиппа Македонского в качестве арбитра; отрывок, не менее применимый к миру Анталкида; и, возможно, заимствованный у Феопомпа.

[12] Сравните язык, на котором ионийцы, восставшие от персидского царя Дария около 500 г. до н. э., просили помощи у Спарты (Herodot. v, 49). Τὰ κατήκοντα γάρ ἐστι ταῦτα- Ἰώνων παῖδας δούλους εἶναι ἀντ' ἐλευθέρων-ὄνειδος καὶ ἄλγος μέγιστον μὲν αὐτοῖσι ἡμῖν, ἔτι δὲ τῶν λοιπῶν ὑμῖν, ὅσῳ προεστέατε τῇς Ἑλλάδος.

Как разителен контраст между этими словами и миром Анталкиды! И каковы были бы чувства самого Геродота, если бы он мог услышать о последнем событии!

[13] Thucyd. i, 82. Κὰν τοῦτω καὶ τὰ ἡμέτερα αὐτῶν ἐξαρτύεσθαι συμμάχων τε προσαγωγῇ καὶ Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων, εἴ ποθέν τινα ἢ ναυτικοῦ ἢ χρημάτων δύναμιν προσληψόμεθα, (ἀνεπίφθονον δὲ, ὅσοι ὥσπερ καὶ ἡμεῖς ὑπ' Ἀθηναίων ἐπιβουλεύόμεθα, μὴ Ἑλληνας μόνον ἀλλὰ καὶ βαρβάρους προσλαβόντας διασωθῆναι), и т. д. Сравните также Платон, Менексен, с. 14, р. 243 В.

[14] Thucyd. ii, 7, 67; iv, 50.

[15] См. т. IX, гл. LXXV, с. 360.

Сравните выражения Демосфена (cont. Aristokrat. с. 33, р. 666), свидетельствующие о распространенном среди афинян его времени негодовании по поводу этой сдачи азиатских греков Спартой, и его орацию De Rhodior. Libertate, с. 13, р. 199, где он противопоставляет Каллийский мир, заключенный Афинами с Персией в 449 г. до н. э., миру Анталкидскому, заключенному под эгидой Спарты.

[16] Об этом ярко говорит Исократ, Or. xii, (Panathen.) s. 167-173. Однако в этом отрывке он распределяет вину между Спартой и Афинами слишком равномерно, тогда как вина первой принадлежит по праву, причем в гораздо большей пропорции. Спарта не только начала практику обращения к Великому Царю и призыва его помощи путем позорных уступок, но и довела ее, во время Анталкидского мира, до крайней степени эгоизма и раболепия. Афины тоже следуют дурному примеру своей соперницы, но в меньшей степени и под большим предлогом необходимости.

Исократ говорит в другом месте этого рассуждения, касаясь различных поступков, совершаемых в ущерб общим интересам Эллады - ἐπιδεικτέον τοὺς μὲν ἡμετέρους ὀψιμαθεῖς αὐτῶν γεγενημένους, Λακεδαιμονίους δὲ τὰ μὲν πρώτους, τὰ δὲ μόνους, ἐξαμαρτόντας (Panath. s. 103). Что гораздо ближе к истине, чем упомянутый ранее отрывок.

[17] Корнелий Непос, Conon. с. 5.

[18] Изок. Or. iv, (Panegy.) s. 145. Καὶ τῷ βαρβάρῳ τῷ τῆς Ἀσίας κρατοῦντι συμπράττουσι (лакедемоняне) ὅπως ὡς μεγίστην ἀρχὴν ἔξουσιν.

[19] Xen. Hellen. v, 2, 35.

[20] Xen. Hellen. vii, 1, 33-39.

[21] Herodot. viii, 143.

Объяснения, которые афиняне дают спартанским посланникам, о причинах и чувствах, продиктовавших их ответ об отказе Александру (viii, 144), не менее впечатляющи, чем сам ответ.

Но тот, кто должным образом прочувствует и оценит измену спартанцев, добивавшихся согласия Анталкида, должен прочесть в противовес ей ту речь, с которой их посланцы обращаются к афинянам, чтобы побудить последних противостоять искушениям Мардония (viii, 142).

[22] В шестой оратории (называемой Архидамом) Исократ решительно излагает великодушные чувства и всеобъемлющие принципы, на которых Спарта должна строить свое общественное поведение, - совершенно отличные от простых соображений благоразумия и безопасности, которые подходят для таких скромных государств, как Коринф, Эпидавр или Флий (Archidamus, s. 105, 106, 110).

Противопоставьте эти возвышенные притязания бесчестным реалиям конвенции Анталкидов, - не навязанной Спарте превосходящей силой, но как первоначально выпрошенной, так и окончательно навязанной ей в ее собственных политических целях.

Сравните также Исократ, Or. xii. (Panathen.) s. 169-172, о раздоре ведущих греческих государств и его пагубных последствиях.

[23] Xen. Hellen. v, 1, 36.

Ἐν δὲ τῷ πολέμῳ μᾶλλον ἀντιρρόπως τοῖς ἐναντίοις πράττοντες οἱ Λακεδαιμόνιοι, πολὺ ἐπικυδέστεροι ἐγένοντο ἐκ τῆς ἐπ' Ἀνταλκίδου εἰρήνης καλουμένης- проστάται γὰρ γεγόμενοι τῆς ὑπὸ βασιλείῳ καταπεμφθείσης εἰρήνης καὶ τὴν αὐτονομίαν ταῖς πόλεσι πράττοντες, etc.

[24] Thucyd. i, 144. Νῦν δὲ τοῦτοις (лакедемонским посланникам) ἀποκρινάμενοι ἀποπέμψωμεν ... τὰς δὲ πόλεις ὅτι αὐτονόμους ἀφήσομεν, εἰ καὶ αὐτονόμους ἔχοντες ἐσπείσάμεθα, καὶ ὅταν

κάκεῖνοι ταῖς αὐτῶν ἀποδῶσι πόλεσι μὴ σφίσι τοῖς Λακεδαιμονίοις ἐπιτηδείως αὐτονομεῖσθαι, ἀλλὰ αὐτοῖς ἐκάστοις, ὥς βούλονται.

[25] Xen. Hellen. v, 1, 36. οὐπὲρ πάλαι ἐπεθύμουν.

[26] Xen. Anab. ii, 5, 13.

По-видимому, восстание Египта из Персии должно быть датировано 414-411 гг. до н. э.; но этот момент неясен. См. Boeckh, Manetho und die Hundsstern-Periode, pp. 358, 363, Berlin 1845; и Ley, Fata et Conditio Ægypti sub Imperio Persarum, p. 55.

М. Rehdautz, Vitæ Iphicratis, Timothei, et Chabriæ, p. 240, помещает восстание довольно рано, около 414 г. до н. э.; и г-н Файнс Клинтон (Fasti Hellen. Appendix, ch. 18, p. 317) считает ту же дату.

[27] Диодор. xiv, 35.

Предполагается, что этот Псамметих - тот же человек, что и Амиртей Саит в списке Манефа под другим именем, пишет Лей (в своей цитированной выше диссертации, стр. 20). Однако не исключено, что он мог быть царем части Египта одновременно с Амиртеем.

[28] Диодор. xiv, 79.

[29] Это хронология, изложенная М. Редаутцем (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, Epimetr. ii, pp. 241, 242) на весьма вероятных основаниях, главным образом на основе Исократ, Orat. iv, (Panegyric.) s. 161, 162.

[30] Диодор. xv, 2, 3.

[31] Исократ, Or. iii, (Nikokl.) s. 50; Or. ix, (Evagoras) s. 21; Pausanias, ii, 29, 4; Diodor. xiv, 98.

Историк Теопомп, приступая к истории Евагора, похоже, рассказал множество легендарных историй о греческих гентах на Кипре и представил самого Агамемнона как в конечном итоге переселившегося туда (Theopompus, Frag. 111, ed. Wichers; и ed. Didot. ap. Photium).

Гробница лучника Тевкруса была изображена в Саламине на Кипре. См. эпиграмму Аристотеля, Antholog. i, 8, 112.

[32] Моверс в своих весьма ученых исследованиях о финикийцах (т. iii, гл. 5, с. 203-221 и др.) пытается установить существование на Кипре древнего населения, называемого китианами, которое когда-то было распространено по всему острову и остатком которого был город Китиум. Он полагает, что они были частью ханаанейского населения до того, как евреи заняли Палестину. Финикийские колонии на Кипре он считает более поздним явлением, дополняющим и угнетающим этих уроженцев. Он полагает, что киликийское население в ранние времена также было ханаанейским. Энгель (Cypros, vol. i, p. 166) склонен признать ту же гипотезу весьма вероятной.

Шестой век до н. э. (с 600 г. и далее), по-видимому, был очень неблагоприятным для финикийцев и принес Тиру серьезное давление со стороны халдеев, как и пленение для евреев. В тот же период греческая торговля с Египтом значительно расширилась, особенно в правление филэллина Амасиса, который завладел Кипром. Большая часть греческой иммиграции на Кипр, вероятно, произошла в это время; мы знаем об одной группе

поселенцев, приглашенных Филокиппом в Соли при содействии афинянина Солона (Movers, p. 244 seq.).

[33] Геродот. v, 109.

Сравните описание Геродотом костюма и оружия киприотов в вооружении Ксеркса, наполовину восточного (vii, 90). Саламиняне использовали в бою боевые колесницы (v, 113), как и карфагеняне, прежде чем научились тренировать слонов (Diodor. xvi, 80; Plutarch, Timoleon, c. 27).

[34] См. т. V. этой истории, гл. xlv, с. 335.

[35] Один из этих князей, однако, упоминается как носящий финикийское имя Сирома (Herod. v, 104).

[36] Мы можем понять это, объединив Геродота, iv, 102; v, 104-114, с Исократом, Or. ix, (Evagoras) s. 22.

[37] Isokrates, Or. ix, (Evag.) s. 23, 55, 58.

Παραλαβὼν γὰρ (Evagoras) τὴν πόλιν ἐκβεβαρβαρωμένην, καὶ διὰ τὴν τῶν Φοινίκων ἀρχὴν οὔτε τοὺς Ἑλληνας προσδεχομένην, οὔτε τέχνας ἐπισταμένην, οὔτ' ἐμπορίῳ χρωμένην, οὔτε λιμένα κεκτημένην, etc.

Πρὶν μὲν γὰρ λαβεῖν Εὐαγόραν τὴν ἀρχὴν, οὕτως ἀπροσοίστως καὶ χαλεπῶς εἶχον, ὥστε καὶ τῶν ἀρχόντων τούτους ἐνόμιζον εἶναι βελτίστους οἱ τινες ὠμότατα πρὸς τοὺς Ἑλληνας διακείμενοι τυγχάνοιεν, etc.

Этот последний отрывок замечательно иллюстрируется орацией Лисия против Андокида, в которой он упоминает о визите последнего на Кипр -μετὰ δὲ ταῦτα ἔπλευσεν ὡς τὸν Κιτιέων βασιλέα, καὶ προδίδους ληφθεὶς ὑπ' αὐτοῦ ἐδέθη, καὶ οὐ μόνον τὸν θάνατον ἐφοβεῖτο ἀλλὰ τὰ καθ' ἡμέραν αἰκίσματα, οἴόμενος τὰ ἀκρωτήρια ζῶντος ἀποτμηθήσεσθαι (s. 26).

Энгель (Kypros, vol. i, p. 286) ставит под сомнение общую правильность этого рассказа Исократа. Он не приводит никаких адекватных причин, да и я сам не вижу их, для этого противоречия.

Не только Конон, но и его друг Никофем имели жену и семью на Кипре, помимо другой семьи в Афинах (Lysias, De Bonis Aristophanis, Or. xix, s. 38).

[38] Теопомп (Fr. 111) называет Абдемона китийцем; Диодор (xiv, 98) называет его тирийцем. Моверс (стр. 206) считает, что оба варианта верны, и что он был китийцем, жившим в Тире, который переселился из Саламиса во время афинского преобладания там. В различных городах Кипра жили китиане, не уроженцы города Китион, но принадлежавшие к древнему населению острова; также упоминаются китиане, жившие в Сидоне (Diogen. Laert. Vit. Zenon. s. 6).

[39] Исократ, Or. ix, (Evagoras) s. 29-35; также Or. iii, (Nikokl.) s. 33; Theopomp. Fragg. 111, ed. Wickers и ed. Didot. Diodor. xiv, 98.

Два последних упоминают имя, Аудимон или Абдемон, которое Исократ не уточняет.

[40] Isokrates, Or. iii, (Nikokles) s. 33.

[41] Исократ. Or. ix, s. 53. ἡγούμενος τῶν ἡδονῶν, ἀλλ' οὐκ ἀγόμενος ὑπ' αὐτῶν и др.

[42] Isokr. Or. ix, 51. οὐδένα μὲν ἀδικῶν, τοὺς δὲ χρηστοὺς τιμῶν, καὶ σφόδρα μὲν ἀπάντων ἄρχων, νομίμως δὲ τοὺς ἐξαμαρτάνοντας κολάζων (s. 58)-ὅς οὐ μόνον τὴν ἑαυτοῦ πόλιν πλείονος ἀξίαν ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ τὸν τόπον ὅλον, τὸν περιέχοντα τὴν νῆσον, *ἐπὶ πραότητα καὶ μετριότητα προήγαγεν*, etc.; ср. s. 81.

Эти эпитеты, *законное* наказание, *мягкое* обращение и т. д. не могут быть полностью поняты иначе, как в контрасте с увечьями, о которых упоминает Лисий в отрывке, приведенном в примечании на стр. 16, выше; также с точно такими же увечьями, упоминаемыми Ксенофонтом как систематически наносимые преступникам Киром Младшим (Xenoph. Anab. i, 9, 13). Οὐδεὶς γὰρ ἡμῶν (говорит Исократ о персах) οὕτως αἰκίζεται τοὺς οἰκέτας, ὥς ἐκεῖνοι τοὺς ἐλευθέρους κολάζουσιν-Or. iv, (Paneg.) 142.

[43] Исократ, Or. ix, (Evag.) s. 50-56.

Язык энкомиаста, хотя и преувеличенный, несомненно, должен быть основан на истине, как показывает результат.

[44] Лисий конт. Andokid. s. 28.

[45] Плутарх, Солон, с. 26.

[46] Isokrates, Or. ix, (Evag.) s. 59-61; сравните Lysias, Or. xix, (De Aristoph. Bon.) s. 38-46; и Diodor. xiv, 98.

[47] Isokrates, l. с. παιδοποιεῖσθαι δὲ τοὺς πλείστους αὐτῶν γυναῖκας λαμβάνοντες παρ' ἡμῶν, etc.

О крайнем бедственном положении афинских женщин в эти тяжелые времена можно узнать из Ксенофонта, Memorab. ii, 7, 2-4.

Афинянина Андокида обвиняют в том, что он увез молодую женщину из семьи гражданина - свою двоюродную сестру и дочь афинянина Аристеида - на Кипр и там продал ее деспоту Китиума за груз пшеницы. Но под угрозой судебного преследования за этот поступок в афинском Дикастерии он снова украл ее и привез в Афины; в этом, однако, он был уличен принцем и наказан тюремным заключением, из которого ему посчастливилось бежать. (Плутарх, Vit. X, Orat. p. 834; Фотий, Cod. 261; Tzetzes, Chiliad. vi, 367).

Сколько правды в этом обвинении, мы не можем определить. Но оно иллюстрирует, как афинские девы, не имевшие приданого дома, обеспечивались своими родственниками в других местах. Вероятно, Андокид вывез эту девушку, обязавшись найти для нее греческого мужа на Кипре. Вместо того чтобы сделать это, он продал ее с выгодой для себя в гарем принца; по крайней мере, его обвиняют в том, что он продал ее.

[48] Это видно даже из скудного отрывка Ктесия, приведенного Фотием (Ktesiaë Persica, с. 63, p. 80, ed. Bähr).

И Ктесий, и Феопомп (Fr. iii, ed. Wickers, and ed. Didot) рассказывают о причинах, которые привели к войне между персидским царем и Евагором.

[49] Isokrates, Or. ix, (Evag.) s. 71, 73, 74. πρὸς δὲ τοῦτον (Evagoras) οὕτως ἐκ πολλοῦ περιδεῶς ἔσχε (Artaxerxes), ὥστε μεταξύ πάσχων εἶ, πολεμεῖν πρὸς αὐτὸν ἐπεχείρησε, δίκαια μὲν οὐ ποιῶν, etc.-ἐπειδὴ ἠναγκάσθη πολεμεῖν (m. e. Evagor).

[50] Isokr. Or. ix, (Evag.) s. 75, 76; Diodor. xiv, 98; Ephorus, Frag. 134, ed. Дидо.

[51] Корнелий Непос, Chabrias, с. 2; Demosthenes adv. Leptinem, p. 479, s. 84.

[52] Isokrat. Or. iv, (Panegyrr.) s. 162. Εὐαγόραν-ὃς ἐν ταῖς συνθήκαις ἑκδοτός ἐστίν, etc.

Следует, однако, заметить, что Кипр был закреплен за персидским царем еще по прежнему, столь славному для Афин миру, заключенному Периклом около 449 года до н. э. и названному Каллийским миром. Поэтому ни нового требования со стороны Артаксеркса, ни новой уступки со стороны греков при заключении Анталкидского мира не было.

[53] Диодор. xv, 2.

Похоже, что Артаксеркс очень рассчитывал на помощь Гекатомна в покорении Эвагора (Diodor. xiv, 98).

Около 380 г. до н. э. Исократ считает, что Гекатомн лишь номинально зависел от Персии и готов был открыто восстать при первой возможности (Isokrates, Or. iv, (Paneg.) s. 189).

[54] Isokrates, Or. iv, (Panegyrr.) s. 153, 154, 179.

[55] Диодор. xv, 4.

[56] Сравните Исократ, Ор. iv, (Панегир.) s. 187, 188 - с Исократом, Ор. ix, (Эваг.) s. 77.

Война еще не была завершена, и Тир, как и большая часть Киликии, все еще находились в состоянии восстания, когда Исократ опубликовал "Панегирическую ораторию". К тому времени Евагор поддерживал шесть лет, считая то ли от мира с Анталкидами (387 г. до н. э.), то ли от своего морского поражения через год или два после этого, поскольку Исократ не совсем ясно указывает, с какого момента он отсчитывает эти шесть лет.

Мы знаем, что война между персидским царем и Евагором началась еще в 390 году до н. э., и в этом году афинский флот был послан на помощь последнему (Xenoph. Hellen. iv, 8, 24). И Исократ, и Диодор утверждают, что она продолжалась десять лет; поэтому я отношу ее окончание к 380 или 379 году до н. э., вскоре после даты написания панегирической оратории Исократа. В этом вопросе я не согласен с м-ром Клинтоном (см. Fasti Hellenici, ad annos 387-376 В.С., и его Приложение, № 12, где обсуждается этот вопрос). Он полагает, что война началась после заключения Анталкидского мира и закончилась в 376 г. до н. э. Я согласен с ним в том, что он не опирается на Диодора, но мне кажется, что в данном случае он противоречит авторитету Ксенофонта - или, по крайней мере, лишь уклоняется от необходимости противоречить ему, прибегая к неудобной гипотезе и представляя две афинские экспедиции, отправленные на помощь Эвагору на Кипр, сначала в 390 г. до н. э., а затем в 388 г. до н. э., как относящиеся к *"враждебным мерам до начала войны"* (с. 280). Мне кажется более естественным и разумным включить их в состав войны.

[57] Isokrates, Or. ix, s. 73-76.

[58] Диодор. xv. 8, 9.

Этот замечательный анекдот о восприимчивости греческой чести со стороны Евагора ни в коем случае не является неправдоподобным, и его можно с уверенностью допустить на основании авторитета Диодора. Тем не менее, он является настолько подходящей закуской для панегирических рассуждений, как у Исократа, что нельзя не думать, что он бы вставил его, если бы он был ему известен. Его молчание вызывает большое удивление - не без некоторых подозрений относительно правдивости этой истории.

[59] Isokrates, Or. iii, (Nikokles) s. 40, - отрывок, который, должно быть, больше относится к Евагору, чем к Никоклесу.

[60] Исократ. Or. ix, s. 88. Сравните его Orat. viii, (De Pace) s. 138.

[61] Isokrates, ib. s. 85. εὐτυχέστερον καὶ θεοφιλέστερον, etc.

[62] Я привожу это происшествие в основном в том виде, как оно изложено во фрагменте Феопомпа, сохраненном в качестве части конспекта этого автора Фотием (Theopomp. Fr. 111, ed. Wickers и ed. Didot).

И Аристотель (Polit. v, 8, 10), и Диодор (xv, 47) упоминают об убийстве Евагора евнухом; но оба эти автора представляют себе эту историю иначе, чем Феопомп. Так, Диодор говорит, что евнух Никоклэс убил Евагора и стал "деспотом Саламиса". По-видимому, это путаница Никоклеса с Никокреоном. Никоклес был сыном Евагора, и то, как Исократ обращается к нему, служит самым надежным доказательством того, что *он* не причастен к смерти своего отца.

Слова Аристотеля - ἡ (ἐπίθεσις) τοῦ εὐνούχου Εὐαγόρα τῷ Κυπρίῳ- διὰ γὰρ τὸ τὴν γυναῖκα παρελθεῖν τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἀπέκτεινεν ὡς ὑβρισμένος. Этот отрывок настолько непонятен в его буквальном смысле, что месье Бартеlemi Сент-Илер в примечании к своему переводу считает ὁ εὐνούχος фамилией или *прозвищем*, данным заговорщику, настоящее имя которого было Никоклэс. Но это предположение, на мой взгляд, опровергается тем, что Феопомп обозначает тот же факт, что убийца был евнухом, другим словом - Ὁρασυδαίου τοῦ ἡμιάρρενος, ὃς ἦν Ἡλείος τὸ γένος, и т. д.

Очевидно, что Аристотель слышал эту историю иначе, чем Феопомп, и нам приходится выбирать между двумя вариантами. Я предпочитаю версию последнего; она более заметна, а также более понятна и дает объяснение, почему Пниагор, который, по-видимому, был самым развитым из сыновей, остался командовать осажденным Саламином, когда Евагор покинул его, чтобы просить помощи в Египте, - не стал преемником своего отца, а оставил преемство Никоклесу, который, очевидно (судя по представлению даже такого хвалебного писателя, как Исократ), не был человеком с большой энергией. Положение этого внука в семье Никокреона, по-видимому, свидетельствует о частичном преобладании восточных привычек.

[63] Исократ, Or. iii, (Nikoklēs) s. 38-48; Or. ix, (Evagoras) s. 100; Or. xv, (Permut.) s. 43. Диодор (xv, 47) помещает убийство Евагора в 374 г. до н.э.

[64] Исократ. Or. iv, (Paneg.) s. 142, 156, 190. Τὰς τε πόλεις τὰς Ἑλληνίδας οὕτω κυρίως παρείληφεν, ὥστε τὰς μὲν κατασκάπτειν, ἐν δὲ ταῖς ἀκροπόλεϊς ἐντειχίζειν.

[65] См. Herodot. vi, 9; ix, 76.

[66] Isokrat. Or. iv, (Paneg.) s. 142.

Οἷς (к азиатским грекам после Анталкидского мира) οὐκ ἐξαρκεῖ δασμολογεῖσθαι καὶ τὰς ἀκροπόλεις ὄρῃν ὑπὸ τῶν ἐχθρῶν κατεχομένας, ἀλλὰ πρὸς ταῖς κοιναῖς συμφοραῖς δεινότερα πάσχουσι τῶν παρ' ἡμῖν ἀργυρωνήτων- οὐδεὶς γὰρ ἡμῶν οὕτως αἰκίζεται τοὺς οἰκέτας, ὡς ἐκεῖνοι τοὺς ἐλευθέρους κολάζουσιν.

[67] Isokrat. Or. iv, (Paneg.) s. 143, 154, 189, 190. Как сразу внутренние цари, получившие во владение континентальные греческие города, нацелились на овладение и островами, видно из Herodot. i, 27. Хиос и Самос действительно сдались без сопротивления первому Киру,

когда он овладел континентальными городами, хотя у него не было морской силы (Herod. i, 143-169). Даже после победы при Микале спартанцы сочли невозможным защитить этих островитян от персидских хозяев континента (Herod. ix, 106). Ничто, кроме энергии и организованности афинян, не доказывало, что это возможно.

[68] Плутарх, Agesil. с. 26; Плутарх, Lykurg. с. 13.

[69] Xen. Hellen. v, 1, 33.

[70] Xen. Hellen. v, 4, 46. Ἐν πάσαις γὰρ ταῖς πόλεσι δυναστεῖαι καθειστήκεσαν, ὥσπερ ἐν Θήβαις. О беотийском городе Танагре он говорит-ἔτι γὰρ τότε καὶ τὴν Τανάγραν οἱ περὶ Ὑπατόδωρον, φίλοι ὄντες τῶν Λακεδαιμονίων, εἶχον (v, 4, 49).

Шнайдер в своем примечании к первому из этих двух отрывков объясняет слово δυναστεῖαι следующим образом: "Sunt factiones optimatum qui Lacedæmoniis favebant, cum præsidio et harmostâ Laconico." Это совершенно справедливо; но слова ὥσπερ ἐν Θήβαις, кажется, также требуют объяснения. Эти слова относятся к фиванской "факции оптиматов", вождем которой был Леонтиад, предавший Кадмею (цитадель Фив) лакедемонским войскам под командованием Фибидаса в 382 г. до н.э.; и которые оставались хозяевами Фив, подчиненными Спарте и поддерживаемыми постоянным лакедемонским гарнизоном в Кадмее, пока не были свергнуты в результате памятного заговора Пелопида и Меллона в 379 году до н.э. Именно с этой олигархией при Леонтиаде в Фивах, преданной спартанским интересам и опирающейся на спартанскую поддержку, Ксенофонт сравнивает правительства, установленные Спартой после Анталкидского мира в каждом из беотийских городов. О правлении Леонтиада и его коллег в Фивах он говорит, что "они намеренно ввели лакедемонян в акрополь и поработили им Фивы, чтобы самим осуществлять деспотию"-τούς τε τῶν πολιτῶν εἰσαγαγόντας εἰς τὴν ἀκρόπολιν αὐτοῦς, καὶ βουλευθέντας Λακεδαιμονίοις τὴν πόλιν δουλεύειν, ὥστε αὐτοῖ τυραννεῖν (v, 4, 1: сравните v, 2, 36). Этот характер, вызывающий резкое осуждение в устах фило-лаконского Ксенофонта, присущ всем правительствам, установленным Спартой в беотийских городах после Анталкидского мира, и вообще декархиям, которые она создала по всей своей империи.

[71] Ксеноф. Memorab. iii, 5, 2; Thucyd. iv, 133; Diodor. xv, 79.

[72] Xen. Hellen. v, 4, 15-20; Diodor. xv, 32-37; Isokrates, Or. xiv, (Plataic.) s. 14. 15.

[73] Herodot. vi, 108.

[74] См. т. V. гл. xlv, с. 327 этой истории.

[75] Thucyd. iii, 68.

[76] Thucyd. v, 32; Isokrates, Or. iv, (Panegyri.) s. 126; Or. xii, (Panathen.) s. 101.

[77] Плутарх, Лисанд. с. 14.

[78] Павсаний, ix, 1, 3.

[79] Исократ, Or. xiv. (Plataic.) s. 54.

[80] См. "Орат. xiv" (называемый Платейским) Исократ; это обращение, вероятно, произнесенное в афинском собрании платейцами (после второго разрушения их города) и, несомненно, основанное на их собственных заявлениях. О болезненной зависимости и

принуждении, в которых они находились со стороны Спарты, говорится в самых недвусмысленных выражениях (с. 31, 33, 48), а также о присутствии спартанского гарнизона в их городе (с. 14).

[81] Ксенофонт правдиво говорит, что Спарта сделала беотийские города αὐτονόμους ἀπὸ τῶν Θηβαίων (ст. 1, 36), чего она давно желала. Автономия, в смысле отсоединения от Фив, была им обеспечена, но ни в каком другом смысле.

[82] Для иллюстрации отношений Фив, других беотийских городов и Спарты между Анталкидовым миром и захватом Спартой Кадмеи (387-382 гг. до н. э.) сравните речь акантийских посланников и речь фиванца Леонтиада в Спарте (Xenoph. Hellen. v, 2, 16-34). Ὑμᾶς (спартанцы) τῆς μὲν Βοιωτίας ἐπιμεληθῆναι, ὅπως μὴ καθ' ἑν εἴη и т. д. Καὶ ὑμεῖς γε τότε μὲν αἰεὶ προσείχετε τὸν νοῦν, πότε ἀκούσεσθε βιαζομένους αὐτοῦς (фиванцы) τὴν Βοιωτίαν ὑφ' αὐτοῖς εἶναι- νῦν δὲ, ἐπεὶ τάδε πέπρακται, οὐδὲν ὑμᾶς δεῖ Θηβαίους φοβεῖσθαι, и др. Сравните Diodor. xv, 20.

[83] В Orat. (14) Plataic. of Isokrates, s. 30- we find it stated among the accusations against the Thebans, that during this period (*i. e.* between the peace of Antalkidas and the seizure of the Kadmeia) they became sworn in as members of the Spartan alliance and as ready to act with Sparta conjointly against Athens. Если бы мы могли признать это правдой, мы могли бы признать и историю о том, что Эпаминондас и Пелопид служили в спартанской армии в Мантинее (Плутарх, Pelop. с. 3). Но я не вижу, как она может быть хотя бы частично правдивой. Если бы это было правдой, я думаю, Ксенофонт не мог бы не упомянуть об этом: все, что он говорит, как правило, противоречит этому.

[84] Диодор. xv. 29.

[85] Как в настоящее время этот упрек выдвигался против Агесилая, можно увидеть в нескольких отрывках "Эллиники" Ксенофонта, чье повествование настолько неполно и плохо построено, что самая поучительная информация попадает лишь в виде непреднамеренного бокового ветра, где мы не должны ее искать. Xen. Hellen. v. 3, 16. πολλῶν δὲ λεγόντων Λακεδαιμονίων ὡς ὀλίγων ἔνεκεν ἀνθρώπων πόλει (Phlius) ἀπεχθάνοιτο (Agesilaus) πλεόν πεντακισχίλιων ἀνδρῶν. Опять же, v, 4, 13. (Ἀγησίλαος) εὖ εἰδὼς, ὅτι, εἰ στρατηγοίη, λέξειαν οἱ πολῖται, ὡς Ἀγησίλαος, ὅπως βοηθήσειε τοῖς τυράννοις, πράγματα τῇ πόλει παρέχοι и т. д. Сравните Плутарх, Agesil. с. 24-26.

[86] Диодор действительно утверждает, что это действительно было сделано на короткое время; что города, которые раньше были зависимыми союзниками Спарты, теперь были освобождены и предоставлены сами себе; что немедленно последовала реакция против тех декархий или олигархий, которые до сих пор управляли городами в интересах Спарты; что эта реакция была настолько яростной, что повсюду убивали, изгоняли или обедняли главных сторонников спартанского господства; И что накопившиеся жалобы и страдания этих изгнанников заставили спартанцев, после того как они в течение нескольких месяцев "переносили мир как тяжелое бремя" (ὥσπερ βαρὺ φόρτιον-xv, 5), стряхнуть его и силой восстановить свое господство, а также власть своих друзей во всех различных городах. В этом утверждении нет ничего неправдоподобного. После того, что мы слышали о декархиях при Спарте, никакие масштабы насилия в реакции против них не кажутся невероятными, и мы не можем сомневаться, что такая реакция принесет с собой новую несправедливость, а также заслуженное возмездие. Вряд ли кто-то, кроме афинских граждан, был способен на такое терпение, которое проявили Афины как после Четырехсот, так и после Тридцати. Тем не менее, я считаю, что Диодор здесь ошибается и относит к периоду, непосредственно следующему за Анталкидским миром, те реакционные беспорядки, которые произошли во

многих городах примерно через шестнадцать лет после *битвы при Лейктре*. Ведь Ксенофонт, рассказывая о том, что произошло после Анталкидова мира, ничего не упоминает о реальной автономии, предоставленной Спартой своим союзникам, а затем отмененной; он никогда бы не упустил сообщить нам об этом, если бы факт был таковым, потому что это послужило бы правдоподобным извинением для грубой несправедливости спартанцев и тем самым способствовало бы пристрастному течению, проявляющемуся в его истории.

[87] Xen. Hellen. v, 2, 1-8. Αἰσθόμενοι τοὺς Λακεδαιμονίους ἐπισκοποῦντας τοὺς συμμάχους, ὅποιοί τινες ἕκαστοι ἐν τῷ πολέμῳ αὐτοῖς ἐγεγένηντο, etc.

[88] Xen. Hellen. v, 2, 2. Ранее он утверждал, что мантинейцы действительно показали себя довольными, когда лакедемонская Мора была разрушена около Коринфа Ификратом (iv, 5, 18).

[89] Xen. Hellen. v, 2, 3.

[90] В 1627 году, во время Тридцатилетней войны, немецкий город Вольфенбюттель был вынужден сдаться таким же образом, запрудив реку Оккер, протекавшую через него; это была уловка генерала графа Паппенгейма, австрийского осаждающего командующего. См. "Жизнь Валленштейна" полковника Митчелла, с. 107.

Описание Ксенофонтom Мантинеи, какой она была в 385 году до н. э., с рекой Офис, значительным потоком, проходившим через ее середину, совершенно ясно. Когда город, после разрушения, был отстроен заново в 370 году до н.э., место было настолько изменено, что река больше не протекала через него. Но современное течение реки Офис, указанное прекрасными современными топографами, полковником Ликом и Кипертом, находится на очень значительном расстоянии от Мантинеи, отстроенной в 370 году до н. э., положение которой точно известно, поскольку контур ее стен до сих пор четко обозначен. Таким образом, Мантинея 370 года до н. э., по сравнению с Мантинеей 385 года до н. э., должна была быть удалена на значительное расстояние - иначе река Офис должна была изменить свое русло. Полковник Лик предполагает, что Офис был искусственно отклонен от своего русла, чтобы его можно было провести через город Мантинею; предположение, которое он основывает на словах Ксенофонта, - σοφωτέρων γενομένων ταύτῃ γε τῶν ἀνθρώπων, τὸ μὴ διὰ τευχῶν ποταμὸν ποιεῖσθαι (Hellen. v, 2, 7). Но очень трудно согласиться с ним в этом вопросе, когда мы смотрим на его собственную карту (приложенную к "Пелопоннесике") Мантинеи и Тегеатиса и замечаем огромное расстояние между рекой Офис и Мантинеей; да и слова Ксенофонта, кажется, не обязательно подразумевают какое-либо искусственное отведение реки. Легче поверить, что река изменила свое русло. См. Leake, Travels in Morea, vol. iii, ch. xxiv, p. 71; и Peloponnesiaca, p. 380; и Ernst Curtius, Peloponnesos, p. 239 - который, однако, оставляет этот вопрос неясным.

[91] Диодор. xv, 5.

[92] Ксен. Hellen. v, 2, 6. Οἰομένων δὲ ἀποθανεῖσθαι τῶν ἀργολιζόντων, καὶ τῶν τοῦ δήμου προστατῶν, διεπράξατο ὁ πατήρ (см. ранее, ст, 2, 3) παρὰ τοῦ Ἀγησιπόλιδος, ἀσφάλειαν αὐτοῖς ἔσεσθαι, ἀπαλλαττομένοις ἐκ τῆς πόλεως, ἐξήκοντα οὔσι. Καὶ ἀμφοτέρωθεν μὲν τῆς ὁδοῦ, ἀρξάμενοι ἀπὸ τῶν πυλῶν ἔχοντες τὰ δόρατα οἱ Λακεδαιμόνιοι ἔστησαν, θεώμενοι τοὺς ἐξιόντας- καὶ μισοῦντες αὐτοὺς ὁμῶς ἀπείχοντο αὐτῶν ῥᾶον ἢ οἱ βέλτιστοι τῶν Μαντινέων- καὶ τοῦτο μὲν εἰρήσθω μέγα τεκμήριον πειθαρχίας.

Я уже не раз отмечал, и читатель увидит здесь новый пример, насколько полностью слово βέλτιστοι, которое применяется к богатой или аристократической партии в политике, как и его эквивалент в других языках, писателями, которые им симпатизируют, лишено всякого подлинного этического значения в отношении характера.

[93] Xen. Hellen. v, 2, 7.

Он говорит об этом распаде города Мантинеи: διωκίσθη ἡ Μαντίνεια τετραχῇ, καθάπερ τὸ ἀρχαῖον ᾤκουv. Эфор (фр. 138, изд. Дидо) утверждает, что она была распределена на пять первоначальных деревень; а Страбон утверждает, что было *пять* первоначальных составляющих деревень (viii, p. 337). Поэтому вполне вероятно, что город Мантинея после этого διοίκσις остался существовать как одна из пяти неукрепленных деревень; таким образом, Эфор, Страбон и Ксенофонт могут быть согласны по существу.

[94] Об этом упоминает и сам Ксенофонт (Hellen. vi, 5, 3). Лакедемоняне, хотя и протестовали против этого, были в то время слишком унижены, чтобы вмешаться силой и предотвратить это. Причина, по которой они не вмешались силой (согласно Ксенофону), заключалась в том, что в то время был подписан общий мир, гарантировавший автономию каждому отдельному городу, так что мантинейцы по этому миру имели право поступать так, как они поступали - στρατεύειν γε μέντοι ἐπ' αὐτοὺς οὐ δυνατόν ἐδόκει εἶναι, ἐπ' αὐτονομίᾳ τῆς εἰρήνης γεγενημένης (vi, 5, 5). Афины были инициатором и гарантом этого второго мира; но автономия, которую он гарантировал, была лишь той же самой, которая якобы была гарантирована Анталкидским миром, гарантом которого была Спарта.

Общая автономия в афинском понимании отличалась от общей автономии в спартанском понимании. Спартанцы, когда в их руках было право толкования и право принуждения, не побрезговали фальсифицировать автономию настолько, что осадили Мантинею и разгромили город силой; когда же право толкования и принуждения перешло к Афинам, они сразу же признали, что договор исключает возможность гораздо менее жестокого вмешательства.

Из этого мы можем видеть, насколько пристрастным и лаконичным является рассказ Ксенофонта о διοίκσις Мантинеи; насколько полностью он скрывает от глаз одиозную сторону этой процедуры.

[95] См. замечательное предложение спартанцев, в котором они отвергают притязания пизанцев на председательство и руководство олимпийским праздником (что было их древней привилегией), поскольку они были χωρίται и не годились для этой задачи (Xen. Hellen. iii, 2, 31): сравните χωρίτικῶς (Xen. Cyrop. iv. 5, 54).

[96] Aristot. Polit. vi, 2, 2.

[97] Thucyd. v, 81.

[98] Исократ, Or. iv, (Panegy.) s. 133, 134, 146, 206; Or. viii, (De Pace) s. 123; Xen. Hellen. v, 2, 1-8; Diodor. xv, 5, 9-19.

[99] Xen. Hellen. v, 1, 35.

[100] Xen. Hellen. v. 2, 8-10.

Последствия этого вынужденного возвращения трудно предугадать; они будут описаны на следующей странице.

[101] Xen. Hellen. vii, 1, 3-12.

[102] Xen. Hell. iv, 8, 7.

[103] Исократ, Orat. xvii, (Trapezit.) s. 71.

[104] См. ценную надпись под названием "Мраморская сандвицензия", содержащую отчеты, которые ежегодно составляли Амфикионы на Делосе в 377-373 гг. до н.э.

Boeckh, Staats-haushaltung der Athener, vol. ii, p. 214, ed. 1; vol. ii, p. 78 seq., ed. 2nd.

Список городов и частных лиц, занявших деньги у храма, приводится в этих отчетах вместе с суммой процентов, выплаченных ими или оставшихся невыплаченными.

[105] Именно такое описание дает сам Исократ (Orat. xv, (Permutat.) s. 61) состояния греческого мира, когда он опубликовал свое "Панегирическое рассуждение" - ὅτε Λακεδαιμόνιοι μὲν ἤρχον τῶν Ἑλλήνων, ἡμεῖς δὲ ταπεινῶς ἐπράττομεν, и т. д.

[106] Панегирические рассуждения Исократ, дата которых довольно точно известна, представляют большую ценность для понимания периода, непосредственно следующего за Анталкидовым миром.

Он особенно отмечает увеличение числа пиратов и соперничество между Афинами и Спартой по поводу дани с островов в Эгейском море (s. 133). Τίς γὰρ ἂν τοιαύτης καταστάσεως ἐπιθυμήσειεν, ἐν ᾗ καταποντισταὶ μὲν τὴν θάλασσαν κατέχουσι, πελτασταὶ δὲ τὰς πόλεις καταλαμβάνουσι и др.

... Καίτοι χρὴ τοὺς φύσει καὶ μὴ διὰ τύχην μέγα φρονοῦντας τοιούτοις ἔργοις ἐπιχειρεῖν, πολὺ μᾶλλον ἢ τοὺς νησιώτας δασμολογεῖν, οὓς ἄξιόν ἐστιν ἐλέειν, ὁρῶντας τούτους μὲν διὰ σπανιότητα τῆς γῆς ὄρη γεωργεῖν ἀναγκαζομένους, τοὺς δ' ἡπειρώτας δι' ἀφθονίαν τῆς χώρας τὴν μὲν πλείστην αὐτῆς ἀργὸν περιωρῶντας, etc. (s. 151).

... Ὡν ἡμεῖς (Athenians and Spartans) οὐδεμίαν ποιούμεθα πρόνοιαν, ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν Κυκλάδων νήσων ἀμφισβητοῦμεν, τοσαύτας δὲ τὸ πλῆθος καὶ τηλικαύτας τὸ μέγεθος δυνάμεις οὕτως εἰκῇ τῷ βαρβάρῳ παραδεδώκαμεν.

Сравните Xenoph. Hellen. vi, 1, 12-μὴ εἰς νησύδρια ἀποβλέποντας и др.

[107] Diodor. xv, 9, 19.

[108] Thucyd. vii, 9.

[109] Об этом свидетельствует Платон, Горгиас, с. 26. p. 471 A.

... Ὡς γε (Архелай, сын Пердикки) πρῶτον μὲν τοῦτον αὐτὸν τὸν δεσπότην καὶ θεῖον (Алкетас) μεταπεμψάμενος, ὥς ἀποδώσων τὴν ἀρχὴν ἣν Περδίκκας αὐτὸν ἀφείλετο, etc.

Это утверждение Платона о том, что Пердиккас изгнал с трона своего брата Алкетаса, похоже, не рассматривается комментаторами. Возможно, оно поможет объяснить хронологические неясности, связанные с правлением Пердикки, годы которого разные авторы называют 23, 28, 35, 40, 41. См. г-н Клинтон, Fasti Hellen. ch. iv, p. 222, где он обсуждает хронологию македонских царей: также Krebs, Lektion. Diodoreæ, p. 159.

Нет никаких средств, чтобы определить, когда началось правление Пердикки и когда оно закончилось. Из Фукидида мы знаем, что он был царем в 432 г. и в 414 г. до н. э. Но тот факт, что он получил корону в результате изгнания старшего брата, делает менее удивительным то,

что начало его правления по-разному указывается разными авторами; хотя эти авторы, похоже, в основном считают Пердиккаса непосредственным преемником Александра, без какого-либо упоминания Алкетаса.

[110] Thucyd. i, 57; ii, 97-100.

[111] Мать Архелая была рабыней Алкета; именно по этой причине Платон называет Алкета δεσπότην καὶ θεῖον Архелая (Plato, Gorgias, с. 26. р. 471 А.).

[112] Thucyd. ii, 100. ὁδοὺς εὐθείας ἔτεμε и т. д. См. примечание в гл. lxi, с. 17 тома IX.

[113] Арриан, i, 11; Диодор, xvii, 16.

[114] Плутарх, De Vitioso Pudore, с. 7, р. 531 E.

[115] Аристотель. Rhetoric, ii, 24; Seneca, de Beneficiis, v, 6; Ælian, V. H. xiv, 17.

[116] См. высказывания, к сожалению, очень краткие, Аристотеля (Politic. v, 8, 10-13). Платон (Alkibiad. ii, с. 5, р. 141 D), упоминая об убийстве Архелая его παιδικᾷ, представляет мотив последнего иначе, чем Аристотель, как честолубивое желание завладеть тронem. Диодор (xiv, 37) представляет Кратеуса как непреднамеренно убившего Архелая на охоте.

Καὶ τῆς Ἀρχελάου δ' ἐπιθέσεως Δεκάμνιχος ἡγεμὼν ἐγένετο, παροξύνων τοὺς ἐπιθεμένους πρῶτος- αἴτιον δὲ τῆς ὀργῆς, ὅτι αὐτὸν ἐξέδωκε μαστιγῶσαι Εὐριπίδῃ τῷ ποιητῇ- ὁ δὲ Εὐριπίδης ἐχάλεπαινεν εἰπόντος τι αὐτοῦ εἰς δυσώδειαν τοῦ στόματος (Arist. Pol. I. с.).

Аристотель приводит Декамниха в качестве одного из примеров людей, которых действительно бичевали; это доказывает, что Еврипид воспользовался привилегией, предоставленной Архелаем.

[117] Диодор. xiv. 84-89.

[118] Ælian, V. H. xii, 43; Dexippus ap. Syncell. p. 263; Юстин, vii, 4.

[119] Diodor. xiv, 89. Ἐτελεύτησε δὲ καὶ Παυσανίας ὁ τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς, ἀναιρεθεὶς ὑπὸ Ἀμύντου δόλῳ, ἄρξας ἐνιαυτόν- τὴν δὲ βασιλείαν κατέσχευεν Ἀμύντας, etc.

[120] См. в Thucyd. iv, 112 - отношения Аррибея, князя македонцев, называемых Линкесте во внутренней части страны, с иллирийскими захватчиками - 423 г. до н. э.

В более поздний период Архелай вел войну с внутренним князем по имени Аррибæй, возможно, с тем же человеком (Aristot. Polit. v, 8, 11).

[121] Диодор. xiv, 92; xv, 19. Ἀπογνοὺς δὲ τὴν ἀρχὴν, Ὀλυνθίοις μὲν τὴν συνεγγὺς χώραν ἐδωρήσατο, etc. Τῷ δὴμῳ τῶν Ὀλυνθίων δωρησαμένου πολλὴν τῆς ὁμόρου χώρας, διὰ τὴν ἀπόγνωσιν τῆς ἐαυτοῦ δυναστείας и др.

Бегство Аминта после года правления подтверждает Дексипп (Dexippus ap. Syncell. p. 263).

[122] Ксеноф. Hellen. v, 2, 12. Ὅτι μὲν γὰρ τῶν ἐπὶ Θράκης μεγίστη πόλις Ὀλυνθος σχεδὸν πάντες ἐπίστασθε. Οὗτοι τῶν πόλεων προσηγάγοντο ἔστιν ἃς, ἐφ' ὧτε τοῖς αὐτοῖς χρῆσθαι νόμοις καὶ συμπολιτεύειν- ἔπειτα δὲ καὶ τῶν μειζόνων προσέλαβόν τινας. Ἐκ δὲ τούτου ἐπεχείρησαν καὶ τὰς τῆς Μακεδονίας πόλεις ἐλευθεροῦν ἀπὸ Ἀμύντου, τοῦ βασιλέως Μακεδόνων. Ἐπεὶ δὲ εἰσήκουσαν αἱ ἐγγύτατα αὐτῶν, ταχὺ καὶ ἐπὶ τὰς πόρρω καὶ μείζους ἐπορεύοντο- καὶ κατελίπομεν ἡμεῖς ἔχοντας ἤδη ἄλλας τε πολλὰς, καὶ Πέλλαν, ἥπερ μεγίστη τῶν ἐν Μακεδονίᾳ πόλεων. Καὶ Ἀμύνταν

δὲ αἰσθανόμεθα ἀποχωροῦντά τε ἐκ τῶν πόλεων, καὶ ὅσον οὐκ ἐκπεπτωκότα ἤδη ἐκ πάσης Μακεδονίας.

Из Диодора мы знаем, что Аминтас в отчаянии бежал из страны и уступил большую часть Нижней Македонии, по крайней мере, олинфянам. Соответственно, борьба между последними и Аминтой (о которой здесь идет речь), должно быть, произошла, когда он вернулся и попытался восстановить свое господство.

[123] Xen. Hellen. v, 2, 12-τὰς τῆς Μακεδονίας πόλεις ἐλευθεροῦν ἀπὸ Ἀμύντου, etc.; ср. v, 2, 38.

[124] Xen. Hellen. v, 2, 14.

Ксенофонт называет численность олинфского войска в восемьсот гоплитов - гораздо большее число пельтастов - и тысячу всадников, предполагая, что Акант и Аполлония присоединились к конфедерации. Мистер Митфорд и другие отмечали, что эти цифры, как они представлены здесь, должны быть значительно меньше, чем на самом деле. Но у нас нет возможности исправить это. Предположение г-на Митфорда о восьми тысячах гоплитов вместо восьмисот не имеет под собой никаких оснований.

Демосфен утверждает, что Олинфа сама по себе и до того, как она привела всех халкидян в конфедерацию (οὕτω Χαλκιδῶν πάντων εἰς ἓν συνωκισμένων-De Fals. Leg. с. 75, р. 425) располагали четырьмястами всадниками и 5000 жителей; не более того (по его словам) в то время, когда лакедемоняне напали на них. К историческим высказываниям великого оратора, относящимся ко времени, которое почти совпадает с его собственным рождением, следует относиться с осторожностью.

[125] Xen. Hellen. v, 2, 16. Ἐννοήσατε δὲ καὶ τόδε, πῶς εἰκὸς, ὑμᾶς τῆς μὲν Βοιωτίας ἐπιμεληθῆναι, ὅπως μὴ καθ' ἓν εἴη, πολὺ δὲ μείζονος ἀθροιζομένης δυνάμεως ἀμελῆσαι, и т. д.

Я перевожу здесь содержание речи, а не точные слова.

[126] Xen. Hellen. v, 2, 14. Ἡμεῖς δὲ, ὧ ἄνδρες Λακεδαιμόνιοι, βουλόμεθα μὲν τοῖς πατρίοις νόμοις χρῆσθαι, καὶ αὐτοπολιταὶ εἶναι- εἰ μέντοι μὴ βοηθήσει τις, ἀνάγκη καὶ ἡμῖν μετ' ἐκείνων γίγνεσθαι.

[127] Ксен. Hellen. v, 2, 18. Δεῖ γε μὴν ὑμᾶς καὶ τόδε εἰδέναι, ὥς, ἣν εἰρήκαμεν δύναμιν μεγάλην οὔσαν, οὕτω δυσπάλαιστός τις ἐστίν- αἱ γὰρ ἄκουσαι τῶν πόλεων τῆς πολιτείας κοινωνοῦσαι, αὗται, ἂν τι ἴδωσιν ἀντίπαλον, ταχὺ ἀποστήσονται- εἰ μέντοι συγκλεισθήσονται ταῖς τε ἐπιγαμίαις καὶ ἐγκτήσεσι παρ' ἀλλήλαις, ἃς ἐψηφισμένοι εἰσὶ-καὶ γινώσκονται, ὅτι μετὰ τῶν κρατούντων ἔπεσθαι κερδαλέον ἐστίν, ὥσπερ Ἄρκαδες, ὅταν μεθ' ὑμῶν ἴωσι, τὰ τε αὐτῶν σώζουσι καὶ τὰ ἀλλότρια ἀρπάζουσιν-ἴσως οὕκεθ' ὁμοίως εὖλυτα ἔσται.

[128] Diodor. xiv, 92; xv, 19.

Демосфен говорит об Аминте как об изгнанном фессалийцами из своего царства (cont. Aristokrat. с. 29, р. 657). Если это исторически верно, то это должно относиться к какой-то последующей войне, в которой он участвовал с фессалийцами, возможно, к тому времени, когда Ясон из Фере получил власть над Македонией (Xenoph. Hellen. vi, 1, 11).

[129] См. выше в этой истории, том VI. Гл. xlviii. р. 79.

[130] Ксен. Hellen. v, 2, 20. Ἐκ τούτου μέντοι, πολλοὶ μὲν ξυνηγόρευον στρατιὰν ποιεῖν, μάλιστα δὲ οἱ βουλόμενοι Λακεδαιμόνιοις χαρίζεσθαι и др.

[131] Xen. Hellen. v, 2, 21, 22.

Диодор (xv, 31) упоминает тот факт, что один гоплит считался равным двум пельтастам, в связи с лакедемонским списком мустаров несколько лет спустя; но, должно быть, было столь же необходимо установить пропорцию в данном случае.

[132] См. т. V. гл. xlv, с. 302 этой "Истории".

[133] Xen. Hellen. v, 2, 24; Diodor. xv, 21.

[134] Xen. Hellen. v, 2, 27-34.

[135] Это утверждение Диодора (xv, 20), а также Плутарха (Agesil. с. 24), который намекает, что это было общее мнение того времени. И мне кажется гораздо более вероятным, чем представление Ксенофонта, что первая идея возникла, когда Фивы находились под стенами Фив, и что спартанский лидер был убежден Леонтиадом действовать под свою ответственность. Поведение Агесилая и эфоров после этого факта похоже на поведение людей, которые заранее предполагали такую возможность. Но первоначальное предложение должно было исходить от самой фиванской фракции.

[136] Плутарх (De Genio Socratis, с. 5, р. 578 В.) утверждает, что большинство этих генералов конницы (τῶν ἵππαρχηκότων νομίμως) впоследствии находились в изгнании вместе с Пелопидом в Афинах.

У нас мало или совсем нет информации о правительстве Фив. По-видимому, в этот момент оно представляло собой либерализованную олигархию. Там был сенат и два полемарха (возможно, полемархов было больше двух, хотя слова Ксенофонта заставляют нас предположить, что *только* два) - и, кажется, также был гражданский магистрат, выбранный по жребию (ὁ κλαίσις τοῦ ἄρχων) и ежегодно обновляемый, должность которого отличалась тем, что он постоянно держал в руках государственное священное копье (τὸ ἱερὸν δόρυ) и городскую печать (Plutarch, De Gen. Socr. с. 31. р. 597-B.-C.).

Следует помнить, что в этот момент не существовало таких должностных лиц, как беотархи, поскольку лакедемоняне, принуждая к миру Анталкидов, положили конец беотийской федерации.

[137] Ритор Аристеид (Or. xix, Eleusin. р. 452 Cant.; р. 419 Dind.) утверждает, что Кадмея была захвачена во время Пифийского фестиваля. Этот фестиваль должен был состояться в июле или августе 382 г. до н. э.; около начала третьего года (99-й) Олимпиады. См. выше в этой истории, том VI. Ch. liv, р. 455, примечание. Относительно года и месяца, в которые проводился пифийский праздник, мнения комментаторов расходятся. Я согласен с теми, кто относит его к первой четверти третьего олимпийского года. И дата похода Фибидаса прекрасно согласуется с этим предположением.

Ксенофонт ничего не упоминает о пифийском празднике, который праздновался, когда Фивы стояли лагерем: ведь он не имел конкретного отношения к Фивам.

[138] Xen. Hellen. v, 2, 28, 29.

[139] Xen. Hellen. v, 2, 30, 31.

[140] Xen. Hellen. ii, 3. См. выше в этой истории, т. VIII. Ch. lxv. р. 252.

[141] Xen. Hellen. v, 4, 1.

[142] Любопытно, что Ксенофонт, относясь к Фибиду как к человеку скорее сердечному, чем мудрому, говорит о нем так, как будто он не оказал Спарте никакой реальной услуги захватом

Кадмеи (v, 2, 28). Объясняется это тем, что Ксенофонт писал свою историю в более поздний период, после поражения при Лейктре и падения Спарты; это падение было вызвано реакцией против ее чрезмерного и деспотичного господства, особенно после взятия Кадмеи, - или (согласно благочестивому вероучению Ксенофонта) недовольством богов, которое навлекла на нее такая незаконная деятельность (v, 4, 1). Таким образом, получается, что Фибидас действовал не с истинной мудростью и принес своей стране больше вреда, чем пользы; критика, которую, мы можем быть уверены, никто не выдвигал ни во время самого захвата, ни в течение трех лет после него.

[143] Xen. Hellen. v, 2, 34.

Καὶ ὑμεῖς γε (говорит Леонтиад лакедемонским эфорам) τότε μὲν ἀεὶ προσείχετε τὸν νοῦν, πότε ἀκούσεσθε βιαζομένους αὐτοὺς τὴν Βοιωτίαν ὑφ' αὐτοῖς εἶναι- νῦν δ', ἐπεὶ τάδε πέπρακται, οὐδὲν ὑμᾶς δεῖ Θηβαίους φοβεῖσθαι- ἀλλ' ἀρκέσει ὑμῖν μικρὰ σκυτάλη, ὥστε ἐκεῖθεν πάντα πράττεσθαι, ὅσων ἂν δέησθε-ἐάν, ὥσπερ ἡμεῖς ὑμῶν, οὕτω καὶ ὑμεῖς ἡμῶν, ἐπιμελήσθε.

Ксенофонт упоминает о недовольстве эфоров и спартанцев в целом против Фибидаса (χαλεπῶς ἔχοντας τῷ Φοιβίδῃ), но не о штрафе, о котором свидетельствуют Диодор (xv, 20), Плутарх (Pelopidas, с. 6, и De Genio Socratis, p. 576 A), и Корнелием Непосом (Pelopid. с. 1).

[144] Xen. Hellen. v, 2, 35; Плутарх, De Genio Socratis, p. 576 A. Плутарх в другом месте (Pelopid. с. 5) представляет Исмения как доставленного в Спарту и судимого там.

[145] Xen. Hellen. v, 2, 38.

[146] Демосфен (De Fals. Leg. с. 75, p. 425) с должной похвалой отзываясь о храбром сопротивлении, оказанном олинфянами огромным силам Спарты. Но его высказывания совершенно неверны в отношении характера и результатов войны. Если бы у нас не было других сведений, кроме его, мы могли бы предположить, что олинфяне одержали победу, а лакедемоняне потерпели поражение.

[147] Ксеноф. Hellen. v, 2, 40-43.

[148] Thucyd. i, 63 - со схолиастом.

[149] Xen. Hellen. v, 3, 4-6. παμπλήθεις ἀπέκτειναν ἀνθρώπους καὶ ὅτι περ ὄφελος ἦν τοῦτου τοῦ στρατεύματος.

Диодор (xv, 21) называет потери в двенадцать сотен человек.

[150] Xen. Hellen. v, 3, 9. Πολλοὶ δὲ αὐτῷ καὶ τῶν περιοίκων ἐθελονταὶ καλοὶ κάγαθοι ἠκολούθουν, καὶ ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων, καὶ νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν, μάλα εὐεидεῖς τε καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἄπειροι.

Фраза -ξένοι τῶν τροφίμων - иллюстрируется отрывком из Филарха в Athenæus, vi, p. 271 (на который ссылается Шнайдер в своем примечании здесь). Я уже говорил, что политическое право спартанского гражданина зависело от его способности постоянно вносить свою норму в общественную столовую. Многие из бедных семей были не в состоянии делать это и, таким образом, теряли квалификацию и обучение; но богатые граждане иногда платили за них квоту и давали им возможность продолжать обучение в качестве ξύντροφοι, τρόφιμοι, μόθακες и т. д. как товарищи своих собственных сыновей. Два сына Ксенофонта получили образование в Спарте (Diog. Laert. ii, 54) и, таким образом, были бы ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων. Если бы кто-то из них был уже достаточно взрослым, он, вероятно, мог бы стать одним из добровольцев, сопровождавших Агесиполиса.

[151] Xen. Hellen. v, 3, 18; Pausan. iii, 5, 9.

[152] Xen. Hellen. v, 3, 26; Diodor. xv, 22, 23.

[153] Xen. Hellen. v, 2, 10.

[154] Xen. Hellen. v, 3, 10, 11.

[155] Xen. Hellen. v, 3, 10. ἡ Φλιασίων πόλις, ἐπαινεθεῖσα μὲν ὑπὸ τοῦ Ἀγησιπόλιδος, ὅτι πολλὰ καὶ ταχέως αὐτῷ χρήματα ἐς τὴν στρατιὰν ἔδοσαν, etc.

[156] Xen. Hellen. v, 3, 12, 13; Плутарх, Agesil. c. 24; Diodor. xv, 20.

[157] Xen. Hellen. v, 3, 25.

Καὶ τὰ μὲν περὶ Φλιοῦντα οὕτως αὖ ἐπετετέλεστο ἐν ὀκτῶ μηνὶ καὶ ἑνιαυτῷ.

Это общее выражение "дела, связанные с Филией" включает в себя не только блокаду, но и предварительное лечение и жалобы филийских изгнанников. Таким образом, один год - это столько, сколько мы можем позволить для блокады, - возможно, больше, чем мы должны позволить.

[158] Xen. Hellen. v, 3, 17-26.

[159] Панегирист Агесилая находит мало похвалы в этих филийских действиях, кроме φιλεταιρεία или партизанского отряда своего героя (Xenoph. Agesil. ii, 21).

[160] Thucyd. i, 124. πόλιν τύραννον.

[161] Lysias, Frag. Orat. xxxiii, (Olympic.) ed. Bekker ap. Dionys. Hal. Judic. de Lysiâ, p. 520-525, Reisk.

... Ὅρων οὕτως αἰσχυρῶς διακειμένην τὴν Ἑλλάδα, καὶ πολλὰ μὲν αὐτῆς ὄντα ὑπὸ τῷ βαρβάρῳ, πολλὰς δὲ πόλεις ὑπὸ τυράννων ἀναστάτους γεγενημένας.

... Ὅρῳμεν γὰρ τοὺς κινδύνους καὶ μεγάλους καὶ παντάχοθεν περιεστηκότας. Ἐπίστασθε δὲ, ὅτι ἡ μὲν ἀρχὴ τῶν κρατούντων τῆς θαλάσσης, τῶν δὲ χρημάτων βασιλεὺς ταμίας- τὰ δὲ τῶν Ἑλλήνων σώματα, τῶν δαπανᾶσθαι δυναμένων- ναῦς δὲ πολλὰς αὐτὸς κέκτηται, πολλὰς δ' ὁ τύραννος τῆς Σικελίας....

... Ὡστε ἄξιον-τοὺς προγόνους μιμεῖσθαι, οἱ τοὺς μὲν βαρβάρους ἐποίησαν, τῆς ἀλλοτρίας ἐπιθυμοῦντας, τῆς σφετέρας αὐτῶν ἐστερῆσθαι- τοὺς δὲ τυράννους ἐξελάσαντες, κοινὴν ἅπασι τὴν ἐλευθερίαν κατέστησαν. Θαυμάζω δὲ Λακεδαιμονίους πάντων μάλιστα, τίνι ποτε γνώμῃ χρώμενοι, καιομένην τὴν Ἑλλάδα περιορῶσιν, ἡγεμόνες ὄντες τῶν Ἑλλήνων, и т.д.

... Οὐ τοίνυν ὁ ἐπιὼν καιρὸς τοῦ παρόντος βελτίων- οὐ γὰρ ἀλλοτρίας δεῖ τὰς τῶν ἀπολωλότων συμφορὰς νομίζειν, ἀλλ' οἰκείας- οὐδ' ἀναμεῖναι, ἕως ἂν ἐπ' αὐτοὺς ἡμᾶς αἱ δυνάμεις ἀμφοτέρων (об Артаксерксе и Дионисии) ἔλθωσιν, ἀλλ' ἕως ἔτι ἔξεστι, τὴν τούτων ὕβριν κωλύσαι.

Эфор, по-видимому, утверждал, что между персидским царем и Дионисием существовал план совместного нападения на Грецию и ее раздела между ними (см. Ephori Fragm. 141, ed. Didot). Утверждение принадлежит ритору Аристеиду, и аллюзия на Эфора сохранена здесь схолиастом об Аристеиде (который, однако, ошибается, относя ее к Дионисию Младшему). Аристеид приписывает срыв этой атаки доблести двух афинских полководцев, Ификрата и

Тимофея, первый из которых захватил флот Дионисия, а второй разгромил лакедемонский флот при Леуках. Но эти события произошли в 373-372 гг. до н. э., когда власть Дионисия не была столь грозной и агрессивной, как в 387-382 гг. до н. э.: кроме того, кораблей Дионисия, захваченных Ификратом, было всего десять, то есть небольшая эскадра. Аристеид, как мне кажется, неправильно определил дату, к которой на самом деле относится утверждение Эфора.

[162] См. Pseudo-Andokides cont. Alkibiad. s. 30; и том VII этой истории, гл. lv, с. 53.

[163] Дионис. Hal. Judic. de Lysiâ, p. 519; Diodor. xiv, 109. ὥστε τινὰς τολμῆσαι διαρπάζειν τὰς σκηνάς.

Дионисий не уточняет дату этой оратории Лисия, но Диодор относит ее к Олимпиаде 98 г. до н. э. - 388 г. до заключения Анталкидского мира. В этом вопросе я осмеливаюсь отступить от него и отнести ее к Олимпиаде 99, или 384 г. до н. э., через три года после заключения мира; тем более что его олимпийская хронология представляется неясной, что можно увидеть, сравнив xv, 7 с xiv, 109.

1. 388 год до н. э. был годом войны, в которой Спарта со своими союзниками с одной стороны, а Фивы, Афины, Коринф и Аргос - с другой, вели напряженные боевые действия. Война мешала четырем вышеупомянутым государствам прислать какую-либо государственную делегацию для принесения жертв на Олимпийском празднике. Лисий, как афинский митрополит, вряд ли мог вообще туда отправиться; но он точно не мог отправиться туда, чтобы устроить публичную и смелую ораторскую демонстрацию.

2. Язык Лисия предполагает, что речь была произнесена после уступки азиатских греков Персии, - ὅρῳ πολλὰ μὲν αὐτῇς (Ἑλλάδος) ὄντα ὑπὸ τῷ Βαρβάρῳ, и т.д. Это вполне уместно после заключения Анталкидова мира, но совершенно неприемлемо до него. То же самое можно сказать и о фразе, - οὐ γὰρ ἀλλοτρίας δεῖ τὰς τῶν ἀπολωλότην συμφορὰς νομίζειν, ἀλλ' οἰκείας; что должно быть отнесено к недавнему подчинению азиатских греков Персией, а италийских и сицилийских греков - Дионисием.

3. В 388 году до н.э.-когда Афины и большая часть крупных городов Греции находились в состоянии войны со Спартой и, следовательно, оспаривали ее главенство, Лисий вряд ли стал бы публично говорить о спартанцах как о ἡγεμόνες τῶν Ἑλλήνων, οὐκ ἀδίκως, καὶ διὰ τὴν ἔμφυτον ἀρετὴν καὶ διὰ τὴν πρὸς τὸν πόλεμον ἐπιστήμην. Это замечание делает и Зиверс (Geschich. Griech. bis zur Schlacht von Mantinea, p. 138). Он также не стал бы так яростно выступать против персидского царя в то время, когда Афины еще не отчаивались в помощи персов против Спарты.

На этих основаниях (а также на других, которые я изложу, когда буду излагать историю Дионисия) мне кажется, что эта оратория Лисия не подходит для 388 г. до н. э., но прекрасно подходит для 384 г. до н. э.

[164] Lysias, Orat. Olymp. Frag. καιομένην τὴν Ἑλλάδα περιορῶσιν, etc.

[165] Исократ, Or. iv, (Panegy.) s. 145, 146: сравните его Orat. viii, (De Pace) s. 122; и Diodor. xv, 23.

Дионисий Сиракузский послал двадцать трирем, чтобы присоединиться к лакедемонянам на Геллеспонте за несколько месяцев до заключения Анталкидского мира (Ксенофонт, Hellen. v, 1, 26).

[166] Xen. Hellen. v, 4, 1. Πολλὰ μὲν οὖν ἂν τις ἔχοι καὶ ἄλλα λέγειν, καὶ Ἑλληνικὰ καὶ βαρβαρικὰ, ὥς θεοὶ οὔτε τῶν ἀσεβοῦντων οὔτε τῶν ἀνόσια ποιούντων ἀμελοῦσι- νῦν γε μὴν λέξω τὰ προκείμενα. Λακεδαιμόνιοί τε γὰρ, οἱ ὁμόσαντες αὐτονόμους ἐάσειν τὰς πόλεις, τὴν ἐν Θήβαις ἀκρόπολιν κατασχόντες, ὑπ' αὐτῶν μόνον τῶν ἀδικηθέντων ἐκολάσθησαν, πρῶτον οὐδ' ὑφ' ἐνὸς τῶν πώποτε ἀνθρώπων κρατηθέντες. Τοὺς τε τῶν πολιτῶν εἰσαγαγόντας εἰς τὴν ἀκρόπολιν αὐτοὺς, καὶ βουλευθέντας Λακεδαιμονίοις τὴν πόλιν δουλεῦειν, ὥστε αὐτοὶ τυραννεῖν ... τὴν τοῦτων ἀρχὴν ἐπτα μόνον τῶν φυγόντων ἤρκεσαν καταλῦσαι.

Д-р Питер (в своем *Commentatio Critica in Xenophontis Hellenica*, Hall. 1837, p. 82) правильно характеризует этот отрывок как поворотный пункт в истории: - "Hoc igitur in loco quasi editiore operis sui Xenophon subsistit, atque uno in conspectu Spartanos et ad suæ felicitatis faste

"Hoc igitur in loco quasi editiore operis sui Xenophon subsistit, atque uno in conspectu Spartanos, et ad suæ felicitatis fastigium ascendere videt, et rursus ab eo delabi: tantâ autem divinæ justitiæ conscientiâ tangitur in hac Spartanorum fortunâ conspicuæ, ut vix suum iudicium, quanquam id solet facere, suppresserit."

[167] См. т. VII этой истории, конец главы lvi.

[168] Soph. *Œdip. Tyr.* 450; *Antigon.* 1066.

[169] Плутарх, Пелопид, с. 6: ср. Плутарх, *De Gen. Socr.* с. 29, p. 596 B.

[170] Xenoph. Hellen. v, 4, 14.

[171] Плутарх, *De Gen. Socr.* с. 33, p. 598 B, C. ὥ καὶ μεθ' ἡμέραν ἐπενέβησαν καὶ προσέπτυσαν οὐκ ὀλίγαι γυναῖκες.

Среди пленников был знатный фиванец из демократической партии по имени Амфитей. Его собирались вскоре казнить, и заговорщики, лично привязанные к нему, по-видимому, ускорили час своего заговора отчасти для сохранения его жизни (Plutarch, *De Gen. Socrat.* p. 577 D, p. 586 F.).

[172] Язык Плутарха (*De Gen. Socrat.* с. 33, p. 598 C.) иллюстрируется описанием, приведенным в проповеди Ликурга (*Lykurgus cont.* (с. xi, s. 40) - о всеобщей тревоге, царившей в Афинах после битвы при Херонее, такой, что даже женщины не могли оставаться в своих домах -ἀναξίως αὐτῶν καὶ τῆς πόλεως ὀρωμένας, и т. д. Сравните также слова Макария в "Гераклидах" Еврипида, 475; и Диодора, xiii, 55, в его описании захвата Селина в Сицилии.

[173] Плутарх, Пелопидас, с. 6.

См. это чувство благодарности афинских демократов к тем фиванцам, которые приютили их в Фивах во время изгнания вместе с Фрасибулом, - ярко выраженное в оратории Лисия, от которой, к сожалению, сохранился только фрагмент (*Lysias, Frag.* 46, 47, Bekk.; *Dionys. Hal. Judic. de Isæo*, p. 594). Оратор этой оратории был принят в Фивах Кифисодотом, отцом Ференика; последний сейчас находился в изгнании в Афинах, и оратор не только принял его (Ференика) в своем доме с братской любовью, но и произнес эту орацию от его имени перед Дикастерием; Ференик имел законные претензии на имущество, оставленное убитым Андроклейдасом.

[174] Диодор. xv, 25; Плутарх, Пелопид, с. 12; Плутарх, *De Gen. Socr.* с. 17, p. 586 E.

В другом отрывке этого трактата (последнее предложение, кроме одного) он называет число жителей Кадмеи в пять тысяч человек: но скорее всего, истинным является меньшее число.

[175] Плутарх, De Gen. Socr. с. 4, р. 577 В; с. 17, р. 587 В; с. 25, р. 594 С; с. 27, р. 595 А.

[176] Плутарх, Пелопидас, с. 7, 8.

Плутарх, De Gen. Socr. с. 17, р. 587 D. Τῶν Μέλλωνος ἄρματηλατῶν ἐπιστάτης.... Ἄρ' οὐ Χλίδωνα λέγεις, τὸν κέλῃτι τὰ Ἡραῖα νικῶντα πέρυσιν;

[177] Ксенофонт говорит о *семѹ* (Hellen. v, 4, 1, 2); Плутарх и Корнелий Непос - о *двенадцати* (Плутарх, De Gen. Socr. с. 2, р. 576 С.; Плутарх, Pelopidas с. 8-13; Cornel. Nepos, Pelopidas, с. 2).

Примечательно, что Ксенофонт ни разу не упоминает имя Пелопида в этом заговоре, да и вообще (за одним исключением) во всей своей "Эллинике".

[178] Плутарх, De Gen. Socr. с. 3, р. 576 Е.; р. 577 А.

[179] Xen. Hellen. v, 4, 4. τὰς σεμνοτάτας καὶ καλλίστας τῶν ἐν Θήβαις. Плутарх, De Gen. Socr. с. 4, р. 577 С.; Плутарх, Pelopid. с. 9.

Фиванские женщины отличались величественной фигурой и красотой (Dikæarchus, Vit. Græc. р. 144, ed Fuhr.).

[180] Плутарх (Pelopid. с. 25; De Gen. Socr. с. 26, р. 594 D.) упоминает среди них Менеклеидес, Дамоклеиду и Теопомпу. Сравните Cornel. Непос, Пелопид. с. 2.

[181] Плутарх, Пелопид, с. 8; Плутарх, De Gen. Socrat. с. 17, р. 586 В.; с. 18, р. 587 D-E.

[182] Ксенофонт не упоминает об этом отдельном вызове и визите Харона к полемархам, как и о сцене с его сыном. Он только отмечает, что Харон приютил заговорщиков в своем доме, и, кажется, даже говорит о нем как о человеке малозначительном - παρὰ Харωνί τινι и т. д. (v, 4, 3).

Этот анекдот упоминается в обоих сочинениях Плутарха (De Gen. Socr. с. 28, р. 595; и Pelopidas, с. 9), и он слишком интересен, чтобы его опускать, так как полностью соответствует тому, что мы читаем у Ксенофонта; хотя, возможно, он имеет несколько театральный характер.

[183] Плутарх, Пелопидас, с. 10; Плутарх, De Gen. Socr. с. 30, р. 596 F. Εἰς αὔριον τὰ σπουδαῖα.

Этот случай также не находит места в повествовании Ксенофонта. Корнелий Непос, Пелопидас, с. 3. Эней (Полиоркетика. с. 31) в целом ссылается на то, что отсутствие немедленного вскрытия прибывших писем стало причиной захвата Кадмеи, что, однако, было лишь отдаленным последствием.

[184] Описание этого убийства полемархов в Фивах, данное Ксенофонтом, существенно отличается от описания Плутарха. Я в основном следую Ксенофону, однако ввожу несколько деталей, встречающихся у Плутарха, которые интересны и имеют признаки подлинности.

Сам Ксенофонт намекает (Hellen. v, 4, 7), что помимо истории, приведенной в тексте, существовала и другая, рассказанная некоторыми, - о том, что Меллон и его спутники попали к полемархам под видом пьяных гуляк. Именно эту последнюю историю принял Плутарх, и она вводит его во многие детали, совершенно не согласующиеся с рассказом Ксенофонта. Я

считаю, что история о том, что заговорщики были представлены в женском наряде, является более вероятной из двух. Она подтверждается точной аналогией с тем, что Геродот рассказывает нам об Александре, сыне Аминта, князе Македонии (Herod. v, 20).

Сравните Плутарх, Пелопид, с. 10, 11; Плутарх, De Gen. Socrat. с. 31, р. 597. Полиэн (ii, 4, 3) приводит историю с различными обстоятельствами, но сходится в том, что Пелопидас в женском наряде убил спартанского полководца. История, на которую ссылается Аристотель (Polit. v, 5, 10), хотя он называет и Фивы, и Архия, вряд ли может относиться к этому событию.

Однако именно Плутарх упоминает о присутствии на пиру архонта Кабеириха и о любопытном фиванском обычае, согласно которому архонт в течение года своего правления никогда не выпускал из рук освященное копье. Будучи уроженцем Беотии, Плутарх, несомненно, был знаком с этими старыми обычаями.

У каких других авторов Плутарх скопировал обильные подробности этой революции в Фивах, которые он вплетал в жизнь Пелопида и в трактат под названием De Genio Socratis, мы не знаем. Некоторые критики полагают, что он заимствовал у Дионисодора и Анаксиса - беотийских историков, чьи работы относятся к этому периоду, но от которых не сохранилось ни одного фрагмента (см. Fraggm. Histor. Græc. ed. Didot, vol. ii, p. 84).

[185] Xen. Hell. v, 4, 9; Плутарх, Pelop. с. 11, 12; и De Gen. Socr. р. 597 D-F. Здесь Ксенофонт и Плутарх снова расходятся; последний утверждает, что Пелопид попал в дом Леонтиада без Филлиды, что кажется мне совершенно невероятным. С другой стороны, Ксенофонт ничего не упоминает о защите Леонтиада и его личном конфликте с Пелопидом, который я копирую у Плутарха. Такой храбрый человек, как Леонтиад, бодрый и трезвый, не позволил бы убить себя без опасной для нападающих защиты". Плутарх в другом месте выделяет смерть Леонтиада как знаменательное обстоятельство всего славного предприятия и самое впечатляющее для Пелопида (Plutarch-Non posse suaviter vivi secundum Epicurum-p. 1099 A-E.).

[186] Ксеноф. Hell. v, 4, 8; Плутарх, Pelop. с. 12; De Gen. Socr. р. 598 B.

[187] Это любопытная деталь, о которой мы узнаем от Плутарха (De Gen. Socr. с. 34. р. 598 D.).

Орхоменские надписи в коллекции Бозэция сообщают о наградах, которые давали этим Σαλπίυκταῖ или трубачам (см. Voeckh, Corp. Inscr. № 1584, 1585 и др.).

[188] Единодушная радость, с которой в Фивах приветствовали завершение революции, и пыл, с которым граждане выступили в ее поддержку вооруженной силой, засвидетельствованы Ксенофонтом, не очень охотным свидетелем, - Hellen. v, 4, 9. ἐπεὶ δ' ἡμέρα ἦν καὶ φανερὸν ἦν τὸ γεγενημένον, ταχὺ δὲ καὶ οἱ ὀπλίται καὶ οἱ ἵππεῖς σὺν τοῖς ὄπλοις ἐξεβοήθουν.

[189] Плутарх, Pelop. с. 12.

[190] Плутарх, De Gen. Socr. р. 598 E.; Pelop. с. 12.

[191] Ксенофонт прямо упоминает, что афиняне, которых пригласили приехать и которые действительно приехали в Фивы, были двумя генералами и волонтерами; все они были заранее осведомлены о заговоре и находились в готовности на границах Аттики - τοὺς πρὸς τοῖς ὁρίοις Ἀθηναίων καὶ τοὺς δύο τῶν στρατηγῶν-οἱ Ἀθηναῖοι ἀπὸ τῶν ὁρίων ἤδη παρήσαν (Hellen. v, 4, 9, 10).

[192] Xen. Hellen. v, 4, 10, 11. προσέβαλον πρὸς τὴν ἀκρόπολιν-τὴν προθυμίαν τῶν προσιόντων ἀπάντων ἑώρων, и т. д.

Диодор, xv, 25. ἔπειτα τοὺς πολίτας ἐπὶ τὴν ἐλευθερίαν παρακαλέσαντες (успешные фиванские заговорщики, Пелопид и др.) συνέργους ἔσχον ἅπαντας τοὺς Θηβαίους.

[193] Xen. Hellen. v, 4, 12.

[194] Xen. Hellen. v, 4, 13; Diodor. xv, 27.

Плутарх (Pelopid. с. 13) усиливает театральный эффект, говоря, что лакедемонский гарнизон, отступая, на самом деле встретил в Мегаре подкрепление под командованием царя Клеомброта, которое продвинулось вперед, чтобы освободить Кадмею. Но это крайне маловероятно. Рассказ Ксенофонта ясно указывает на то, что Кадмея была окружена на следующее утро после ночного движения. Командиры капитулировали в первый момент растерянности и отчаяния, даже не выдержав штурма.

[195] Арриан, i, 6.

[196] В описании этой революции в Фивах и действий афинян в связи с ней я почти полностью следую Ксенофону.

Диодор (xv, 25, 26) соглашается с Ксенофонтом, утверждая, что фиванские изгнанники вернулись из Аттики в Фивы ночью, частично при содействии афинян (συνεπιλαβομένων τῶν Ἀθηναίων) - отбросив правителей, они призвали граждан к свободе на следующее утро, и, обнаружив, что все с готовностью приняли за дело, осадили пятнадцать сотен лакедемонян и пелопоннесцев в Кадмее.

Но после этого Диодор рассказывает о том, что последовало за этим, совершенно не согласуясь с Ксенофонтом; так (он говорит нам).

Лакедемонский полководец немедленно отправил в Спарту сообщение о случившемся с просьбой о подкреплении. Фиванцы сразу же попытались взять штурмом Кадмею, но были отбиты с большими потерями, как убитыми, так и ранеными. Опасаясь, что им не удастся взять крепость до прихода подкрепления из Спарты, они отправили посланников в Афины с просьбой о помощи, напоминая афинянам, что они (фиванцы) помогли освободить Афины от тридцатилетнего владычества, и восстановить демократию (ὑπομνήσκοντες μὲν ὅτι καὶ αὐτοὶ συγκατήγαγον τὸν δῆμον τῶν Ἀθηναίων καθ' ὃν καιρὸν ὑπὸ τῶν τριάκοντα κατεδουλώθησαν). Афиняне, отчасти желая отплатить за эту услугу, отчасти желая заручиться союзниками фиванцев против Спарты, публично проголосовали за немедленную помощь им. Полководец Демофон собрал пять тысяч гоплитов и пятьсот всадников, с которыми на следующий день поспешил в Фивы; все остальное население было готово последовать за ним в случае необходимости (πανδημεῖ). Все остальные города Беотии также послали помощь в Фивы, так что там собрался большой отряд из двенадцати тысяч гоплитов и двух тысяч всадников. Эти объединенные силы, среди которых были и афиняне, день и ночь штурмовали Кадмею, подкрепляя друг друга, но были отбиты с большими потерями убитыми и ранеными. В конце концов гарнизон оказался без провизии; спартанцы запоздали с подкреплением, и среди пелопоннесских союзников, составлявших большую часть гарнизона, вспыхнула смута. Эти пелопоннесцы, отказавшись от дальнейшей борьбы, настаивали на капитуляции, что лакедемонский губернатор был вынужден сделать, хотя и он, и спартанцы вместе с ним желали держаться до смерти. Кадмея была сдана, а гарнизон вернулся в Пелопоннес. Лакедемонское подкрепление из Спарты прибыло лишь с небольшим опозданием.

Все эти обстоятельства, изложенные Диодором, не только полностью расходятся с Ксенофонтом, но и не согласуются с его концепцией события. Мы должны отвергнуть либо одно, либо другое.

Теперь Ксенофонт не просто лучший свидетель из двух, но в данном случае его поддерживают все сопутствующие вероятности дела.

1. Диодор представляет афинян как отправивших общественным голосованием помощь в Фивы, чтобы отплатить за помощь, которую фиванцы ранее отправили для восстановления афинской демократии против Тридцати. Это неверно с точки зрения фактов. Фиванцы *никогда не посылали никакой помощи*, ни положительной, ни мнимой, Фрасибулу и афинским демократам против Тридцати. Они помогали Фрасибулу исподтишка, без какого-либо государственного акта; они отказались служить вместе со спартанцами против него. Но они никогда не посылали никаких сил на помощь против Тридцати. Следовательно, афиняне *не могли* сейчас послать в Фивы какие-либо государственные силы *в благодарность* за аналогичную услугу, оказанную им фиванцами ранее.

2. Если бы афиняне провели формальное голосование, послали большое государственное войско и приняли энергичное участие в нескольких кровавых нападениях на лакедемонский гарнизон в Кадмее, это было бы самым вопиющим и недвусмысленным началом военных действий против Спарты. После этого ни один спартанский посланник не смог бы отправиться в Афины и благополучно остановиться в доме Проксена, как мы знаем из Ксенофонта, что они и сделали. Кроме того, история Сфодрия (о которой мы сейчас расскажем) ясно доказывает, что Афины были в мире со Спартой и не совершали никаких враждебных действий против нее в течение трех или четырех месяцев, по крайней мере, после революции в Фивах. Это опровергает рассказ Диодора о публичном голосовании афинян и о том, что афинские войска под командованием Демофона помогали в нападении на Кадмею. Странно сказать, что сам Диодор через три главы после этого (xv, 29) рассказывает эту историю о Сфодрии точно так же (с небольшими отличиями), как и Ксенофонт; он начинает рассказ с заявления, что *афиняне все еще находятся в мире со Спартой*, и забывает, что сам рассказывал о явном нарушении этого мира со стороны афинян.

3. Известие о революции в Фивах должно было заставить афинскую общественность врасплох (хотя некоторые афиняне были посвящены в план), потому что это был план, который не имел шансов на успех иначе, как в глубокой тайне. Теперь, чтобы афинская общественность, впервые услышав эту новость, - не имея никаких позитивных действий, на которые можно было бы пожаловаться со стороны Спарты, и серьезных оснований опасаться ее могущества, - не имея никаких предшествующих обстоятельств, которые могли бы возбудить их или подготовить к какой-либо опасной решимости, - сразу же отождествила бы себя с Фивами и спровоцировала войну со Спартой таким стремительным образом, о котором говорит Диодор, - это, по моему мнению, совершенно невероятно, и требуются веские доказательства, чтобы заставить нас в это поверить.

4. Предположим, что утверждение Диодора верно, - какое разумное объяснение можно дать ошибочной версии, которую мы читаем у Ксенофонта? Факты в том виде, в каком он их излагает, наиболее остро противоречат его filo-лаконским пристрастиям; во-первых, свержение лакедемонской власти в Фивах горсткой изгнанников; кроме того, вся история Сфодрия и его оправдание.

Но предположим, что утверждение Ксенофонта верно, - и мы сможем дать очень правдоподобное объяснение тому, как возникла ошибочная версия Диодора. Несколько

месяцев спустя, после оправдания Сфодрия в Спарте, афиняне с радостью приняли союз с Фивами и послали большой отряд (пять тысяч гоплитов, столько же, сколько у Демофона, согласно Диодору, с. 32), чтобы помочь ей отразить Агесилая со спартанским войском. Нет ничего естественного в том, что их публичное голосование и экспедиция, предпринятые в июле 378 г. до н. э., были ошибочно отброшены к декабрю 379 г. до н. э. Афинские ораторы любили хвастаться, что Афины спасли фиванцев от Спарты; и это можно сказать с некоторой долей правды в отношении той помощи, которую она действительно оказала впоследствии. Исократ (Or. Plataic. s. 31) говорит об этом в общих чертах; но Дейнарх (Cont. Demosthen. s. 40) более отчетлив и в нескольких словах дает версию, аналогичную той, которую мы находим у Диодора; то же самое делает и Аристеид в двух очень кратких упоминаниях (Panathen. p. 172 и Or. xxxviii, Socialis, p. 486-498). Возможно, Аристеида, как и Диодора, скопировали у Эфора; но как бы то ни было, легко понять, из какой ошибки выросла их версия.

5. Наконец, Плутарх ничего не упоминает о публичном голосовании афинян и регулярном разделении войск под командованием Демофона, которые, как утверждает Диодор, помогли при штурме Кадмеи. См. Плутарх (De Gen. Socrat. ad fin. Agesil. с. 23; Pelopid. 12, 13). Он, как и Ксенофонт, намекает лишь на то, что среди афинских добровольцев были те, кто помогал изгнанникам.

М. Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, etc. p. 38-43) подробно обсуждает это несоответствие и приводит мнения различных немецких авторов по этому поводу, с которыми я не согласен.

По моему мнению, правильное решение состоит в том, чтобы полностью отвергнуть (как относящееся к более позднему времени) заявление Диодора о публичном голосовании в Афинах и армии, которая, как говорят, была отправлена в Фивы при Демофоне; и принять более достоверный рассказ Ксенофонта, который приписывает Афинам разумное благоразумие и большой страх перед Спартой, - качества, которыми афинские ораторы не были бы склонны хвастаться. Согласно этому рассказу, вопрос об отправке афинян на помощь при штурме Кадмеи вряд ли мог быть вынесен на всеобщее обсуждение, поскольку эта цитадель была сразу же сдана запуганным гарнизоном.

[197] Дерзкий *переворот* Пелопида и Меллона против фиванского правительства имеет удивительную аналогию с тем, как Евагор проник в Саламин и сверг предыдущего деспота (Isokrates, Or. ix, Evagor. s. 34).

[198] См. в качестве иллюстрации греческих настроений по этому вопросу Ксенофонт, Hellen. iii, 4, 19; и Ксенофонт, Enc. Ages. i, 28.

[199] Если верить Исократу, говорящему устами платейца, то получается, что фиванцы сразу после революции отправили в Спарту смиренное посольство с отказом от вражды, просьбой принять их в союзники и обещанием служить даже против своих благодетелей афинян так же преданно, как это делало свергнутое правительство; посольство, на которое спартанцы надменно ответили, требуя принять обратно своих изгнанников и изгнать убийц Пелопида и его товарищей. Возможно, фиванцы отправили посольство, чтобы проверить возможность избежать спартанской вражды, но крайне маловероятно, что они давали какие-либо обещания, подобные упомянутым здесь; несомненно, что они быстро начали энергично готовиться к вражде, которая, как они видели, приближалась.

См. Исократ, Or. xiv, (Plataic.) s. 31.

Эта оратория вложена в уста платейца и, похоже, представляет собой собрание почти всех тем, которые могли бы быть навязаны, истинно или ложно, против Фив.

[200] Xen. Hellen. v, 4, 14. μάλα χειρῶνος ὄντος.

[201] Xen. Hellen. v, 4, 13. εὖ εἰδὼς ὅτι, εἰ στρατηγοίη, λέξειαν οἱ πολῖται, ὥς Ἀγησίλαος, ὅπως βοηθήσειε τοῖς τυράννοις, πράγματα τῇ πόλει παρέχοι. Плутарх, Agesil. с. 24.

[202] Ксен. Hellen. v, 4, 15-18.

[203] См. т. VIII этой истории, гл. lxiv, с. 196 - о псефизме Каннона.

[204] Xen. Hellen. v, 4, 19; Плутарх, Пелопид. с. 14.

Ксенофонт упоминает лакедемонских посланников в Афинах, но не говорит прямо, что они были посланы требовать возмещения ущерба за поведение этих двух генералов или добровольцев. Однако я не сомневаюсь, что дело обстояло именно так; ведь в те времена не было посланников-резидентов - только посланники, отправленные с особыми миссиями.

[205] Суд и осуждение этих двух генералов послужили основой для резких упреков в адрес афинской демократии. Вахсмут (Hellen. Alterth. i, p. 654) называет его "судебным ужасом, или мерзостью - "Greul-gericht". Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, etc. p. 44, 45) говорит: "Quid? quia invasionem Lacedæmoniorum viderant in Bœotiam factam esse, non puduit eos, damnare imperatores quorum facta suis decretis comprobaverant?" ... "Igitur hanc *illius facinoris excusationem* habebimus: Rebus quæ a Thebanis agebantur (*m. e.* предложениями фиванцев, добивавшихся мира со Спартой и пытавшихся записаться в ее союзники, - как утверждает Исократ, что, как я заметил выше, записано, по моему мнению, очень неточно) *cognitis, Athenienses, quo enixius subvenerant, eo majore pœnitentiâ perculsi sunt..... Sed tantum abfuit ut sibimet irascerentur, ut, e more Atheniensium, punirentur qui perfecerant id quod tum populus exoptaverat.*"

Цензура Вахсмута, Реданца и др. предполагает как факт, -1. что афиняне провели официальное голосование в общественном собрании, чтобы послать помощь в Фивы под командованием двух генералов, которые, соответственно, отправились во главе армии и выполнили свои инструкции. 2. Афиняне, раскаявшись или ужаснувшись, судили и осудили этих двух генералов за то, что они выполнили поручение, возложенное на них.

Я уже привел основания (в предыдущем примечании) полагать, что первое из этих утверждений неверно; второе, как зависящее от него, будет, следовательно, также неверным.

Эти авторы, как мне кажется, выделяют часть каждого из двух *непоследовательных* рассказов Ксенофонта и Диодора и смешивают их вместе таким образом, что это противоречит обоим.

Так, они берут из Диодора утверждение, что афиняне послали в Фивы общественным голосованием большое войско, которое вместе с фиванцами сражалось против Кадмеи, - утверждение, которого не только нет у Ксенофонта, но которое его рассказ недвусмысленно, хотя и косвенно, исключает.

Далее, они берут из Ксенофонта утверждение, что афиняне судили и осудили двух генералов, которые были соучастниками заговора Меллона против фиванских правителей, - τῷ δὲ στρατηγῷ, οἱ συνηπιστάσθην τὴν τοῦ Μέλλωνος ἐπὶ τοὺς περὶ Λεοντιάδην ἐπανάστασιν (v, 4, 19). Теперь упоминание этих двух генералов следует у *Ксенофонта* естественно и последовательно. Он уже говорил нам, что среди афинских генералов *было двое*, которые и помогали подпольно в

организации заговора, и после этого отправились с добровольцами в Фивы. Но это нельзя приписать к повествованию *Диодора, который ни словом не обмолвился об осуждении афинян* и даже не упомянул *двух афинских генералов*. Он сообщает нам, что афинским войском, отправившимся в Фивы, командовал Демифон; он не замечает никакого коллеги. В общих словах он говорит, что заговор был организован "при содействии афинян" (συνεπιλαβομένων Ἀθηναίων); ни слова не говорится ни о каких *двух генералах* как особо активных.

Вахсмут и Реданц совершенно необоснованно считают, что эти два осужденных генерала (упомянутые Ксенофонтом, а не Диодором) идентичны Демифону и другому коллеге, командующим армией, которая ушла по результатам общественного голосования (упомянутые Диодором, а не Ксенофонтом).

Повествования Ксенофонта и Диодора (как я уже отмечал) отличаются и не согласуются друг с другом. Мы должны сделать свой выбор между ними. Я придерживаюсь версии Ксенофонта по причинам, изложенным ранее. Если же кто-то предпочтет версию Диодора, то ему придется полностью отказаться от истории осуждения двух афинских генералов (*которые нигде не фигурируют у Диодора*) и предположить, что Ксенофонт был дезинформирован по этому вопросу, как и по другим фактам дела.

То, что два афинских генерала (если принять рассказ Ксенофонта за правду) были преданы суду и наказаны, когда последствия их самовольных действий грозили сурово обрушиться на Афины, не кажется мне ни неправдоподобным, ни неразумным. Тем, кого шокирует сама суровость приговора, будет полезно прочесть замечания, которые лакедемонские посланники делают (Xen. Hellen. v, 4, 23) по поводу поведения Сфодриаса.

Переходя от одного сурового приговора к другому, - тот, кто верит рассказу Диодора, а не Ксенофонта, должен считать казнь тех двух лакедемонских командиров, которые сдали Кадмею, чрезвычайно жестокой. По словам Диодора, эти офицеры сделали все, что могли сделать храбрые люди; они долго сопротивлялись, отразили множество атак, и только мятеж гарнизона помешал им продержаться еще дольше.

И здесь мы снова видим превосходство рассказа Ксенофонта над повествованием Диодора. Согласно первому, эти лакедемонские военачальники сдали Кадмею без всякого сопротивления. Их осуждение, как и осуждение двух афинских полководцев, легко понять и объяснить.

[206] Тацит. Histor. i, 38.

Сравните (у Плутарха, Anton. c. 32) замечание Секста Помпея своему капитану Менасу, когда тот попросил разрешения перерезать канаты корабля, пока Октавий и Антоний обедали на борту, и захватить их людей: "Я не могу разрешить ничего подобного; но ты должен был сделать это, не спрашивая моего разрешения". Ответ, знакомый читателям "Антония и Клеопатры" Шекспира.

[207] Каллистен, Фрагм. 2, ed. Didot, apud Harpokration, v. Σφοδρία; Diodor. xv, 29; Plutarch, Pelopidas, c. 14; Plutarch, Agesil. c. 24. Ошибка Сфодрия в расчете времени, необходимого для похода в Пирей, не хуже других ошибок, которые Полибий (в очень поучительном рассуждении, ix, 12, 20, по-видимому, извлеченном из его утраченных комментариев к "Тактике") называет ошибками других способных полководцев.

[208] Πείθουσι τὸν ἐν ταῖς Θεσπιαῖς ἄρμοστὴν Σφοδρίαν, χρήματα δόντες, ὥς ὑπὸ λπτεύετο-Xenoph. Hellen. v, 4, 20; Diodor. xv, 29; Plutarch, Pelopid. c. 14; Plutarch, Agesil. c. 24, 25.

Диодор утверждает, что Клеомброт отдавал Сфодрию частные приказы.

Отвергая подозрение Ксенофонта, что именно фиванские вожди подстрекали и подкупали Сфодрия, мы можем заметить: 1. Этот план вполне мог удался, и его успех был бы губителен для фиванцев. Если бы они были зачинщиками, они не могли бы не сообщить об этом в Афины в то же самое время; чего они, конечно, не сделали. 2. Если бы лакедемоняне наказали Сфодрия, войны бы не последовало. Каждый мог предположить, что, если затея провалится, они непременно накажут его. 3. Сильный интерес, проявленный Агесилаем впоследствии к судьбе Сфодрия, и высокая оценка, которую он дал общему характеру последнего, вполне согласуются с его убеждением, что Сфодрий (подобно Фибиду) мог поступить дурно по отношению к чужому городу из-за чрезмерного рвения на службе своей стране. Но если бы Агесилай (который безмерно ненавидел фиванцев) считал, что Сфодрий действовал под влиянием подкупа с их стороны, он бы не просто позволил справедливости идти своим чередом, но одобрил бы и способствовал осуждению.

В предыдущем случае (Hellen. iii, 5, 3) Ксенофонт вменял фиванцам в вину подобную изоцренность хитрости; похоже, с неменьшим основанием.

[209] Xen. Hellen. v, 4, 22; Плутарх, Agesil. с. 24.

[210] Xen. Hellen. v, 4, 32. Ἐκεῖνός γε (Ἀγησίλαος) πρὸς πάντας ὅσοις διείλεκται, ταῦτὰ λέγει- Μὴ ἀδικεῖν μὲν Σφοδρίαν ἀδύνατον εἶναι- ὅστις μέντοι, παῖς τε ὢν καὶ παιδίσκος καὶ ἡβῶν, πάντα τὰ καλὰ ποιῶν διετέλεσε, χαλεπὸν εἶναι τοιοῦτον ἄνδρα ἀποκτινύναι- τὴν γὰρ Σπάρτην τοιούτων δεῖσθαι στρατιωτῶν.

Ксенофонт довольно подробно (т. 4, 25-33) и очень интересно объясняет отношения между Клеонимом и Архидамом, а также обращение Архидамы к отцу. Это изложение имеет все признаки личного знания, и ничто, кроме страха перед длиннотами, не мешает мне привести его полностью.

Сравните Плутарх, Агесилай, с. 25; Диодор. xv, 29.

[211] Xen. Hellen. v, 4, 22-32.

[212] Xen. Hellen. v, 4, 24.

[213] Xen. Hellen. v, 4, 34-63.

[214] Xen. Hellen. v, 4, 34; Xen. de Vectigal. v, 7; Isokrates, Or. xiv, (Plataic.) s. 20, 23, 37; Diodor. xv, 29.

[215] Взнос теперь назывался σύνταξις, а не φόρος; см. Isokrates, De Pace, s. 37-46; Plutarch, Phokion, с. 7; Harpokration, v. Σύνταξις.

Плутарх, De Fortunâ Athen. p. 351. ἰσόψηφον αὐτοῖς τὴν Ἑλλάδα κατέστησαν.

[216] Isokrates, Or. xiv, (Plataic.) s. 47. Καὶ τῶν μὲν κτημάτων τῶν ὑμετέρων αὐτῶν ἀπέστητε, βουλόμενοι τὴν συμμαχίαν ὡς μεγίστην ποιῆσαι, etc.

Diodor. xv, 28, 29. Ἐψηφίσαντο δὲ καὶ τὰς γενομένας κληρουχίας ἀποκαταστῆσαι τοῖς πρότερον κυρίοις γεγονόσι, καὶ νόμον ἔθεντο μηδένα τῶν Ἀθηναίων γεωργεῖν ἐκτὸς τῆς Ἀττικῆς. Διὰ δὲ ταύτης τῆς φιλανθρωπίας ἀνακτησάμενοι τὴν παρὰ τοῖς Ἑλλησιν εὖνοιαν, ἰσχυροτέραν ἐποίησαν τὴν ἰδίαν ἡγεμονίαν.

Исократ и Диодор говорят об этом голосовании в общих чертах, в формулировках, которые могут заставить нас представить, что речь идет о явной реституции, возвращении имущества, которым

фактически пользовались. Но афиняне так и не вернули себе частную собственность, утраченную в конце войны, хотя очень хотели этого и лелеяли надежду, что благоприятное стечение обстоятельств позволит им ее вернуть. Поскольку восстановление, если оно состоится, будет стоить тем, кого они теперь приглашали в союзники, публичный и официальный отказ от таких прав был мерой большой политики и в значительной степени способствовал успокоению беспокойства на островах; хотя на самом деле ничего не было уступлено, кроме прав на собственность, которой в действительности не пользовались.

Недавно в Афинах была обнаружена надпись, фиксирующая первоначальный афинский указ, основные положения которого приведены в моем тексте. Она датируется периодом правления архонта Наусиника. Она находится, с реставрацией М. Бозция (к счастью, часть ее была найдена в довольно хорошей сохранности), в приложении к новому изданию его работы, - "Über die Staats-haushaltung der Athener-Verbesserungen und Nachträge zu den drei Banden der Staats-haushaltung der Athener", p. xx.

Ἀπὸ δὲ Ναυσινίκου ἄρχοντος μὴ ἐξεῖναι μῆτε ἰδίᾳ μῆτε δημοσίᾳ Ἀθηναίων μηδενὶ ἐγκτήσασθαι ἐν ταῖς τῶν συμμάχων χώραις μῆτε οἰκίαν μῆτε χώριον, μῆτε πριαμένῳ, μῆτε ὑποθεμένῳ, μῆτε ἄλλῳ τρόπῳ μηδενί. Ἐὰν δέ τις ὠνήται ἢ κτᾶται ἢ τίθεται τρόπῳ ὁτιοῦν, ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τῶν συμμάχων φῆναι πρὸς τοὺς συνέδρους τῶν συμμάχων. Οἱ δὲ σύεδροι ἀπο- -μενοι ἀποδόντων [τὸ μὲν ἦ]μισυ τῷ φῆναντι, τὸ δὲ ἄ[λλο κοιν]ὸν ἔστω τῶν συνμμάχων. Ἐὰν δέ τις [ἴ] ἐπὶ πολέμῳ ἐπὶ τοὺς ποιησαμένους τὴν συμμαχίαν, ἢ κατὰ γῆν ἢ κατὰ θάλασσαν, βοηθεῖν Ἀθηναίους καὶ τοὺς συμμάχους τούτοις καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν παντὶ σθένει κατὰ τὸ δυνατόν. Ἐὰν δέ τις εἴπῃ ἢ ἐπιψηφίσῃ, ἢ ἄρχων ἢ ἰδιώτης, παρὰ τόδε τὸ ψήφισμα, ὥς λύειν τι δεῖ τῶν ἐν τῷδε τῷ ψηφίσματι εἰρημένων, ὑπαρχέτω μὲν αὐτῷ ἀτίμῳ εἶναι, καὶ τὰ χρήματα αὐτοῦ δημόσια ἔστω καὶ τῆς θεοῦ τὸ ἐπιδέκατον- καὶ κρινέσθω ἐν Ἀθηναίοις καὶ τοῖς συμμάχοις ὥς διαλύων τὴν συμμαχίαν. Ζημιούντων δὲ αὐτὸν θανάτῳ ἢ φυγῇ ὅπου Ἀθηναῖοι καὶ οἱ σύμμαχοι κρατοῦσι. Ἐὰν δὲ θανάτῳ τιμήθῃ, μὴ ταφήτω ἐν τῇ Ἀττικῇ μηδὲ ἐν τῇ τῶν συμμάχων.

Далее следует распоряжение, чтобы секретарь сената пятисот начертал указ на каменной колонне и поставил ее рядом со статуей Зевса Элевтерия; с приказом казначеям богини выдать шестьдесят драхм на расходы, связанные с этим.

Оказывается, к этой надписи был приложен список городов, уже присоединившихся к конфедерации, а также некоторые другие имена, добавленные впоследствии, городов, присоединившихся к конфедерации. Сама надпись предписывает записать этот список, -εἰς δὲ τὴν στήλην ταύτην ἀναγράφειν τῶν τε οὐσῶν πόλεων συμμαχίδων τὰ ὀνόματα, καὶ ἣτις ἂν ἄλλη σύμμαχος γίγνηται.

К сожалению, М. Бёкх не приложил этот список, который, к тому же, по его словам, сохранился лишь в очень частичном и фрагментарном состоянии. Он отмечает только города Поисса и Корес на острове Кеос, Антисса и Эресус на Лесбосе; все четыре города были автономными общинами.

[217] Herodot. i, 96. Ὁ δὲ, οἷα δὴ μνεώμενος ἀρχὴν, ἰθύς τε καὶ δίκαιος ἦν.

[218] Именно с этим чувством связан Ζεὺς Ἐλευθέριος, - Павсаний, победитель Платеи, сразу после битвы приносит Зевсу Элевтерии торжественную жертву и благодарственный молебен на агоре города (Thucyd. ii, 71). Так же поступали сиракузяне сразу после изгнания династии Гелонов (Diodor. xi, 72) - и Мæндрий на Самосе (Herodot. iii, 142).

[219] Диодор. xv, 29.

[220] Диодор. xv, 29.

[221] Корнель. Непос, Ификрат, с. 2; Чабриас, с. 2, 3.

[222] См. интересный фрагмент (сохранившийся у Афиней, iv, p. 131) комедии под названием "Протесилай" афинского поэта Анаксандрида (Meineke, Comic. Græc. Frag. iii, p. 182). В ней содержится любопытное описание свадьбы Ификрата с дочерью Котиса во Фракии, оживленной обильным пиром и обильными возлияниями вина толпам фракийцев на рыночной площади: -...

δειπνεῖν δ' ἄνδρας βουτιροφάγας

αὐχμηροκόμας μυριοπληθεῖς и т.д,

медные сосуды величиной с винный чан, полные бульона, - сам Котис, подпоясанный по кругу и подающий бульон в золотом тазу, затем идет и пробует все чаши с вином и водой, которые уже смешаны, пока сам не становится первым опьяневшим человеком. Ификрат привез из Афин несколько лучших исполнителей на арфе и флейте.

Различие между *маслом*, которое ели или натирали на кожу фракийцы, и *оливковым маслом*, которое обычно употребляли в Греции, заслуживает внимания. Слово αὐχμηροκόμας, по-видимому, указывает на отсутствие тех ароматных приправ, которые на пирах у греков наносились на волосы гостей, придавая им сияющий блеск и влажность. Похоже, что лакедемонские женщины иногда помазывали себя маслом, а не маслом; см. Плутарх, Adv. Koloten, p. 1109 B.

Количество военных хитроумных приемов во Фракии, приписываемых Ификрату Полиэном и другими тактическими писателями, указывает на то, что его подвиги там были известны и долго продолжались.

[223] Theopomp. Fragm. 175, ed. Didot; Demosth. cont. Aristokrat. p. 664.

[224] Ксеноф. Anab. vii, 2, 38; vii, 5, 8; vii, 6, 43. Xen. Hellen. i, 5, 17; Плутарх, Алкивиад. с. 36.

См. также поразительный отрывок (в Lysias Orat. xxviii, cont. Ergokl. s. 5) о совете, данном Фрасибулу недовольным согражданином, захватить Византию, жениться на дочери Сеутеса и бросить вызов Афинам.

[225] Æschines, Fals. Leg. с. 13. p. 249.

В какое время произошло это усыновление, мы не можем точно сказать; Аминтас умер в 370 г. до н. э., а в 378-371 гг. до н. э. Ификрат, похоже, частично находился на службе у персидских сатрапов, частично командовал афинским флотом в Ионическом море (см. Rehdantz, Vitæ Iphicratis, etc. ch. 4). Таким образом, усыновление произошло в период между 387-378 гг. до н.э.; возможно, после восстановления Аминта в его морских владениях в результате лакедемонской экспедиции против Олинфа - 382-380 гг. до н.э. Аминтас был настолько слаб и незащищен от фессалийцев и других соседей по суше (см. Demosth. cont. Aristokrat. p. 657. s. 112), что ему было выгодно заручиться благосклонностью воинственного афинянина, обосновавшегося на фракийском побережье, такого как Ификрат.

[226] Из отсутствия таких людей, как Ификрат и Хабрий, был сделан вывод, сурово осуждающий афинский народ. Они были настолько завистливы и злопамятны, что ни один из их полководцев не мог жить в Афинах с комфортом; все жили за границей, как могли. Корнелий Непос (Chabrias, с. 3) делает замечание, заимствованное первоначально из Theopompus (Fr. 117, ed. Didot), и переписанное многими современными комментаторами как точная и буквальная истина: "Hoc Chabrias nuntio (т. е. когда его отозвали из Египта, в связи с протестом Pharnabazus) Athenas rediit neque ibi diutius est moratus quam fuit necesse. Non enim libenter erat ante oculos civium suorum, quod et vivebat laute, et indulgebat sibi liberalius, quam ut invidiam vulgi posset effugere. Est enim hoc

commune vitium in magnis liberisque civitatibus, ut invidia gloriæ comes sit, et libenter de his detrahant, quos eminere videant altius; neque animo æquo pauperes alienam opulentium intuentur fortunam. Itaque Chabrias, quoad ei licebat, plurimum aberat. Neque vero solus ille aberat Athenis libenter, sed omnes fere principes fecerunt idem, quod tantum se ab invidiâ putabant abfuturos, quantum a conspectu suorum recessissent. Itaque Conon plurimum Cypri vixit, Iphicrates in Thraciâ, Timotheus Lesbi, Chares in Sigeo."

То, что афинский народ, наряду с другими человеческими слабостями, имел свою долю зависти и ревности, отрицать не приходится; но то, что эти качества принадлежали им в заметной или особой манере, не может (по моему мнению) быть показано никакими сохранившимися свидетельствами, - и уж точно не показано свидетельством, о котором здесь говорится.

"Хабрий любил жить в удовольствиях и роскоши". Если бы он был афинянином, а не спартанцем, он, несомненно, был бы вынужден эмигрировать, чтобы удовлетворить этот вкус; ведь спартанская дисциплина была направлена не на уравнивание имущества, а на уравнивание привычек, удовольствий и личных трудов богатых и бедных. Этот момент поклонники Ликурга - Ксенофонт и Плутарх - подтверждают не менее четко, чем Фукидид, Платон, Аристотель и другие. Если бы тогда считалось доказательством зависти и недоброжелательности, что богатые люди не могут тратить свои деньги на приобретение удовольствий, мы могли бы справедливо считать этот упрек направленным против Ликурга и Спарты. Но не в отношении Афин. В Греции не было города, где средства роскошной и комфортной жизни были бы выставлены на продажу в большем изобилии, и где богатый человек был бы более свободен в их приобретении. Доказательства этого можно найти повсюду. Даже сын этого самого Хабрия, Ктесипп, унаследовавший склонность к наслаждениям, но не обладавший более высокими качествами своего отца, нашел в Афинах средства для удовлетворения своего аппетита столь прискорбно легкими, что растратил все свое состояние на подобные расходы (Плутарх, Фокион, с. 7; Athenæus, iv, p. 165). А Хареса еще больше любили в Афинах за его любовь к удовольствиям и свободе, если верить другому фрагменту (238) того же Феопомпа.

Утверждение Теопомпа и Непоса, таким образом, не соответствует действительности как факт и не достаточно, если бы оно было правдой, чтобы поддержать гипотезу о злобной афинской публике, с которой они его связывают. Ификрат и Хабрий уехали из Афин не потому, что любили удовольствия или боялись зависти своих соотечественников, а потому, что оба они от этого сильно выиграли - в значении, в прибыли и во вкусах. Оба они были людьми πολέμικοι καὶ φιλοπόλεμοι ἐσχάτως (по выражению Ксенофонта о лакедемонском Клиархе - Anab. ii, 6, 1); оба они любили войну и имели большие способности к ней, - качества, вполне совместимые с сильным аппетитом к наслаждениям; в то время как ни один из них не имел ни вкуса, ни таланта к гражданской рутине и дебатам в Афинах во время мира. Кроме того, каждый из них был командиром отряда пельтастов, с помощью которого он мог получить как прибыльную службу, так и внешние отличия; так что мы можем назвать достаточную причину, по которой оба они предпочитали отсутствовать в Афинах в течение большей части девяти лет, пока длился Анталкидский мир. После этого Ификрат по приказу афинян три или четыре года находился за границей, на службе у персидских сатрапов; Хабрий также долгое время после этого, опять же на иностранной службе, отправился в Египет, в то самое время, когда там находился спартанский царь Агесилай (впрочем, не оставаясь долго в отъезде, поскольку мы находим его отправляющимся по приказу из Афин в Херсонес в 359-358 гг. до н. э. - Demosth. cont. Aristokr. p. 677, s. 204); но ни он, ни Агесилай не отправились туда, спасаясь от нападок завистливых соотечественников. Демосфен не говорит об Ификрате, что ему было неуютно в Афинах или он стремился выбраться из них; см. Orat. cont. Meidiam, p. 535, s. 83.

Что касается случая с Кононом и его проживанием на Кипре, то действительно удивительно видеть, как этот факт приводится в качестве иллюстрации афинской ревности или плохого настроения. Конон отправился на Кипр сразу после катастрофы в Игоспотаме и оставался там, или вдали от Афин, в течение одиннадцати лет (405-393 гг. до н. э.), вплоть до года после победы при Книде. Следует помнить, что он был одним из шести афинских полководцев, командовавших флотом в Эгоспотамах. Эта катастрофа, принеся Афинам невосполнимую гибель, в то же время заклемила заслуженной позорной славой командующих генералов. Конон был пока менее виновен, чем его коллеги, так как ему удалось спастись с восемью кораблями, когда остальные были захвачены. Но он не мог ожидать и, очевидно, не ожидал, что сможет снова показаться в Афинах, если не искупит позор какой-нибудь новой яркой службой. Он благородно заплатил этот долг своей стране победой над Книдом в 394 году до н. э., а через год вернулся в Афины, где его ждал благодарный и почетный прием. Примерно через год или более после этого он снова отправился в качестве посланника в Персию на службу своей стране. Там он был схвачен и заключен в тюрьму сатрапом Тирибазом, но сумел бежать и умер на Кипре, как видно, около 390 года до н. э. Поэтому ничто не может быть более необоснованным, чем утверждение Феопомпа, "что Конон жил за границей на Кипре, потому что боялся незаслуженной недоброжелательности со стороны афинской публики". В течение какого времени Тимофей мог жить на Лесбосе, мы не можем сказать. Но с 370 года до н. э. и до самой его смерти мы так часто слышим о нем в других местах на службе своей стране, что его пребывание там не могло быть долгим.

[227] Æschines, Fals. Leg. c. 40, p. 283.

[228] Использование нового слова συντάξεις, вместо непопулярного термина φόρους, прямо приписывается Каллистрату, - Гарпократ в Voce.

[229] Исократ называет число двадцать четыре города (Or. xv, Permut. s. 120). Также Дейнарх cont. Demosthen. s. 15; cont. Philokl. s. 17. Утверждение Эсхина, что Тимофей привел в конфедерацию семьдесят пять городов, представляется большим и, вероятно, включает все, что этот полководец либо приобрел, либо захватил (Æsch. Fals. Leg. c. 24, p. 263). Хотя я считаю число двадцать четыре достаточно вероятным, все же трудно определить, что это были за города. Ибо Исократ, насколько он уточняет, включает Самос, Сестос и Критотеку, которые были приобретены лишь много лет спустя - в 366-365 гг. до н.э.

Ни один из этих ораторов не проводит различия между теми городами, которые Тимофей привел или убедил войти в конфедерацию, когда она только образовалась (к ним мы можем отнести Эвбею или большую ее часть - Плутарх, De Glor. Athen. p. 351 A.) - от тех, которые он впоследствии взял осадой, например Самос.

[230] Исократ, Or. xiv, Plataic. s. 30.

[231] Isokrates, Or. xiv, (Plat.) s. 20. Οἱ μὲν γὰρ ὑφ' ὑμῶν κατὰ κράτος ἀλόντες εὐθὺς μὲν ἄρμοστοῦ καὶ δουλείας ἀπηλλάγησαν, νῦν δὲ τοῦ συνεδρίου καὶ τῆς ἐλευθερίας μετέχουσιν, etc.

Используемое здесь наречие времени указывает на 372 г. до н. э., примерно за год до битвы при Лейктре.

[232] Диодор. xv, 30.

[233] Диодор. xv, 29.

Полибий (ii, 62) утверждает, что афиняне *выслали* (а не просто *проголосовали* за высылку) десять тысяч гоплитов и укомплектовали сто трирем.

Оба автора трактуют это решение так, как будто оно было принято только афинянами; но мы должны рассматривать его в совокупности с недавно собранным синодом союзников.

[234] Xen. De Vectigal. v, 6. οὐκ οὐν καὶ τότε, ἐπεὶ τοῦ ἀδικεῖν ἀπεσχόμεθα, πάλιν ὑπὸ τῶν νησιωτῶν ἐκόντων προσάται τοῦ ναυτικοῦ ἐγεγόμεθα;

В первые годы существования конфедерации эвбейцы, как и все союзники, в знак благодарности Афинам приносили в дар венки или короны. Эти венцы еще тридцать лет спустя можно было увидеть в Афинах с памятными надписями (Demosthen. cont. Androtion. с. 21, р. 616; cont. Timokrat. с. 41, р. 756).

[235] Описание солонийской переписи см. в т. III, гл. xi, с. 117, настоящей "Истории".

[236] Это мнение М. Бёкха, по-видимому, верное, насколько можно судить о предмете, который очень плохо известен (Общественное хозяйство Афин, В, iv, гл. 5).

[237] Demosthen. cont. Aphob. i, р. 815, 816; cont. Aphob. ii, р. 836; cont. Aphob. de Perjur. р. 862. Сравните: Boeckh, Publ. Econ. Ath. iv, 7.

В своем изложении новой системы собственности, введенной при архонте Наусинике, М. Боэкс склоняется к гипотезе о четырех отдельных классах, распределенных таким образом (стр. 671 нового издания его "Staats-haushaltung der Athener"):- 1.

1. К первому классу относились все лица, обладавшие имуществом стоимостью от двенадцати талантов и выше. Они были внесены в расписание, каждый на одну пятую, или двадцать процентов, своего имущества.
2. Ко второму классу относились все, кто владел имуществом на сумму от шести талантов, но ниже двенадцати талантов. Каждый из них был записан в список на сумму шестнадцать процентов от его имущества.
3. В третий класс входили все, чье имущество достигало стоимости двух талантов, но не доходило до шести талантов. Каждый из них был внесен в расписание в размере двенадцати процентов с его имущества.
4. К четвертому классу относились все, чье имущество составляло от минимума в двадцать пять мин, но не достигало максимума в два таланта. Каждый из них был внесен в расписание в размере восьми процентов от его имущества.

Эта деталь не основана на положительных доказательствах, но она служит иллюстрацией принятого тогда принципа распределения и градации.

[238] Demosthen. cont. Androtion. р. 612, с. 17. τὸ ἐκτὸν μέρος εἰσφέρειν μετὰ τῶν μετοίκων.

[239] Полибий называет первую сумму (ii, 62), Демосфен - вторую (De Symmoriis, р. 183, с. 6). Боэкс, однако, показал, что Полибий не совсем верно представлял себе, что на самом деле означает указанная им сумма.

[240] В этом вопросе я снова вынужден не согласиться с М. Боэком, который утверждает, что налог на имущество в размере пяти процентов, составлявший триста талантов, был введен и взимался при архонте Наусинике (Publ. Econ. Ath. iv, 7, 8; р. 517-521, Eng. Transl.). Доказательством, на основании которого это утверждается, является отрывок Демосфена cont. Androtion. (р. 606. с. 14). Ὑμῖν παρὰ τὰς εἰσφοράς τὰς ἀπὸ Ναυσινίκου, παρ' ἴσως τέλαντα τριακόσια ἢ μικρῶ πλείω, ἔλλειμμα τέτταρα καὶ δέκα ἐστὶ τέλαντα- ὧν ἑπτὰ οὗτος (Андротийон) εἰσέπραξεν. Эти слова означают не то, что налог на имущество в размере около трехсот талантов взимался или взыскивался во

время правления Навсиника, а то, что общая сумма в триста талантов или около того взималась (или взыскивалась) всеми различными налогами на имущество, введенными *со времени правления Навсиника до момента произнесения речи*. Речь была произнесена около 355 г. до н. э., а архонство Наусиника - в 378 г. до н. э. Таким образом, оратор утверждает, что сумма в триста талантов была собрана или взыскана со всех различных имущественных налогов, установленных между этими двумя датами; и что общая сумма задолженности по всем из них на момент, когда Андротион вступил в должность, составляла четырнадцать талантов.

Тейлор, правда, в своем примечании, считая, что сумма в триста талантов очень мала, как совокупность всех имущественных налогов, наложенных за двадцать три года, предлагает читать *ἐπὶ Ναυσινίκου* вместо *ἀπὸ Ναυσινίκου*; и я предполагаю, что М. Боекх принимает это чтение. Но было бы небезопасно основывать историческое утверждение на таком изменении текста, даже если бы существующий текст был более необоснованным, чем он есть на самом деле. И, конечно, множественное число *τὰς εἰσφορὰς* доказывает, что оратор имеет в виду не один налог на имущество, введенный в архонство Наусиника, а два или более налогов на имущество, введенных в разное время. Кроме того, Андротион посвятил себя сбору недоимок в целом, в каком бы году они ни накопились. У него не было мотивов выделять те, что накопились в 378 году до н. э.; кроме того, эти недоимки, вероятно, спутались бы с другими задолго до 355 года до н. э. Демосфен выбирает год Наусиника в качестве начального периода, поскольку именно тогда началось новое расписание и новое исчисление.

[241] Что касается симморий, сравните Boeckh, *Staats-haushaltung der Athener*, iv, 9, 10; Schömann, *Antiq. Jur. Publ. Græcor.* s. 78; Parreidt, *De Symmoriis*, p. 18 seq.

[242] Xen. *Hellen.* v, 4, 38.

[243] Плутарх. Пелопид. с. 18, 19.

[244] *Hist. of Greece.* Vol. VII, ch. Iv, p. 11.

[245] Диодор. xii, 70.

Эти пары соседей, сражавшихся бок о бок в Делиуме, назывались *Heniochi* и *Parabatae*, - возницы и боковые спутники; название заимствовано из аналогии боя на колесницах, описанного в Илиаде и, вероятно, во многих утраченных эпических поэмах; возница сам был отличным воином, хотя в данный момент был занят другими обязанностями, - Диомед и Стенель, Пандар и Эней, Патрокл и Автомедон, и т. д.

[246] Плутарх, Пелопидас, с. 18, 19.

Ὁ συνταχθεὶς ὑπὸ Ἐπαμινώνδου ἱερὸς λόχος (*Hieronymus apud Athenæum*, xiii, p. 602 A.).

Существовало карфагенское военное подразделение, носившее то же название, состоявшее из избранных и богатых граждан, численностью в две тысячи пятьсот человек (*Diodor.* xvi, 80).

[247] Pausan. viii, 11, 5.

Дикеарх, всего через одно поколение после него, жаловался, что не может узнать имя матери Эпаминонда (Плутарх, *Agesil.* с. 19).

[248] Плутарх, *Pelop.* с. 4; Pausan. ix, 13, 1. Согласно Плутарху, Эпаминондас достиг сорокалетнего возраста, прежде чем стал публично известен (*De Occult. Vivendo*, p. 1129 C.).

Плутарх утверждает, что битва (в которой Пелопид был отчаянно ранен и спасен Эпаминондасом) произошла в Мантинее, когда они сражались на стороне лакедемонян под командованием царя

Агесиполиса против аркадян; фиванцы в то время были друзьями Спарты и послали ей на помощь свой контингент.

Я не понимаю, какое сражение может иметь в виду Плутарх. После взятия Афин (в 404 году до н. э.) фиванцы никогда не были настолько едины со Спартой, чтобы послать ей на помощь какой-либо контингент. Большинство критиков считают, что война, о которой говорит Плутарх, - это экспедиция Агесиполя против Мантинеи, в результате которой город был разбит на деревни в 385 году до н. э.; см. "Fasti Hellenici ad 385 B.C." г-на Клинтона. Но, во-первых, в то время не могло быть никакого фиванского контингента, помогавшего Агесиполю; ведь Фивы были в недружественных отношениях со Спартой и уж точно не были ее союзником. Кроме того, согласно рассказу Ксенофонта, никакого сражения не было.

Поэтому я склонен подвергнуть сомнению рассказ Плутарха о предполагаемой битве при Мантинее; хотя мне кажется вероятным, что Эпаминондас мог спасти жизнь Пелопида в каком-то более раннем конфликте, до заключения Анталкидского мира.

[249] Корнель. Nepos, Epamin. c. 2; Plutarch, Apophth. Reg. p. 192 D.; Aristophan. Acharn. 872.

Сравните цитаты в Athenæus, x, p. 417. Совершенство формы, требуемое от бегуна, также отличалось от того, что требовалось от борца (Xenoph. Memor. iii, 8, 4; iii, 10, 6).

[250] Плутарх, Алкиб. c. 2.

[251] Пиндар, Olymp. vi, 90.

ἀρχαῖον ὄνειδος-Βοιωτίων ὤν и т. д.

[252] Аристоксен упоминает флейту, Цицерон и Корнелий Непос - лиру (Aristoxen. Fr. 60, ed. Didot, ap. Athenæ. iv, p. 184; Цицерон, Tusc. Disp. i, 2, 4; Cornel. Nepos, Epamin. c. 2).

[253] Аристоксен, Frag. 11, ed. Дидо; Плутарх, De Gen. Socr. p. 583, Цицерон, De Offic. i, 44, 155; Pausan. ix, 13, 1; Илиан, V. H. iii, 17.

Утверждение (как говорят, данное Аристоксеном и скопированное Плутархом, а также Ямблихом), что Лисий, который учил Эпаминондаса, был одним из тех, кто присутствовал на синоде пифагорейцев в Кротоне, когда Килон сжег дом, и что он и еще один человек были единственными, кто спасся, - не может быть согласовано с хронологией.

[254] Сравните Диодор. xv, 52 с Плутархом, Перикл, c. 6, и Плутархом, Демосфен, c. 20.

[255] Плутарх, De Gen. Sokrat. p. 576 D. μετεῖληφε παιδείας διαφόρου καὶ περιττῆς-(p. 585 D.) τὴν ἀρίστην τροφὴν ἐν φιλοσοφίᾳ-(p. 592 F.) Σπίνθαρος ὁ Ταραντῖνος οὐκ ὀλίγον αὐτῷ (Epaminondas) συνδιατρίψας ἐνταῦθα χρόνον, ἀεὶ δὴπου λέγει, μηδενὶ που τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀνθρώπων ἐντετευχέναι, μήτε πλείονα γιγνώσκοντι μήτε ἐλάττονα φθειγγομένῳ. Сравните Cornel. Nepos, Epamin. c. 3 и Плутарх, De Audiend. c. 3, p. 39 F.

Мы можем справедливо предположить, что это суждение Спинтара было передано им своему сыну Аристоксену, у которого Плутарх его скопировал; и мы знаем, что Аристоксен в своих трудах упоминал и другие подробности об Эпаминондасе (Athenæus, iv, p. 184). Таким образом, мы видим, что Плутарх имел доступ к хорошим источникам информации о нем. А поскольку он написал жизнь Эпаминонда (Plutarch, Agesil. c. 28), хотя, к сожалению, она до нас не дошла, мы можем быть уверены, что он приложил некоторые усилия, чтобы собрать материалы для этой цели, которые, естественно, были использованы в его драматическом диалоге "De Genio Socratis". Это укрепляет нашу уверенность в интересных высказываниях, которые этот диалог дает

относительно характера Эпаминондаса, а также в случайных аллюзиях, встречающихся в других произведениях Плутарха.

[256] Корнель. Nepos, Eraminond. с. 5; Плутарх, Præcept. Reip. Gerend. p. 819 С. Цицерон отмечает его как единственного человека с претензиями на ораторские таланты, которого когда-либо производили Фивы, Коринф или Аргос (Brutus, с. 13, 50).

[257] Плутарх (De Gen. Socr. p. 583, 584; Pelopid. с. 3; Fab. Max. с. 27. Сравн. Alcibiad. and Coriol. с. 4): Cornel. Непос. Eramin. с. 4.

[258] Плутарх, Аристеида, с. 1; Юстин, vi, 8.

[259] Plutarch, De Gen. Socr. p. 576 F. Ἐπαμεινώνδας δὲ, μὴ πείθων ὥς οἴεται βέλτιον εἶναι ταῦτα μὴ πράσσειν- εἰκότως ἀντιτείνει πρὸς ἃ μὴ πέφυκε, μηδὲ δοκιμάζει, παρακαλούμενος.

... Ἐπεὶ δὲ οὐ πείθει τοὺς πολλοὺς, ἀλλὰ ταύτην ὥρμήκαμεν τὴν ὁδὸν, ἔῃν αὐτὸν κελεύει φόνου καθαρὸν ὄντα καὶ ἀναίτιον ἐφεστᾶναι τοῖς καιροῖς, μετὰ τοῦ δικαίου τῷ συμφέροντι προσισόμενον.

Сравните тот же диалог, p. 594 В.; и Cornelius Nepos, Pelopidas, с. 4.

Исократ делает замечание о Евагоре Саламинском, которое вполне можно применить и к Эпаминондасу: предосудительные средства, без которых первый не смог бы завладеть скипетром, были выполнены другими, а не им; в то время как все достойные похвалы и восхищения функции командования были закреплены за Евагором (Isokrates, Or. ix, (Evag.) s. 28).

[260] См. поразительные высказывания Плутарха и Павсания о Филопемене: καίπερ Ἐπαμεινώνδου βουλόμενος εἶναι μάλιστα ζηλωτής, τὸ δραστήριον καὶ συνετὸν αὐτοῦ καὶ ὑπὸ χρημάτων ἀπαθὲς ἰσχυρῶς ἐμιμῆτο, τῷ δὲ πρῶν καὶ βαθεῖ καὶ φιλανθρώπῳ παρὰ τὰς πολιτικὰς διαφορὰς ἐμμένειν οὐ δυνάμενος, δι' ὀργὴν καὶ φιλονεικίαν, μᾶλλον ἐδόκει στρατιωτικῆς ἢ πολιτικῆς ἀρετῆς οἰκεῖος εἶναι. С этой же целью Павсаний, viii, 49, 2; Плутарх, Пелопидас, с. 25: Cornel. Nepos, Eramin. с. 3- "patiens admirandum in modum".

[261] Плутарх, Агесилай, с. 32. Ὡ τοῦ μεγαλοπράγμονος ἀνθρώπου!

[262] Plutarch, De Gen. Socr. p. 576 E. Ἐπαμεινώνδας δὲ, Βοιωτῶν ἀπάντων τῷ πεπαιδεῦσθαι πρὸς ἀρετὴν ἀξιῶν διαφέρειν, ἀμβλὺς ἐστὶ καὶ ἀπρόθυμος.

[263] Баух в своей поучительной биографии Эпаминонда (Eraminondas, und Thebens Kampf um die Hegemonie: Breslau, 1834, p. 26), кажется, полагает, что Эпаминонд никогда не занимал никакой государственной должности у своих соотечественников, вплоть до периода, непосредственно предшествовавшего битве при Лейктре. Я не могу согласиться с этим мнением. Мне кажется, что ранее он должен был занимать такие должности, которые позволили бы ему проявить свои военные качества. Ведь все события 371 года до н. э. доказывают, что в тот год он действительно обладал большой и устоявшейся репутацией, которая должна была быть приобретена предыдущими действиями на видном месте; а поскольку у него не было большого семейного положения, чтобы начать с него, его репутация, вероятно, была приобретена только медленным путем.

Молчание Ксенофонта ничего не доказывает в опровержение этого предположения; ведь он не упоминает Эпаминондаса даже в Лейктре.

[264] Диодор. xv, 31.

[265] Xen. Hellen. v, 4, 54; Diodor. xv, 31.

[266] Xen. Hellen. v, 4, 36-38.

[267] Xen. Hellen. v, 4, 41.

[268] Diodor. xv, 32; Polyæn. ii, 1, 2; Cornel. Nepos, Chabrias, c. 1, - "obnixo genu scuto", - Demosthen. cont. Leptinem, p. 479.

После этого афинская публика выбрала статую в честь Хабрия, и он выбрал эту позу для оформления (Diodor. xv, 33).

[269] Xen. Hellen. v, 4, 42-45; Diodor. xv, 33.

[270] Xen. Hellen. v, 4, 46. Ἐκ δὲ τούτου πάλιν αὖ τὰ τῶν Θηβαίων ἀνεζωπυρεῖτο, καὶ ἐστρατεύοντο εἰς Θεσπιάς, καὶ εἰς τὰς ἄλλας τὰς περιοικίδας πόλεις. Ὁ μέντοι δῆμος ἐξ αὐτῶν εἰς τὰς Θήβας ἀπεχώρει- ἐν πάσαις γὰρ ταῖς πόλεσι δυναστεῖαι καθειστήκεσαν, ὥσπερ ἐν Θήβαις- ὥστε καὶ οἱ ἐν ταύταις ταῖς πόλεσι φίλοι τῶν Λακεδαιμονίων βοηθείας ἐδέοντο.

[271] Xen. Hellen. v, 4, 47, 51.

Анекдоты Полиэна (ii, 1, 18-20), в которых говорится о слабости и тревоге среди союзников Агесилая, вероятно, относятся (конечно, частично) к этой кампании.

[272] Диодор. xv, 33, 34; Плутарх, Agesil. c. 26.

[273] Xen. Hellen. v, 4, 58.

[274] Xen. Hellen. v, 4, 59.

[275] Xen. Hellen. v, 4, 61. ἐνέβησαν αὐτοὶ εἰς τὰς ναῦς и т. д. Боэций (вслед за д-ром Тирлуоллом, Hist. Gr. ch. 38, vol. v, p. 58) связывает с этой морской экспедицией надпись (Corp. Insc. No. 84, p. 124), в которой зафиксировано благодарственное голосование, принятое афинским собранием в пользу Фанокрита, уроженца Парима в Пропонтиде. Но я думаю, что этот голос вряд ли может относиться к нынешней экспедиции. Афиняне не могли нуждаться в том, чтобы уроженец Парима информировал их о передвижениях враждебного флота вблизи Эгины и Кеоса. Сведения, сообщенные Фанокритом, должны были относиться, как мне кажется, скорее к какому-то случаю транзита враждебных кораблей по Геллеспонту, который уроженец Пария, скорее всего, первым обнаружил бы и сообщил.

[276] Диодор. xv, 35; Демосфен. cont. Leptin. c. 17, p. 480.

Я привожу число призовых кораблей, взятых в ходе этого действия, как утверждает Демосфен; в отличие от Диодора, который упоминает меньшее число. Оратор, перечисляя подвиги Хабрия в этой оратории, не только говорит по написанному им собственноручно меморандуму, который затем зачитывает секретарь, но и кажется точным и особенным в отношении цифр, чтобы внушить большее доверие, чем обычно.

[277] Diodor. xv, 35. Chabrias ἀπέσχετο παντελῶς τοῦ διωγμοῦ, ἀναμνησθεὶς τῆς ἐν Ἀργινοῦσαις ναυμαχίας, ἐν ᾗ τοὺς νικήσαντας στρατηγούς ὁ δῆμος ἀντὶ μεγάλης εὐεργεσίας θανάτῳ περιέβαλεν, αἰτιασάμενος ὅτι τοὺς τετελευτηκότας κατὰ τὴν ναυμαχίαν οὐκ ἔθαψαν- εὐλαβήθη οὖν (см. примечание Весселинга и Стивенса) μή ποτε τῆς περιστάσεως ὁμοίας γενομένης κινδυνεύσῃ παθεῖν παραπλήσια. Διόπερ ἀποστὰς τοῦ διώκειν, ἀνελέγετο τῶν πολιτῶν τοὺς διανηχομένους, καὶ τοὺς μὲν ἔτι ζῶντας διέσωσε, τοὺς δὲ τετελευτηκότας ἔθαψεν. Εἰ δὲ μὴ περὶ ταύτην ἐγένετο τὴν ἐπιμέλειαν, ῥαδίως ἂν ἅπαντα τὸν πολεμίων στόλον διέφθειρε.

Этот отрывок иллюстрирует то, что я отметил в предыдущем томе (т. VIII, гл. Ixiv, с. 175) относительно битвы при Аргинусе и последующих действий в Афинах. Я заметил, что Диодор неверно представил волнение в Афинах против полководцев как следствие того, что они не подобрали тела *убитых* воинов для погребения, - и упустил более важный факт, что они оставили погибать многих живых и раненых воинов.

Любопытно, что в первом из двух приведенных выше предложений Диодор повторяет свое ошибочное утверждение о битве при Аргинусе, а во втором исправляет ошибку, говоря, что Хабрий, воспользовавшись предупреждением, позаботился о том, чтобы подобрать *живых* людей на обломках кораблей и в воде, а также мертвые тела.

[278] Плутарх, Фокион, с. 6; Плутарх, Камилл, с. 19.

[279] Demosthen. cont. Leptin. p. 480; Плутарх, Фокион, с. 7.

[280] Диодор. xv, 36. Он ошибочно утверждает, что после этого Чабриас был убит в Абдере.

[281] Xen. Hellen. v, 4, 62.

[282] Xen. Hellen. v, 4, 64; Diodor. xv, 36.

[283] Xen. Hellen. v, 4, 66; Isokrates, De Permutat. s. 116; Cornelius Nepos, Timotheus, с. 2.

Об авансе в семь мин, полученном Тимофеем соответственно от шестидесяти триерархов под его командованием, упоминает Демосфен cont. Timotheum (с. 3, р. 1187). Я согласен с М. Бозком (Public Economy of Athens, ii, 24, р. 294) в том, что он относит этот аванс к его экспедиции в Коркиру и другие места в Ионическом море в 375-374 гг. до н. э., а не к его последующей экспедиции 373 г. до н. э., к которой его относят Реданц, Лахман, Шлоссер и другие (Vitæ Iphicratis, etc. p. 89). Не похоже, что во второй экспедиции под его началом было действительно шестьдесят трирем или шестьдесят триерархов. Ксенофонт (Hellen. v, 4, 63) говорит нам, что флот, отправленный Тимофеем в Коркиру, состоял из шестидесяти кораблей; это точное число триерархов, названное Демосфеном.

[284] Исократ, Orat. De Permutat. s. 128, 131, 135.

[285] Isokrates, De Permutat. s. 117; Cornel. Nepos, Timoth. с. 2.

[286] Xen. Hellen. vi, 2, 1.

[287] См. Исократ, Or. xiv, (Plataic.) s. 21, 23, 37.

[288] Xen. Hellen. vi, 2, 1. Οἱ δ' Ἀθηναῖοι, αὐξανομένους μὲν ὁρῶντες διὰ σφᾶς τοὺς Θηβαίους, χρήματά δ' οὐ συμβαλλομένους εἰς τὸ ναυτικόν, αὐτοὶ δ' ἀποκναιόμενοι καὶ χρημάτων εἰσφοραῖς καὶ ληστείαις ἐξ Αἰγίνης, καὶ φυλακαῖς τῆς χώρας, ἐπεθύμησαν παύσασθαι τοῦ πολέμου.

[289] Xen. Hellen. v, 4, 46-55.

[290] Плутарх, Пелопидас, с. 15-25.

[291] Плутарх, Пелопидас, с. 17; Диодор. xv, 37.

Ксенофонт не упоминает о сражении при Тегире. Диодор упоминает, что это, очевидно, битва под Орхоменом, но не называет Тегиру.

Каллистен, по-видимому, описал битву при Тегире и привел различные подробности религиозных легенд, связанных с этим местом (Kallisthenes, Fragm. 3, ed. Didot, ap. Stephan. Byz. v. Τεγύρα).

[292] О том, что фиванцы таким образом снова стали президентами всей Беотии и возродили Беотийскую конфедерацию, ясно говорит Ксенофонт, Hellen. v, 4, 63; vi, 1, 1.

[293] Thucyd. ii, 2. Ἀνεῖπεν ὁ κήρυξ (фиванский глашатай после того, как фиванские войска ночью проникли в середину Платеи εἴ τις βούλεται κατὰ τὰ πάτρια τῶν πάντων Βοιωτῶν συμμαχεῖν, τίθεσθαι παρ' αὐτοῦς τὰ ὄπλα, νομίζοντες σφίσι ῥαδίως τοῦτω τῷ τρόπῳ προσχωρήσειν τὴν πόλιν.

Сравните язык фиванцев ο τὰ πάτρια τῶν Βοιωτῶν (iii, 61, 65, 66). Описание, которое фиванцы дают о своих собственных взглядах и убеждениях, когда они напали на Платею в 431 г. до н. э., можно принять за справедливую аналогию, чтобы судить об их взглядах и убеждениях по отношению к восстановленным беотийским городам в 376-375 гг. до н. э.

[294] Xen. Hellen. vi, 4, 3; ср. Diodor. xv, 53.

[295] Диодор. xv, 31; Xen. Hellen, vi, 3, 1; iii, 6, 21.

[296] Xen. Hellen. vi, 4, 21-27.

[297] Xen. Hellen. vi, 1, 1; vi, 21.

Эту экспедицию Клеомброта на Фокис г-н Файнс Клинтон относит к 375 г. до н. э. (Fast. Hel. ad 375 B.C.). Мне кажется, что она скорее относится к 374 г. до н. э. Она была предпринята только после того, как фиванцы вновь завоевали все беотийские города (Xen. Hell. vi, 1, 1); и эта операция, похоже, занимала их все два года - 376 и 375 гг. до н. э. См. v, 4, 63, где слова οὐτ' ἐν ᾧ Τιμόθεος περιέπλευσε следует понимать как включающие не только время, которое Тимофей потратил на фактическое обхождение Пелопоннеса, но и год, который он провел после этого в Ионическом море, и время, которое он потратил на совершение своих подвигов у Коркиры, Леукаса и вообще в окрестностях. Перипл", за который Тимофея впоследствии чествовали в Афинах (см. Æschines cont. Ktesiphont. c. 90, p. 458), означал подвиги, совершенные им в течение года и с флотом "Перипла".

Стоит заметить, что в этом же 374 году до н. э. отмечались Пифийские игры, -ἐπὶ Σωκρατίδου ἄρχοντος; то есть в первой четверти этого архонта, или третьего олимпийского года; около начала августа Хабрий получил на этих играх приз с колесницей и четверкой; в честь этого он потом устроил великолепный пир на берегу моря под названием Колиас, недалеко от Афин (Demosthen. cont. Neæram. c. 11, p. 1356).

[298] Xen. Hellen. vi, 2, 1, 2.

Каллиас, по-видимому, был одним из афинских посланников (Xen. Hellen. vi, 3, 4).

[299] Диодор. xiv, 82.

[300] Xen. Hellen. vi, 1, 3. Καὶ ὁπότε μὲν ἐνδεὴς εἶη, παρ' ἑαυτοῦ προσετίθει- ὁπότε δὲ περιγένοιτο τῆς προσόδου, ἀπελάμβανεν- ἣν δὲ καὶ ἄλλως φιλόξενός τε καὶ μεγαλοπρεπὴς τὸν Θετταλικὸν τρόπον.

Такая вольность фессалийцев в обращении с государственными доходами помогает нам понять, как Филипп Македонский впоследствии получил в свои руки управление их гаванями и таможенными пошлинами (Demosthen. Olynth. i, p. 15; ii. p. 20). Это составляет разительный контраст с точностью афинского народа в отношении государственных поступлений и выплат, о чем свидетельствуют сохранившиеся надписи.

[301] Xen. Hellen. ii, 3, 4.

История (рассказанная Плутархом, De Gen. Socrat. p. 583 F.) о том, что Ясон отправил большую сумму денег в Фивы в какой-то период до захвата Кадмеи, чтобы развратить Эпаминондаса, не заслуживает доверия. До этого времени Эпаминондас был слишком мало известен, чтобы его можно было развратить; кроме того, Ясон стал *тагом* Фессалии только спустя долгое время после возвращения Кадмеи (Xen. Hellen. vi, 1, 18, 19).

[302] См. интересный рассказ об этой миссии и речь Полидамаса, которую я был вынужден сильно сократить (в Xen. Hellen. vi, 1, 4-18).

[303] Xen. Hellen. vi, 2, 3; Diodor. xv, 45.

Высказывания Диодора сами по себе не ясны; кроме того, в некоторых пунктах, хотя и не в основном, они противоречат Ксенофону. Диодор утверждает, что изгнанники, которых Тимофей привел обратно в Закинф, были фило-спартанскими лидерами, которые были недавно изгнаны за их неправильное правление под властью Спарты. Это утверждение, несомненно, неверно. Изгнанники, которых восстановил Тимофей, должны были принадлежать к антиспартанской партии на острове.

Но Диодор, как мне кажется, впал в путаницу, представив ту всеобщую и бурную реакцию против фило-спартанских олигархий, которая на самом деле произошла только после битвы при Лейктре, как будто она имела место тремя годами ранее. События, о которых повествует Диодор. xv, 40, как мне кажется, относятся к периоду *после* битвы при Лейктре.

Диодор также, кажется, ошибся, сказав, что афиняне послали *Ктесикла* в качестве вспомогательного командира в *Закинф* (xv, 46); в то время как этот самый командир объявлен им самим в следующей главе (а также Ксенофоном, который называет его *Стесиклом*) как посланный в *Коркиру* (Hellen. v, 2, 10).

Я полагаю, что Диодор по неосторожности дважды упомянул эту афинскую экспедицию под командованием Стесикла или Ктесикла; один раз как отправленную в Закинф, а затем снова как отправленную в *Коркиру*. Последнее - правда. Афинская экспедиция вообще не отправлялась в Закинф; ведь Ксенофонт перечисляет закинфян среди тех, кто помогал снаряжать флот Мнаsipпа (v, 2, 3).

С другой стороны, я не вижу причин ставить под сомнение реальность двух лакедемонских экспедиций в последней половине 374 г. до н. э. - одной под командованием Аристократа в Закинф, другой под командованием Алкида в Коркиру, - о которых упоминает Диодор (Diod. xv, 45, 46). Правда, Ксенофонт не отмечает ни одного из них; но они ни в коем случае не противоречат фактам, которые он излагает.

[304] Xen. Hellen. vi, 2, 3, 5, 16: сравните v, 2, 21 - о замене личной службы на деньги.

Диодор (xv, 47) в основном соглашается с Ксенофоном относительно экспедиции Мнаsipпа, хотя и расходится с ним по ряду других современных вопросов.

[305] Ксен. Hellen. vi, 2, 6. Ἐπειδὴ δὲ ἀπέβη (когда Мнаsipп высадился), ἐκράτει τε τῆς γῆς καὶ ἐδήλου ἐξεργασμένην μὲν παγκαλῶς καὶ πεφυτευμένην τὴν χώραν, μεγαλοπρεπεῖς δὲ οἰκῆσεις καὶ οἰνῶνας κατεσκευασμένους ἔχουσιν ἐπὶ τῶν ἀγρῶν- ὥστ' ἔφασαν τοὺς στρατιώτας εἰς τοῦτο τρυφῆς ἐλθεῖν, ὥστ' οὐκ ἐθέλουν πίνειν, εἰ μὴ ἀνθοσμίας εἴη. Καὶ ἀνδράποδα δὲ καὶ βοσκήματα πάμπολλα ἤλίσκετο ἐκ τῶν ἀγρῶν.

Οἶνον, подразумеваемый в предшествующем слове οἰνῶνας, понимается после πίνειν.

[306] Thucyd. i, 82. (Речь Архидама) μή γάρ ἄλλο τι νομίσητε τὴν γῆν αὐτῶν (у афинян) ἢ ὄμηρον ἔχειν, καὶ οὐχ ἥσσον ὅσῳ ἄμεινον ἐξείργασται.

Сравните более раннюю часть той же речи (ок. 80) и вторую речь того же Архидама (ii, 11).

С той же целью Фукидид говорит об имуществе богатых людей, установленном по всей Аттике, -οἱ δὲ δυνατοὶ καλὰ κτήματα κατὰ τὴν χώραν οἰκοδομίαις τε καὶ πολυτελέσι κατασκευαῖς ἀπολωλεκότες (i. m. e. вторжением) - Фукид. ii, 65.

[307] Посланники из Коркиры в Афины (о которых упоминает Ксенофонт, v, 2, 9), вероятно, должны были пересечь Эпир и Фессалию с помощью Алкетаса. Для них это был бы гораздо более быстрый путь, чем кругосветное плавание по Пелопоннесу: такой же путь предполагался и для отряда Стесиклеса, о котором сейчас пойдет речь.

[308] Xen. Hellen. vi, 2, 15.

[309] Xen. Hellen. vi, 2, 16.

Ὁ δ' αὖ Μνάσιππος ὁρῶν ταῦτα, ἐνόμιζε τε ὅσον οὐκ ἤδη ἔχειν τὴν πόλιν, καὶ περὶ τοὺς μισθοφόρους, ἐκαινούργει, καὶ τοὺς μὲν τινὰς αὐτῶν ἀπομίσθους ἐπεποιήκει, τοῖς δ' οὗσι καὶ δυοῖν ἤδη μηνοῖν ὤφειλε τὸν μισθὸν, οὐκ ἀπορῶν, ὡς ἐλέγετο, χρημάτων, etc.

[310] Xen. Hellen. vi, 2, 18-26; Diodor. xv, 47.

[311] Xen. Hellen. vi. 2, 39.

[312] То, как я описал предварительное путешествие Тимофея, будет, как мне кажется, единственным способом объединить в одно последовательное повествование разрозненные фрагменты информации, которой мы располагаем относительно его действий в этом году.

Дата его отплытия из Афин точно определена Демосфеном, Adv. Timoth. p. 1186 - месяц Мунихион в правление Сократиды - апрель 373 г. до н. э. Диодор говорит, что он отправился во Фракию и приобрел несколько новых членов конфедерации (xv, 47); Ксенофонт утверждает, что он отплыл к островам (Hellen. vi, 2, 12); два утверждения, не совпадающие напрямую, но и не противоречащие друг другу. На пути во Фракию он, естественно, должен был пройти через Эвбейский пролив и вдоль побережья Фессалии.

Мы знаем, что Стесикл и его пельтасты должны были добраться до Коркиры не по морю, обогнув Пелопоннес, а по суше через Фессалию и Эпир; это гораздо более быстрый путь. Ксенофонт рассказывает нам, что афиняне "попросили Алкетаса помочь им переправиться с материка Эпир на противоположный остров Коркира: и что в результате они были переправлены ночью" - Ἀλκέτου δὲ ἐδεήθησαν συνδιαβιβάσαι τούτους- καὶ οὗτοι μὲν νυκτὸς διακομισθέντες που τῆς χώρας, εἰσῆλθον εἰς τὴν πόλιν.

Эти войска не могли попасть в Эпир, не пройдя через Фессалию; не могли они и пересечь Фессалию без разрешения и сопровождения Ясона. Более того, Алкетас сам находился на иждивении Ясона, и поэтому его благосклонность была вдвойне необходима (Xen. Hellen. vi, 1, 7).

Далее мы знаем, что в предыдущем году (374 г. до н. э.) Ясон еще не был в союзе с Афинами и даже не склонялся к нему, хотя афиняне очень этого хотели (Xen. Hellen. vi, 1, 10). Но в ноябре 373 года до н.э, Ясон (как и Алкетас) появляется в качестве постоянного союзника Афин; Не как тогда впервые ставший ее союзником, а как полностью состоявшийся союзник, что он приезжает в Афины с явной целью присутствовать на суде над Тимофеем и вынести решение в его пользу - Ἀφικομένου γὰρ Ἀλκέτου καὶ Ἰάσονος ὡς τοῦτον (Тимофей) ἐν τῷ Μαίμακτηριῶνι μηνὶ τῷ ἐπ' Ἀστείου

ἄρχοντας, ἐπὶ τὸν ἀγῶνα τὸν τούτου, βοηθησόντων αὐτῷ καὶ καταγομένων εἰς τὴν οἰκίαν τὴν ἐν Πειραιεῖ, etc. (Demosthen. adv. Timoth. c. 5, p. 1190). Опять же, -Αὐτὸν δὲ τοῦτον (Тимофеей) ἐξαίτουμένων μὲν τῶν ἐπιτηδείων καὶ οἰκείων αὐτῷ ἀπάντων, ἔτι δὲ καὶ Ἀλκέτου καὶ Ἰάσονος, συμμάχων ὄντων ὑμῖν, μόλις μὲν ἐπείσθητε ἀφεῖναι (Demosthen. ib. c. 3, p. 1187.) Таким образом, мы видим, что первый союз между Ясоном и Афинами был заключен в начале 373 г. до н. э.; мы видим также, что он был заключен Тимофеем во время его предварительного плавания, что является единственным разумным способом объяснить сильную заинтересованность Ясона, а также Алкета в судьбе Тимофея, побудившую их предпринять замечательный шаг - приехать в Афины, чтобы способствовать его оправданию. Именно Тимофеей первым заключил союз Афин с Алкетасом (Diodor. xv, 36; Cornel. Nepos, Timoth. c. 2), за год или два до этого.

Соединяя все изложенные здесь обстоятельства, я с уверенностью заключаю, что Тимофеей в своем предварительном плавании посетил Ясона, заключил союз между ним и Афинами и убедил его направить дивизию Стесикла через Фессалию в Эпир и Коркиру.

В этой оратории Демосфена упоминаются три или четыре точные даты, которые очень помогают понять исторические события того времени. Эту речь произносит Аполлотор, требуя от Тимофея возврата денег, одолженных ему банкиром Пасионом, отцом Аполлотора; указанные даты скопированы с записей, сделанных Пасионом в то время в своих коммерческих книгах (с. 1. p. 1186; с. 9. p. 1197).

[313] Demosthen. adv. Timoth. c. 3, p. 1188. ἄμισθον μὲν τὸ στράτευμα καταλελύσθαι ἐν Καλαυρίᾳ и т. д. - там же, с. 10, p. 1199. προσῆκε γὰρ τῷ μὲν Βοιωτίῳ ἄρχοντι παρὰ τούτου (Timotheus) τὴν τροφὴν τοῖς ἐν ταῖς ναυσὶ παραλαμβάνειν- ἐκ γὰρ τῶν κοινῶν συντάξεων ἡ μισθοφορία ἦν τῷ στρατεύματι- τὰ δὲ χρήματα σὺ (Timotheus) ἅπαντα ἐξέλεξας ἐκ τῶν συμμάχων- καὶ σὲ ἔδει αὐτῶν λόγον ἀποδοῦναι.

[314] Ксеноф. Hellen. vi, 2, 12, 13, 39; Demosthen. adv. Timoth. c. 3. p. 1188.

[315] Diodor. xv, 47.

[316] Я собираю то, что здесь говорится, из Demosthen. adv. Timoth. c. 3. p. 1188; с. 10. p. 1199. Там говорится, что Тимофеей собирался отплыть домой из Калаурии, чтобы предстать перед судом; однако несомненно, что суд над ним состоялся не раньше месяца Мемактериона или ноября. Следовательно, суд должен был быть отложен из-за необходимости Ификрата и Каллистрата сразу же отправиться на Коркиру.

[317] Xen. Hellen. vi, 2, 14. Ὁ δὲ (Ификрат) ἐπεὶ κατέστη στρατηγός, μάλα ὀξέως τὰς ναῦς ἐπληροῦτο, καὶ τοὺς τριηράρχους ἠνάγκαζε.

[318] Xen. Hellen. vi, 2, 27, 32.

[319] Сравните vi, 2, 14 с vi, 2, 39.

[320] Xen. Hellen. vi, 2, 34.

[321] Xen. Hellen. vi, 2, 35, 38; Diodor. xv, 47.

Диодор рассказывает историю (xvi, 57) о том, что афиняне под командованием Ификрата захватили у Коркиры несколько трирем Дионисия, перевозивших священные украшения в Дельфы и Олимпию. Они задержали и присвоили ценный груз, на что Дионисий впоследствии громко жаловался.

Эта история (если в ней есть хоть доля правды) вряд ли может относиться к каким-то другим триерам, кроме тех, что были при Аниппе. Тем не менее Ксенофонт, вероятно, упомянул бы эту

историю, если бы слышал ее; ведь в ней враги Спарты представлены как совершившие святотатство. И независимо от того, несли ли триремы священные украшения или нет, несомненно, что они прибыли для участия в войне, а значит, были законным призом.

[322] Xen. Hellen. vi, 2, 39. Смысл сказанного Ксенофонтом здесь не очень ясен, да и текст не вполне совершенен.

Ἐγὼ μὲν δὴ ταύτην τὴν στρατηγίαν τῶν Ἰφικράτους οὐχ ἥκιστα ἐπαινῶ- ἔπειτα καὶ τὸ προσελέσθαι κελεῦσαι ἑαυτῷ (это показывает, что Ификрат сам выделил их) Καλλίστρατόν τε τὸν δημήγορον, οὐ μάλα ἐπιτήδειον ὄντα, καὶ Χαβρίαν, μάλα στρατηγικὸν νομιζόμενον. Εἴτε γὰρ φρονίμους αὐτοὺς ἡγούμενος εἶναι, συμβούλους λαβεῖν ἐβούλετο, σῶφρόν μοι δοκεῖ διαπράξασθαι- εἴτε ἀντιπάλους νομίζων, οὕτω θρασέως (некоторые слова в тексте кажутся недостающими) μήτε καταρῥαθυμῶν μήτε καταμελῶν φαίνεσθαι μηδὲν, μεγαλοφρονοῦντος ἐφ' ἑαυτῷ τοῦτό μοι δοκεῖ ἀνδρὸς εἶναι.

Я следую переводу доктора Тирлуолла: οὐ μάλα ἐπιτήδειον, который кажется мне более предпочтительным. Слово ἡφίει (vi, 3, 3) показывает, что Каллистрат был невольным коллегой.

[323] Xen. Hellen. vi, 3, 3. ὑποσχόμενος γὰρ Ἰφικράτει (Kallistratus) εἰ αὐτὸν ἡφίει, ἢ χρήματα πέμψειν τῷ ναυτικῷ, ἢ εἰρήνην ποιήσειν, etc.

[324] Xen. Hellen. iv, 2, 37, 38.

[325] Demosthen. cont. Timoth. c. 9, p. 1197, 1198.

[326] Приведенный здесь рассказ о событиях 373 г. до н. э., в той мере, в какой они касаются Тимофея и Ификрата, представляется мне единственным способом удовлетворить сущность дела и следовать утверждениям Ксенофонта и Демосфена.

Шнайдер в своем примечании действительно предполагает, а Реданц (Vitæ Iphicratis, etc. p. 86) утверждает, что Ификрат принял командование флотом и отбыл из Афин только *после* суда над Тимофеем. В ораторской речи Демосфена есть некоторые выражения, которые, казалось бы, могут подтвердить это предположение; но оно будет признано едва ли приемлемым, если мы внимательно изучим ряд фактов.

1. Мнасипп прибыл со своим вооружением в Коркиру и начал осаду либо до апреля, либо в первых числах апреля 373 г. до н. э. О его прибытии туда и хорошем состоянии его флота было известно в Афинах *еще до того, как* Тимофей получил назначение адмиралом флота для помощи острову (Xen. Hellen. vi, 2, 10, 11, 12).

2. Тимофей отплыл из Пирея в назначенное плавание в апреле 373 года до н.э.

3. Тимофей был судим в Афинах в ноябре 373 года до н. э.; Алкетас и Ясон присутствовали при этом как союзники Афин и свидетели в его пользу.

Если правда, что Ификрат отплыл из Афин со своим флотом только после суда над Тимофеем в ноябре, то мы должны предположить, что осада Коркиры Мнасиппом длилась семь месяцев, а плавание Тимофея - почти пять месяцев. И первое, и второе совершенно неправдоподобно. Афиняне никогда бы не позволили Коркире подвергнуться столь ужасной опасности захвата только для того, чтобы дожидаться суда над Тимофеем. Ксенофонт прямо не говорит, сколько времени длилась осада Коркиры; но из его высказываний о наемниках Мнасиппа (что им уже причиталась плата за *два месяца*, - καὶ δυοῖν ἤδη μηνῶν-vi, 2, 16) следует, что она вряд ли могла длиться более трех месяцев в общей сложности. Допустим, что она длилась четыре месяца; тогда осада закончилась бы в августе, а мы знаем, что флот Ификрата прибыл сразу после окончания осады.

Кроме того, можно ли считать правдоподобным, что Тимофей, назначенный адмиралом с явной целью освободить Коркиру и знавший, что Мнасипп уже осаждает это место с грозным флотом, провел в своем предварительном плавании так много времени, как *пять* месяцев?

Я предполагаю, что Тимофей пробыл в этом плавании около *двух* месяцев; и даже этого срока было бы вполне достаточно, чтобы вызвать сильное недовольство против него в Афинах, когда стало известно, что опасности и лишения Коркиры ежечасно возрастают. Когда Тимофей вернулся в Афины, он обнаружил, что все это недовольство уже на плаву против него, возбужденное отчасти сильными порицаниями Ификрата и Каллистрата (Dem. cont. Timoth. p. 1187. с. 3). Неприятные речи в общественном собрании, помимо того, что разжигали гнев афинян против него, привели к голосованию за отстранение его от командования в Коркире и назначение на его место Ификрата с Хабриасом и Каллистратом. Вероятно, те, кто предложил это голосование, одновременно дали понять, что намерены выдвинуть против Тимофея судебное обвинение в нарушении или неисполнении обязанностей. Но в интересах всех сторон было бы отложить *судебное разбирательство* до решения судьбы Коркиры, для чего экономия времени была бы очень ценной. Ификрат прекрасно понимал, что все его шансы на успех зависят от поспешности, а Тимофей и его друзья рассматривали отсрочку как дополнительный шанс смягчить общественное недовольство, а также получить присутствие Ясона и Алкета. Тем не менее, хотя суд и был отложен, Тимофей с этого момента находился под импичментом. Поэтому оратория, составленная Демосфеном (которую через несколько лет после этого произнес Аполлодор в качестве истца), - хотя и произнесенная в свободной форме и не отличающаяся гневных речей против Тимофея в *общественном собрании* (в июне 373 года до н. э. или около того, когда было получено его низложение) от обвинительных речей против него на самом суде в ноябре 373 года до н. э., *перед дикастерием*, тем не менее не ошибается, говоря: -ἐπειδὴ δ' ἀπεχειροτονήθη μὲν ὑφ' ὑμῶν στρατηγὸς διὰ τὸ μὴ περικλεῖσθαι Πελοπόννησον, ἐπὶ κρίσει δὲ παρεδέδοτο εἰς τὸν δῆμον, αἰτίας τῆς μεγίστης τυχῶν (с. 3, р. 1187) - и снова о его приезде из Калаурии в Афины -μέλλων τοίνυν καταπλεῖν ἐπὶ τὴν κρίσιν, ἐν Καλαυρίᾳ δανείζεται и т. д. (р. 1188, 1189.) То, что Тимофей был передан народу для суда - что он отплывал из Калаурии *для суда* - вполне *можно* утверждать в отношении его положения в июне, хотя суд над ним состоялся только в ноябре. Думаю, нельзя сомневаться в том, что триремы в Калаурии составляли часть того флота, который действительно отправился в Коркиру под командованием Ификрата ; не дожидаясь суда над Тимофеем в ноябре, а отплыв, как только Ификрат смог подготовиться, вероятно, около июля 373 г. до н.э.

Реданц утверждает, что если Ификрат отплыл с флотом в июле, то в ноябре он должен был вернуться в Афины на суд над Тимофеем, что противоречит утверждению Ксенофонта о том, что он оставался в Ионическом море до 371 г. до н. э. Но если мы внимательно посмотрим на орацию Демосфена, то увидим, что нет никаких определенных оснований утверждать, что Ификрат присутствовал в Афинах в ноябре, во время фактического суда над Тимофеем. Фразы в р. 1187-ἐφείσθη δ' αὐτῷ Καλλίστρατος καὶ Ἰφικράτης ... οὕτω δὲ διέθεσαν ὑμᾶς κατηγοροῦντες τοῦτου αὐτοῖ τε καὶ οἱ συναγορεύοντες αὐτοῖς и др, могут быть хорошо объяснены, насколько это касается Ификрата, если предположить, что они относятся к тем порицаниям, произнесенным в общественном собрании, благодаря которым был получен голос о низложении Тимофея и впервые было возбуждено всеобщее негодование против него. Поэтому я не вижу причин утверждать, что Ификрат действительно присутствовал на суде над Тимофеем в ноябре. Но Каллистрат действительно присутствовал на суде (см. с. 9. р. 1197, 1198); это достаточно хорошо согласуется с утверждением Ксенофонта, что этот оратор получил от Ификрата разрешение оставить его в Коркирах и вернуться в Афины (vi, 3, 3). Каллистрат направил свое обвинение в основном против Антимаха, казначея Тимофея. И мне кажется, что при таких обстоятельствах дела Ификрат, добившись своего - сместив Тимофея с поста командующего и добившись важного успеха в Коркирах, - мог бы быть вполне доволен тем, что его избавили от обязанности

официально обвинять его перед дикастерией, в противостоянии с Ясоном и Алкетасом, а также с могущественной группой афинских друзей.

Диодор (xv, 47) делает заявление, совершенно отличное от Ксенофонта. Он говорит, что Тимофей сначала был отстранен от командования, но затем прощен и вновь назначен народом (совместно с Ификратом) в связи с большим количеством сил, которые он приобрел во время своего предварительного похода. Таким образом, флот, состоящий из ста тридцати трирем, был отправлен в Коркиру под совместным командованием Ификрата и Тимофея. Диодор не упоминает о суде над Тимофеем. Этот рассказ, очевидно, совершенно отличен от рассказа Ксенофонта, которому по всем основаниям следует отдать предпочтение, тем более что его основные положения согласуются с орацией Демосфена.

[327] Demosth. cont. Timoth. c. 6. p. 1191; c. 8. p. 1194.

Из другого отрывка той же оратории мы видим, что кредиторы Тимофея рассчитывали на то, что он заработает большую сумму денег на персидской службе (с. 1, р. 1185). Это еще раз подтверждает сказанное мною в предыдущем примечании о мотивах, побуждавших выдающихся афинских офицеров отправляться на службу в чужие края подальше от Афин.

[328] Xen. Hellen. vi, 2, 38; Pausanias, iv, 26, 3.

[329] Любопытное свидетельство этого факта см. в Demosthen. cont. Neæram, c. 12, p. 1357.

[330] Diodor. xi, 48, 49; Pausan. vii, 25; Ælian. Hist. Animal. xi, 19.

Каллистен, по-видимому, подробно описал, с соответствующими религиозными комментариями, многочисленные физические предзнаменования, которые происходили в это время (см. Kallisthen. Fragm. 8, ed. Didot).

[331] Эта вторая миссия Анталкида достаточно подтверждается косвенным упоминанием Ксенофонта (vi, 3, 12). Его известные фило-лаконские настроения достаточно хорошо объясняют, почему он избегает прямого упоминания о ней.

[332] Диодор. xv, 50.

Диодор утверждал (несколькими главами ранее, xv, 38), что персидские посланники также прибыли в Грецию за некоторое время до заключения мира 374 года до н. э. и были инициаторами этого предыдущего мира. Но это, как мне кажется, один из случаев (а их не так уж мало в его истории), когда он повторяется или дважды рассказывает об одном и том же событии при аналогичных обстоятельствах. Вмешательство персидских посланников гораздо больше подходит для периода, непосредственно предшествовавшего миру 371 года до н. э., чем для периода, предшествовавшего миру 374 года до н. э., когда, по сути, ни один мир никогда не был полностью выполнен.

Дионисий Галикарнасский также (Judic. de Lysiâ, p. 479) представляет персидского царя как участника мира, заключенного Афинами и Спартой в 371 году до н.э.

[333] Xen. Hellen. vi, 3, 3.

[334] Xen. Hellen. vi, 3, 1.

[335] Demosthen. cont. Timoth. p. 1188, s. 17.

[336] Diodor. xv, 46. Я не знаю, у кого Диодор скопировал это утверждение, но оно кажется чрезвычайно разумным.

[337] Мне кажется, что именно это имеет в виду платейский оратор у Исократа, когда он неоднократно жалуется на то, что Платея была взята фиванцами в мирное время, -εἰρήνης οὔσης. Выражая протест против несправедливости фиванцев, оратор ссылается на две гарантии, которые они нарушили; однако в целях аргументации эти две гарантии четко не разграничены, а сведены в одну. Первой гарантией был Анталкидский мир, по которому была восстановлена Платея и сторонами которого были Фивы, Спарта и Афины. Вторая гарантия - та, которую дали Фивы, завоевав в 377-370 гг. до н. э. беотийские города и восстановив федерацию; она обеспечила платейцам существование в качестве города с той долей автономии, которая соответствовала обязательствам члена беотийской федерации. Когда платейский оратор обвиняет фиванцев в нарушении "клятв и договора" (ὄρκους καὶ ξυνθήκας), он имеет в виду условия Анталкидского мира, с учетом ограничений, наложенных впоследствии подчинением Платеи федеративной системе Беотии. Он призывает к опекунскому вмешательству Афин, как стороны Анталкидского мира.

Д-р Тирлуолл считает (Hist. Gr. vol. v, ch. 38. p. 70-72), что фиванцы были участниками мира 374 г. до н. э. между Спартой и Афинами; что они приняли его, намереваясь намеренно его нарушить; и что по этому миру лакедемонские гарнизоны были выведены из Феспии и других мест в Беотии. Я не могу согласиться с этим мнением, которое, как мне кажется, отрицает Ксенофонт, и которое не утверждается и не подразумевается в платейских рассуждениях Исократа. По моему мнению, в 374 г. до н. э. в Беотии (кроме Орхомена на севере) не было лакедемонских гарматов. Ксенофонт рассказывает (Hellen. v, 4, 63; vi, 1, 1), что фиванцы "восстанавливали беотийские города - покорили беотийские города" - в 375 г. до н. э. или раньше, что позволило им выйти из Беотии и вторгнуться в Фокису; это подразумевает изгнание или отступление всех лакедемонских сил из южной части Беотии.

Аргументация в платейских рассуждениях Исократа не слишком ясна и разборчива; да мы и не вправе ожидать, что она должна быть такой, когда речь идет о мольбе страдающего и страстного человека. Но выражение εἰρήνης οὔσης и εἰρήνη всегда можно (по моему мнению) объяснить, не относя его, как это делает доктор Тирлуолл, к миру 374 года до н. э. и не предполагая, что Фивы были стороной этого мира.

[338] Павсаний, ix, 1, 3.

[339] Диодор. xv, 47.

Павсаний (ix, 1, 3) помещает это взятие Платеи в третий год (считая годы от середины лета до середины лета) до битвы при Лейктре; или в год правления архонта Астее в Афинах; что кажется мне верной датой, хотя г-н Клинтон полагает (без оснований, я думаю), что это опровергается Ксенофонтом. Год архонта Астее длится с середины лета 373 по 372 год до н. э. Именно во второй половине этого года, как я полагаю, была взята Платея.

[340] Я делаю вывод на основании Исократа, Or. xiv, (Plataic.) s. 21-38; сравните также разд. 10. Платейский оратор обвиняет фиванцев в том, что они разрушили стены некоторых беотийских городов (сверх того, что они сделали с Платеей), и я осмеливаюсь применить это к Феспиям. Ксенофонт действительно утверждает, что с феспийцами в этот самый период поступили точно так же, как с платейцами, то есть изгнали из Беотии и разрушили их город, за исключением того, что они не имели таких же претензий к Афинам (Hellen. vi, 3, 1-ἀπόλιδας γενομένων: ср. также vi, 3, 5). Диодор также (xv, 46) говорит о фиванцах как о разрушителях Феспии. Но я возражаю против этого, основываясь на Платейской оратории Исократа, что феспийцы не были в таком же положении, как платейцы, когда была произнесена эта оратория; то есть они не были коллективно изгнаны из Беотии. Более того, Павсаний также прямо говорит, что феспийцы присутствовали в Беотии во время битвы при Лектре и что вскоре после этого они были изгнаны. В то же время

Павсаний приводит отдельную историю о поведении феспийцев, отвергать которую было бы неразумно (ix, 13, 3; ix, 14, 1). Поэтому я считаю, что Ксенофонт неточно выразился, сказав, что феспийцы были *ἀπόλιδες* до битвы при Лейктре. Вполне возможно, что они могли послать мольбы в Афины (*ἰκετεύοντας*-Xen. Hell. vi, 3, 1) в связи с суровым предписанием разрушить их стены.

[341] Thucyd. iv, 133.

[342] Isokrates, Or. xiv, (Plataic.) s. 11, 13, 18, 42, 46, 47, 68.

[343] Isokrates, Or. xiv, (Plat.) s. 3. Εἰ μὲν οὖν μὴ Θηβαίους ἐωρῶμεν ἐκ παντὸς τρόπου παρεσκευασμένους πείθειν ὑμᾶς ὡς οὐδὲν εἰς ἡμᾶς ἐξημαρτήκασι, διὰ βραχέων ἂν ἐποιησάμεθα τοὺς λόγους- ἐπειδὴ δ' εἰς τοῦτ' ἀτυχίας ἤλθομεν, ὥστε μὴ μόνον ἡμῖν εἶναι τὸν ἀγῶνα πρὸς τούτους ἀλλὰ καὶ τῶν ῥητόρων τοὺς δυνατωτάτους, οὓς ἀπὸ τῶν ἡμετέρων αὐτοῖς οὗτοι παρεσκευάσαντο συνηγόρους, и т.д.

Сравните разд. 36.

[344] Isokr. Or. xiv, (Plat.) s. 12, 13, 14, 16, 28, 33, 48.

[345] Исократ. Or. xiv, (Plat.) s. 23-27. λέγουσιν ὡς ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ τῶν συμμάχων ταῦτ' ἔπραξαν- φασὶ τὸ Θηβαίους ἔχειν τὴν ἡμετέραν, τοῦτο σύμφερον εἶναι τοῖς συμμάχοις, etc.

[346] Isokrat. Or. 14, (Plat.) s. 23, 24.

[347] Диодор (xv, 38) упоминает парламентский конфликт между Эпаминондасом и *Каллистратом*, относя его к периоду, непосредственно предшествовавшему неудачному миру, заключенному между Афинами и Спартой за три года до этого. Я согласен с Весселингом (см. его примечание *ad loc.*) в том, что эти дебаты правильнее отнести ко времени, непосредственно предшествующему миру 371 г. до н. э. Диодор внес большую путаницу между этими двумя периодами; иногда он дважды повторяет одни и те же предшествующие явления, как если бы они относились к обоим, - иногда приписывает одному то, что правильно отнести к другому.

Ссора между Эпаминондасом и *Каллистратом* (ἐν τῷ κοινῷ συνεδρίῳ) кажется мне более подходящей для дебатов на собрании конфедерации в Афинах, а не для дебатов в Спарте, в предварительных обсуждениях мира, где произошла ссора между Эпаминондасом и *Агесилаем*.

[348] Xen. Hellen. vi, 3, 3.

Судя по языку Ксенофонта, сомнительно, был ли Каллистрат одним из назначенных посланников или только его спутником.

[349] Xen. Hellen. vi, 3, 4-6.

[350] Xen. Hellen. vi, 3, 7-10. Ταῦτ' εἰπὼν, σιωπὴν μὲν παρὰ πάντων ἐποίησεν (Autoklês), ἡδομένους δὲ τοὺς ἀχθομένους τοῖς Λακεδαιμονίοις ἐποίησε.

[351] Xen. Hellen. vi, 3, 10-17.

[352] Xen. Hellen. vi, 3, 12, 13.

[353] Xen. Hellen. vi, 3, 16.

[354] Ксен. Hellen. vi, 3, 14. Καὶ γὰρ δὴ κατὰ γῆν μὲν τις ἄν, ὑμῶν φίλων ὄντων, ἱκανὸς γένοιτο ἡμᾶς λυπηῖσαι; κατὰ θάλατταν γε μὴν τις ἄν ὑμᾶς βλάψαι τι, ἡμῶν ὑμῖν ἐπιτηδείων ὄντων;

[355] Xen. Hellen. vi, 3, 11. Καὶ ὑμῖν δὲ ἐγώ γε ὁρῶ διὰ τὰ ἀγνωμόνωςπραχθέντα ἔστιν ὅτε πολλὰ ἀντίτυπα γιγνόμενα- ὧν ἦν καὶ ἡ καταληφθεῖσα ἐν Θήβαις Καδμεία- νῦν γοῦν, ὡς (?) ἐσπουδάσατε αὐτονόμους τὰς πόλεις γίγνεσθαι, πᾶσαι πάλιν, ἐπεὶ ἡδικήθησαν οἱ Θηβαῖοι, ἐπ' ἐκείνοις γεγένηνται.

[356] Плутарх, Agesil. c. 27.

[357] Плутарх. Agesil. c. 28.

[358] Thucyd. iii, 61. ἡμῶν (φиванцы) κτισάντων Πλάταιαν ὕστερον τῆς ἄλλης Βοιωτίας καὶ ἄλλα χωρία μετ' αὐτῆς, ἃ συμμίκτους ἀνθρώπους ἐξελάσαντες ἔσχομεν, οὐκ ἡξιοῦν οὔτοι (платеяне), ὥσπερ *ἐτάχθη τὸ πρῶτον*, ἡγεμονεύεσθαι ὑφ' ἡμῶν, *ἔξω δὲ τῶν ἄλλων Βοιωτῶν παραβαίνοντες τὰ πάτρια*, ἐπειδὴ προσηναγκάζοντο, προσεχώρησαν πρὸς Ἀθηναίους, etc.

И снова (с. 65) он говорит об олигархических платейцах, которые приняли фиванский отряд, когда тот ночью пришел удивить Платею, -εἰ δὲ ἄνδρες ὑμῶν οἱ πρῶτοι καὶ χρήμασι καὶ γένει, βουλόμενοι τῆς μὲν ἔξω συμμαχίας ὑμᾶς παῦσαι, *ἔς δὲ τὰ κοινὰ τῶν πάντων Βοιωτῶν πάτρια καταστῆσαι*, ἐπεκαλέσαντο ἔκοντες и т. д.

И снова (с. 66), κατὰ τὰ πάντων Βοιωτῶν πάτρια и т. д. Сравните ii, 2.

[359] Диодор. xi, 81.

[360] Thucyd. iv, 126.

Брасидас, обращаясь к своим солдатам, служившим в Македонии, при приближении иллирийцев, говорит

Ἀγαθοῖς γὰρ εἶναι προσήκει ὑμῖν τὰ πολέμια, οὐ διὰ συμμαχων παρουσίαν ἐκάστοτε, ἀλλὰ δι' οἰκείαν ἀρετὴν, καὶ μηδὲν πλῆθος πεφοβῆσθαι ἐτέρων- οἳ γε μηδὲ ἀπὸ πολιτειῶν τοιούτων ἦκετε, ἐν αἷς οὐ πολλοὶ ὀλίγων ἄρχουσιν, ἀλλὰ πλειόνων μᾶλλον ἐλάσσους- οὐκ ἄλλω τινὶ κτησάμενοι τὴν δυναστείαν ἢ τῷ μαχόμενοι κρατεῖν.

[361] О том, какой отвратительный эффект произвело подобное предложение перед битвой при Лейктре, можно судить, прочитав, какие слова вкладывает Исократ в уста спартанского принца Архидама через пять или шесть лет после этой битвы, протестуя против того, что все спартанские патриоты должны скорее погибнуть, чем согласиться на отказ от Мессении, -περὶ μὲν ἄλλων τινῶν ἀμφισβητήσεις, ἐγίγνοντο, περὶ δὲ Μεσσηνίας, οὔτε βασιλεὺς, οὔθ' ἡ τῶν Ἀθηναίων πόλις, οὐδὲ πώποθ' ἡμῖν ἐνεκάλεσεν ὡς ἀδίκως κεκτημένοις αὐτήν (Isok. Arch. s. 32). Весной 371 г. до н. э. то, что когда-то было Мессенией, было лишь частью Лаконии, которую никто и не думал отличать от других частей (см. Thucyd. iv, 3, 11).

[362] Плутарх, Agesil. c. 28; Павсаний, ix, 13, 1; ср. Diodor. xv, 51. Павсаний ошибочно относит эти дебаты к конгрессу, предшествовавшему Анталкидскому миру 387 года до н. э.; в это время Эпаминондас был неизвестен.

Плутарх приводит этот обмен короткими вопросами между Агесилаем и Эпаминондасом, который по существу совпадает с тем, что приводит Павсаний, и имеет все шансы быть правдой. Но он представляет его в очень смелом и резком виде, который не может соответствовать действительности. Поднять вопрос о праве Спарты управлять Лаконией было самой смелой новинкой. Мужественный и патриотичный фиванец мог бы решиться на

это в качестве ответа тем спартамцам, которые ставили под сомнение право Фив на председательство в Беотии; но он никогда бы не сделал этого без указания причин, оправдывающих утверждение, столь поразительное для значительной части его слушателей. Доводы, которые я приписываю Эпаминондасу, - это те, которые, как мы знаем, составляли фиванское вероучение в отношении беотийских городов; те, которые действительно были выдвинуты фиванским оратором в 427 году до н. э., когда обсуждалась судьба платейских пленников. После того как Эпаминондас изложил причины в поддержку своего утверждения, он мог, если тот же краткий вопрос был гневно задан ему во второй раз, ответить на него другим столь же кратким контрвопросом или риторикой. Именно этот заключительный обмен выпадами и привел Плутарх, опустив ранее приведенные Эпаминондасом аргументы, необходимые для обоснования кажущегося парадокса, который он выдвигает. Мы должны помнить, что Эпаминондас не утверждает, что Фивы имели право на *такую же власть* в Беотии, как Спарта в Лаконии. Он лишь утверждает, что Беотия под председательством Фив была такой же целостной политической совокупностью, как Лакония под властью Спарты, - применительно к греческому миру.

Ксенофонт отличается от Плутарха в своем рассказе о поведении фиванских посланников. Он вообще не упоминает ни Эпаминондаса, ни какого-либо посланника по имени, но говорит, что "фиванцы, записав свое имя среди городов, принесших клятву, пришли на следующий день и попросили изменить запись и вместо *фиванцев* поставить "*беотийцев*", как давших клятву. Агесилай сказал им, что не может ничего изменить, но он вычеркнет их имена, если они пожелают, что и сделал" (vi, 3, 19). Мне кажется, что этот рассказ гораздо менее вероятен, чем рассказ Плутарха, и имеет все признаки ошибочности. Почему такой человек, как Эпаминондас (который, несомненно, был посланником), должен был сначала согласиться отказаться от президентских притязаний Фив и присягнуть только за нее? А если он согласился, то почему на следующий день отказался? Ксенофонт стремится выставить Агесилая как можно более правым, поскольку роковые последствия его действий проявились слишком рано.

[363] Ксенофонт. Hellen. vi, 3, 20.

[364] Диодор. xv, 38-82.

[365] Ксен. Hellen. vi, 4, 1.

[366] Thucyd. iv.

[367] Диодор, xv, 38. ἐξαγωγή, Xen. Hellen. l. c.

Диодор относит высказывания в этой главе к миру между Афинами и Спартой в 374 г. до н. э. Я уже отмечал, что они относятся к миру 371 г. до н. э.; как подозревает Весселинг в своем примечании.

[368] Xen. Hellen. vi, 4, 3. ἥδη γὰρ, ὡς ἔοικε, τὸ δαίμονιον ἦγεν, etc.

[369] Xen. Hellen. vi, 3, 20; Плутарх, Pelopid. c. 20; Diodor. xv, 51.

[370] Плутарх, Агесилай, c. 28.

[371] Xen. Hellen. vi, 4, 2, 3. ἐκεῖνον μὲν φλυαρεῖν ἠγήσατο и т. д.

[372] Утверждается, что либо лакедемоняне из Спарты, либо Клеомброт из Фокисы послали в Фивы новое официальное требование, чтобы беотийские города были оставлены

автономными; требование было отклонено (Diodor. xv, 51; Aristeides, Or. (Leuktr.) ii, xxxiv, p. 644, ed. Dindorf). Но такая миссия представляется весьма сомнительной.

[373] Xen. Hellen. vi, 4, 3, 4; Diodor. xv, 53; Pausan. ix, 13, 2.

[374] Kallisthenes, apud Cic. de Divinatione, i, 34, Fragm. 9, ed. Didot.

[375] Xen. Hellen. vi, 4, 7; Diodor. xv, 54; Pausan. ix, 13, 3; Plutarch, Pelopid. c. 20, 21; Polyænus, ii, 3, 8.

Последний рассказывает, что Пелопиду во сне привиделся Скедас, который велел ему принести на этой гробнице "пушистую девственницу" в жертву усопшим женщинам. Пелопид и его друзья были в большом недоумении по поводу исполнения этого повеления; многие утверждали, что необходимо, чтобы какая-нибудь дева посвятила себя или была посвящена своими родителями в качестве жертвы за безопасность страны, как Менекей и Макария в древних легендах; другие осуждали эту идею как жестокую и неприемлемую. В разгар спора кобыла с каштановым жеребенком поскакала галопом и остановилась неподалеку; тогда пророк Феокрит воскликнул: "Вот и требуемая жертва, посланная особым провидением богов". Каштановую кобылку поймали и принесли в жертву на могиле; все были в приподнятом настроении от уверенности, что поручение богов было исполнено.

Пророк Феокрит фигурирует в трактате Плутарха De Genio Socratis (с. 3, p. 576 D.) как один из сподвижников Пелопида в заговоре, в результате которого фиванская олигархия была низложена, а лакедемоняне изгнаны из Кадмеи.

[376] Диодор. xv, 52-56; Плутарх, Пелоп. с. 20.

[377] Xen. Hellen. vi, 4, 5.

[378] Полиэн. ii, 2, 2; Павсаний, ix, 13, 3; ix, 14, 1.

[379] Плутарх, Симпозиум. ii. 5, p. 639 F.

[380] Павсаний (ix, 13, 4; ср. viii, 6, 1) делает большой акцент на этом безразличии или даже вероломстве союзников. Ксенофонт говорит достаточно, чтобы подтвердить реальность этого факта (Hellen. vi, 4, 15-24); см. также Цицерон De Offic. ii, 7, 26.

У Полиэна есть не один анекдот о ловкости Агесилая в обращении со слабовольным поведением или дезертирством со стороны союзников Спарты (Polyæn. ii, 1, 18-20).

[381] Xen. Hellen. vi, 4, 13, 14.

[382] Xen. Плутарх (Agesil. с. 28) утверждает, что была убита тысяча лакедемонян; Павсаний (ix, 13, 4) называет число более тысячи; Диодор упоминает четыре тысячи (xv. 56), что, несомненно, выше истины, хотя число, приведенное Ксенофонтом, можно считать несколько ниже ее. Дионисий Галикарнасский (Antiq. Roman. ii, 17) утверждает, что погибло семнадцать сотен спартанцев.

[383] Ксен. Hellen. vi, 4, 15.

[384] Pausan. ix, 13, 4; Плутарх, Apotheos. Reg. p. 193 B.; Цицерон, de officiis, ii, 7.

[385] Pausan. ix, 13, 4; Diodor. xv, 55.

[386] Pausan. ix, 16, 3.

[387] Это важная дата, сохраненная Плутархом (Agesil. c. 28). Съезд был разорван в Спарте четырнадцатого числа аттического месяца Скиррофориона (июня), последнего месяца года афинского архонта Алкистена; битва произошла пятого числа аттического месяца Гекатомбæона, первого месяца следующего аттического года архонта Фрасиклидеса; около начала июля.

[388] Диодор отличается от Ксенофонта в одном важном вопросе, связанном с битвой; он утверждает, что Архидам, сын Агесилая, присутствовал и сражался, вместе с различными другими обстоятельствами, которые я рассмотрю сейчас, в одной из следующих заметок. Я следую Ксенофону.

[389] Xen. Hellen. vi, 4, 8. Εἰς δ' οὖν τὴν μάχην τοῖς μὲν Λακεδαιμονίοις πάντα τὰναντία ἐγίγνετο, τοῖς δὲ (κ фиванцам) πάντα καὶ ὑπὸ τῆς τύχης κατωρθοῦτο.

[390] Исократ в "Оратории vi, называемой *Архидамовой*" (составленной примерно через пять лет после битвы, как будто ее произнес Архидам, сын Агесилая), вложил это утверждение в уста Архидамы - μέχρι μὲν ταυτησὶ τῆς ἡμέρας δεδυστυχηκεῖναι δοκοῦμεν ἐν τῇ μάχῃ τῇ πρὸς Θηβαίους, καὶ τοῖς μὲν σώμασι κρατηθῆναι διὰ τὸν οὐκ ὀρθῶς ἡγησάμενον и др. (s. 9).

Я принимаю его заявление как хорошее доказательство реального мнения, которого придерживались как Агесилай, так и Архидам; мнение тем более естественное, что два современных царя Спарты почти всегда были в разладе и возглавляли враждующие партии; особенно это верно в отношении Агесилая и Клеомброта при жизни последнего.

Цицерон (вероятно, копируя Каллистена или Эфора) говорит, de Officiis, i, 24, 84- "Illa plaga (Lacedæmoniis) pestifera, quâ, quum Cleombrotus invidiam timens temere cum Eraminondâ conflisisset, Lacedæmoniorum opes corruerunt." Полибий замечает (ix. 23, не знаем, у кого он заимствовал), что все действия Клеомброта во время правления Спартой отличались великодушным отношением к интересам и чувствам союзников; в то время как действия Агесилая носили противоположный характер.

[391] Диодор. xv, 55. Εραμινονδας, ἰδίᾳ τινὶ καὶ περὶ τῇ τάξει χρησάμενος, διὰ τῆς ἰδίας στρατηγίας περιεποίησατο τὴν περιβόητον νίκην διὸ καὶ λοξὴν ποιήσας τὴν φάλαγγα, τῷ τοῦς ἐπιλέκτους ἔχοντι κέρατι ἔγνω κρίνειν τὴν μάχην, и т. д. Сравните Плутарх, Пелоп. с. 23.

[392] См. Aristotel. Politic. viii, 3, 3, 5.

Сравните Ксенофонт, De Repub. Laced. xiii, 5. τοὺς μὲν ἄλλους αὐτοσχεδιαστὰς εἶναι τῶν στρατιωτικῶν, Λακεδαιμονίους δὲ μόνους τῷ ὄντι τεχνίτας τῶν πολεμικῶν и Xenoph. Memorab. iii, 5, 13, 14.

[393] Thucyd. i, 71. ἀρχαιοτρόπα ὑμῶν (о вас, спартанцы) τὰ ἐπιτηδεύματα πρὸς αὐτοὺς ἐστίν. Ἀνάγκη δ' ὥσπερ τέχνης ἀεὶ τὰ ἐπιγιγνόμενα κρατεῖν- καὶ ἡσυχάζουση μὲν πόλει τὰ ἀκίνητα νόμιμα ἄριστα, πρὸς πολλὰ δὲ ἀναγκαζομένοις ἵεναι, πολλῆς καὶ τῆς ἐπιτεχνήσεως δεῖ, и т.д.

[394] Xen. Hellen. ii, 2, 3.

[395] Ксен. Hellen. vi, 4, 16. Γενομένων δὲ τούτων, ὁ μὲν εἰς τὴν Λακεδαίμονα ἀγγελῶν τὸ πάθος ἀφικνεῖται, Γυμνοπαιδῶν τε οὐσῶν τῆς τελευταίας, καὶ τοῦ ἀνδρικοῦ χόρου ἔνδον ὄντος- Οἱ δὲ ἔφοροι, ἐπεὶ ἤκουσαν τὸ πάθος, ἐλυποῦντο μὲν, ὥσπερ οἶμαι, ἀνάγκη- τὸν μέντοι χόρον οὐκ ἐξήγαγον, ἀλλὰ διαγωνίσασθαι εἶων. Καὶ τὰ μὲν ὀνόματα πρὸς τοὺς οἰκείους ἐκάστου τῶν τεθνηκότων ἀπέδοσαν- προεῖπον δὲ ταῖς γυναίξιν, μὴ ποιεῖν κραυγὴν, ἀλλὰ σιγῇ τὸ πάθος φέρειν. Τῇ δὲ ὑστεραίᾳ ἦν ὄρεῖν, ὧν μὲν ἐτέθνασαν οἱ προσήκοντες, λιπαροὺς καὶ φαιδροὺς ἐν τῷ

φανερῶ ἀναστρεφόμενους- ὧν δὲ ζῶντες ἡγγελμένοι ἦσαν, ὀλίγους ἂν εἶδες, τούτους δὲ σκυθρωποὺς καὶ ταπεινοὺς περιϊόντας и Плутарх, Agesil. c. 29.

См. аналогичное высказывание Ксенофонта, после того как он рассказал о разрушении на куски лакедемонской моры под Лехеймом, о том, как довольны и даже торжествуют те лакедемоняне, которые потеряли своих родственников в битве; в то время как все остальные были в трауре (Xen. Hellen. iv, 5, 10). Сравните также Юстин, xxviii, 4 - поведение после поражения Селласия.

[396] Фукид. ii, 39.

[397] Xen. Hellen. vi, 4, 17-19.

[398] См. Фукид. vii, 73.

[399] Xen. Hellen. vi, 4, 20, 21.

Однако, поскольку фокийцы составляли часть разбитой армии при Лейктре, следует признать, что в этот момент Ясону было меньше, чем в любой другой, опасаться их.

[400] Павсаний утверждает, что сразу после битвы Эпаминондас разрешил союзникам Спарты разойтись по домам, чем они и воспользовались, так что спартанцы теперь стояли в лагере одни (Paus. ix, 14, 1). Однако это не согласуется с рассказом Ксенофонта (vi, 4, 26) и кажется мне неправдоподобным.

Зиверс (Geschichte, etc. p. 247) считает, что Ясон спас спартанцев, перехитрив и введя в заблуждение Эпаминондаса. Но мне кажется, что штурм спартанского лагеря был тяжелым предприятием, в котором погибло бы больше фиванцев, чем спартанцев: кроме того, спартанцы были хозяевами порта Креусиса, так что шансов уморить лагерь голодом до прибытия подкрепления было мало. Капитуляция, на которую согласился Эпаминондас, кажется, была действительно самым мудрым решением.

[401] Xen. Hellen. vi, 4, 22-25.

Дорога из Креусиса в Лейктру, однако, должна была быть той, по которой прибыл Клеомброт.

[402] Это самое удобное место для того, чтобы заметить расхождение в отношении битвы при Лейктре между Диодором и Ксенофонтом. Я следую за Ксенофонтом.

Диодор (xv, 54) утверждает, что и прибытие Ясона в Беотию, и поход Архидама из Спарты произошли *не после* битвы при Лейктре, а *до* нее. Ясон (по его словам) пришел со значительными силами на помощь фиванцам. Он убедил Клеомброта, который сомневался в достаточности своих сил, согласиться на перемирие и эвакуироваться из Беотии. Но когда Клеомброт шел домой, он встретил Архидама со вторым лакедемонским войском, направлявшимся в Беотию по приказу эфоров для подкрепления. Клеомброт, обнаружив, что неожиданно усилился, открыто нарушил только что заключенное перемирие и вместе с Архидамом отправился в Лейктру. Здесь они сразились, Клеомброт командовал правым крылом, а Архидам - левым. Они потерпели полное поражение, в котором Клеомброт был убит; результат был одинаковым для обоих.

Здесь мы должны сделать выбор между повествованием Ксенофонта и Диодора. То, что авторитет первого, говоря в целом, выше, вряд ли нужно отмечать; тем не менее его фило-лаконские пристрастия становятся настолько вопиющими и преобладающими в последних книгах "Эллиники" (где он исполняет скорбный долг повествования об унижении Спарты),

что дают основания для подозрений Пальмериуса, Моруса и Шнайдера, которые считают, что Ксенофонт скрыл прямое нарушение перемирия со стороны спартанцев и что факты действительно имели место, как их описал Диодор. См. Schneider ad Xen. Hellen. vi, 4, 5, 6.

Однако при изучении фактов выясняется, что такие подозрения не должны допускаться и что есть основания отдать предпочтение рассказу Ксенофонта.

1. Он объясняет нам, как случилось, что остатки спартанской армии после поражения при Лейктре бежали из Беотии. Ясон прибывает после битвы и уговаривает фиванцев разрешить им отступить по перемирию; Архидам также прибывает после битвы, чтобы забрать их. Если бы поражение произошло при обстоятельствах, упомянутых Диодором, Архидам и оставшиеся в живых едва ли нашли бы возможным бежать из Беотии.

2. Если Диодор говорит правильно, то со стороны Клеомброта и лакедемонян должно было произойти нарушение перемирия, столь же вопиющее, как и любое другое, встречающееся в греческой истории. Но впоследствии это нарушение никогда и никем не упоминается в числе злодеяний лакедемонян.

3. Часть, и существенная часть, истории Диодора состоит в том, что Архидам присутствовал и сражался при Лейктре. Но у нас есть независимые свидетельства, делающие почти уверенным, что его там не было. Тот, кто читал рассуждения Исократа об *Архидаме* (Or. vi, sect. 9, 10, 129), увидит, что подобные замечания не могли бы быть вложены в уста Архидамы, если бы он присутствовал там и (конечно) командовал совместно с Клеомбротом.

4. Если Диодор прав, то Спарта должна была набрать новую армию из своих союзников сразу после заключения мира, который освобождал ее союзников от всякого обязательства следовать за ее главой; и новую армию не для того, чтобы выволить побежденных товарищей в Беотии, а для чистой агрессии против Фив. Это, по меньшей мере, крайне маловероятно.

На этих основаниях я придерживаюсь Ксенофонта и отступаю от Диодора.

[403] Ксенофонт. Rep. Lac. c. ix; Плутарх, Agesil. c. 30.

[404] Thucyd. v, 34.

[405] Плутарх, Agesil. c. 30; Плутарх, Apophtheg. Lacon. p. 214 B.; Apophtheg. Reg. p. 191 C.; Polyænus, ii, 1, 13.

Подобная отмена наказаний по особому случаю была введена после великого поражения Агиса и лакедемонян от Антипатра, 330 г. до н.э. Акротат, сын царя Клеомена, был единственным человеком в Спарте, который выступал против отмены (Diodor. xix, 70). За такую оппозицию он был крайне непопулярен. Сравните также Юстина, xxviii, 4, описывающего общественные настроения в Спарте после поражения при Селласии.

[406] Объяснение спартанского гражданства можно найти в одной из предыдущих частей этой истории, т. II, гл. vi.

[407] Аристотель. Polit. ii, 6, 12. Μίαν γὰρ πλὴγὴν οὐχ ὑπῆνευκεν ἡ πόλις, ἀλλ' ἀπώλετο διὰ τὴν ὀλιγανθρωπίαν.

[408] Ксен. Hellen. vi, 5, 24. Καὶ γὰρ οἱ μὲν Βοιωτοὶ πάντες ἐγυμνάζοντο περὶ τὰ ὄπλα, ἀγαλλόμενοι τῇ ἐν Λεύκτροις νίκῃ и т. д.

Это замечательные слова из невольного пера Ксенофонта: ср. vii, 5, 12.

[409] Xen. Hellen. vi, 5, 23; vii, 5, 4; Diodor. xv, 57.

[410] Xen. Hellen. vi, 4, 27; vi, 5, 23.

[411] Диодор. xv, 57.

[412] Pausan. ix, 13, 3; ix, 14, 1.

[413] Ксен. Hellen. vi, 3, 1.

Я уже приводил свои доводы (в примечании к предыдущей главе) в пользу того, что феспийцы не были ἀπόλιδες до битвы при Лектре.

[414] Павсаний, x, 11, 4.

[415] Исократ, Or. v, (Philipp.) s. 141.

[416] Xen. Hellen. vi, 4, 30. παρήγγειλε δὲ καὶ ὡς στρατευσομένοις εἰς τὸν περὶ τὰ Πύθια χρόνον Θετταλοῖς παρασκευάζεσθαι.

Я согласен с трактовкой этого отрывка д-ром Арнольдом (см. его Appendix ad. Thucyd. v, 1, в конце второго тома его издания Фукидида) в отличие от построения г-на Файнса Клинтона. В то же время я не думаю, что этот отрывок многое доказывает в пользу его мнения или против мнения г-на Клинтона о месяце пифийского праздника, который я склонен считать отмечаемым около 1 августа; немного позже, чем полагает д-р Арнольд, и немного раньше, чем г-н Клинтон. Глядя на лунные месяцы греков, мы должны помнить, что фестиваль не всегда совпадает с одним и тем же месяцем или неделей нашего года.

Я не могу согласиться с доктором Арнольдом в том, что он отвергает утверждение Плутарха о совпадении пифийского праздника с битвой при Коронее.

[417] Xen. Hellen. vi, 4, 29, 30. βοῦν ἡγεμόνα и т. д.

[418] Diodor. xv, 13.

[419] Ксен. Hellen. vi, 4, 30. ἀποκρίνασθαι τὸν θεὸν, ὅτι αὐτῷ μελήσει. Ὁ δ' οὖν ἀνὴρ, τηλικοῦτος ὢν, καὶ τοσαῦτα καὶ τοιαῦτα διανοούμενος, и т. д.

Ксенофонт, очевидно, считает внезапное удаление Ясона следствием ранее высказанного богом намерения позаботиться о собственном сокровище.

[420] Xen. Hellen. vi, 4, 31, 32.

Причина, спровоцировавшая этих молодых людей, излагается по-разному: ср. Диодор. xv, 60; Валер. Максим. ix, 10, 2.

[421] Xen. Hellen. vi, 4, 32.

Смерть Ясона весной или в начале лета 370 года до н. э. опровергает комплимент, который Корнелий Непос (Timoth. c. 4) делает Тимофею; он никогда не мог воевать с Ясоном после 373 года до н. э., когда он принимал последнего в Афинах в своем доме.

[422] Xen. Hellen. vi, 4, 37.

[423] Diodor. xv, 38. ἐξαγωγής.

[424] Ксеноф. Hellen. iv, 8, 1-5.

[425] Diodor. xv, 39, 40.

Диодор упоминает об этих волнениях так, как будто они произошли после мира, заключенного в 374 г. до н. э., а не после мира 371 г. до н. э. Но невозможно, чтобы они произошли после первого, который, по сути, был разорван почти сразу после заключения, никогда не вступал в силу и не охватывал никого, кроме Афин и Спарты. Я уже отмечал, что Диодор, похоже, спутал в своем сознании и в своей истории эти два мирных договора и отнес к первому то, что на самом деле относится ко второму. Беспорядки, о которых он упоминает, происходят, что вполне естественно и правильно, сразу после битвы при Лейктре.

Он утверждает, что подобная реакция против лакедемонского господства и его местных представителей в различных городах имела место даже после заключения Анталкидского мира в 387 году до н. э. (xv, 5). Но если такая реакция началась в то время, она должна была быть быстро подавлена Спартой, которая в то время не ослабевала и даже набирала силу.

Здесь уместно отметить еще одно событие, якобы произошедшее после битвы при Лейктре. Полибий (ii, 39) и Страбон, похоже, копирующий его (viii, p. 384), утверждают, что и Спарта, и Фивы согласились оставить спорные вопросы о власти на усмотрение ахейцев и подчиниться их решению. Хотя я очень уважаю авторитет Полибия, здесь я не могу согласовать его утверждение ни с фактами, которые, несомненно, имели место, ни с общей вероятностью. Если на такой арбитраж и было дано согласие, он, должно быть, ни к чему не привел, поскольку война продолжалась без перерыва. Но я не могу заставить себя поверить в то, что на него согласились и Фивы, и Спарта. Чрезмерная самоуверенность первых и чувство собственного достоинства вторых, должно быть, не располагали к подобным действиям; особенно к признанию таких арбитров, как ахейские города, которые в 370 году до н. э. не пользовались особой популярностью, хотя и приобрели ее за полтора столетия после этого.

[426] Диодор. xv, 57, 58.

[427] Плутарх, Reipubl. Gerend. Præcept. p. 814 B.; Isokrates. Or. v, (Philip.) s. 58.; сравните Dionys. Halic. Antiq. Rom. vii, 66.

[428] Xen. Hellen. vii, 1, 10.

Об унынии спартанцев свидетельствуют невольные, хотя и косвенные намеки Ксенофонта, не в меньшей степени, чем их фактическое поведение - Hellen. vi, 5, 21; vii, 1, 30-32; ср. Плутарх, Agesil. c. 30.

[429] Ксен. Hellen. vi, 5, 1-3.

Ἐνθυμηθέντες οἱ Ἀθηναῖοι ὅτι οἱ Πελοποννήσιοι ἔτι οἴονται, χρῆναι ἀκολουθεῖν, καὶ οὕτω διακέοιντο οἱ Λακεδαιμόνιοι, ὥσπερ τοὺς Ἀθηναίους διέθεσαν-μεταπέμπονται τὰς πόλεις, ὅσοι βούλονται τῆς εἰρήνης μετέχειν, ἣν βασιλεὺς κατέπεμψεν.

В этом отрывке Морус и некоторые другие критики утверждают, что вместо οὕτω следует читать οὔτω (что, кажется, не подтверждается ни одним МСС). Зейн и Шнайдер признали новое чтение в тексте; однако они сомневаются в уместности этого изменения, и я, признаться, разделяю их сомнения. Слово οὕτω будет толковаться, и оно дает ясный смысл; очень отличный от οὔτω, действительно, - но более вероятно, что именно его имел в виду Ксенофонт.

[430] Xen. Hellen. vi, 5, 37.

[431] Таким образом, коринфяне по-прежнему оставались союзниками Спарты (Xen. Hellen. vii, 4, 8).

[432] Диодор. xvi, 23-29; Юстин, viii, 1.

Мы можем справедливо предположить, что оба они заимствуют у Феопомпа, который подробно рассказывает о памятной Священной войне с фокийцами, начавшейся в 355 году до н. э., и в которой поведение Спарты было частично определено этим предыдущим приговором Амфикионов. См. Theopompi Fragm. 182-184, ed. Didot.

[433] См. Tittmann, Ueber den Bund der Amphiktyonen, pp. 192-197 (Berlin, 1812).

[434] Xen. Hellen. v, 2, 19.

[435] Xen. Hellen. v, 2, 6; vi, 5, 3.

[436] Xen. Hellen. vi, 5, 4, 5.

Павсаний (viii, 8, 6: ix, 14, 2) утверждает, что фиванцы вновь основали город Мантинею. Этот акт был вызван спонтанным порывом мантинейцев и других аркадян еще до того, как фиванцы начали активно вмешиваться в дела Пелопоннеса, что мы и увидим в ближайшее время. Но, несомненно, это было сделано в расчете на поддержку фиванцев и, по всей вероятности, было известно Эпаминондасу и поощрялось им. Это стало первым шагом к той серии антиспартанских мер в Аркадии, о которых я расскажу далее.

Либо построенный ныне город Мантинея находился не совсем в том же положении, что и разобранный в 385 году до н. э., поскольку река Офис не протекала через него, как через прежний, - либо русло Офиса изменилось. Если это первое, то в городе было три последовательных поселения, самое древнее из которых находилось на холме под названием Птолис, несколько севернее Гурзули. Возможно, Птолис был более крупной из деревень, входивших в первичный состав. Эрнст Курций (Пелопоннес, стр. 242) считает холм Гурзули тем же самым, что и холм Птолис; полковник Лик различает их и помещает Птолис на своей карте к северу от Гурзули (Peloponnesiaca, p. 378-381). Вершина Гурзули находится примерно в одной миле от центра Мантинеи (Leake, Peloponnes. p. 383).

Стены Мантинеи, отстроенные в 370 г. до н. э., образуют эллипс длиной около восемнадцати стадий, или чуть более двух миль в окружности. Большая ось эллипса направлена на север и юг. Он был окружен мокрым рвом, воды которого соединяются в одно русло на западе от города и образуют ручей, который сэр Уильям Гелл называет Офис (Itinerary of the Morea, p. 142). Лицевая сторона стены сложена из регулярно обтесанных квадратных камней; ее толщина в целом составляет около десяти футов: четыре фута для внешней стены, два фута для внутренней, а промежуточное пространство в четыре фута заполнено мусором. В ней было восемь главных двойных ворот, каждые с узким извилистым подходом, защищенным круглой башней с каждой стороны. По всему периметру стен стояли четырехугольные башни, расположенные на расстоянии восьмидесяти футов друг от друга (Ernst Curtius, Peloponnesos, p. 236, 237).

Это поучительные остатки, свидетельствующие о представлениях греков об укреплении во времена Эпаминонда. Похоже, что Мантинея была не так велика, как Тегея, которой Курций приписывает окружность более трех миль (p. 253).

[437] Isokrates, Or. vi, (Archidamus) s. 111.

[438] Плутарх, Agesil. с. 30, 31, 34.

[439] Однако кажется сомнительным, что не было выпущено несколько обычных аркадских монет еще до битвы при Лейктре.

Некоторые из них сохранились, но К. О. Мюллер, а также М. Бёкх (Metrologisch. Untersuchungen, p. 92) относят их к более позднему времени после основания Мегалополя.

С другой стороны, Эрнст Курциус (Beyträge zur Aeltern Münzkunde, p. 85-90, Berlin, 1851) утверждает, что существует большая разница в стиле и исполнении этих монет, и что некоторые из них, по всей вероятности, относятся к более ранней дате, чем битва при Лейктре. Он предполагает, что эти более древние монеты были выпущены в связи с панааркадским святилищем и храмом Зевса Ликейского, и, вероятно, из общей казны при храме этого бога для религиозных целей; возможно, также в связи с храмом Артемиды Гимнии (Pausan. viii, 5, 11) между Мантинеей и Орхоменом.

[440] Xen. Hellen. vi, 5, 6. συνῆγον ἐπὶ τὸ συνιέναι πᾶν τὸ Ἀρκαδικὸν, καὶ ὅ,τι νικῶν ἐν τῷ κοινῷ, τοῦτο κύριον εἶναι καὶ τῶν πόλεων, etc.

Сравните Diodor. xv, 59-62.

[441] См. Павсаний, viii, 27, 2, 3.

[442] Xen. Hellen. vi, 5, 11.

[443] Об отношениях этих аркадских городов со Спартой и друг с другом см. Thucyd. iv, 134; v, 61, 64, 77.

[444] Ксенофонт в своем рассказе представляет Стасиппа и его друзей как совершенно правых и как ведущих себя не только справедливо, но и милосердно. Но из косвенного признания в другом месте мы узнаем, что существовала и другая история, совершенно отличная, которая представляла Стасиппа как начавшего несправедливое насилие. Сравните Hellenic. vi, 5, 7, 8 с vi, 5, 36.

Явная пристрастность Ксенофонта в этих последних книгах значительно снижает ценность его собственного мнения по этому вопросу.

[445] Xen. Hellen. vi. 5. 8, 9, 10.

[446] Павсаний, viii, 27, 3.

[447] Xen. Hellen. vi, 5, 11, 12.

[448] Xen. Hellen. vii, 2, 2.

См. непомерное беспокойство, проявленное лакедемонянами в отношении уверенности в приверженности Тегеи (Thucyd. v, 64).

[449] Я не могу не думать, что Эвтея отмечена на картах Киперта на слишком большом расстоянии от границы Лаконии и так расположена по отношению к Асею, что Агесилай должен был пройти очень близко к Асею, чтобы добраться до нее; что трудно предположить, учитывая, что аркадский созыв был собран в Асее. Ксенофонт называет Эвтею πόλιν ὄμορον, имея в виду Лаконию (Hellen. vi, 5, 12); это вряд ли согласуется с позицией, отмеченной Кипертом.

Район под названием Меналия, должно быть, простирался дальше на юг, чем Киперт указывает на своей карте. В него входил Орестейон, который находился на прямой дороге из Спарты в Тегею (Thucyd. v, 64; Herodot. ix, 11). Киперт поместил Орестейон на своей карте в соответствии с тем, что, по-видимому, имел в виду Павсаний, viii, 44, 3. Но скорее получается, что место, упомянутое Павсанием, должно быть *Орестасионом*, а *Орестейон* - другим местом, хотя Павсаний считает их одним и тем же. См. географическое приложение к книге К. О. Мюллера "Дорийцы", т. ii, с. 442 - нем. изд.

[450] Xen. Hellen. vi, 5, 13, 14; Diodor. xv, 62.

[451] Xen. Hellen. vi, 5, 20. ὅπως μὴ δοκοίῃ φοβούμενος σπεύδειν τὴν ἔφοδον.

См. Leake's Travels in the Morea, vol. iii, с. xxiv, p. 74, 75. Точное место, обозначенное словами τὸν ὀπίσθεν κόλπον τῆς Μαντινικῆς, похоже, вряд ли можно определить.

[452] Xen. Hellen. vi, 5, 21. βουλόμενος ἀπαγαγεῖν τοὺς ὀπλίτας, πρὶν καὶ τὰ πυρὰ τῶν πολέμων ἰδεῖν, ἵνα μή τις εἴπῃ, ὥς φεύγων ἀπαγάγοι. Ἐκ γὰρ τῆς πρόσθεν ἀθυμίας ἐδόκει τε ἀνειληφέναι τὴν πόλιν, ὅτι καὶ ἐμβεβλήκει εἰς τὴν Ἀρκαδίαν, καὶ δηοῦντι τὴν χώραν οὐδεὶς ἤθελῃκει μάχεσθαι: сравни Плутарх, Agesil. с. 30.

[453] Xen. Hellen. vi, 5, 19.

[454] Diodor. xv, 62. Сравните Демосфен, Orat. pro Megalopolit. pp. 205-207, s. 13-23.

[455] Диодор. xv, 60.

[456] Диодор. xiv, 34.

[457] Павсаний. iv, 26, 3.

[458] Диодор. xv, 66; Павсаний, iv, 26, 3, 4.

[459] Чтобы проиллюстрировать малые вещи великими - При первом формировании федеральной конституции Соединенных Штатов Америки соперничающие притязания Нью-Йорка и Филадельфии были одним из главных мотивов создания нового федерального города Вашингтона.

[460] Плутарх, Agesil. с. 31; и сравните Agesil. and Pomp. с. 4; Diodor. xv, 62. Сравните Ксенофонт, Агесилай, 2, 24.

[461] Ксен. Hellen. vi, 5, 23. Οἱ δὲ Ἀρκάδες καὶ Ἀργεῖοι καὶ Ἥλεῖοι ἔπειθον αὐτοὺς ἡγεῖσθαι ὥς τάχιστα εἰς τὴν Λακωνικὴν, ἐπιδείκνυντες μὲν τὸ ἑαυτῶν πλῆθος, ὑπερεπαινοῦντες δὲ τὸ τῶν Θηβαίων στράτευμα. Καὶ γὰρ οἱ μὲν Βοιωτοὶ ἐγυμνάζοντο πάντες περὶ τὰ ὅπλα, ἀγαλλόμενοι τῇ ἐν Λεύκτροις νίκῃ и др.

[462] Xen. Hellen. vi, 5, 24, 25.

[463] Diodor. xv, 64.

См. "Путешествия полковника Лика по Морее", т. iii, гл. 23, с. 29.

[464] Xen. Hellen. vi, 5, 26. Когда мы читаем, что аркадяне взобрались на крыши домов, чтобы напасть на Искола, этот факт, по-видимому, подразумевает, что их впустили в дома жители деревни.

[465] Что касается места расположения Селласии, полковник Лик считает и приводит различные основания для предположения, что Селласия находилась на дороге из Спарты на северо-восток, к Тиреатису; а Кария - на дороге из Спарты на север, к Тегее. Французские исследователи Мореи, а также профессора Росс и Киперт придерживаются другого мнения и помещают Селласию на дороге из Спарты на север в сторону Тегеи (Leake, Peloponnesiaca, p. 342-352; Ross, Reisen im Peloponnes. p. 187; Berlin, 1841).

В этом вопросе авторитет полковника Лика очень высок; однако противоположное мнение относительно места расположения Селласии кажется мне более предпочтительным.

[466] Xen. Hellen. vi, 5, 30; Diodor. xv, 65.

[467] Это, как я понимаю, означает фраза-ἐπεὶ μέντοι ἔμενον μὲν οἱ ἐξ Ὀρχομένου μισθόφοροι и т. д.

[468] Xen. Hellen. vi, 5, 29; vii, 2, 2.

[469] Ксен. Hellen. vii, 2, 2. Καὶ διαβαίνειν τελευταῖοι λαχόντες (филийцы) εἰς Πρασιᾶς τῶν συμβοηθησάντων ... οὐ γὰρ πώποτε ἀφέστασαν, ἀλλ' οὐδ', ἐπεὶ ὁ ξεναγὸς τοὺς προδιαβεβῶτας λαβὼν ἀπολιπὼν αὐτοὺς ὥχετο, οὐδ' ὥς ἀπεστράφησαν, ἀλλ' ἡγεμόνα μισθωσάμενοι ἐκ Πρασιῶν, ὄντων τῶν πολέμιων περὶ Ἀμύκλας, ὅπως ἐδύναντο διαδύντες ἐς Σπάρτην ἀφίκοντο.

[470] Xen. Hellen. vi, 5, 28, 29. ὥστε φόβον αὖ οὗτοι παρεῖχον συνεταγμένοι καὶ λίαν ἐδόκουν πολλοὶ εἶναι и др.

[471] Xen. Hellen. vi, 5, 25; vi, 5, 32; vii, 2, 2.

Из последнего из этих трех отрывков очевидно, что число периеков и гелотов, которые действительно восстали, было очень значительным; а контраст между вторым и третьим отрывками свидетельствует о различных чувствах, с которыми они, по-видимому, были написаны Ксенофонтом.

Во втором отрывке он рассказывает о вторжении Эпаминондаса, желая как можно больше смягчить масштабы спартанского позора и бедствия. Соответственно, он сообщает нам не более того: "Среди периеков были и такие, кто даже принял активное участие в нападении на Гифий и сражался вместе с фиванцами", "-ῆσαν δὲ τινες τῶν Περιοίκων, οἱ καὶ ἐπέθεντο καὶ συνεστρατεύοντο τοῖς μετὰ Θηβαίων.

Но в третьем отрывке (vii, 2, 2: сравните его биографию под названием Агесилай, ii, 24) Ксенофонт восхваляет верность флиасийцев Спарте при неблагоприятных для последней обстоятельствах. Следовательно, его аргументам соответствует превознесение этих неблагоприятных обстоятельств, чтобы повысить заслуги флиасийцев; Поэтому он говорит нам: "*Многие* из периеков, все гелоты и все союзники, за исключением немногих, восстали против Спарты", "-σφαλέντων δ' αὐτῶν τῇ ἐν Λεύκτροις μάχῃ, καὶ ἀποστάντων μὲν πολλῶν Περιοίκων, ἀποστάντων δὲ πάντων τῶν Εἰλώτων, ἔτι δὲ τῶν συμμάχων πλὴν πάνυ ὀλίγων, ἐπιστρατεύοντων δ' αὐτοῖς, ὥς εἰπεῖν, πάντων τῶν Ἑλλήνων, πιστοὶ διέμειναν (флиасийцы).

Я считаю, что оба утверждения расходятся с реальностью, хотя и в противоположных направлениях. В тексте я принял нечто среднее между ними.

[472] Плутарх, Agesil. c. 32; Полиэн, ii, 1, 14; Илиан, V. H. xiv, 27.

[473] Инеас, Полиоркетика, c. 2, p. 16.

[474] Xen. Hellen. vi, 5, 32. Καὶ τὸ μὲν μὴ πρὸς τὴν πόλιν προσβαλεῖν ἂν ἔτι αὐτοὺς, ἥδη τι ἐδόκει θαρράλεώτερον, εἶναι.

Этот отрывок не очень ясен, и комментаторы не единодушны ни в отношении слов, ни в отношении смысла. Некоторые опускают μὴ, толкуют ἐδόκει как ἐδόκει τοῖς Θηβαίοις, и переводят θαρράλεώτερον "чрезмерно опрометчивый".

Я согласен с Шнайдером в несогласии с этим изменением и построением. Я привел в тексте то значение, которое считаю правильным.

[475] Xen. Hellen. vi, 5, 28; Aristotel. Politic. ii, 6, 8; Плутарх, Agesil. c. 32, 33; Плутарх, comp. Agesil. and Pomp. c. 4.

[476] Аристотель (в "Политике", iv, 10, 5), обсуждая мнение тех политических философов, которые утверждали, что город не должен иметь стен, а должен защищаться только храбростью своих жителей, приводит различные доводы против такого мнения и добавляет, "что это старомодные мыслители; что города, которые так демонстративно выставляли напоказ личное мужество, доказали свою неправоту реальными результатами"-λίαν ἀρχαίως ὑπολαμβάνουσι, καὶ ταῦθ' ὁρῶντες ἐλεγχόμενας ἔργῳ τὰς ἐκείνῳς καλλωπισσάμενας.

Комментаторы говорят (см. примечание М. Barth. St. Hilaire), что Аристотель имеет в виду Спарту в момент этого фиванского вторжения. Я не понимаю, что еще он мог иметь в виду; но в то же время, если он имел в виду именно это, замечание, конечно, трудно принять. Эпаминондас подошел к Спарте вплотную, но не осмелился попытаться взять ее штурмом. Если бы у города были стены, подобные вавилонским, они не смогли бы обеспечить ей большей защиты. На мой взгляд, этот факт скорее показывает (вопреки утверждению Аристотеля), что Спарта была настолько сильна своим положением в сочетании с воинским характером своих граждан, что могла обойтись без стен.

У Полиэна (ii, 2, 5) есть анекдот, не знаю, от кого заимствованный, о том, что Эпаминондас мог бы взять Спарту, но намеренно воздержался от этого, сославшись на то, что аркадяне и другие не будут больше нуждаться в Фивах. Ни предполагаемый факт, ни причина не кажутся мне заслуживающими доверия. У Илиана (V. H. iv, 8) та же история, но с другой причиной.

[477] Ксен. Hellen. vi, 5, 50; Diodor. xv, 67.

[478] Thucyd. ii, 15. Ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε, γενόμενος μετὰ τοῦ ξυνετοῦ καὶ δυνατὸς, etc.

[479] Diodor. xv, 72.

[480] Pausan. viii, 27; viii, 35, 5. Диодор. xv, 63.

См. г-н Файнс Клинтон, Fasti Hellenici, Appendix, p. 418, где факты, касающиеся Мегалополя, собраны вместе и обсуждены.

Примечательно, что хотя Ксенофонт (Hellen. v, 2, 7) отмечает, что захват Мантинеи Агесиполисом заставил мантинейцев убедиться в глупости того, что река протекает через их город, - однако при выборе места для Мегалополя эта же особенность была намеренно воспроизведена: в этом выборе мантинейцы были заинтересованы.

[481] Pausan. iv, 26, 6.

[482] Strabo. viii, p. 361: Polybius, vii, 11.

[483] Pausan. ix, 14, 2: сравните надпись на статуе Эпаминонда (ix, 15, 4).

[484] Pausan. iv, 27, 3.

[485] Павсаний. iv, 31, 5.

[486] Pausan. iv, 31, 2.

[487] Фукид. ii, 25.

[488] Thucyd. iv, 3.

[489] Xen. Hellen. iii, 3, 8.

[490] Xen. Hellen. vii, 1, 25.

[491] Pausan. iv, 27, 4. ἀνῶκίζον δὲ καὶ ἄλλα πολίσματα и т. д. Павсаний, следуя по линии побережья от устья реки Памис в Мессенском заливе, вокруг мыса Акритас до устья Неда в Западном море, перечисляет следующие города и места: Корон, Колонидес, Асинк, мыс Акритас, гавань Феникус, Мефон, или Мофон, Пилус, Аулон (Pausan. iv, 34, 35, 36). Рассказ Скилакса (Periplus, с. 46, 47) о побережье этих регионов кажется мне запутанным и непонятным. Он считает Асинк и Мотонк городами Лаконии, но, похоже, он считал эти города находящимися в *центральной южной* части Пелопоннеса (где мыс Тенарус образует крайний пункт), и совсем не считал *юго-западной* частью, где мыс Акритас образует крайний пункт. Он признает Мессену, но без перерыва продолжает параплюс Мессенского побережья от устья реки Неда до побережья Мессенского залива к югу от Итоме. Затем он упоминает Асинк, Мотонк, Ахиллеос Лиман и Псамаф, между которыми находится мыс Тенарус. Кроме того, он вводит в Мессении два разных города: один называется Мессен, другой - Итоме, тогда как существовал только один Мессен, расположенный на горе Итоме.

Я не могу согласиться с Нибуrom, который, опираясь в основном на этот рассказ Скилакса, считает, что юго-западный угол Пелопоннеса оставался частью Лаконии и принадлежал Спарте еще долго после основания города Мессены. См. диссертацию Нибура о возрасте Скилакса Кариандского в его *Kleine Schriften*, p. 119.

[492] Thucyd. iv, 3, 42.

[493] Орация (vi) под названием "Архидам", написанная Исократом, ярко демонстрирует спартанские чувства того времени в отношении этого отторжения территории и освобождения крепостных с целью восстановления Мессенка, с. 30. Καὶ εἰ μὲν τοὺς ὡς ἀληθῶς Μεσσηνίους κατήγον (фиванцы), ἡδίκουν μὲν ἂν, ὅμως δ' εὐλογώτερος ἂν εἰς ἡμᾶς ἐξημάρτανον- νῦν δὲ τοὺς Εἰλωτας ὁμόρους ἡμῖν παρακατοικίζουσιν, ὥστε μὴ τοῦτ' εἶναι χαλεπώτατον, εἰ τῆς χώρας στέρησόμεθα παρὰ τὸ δίκαιον, ἀλλ' εἰ τοὺς δούλους ἡμετέρους ἐποψόμεθα κυρίου αὐτῆς ὄντας.

Опять-с. 101. ἦν γὰρ παρακατοικισώμεθα τοὺς Εἰλωτας, καὶ τὴν πόλιν ταύτην περιῖδωμεν αὐξηθεῖσαν, τίς οὐκ οἶδεν ὅτι πάντα τὸν βίον ἐν ταραχαῖς καὶ κινδύνοις διατελοῦμεν ὄντες; сравни также разделы 8 и 102.

[494] Isokrates, Orat. vi, (Archidam.) s. 111. Ἄξιον δὲ καὶ τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ τὰς ἄλλας αἰσχυνθῆναι πανηγύρεις, ἐν αἷς ἕκαστος ἡμῶν (Spartans) ζηλωτότερος ἦν καὶ θαυμαστότερος τῶν ἀθλητῶν τῶν ἐν τοῖς ἀγῶσι τὰς νίκας ἀναιρουμένων. Εἰς ἃς τίς ἂν ἐλθεῖν тоλμήσειεν, ἀντὶ μὲν τοῦ τιμᾶσθαι καταφρονηθησόμενος-ἐτι δὲ πρὸς τούτοις ὁψόμενος μὲν τοὺς οἰκέτας ἀπὸ τῆς χώρας ἧς οἱ πατέρες ἡμῖν κατέλιπον ἀπαρχὰς καὶ θυσίας μερίζουσ ἡμῶν ποιουμένους, ἀκουσόμενος δ' αὐτῶν τοιαύταις βλασφημίαις χρωμένων, οἷαις περ εἰκὸς τοὺς χαλεπώτερον τῶν ἄλλων δεδουλεύκοντας, ἐξ ἴσου δὲ νῦν τὰς συνθήκας τοῖς δεσπόταις πεποιημένους.

Эта оратория, написанная всего через пять или шесть лет после битвы при Лейктре, чрезвычайно ценна как свидетельство спартанских чувств, переживших столь жестокое унижение.

[495] Свобода мессенцев была подавлена первой Мессенской войной, после которой они стали подданными Спарты. Вторая Мессенская война возникла в результате их восстания.

Поэтому ни одна свободная мессенская легация не могла посетить Олимпию после окончания первой войны, которую Павсаний (iv, 13, 4) относит к 723 году до н. э., хотя этой дате нельзя доверять. Павсаний (iv, 27, 3) дает двести восемьдесят семь лет между окончанием второй Мессенской войны и основанием Мессены Эпаминондасом. См. примечание Зибелиса к этому отрывку. Точные даты этих ранних войн установить невозможно.

[496] Пристрастное отношение к Спарте, заметное с самого начала истории Ксенофонта, становится все более и более преувеличенным в двух последних книгах, где он рассказывает о ее несчастьях; кроме того, оно усиливается из-за злобы к фиванцам и Эпаминондасу как ее завоевателям. Но едва ли найдется хоть один пример такого чувства, столь вопиющего или столь порочающего, как в рассматриваемом нами случае. Описывая экспедицию Эпаминонда в Пелопоннес зимой 370-369 гг. до н. э., он полностью опускает основание Мессены и Мегалополя; хотя в последующей части своей истории он упоминает (кратко) и об одном, и о другом как о свершившихся фактах. Он представляет, что фиванцы пришли в Аркадию со своей великолепной армией только для того, чтобы дать отпор Агесилаю и спартанцам, и захотели вернуться в Беотию, как только выяснилось, что последние уже вернулись в Спарту (vi, 5, 23). Он также ни разу не упоминает имя Эпаминондаса как полководца фиванцев в этой экспедиции, не говоря уже о том, что он упоминает его в Лейктре.

Учитывая судьбоносный и поразительный характер этих фактов, а также известность фиванского полководца, благодаря которому они были достигнуты, такое молчание со стороны историка, претендующего на изложение событий того времени, является непростительным нарушением его обязанности излагать *всю правду*. Очевидно, что Мессен и Мегалополь до глубины души ранили фило-спартанские настроения Ксенофонта. Даже после ухода вражеских войск из Лаконии они оставались постоянными свидетельствами деградации Спарты. Он предпочитает вообще их игнорировать. Однако он находит место для того, чтобы с несоразмерной краткостью пересказать два обращения спартанцев за помощью к Афинам и благосклонный прием, который они получили, а также подвиги флиасийцев в их преданной привязанности к Спарте.

[497] См. поразительный отрывок в Polybius, iv, 32. Сравните также Pausan. v, 29, 3; и viii, 27, 2.

[498] Ксеноф. Hellen. vii, 1, 38; vii, 4, 2, 33, 34; vii, 3, 1.

[499] Демосфен. Fals. Legat. p. 344, s. 11, p. 403, s. 220, Æschines, Fals. Leg. p. 296, c. 49; Cornel. Nepos. Epamin. c. 6.

[500] Ксеноф. Hellen. vii, 1, 38; vii, 4, 33; Diodor. xv, 59; Aristotle-Ἀρκάδων Πολιτεία-ap. Harpokration, v. Μύριοι, p. 106, ed. Neumann.

[501] Polybius, ii, 55.

[502] Thucyd. v, 66.

[503] Xen. Hellen. vii, 4, 21.

[504] Xen. Hellen. vii, 4, 12; Diodor. xv, 64.

[505] Точное число восемьдесят пять дней, приведенное Диодором (xv. 67), кажется, показывает, что он буквально скопировал его у Эфора или какого-то другого более древнего автора.

Плутарх в одном месте (Agesil. c. 32) упоминает "целых три месяца", что мало чем отличается от восьмидесяти пяти дней. Он выражается так, будто Эпаминондас провел все это время, разоряя Лаконию. И снова в Apophth. Reg. p. 194 B. (ср. Ælian, V. H. xiii, 42), а также в жизни Пелопида (с. 25) Плутарх утверждает, что Эпаминондас и его коллеги удерживали командование целых четыре месяца сверх установленного законом срока, занимаясь своими операциями в Лаконии и Мессении. Это кажется мне более вероятным толкованием дела; ведь операции кажутся слишком масштабными, чтобы их можно было выполнить за три или четыре месяца.

[506] См. примечательный отрывок у Плутарха - An Seni sit gerenda Respublica (с. 8, p. 788 A.).

[507] Pausan. viii, 27, 2. Памменес, как говорят, был искренним другом Эпаминондаса, но более высокого политического положения; ему Эпаминондас частично обязан своим возвышением (Plutarch, Reip. Ger. Præsep. p. 805 F.).

Павсаний относит основание Мегалополя к тому же олимпийскому году, что и битву при Лейктре, и через несколько месяцев после нее, во время правления Фрасиклида в Афинах, то есть между серединой лета 371 и серединой лета 370 года до н. э. (Pausan. viii, 27, 6). Он помещает основание Мессены в следующий олимпийский год, при архонте Дискинкте в Афинах, то есть между серединой лета 370 и серединой лета 369 года до н.э. (iv, 27, 5).

Основание Мегалополя, вероятно, следует считать датой первоначального решения собравшихся аркадян, принятого вскоре после революции в Тегее, основать общеаркадский город и федеративную лигу. Это решение было принято, вероятно, до середины лета 370 г. до н. э., и дата Павсания, таким образом, будет верной.

Основание Мессены, несомненно, относится к периоду экспедиции Эпаминондаса - между ноябрем и мартом 370-369 гг. до н. э., то есть во время правления Дискинкта в Афинах, как утверждает Павсаний.

Сколько времени потребовалось для завершения возведения и основания обоих городов, нам не известно.

Диодор относит основание Мегалополя к 368 году до н. э. (xv, 72).

[508] Xen. Hellen. vii, 4, 36.

[509] Исократ (Архидам), Or. vi, s. 129.

[510] Xen. Hellen. vi, 5, 34, 35.

[511] Ксен. Hellen. vi, 5, 38-48.

[512] Ксен. Hellen. vi, 5, 35. Οἱ μέντοι Ἀθηναῖοι οὐ πάνυ ἐδέξαντο, ἀλλὰ θροῦς τις τοιοῦτος διῆλθεν, ὥς νῦν μὲν ταῦτα λέγοιεν- ὅτε δὲ εὖ ἔπραττον, ἐπέκειντο ἡμῖν.

[513] Xen. Hellen. vi, 5, 35. Μέγιστον δὲ τῶν λεχθέντων παρὰ Λακεδαιμονίων ἐδόκει εἶναι, etc.

[514] Demosthenes cont. Neær. p. 1353.

Ксеноклид, поэт, выступил против голосования за поддержку Спарты (ib.).

[515] Xen. Hellen. vi, 5, 49; Dionys. Hal. Judic. de Lysiâ, p. 479.

[516] Это число указывает Диодор (xv, 63).

[517] В этой степени мы можем верить тому, что говорит Корнелий Непос (Iphicrates, c. 2).

[518] Приведенный в тексте рассказ совпадает по сути с Ксенофонтом и Плутархом, а также (по моему убеждению) с Павсанием (Xen. Hell. vi, 5, 51; Plutarch, Pelop. c. 24; Pausan. ix, 14, 3).

Но хотя я принимаю факты Ксенофонта, я не могу согласиться ни с его предположениями о целях, ни с его критикой поведения Ификрата. Другие современные критики, как мне кажется, не достаточно различают *факты* Ксенофонта и его *предположения*.

Ификрат (говорит Ксенофонт), пытаясь охранять линию горы Оней, чтобы фиванцы не смогли добраться до Беотии, оставил без охраны отличную дорогу, примыкающую к Кенхрею. Затем, желая узнать, не перешли ли фиванцы еще Онейскую гору, он выслал в качестве разведчиков всю афинскую и всю коринфскую конницу. Теперь (замечает Ксенофонт) несколько разведчиков могут видеть и докладывать так же хорошо, как и большое число, а большому числу труднее вернуться в целости и сохранности. Из-за этого глупого поведения Ификрата, отправившего такое большое войско, несколько всадников были потеряны при отступлении, чего бы не случилось, если бы он отправил всего несколько человек".

Критика Ксенофонта здесь представляется необоснованной. Из фактов, которые он сам приводит, ясно, что Ификрат никогда не собирался преграждать путь фиванцам; и что он выслал всю свою конницу не просто в качестве разведчиков, а чтобы преследовать врага на местности, которую он считал выгодной для этой цели. То, что такой способный полководец, как Ификрат, был виновен в грубых ошибках, в которых его упрекает Ксенофонт, в высшей степени маловероятно; мне кажется более вероятным, что Ксенофонт неправильно понял его истинную цель. Действительно, зачем Ификрату понадобилось подвергать всю афинскую армию убийственному столкновению ради того, чтобы помешать фиванскому походу на родину? Его миссия заключалась в спасении Спарты, но Спарте теперь ничего не угрожало, и Афинам было выгодно, чтобы фиванцы вернулись в Беотию, а не остались в Пелопоннесе. То, что он довольствовался преследованием фиванцев, а не препятствовал их отступлению напрямую, - это политика, которую мы должны были от него ожидать.

В этом отступлении есть еще одно обстоятельство, которое вызвало дискуссию среди комментаторов, и по поводу которого я не согласен с их мнением. Оно связано с высказыванием Павсания, который говорит: -Ὡς προῖων τῷ στρατῷ (Эпаминондас) κατὰ Λέχαιον ἐγίνετο, καὶ διεξιέναι τῆς ὁδοῦ τὰ στενὰ καὶ δύσβατα ἔμελλεν, Ἰφικράτης ὁ Τιμοθέου πελταστὰς καὶ ἄλλην Ἀθηναίων ἔχων δύναμιν, ἐπιχειρεῖ τοῖς Θηβαίοις. Ἐπαμινώνδας δὲ τοὺς ἐπιθεμένους τρέπεται, καὶ πρὸς αὐτὸ ἀφικόμενος Ἀθηναίων τὸ ἄστυ, ὡς ἐπεξιέναι μαχομένους τοὺς Ἀθηναίους ἐκώλυεν Ἰφικράτης, ὁ δὲ αὖθις ἐς τὰς Θήβας ἀπήλαυνε.

В этом изложении есть несколько неточностей, например, Ификрат назван сыном Тимофея, а *Лехей* - *Лехеймом*, где Павсаний должен был назвать *Кенхрею*. Ведь Эпаминондас не мог пройти через Коринф со стороны Лехейма, так как длинные стены, тянущиеся от одного до другого, помешали бы ему; кроме того, "пересеченная местность" находилась между Коринфом и Кенхреей, а не между Коринфом и Лехеймом.

Но наибольшее недоумение вызывают следующие слова: "Эпаминондас отразил нападавших и, *подойдя к самому городу афинян*, когда Ификрат запретил афинянам выходить и сражаться, он (Эпаминондас) снова двинулся в Фивы".

Что мы должны понимать *под городом афинян*? Естественный смысл этого слова - Афины, и так считает большинство комментаторов. Но когда битва произошла между Коринфом и Кенхреей, можем ли мы обоснованно полагать, что Эпаминондас преследовал беглецов до Афин через город Мегару, который лежал на пути и который, как кажется (Diodor. xv, 68), был союзником Афин? Станцией Ификрата был *Коринф*; отсюда он выступил в поход, и туда же возвращалась его конница, когда была отбита, как в ближайшее убежище.

Д-р Тирлуолл (Hist. Greece, vol. v, ch. 39, p. 141) понимает Павсания так, что Ификрат отступил со своей разбитой конницей в Коринф, а Эпаминондас пошел прямо на Афины, и Ификрат последовал за ним. "Возможно, (говорит он), единственная ошибка в этом утверждении заключается в том, что оно представляет *присутствие* Ификрата, а не его *отсутствие*, как причину, которая помешала афинянам сражаться". Согласно Ксенофону, Ификрат должен был находиться в тылу Эпаминондаса".

Я не думаю, что это следует из слов Ксенофонта. Ни он, ни Плутарх не поддерживают идею о том, что Эпаминондас шел к стенам Афин, а это предположение вытекает исключительно из слов Павсания. Ксенофонт и Плутарх говорят лишь о том, что Ификрат оказал некоторое сопротивление, причем не очень эффективное, возле Коринфа, отступающему маршу Эпаминондаса из Пелопоннеса в Беотию.

То, что Эпаминондас вообще должен был идти на Афины, при обстоятельствах дела, когда он возвращался в Беотию, кажется мне невероятным само по себе, и еще более невероятным из-за молчания Ксенофонта. Также не обязательно прибегать к такому толкованию даже Павсания; который, несомненно, мог иметь в виду под словами-πρὸς αὐτὸ Ἀθηναίων τὸ ἄστυ, - не Афины, а *город, который тогда занимали афиняне*, - то есть *Коринф*. *Городом афинян* в данном сражении был Коринф; это был город, из которого только что вышли войска Ификрата и в который, потерпев поражение, они, естественно, отступили в целях безопасности, преследуемые Эпаминондасом до ворот. Утверждение Павсания о том, что Ификрат не позволил афинянам в городе (Коринфе) выйти на бой, вытекает естественным образом. Эпаминондас, обнаружив, что они не выходят, отвел свои войска и возобновил поход на Фивы.

Стратегема Ификрата, о которой упоминает Полиэн (iii, 9, 29), вряд ли может быть тем же инцидентом, что и упомянутый Павсанием. Она представляет собой ночной сюрприз, спланированный фиванцами против Афин; что, конечно, должно быть совершенно иным (если это вообще реально), чем поход Эпаминондаса. А стратегема, приписываемая Полиэном Ификрату, носит странный и крайне неправдоподобный характер.

[519] Плутарх, Пелопид, с. 25; Плутарх, Апофтегма, р. 194 В.; Павсаний, ix, 14, 4; Корнелий Непос, Эпаминонд. с. 7, 8; Илиан, V. Н. xiii, 42.

Павсаний излагает факт ясно и четко; остальные, особенно Непос и Илиан, хотя и соглашались с главным фактом, обставляют его преувеличенными и ложными красками. Они изображают Эпаминондаса в опасности быть преданным смерти неблагодарными и злобными согражданами; Корнелий Непос вкладывает в его уста оправдательную речь, отличающуюся крайней дерзостью (ср. Arist. Or. xlvii, τερὶ τοῦ παραφθέγγματος-р. 385 Jebb.; р.

520 Dindorf.); которая, если бы она действительно была сделана, больше, чем что-либо другое, настроила бы публику против него, - и которая, кроме того, совершенно не соответствует характеру Эпаминонда. Чтобы еще больше преувеличить, Плутарх (De Vitioso Pudore, p. 540 E.) описывает Пелопида как дрожащего и умоляющего о жизни.

Эпаминондас совершил тяжкое преступление, которое не могло остаться незамеченным при рассмотрении его дела в суде. Но у него было хорошее оправдание. Нужно было, чтобы он представил это оправдание; когда он его представил, оно с триумфом прошло. Что еще можно требовать? Эти факты, если их честно изложить, не будут служить иллюстрацией предполагаемой неблагодарности народа по отношению к великим людям.

[520] Диодор (xv, 81) утверждает, что Пелопид был бётархом без перерыва, ежегодно переназначаясь, с момента революции в Фивах и до своей кончины. Плутарх также (Pelopid. c. 34) утверждает, что когда Пелопид умер, он был на тринадцатом году своего назначения; это можно понимать как то же самое утверждение в других словах. Был ли Эпаминондас переизбран, неизвестно.

Сиверс отрицает повторное назначение как Пелопидаса, так и Эпаминондаса. Но я не понимаю, на каком основании; ведь, по моему мнению, Эпаминондас снова появляется в качестве полководца в Пелопоннесе в том же году (369 г. до н. э.) Сиверс считает, что Эпаминондас командовал, не будучи бётархом; но никаких причин для этого не приводит (Sievers, Geschicht. Griech. bis zur Schlacht von Mantinea, p. 277).

[521] Æschines, De Fals. Leg. c. 13, p. 249; Isokrates, Or. v, (Philipp.) s. 124. Ὁ γὰρ πατήρ σου (Исократ - Филиппу) πρὸς τὰς πόλεις ταύτας (Спарта, Афины, Аргос и Фивы), αἷς σοι παραινῶ προσέχειν τὸν νοῦν, πρὸς ἀπάσας οἰκείως εἶχε.

Связь Аминта с Фивами вряд ли могла быть значительной; связь с Аргосом основывалась на сильных легендарных и родовых чувствах, а не на общих политических основаниях; с Афинами она была и политической, и серьезной; со Спартой она подтверждалась самой необходимой военной помощью и сотрудничеством.

[522] Xen. Hellen. vi, 1, 17.

[523] Æschines, De Fals. Leg. c. 13, p. 249.

[524] Demosthen. cont. Timotheum. c. 8, p. 1194; Xenoph. Hellen. vi, 1, 11.

[525] Æschines, De Fals. Leg. c. 13, p. 248. τὴν πατρικὴν εὖνοιαν, καὶ τὰς εὐεργεσίας ἃς ὑμεῖς ὑπῆρξατε Ἀμύντᾳ, τῷ Φιλίππου πατρὶ, etc.

Демосфен. конт. Aristokrat. c. 30, p. 660. τὴν πατρικὴν φιλίαν ἀνανεοῦθαι (Филипп к афинянам): ср. ibid. c. 29, p. 657.

[526] Xen. Hellen. vi, 5, 2.

[527] Демосфен. (Philippic. ii, c. 4, p. 71; De Halonneso, c. 3, p. 79; De Rebus Chersones. c. 2, p. 91); также Epistol. Philipp. ap. Demosthen. c. 6, p. 163.

[528] Сравните стремления Афин, высказанные в 391 году до н. э., когда рассматривались предложения о мире, рекомендованные Андокидом, - стремления, которые тогда считались недостижимыми и о которых даже говорить было неосмотрительно (Andokides, De Pace, s. 15). φέρε, ἀλλὰ Χερρόνησον καὶ τὰς ἀποικίας καὶ τὰ ἐγκτήματα καὶ τὰ χρέα ἵνα ἀπολάβωμεν; Ἄλλ' οὔτε βασιλεὺς, οὔτε οἱ σύμμαχοι, συγχωροῦσιν ἡμῖν, μεθ' ὧν αὐτὰ δεῖ πολεμοῦντας κτήσασθαι.

[529] *Æschines, De Fals. Leg. c. 14, p. 250.*

Συμμαχίας γὰρ Λακεδαιμονίων καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων συνελθούσης, εἷς ὢν τούτων Ἀμύντας ὁ Φιλίππου πατὴρ, καὶ πέμπτων σύνεδρον, καὶ τῆς καθ' ἑαυτὸν ψήφου κύριος ὢν, ἐψηφίσατο Ἀμφίπολιν τὴν Ἀθηναίων συνεξαίρειν μετὰ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων Ἀθηναίοις. Καὶ τοῦτο τὸ κοινὸν δόγμα τῶν Ἑλλήνων, καὶ τοὺς ψηφισαμένους, ἐκ τῶν δημοσίων γραμμάτων μάρτυρας παρεσχόμεν.

Замечательное событие, на которое ссылается Эсхинс, должно было произойти либо на конгрессе, состоявшемся в Спарте в месяц, предшествовавший битве при Лейктре, где был заключен всеобщий мир с гарантией всеобщей автономии, за исключением Фив; либо на последующем конгрессе, состоявшемся через три или четыре месяца после этого в Афинах, где мир на аналогичных условиях был снова заключен под эгидой Афин в качестве президента.

Я убежден, что это произошло в последнем случае - в Афинах. Во-первых, ссылка Эсхина на δημόσια γράμματα заставляет нас заключить, что дело происходило в этом городе; во-вторых, я не думаю, что афиняне были бы в состоянии требовать такого резерва в свою пользу до битвы при Лейктре; В-третьих, конгресс в Спарте был проведен не с целью συμμαχία или союза, а с целью прекращения войны и заключения мира; в то время как последующий конгресс в Афинах стал основой оборонительного союза, к которому, либо тогда, либо вскоре после этого, присоединилась Спарта.

[530] Притязания Филиппа Македонского (в его *Epistola ad Athenienses*, ap. Demosthen. p. 164) на то, что Амфиполь или его окрестности первоначально принадлежали его предку Александру, сыну Аминта, как изгнавшему из него персов, - необоснованны и опровергаются Фукидидом. По крайней мере, если (что едва ли возможно) Александр и приобрел это место, он должен был потерять его впоследствии; ведь оно было занято эдонскими фракийцами и в 465 году до н. э., когда Афины предприняли первую неудачную попытку основать там колонию, и в 437 году до н. э., когда они повторили попытку с большим успехом при Агноне и основали Амфиполис (Thucyd. iv, 102).

Выражение Эсхина, что Аминтас в 371 г. до н. э. "отказался или отступил от" Амфиполя (ὢν δ' Ἀμύντας ἀπέστη-De Fals. Leg. 1 c.) может быть истолковано только как относящееся к правам, на которые он мог претендовать, поскольку он никогда не был в фактическом владении; хотя мы не можем удивляться, что оратор использовал такой язык, обращаясь к Филиппу, сыну Аминта, который действительно был хозяином города.

[531] Диодор. xv, 60.

[532] Ксеноф. *Hellen. vi, 4, 33, 34.*

Диодор (xv, 61) называет Александра из Фере братом Полидора; Плутарх (Pelopid. c. 29) называет его племянником. Ксенофонт прямо не говорит, кто из них кто; но его рассказ, кажется, скорее подтверждает утверждение Диодора, чем Плутарха.

[533] Диодор. xv, 61.

[534] Диодор. xv, 67.

Сделки в Македонии и Фессалии в этот период трудно прояснить. То, что указано в тексте, исходит от Диодора; который, однако, утверждает другое - что Пелопид совершил поход в Македонию и привел в качестве заложника в Фивы юного Филиппа, брата Александра. Это

последнее утверждение неверно; мы знаем, что Филипп находился в Македонии и был свободен *после* смерти Александра. И я полагаю, что поход Пелопида в Македонию с возвращением Филиппа в качестве заложника состоялся в следующем 368 году до н. э."

Юстин также ошибочно утверждает (vii, 5), что Александр Македонский отдал своего брата Филиппа в качестве заложника сначала иллирийцам, а затем фиванцам.

[535] Демосфен. De Fals. Leg. с. 58, р. 402; Diodorus, xv, 71.

Диодор ошибается, называя этого Птолемея сыном Аминта и братом Пердикки; хотя в то же время он описывает его как Πτολεμαῖος Ἀλωρίτης, что вряд ли можно применить к одному из царских братьев. Более того, отрывок из Æschines, Fals. Leg. с. 14, р. 250, показывает, что Птолемей не был сыном Аминты; и Дексипп (ар. Syncellum, р. 263) подтверждает этот факт.

См. обсуждение этих вопросов в "Fasti Hellenici" г-на Файнса Клинтон, Приложение, с. 4.

[536] Diodor. xvi, 2.

[537] Æschines, Fals. Legat. с. 13, 14, р. 249, 250; Юстин, vii, 6.

Эсхинес упоминает Птолемея как регента от имени Эвридики и ее младших сыновей. Эсхин также упоминает Александра как недавно умершего, но ничего не говорит о его убийстве. Тем не менее нет причин сомневаться, что он был убит, о чем мы знаем и от Демосфена, и от Диодора; и убит Птолемеем, о чем мы знаем от Плутарха (Pelop. с. 27), Марсия (ар. Athenæum, xiv. р. 629) и Диодора. Юстин утверждает, что Эвридика вступила в заговор против своего мужа Аминтаса и против своих детей в согласии со своим любовником. Утверждения Эсхина скорее опровергают обвинение в том, что она была причастна к смерти Аминта, но подтверждают обвинение в том, что она была сообщницей Птолемея в убийстве Александра.

Убийство - это судьба, которая часто постигала македонских царей. Когда мы перейдем к истории Олимпии, матери Александра Македонского, станет ясно, что македонские царицы были способны на более тяжкие преступления, чем те, что вменялись Эвридике.

[538] Æschines, Fals. Leg. с. 13, 14, р. 249, 250; Cornelius Nepos, Iphicrates, с. 3.

[539] Demosthen. cont. Aristokrat. р. 669, s. 150.

μισθοῖ πάλιν αὐτὸν (Charidemus) τοῖς Ὀλυνθίοις, τοῖς ὑμετέροις ἐχθροῖς καὶ τοῖς ἔχουσιν Ἀμφίπολιν κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον.

Демосфен говорит здесь о времени, когда Тимофей сменил Ификрата в командовании, то есть о 365-364 гг. до н. э. Но мы вправе предположить, что то же самое относится к 369 или 368 гг. до н. э.

[540] Демосфен. конт. Aristokrat. р. 669, s. 149, с. 37.

[541] Демосфен. конт. Aristokr. р. 669, s. 149, с. 37.

Отрывок, в котором оратор упоминает об этих заложниках амфиполитанцев в руках Ификрата, к сожалению, не вполне понятен без дальнейших сведений.

(Charidemus) Прῶτον μὲν τοὺς Ἀμφιπολιτῶν ὁμήρους, οὓς παρ' Ἀρπάλου λαβὼν Ἰφικράτης ἔδωκε φυλάττειν αὐτῷ, ψηφισαμένων ὑμῶν ὡς ὑμεῖς κομίσαι, παρέδωκεν Ἀμφιπολίταις- καὶ τοῦ μὴ λαβεῖν Ἀμφίπολιν, τοῦτ' ἐμπόδιον κατέστη.

Кем был Гарпал и что подразумевает Ификрат под "получением (или захватом) от него амфиποлийских заложников", мы определить не можем. Возможно, Гарпалус командовал отрядом македонцев или фракийцев, действовавших в качестве помощников амфиполитанцев, и в этом качестве требовал от них заложников в качестве обеспечения. Харидем, как мы видим впоследствии, выступая на стороне Керсоблепта, получил заложников от жителей Сестоса (Demosth. cont. Aristokrat. p. 679. с. 40 s. 177).

[542] Демосфен. De Rhodior. Libertat. с. 5, p. 193.

[543] Xen. Hellen. vii, 1, 1.

Слова τῷ ὑστέρῳ ἔτει должны обозначать год, начинающийся весной 369 г. до н. э. В этом вопросе я согласен с д-ром Тирлволлом (Hist. Gr. vol. v, ch. 40, p. 145 note); расходясь с ним, однако (p. 146), а также с г-ном Клинтоном, в том, что я отношу вторую экспедицию Эпаминонда в Пелопоннес (как это делает Зиверс, стр. 278) к 369 г. до н. э., а не к 368 г. до н. э.

Повествование Ксенофонта убеждает меня в том, что именно это он и хотел утверждать. В начале VII книги он говорит: τῷ δ' ὑστέρῳ ἔτει Λακεδαιμονίων καὶ τῶν συμμάχων πρέσβεις ἦλθον αὐτοκράτορες Ἀθήναζε, βουλευσόμενοι καθ' ὅτι ἡ συμμαχία ἔσοιτο Λακεδαιμονίοις καὶ Ἀθηναίοις.

Теперь слова τῷ δ' ὑστέρῳ ἔτει обозначают весну 369 года до н. э.

Далее Ксенофонт описывает собрание и обсуждение условий союза в Афинах. Это описание занимает от vii, 1, 1 до vii, 1, 14, где объявляется об окончательном голосовании и соглашении.

Сразу же после этого голосования Ксенофонт продолжает: -Στρατευομένων δ' ἀμφοτέρων αὐτῶν καὶ τῶν συμμάχων (лакедемоняне, афиняне и союзники) εἰς Κόρινθον, ἔδοξε κοινῇ φυλάττειν τὸ Ὀνειον. Καὶ ἐπεὶ ἐπορεύοντο οἱ Θηβαῖοι καὶ οἱ σύμμαχοι, παρταξάμενοι ἐφύλαττον ἄλλος ἄλλοθεν τοῦ Ὀνείου.

Я полагаю, что решение афинского собрания, поход афинян и лакедемонян для охраны линии Онейона и поход фиванцев в Пелопоннес - здесь Ксенофонт рассматривает как события в непосредственной последовательности, без большого промежутка времени между ними. Я не вижу оснований для того, чтобы допустить интервал в год между голосованием собрания и походом фиванцев; тем более что Эпаминондас мог разумно предположить, что недавно начатое строительство Мегалополя и Мессены должно было быть поддержано другой фиванской армией в Пелопоннесе в течение 369 г. до н.э.

Действительно, утверждается (и это признает даже Сиверс), что Эпаминондас не мог быть переизбран на пост бётарха в 369 году до н. э. Но в этом вопросе я не согласен. Мне кажется, что решение суда в Фивах было для него триумфальным, что делает более вероятным, а не менее вероятным, что он и Пелопид были переизбраны бётархами немедленно.

[544] Xen. Hellen. vii, 1, 10-14.

[545] Xen. Hellen. vii, 1, 15, 16; Diodor. xv, 68.

[546] Xen. Hellen. vii, 1, 16; Polyænus, ii, 2, 9.

Это был час, который, как известно, благоприятен для внезапного нападения, поскольку давал значительный шанс, что враг может оказаться не начеку. Именно в этот час афинянин Фрасибул застал врасплох войска Тридцати у Филок в Аттике (Xen. Hellen. ii, 4, 6).

[547] Xen. Hellen. ib.; Pausanias, ix, 15, 2.

Павсаний описывает битву как τέρῃ Λέχαιον; топографически это не совсем точно, поскольку она происходила по другую сторону Коринфа, между Коринфом и Кенхреей.

Диодор (xv, 68) утверждает, что все пространство от Кенхреи на одном море до Лехейума на другом было изрыто траншеями и укреплено афинянами и спартанцами. Но это не может быть правдой, потому что Длинные стены были достаточной защитой между Коринфом и Лехеймом; и даже между Коринфом и Кенхреей вряд ли была проведена такая непрерывная линия обороны, хотя места нападения, вероятно, охранялись таким образом. Ксенофонт не упоминает ни траншеи, ни палисады.

[548] Xen. Hellen. vii, 1, 14-17; Diodor. xv, 68.

[549] Xen. Hellen. vii, 1, 18; vii, 2, 11; Diodor. xv, 69.

На этот поход против Сикиона, кажется, ссылается Павсаний (vi, 3, 1); элейскими конями командовал Стомий, который собственной рукой убил вражеского командира.

Возможно, к этому предпринятию относится и хитрость беотийца Паммена при нападении на гавань Сикиона (Polyænus, v, 16, 4).

[550] Xen. Hellen. vii, 1, 18, 22, 44; vii, 3, 2-8.

[551] Xen. Hellen. vii, 2, 5-9.

Этот инцидент мог произойти в 369 г. до н. э., как раз в то время, когда Эпаминондас застал врасплох и прорвал оборонительные линии горы Оней. Во второй главе седьмой книги Ксенофонт берется за историю Флия и продолжает ее с зимы 370-369 гг. до н. э., когда Эпаминондас вторгся в Лаконию, до 369, 368, 367 гг. до н. э. (Xen.

[552] Xen. Hellen. vii, 2, 17.

[553] Xen. Hellen. vii, 1, 19; Diodor. xv, 69.

[554] Xen. Hellen. vii, 1, 22; Diodor. xv, 70.

Диодор утверждает, что эти наемники получали жалованье в течение пяти месяцев; если это верно, я полагаю, что мы должны понимать это как время их путешествия из Сицилии и обратно в Сицилию. Тем не менее, язык Ксенофонта не позволяет нам предположить, что они оставались в Пелопоннесе даже три месяца.

Однако я считаю несомненным, что в этой кампании должно было пройти гораздо больше времени, чем указывает Ксенофонт. Эпаминондас вряд ли заставил бы пройти Онею ради таких мелких предметов, о которых мы находим упоминание в "Эллинике".

Афинская надпись, крайне дефектная, но частично восстановленная и опубликованная М. Бёкхом (Corp. Inscr. № 85 a. Addenda to vol. i, p. 897), содержит голосование афинского народа и синода афинских конфедератов, восхваляющее Дионисия Сиракузского и записывающее его и двух его сыновей в благодетели Афин. Вероятно, он был принят где-то около этого времени; и мы знаем от Демосфена, что афиняне даровали свободу своего

города Дионисию и его потомкам (Demosthenes ad Philipp. Epistol. p. 161, а также Послание Филиппа, к которому это комментарий). Надпись слишком несовершенна, чтобы делать какие-либо другие выводы.

[555] Павсаний, ix, 15, 2.

[556] Xen. Hellen. vii, 1, 23.

[557] Xen. Hellen. vii, 1, 25.

Στρατευσάμενοι δὲ καὶ εἰς Ἀσίην τῆς Λακωνικῆς, ἐνίκησάν τε τὴν τῶν Λακεδαιμονίων φρουρὰν, καὶ τὸν Γεράνορα, τὸν πολέμαρχον Σπαρτιάτην γεγεννημένον, ἀπέκτειναν, καὶ τὸ προάστειον τῶν Ἀσιναίων ἐπόρθησαν.

Диодор сообщает, что Ликомед и аркадяне взяли Пеллен, который находится в другой ситуации и вряд ли может относиться к той же экспедиции (xv, 67).

[558] Xen. Hellen. vii, 1, 26.

[559] Xen. Hellen. iii, 2, 30, 31.

[560] Polyb. iv, 77.

[561] Xen. Hellen. vii, 1, 26; vii, 4, 12.

[562] Xen. Hellen. vii, 1, 27. Ἐκεῖ δὲ ἐλθόντες, τῷ μὲν θεῷ οὐδὲν ἐκοινώσαντο, ὅπως ἂν ἡ εἰρήνη γένοιτο, αὐτοὶ δὲ ἐβουλεύοντο.

[563] Xen. Hellen. vii, 1, 27; Diodor. xv, 70.

Диодор утверждает, что Филиск был послан Артаксерксом, что кажется неточным; он был послан Ариобарзанесом от имени Артаксеркса. Диодор также говорит, что Филиск оставил две тысячи наемников с жалованьем для службы лакедемонянам; эти войска никогда впоследствии не упоминаются.

[564] Xen. Hellen. vii, 1, 33.

[565] Xen. Hellen. vii, 1, 27.

[566] См. об этом факте у Исократа, Архидама (Or. vi,) s. 2-11.

[567] Павсаний, vi, 2, 5.

За это время были провозглашены два мессенских победителя, но они были жителями Мессены на Сицилии. А эти двое были древними гражданами Занкла, название, которое носила сицилийская Мессена до того, как деспот Анаксилай решил дать ей это последнее имя.

[568] Противоположное, или спартанское, чувство - отвращение к тому, что люди, которые только что были их рабами, представляются зрителями и соперниками на равнине Олимпии, - изложено у Исократа, Or. vi, (Archidamus) s. 111, 112.

[569] Плутарх, Пелопид. с. 26.

[570] Æschines, De Fals. Leg. с. 14, p. 249.

...διδάσκων, ὅτι πρῶτον μὲν ὑπὲρ Ἀμφιπόλεως ἀντέπραττε (Птолемей) τῇ πόλει (в Афины), καὶ πρὸς Θηβαίους διαφορομένων Ἀθηναίων, συμμαχίαν ἐποιήσατο, и т. д.

Ни Плутарх, ни Диодор не кажутся мне точными в определении и разграничении различных экспедиций Пелопида в Фессалию. Я не могу не думать, что он совершил четыре разных экспедиции; две до своего посольства к персидскому двору (которое состоялось в 367 г. до н. э.; см. Mr. Clinton, Fast. Hellen. on that year, who rightly places the date of the embassy), и две после него.

1. Первое - в 369 году до н. э., после смерти Аминта, но во время короткого, менее двух лет, правления его сына Александра Македонского.

Диодор упоминает об этом факте (xv, 67), но добавляет, что ошибочно, что Пелопид по этому случаю вернул Филиппа в качестве заложника.

2. Второй - в 368 году до н. э.; также упоминается Диодором (xv, 71) и Плутархом (Pelop. c. 26).

Диодор (как мне кажется, ошибочно) связывает эту экспедицию с захватом и удержанием Пелопида Александром из Фере. Но на самом деле именно по этому случаю Пелопид вернул заложников.

3. Третий поход (который был скорее миссией, чем экспедицией) состоялся в 366 году до н. э., после возвращения Пелопида от персидского двора, которое произошло, по-видимому, в начале 366 года до н. э. В этом третьем походе Пелопид был захвачен и заключен в плен Александром Ферейским, пока его не освободил Эпаминондас. Плутарх упоминает этот поход, четко отличая его от второго (Pelopidas, c. 27-μετὰ δὲ ταῦτα πάλιν, etc.); но с той ошибкой, по моему мнению, что он помещает его до путешествия Пелопида к персидскому двору, тогда как на самом деле он произошел после и вследствие этого путешествия, которое датируется 367 годом до н. э.

4. Четвертое и последнее, в 364-363 гг. до н. э.; где он был убит (Diodor. xv. 80; Plutarch, Pelopid. c. 32).

[571] Xen. Hellen. vii, 1, 28.

[572] Xen. Hellen. vii, 1, 28. Место, называемое здесь Мидеей, не может быть идентифицировано. Единственное известное место с таким названием находится на территории Аргоса, совершенно отличной от той, что упоминается здесь. О. Мюллер предлагает заменить Мидею Малеей; предположение, которое невозможно проверить.

[573] Xen. Hellen. vii, 1, 28-32; Diodor. xv, 72; Plutarch, Agesil. c. 33.

[574] Я думаю, что эта третья экспедиция Эпаминондаса в Пелопоннес относится к 367 г. до н. э.; она была одновременна с посольством Пелопида к персидскому двору. Многие хронологи относят ее к 366 году до н. э., после завершения посольства, поскольку упоминание о ней встречается у Ксенофонта после того, как он завершил посольство. Но я не думаю, что это доказывает факт более поздней даты. Ведь мы должны помнить, что посольство длилось несколько месяцев; кроме того, экспедиция была предпринята, когда Эпаминондас был бётархом, а он перестал им быть в 366 году до н. э. Кроме того, если мы отнесем экспедицию к 366 году до н. э., то вряд ли останется время для всей карьеры Эфрона в Сикионе, которая предшествовала миру 366 года до н. э. между Фивами и Коринфом (см. Xen. Hellen. vii, 1, 44 и далее).

Отношение одновременности между посольством Пелопида в Персию и экспедицией Эпаминондаса, кажется, указывается, когда мы сравниваем vii, 1, 33 с vii, 1, 48-Συνεχῶς δὲ βουλευόμενοι οἱ Θηβαῖοι, ὅπως ἂν τὴν ἡγεμονίαν λάβοιεν τῆς Ἑλλάδος, ἐνόμισαν εἰ πέμψειαν πρὸς τὸν Περσῶν βασιλέα, и т.д. Затем Ксенофонт переходит к рассказу обо всем посольстве, вместе с его неблагоприятным приемом по возвращении, что занимает все пространство до vii, 2, 41, когда он говорит -Αὔθις δ' Ἐπαμεινώνδας, βουλευθεὶς τοὺς Ἀχαιοὺς προσυπαγαγέσθαι, ὅπως μᾶλλον σφίσι καὶ οἱ Ἀρκάδες καὶ οἱ ἄλλοι σύμμαχοι προσέχοιεν τὸν νοῦν, ἔγνωκε στρατευτέον εἶναι ἐπὶ τὴν Ἀχαΐαν.

Эта новая экспедиция Эпаминондаса - один из способов, принятых фиванцами для выражения своей общей цели, выраженной в прежних словах: συνεχῶς βουλευόμενοι и т. д.

[575] Xen. Hellen. vii, 1, 42-44.

Нейтралитет, отмеченный ранее, подразумевается во фразе, которой Ксенофонт описывает их последующее поведение; ἐπεὶ δὲ κατελθόντες οὐκέτι ἐμέσευον, etc.

[576] Xen. Hellen. vii, 1, 42.

Его выражение показывает, насколько полностью эти условия были предоставлены личной решимостью Эпаминонда, преодолевшей сопротивление, -ἐνδυναστεύει ὁ Ἐπαμεινώνδας, ὥστε μὴ φυγαδεῦσαι τοὺς κρατίστους, μηδὲ τὰς πολιτείας μεταστῆσαι и др.

[577] Diodor. xv, 75.

[578] Ксеноф. Hellen. vii, 1, 43; Плутарх, Пелопид. с. 25.

Диодор (xv, 72) связывает недовольство фиванцев против Эпаминонда с событиями предыдущего года. Они считали (по словам Диодора), что Эпаминондас несправедливо пощадил спартанцев и не продвинул свою победу так далеко, как это можно было бы сделать, когда он форсировал линию горы Оней в 369 году до н. э. Но вряд ли фиванцы должны были быть недовольны по этому поводу; ведь форсирование линии было большим подвигом, и мы можем видеть из Ксенофонта, что Эпаминондас достиг гораздо большего, чем спартанцы и их друзья считали возможным.

Ксенофонт сообщает нам, что фиванцы были недовольны Эпаминондом по жалобе аркадян и других за его поведение в Ахайе через два года после событий в Онее, то есть в 367 году до н. э. Это гораздо более вероятно само по себе и гораздо более согласуется с общим рядом фактов, чем причина, указанная Диодором.

[579] Xen. Hellen. vii, 1, 23.

О похожем случае, когда изгнанники из разных городов, собравшись в одно тело, стали достаточно сильны, чтобы последовательно провести реставрацию в каждом городе, см. Thucyd. i, 113.

[580] Xen. Hellen. vii, 1, 44-46; Diodor. xv, 70.

[581] Xen. Hellen. vii, 3, 8.

[582] Ксен. Hellen. vii, 2, 6-9.

[583] Xen. Hellen. vii, 2, 10.

[584] Xen. Hellen. vii, 2, 11-15.

[585] Об этой смене полиса в Пеллене Ксенофонт в то время не упоминает, хотя впоследствии (vii, 4, 17) отмечает ее как свершившийся факт; но мы должны предположить, что она произошла сейчас, чтобы согласовать разделы 11-14 с разделами 18-20 из vii, 2.

Сильная лаконская пристрастность Ксенофонта побуждает его не только горячо восхищаться подвигами маленькой храброй флиакийской общины, но и уделять им непропорционально большое место по сравнению с другими частями его истории. К сожалению, здесь, как и везде, он неясен в описании отдельных событий, и еще большее недоумение вызывает попытка составить из него ясное представление об общем ряде.

Однако при всех недостатках и пристрастности повествования Ксенофонта мы должны помнить, что это описание реальных событий, сделанное современным автором, располагавшим разумными средствами для получения информации. Это ценный ингредиент, который придает ценность всему, что он говорит, поскольку мы постоянно вынуждены заимствовать наши знания о греческой истории либо у авторов, которые пишут из вторых рук и после времени, либо у ораторов, чьи цели обычно отличаются от целей историка. Поэтому я привел краткое изложение этих филийских событий, описанных Ксенофонтом, хотя они были слишком незначительны, чтобы оказать влияние на основной ход войны.

[586] Xen. Hellen. vii, 2, 18-23.

[587] Xen. Hellen. vii, 3, 9.

[588] Xen. Hellen. vii, 3, 4-6.

[589] Речь идет о тайной экспедиции Пелопида и шести других фиванских заговорщиков из Афин в Фивы в то время, когда лакедемоняне были хозяевами этого города и держали гарнизон Кадмеи. С помощью хитрости секретаря Филлиды заговорщики получили доступ к олигархическим лидерам Фив, которые управляли городом под руководством лакедемонян, и предали их смерти. Это событие описано в предыдущей главе, гл. lxxvii, с. 85 и далее.

[590] Xen. Hellen. vii, 3, 7-11.

На убийство Евфрона, за которым последовала столь характерная и выразительная защита со стороны агента, Шнайдер и другие с большой долей вероятности ссылаются в "Риторике" Аристотеля (ii, 24, 2)-καὶ περὶ τοῦ Θήβησιν ἀποθάνοντος, περὶ οὗ ἐκέλευε κρῖναι, εἰ δίκαιος ᾗν ἀποθανεῖν ὥς οὐκ ἄδικον ὃν ἀποκτεῖναι τὸν δίκαιως ἀποθάνοντα.

[591] Xen. Hellen. vii, 3, 12.

[592] Xen. Hellen. vii, 4, 1.

[593] Плутарх, Артаксеркс. с. 22.

[594] Очевидно, что Мессень была великой целью Пелопида в его миссии к персидскому двору; мы видим это не только из Корнелия Непоса (Pelop. с. 4) и Диодора (xv, 81), но и даже из Ксенофонта, Hellen. vii, 1, 36.

[595] Xen. Hellen. vii, 1, 33-38; Плутарх, Пелопидас, с. 30; Плутарх, Артаксеркс. с. 22.

Слова Ксенофонта ἡκολούθει δὲ καὶ Ἀργεῖος должны указывать на какого-то аргейского посланника; хотя имя не упоминается и, вероятно, выпало, - или, возможно, слово τις, поскольку Ксенофонт мог не слышать этого имени.

По-видимому, в миссии, которую Фарнабаз направил к персидскому двору (или, по крайней мере, обязался направить) в 408 г. до н. э., посланники из враждебных греческих городов были включены в ту же компанию (Xen. Hellen. i, 3, 13), что и в данном случае.

[596] Плутарх, Артаксеркс. с. 22.

Его коллега Исмений, однако, как говорят, уронил кольцо, а затем опустился, чтобы поднять его, прямо перед царем; таким образом, он прошел через прострацию.

[597] Плутарх, Пелопид, с. 30.

[598] Xen. Hellen. vii, 1, 36. Ἐκ δὲ τούτου ἐρωτώμενος ὑπὸ βασιλέως ὁ Πελοπίδας τί βούλοιο ἐαυτῷ γραφῆναι, εἶπεν ὅτι Μεσσήνην τε αὐτόνομον εἶναι ἀπὸ Λακεδαιμονίων, καὶ Ἀθηναίους ἀνέλκειν τὰς ναῦς: εἰ δὲ ταῦτα μὴ πείθοιντο, στρατεύειν ἐπ' αὐτούς- εἴ τις δὲ πόλις μὴ ἐθέλοι ἀκολουθεῖν, ἐπὶ ταύτην πρῶτον ἵέναι.

Очевидно, что это не точные слова рескрипта 367 г. до н. э., хотя в предыдущем случае с Анталкидским миром (387 г. до н. э.) Ксенофонт, кажется, привел рескрипт в точных словах (v, 1, 31).

То, что он говорит впоследствии (vii, 1, 38) об Элисе и Аркадии, доказывает, что сюда входили и другие вопросы. Поэтому я без колебаний полагаю, что Амфиполь также был признан автономным. Об этом мы читаем у Демосфена, Fals. Leg. p. 383, с. 42. Καὶ γάρ τοι πρῶτον μὲν Ἀμφίπολιν πόλιν ἡμετέραν δούλην κατέστησεν (царь Персии), ἣν τότε σύμμαχον αὐτῷ καὶ φίλην ἔγραψεν. Демосфен здесь говорит о том, как повлияло на ум великого царя и как изменились его действия, когда он узнал, что Тимагор был предан смерти по возвращении в Афины; наречие времени τότε указывает на рескрипт, данный в присутствии Тимагора.

В словах Ксенофонта, -εἴ τις δὲ πόλις μὴ ἐθέλοι ἀκολουθεῖν, - главенство Фив объявляется или подразумевается. Сравните соглашение, наложенное Спартой на Олинф после того, как последний был покорен (v, 3, 26).

[599] Xen. Hellen. vii, 1, 38. Τῶν δὲ ἄλλων πρέσβεων ὁ μὲν Ἥλεϊος Ἀρχίδαμος, ὅτι προὔτιμησε τὴν Ἥλιν πρὸ τῶν Ἀρκάδων, ἐπὶναι τὰ τοῦ βασιλέως- ὁ δ' Ἀντίохος, ὅτι ἡλαττοῦτο τὸ Ἀρκαδικόν, οὔτε τὰ δῶρα ἐδέξατο, etc.

[600] Демосфен. Fals. Leg. с. 42, p. 383.

В другом отрывке той же оратории (с. 57, p. 400) Демосфен говорит, что Леон был совместным посланником с Тимагором *в течение четырех лет*. Конечно, миссия Пелопида к персидскому двору не могла длиться четыре года, и Ксенофонт утверждает, что афиняне отправили двух посланников, когда узнали, что Пелопид собирается туда. Я предполагаю, что Леон и Тимагор могли быть отправлены к персидскому двору вскоре после битвы при Лейктре, в то время, когда афиняне заставили персидского царя отменить прежний рескрипт, поставивший Афины во главе вместо Спарты (Xen. Hellen. vi, 5, 1, 2). Это произошло ровно за четыре года до этого (371-367 гг. до н. э.). Леон и Тимагор, совместно предприняв и, возможно, недавно вернувшись из первого посольства, теперь *совместно* отправились во второе. Демосфен подвел итог времени, проведенному ими вместе, как если бы оно было одним.

[601] Плутарх, Пелопид, с. 30.

Демосфен говорит о сумме, полученной Тимагором в деньгах от персидского царя, как о сорока талантах, ὥς λέγεται (Fals. Leg. p. 383), помимо других подарков и удобств. Сравните также Плутарх, Артаксеркс, с. 22.

[602] Ксен. Hellen. vii, 1, 38.

[603] Xen. Hellen. v, 1, 30.

[604] Xen. Hellen. vii, 1, 40. Καὶ αὐτὴ μὲν ἡ Πελοπίδου καὶ τῶν Θηβαίων τῆς ἀρχῆς περιβολὴ οὕτω διελύθη.

[605] Сильные выражения Демосфена показывают, какой замечательный эффект произвело это известие в Афинах (cont. Aristokrat. p. 660, s. 142).

Τί δ'; Ἀλέξανδρον ἐκεῖνον τὸν Θετταλὸν, ἡνίκ' εἶχε μὲν αἰχμάλωτον δῆσας Πελοπίδαν, ἐχθρὸς δ' ὥς οὐδεὶς ἦν Θηβαίοις, ὑμῖν δ' οἰκείως διέκειτο, οὕτως ὥστε παρ' ὑμῶν στρατηγὸν αἰτεῖν, ἐβοηθεῖτε δ' αὐτῷ καὶ πάντ' ἦν Ἀλέξανδρος, и т. д.

Александр, как говорят, обещал афинянам столь обильное снабжение скотом, что цена на мясо в Афинах должна была оставаться очень низкой (Plutarch, Apophtheg. Reg. p. 193 E.).

[606] Диодор. xv, 71; Плутарх, Пелоп. с. 28; Павсаний ix, 15, 1.

[607] Плутарх (Пелопид, с. 29) говорит о перемирии на тридцать дней, но трудно поверить, что Александр был бы удовлетворен столь коротким сроком.

[608] Рассказ о захвате Пелопида Александром с его последствиями содержится главным образом у Диодора, xv, 71-75; Плутарха, Пелопид, с. 27-29; Cornel. Nep. Pelop. с. 5; Pausanias, ix, 15, 1. Ксенофонт не упоминает об этом.

Я отношу захват к 366 году до н.э, после возвращения Пелопида из посольства в Персию; это посольство я согласен с г-ном Файнсом Клинтоном, который относит его к 367 году до н. э. Плутарх помещает захват до посольства; Диодор помещает его в год между серединой лета 368 и серединой лета 367 года до н. э.; но он вообще не упоминает посольство в его обычном хронологическом порядке; он только упоминает его при подведении итогов подвигов в конце карьеры Пелопида.

Если предположить, что посольство к персидскому двору состоялось в 367 году до н. э., то захват не мог произойти раньше этого времени.

В 368 году до н. э. Пелопид совершил вторую экспедицию в Фессалию, из которой вернулся с победой и вернул заложников. См. выше, стр. 264, примечание.

Захват Пелопида был осуществлен в то время, когда Эпаминондас не был ни бётархом, ни командующим фиванской армией. Похоже, что только в конце 367 года до н. э., после обвинений, выдвинутых в связи с его действиями в Ахайе, Эпаминондас пропустил повторное избрание в качестве полководца.

Ксенофонт, описывая посольство Пелопида в Персию, упоминает о причинах, по которым он ожидал благоприятного приема, и о делах, которыми он мог похвастаться (Hell. vii, 1, 35).

Если бы Пелопид непосредственно перед этим был схвачен и просидел несколько месяцев в тюрьме у Александра Ферейского, Ксенофонт наверняка упомянул бы об этом как о событии с другой стороны. Я знаю, что этому выводу из молчания Ксенофонта не всегда можно доверять. Но в данном случае мы должны помнить, что он недолгобливает обоих фиванских

вождей; и мы можем справедливо заключить, что, перечисляя трофеи Пелопида, он вряд ли не упомянул бы о громком позоре, если бы тот был, непосредственно предшествующий.

Пелопид был взят в плен Александром не в бою, а во время мирной миссии и при обстоятельствах, при которых ни один человек, менее позорный, чем Александр, не захватил бы его (παράσπονδηθεῖς-Plutarch, Apoph. p. 194 D.; Pausan. ix, 15, 1; "legationis jure satis tectum se arbitraretur" Corn. Nep.). Полибий (viii, 1) и другие порицают его неосмотрительность в том, что он при любых обстоятельствах доверился такому человеку, как Александр. Но мы должны предположить, что такое безрассудство должно быть частично оправдано или объяснено какими-то правдоподобными обстоятельствами; и провозглашение персидского рескрипта представляется мне наиболее разумным объяснением его поступка.

На этих основаниях, которые, по моему мнению, перевешивают все вероятности противоположной стороны, я поместил захват Пелопида в 366 г. до н. э., после посольства в Персию; не без чувства, однако, что хронология этого периода не может быть абсолютно определенной.

[609] Плутарх. Пелопид, с. 31-35.

[610] См. поучительную надпись и комментарии, опубликованные профессором Россом, в которых впервые отчетливо упоминается дема Граῖς, расположенная недалеко от Оропа (Ross, Die Demen von Attika, p. 6, 7-Halle, 1846).

[611] Исократ, Orat. xiv, (Plataic.) s. 22-40.

[612] Xen. Hellen. vii, 4, 1; Diodor. xv, 76.

Предыдущий захват Оропа, когда Афины потеряли его в 411 г. до н. э., был совершен при весьма сходных обстоятельствах (Thucyd. viii, 60).

[613] Xen. Hellen. vii, 4, 1; Diodor. xv, 76.

Сравните Demosthen. De Coronâ, p. 259, s. 123; Æschines cont. Ktesiphont. p. 397, s. 85.

Казалось бы, к этой потере Оропа мы должны отнести суд над Хабриасом и Каллистратом в Афинах, вместе с памятной речью последнего, которую Демосфен слышал в юности с таким сильным восхищением. Но наши сведения настолько расплывчаты и скудны, что мы не можем ничего определенно сказать по этому поводу. Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, p. 109-114) объединяет все разрозненные свидетельства в поучительной главе.

[614] Xen. Hellen. vii, 1, 39; vii, 4, 2.

[615] Xen. Hellen. vii, 4, 3.

Ксенофонт обращает внимание на необычность происшествия. В Пейреусе было много судов; Ликомеду оставалось только сделать свой выбор и определить место, где он высадится. Он выбрал именно то место, где собрались изгнанники, не зная, что они там находятся - δαίμονιώτατα ἀποθνήσκει.

[616] Cornelius Nepos, Epaminond. c. 6: Plutarch, Repub. Ger. Præc. p. 810 F.; Plutarch, Apophtheg. Reg. p. 193 D.

Сравните аналогичную ссылку других на преступления, воплощенные в фиванской легенде (Юстин, ix, 3).

Возможно, именно во время этого посольства в Пелопоннес Каллистрат обратился к общественному собранию в Мессене с речью, на которую ссылается Аристотель ("Риторика", iii, 17, 3); возможно, и против Эпаминондаса тоже.

[617] Xen. Hellen. vii, 4, 4-6.

Публичные дебаты в афинском собрании не способствовали успеху плана, подобного тому, что предложил Демотион, для которого тайна была необходима. Сравните другой план, раскрытый подобным образом, в Фукидиде, iii, 3.

[618] Кажется вероятным, что это были наемники, которых коринфяне поставили под командование Тимофана и использовали впоследствии как инструмент для установления деспотии.

Плутарх (Тимoleon, с. 3, 4) кратко упоминает о наемниках, собранных в это время (насколько мы можем проверить его хронологию), и о коринфских наемниках, собранных сейчас, в связи с Тимoleonом и Тимофаном, о которых мне придется многое сказать в одной из следующих глав.

[619] Сравните Xen. Hellen. vii, 4, 8, 9 с Isokrates, Or. vi, (Archidamus), s. 106.

[620] Xen. Hellen. vii, 4, 9.

[621] Это недовольство союзниками сильно и многократно выражено в оратории Исократа под названием Архидам, составленной как будто для того, чтобы быть произнесенной на этом синоде, - и является хорошим свидетельством (независимо от того, было ли оно произнесено на самом деле или нет) чувств, одушевлявших принца и большую партию в Спарте. Архидам рассматривает тех союзников, которые рекомендовали спартамцам сдать Мессену, как худших врагов, даже чем те, кто совсем порвал с ними. Он называет коринфян, флиасийцев и эпидавров, разд. 11-13, -εἰς τοῦτο δ' ἤκουσι πλεονεξίας, καὶ τοσαύτην ἡμῶν κατεγνώκασιν ἀνανδρίαν, ὥστε πολλάκις ἡμᾶς ἀξιώσαντες ὑπὲρ τῆς αὐτῶν πολεμεῖν, ὑπὲρ Μεσσηνίας οὐκ οἴονται δεῖν κινδυνεύειν- ἀλλ' ἴν' αὐτοὶ τὴν σφετέραν αὐτῶν ἀσφαλῶς καρπῶνται, πειρῶνται διδάσκειν ἡμᾶς ὡς χρὴ τοῖς ἐχθροῖς τῆς ἡμετέρας παραχωρῆσαι, καὶ πρὸς τοῖς ἄλλοις ἐπαπειλοῦσιν, ὡς, εἰ μὴ ταῦτα συγχωρήσομεν, ποιησόμενοι τὴν εἰρήνην κατὰ σφᾶς αὐτοῦς. Сравните разд. 67, 87, 99, 105, 106, 123.

Из этих рассуждений Исократа мы можем сделать вывод, что недовольство спартанцев своими союзниками из-за того, что последние советовали им отказаться от Мессены, было гораздо сильнее, чем можно предположить по рассказу Ксенофонта (Hellen. vii, 4, 8-11).

В аргументе, приложенном к этому рассуждению, утверждается (среди прочих неточностей), что спартанцы послали в Фивы просить мира и что фиванцы сказали в ответ, что мир будет дарован, εἰ Μεσσηνίην ἀνοικίσωσι καὶ αὐτόνομον ἑάσωσι. Спартанцы никогда не посылали в Фивы с этой целью; коринфяне отправились в Фивы и там узнали об императивном условии, требующем признания Мессенека. Далее, фиванцы никогда бы не потребовали от Спарты повторного заселения или восстановления (ἀνοικίσαι) Мессены; это уже было сделано самими фиванцами.

[622] Диодор (xv, 76) утверждает, что персидский царь отправил в Грецию посланников, которые и привели к заключению этого мира. Однако нет никаких оснований полагать, что персидские посланники посещали Грецию после возвращения Пелопида, чье возвращение с рескриптом фактически являлось персидской интервенцией. Заключенный сейчас мир

был основан на общих положениях этого рескрипта; пока, но не далее (как я полагаю), утверждение Диодора о персидском вмешательстве является точным.

[623] Диодор (хв, 76) еще более неточен, говоря о мире как об общепринятом и как о завершении войны между беотийцами и лакедемонянами, которая началась с битвы при Лейктре.

[624] Ксенофонт, Enc. Agesil. ii, 30. ἐνόμιζε-τῷ Πέρσῃ δίκην ἐπιθήσειν καὶ τῶν πρόσθεν, καὶ ὅτι νῦν, σύμμαχος εἶναι φάσκων, ἐπέταττε Μεσσήνην ἀφιέναι.

[625] Эта вторая миссия афинян к персидскому двору (в соответствии с приглашением, содержащимся в рескрипте, переданном Пелопиду, Xen. Hellen. vii, 1, 37), как мне кажется, подразумевается Демосфеном, Fals. Leg. p. 384, s. 150, p. 420, s. 283; Or. De Halonneso, p. 84, s. 30.

Если персидскому царю сообщили, что Тимагор был предан смерти своими соотечественниками по возвращении в Афины, и если он отправил (κατέπεμψεν) новый рескрипт об Амфиполе, то эта информация могла быть передана, а новый рескрипт получен только в результате второго посольства, отправленного к нему из Афин.

Возможно, лакедемонянин Каллий сопровождал эту вторую афинскую миссию в Сузы; мы слышим о нем как о вернувшемся с дружеским письмом от персидского царя к Агесилаю (Ксенофонт, Enc. Ages. viii, 3; Плутарх, Apophth. Lacon. p. 1213 E.), привезенным персидским посланником. Но это утверждение слишком расплывчато, чтобы мы могли подтвердить, что это было на самом деле.

[626] Xen. Hellen. vii, 1, 27.

[627] Демосфен. De Rhodior. Libert. p. 193, s. 10, cont. Aristokrat. p. 666, s. 165; p. 687, s. 242.

[628] Demosth. *ut sup.*; Isokrates, Or. xv, (De Permut.) s. 118; Cornel. Nepos, Timoth. c. 1.

Уловки, с помощью которых Тимофей добывал деньги для своих войск на Самосе, затронуты в Псевдо-Аристотеле, Œconomic. ii, 23; и в Polyæn. iii, 10, 9; насколько мы можем понять их, они представляются лишь взносами, взимаемыми под тонкой маскировкой с жителей.

Поскольку Ариобарзанес давал деньги Агесилаю, он, возможно, дал их и Тимофею во время этой осады.

[629] Ксеноф. Enc. Ages. ii, 26; Polyænus, vii, 26.

Я не знаю, следует ли относить к этому периоду осаду Атарнея Автофрадатом, который был вынужден отказаться от нее благодаря находчивому предложению Эвбула, занимавшего это место (Aristot. Politic. ii, 4, 10).

[630] С величайшим трудом нам удастся проследить хоть что-то похожее на нить событий этого периода, настолько скудны и нечетки наши сведения.

Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, chap, v. p. 118-130) является поучительным помощником в сборе обрывков информации; сравните также Вайссенборн, Hellen. p. 192-194 (Jena, 1844).

[631] Xen. Enc. Ages. ii, 26, 27.

[632] Isokrates, Or. xv, (De Permut.) s. 115-119; Cornelius Nepos, Timotheus, c. 1.

Исократ особенно останавливается на том, что завоевания Тимофея обеспечили Афинам большую прилегающую территорию - ὧν ληφθεῖσιν ἅπας ὁ τόπος περιέχων οἰκεῖος ἡναγκάσθη τῇ πόλει γενέσθαι, и т.д. (s. 114).

Из-за значения Геллеспонта для Афин, обеспечивавшего регулярные поставки кукурузы с Эвксинского моря, Сесту иногда называли "мучной доской Пейреев" - ἡ τηλία τοῦ Πειραιῶς (Aristot. Rhetor. iii, 10, 3).

[633] См. Andokides de Pace, s. 15.

[634] То, что афинская оккупация Самоса (несомненно, лишь частично) клерухами *началась* в 366 или 365 г. до н. э., установлено Диодором, xviii, 8-18, когда он упоминает о восстановлении саамов через сорок три года после этого македонским Пердиккой. Это не противоречит тому факту, что дополнительные отряды клерухов были отправлены в 361 и 352 гг. до н. э., о чем упоминает схолиаст на Æschines cont. Timarch. p. 31 c. 12; и Филохор, Fr. 131, ed. Didot. См. примечание Весселинга, который ставит под сомнение точность даты у Диодора. Я не согласен с его критикой, хотя его поддерживают Бёкх (Public Econ. of Athens, b. iii, p. 428) и мистер Клинтон (F. H. ad ann. 352). Я считаю крайне маловероятным, чтобы между захватом острова и отправкой клерухов прошел столь долгий промежуток времени, или чтобы к этой последней мере, оскорбительной в глазах Греции, Афины *впервые* прибегли в 352 году до н. э., когда они были так сильно ослаблены как Социальной войной, так и прогрессом Филиппа. Страбон упоминает о двух тысячах клерухов, отправленных на Самос. Но имеет ли он в виду только первую партию или все вместе, мы сказать не можем (Strabo xiv, p. 638). Среди этих клерухов был отец философа Эпикура; ср. Diogen. Laert. x, 1.

Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ et Timothei, p. 127), как мне кажется, справедливо рассматривает очень сложную хронологию этого периода.

Демосфен упоминает о собственности клерухов в своем общем обзоре путей и средств Афин; в речи, произнесенной в Olym. 106, до 352 г. до н. э. (De Symmoriis, p. 182, s. 19).

[635] См. Демосфен, De Halonneso, p. 86, s. 40-42; Æschines, De Fals. Legat. 264, s. 74.

[636] Аристотель. Риторика. ii, 8, 4.

[637] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 677, s. 201; p. 679, s. 209.

[638] Ксенофонт, Enc. Agesil. ii, 26.

[639] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 660, s. 141.

[640] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 669, s. 174. Ἐπειδὴ τὸν μὲν Ἰφικράτην ἀποστράτηγον ἐποίησατε, Τιμόθεον δ' ἐπ' Ἀμφίπολιν καὶ Χερρόνησον ἐξεπέμψατε στρατηγὸν, etc.

[641] См. Demosthen. cont. Timoth. p. 1187, 1188, s. 10-15.

Тимофеем поклялся и публично пообещал в афинском собрании предпочесть против Ификрата ὑραφὴν ξενίας; но он так и не выполнил этого обещания и даже впоследствии настолько примирился с Ификратом, что отдал свою дочь в жены сыну последнего (ibid. p. 1204, s. 78).

К какой именно дате или обстоятельствам следует отнести это клятвенное обещание, мы не можем определить. ὑραφὴ ξενίας относится к связи Ификрата с Котисом, что могло повлечь за собой лишение его права гражданства; Ибо трудно понять, как ὑραφὴ ξενίας в его обычном смысле (подразумевающим отрицание какого-либо изначального права

гражданства) может быть предпочтен в качестве обвинения против Ификрата, который не только выполнял все активные обязанности гражданина, но и занимал высшую должность, и получал от народа выдающиеся почести.

[642] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 664, s. 153. ἐτόλμησεν ὑπὲρ τῶν Κότυος πραγμάτων ἐναντία τοῖς ὑμετέροις στρατηγοῖς ναυμαχεῖν.

[643] Demosth. cont. Aristokrat. p. 669. s. 174-177. Что касается этих заложников, то я не могу сделать ничего другого, кроме как повторить краткое и неясное замечание Демосфена. Из различных предположений, предложенных для иллюстрации этого, ни одно не кажется мне удовлетворительным. Кем был Гарпалус, я не берусь сказать.

[644] Демосфен. конт. Aristocrat. p. 669. s. 175.

В подтверждение этих утверждений оратор ссылается на письма Ификрата и Тимофея, написанные афинскому народу. К сожалению, эти письма не цитируются по существу.

[645] Диодор, xv, 77; Æschines de Fals. Leg. p. 250. c. 14.

[646] Демосфен (Olynth. 1, p. 21. s. 14) упоминает о помощи македонцев Тимофею против Олинфа. Сравните также его орацию ad Philippi Epistolam (p. 154. s. 9). Вряд ли это может относиться к чему-то другому, кроме войны, которую Тимофей вел на этих берегах в 364 г. до н. э. См. также Polyæn. iii, 10, 14.

[647] Diodor. xv, 81; Cornelius Nepos, Timoth. 1; Isokrates, Or. xv, (De Permut.) s. 115-119; Deinarchus cont. Demosth. s. 14. cont. Philokl. s. 19.

Я привожу в тексте то, что, по моему мнению, является настоящей истиной, содержащейся в большом утверждении Исократ: Χαλκιδεῖς ἅπαντας κατεπόλεμῃσεν (s. 119). Оратор утверждает, что Тимофей приобрел в общей сложности двадцать четыре города; но это общее число, вероятно, включает его завоевания в другое время, а также в других местах. Выражение Непоса - "Olynthios bello subegit" - расплывчато.

[648] Исократ, l. c.; Аристотель. Œconomic. ii, 22; Polyæn. iii, 10, 14.

[649] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 669. s. 177.

[650] Полиэн (iii, 10, 8) упоминает этот факт, который объясняется сравнением (в Фукидиде, vii, 9) описания нападения афинянина Эвтиона на Амфиполь в 414 году до н.э.

Эти неудачи Тимофея перечислены, как я полагаю, в том каталоге *деяти* поражений, которые схолиаст об Эсхинесе (De Fals. Leg. p. 755, Reiske) указывает как нанесенные Афинам на территории под названием *Девять путей* (Ἐννέα Ὀδοί), прежнее название места, где был построен Амфиполь. Они составляют восьмой и девятый пункты каталога.

Третий пункт - взятие Амфиполя Брасидасом. Четвертый - поражение Клеона от Брасида. Далее следуют

5. οἱ ἐνοικοῦντες ἐπ' Ἠϊόνα Ἀθηναῖοι ἐξελάθησαν. Единственный способ, которым я могу извлечь из этих слов исторический факт, - это предположить, что они относятся к изгнанию всех афинян, проживавших вне города, в Афины после поражения при Игоспотаме. Из Фукидида мы знаем, что когда Амфиполь был взят Брасидасом, многие из поселившихся там афинян ушли в Эйон, где они, вероятно, оставались до конца Пелопоннесской войны, а затем были вынуждены вернуться в Афины. Тогда мы должны понимать οἱ ἐνοικοῦντες ἐπ' Ἠϊόνα Ἀθηναῖοι - "афиняне, живущие в Эйоне"; что, хотя и не является обычным смыслом

предлога ἐπὶ с винительным падежом, кажется единственным определенным значением, которое может быть здесь установлено.

6. οἱ μετὰ Σιρμίχου στρατηγοῦντος διεφθάρσαν.

7. ὅτε Πρωτόμαχος ἀπέτυχεν (Ἀμφιπολιτῶν αὐτοῦς παραδόντων τοῖς ὁμόροις Θραξί, эти последние слова вставлены Беккером из MS.). Эти два последних случая совершенно неизвестны. Можно предположить, что они относятся к периоду, когда Ификрат командовал афинскими войсками в этих регионах, в 368-365 гг. до н.э.

8. ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ Τιμοθέου Ἀλκίμαχος ἀπέτυχεν αὐτοῦ, παραδόντων αὐτοῦς Θραξὶν ἐπὶ Τιμοκράτους Ἀθήνησιν ἄρχοντος.

Слово Τιμοθέου здесь вставлено Беккером из MS. вместо Τιμοσθένους, которое появилось в издании Рейске.

9. Τιμόθεος ἐπιστρατεύσας ἡττήθη ἐπὶ Καλαμιώνος.

Здесь указаны два поражения Тимофея, одно в архонтство Тимократа, которое точно совпадает с командованием Тимофея в этих краях (с середины лета 364 по середину лета 363 г. до н. э.). Но другой архонт, Каламион, неизвестен в афинских "Фастах". Виневский (Comment. in Demosth. de Corona, p. 39), Бёнеке и другие комментаторы вслед за Корсини считают, что Каламион - это искажение имени *Каллимед*, который был архонтом в середине лета 360-359 гг. до н. э.; а г-н Клинтон даже вставил этот факт в свои таблицы для этого года. Но я согласен с Реданцем (Vit. Iph. Chab. et Tim. p. 153), что такое событие после середины лета 360 года до н. э. вряд ли можно согласовать с процессами в Херсонесе до и после этого периода, о которых сообщает Демосфен в "Оратории против Аристократа". Не будучи в состоянии объяснить ошибку в имени архонта и не выясняя, не состоит ли настоящая ошибка в том, что вместо ἐπὶ поставили ὑπὸ, я не могу не думать, что Тимофей пережил два отпора, один от своего лейтенанта, а другой от себя самого, около Амфиполя, - оба произошли в 364 или в начале 363 года до н.э. В течение значительной части 363 года до н.э, внимание Тимофея, похоже, было обращено на Херсонес, Византию, Котис и т.д.

Мой взгляд на хронологию этого периода в целом совпадает с мнением д-ра Тирлуолла (Hist. Gr. vol. v, ch. 42, p. 244-257).

[651] Плутарх Пелопид. с. 31; Диодор. xv, 80.

[652] Xen. Hellen. vii, 1, 36.

[653] Фукид ii, 87; vii, 21.

[654] Диодор. xv, 78.

[655] Æschines, Fals. Leg. p. 276, c. 32, s. 111. Ἐπαμινώνδας, οὐχ ὑποπτήξας τὸ τῶν Ἀθηναίων ἀξίωμα, εἶπε διαρρήδην ἐν τῷ πλήθει τῶν Θηβαίων, ὥς δεῖ τὰ τῆς Ἀθηναίων ἀκροπόλεως προπύλαια μετενεγκεῖν εἰς τὴν προστασίαν τῆς Καδμείας.

[656] Diodor. xv, 78, 79.

[657] См. том VI. Ch. liv. p. 475.

[658] Корнелий Непос, Эпаминонд. с. 5; Плутарх, Пелопидас, с. 25; Плутарх, De Sui Laude, p. 542 A.

Ни один из этих авторов, как мне кажется, не может правильно представить себе ни нападение, ни ответ, в котором здесь приводится имя Агамемнона. В том виде, как я изложил это в тексте, есть реальное основание для нападения и реальный смысл в ответе; в том виде, как это представлено у Корнелия Непоса, нет ни того, ни другого.

О том, что спартанцы считали себя унаследовавшими руководство Грецией от Агамемнона, можно судить по Геродоту, vii, 159.

[659] Фукид. vi, 17, 18.

[660] Плутарх (Philorœmen, с. 14) упоминает, что некоторые авторы представляют Эпаминондаса как неохотно согласившегося на эту морскую экспедицию. Он объясняет такое нежелание ссылкой на пренебрежительное мнение Платона о морской службе. Но это мнение Платона основано на причинах, чуждых характеру Эпаминонда; и мне кажется очевидным, что авторы, которым следовал Плутарх, ввели это мнение только как гипотезу, чтобы объяснить, почему такой великий полководец на суше, как Эпаминонд, так мало добился на море, когда принял командование флотом; поставив себя на должность, к которой он был мало способен, как Филопемени (Plutarch, Reipublic. Gerend. Præser. p. 812 E.).

Баух (в своем труде "Эпаминондас и его борьба за гегемонию", Бреслау, 1834, с. 70, 71) утверждает, что Эпаминондас был вынужден, вопреки своему собственному мнению, предпринять это морское предприятие. Я не могу согласиться с его мнением. Оракул, который Баух цитирует из Павсания (viii, 11, 6), доказывает так же мало, как и вышеприведенная выдержка из Плутарха.

[661] Исократ. Or. v, (Philip.) s. 53; Diodor. xv, 78. ἰδίᾱς τὰς πόλεις τοῖς Θηβαίοις ἐποίησεν. Я не уверен, что эти общие слова относятся к Хиосу, Родосу и Византии, о которых говорилось ранее.

[662] Юстин, xvi, 4.

[663] Диодор, xv, 81; Корнель. Непос, Тимофей, с. 1.

[664] Диодор. xv, 79.

[665] Описание этой памятной сцены см. у Плутарха, Пелопидас, с. 31, 32; Диодор. xv, 80, 81; Cornel. Непос. Pelopid. с. 5.

[666] Диодор. xv, 81. Плутарх (Pelop. с. 34) утверждает практически то же самое.

[667] Плутарх, Сравн. Пелопид. и Марцелл. с. 1.

[668] Диодор. (xv., 78) относит к одному и тому же году оба события: 1. Морской проект Эпаминонда, включая его рекомендацию, снаряжение флота и саму экспедицию. 2. Экспедиция Пелопида в Фессалию с ее непосредственными последствиями - он упоминает первую из них первой, но относит обе к первому году 104-й Олимпиады, году, когда Тимократ был архонтом в Афинах; то есть с середины лета 364 до середины лета 363 года до н. э. От морской экспедиции он сразу переходит к упоминанию битвы при Мантинее, которая (по его словам) оказалась роковой для Эпаминондаса и помешала ему продолжить свои идеи морской деятельности.

Битва при Мантинее произошла в июне или июле 362 г. до н. э. Поэтому морская экспедиция, непосредственно предшествовавшая этой битве, естественно, должна была состояться летом 363 г. до н. э.; 364 г. до н. э. был занят необходимым военно-морским снаряжением.

Я склоняюсь к мысли, что поход Пелопида в Фессалию также состоялся в 363 году до н. э., и что его смерть произошла, когда Эпаминондас отсутствовал на корабле. Таким образом, появляется вероятная причина, по которой второй фиванской армией, отправившейся мстить за Пелопида, командовал не его друг и коллега Эпаминондас, а другие полководцы. Если бы Эпаминондас был тогда дома, это вряд ли произошло бы.

Затмение солнца, которое, по словам Плутарха и Диодора, непосредственно предшествовало походу Пелопида, похоже, до сих пор точно не установлено. Додуэлл, опираясь на авторитет друга-астронома, помещает его на 13 июня 364 года до н. э., в пять часов утра. С другой стороны, Кальвизий помещает его на 13 июля того же юлианского года, в четверть часа до одиннадцати часов дня (см. *L'Art de Vérifier les Dates*, tom. i, p. 257). Можно заметить, что день, названный Додвеллом (как он сам признает), приходится не на олимпийский год 364-363 гг. до н. э., а на месяцы, предшествующие началу этого года. Более того, Додвелл говорит, будто в году не было других месяцев, кроме июня, июля и августа, пригодных для военных экспедиций; такую гипотезу нет смысла принимать.

Сиверс и доктор Тирлуолл принимают затмение, упомянутое Додвеллом, как отмечающее время начала экспедиции Пелопида - июнь 364 года до н. э. Но против этого мистер Клинтон не обращает внимания на него в своих таблицах, что, кажется, показывает, что он не был удовлетворен точностью заявления Додвелла или хронологической идентичностью. Если при дальнейших астрономических расчетах окажется, что в 363 году до н. э. не было затмения солнца, видимого в Фивах, - я должен буду тогда остановиться на затмении, упомянутом Кальвизием (13 июля 364 года до н. э.), как определяющем время экспедиции Пелопида; которое, по этому предположению, предшествовало бы на восемь или девять месяцев началу трансмаринного плавания Эпаминондаса. Затмение, упомянутое Кальвизием, предпочтительнее того, о котором говорит Додвелл, поскольку оно приходится на олимпийский год, указанный Диодором.

Но мне кажется, что здесь требуется более подробная астрономическая информация.

[669] Плутарх, Пелопид. с. 35.

[670] Диодор. xv, 79.

[671] См. мнение, выраженное Демосфеном *cont. Leptinem*, p. 489, s. 121, - орацию, произнесенную в 355 году до н. э.; через восемь лет после разрушения Орхомена.

[672] *Demosth. De Pace*, p. 62, s. 21; *Philippic. II*, p. 69, s. 13; s. 15; *Fals. Leg.* p. 375, s. 122; p. 387, s. 162; p. 445, s. 373.

[673] *Diodor.* xv, 57.

[674] *Pausan.* ix, 15, 2.

Диодор относит к тому же году все три факта: -1. морскую экспедицию Эпаминонда. 2. Экспедиция Пелопида в Фессалию, его смерть и последующие победы фиванцев над Александром из Фере. 3. Заговор орхоменских рыцарей и разрушение Орхомена.

Год, в который он их помещает, - архонство Тимократа, с середины лета 364 года до середины лета 363 года до н.э.

О том, что разрушение Орхомена произошло во время отсутствия Эпаминонда и что он был сильно огорчен этим по возвращении, ясно говорит Павсаний; однако он (по моему мнению) настолько ошибается, что относит отсутствие Эпаминонда к тому предыдущему случаю,

когда он отправился в Фессалию, чтобы спасти Пелопида из темницы Александра, 366 г. до н.э.

Эта дата не столь вероятна, как дата, указанная Диодором; да и хронологические представления Павсания не кажутся мне точными.

[675] Xen. Hellen. vii, 4, 19.

[676] Xen. Hellen. vii, 1, 43.

[677] Xen. Hellen. vii, 4, 17.

[678] Xen. Hellen. iii, 3, 30, 31.

[679] Xen. Hellen. vi, 5, 2.

[680] Xen. Hellen. vii, 2, 26.

[681] Xen. Hellen. vii, 1, 38.

[682] Xen. Hellen. vii, 4, 12.

[683] Он был взят из Элиса Агисом во время мира 399 г. до н. э. после его победоносной войны (Xen. Hellen. iii, 2, 31).

[684] Павсаний, vi, 22, 3.

[685] Xen. Hellen. vii, 4, 13-18; Diodor. xv, 77.

[686] Xen. Hellen. vii, 4, 26.

[687] Xen. Hellen. vii, 4, 27.

Упоминаемые здесь фиванцы, должно быть, были солдатами, стоявшими в гарнизоне Тегеи, Мегалополя или Мессены. Никаких новых фиванских войск в Пелопоннес не поступало.

[688] Thucyd. v, 68; Xen. Rep. Laced, xii, 3; xiii, 6.

[689] О захвате Кромна лакедемонянами и ране, полученной Архидамом, упоминает Юстин, vi, 6.

[690] Xen. Hellen. vii, 4, 20-25. Ὡς δὲ, πλησίον ὄντων, ἀναβοήσας τις τῶν πρεσβυτέρων εἶπε-Τί δεῖ ἡμᾶς, ὦ ἄνδρες, μάχεσθαι, ἀλλ' οὐ σπείσασμένους διαλυθῆναι; ἄσμενοι δὴ ἀμφότεροι ἀκούσαντες, ἐσπείσαντο.

[691] Ксен. Hellen. vii, 4, 27. Догадка Пальмериуса, -τοῦ κατὰ τοὺς Ἀργείους, - кажется здесь справедливой и необходимой.

[692] Xen. Hellen. vii, 4, 27.

[693] Thucyd. iv, 40.

[694] Xen. Hellen. iii, 2, 31.

[695] Xen. Hellen. vii, 2, 29. Сравните Павсаний, vi, 22, 2.

[696] Xen. Hellen. vii, 4, 29. Καὶ τὴν μὲν ἵπποδρομίαν ἤδη ἐπεποιήκεσαν, καὶ τὰ δρομικὰ τοῦ πεντάθλου- οἱ δ' εἰς πάλην ἀφικόμενοι οὐκέτι ἐν τῷ δρόμῳ, ἀλλὰ μεταξύ τοῦ δρόμου καὶ τοῦ βωμοῦ ἐπάλαιον. Οἱ γὰρ Ἑλλεῖοι παρῆσαν ἤδη и т. д.

Диодор ошибочно представляет (xv, 78), будто элейцы были заняты празднованием праздника, а пизанцы и аркадяне подошли и напали на них в это время. На самом деле нападавшими были элейцы.

[697] Xen. Hellen. l. c. Οἱ γὰρ Ἑλλεῖοι παρῆσαν σὺν τοῖς ὅπλοις εἰς τὸ τέμενος. Οἱ δὲ Ἀρκάδες πορρωτέρω μὲν οὐκ ἀπήντησαν, ἐπὶ δὲ τοῦ Κλαδᾶου ποτάμου παρετάξαντο, ὃς παρὰ τὴν Ἄλτιν καταρρέων εἰς τὸν Ἄλφειον ἐμβάλλει. Καὶ μὴν οἱ Ἑλλεῖοι τάπτι θάτερα τοῦ ποτάμου παρετάξαντο, σφαγιασάμενοι δὲ εὐθύς ἐχώρουν.

Здесь следует отличать τέμενος от Алтиса, как означающий всю ширину освященной земли в Олимпии, из которой Алтис составлял меньшую внутреннюю часть, обнесенную стеной. Элейцы вошли в τέμενος до того, как пересекли реку Кладеус, которая протекала через τέμενος, но *рядом* с Алтисом. Гробница Сенеки, которая, несомненно, была включена в τέμενος, находилась на правом берегу Кладея (Pausan. vi, 21, 3); в то время как Алтис находился на левом берегу реки.

Полковник Лик (в своей "Пелопоннесиаке", стр. 6, 107) дал обширное и поучительное изложение земли Олимпии, а также известий, оставленных Павсанием о ней. К сожалению, мало что можно сказать определенно, кроме положения большого храма Зевса в Альтисе. Ни положение, которое полковник Лик приписывает различным зданиям, Стадиону или Ипподрому, ни то, которое предложил Киперт в плане, включенном в его карты, ни Эрнст Курциус в плане, приложенном к его недавней диссертации под названием "Олимпия" (Берлин, 1852), не опираются на достаточные доказательства. Возможно, будущие раскопки в будущем откроют многое из того, что сейчас неизвестно.

Однако я не могу согласиться с полковником Ликом в предположении, что Пиза когда-то была *городом*, а потом опустела.

[698] Xen. Hellen. vii, 4, 32. ὥστε οὐδ' ἀνεπαύσαντο τῆς νυκτὸς ἐκκόπτοντες τὰ διαπεπνημένα σκηνώματα, etc.

[699] Диодор. xv, 78; Павсаний, vi, 8, 2.

[700] Тацит, Hist. i, 40. Он описывает убийство Гальбы на Форуме в Риме солдатами-отониянцами: "Igitur milites Romani, quasi Vologesen aut Pacorum avito Arsacidarum solio depulsuri, ac non Imperatorem

"Igitur milites Romani, quasi Vologesen aut Pacorum avito Arsacidarum solio depulsuri, ac non Imperatorem suum, inermem et senem, trucidare pergerent-disiectâ plebe, proculcato Senatu, truces armis, rapidis equis, forum irrumpunt: nec illos Capitolii aspectus, et imminentium templorum religio, et priores et futuri Principes, terruere, quominus facerent scelus, cujus ultor est quisquis successit."

[701] Xen. Hellen. vii, 4, 32.

[702] Xen. Hellen. iii, 2, 20; Polybius, iv, 73.

[703] Xen. Hellen. vii, 4, 33, 34.

[704] Thucyd. i, 121.

Перикл в своей речи в Афинах упоминает об этой понятной цели спартанцев и их конфедерации (Thucyd. i, 143).

[705] Xen. Hellen. vii, 4, 33, 34; Diodor. xv, 82; Pausanias, vii, 8, 6.

[706] Xen. Hellen. vii, 4, 33. φάσκοντες αὐτοὺς λυμαίνεσθαι τὸ Ἀρκαδικόν, ἀνεκαλοῦντο εἰς τοὺς μυρίους τοὺς προστάτας αὐτῶν, etc.

[707] Xen. Hellen. vii, 4, 34.

[708] Xen. Hellen. vii, 4, 34. *Οἱ δὲ τὰ κράτιστα τῇ Πελοποννήσῳ βουλευόμενοι* ἔπεισαν τὸ κοινὸν τῶν Ἀρκάδων, πέμψαντας πρέσβεις εἰπεῖν τοῖς Θηβαίοις, etc.

Фраза, использованная Ксенофонтом для описания олигархической партии, свидетельствует о его filo-лаконских настроениях. Сравните vii, 5, 1. οἱ κηδόμενοι τῆς Πελοποννήσου, etc.

[709] Xen. Hellen. l. c.

[710] Xen. Hellen. vii, 4, 37, 38.

[711] Xen. Hellen. vii, 4, 39 . συγκαλέσας τῶν Ἀρκάδων ὅποσοι γε δὴ συνελθεῖν ἠθέλησαν, ἀπελογεῖτο, ὡς ἐξαπατηθεῖη.

[712] Представление Диодора (xv, 82), хотя и очень нечеткое и расплывчатое, дает нам понять, что две противоборствующие стороны в Тегее вступили в фактический конфликт по случаю заключения мира.

[713] Xen. Hellen. vii, 4, 40.

[714] Xen. Hellen. vii, 5, 1. Οἱ κηδόμενοι τῆς Πελοποννήσου.

[715] Xen. Hellen. vii, 5, 2, 3.

[716] Xen. Hellen. vii, 5, 5; Diodor. xv, 85.

[717] Diodor. xv, 85.

[718] Объяснение, которое дает Ксенофонт этой остановке в Немее, - будто Эпаминондас был настроен на нее из-за особой ненависти к Афинам (Hellen. vii, 5, 6) - кажется в равной степени причудливым и невыдержанным.

[719] Ксен. Hellen. vii, 5, 8.

[720] Плутарх, De Gloriâ Athen. p. 346 B.

[721] Xen. Hellen. vii, 5, 10. Καὶ εἰ μὴ Κρῆς, θείᾳ τινὶ μοίρᾳ προσελθὼν, ἐξήγγειλε τῷ Ἀγησιλάῳ προσιὸν τὸ στράτευμα, ἔλαβεν ἂν τὴν πόλιν ὥσπερ νεοττιὰν, παντάπασιν ἔρημον τῶν ἀμυνουμένων.

Диодор совпадает с ним в главном (xv, 82, 83), хотя и со многими неточностями в деталях. Он дает очень несовершенное представление об этом узком бегстве Спарты, которое полностью подтверждается Ксенофонтом, даже вопреки его собственным пристрастиям.

Каллистен утверждал, что критические сведения были переданы Агесилаю феспийцем по имени Евтиний (Плутарх, "Агесилай", с. 34).

[722] Ксенофонт (Hellen. vii, 5, 10, 11) описывает эти факты в манере, отличающейся по ряду пунктов от Полибия (ix, 8) и от Диодора (xv, 83). Авторитет Ксенофонта кажется мне более весомым, а его рассказ - более вероятным. Он ясно говорит, что Агесилай услышал весть о походе фиванцев, когда еще находился в Пеллене (на дороге в Мантинею, куда уже отправилась большая часть спартанских войск), - и что он немедленно повернул назад и достиг Спарты раньше Эпаминонда с немногочисленной, но достаточной для обороны города дивизией. Полибий же утверждает, что Агесилай услышал эту новость, когда находился в Мантинее, и оттуда со всем войском отправился в Спарту, но Эпаминонд достиг Спарты раньше него, уже напал на город и проник на рыночную площадь, когда Агесилай прибыл и прогнал его назад. Диодор сообщает, что Агесилай так и не покинул Спарту, но другой царь Агис, отправленный с войском в Мантинею, узнав о планах Эпаминондаса, послал Агесилаю весточку с помощью быстрых критских гонцов и поставил его на стражу.

Весселинг справедливо замечает, что упоминание Агиса должно быть ошибкой; второго царя Спарты в то время звали Клеомен.

Полиэн (ii, 3, 10) правильно утверждает, что Агесилай достиг Спарты раньше Эпаминондаса; но он добавляет много других деталей, которые слишком неопределенны, чтобы их копировать.

[723] Ксен. Hellen. vii, 5, 11. Ἐπεὶ δὲ ἐγένετο Ἐπαμινώνδας ἐν τῇ πόλει τῶν Σπαρτιατῶν, etc.

[724] Ксен. Hellen. vii, 5, 12, 13.

Юстин (vi, 7) сильно преувеличивает масштабы и жестокость поединка. Он ошибочно полагает, что Агесилай достиг Спарты только после Эпаминондаса.

[725] Плутарх, Агесилай, с. 34.

[726] Xen. Hellen. vii, 5, 14. Πάλιν δὲ πορευθεὶς ὡς ἐδύνατο τάχιστα εἰς τὴν Τεγέαν, τοὺς μὲν ὀπλίτας ἀνέπαυσε, τοὺς δὲ ἵππεας ἔπεμψεν εἰς τὴν Μαντίνειαν, δεηθεὶς αὐτῶν προσκαρτερῆσαι, καὶ διδάσκων ὡς πάντα μὲν εἰκὸς ἔξω εἶναι τὰ τῶν Μαντινέων βοσκήματα, πάντας δὲ τοὺς ἀνθρώπους, ἄλλως τε καὶ σίτου συγκομιδῆς οὔσης.

[727] Xen. Hellen. vii, 5, 15, 16.

Слова -δυστυχήματος γεγεννημένου ἐν Κορίνθῳ τοῖς ἵππεῦσιν - указывают на нечто, чего мы не можем понять. Возможно, что коринфяне, находившиеся в мире с Фивами и обиженные Афинами (vii, 4, 6-10), с неудовольствием наблюдали и даже приставали к афинским всадникам, когда те отдыхали на их территории.

[728] Полибий, ix, 8.

[729] Xen. Hellen. vii, 5, 15, 16, 17.

Плутарх (De Gloriâ Athen. p. 346 D.-E.) в общих чертах рассказывает об этой битве и спасении Мантинеи, но с некоторыми неточностями, которые мы опровергаем с помощью Ксенофонта.

Диодор. (xv, 84) упоминает о спасении Мантинеи благодаря неожиданному прибытию афинян; но он говорит, что их было шесть тысяч солдат, то есть гоплитов, под командованием Гегесилая; и он ничего не говорит о сражении с кавалерией. Гегесилай назван Эфором (ар. Diog. Laert. ii, 54, - ср. Xenoph. De Vectigal. iii, 7) генералом всего войска, посланного Афинами по этому случаю, состоявшего как из пехоты, так и из конницы. Пехота, должно быть, появилась несколько позже.

Полибий также (ix, 8), хотя и соглашается в основном с Ксенофонтом, отличается от него в некоторых деталях. Я следую изложению Ксенофонта.

[730] Harpokration v, Κηφισόδωρος, Ephorus ap. Diogen. Laert. ii, 53; Pausan. 1, 3, 4; viii, 9, 8; viii, 11, 5.

По ряду моментов существует путаница между этой кавалерийской битвой под Мантинеей и последовавшим за ней большим или генеральным сражением, в котором был убит Эпаминондас. Иногда говорят, что Грилл был убит в битве при Мантинее и даже убил Эпаминонда собственной рукой. Кажется, будто на картине Евфранора изображен Грилл в момент убийства фиванского полководца; и будто последняя афинская и фиванская традиция ошибочно присвоила фиванскому полководцу имя Эпаминондас.

См. эту путаницу в хорошей статье Арнольда Шефера о битве при Мантинее, p. 58, 59, в Рейнском музее филологии (1846-Fünfter Jahrgang, Erstes Heft).

[731] Диодор. xv, 84.

[732] Xen. Hellen. vii, 5, 8. καὶ μὴν οἰόμενος κρείττων τῶν ἀντιπάλων εἶναι, etc.

[733] Xen. Hellen. vii, 5, 19. σπάνια δὲ τὰ ἐπιτήδεια ἔχοντας ὁμῶς πείθεσθαι ἐθέλειν, etc.

[734] Xen. Hellen. vii, 5, 18. αὐτὸς δὲ λελυμασμένος παντάπασι τῇ ἑαυτοῦ δόξῃ ἔσοιτο, ἡττημένος μὲν ἐν Λακεδαιμόνι σὺν πολλῷ ὀπλιτικῷ ὑπ' ὀλίγων, ἡττημένος δὲ ἐν Μαντινείᾳ ἵππομαχίᾳ, αἴσιος δὲ γεγενημένος διὰ τὴν ἐς Πελοπόννησον στρατείαν τοῦ συνεστάναι Λακεδαιμονίου καὶ Ἀρκάδας καὶ Ἡλείους καὶ Ἀθηναίους- ὥστε οὐκ ἐδόκει δυνατόν εἶναι ἀμαχεῖ παρελθεῖν, etc.

[735] Polybius, ix. 8, 2.

[736] Ксен. Hellen. vii, 5, 20. Προθύμως μὲν ἐλευκοῦντο οἱ ἵππεῖς τὰ κράνη, κελεύοντος ἐκείνου- ἐπεγράφοντο δὲ καὶ οἱ τῶν Ἀρκάδων ὀπλῖται, ῥόπαλα ἔχοντες, ὡς Θηβαῖοι ὄντες- πάντες δὲ ἤκονῶντο καὶ λόγχας καὶ μαχαίρας, καὶ ἐλαμπρύνοντο τὰς ἀσπίδας.

В этих последних словах чувствуется некая насмешка как над аркадянами, так и над фиванцами. Аркадские клуши называются ὀπλῖται; они представлены как выдающие себя за таких же, как фиванцы.

Зиверс (Geschicht. p. 342) и д-р Тирлуолл (Hist. Gr. c. 40, p. 200) вслед за Эккелем переводят этот отрывок так: "Аркадские гоплиты начертали на своих щитах фигуру булавы, которая была знаком фиванцев". Я не могу считать такое толкование наилучшим, по крайней мере, до тех пор, пока не появятся доказательства того, что фиванский символ на щите был булавой. Ксенофонт и в других случаях не гнушается с насмешкой отзываться о фиванских гоплитах - см. vii, 5, 12. Упоминание λόγχας καὶ μαχαίρας сразу после этого слова подтверждает, что ῥόπαλα ἔχοντες, непосредственно перед этим, означает "люди, вооруженные дубинами"; это естественный смысл слов.

Всадники, как сказано, "побелили свои шлемы (или наголовники)". Поэтому я предполагаю, что эти наголовники были сделаны не из металла, а из дерева или плетенки. Сравните Xen. Hellen. ii, 4, 25.

[737] См. "Путешествия полковника Лика по Морее", т. III, гл. 24, с. 45.

[738] В трех милях от Мантинеи (Leake, ib. p. 51-94) "невысокая гряда скал, которая, выступая на равнину из выступающей части Меналиума, образует естественное разделение между районами Тегеи и Мантинеи".

Сравните ту же работу, т. i, гл. 3, с. 100, 112, 114, и недавнюю ценную работу Эрнста Куртия "Пелопоннес" (Гота, 1851), с. 232-247. Гелл говорит, что на этом рубеже через равнину когда-то была проведена стена (Itinerary of the Morea, p. 141-143).

[739] См. указания на место битвы у Павсания, viii, 11, 4, 5; и у полковника Лика, о котором говорилось выше.

[740] Xen. Hellen. vii, 5, 21.

Полковник Лик считает, что Триполица находится примерно в трех милях с половиной от Тегеи; мистер Додвелл считает, что это около четырех миль, а Гелл в "Итинерарии Мореи" - примерно столько же.

Полковник Лик считает, что от Триполицы до Мантинеи около восьми миль. Гелл считает, что это два часа и три минуты, Додвелл - два часа и пять минут, или семь миль.

Colonel Leake, Travels in Morea, vol. i, p. 88-100; Gell's Itinerary, p. 141; Dodwell's Travels, vol. ii, p. 418-422.

Похоже, что Эпаминондас в этой последней половине своего похода должен был следовать почти по дороге из Мантинеи в Паллантиум. Паллантий находился к западу от Тегеи.

[741] Ксен. Hellen. vii, 5, 22.

[742] Xen. Hellen. vii, 5, 22. Καὶ γὰρ δὴ, ὡς πρὸς τῷ ὄρει ἐγένετο, ἐπεὶ ἐξετάθη αὐτῷ ἡ φάλαγξ, ὑπὸ τοῖς ὑψηλοῖς ἔθετο τὰ ὄπλα- ὥστε εἰκάσθῃ στρατοπεδευομένῳ. Τοῦτο δὲ ποιήσας, ἔλυσε μὲν τῶν πλείστων πολεμίων τὴν ἐν ταῖς ψυχαῖς πρὸς μάχην παρασκευήν, ἔλυσε δὲ τὴν ἐν ταῖς συντάξεσιν.

[743] Thucyd. v, 67; Pausanias, viii, 9, 5; viii. 10, 4.

[744] Diodor. xv. 85.

О том, что афиняне были слева, мы знаем также из Ксенофонта (Hell. vii, 5, 24), хотя он не дает полного описания расположения союзников на обеих сторонах.

[745] Ксен. Hellen. vii, 5, 23.

[746] Опять же, от Ксенофонта мы знаем, что фиванцы были слева, но об общем расположении других контингентов мы узнаем только от Диодора (xv, 85).

Тактика Арриана (xi, 2) также сообщает нам, что Эпаминондас сформировал свою атакующую колонну при Лектре из фиванцев, а при Мантинее - из всех беотийцев.

О том, что фиванцы как во время, так и после битвы при Леукре нападали слева, см. Плутарх. Quæst. Roman. p. 282 D.

[747] Ксен. Hellen. vii, 5, 22. Ἐπεὶ γε μὴν, παραγαγὼν τοὺς ἐπὶ κέρως πορευομένους λόχους εἰς μέτωπον, ἰσχυρὸν ἐποίησατο τὸ περὶ ἑαυτὸν ἔμβολον, τότε δὴ ἀναλαβεῖν παραγγείλας τὰ ὄπλα, ἡγεῖτο- οἱ δ' ἡκολούθουν Ὁ δὲ τὸ στράτευμα ἀντίπρωρον ὥσπερ τριήρη προσῆγε, νομίζων, ὅπη ἐμβαλὼν διακόψειε, διαφθερεῖν ὅλον τὸ τῶν ἐναντίων στράτευμα, и т.д.

[748] Я согласен с Фоларом (Traité de la Colonne, p. lv-lxi, предисловие к переводу Полибия) в том, что он считает ἔμβολον колонной, а не клином, сужающимся к фронту. И я не согласен с

объяснением Шнайдера, который говорит: "Epaminondas phalangem contrahit sensim et colligit in frontem, ut cunei seu rostri navalis formam efficeret. Copiæ igitur ex utroque latere explicatæ transeunt in frontem; hoc est, παράγειν εἰς μέτωπον." Мне кажется, что войска, которые Эпаминондас заставил проехать вперед и сформировать наступающую колонну, состояли только из левой или фиванской дивизии, лучших войск в армии, - τῷ μὲν ἰσχυροτάτῳ παρεσκευάζετο ἀγωνίζεσθαι, τὸ δὲ ἀσθενέστατον πόρρῳ ἀπέστησεν. Более того, из всего рассказа Ксенофонта следует, что Эпаминондас атаковал слева от себя против правого, или правоцентристского, противника. Он боялся, что афиняне обойдут его с левого фланга.

[749] Сравните аналогичный случай в Xen. Hellen. iii, 4, 13, где говорится, что греческая конница в азиатской армии Агесилая была вытянута ὥσπερ φάλαγξ ἐπὶ τεσσάρων и т. д.

[750] Эти πέζοι ἄρππτοι - легковооруженные пешие воины, смешавшиеся с рядами конницы, - числятся важным элементом военного войска сиракузского деспота Гелона (Herodot. vii. 158).

[751] Возможно, Эпаминондас пытался частично скрыть происходящее с помощью передвижения конницы по фронту. О чем-то подобном, кажется, упоминает Полиэн (ii, 3, 14).

[752] Ксен. Hellen. vii, 5, 22.

[753] Диодор. xv, 85.

Оратор Эсхин сражался среди афинских гоплитов по этому случаю (Æschines, Fals. Leg. p. 300. c. 53.).

[754] Замечание Полибия об этой битве заслуживает внимания. Он утверждает, что описание битвы, данное Эфором, было крайне неверным и абсурдным, что объясняется большим незнанием как местности, на которой происходило сражение, так и возможных перемещений армий. Он говорит, что Эфор проявил подобную некомпетентность и при описании битвы при Лейктре; в этом случае, однако, его рассказ был менее ошибочным, потому что эта битва была простой и легко объяснимой, включающей движения только одного крыла каждой армии. Но в отношении битвы при Мантинее (говорит он) неправильное описание Эфора имело гораздо более плачевные последствия, потому что эта битва отличалась большой сложностью и полководческим искусством, которых Эфор совершенно не понимал, что мог видеть любой, кто измерил землю и изучил движения, о которых сообщается в его рассказе (Polybius, xii, 25).

Полибий добавляет, что Теопомпу и Тимею так же мало можно доверять в описании сухопутных сражений, как и Эфору. Имеет ли это замечание особое отношение к битве при Мантинее, я не могу точно сказать. Однако он отдает должное Эфору за большую рассудительность и точность в описании морских сражений.

К сожалению, Полибий не дал нам собственного описания этой битвы при Мантинее. Его слов достаточно, чтобы мы почувствовали, насколько несовершенно мы знаем ее детали. Есть слишком много оснований опасаться, что рассказ, который мы сейчас читаем у Диодора, может быть в значительной степени заимствован из того самого повествования Эфора, которое здесь так сильно преуменьшено.

[755] Diodor. xv, 87. Корнелий Непос (Ерам. с. 9), похоже, копирует тот же авторитет, что и Диодор, хотя и более скуп на детали. Похоже, он не читал Ксенофонта.

Я вновь рекомендую читателю прекрасную заметку д-ра Арнольда о Фукидиде, iv, 11, в которой он осуждает подобные преувеличения и приукрашивания Диодора в описании поведения Брасида в Пилусе.

[756] Ксен. Hellen. vii, 5, 25. Τὴν μὲν δὴ συμβολὴν οὕτως ἐποίησατο, καὶ οὐκ ἐψεύσθη τῆς ἐλπίδος- κρατήσας γὰρ ἥ προσέβαλεν, ὅλον ἐποίησε φεύγειν τὸ τῶν ἐναντίων. Ἐπεὶ γε μὴν ἐκεῖνος ἔπεσεν, οἱ λοιποὶ οὐδὲ τῇ νίκῃ ὀρθῶς ἔτι ἐδυνάσθησαν χρήσασθαι, ἀλλὰ φυγούσης μὲν αὐτοῖς τῆς ἐναντίας φάλαγγος, οὐδένα ἀπέκτειναν οἱ ὀπλῖται, οὐδὲ προῆλθον ἐκ τοῦ χωρίου ἔνθα ἡ συμβολὴ ἐγένετο- φυγόντων δ' αὐτοῖς καὶ τῶν ἱππέων, ἀπέκτειναν μὲν οὐδὲ οἱ ἱππεῖς διώκοντες οὔτε ἱππέας οὔθ' ὀπλίτας, ὥσπερ δὲ ἡττώμενοι πεφοβημένως διὰ τῶν φευγόντων πολεμίων διέπεσον. Καὶ μὴν οἱ ἄμιπποι καὶ οἱ πελτασταί, συννεκικότες τοῖς ἱππεῦσιν, ἀφίκοντο μὲν ἐπὶ τοῦ εὐωνύμου, ὡς κρατοῦντες- ἐκεῖ δὲ ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων οἱ πλεῖστοι αὐτῶν ἀπέθανον.

[757] Плутарх, Пелопидас, с. 33, 34.

[758] Утверждение Диодора (xv, 87) по этому поводу кажется мне более вероятным, чем утверждение Ксенофонта (vii, 5, 26).

Афиняне много хвастались этим небольшим успехом своей кавалерии, повышая его ценность признанием того, что все их союзники были разбиты вокруг них (Плутарх, De Gloriâ Athen. p. 350 A.).

[759] Диодор. xv, 88; Цицерон, De Finibus, ii, 30, 97; Epistol. ad Familiares, v, 12, 5.

[760] Плутарх, Arophthegm. Regum, p. 194 C.; Ælian, V. H. xii, 3.

И Плутарх, и Диодор говорят о том, что Эпаминондаса отнесли обратно в *лагерь*. Но, похоже, никакого лагеря быть не могло. Эпаминондас вышел из Тегеи всего за несколько часов до этого. Возможно, на поле была возведена палатка для его приема. Пять веков спустя мантинейцы показали путешественнику Павсанию место под названием Скиопе, расположенное неподалеку от поля битвы, куда (по их утверждению) был перенесен раненый Эпаминондас, испытывавший сильную боль и державший руку на ране, откуда он с тревогой смотрел на продолжающуюся битву (Pausan. viii, 11, 4).

[761] Плутарх, Агесилай, с. 35; Павсаний, i, 3, 3; viii, 9, 2-5; viii, 11, 4; ix, 15, 3.

Однако сообщения, которые приводит Павсаний, и имя Махериона, которое он слышал как в Мантинее, так и в Спарте, сбивчивы, и вряд ли могут быть согласованы с рассказом Плутарха.

Более того, похоже, что последующие афиняне не проводили четкого различия между первым сражением, в котором участвовала афинская конница, сразу после прибытия в Мантинею, когда они спасли город от нападения фиванцев и фессалийцев, и общим сражением, последовавшим через несколько дней после этого, в котором был убит Эпаминондас.

[762] См. речь Демосфена от имени мегалополитов (Orat. xvi, s. 10, p. 204; s. 21, p. 206).

[763] Плутарх, Агесилай, с. 35; Диодор, xv, 89; Полибий, iv, 33.

Г-н Файнс Клинтон (Fasti Hellen. B.C. 361) относит заключение мира к следующему году. Однако я не знаю, какие основания есть для предположения о таком промежутке между битвой и миром. Диодор, по-видимому, помещает последнюю сразу после первой. Это не так уж много, конечно, против значительной контрвероятности; но вероятность здесь (по моему

мнению) скорее в пользу непосредственной последовательности между этими двумя событиями.

[764] Павсаний, viii, 11, 4, 5.

[765] Цицерон, Тускулан. i, 2, 4; De Orator. iii, 34, 139. "Eraminondas, princeps, meo iudicio, Græciæ" и т. д.

[766] Плутарх, Philopœmen, с. 3; Плутарх, Timoleon, с. 36.

[767] См. надпись из четырех строк, скопированную Павсанием со статуи Эпаминонда в Фивах (Paus. ix, 16, 3)

Ἡμετέραις βουλαῖς Σπάρτη μὲν ἐκείρατο δόξαν, etc.

[768] Xenoph. Hellen. vii, 5, 8, 9.

[769] Demosthenes, Philipp. I, p. 51, s. 46.

[770] Замечание Диодора (xv, 88) об Эпаминондасе более категорично, чем мы обычно находим у него, - Παρὰ μὲν γὰρ ἐκάστῳ τῶν ἄλλων ἐν ᾧ εὖροι προτέρημα τῆς δόξης, παρὰ δὲ τούτῳ πάσας τὰς ἀρετὰς ἠθροισμένας.

[771] Полибий, xxxii, 8, 6. Корнелий Непос (Eraminondas, с. 4) приводит один анекдот, среди нескольких, которые он утверждает, что нашел в записях, о крупных денежных подарках, предложенных Эпаминонду и отвергнутых им; анекдот пересказан с такой точностью деталей, что заслуживает доверия, хотя мы не можем точно определить время, когда предполагаемый взяточдатель Диомедон Кизический прибыл в Фивы.

Плутарх (De Genio Socratis, p. 583 F.) рассказывает об инциденте с Ясоном из Фере, напрасно дававшим деньги Эпаминондасу, который не мог произойти до освобождения Кадмеи (период, к которому относится диалог Плутарха), но мог произойти и после.

Сравните Плутарх, Apophthegm. Reg. p. 193 C.; и "Жизнь Фабия Максима" Плутарха, с. 27.

[772] Аристотель. Politic. iii, 2, 10.

[773] Плутарх, Сравн. Алкивиад. и Кориолан, с. 4. Ἐπεὶ τό γε μὴ λιπαρῇ μηδὲ θεραπευτικὸν ὄχλων εἶναι, καὶ Μέτελλος εἶχε καὶ Ἀριστείδης καὶ Ἐπαμεινώνδας- ἀλλὰ τῷ καταφρονεῖν ὡς ἀληθῶς ὧν δῆμος ἐστὶ καὶ δοῦναι καὶ ἀφελέσθαι κύριος, ἐξοστρακίζόμενοι καὶ ἀποχειροτονοῦμενοι καὶ καταδικαζόμενοι πολλάκις οὐκ ὠργίζοντο τοῖς πολίταις ἀγνωμονοῦσιν, ἀλλ' ἡγάπων αὖθις μεταμελομένους καὶ διηλλάττοντο παρακαλούντων.

[774] См. анекдот об Эпаминондасе как дипломате и переговорщике от имени Фив против Афин - δικαιολογούμενος, etc. Athenæus, xiv, p. 650 E.

[775] Гомер, Илиада, iii, 210-220 (Менелай и Одиссей).

Ἄλλ' ὅτε δὴ Τρώεσσιν ἀγειρομένοισιν ἔμιχθεν,

Ἦτοι μὲν Μενέλαος ἐπιτροχάδην ἀγόρευε,

Παῦρα μὲν, ἀλλὰ μάλα λιγέως- ἐπεὶ οὐ πολύμυθος и др.

... Ἄλλ' ὅτε δὴ ῥ' ὅπα τε μεγάλην ἐκ στήθεος ἴει (Odysseus),

Καὶ ἔπεα νιφάδεσσιν ἐοικότα χειμερίησιν,

Οὐκέτ' ἔπειτ' Ὀδυσῆϊ γ' ἐρίσσειε βροτὸς ἄλλος и т. д.

[776] См. т. VIII этой истории, гл. lxvii, с. 357-397-φρονεῖν, λέγειν, καὶ πράττειν и т. д.

[777] Плутарх, Apophtheg. Reg. p. 192 E. Athenæ. xiii, p. 590 C.

[778] Hieronymus ap. Athenæ. xiii, p. 602 A.; Плутарх, Пелопидас, с. 18; Xen. Rep. Lacedæmon. ii, 12.

См. поразительный и впечатляющий фрагмент Пиндара, обращенный им в старости к юноше Феоксену из Тенедоса, Fragm. 2 из Сколии, в издании Диссена и издании Пиндара Боэция, т. iii, p. 611, ap. Athenæum, xiii, p. 605 C.

[779] См. Theopompus, Frag. 182, ed. Didot, ap. Athenæ. xiii, p. 605 A.

[780] Плутарх, Pelopid. *ut sup.*; Плутарх, Amatorius, p. 761 D.; ср. Xenoph. Hellen. iv, 8, 39.

[781] Diodor. xv, 94.

Здесь я осмелюсь отступить от Диодора, который утверждает, что эти три тысячи человек были *афинянами*, а не *фиванцами*; что мегалополиты послали просить помощи у *Афин*, и что *афиняне* послали эти три тысячи человек под командованием Паммена.

То, что Диодор (или переписчик) перепутал здесь фиванцев с афинянами, представляется мне обоснованным на следующих основаниях: - 1.

1. Кто внимательно прочтет речь Демосфена в афинском собрании (примерно через десять лет после этого периода) о целесообразности отправки вооруженных сил для защиты Мегалополя от угроз Спарты, тот, я думаю, увидит, что Афины никогда раньше не посылали никакой военной помощи в Мегалополь. Как аргументы, которые приводит Демосфен, так и те, которые он оспаривает как выдвинутые оппонентами, исключают реальность какого-либо такого предыдущего действия.

2. Даже в то время, когда была произнесена вышеупомянутая речь, мегалопольцы все еще (ср. Диодор, xvi, 39) находились в особом союзе с Фивами и под их опекой, хотя последняя была тогда настолько ослаблена Священной войной и другими причинами, что казалось сомнительным, что она сможет обеспечить им полную защиту от Спарты. Но в следующем году после битвы при Мантинее союз между Мегалополем и Фивами, равно как и вражда между Мегалополем и Афинами, был еще более свежим и тесным. За помощью к Мегалополю должны были обратиться фиванцы (тогда еще не утратившие своей силы), которые сражались за них в предыдущем году, а не афиняне, которые сражались против них; не произошло еще ни одного положительного поражения, которое лишило бы фиванцев возможности оказать помощь.

3. Наконец, Памменес - *фиванский* полководец, друг Эпаминондаса. Его упоминает не только сам Диодор в другом месте (xvi, 34), но и Павсаний (viii, 27, 2), как полководца, посланного наблюдать за строительством Мегалополя, Плутарх (Plutarch, Pelopidas, с. 26; Plutarch, Reipub. Gerend. Præcept. p. 805 F.), и Полиэн (v, 16, 3). В оратории Демосфена против Мейдиаса (s. 31. p. 521) упоминается частный афинский гражданин по имени Памменес, ювелир; но ни один афинский офицер или государственный человек того времени так не назван.

Исходя из этого, я не могу не быть убежденным, что Памменес и его войска были фиванцами, а не афинянами.

Я счастлив, что в этом вопросе я согласен с д-ром Тирлуоллом (Hist. Gr. vol. v, ch. xliii, p. 368 note).

[782] См. Isokrates, Orat. vi, (Archidamus) s. 85-93.

[783] Isokrates, Or. vi, (Archid.) s. 73.

[784] Корнелий Непос довольно подробно описал биографию Датамеса, рассказав о его военных подвигах и хитростях. Он ставит Датамеса по военному таланту выше всех *варваров*, кроме Гамилькара Барки и Ганнибала (с. 1). Полиэнус также (vii, 29) рассказывает о нескольких памятных действиях того же вождя. Сравните также Диодора, xv, 91; и Xen. Cyropæd. viii, 8, 4.

Мы не можем с уверенностью определить ни историю, ни хронологию Датамеса. Его подвиги, по-видимому, относятся к последним десяти годам правления Артаксеркса Мнемона, а его смерть, кажется, произошла немного раньше смерти этого принца; последнее событие следует отнести к 359-358 гг. до н. э. См. Mr. Fynes Clinton, Fast. Hell. ch. 18. p. 316, Appendix.

[785] Диодор. xv, 91, 92; Ксенофонт, Киропед. viii, 8, 4.

Наши сведения об этих волнениях во внутренних районах Персидской империи настолько скудны и путаны, что лишь немногие факты можно назвать достоверно известными. Диодор, очевидно, ввел в 362-361 гг. до н. э. ряд событий, многие из которых относятся к годам до и после. Реданц (Vit. Iphicrat. Chabr. et. Timoth. p. 154-161) объединяет все утверждения, но, к сожалению, безрезультатно.

[786] Плутарх, Agesil. с. 36; Athenæus, xiv, p. 616 D.; Cornelius Nepos, Agesil. с. 8.

[787] См. Pseudo-Aristotel. Œconomic. ii, 25.

[788] Диодор (xv, 93) отличается от Плутарха и других (которым я следую) в том, что касается отношений Тахоса и Нектанебиса с Агесилаем; он утверждает, что Агесилай поддерживал Тахоса, и поддерживал его с успехом, против Нектанебиса.

Сравните Корнелий Непос, Хабрия, с. 2, 3.

Мы находим Хабрия служащим Афинам в Херсонесе в 359-358 гг. до н. э. (Demosthen. cont. Aristokrat. p. 677, s. 204).

[789] Диодор. xv, 93; Плутарх, Agesil. с. 38-40; Корнелий Непос, Agesil. 8.

[790] Ксеноф. Энком. Ages. vii, 7. Εἰ δ' αὖ καλὸν καὶ μισοπέρσῃν εἶναι, etc.

[791] Плутарх, Agesil. с. 35.

[792] Diodor. xv, 93.

Между Диодором и Астрономическим каноном существует разница в утверждениях о продолжительности правления и дате смерти Артаксеркса Мнемона, составляющая около двух лет - 361 или 359 г. до н. э. См. "Fasti Hellenici" г-на Клинтона, Приложение, гл. 18. p. 316, где эти утверждения сведены вместе и обсуждены. Плутарх утверждает, что правление Артаксеркса Мнемона длилось шестьдесят два года (Plutarch, Artax. с. 33); это не может быть

правильным, хотя каким образом ошибка должна быть исправлена, мы не можем определить.

Надпись из Миласы в Карии признает сорок пятый год правления Артаксеркса и тем самым поддерживает утверждение Астрономического канона, который приписывает ему сорок шесть лет царствования. См. Воескh, Corp. Inscr. No. 2691, с его комментариями, p. 470.

Эта же надпись дает основания для предположений о продолжительности восстания, поскольку показывает, что карийский Мавсол признал себя сатрапом, а Артаксеркса - своим государем, в году, начинающемся в ноябре 359 г. до н. э., что соответствует сорок пятому году правления Артаксеркса Мнемона. Поэтому восстание должно было быть подавлено до этого периода: см. Sievers, Geschichte von Griechenland bis zur Schlacht von Mantinea, p. 373, note.

[793] Плутарх, Артаксеркс. с. 29, 30; Юстин, х, 1-3.

Плутарх утверждает, что дамой, которую просил принц Дарий, была Аспасия Фокейская - греческая любовница Кира Младшего, которая попала в руки Артаксеркса после битвы при Кунаксе и заняла высокое место в привязанностях монарха.

Но если обратиться к хронологии дела, то покажется маловероятным, что дама, внушившая Дарию столь сильную страсть в 361 году до н.э. или около того, чтобы побудить его рискнуть недовольством отца, и столь решительное нежелание Артаксеркса отдать ее, могла быть той, кто сопровождал Кира в Кунаксу *за сорок лет* до этого; ведь битва при Кунаксе произошла в 401 году до н.э. Хронологическая неправдоподобность будет еще больше, если мы примем утверждение Плутарха, что Артаксеркс царствовал шестьдесят два года; ведь несомненно, что битва при Кунаксе произошла в самом начале его царствования, а смерть его сына Дария - в конце.

Юстин излагает обстоятельства, предшествовавшие смерти Артаксеркса Мнемона, в еще более трагическом ключе. Он утверждает, что заговор против жизни Артаксеркса был организован Дарием совместно с несколькими его братьями, и что, когда заговор был раскрыт, все эти братья вместе со своими женами и детьми были преданы смерти. Охус, взойдя на престол, предал смерти множество своих родственников и главных лиц при дворе вместе с женами и детьми, опасаясь подобного заговора против себя.

[794] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 664, s. 153.

[795] Утверждение Корнелия Непоса ("Тимофей", с. 1), что Тимофей воевал с Котисом с таким успехом, что принес в афинскую казну двенадцать сотен талантов, кажется преувеличенным по сумме; даже если мы примем его в целом за правду.

[796] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 664, s. 155.

[797] См. Rehdantz, Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, p. 151, и предыдущую страницу.

М. Реданц с большой тщательностью и проницательностью собрал воедино все фрагменты свидетельств, относящихся к этому неясному периоду, и сделал, как мне кажется, наиболее вероятные выводы, вытекающие из столь скудных предпосылок.

[798] Ксеноф. Hellen. vii, 5, 4.

[799] Нам посчастливилось точно установить эту дату - двадцать третье число месяца Метагейтнийон в архонтство Молона, о котором упоминает Демосфен (Demosthenes adv. Polyklem, p. 1207, s. 5, 6).

[800] Диодор xvi, 95; Полиэн, vi, 2, 1.

[801] Polyænus, vi, 2, 2.

Должно быть, примерно в это время (362-361 гг. до н. э.) Александр из Фере отправил посланников в Азию, чтобы привлечь на службу Харидема и его отряд наемников, находившихся в то время в Троаде или рядом с ней. Его просьба не была принята (Demosth. cont. Aristokrat. p. 675, s. 192).

[802] Demosthenes, de Coronâ Trierarch. p. 1230, s. 9.

Далее Диодор сообщает, что афиняне поставили Хареса командовать флотом для защиты Эгейского моря, но этот адмирал удалился на Коркиру и только и делал, что грабил союзников (Diodor. xvi, 95).

[803] Сравните Demosthen. cont. Aristokrat. p. 669, s. 174-176; и Æschines, Fals. Leg. p. 250, с. 14.

[804] Факты, изложенные в тексте, являются наиболее вероятным результатом, как мне кажется, вытекающим из Æschines, Fals. Leg. p. 250, с. 14.

[805] Аристотель. Риторика. ii, 3, 3.

Эргофил, кажется, был оштрафован (Demosthen. Fals. Leg. p. 398, s. 200).

[806] Demosthen. adv. Polyklem. p. 1207. s. 6.

[807] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 655, s. 122; cont. Polyklem. p. 1207.

ὅτε Μιλτοκύθης ἀπέστη Κότυος ... ἐγράφη τι παρ' ὑμῖν ψήφισμα τοιοῦτον, δι' οὗ Μιλτοκύθης μὲν ἀπῆλθε φοβηθεὶς καὶ νομίσας ὑμᾶς οὐ προσέχειν αὐτῷ, Κότυς δὲ ἐγκρατὴς τοῦ τε ὄρους τοῦ ἱεροῦ καὶ τῶν θησαυρῶν ἐγένετο.

Слово ἀπῆλθε подразумевает, что Мильтокитес лично находился в Афинах.

Оратор ссылается на скромное письмо, написанное Котисом в его первой тревоге по поводу восстания Мильтокита, p. 658, s. 136, 137.

[808] Demosthenes adv. Polykl. p. 1210, s. 16; Demosthenes cont. Aristok. p. 655, s. 123.

[809] Demosthen. adv. Polyklem, p. 1212, s. 24-26; p. 1213, s. 27; p. 1225, s. 71.

[810] Демосфен конт. Aristokrat. p. 673, s. 187. Ἐκ γὰρ Ἀβύδου, τῆς τὸν ἅπαντα χρόνον ὑμῖν ἐχθρᾶς, καὶ ὅθεν ἦσαν οἱ Σηστὸν καταλαμβάνοντες, εἰς Σηστὸν διέβαινον, ἣν εἶχε Κότυς. (Он говорит о Харидеме.)

В другой оратории Демосфена (Adv. Polykl. p. 1212) содержится отчетливый намек на то, что Сестос был потерян афинянами только *после ноября 361 г.* до н. э. В это время в городе находился афинский триерарх Аполлодор, а также различные друзья, которых он упоминает; так что в ноябре 361 г. до н. э. Сестос должен был еще оставаться афинским владением.

Для некоторых моментов исторического расследования удачно, что цель этой оратории против Поликлета (составленной Демосфеном, но произнесенной Аполлодором) требует

большой точности и уточнения дат, вплоть до месяцев и дней. Аполлодор жалуется, что вынужден нести расходы на триерархию в течение четырех месяцев сверх того года, в котором она была возложена на него совместно с коллегой. Он подает в суд на человека, который должен был освободить его от должности преемника в конце года, но который уклонился и обманул его. Триерархия Аполлодора началась в августе 362 года до н. э. и продолжалась (не только до августа 361 года до н. э., его юридического срока, но и) до ноября 361 года до н. э.

Реданц (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, etc. p. 144, примечание), в ценных главах, которые он посвящает неясной хронологии этого периода, упустил из виду это точное указание времени, *после которого* афиняне потеряли Сестос. Он считает, что потеря произошла двумя или тремя годами ранее.

[811] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 664, s. 155.

[812] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 658, s. 136; p. 679, s. 211.

То, что говорится в последнем отрывке о юноше Керсоблептесе, несомненно, в не меньшей степени относится и к его отцу Котису.

[813] Demosthen. pro Phormione, p. 960, s. 64; Demosth. Fals. Leg. p. 398, s. 200.

[814] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 672, s. 184.

[815] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 671, s. 183. Сравните Pseudo-Aristot. Œconomic. ii, 30.

[816] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 672, 673.

Оратор читает письмо (впрочем, не цитируемое) от правителя Критота, в котором сообщается о грозном усилении войск, угрожавших этому месту после прибытия Харидема.

[817] Аристотель (Politic. v, 8, 12) упоминает этот поступок и утверждает, что двое молодых людей совершили его, чтобы отомстить за отца. Он не уточняет, что именно Котис сделал отцу; но он отмечает это событие в качестве иллюстрации к общей категории, -Πολλὰ δ' ἐπιθέσεις γεγένηνται καὶ διὰ τὸ εἰς τὸ σῶμα αἰσχύνεσθαι τῶν μονάρχων τινάς (сравни, что Тацит говорит о *mos regius-Annal.* vi, 1). Аристотель тут же добавляет еще один случай жестоких увечий, нанесенных Котисом, -Ἀδάμας δ' ἀπέσθη Κότιος διὰ τὸ ἐκτμηθῆναι ὑπ' αὐτοῦ παῖς ὢν, ὡς ὑβρισμένος.

Сравните, о Котис, Theopompus, Fragm. 33, ed. Didot, ap. Athenæ. xii, p. 531, 532.

Бёнеке (Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, p. 725, 726) помещает смерть Котиса в 359 г. до н. э.; и, кажется, делает вывод из Афиней (vi, p. 248; xii, p. 531), что он имел фактическое общение с Филиппом Македонским как царем, воцарение которого произошло между серединой лета 360 и серединой лета 359 г. до н. э. Но доказательства, как мне кажется, не подтверждают такой вывод.

История, приведенная Афинеем из Гегесандра, о письмах, дошедших до Филиппа от Котиса, не может быть правдой в отношении этого Котиса; потому что кажется невозможным, чтобы у Филиппа в первый год его правления был такой льстец, как Клейсоф; Филипп в то время находился в величайшем политическом затруднении, из которого он спасся только благодаря своей неутомимой энергии и способностям. И путешествие Филиппа в Онокарсис, о котором Афиней также упоминает со слов Феопомпа, не подразумевает никакого личного общения с Котисом.

Я считаю, что убийство Котиса более вероятно в 360 году до нашей эры.

[818] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 660, s. 142; p. 662, s. 150; p. 675, s. 193. Плутарх, De Sui Laude, p. 542 E.; Плутарх, adv. Koloten, p. 1126, B.

[819] Plutarch, De Sui Laude, *ut sup.*

[820] Demosthen. cont. Aristokr. p. 674, s. 193. μεираκύλλιον, etc.

[821] Demosth. cont. Aristokrat. p. 623, 624, s. 8-12; p. 664, s. 153 (в этом отрывке κηδεστής может быть справедливо воспринят как любая близкая связь через брак).

Об Афинодоре см. Isokrates, Or. viii, (de Pace) s. 31.

[822] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 674-676, s. 193-199.

В разд. 194, находятся слова: ἦκε δὲ Κηφισόδοτος στρατηγῶν, πρὸς ὃν αὐτὸς (Charidemus) ἔπεμψε τὴν ἐπιστολὴν ἐκείνην, καὶ αἱ τριήρεις, αἱ, ὅτ' ἦν ἄδηλα τὰ τῆς σωτηρίας αὐτῷ, καὶ μὴ συγχωροῦντος Ἀρταβάζου σῶζειν ἔμελλον αὐτόν.

Глагол ἦκε, по моему мнению, относится не к *первому выходу* Кифисодота из Афин для принятия командования, как думают Вебер (Comment. ad Demosth. cont. Aristokrat. p. 460) и другие комментаторы, а к приходу Кифисодота с десятью триремами в *Перинф*, около которого находился Харидем, с целью потребовать исполнения обещанного последним; см. с. 196. Когда Кифисодот пришел к нему в Перинф (παρόντος τοῦ στρατηγοῦ-πρὸς ὃν τὴν ἐπιστολὴν ἐπέμψκει-s. 195), чтобы сделать это требование, то Харидем, вместо того чтобы вести себя честно, поступил как предатель и враг. Ссылка на это предшествующее письмо Харидема к Кифисодоту показывает, что последний должен был находиться на месте в течение некоторого времени, и поэтому ἦκε не может относиться к его первому выходу.

Термин ἐπτά μῆνας (s. 196) отсчитывается, как я предполагаю, от смерти Котиса.

[823] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 676, s. 199; Aeschines cont. Ktesiphont. p. 384, c. 20.

Сам Демосфен, возможно, был среди триерархов, вызванных в дикастерий в качестве свидетелей для подтверждения того, что произошло в Перинфе и Алопеконнесе (Demosth. cont. Aristokrat. p. 676, s. 200); Евтихий, оратор речи против Аристократа, сам также был среди служащих (p. 675, s. 196; p. 683, s. 223).

[824] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 679, s. 209; p. 681, s. 216. Demosthen. de Halonneso, p. 87, s. 42.

[825] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 676, s. 201. οὐκ ὄντος νομίμου τοῖς Θραξίν ἀλλήλους ἀποκτινύναι, etc.

[826] Demosthenes, cont. Aristokrat. p. 677, s. 201.

[827] Demosth. cont. Aristokrat. p. 677, s. 202-204.

Аристотель (Politic. v. 5, 9) упоминает ассоциацию или фракцию Ифиадов как принадлежащую Абидосу, а не Сестосу. Возможно, существовала абиденская ассоциация, которая сейчас пользуется влиянием в Сестосе; по крайней мере, нам говорят, что революция, лишившая афинян Сестоса, была частично совершена изгнанниками, переправившимися из Абидоса; что-то вроде отношений между Аргосом и Коринфом в годы, непосредственно предшествовавшие Анталкидскому миру.

[828] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 678, p. 205, 206; p. 680. s. 211, 212. Прибытие Хареса в Геллеспонт отмечено Демосфеном как непосредственно следующее за экспедицией Афин по изгнанию фиванцев из Эвбеи, которая состоялась около середины 358 года до н.э.

[829] Мы видим, что Сестос должен был быть сдан по этому случаю, хотя Диодор описывает его как завоеванный Харесом через пять лет после этого, в 353 году до н.э. (Diod. xvi, 34). Из всего ораторского искусства Демосфена следует, что Харидем действительно сдал Херсонес в это время. Если бы он все еще отказывался сдать Сестос, оратор не преминул бы решительно настаивать на этом факте. Кроме того, Демосфен говорит, сравнивая поведение Филиппа по отношению к олинфянам с поведением Керсоблепта по отношению к Афинам: ἐκεῖνος ἐκείνοις Ποτίδαιαν οὐχὶ τηνικαῦτ' ἀπέδωκεν, ἥνικ' ἀποστρεῖν οὐκέθ' οἶός τ' ἦν, ὥσπερ ὑμῖν Κερσοβλέπτης Χερρόνησον (p. 656. s. 128). Здесь ясно говорится о том, что Херсонес был *возвращен* Афинам Керсоблептом, хотя и неохотно и с опозданием. Сестос должен был быть отдан вместе с ним, как главный и самый ценный пост по всем показателям. Если правда (как утверждает Диодор), что Харес в 353 году до н. э. взял Сестос в осаду, перебил жителей военного возраста, а остальных обратил в рабство, то мы должны предположить, что город снова восстал между 358 и 353 годами до н. э., то есть во время Социальной войны; что весьма вероятно. Но в утверждении Диодора есть много такого, чего я не могу понять; он говорит, что Керсоблепты в 353 году до н. э. из-за своей ненависти к Филиппу сдали Афинам все города Херсонеса, кроме Кардии. Это уже было сделано в 358 году до н. э., причем без всякой ссылки на Филиппа; и если после сдачи Херсонеса в 358 году до н. э. Керсоблепт вновь завоевал его, чтобы в начале 353 года до н. э. он снова оказался в его владении, то кажется необъяснимым, что Демосфен ничего не говорит об этом завоевании в своей оратории против Аристократа, где он пытается выставить все возможные аргументы против Керсоблепта.

[830] Demosth. cont. Aristokrat. p. 681, s. 216.

[831] Demosth. cont. Aristokrat. p. 623, s. 8; p. 654, s. 121. Хронология этих событий, приведенная Реданцем (Vitæ Iphicratis, Chabriæ, etc. p. 147), кажется мне почти правильной, несмотря на сильное возражение, высказанное против нее Вебером (Prolegg. ad Demosth. cont. Aristokrat. p. lxxiii.) - и более точной, чем хронология Бёнеке, Forschungen, p. 727, который помещает выход Кифисодота в качестве генерала в Херсонес в 358 году до н. э., что, как мне кажется, на целый год позже. Реданц не допускает, как мне кажется, определенного интервала между Кифисодотом и десятью посланниками, в течение которого Афинодор действовал от имени Афин.

[832] Demosthen. cont. Polyklem, p. 1212, s. 26.

[833] Демосфен. Филиппики. I, p. 41, s. 6. εἶχομέν ποτε ἡμεῖς, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, Πύδναν καὶ Ποτίδαιαν καὶ Μεθώνην καὶ πάντα τὸν τόπον τοῦτον οἰκεῖον κύκλῳ, etc.

[834] Я не упомянул об экспедиции на Эвбею (с помощью которой Афины изгнали фиванских захватчиков с этого острова), хотя она произошла примерно в то же время, что и восстановление Херсонеса.

Об этой экспедиции будет более уместно рассказать в следующем томе. Но возвращение Херсонеса стало завершающим событием в череде событий, продолжавшихся в течение четырех лет, так что я вряд ли мог оставить эту череду незаконченной.

[835] Thucyd. vii, 50-58.

[836] Лисий, Orat. xx, (pro Polystrato) s. 26, 27.

[837] Фукид. vii, 48, 49.

[838] Дiodор. xiii, 34.

[839] Фукид. viii, 2; ср. vii, 55.

[840] Thucyd. vii, 33-57; Dionysius Halikarn. Judic. de Lysiâ, p. 453.

[841] Thucyd. viii, 26, 35, 91.

[842] Фукид. viii, 29, 45, 78, 84.

[843] Thucyd. viii, 84.

[844] Thucyd. viii, 85.

[845] Thucyd. viii, 105; Xen. Hellen. i, 1, 7.

[846] Xen. Hellen. i, 1, 19.

[847] Xen. Hellen. i, 1, 23-26.

[848] Xen. Hellen. i, 1, 23. "Εῖς τὰ καλά. Μίνδαρος ἀπεσσοῦα- πεινῶντι τῶνδρες- ἀπορέομες τί χρὴ δρᾶν.

[849] Xen. Hellen. i, 1, 27.

[850] Xen. Hellen. i, 1, 27-31.

[851] Thucyd. viii, 85.

[852] Xen. Hellen. i, 1, 31; Diodor. xiii, 63.

[853] Thucyd. vii, 55.

[854] Diodor. xiii, 33-35.

[855] Сравните Diodor. xiii, 75 - об изгнании Диоклеса.

[856] Аристотель. Politic. v, 3, 6. Καὶ ἐν Συρακούσαις ὁ δῆμος, αἴτιος γενόμενος τῆς νίκης τοῦ πολέμου τοῦ πρὸς Ἀθηναίους, ἐκ πολιτείας εἰς δημοκρατίαν μετέβαλε.

v, 4, 4, 5. Καὶ Διονύσιος κατηγορῶν Δαφναίου καὶ τῶν πλουσίων ἡξιώθη τῆς τυραννίδος, διὰ τὴν ἔχθραν πιστευθεὶς ὡς δημοτικὸς ὢν.

[857] Diodor. xiii, 56.

[858] Thucyd. vi, 34. Речь Гермократа к своим соотечественникам в Сиракузах -δοκεῖ δέ μοι καὶ ἐς Καρχηδόνα ἄμεινον εἶναι πέμψαι. Οὐ γὰρ ἀνέλπιστον αὐτοῖς, ἀλλ' αἰεὶ διὰ φόβου εἰσὶ μὴ ποτε Ἀθηναῖοι αὐτοῖς ἐπὶ τὴν πόλιν ἔλθωσιν, etc.

[859] Polybius, iii, 22, 23, 24.

Он приводит три отдельных договора (полностью или частично) между карфагенянами и римлянами. Самый поздний из них относится к временам Пирра, около 278 г. до н. э.; самый ранний - к 508 г. до н. э. Промежуточный договор не отмечен какими-либо конкретными свидетельствами, но я не вижу оснований полагать, что он относится к 345 г. до н. э., то есть к дате, которую ему приписывает Казобон, отождествляя его с договором, о котором

упоминает Ливий, vii, 27. Я не могу не думать, что он, скорее всего, более ранний, где-то между 480-410 гг. до н. э. Этот второй договор гораздо более ограничительный, чем первый, по отношению к римлянам; ведь он запрещает им всякую торговлю с Сардинией или Африкой, кроме самого Карфагена; первый договор разрешал такую торговлю при определенных ограничениях и условиях. Второй договор доказывает сравнительное превосходство Карфагена над Римом, что, скорее, относится ко второй половине V века до н. э., чем к второй половине IV.

[860] Страбон, xvii, p. 832, 833; Ливий, Эпитома, lib. 51.

Страбон называет окружность в триста шестьдесят стадий, а ширину перешейка - в шестьдесят стадий. Но Барт отмечает, что это сильно преувеличено (*Wanderungen auf der Küste des Mittelmeers*, p. 85).

[861] Аппиан. *Reb. Punic*, viii, 75.

[862] Strabo, *ut sup.*

[863] Это мнение Моверса, поддержанное с большой долей правдоподобия, в его научном и поучительном труде-*Geschichte der Phœnizier*, vol. ii, part ii, p. 435-455. См. Диодор, xx, 55.

[864] Ливий, xxix, 25. Сравните последнюю главу истории Геродота.

[865] Диодор, xx, 17; Аппиан, viii, 3, 68.

[866] Полковник Лик замечает по поводу современных греков, которые работают на равнинах Турции на землях турецких владельцев: "Гелоты, похоже, были похожи на греков, которые работают на турецких фермах *на равнинах* Турции и обязаны отчитываться перед своими хозяевами за половину продукции земли, как Тиртеус говорит о мессенцах своего времени.

Ὡσπερ ὄνοι μεγάλοις ἄχθεσι τειρόμενοι

Δεσποῦνοισι φέροντες, ἀναγκαίης ὑπὸ λυγρῆς,

Ἥμισι πᾶν, ὅσσον κάρπον ἄρουρα φέροι.

(Tyrtaeus, *Frag.* 5, ed. Schneid.).

Состояние греков в горных районах не такое тяжелое" (Leake, *Peloponnesiaca*, p. 168).

[867] Полибий, i, 72; Ливий, xxxiv, 62.

Моверс (*Geschichte der Phœnizier*, ii, 2, p. 455) относит эту большую сумму к Лептис Магна; но отрывок Ливия может относиться только к Лептис Парва, в области под названием Эмпория.

Лептис Магна находилась на гораздо большем расстоянии от Карфагена, возле Большого Сиртиса.

Доктор Барт (*Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelländischen Meers*, p. 81-146) недавно провел ценное исследование места Карфагена и соседних областей. На его карте, однако, территория под названием Эмпория отмечена у Малого Сиртиса, в двухстах милях от Карфагена (Плиний, Н. Н. v, 3). Однако кажется несомненным, что название Эмпория должно было включать территорию к югу от Карфагена и приближаться к городу; ведь Сципион Африканский, отправляясь в экспедицию из Сицилии, приказал своим лоцманам взять курс на Эмпорию. Он намеревался высадиться совсем рядом с Карфагеном; и он действительно высадился на Белом мысу, недалеко от этого города, но на северной стороне, и все же ближе

к Утике. Эта область к северу от Карфагена, вероятно, не была включена в название Эмпория (Livy, xxix, 25-27).

[868] Аристотель. Politic. ii, 8, 9; vi, 3, 5.

[869] Аппиан, viii, 32, 54, 59; Флегон, Trall. de Mirabilibus, с. 18. Εὔμαχος δὲ φησιν ἐν Περιγήσει, Καρχηδονίους περὶ ταφρεύοντας τὴν ἰδίαν ἐπαρχίαν, εὗρεῖν ὀρύσσοντας δύο σκελετοὺς ἐν σόρῳ κειμένων, etc.

Однако линия траншеи была прорыта, по-видимому, на ранней стадии карфагенского владычества; ибо впоследствии карфагеняне, по мере роста их могущества, расширяли свои владения за пределы траншеи, как мы видим из вышеупомянутых отрывков Аппиана.

Моверс (Gesch. der Phoeniz. ii, 2, p. 457) отождествляет эту траншею с той, которую Плиний называет близ Тетэ на Малом Сиртисе, как вырытую по приказу второго Африкана для установления границы между римской провинцией Африка и владениями местных царей (Pliny, H. N. v, 3). Но я сильно сомневаюсь в такой идентичности. Мне кажется, что последняя отличается от карфагенской траншеи.

[870] Карфагенский гражданин носил столько колец, сколько кампаний он отслужил (Aristotel. Politic. vii, 2, 6).

[871] Диодор. xx, 10.

[872] Аппиан, viii, 80. Двадцать тысяч паноплий вместе с огромным запасом оружия и осадных машин были преданы коварным маневрам римлян за некоторое время до последней осады Карфагена.

См. Bötticher, Geschichte der Carthager, p. 20-25.

[873] Diodor. xvi, 8.

[874] См. поразительное описание в Ливии пестрого состава карфагенских наемных армий, где он выражает справедливое восхищение гением Ганнибала за то, что тот всегда сохранял над ними свое превосходство и держал их в повиновении и согласии (Livy, xxviii, 12). Сравните Полибий, i, 65-67, и то, как Имилкон бросил своих наемников на растерзание в Сиракузах (Diodor. xiv, 75-77).

[875] В Гадесе и других финикийских колониях было по два суффета (Livy, xxviii, 37). Корнелий Непос (Ганнибал, с. 7) говорит о Ганнибале как о *царе* (rex), который стал им в двадцать два года, когда ему было поручено великое иностранное военное командование. Так же Диодор (xiv, 54) говорит об Имильконе, а Геродот (vii, 166) - о Гамилькаре.

[876] См. Movers, Die Phönizier, ii, 1, p. 483-499.

[877] Полибий, x, 18; Ливий, xxx, 16.

В другом месте Полибий говорит о Геронтионе в Карфагене как о представителе аристократического сословия, противопоставляя его πλῆθος или народу (vi, 51). Похоже, что под Γερόντιον он должен понимать то же самое, что и собрание, названное в другом отрывке (x, 18) Σύγκλητος.

[878] Аристотель. Politic. ii, 8, 2.

[879] Ливий, xxxiii, 46. Юстин (xix, 2) упоминает сто избранных сенаторов, назначенных судьями.

[880] Хеерен (Ideen über den Verkehr der Alten Welt, part ii, p. 138, 3rd edit.) и Клюге (в своей диссертации *Aristoteles de Politiâ Carthaginiensium*, Wratisl. 1824) с успехом обсудили все эти отрывки. Но их материалы не позволяют им достичь какой-либо определенности.

[881] Valerius Max. ix, 5, 4. "Insolentiæ inter Carthaginiensem et Campanum senatum quasi æmulatio fuit. Ille enim separato à plebe balneo lavabatur, hic diverso foro utebatur."

[882] Diodor. xx, 10; xxiii, 9; Valer. Max. ii, 7, 1.

[883] Aristotel Politic. iii, 5, 6.

Эти банкеты должны были быть постоянными, ежедневными, а также многочисленными, чтобы дать хотя бы видимое основание для сравнения, которое Аристотель проводит со спартанским общественным столом. Но даже если допустить аналогию по этим внешним признакам, внутренняя разница в характере и целях между ними должна была быть столь велика, что сравнение кажется неудачным.

Ливий (xxxiv, 61) говорит о *circuli et convivii* в Карфагене; но это, вероятно, общее выражение, без конкретной ссылки на общественные банкеты, упомянутые Аристотелем.

[884] Аристотель. Polit. ii, 8, 3.

[885] Aristot. Polit. ii, 8, 1. Он кратко упоминает о неудачном заговоре Ганнона (v, 6, 2), который также упоминается у Юстина (xxi, 4). Ганнон, как говорят, разработал план, как предать смерти сенат и сделать себя деспотом. Но он был обнаружен и казнен под жесточайшими пытками; вместе с ним была предана смерти и вся его семья.

Высказывания Аристотеля о карфагенском правительстве не только очень трудно разобрать, но некоторые из них даже противоречат друг другу. На одно из них (v, 10, 3) обратил внимание мсье Бартеlemi Сент-Илер, который предлагает читать ἐν Χαλκηδόνι вместо ἐν Καρχηδόνι. В другом месте (v, 10, 4) Аристотель называет Карфаген (ἐν Καρχηδόνι δημοκρατουμένῃ) государством с демократическим правлением; что невозможно согласовать с тем, что он говорит в ii, 8, относительно его правительства.

Аристотель сравнивает Совет ста четырех в Карфагене со спартанскими эфорами. Но нелегко понять, как столь многочисленный орган мог выполнять бесконечное разнообразие административных и других дел, которые выполняли пять эфоров.

[886] Юстин. xix, 1.

[887] Диодор. xiii.

[888] Юстин, xix, 2.

[889] Диодор. xii, 82.

Кажется вероятным, что война, о которой Диодор упоминает, что она произошла в 452 году до н. э. между эгестейцами и лилибейцами, на самом деле была войной между Эгестом и Селином (см. Diodor, xi, 86 с примечанием Весселинга). Лилибеум как город приобрел значение только после взятия Мотике старшим Дионисием в 393 г. до н.э.

[890] Диодор. xiii, 43.

[891] Диодор. xiii, 43.

[892] Diodor. xiii, 43. Κατέστησαν στρατηγὸν τὸν Ἀννίβαν, κατὰ νόμους τότε βασιλεύοντα. Οὗτος δὲ ἦν υἱὸς μὲν τοῦ πρὸς Γέλωνα πολεμήσαντος Ἀμίλκου, καὶ πρὸς Ἰμέρα τελευτήσαντος, υἱὸς δὲ Γέσκωνος, ὃς διὰ τὴν τοῦ πατρὸς ἦτταν ἐφυγαδεύθη, καὶ κατεβίωσεν ἐν τῇ Σελινοῦντι. Ὁ δ' οὖν Ἀννίβας, ὢν μὲν καὶ φύσει *μισέλλην*, ὅμως δὲ τὰς τῶν προγόνων ἀτιμίας διορθώσασθαι βουλόμενος, и т. д.

Изгнание Гискона, да еще на всю его жизнь, заслуживает внимания, как точка сравнения между греческими республиками и Карфагеном. В Греции побежденный генерал, если он пережил свое поражение, нередко изгонялся даже в тех случаях, когда не было ни доказательств, ни вероятности того, что он был виновен в проступке, или ошибке, или упущении. Но я не помню случая, чтобы греческий полководец, очевидно невиновный, был не только побежден, но и убит в битве, а его сын был изгнан на всю жизнь, как Гискон был изгнан карфагенянами. Для оценки того, как греческие государства, как демократические, так и олигархические, обращались со своими офицерами, современная Карфагенская республика является одним из важных стандартов для сравнения. Тем, кто порицает греков, придется найти более сильные выражения для осуждения, когда они будут рассматривать дела карфагенян.

[893] Диодор. xiii, 43, 44.

[894] Диодор. xiii, 44.

[895] Диодор. xiii, 59.

[896] Диодор. xiii, 55; xi, 21.

[897] Диодор. xiii, 54-58. οἱ τοῖς Καρχηδονίοις Ἑλληνες *συμμαχοῦντες* и т. д.

Поэтому не может быть точным утверждение Плутарха, Timoleon, с. 30, что карфагеняне никогда не брали греков на службу во время битвы при Кримесе - 340 г. до н. э.

[898] Thucyd. vi, 34. δυνατοὶ δὲ εἰσι (карфагеняне) μάλιστα τῶν νῦν, βουλευθέντες- χρυσὸν γὰρ καὶ ἄργυρον πλείστον κέκτηνται, ὅθεν ὃ τε πόλεμος καὶ τᾶλλα εὐπορεῖ.

[899] Diodor. xiii, 54, 55.

[900] Diodor. xiii, 56, 57.

[901] Диодор. xiii, 57.

[902] Диодор. xiii, 57, 58.

[903] Диодор. xiii, 59. Ὁ δὲ Ἀννίβας ἀπεκρίθη, τοὺς μὲν Σελινουντίους μὴ δυναμένους τηρεῖν τὴν ἐλευθερίαν, πεῖραν τῆς δουλείας λήψεσθαι- τοὺς δὲ θεοὺς ἐκτὸς Σελινοῦντος οἴχεσθαι, προσκόψαντας τοῖς ἐνοικοῦσιν.

[904] Diodor. xiii, 59. Сохранившиеся руины древних храмов Селина огромны и внушительны; они характерны как образцы дорического искусства в пятом и шестом веках до н. э. Из-за огромного размера упавших колонн предполагалось, что они были разрушены землетрясением. Но руины дают четкое доказательство того, что эти колонны были сначала подорваны, а затем низвергнуты ломами.

Об этом впечатляющем факте, свидетельствующем о деятельности карфагенских разрушителей, пишет Нибур, *Vorträge über alte Geschichte*, vol. iii. p. 207.

[905] Diodor. xiii, 60.

[906] Diodor. xiii, 61, 62.

[907] Diodor. xiii, 62. Τῶν δ' αἰχμαλώτων γυναικάς τε καὶ παῖδας διαδοὺς εἰς τὸ στρατόπεδον παρεφύλαττε- τῶν δ' ἀνδρῶν τοὺς ἀλόντας, εἰς τρισχιλίους ὄντας, παρήγαγεν ἐπὶ τὸν τόπον, ἐν ᾧ πρότερον Ἀμίλκας ὁ πάππος αὐτοῦ ὑπὸ Γέλωνος ἀνιρέθη, καὶ πάντας αἰκισάμενος κατέσφαξε.

Карфагеняне после победы над Агафоклом в 307 г. до н. э. принесли в жертву богам самых лучших пленников в знак благодарности (Diodor. xx, 65.).

[908] Диодор. xiii, 79.

[909] Ксеноф. *Hellen.* i, 1, 37.

[910] Геродот. vi, 28.

[911] Диодор. xiii, 62-80.

[912] Диодор. xiii, 62.

[913] Ксеноф. *Hellen.* i, 1, 28. Οἱ δ' οὐκ ἔφασαν δεῖν στασιάζειν πρὸς τὴν ἑαυτῶν πόλιν и др.

[914] Xenoph. *Hellen.* i, 1, 31; Diodor. xiii, 63.

[915] Diodor. xiii, 63.

[916] Diodor. xiii, 63, 75.

[917] Diodor. xiii, 75. Καὶ ὁ μὲν Διοκλῆς ἐφυγαδεύθη, τὸν δὲ Ἑρμοκράτην οὐδ' ὥς προσεδέξαντο- ὑπώπτειον γὰρ τὴν τάνδρὸς τόλμαν, μή ποτε τυχὼν ἡγεμονίας, ἀναδείξῃ ἑαυτὸν τύραννον.

[918] Diodor. xiii, 75. Ὁ μὲν οὖν Ἑρμοκράτης τότε τὸν καιρὸν οὐχ ὀρῶν εὖθετον εἰς τὸ βιάσασθαι, πάλιν ἀνεχώρησεν εἰς Σελινοῦντα. Μετὰ δὲ τινα χρόνον, τῶν φίλων αὐτὸν μεταπεμπομένων, ὥρμησε μετὰ τρισχιλίων στρατιωτῶν, καὶ πορευθεὶς διὰ τῆς Γελώας, ἦκε νυκτὸς ἐπὶ τὸν συντεταγμένον τόπον.

[919] Ксеноф. *Hellen.* iv, 4, 8.

[920] Diodor. xiii, 75.

Ксенофонт (*Hellen.* i, 3, 13) сообщает, что Гермократ, ἤδη φεύγων ἐκ Συρακουσῶν, был среди тех, кто сопровождал Фарнабаза вместе с посланниками, намеревавшимися отправиться в Сузы, но дошедшими только до Гордия во Фригии, и задержанными Фарнабазом (по требованию Кира) на три года. Это должно быть в 407 году до н. э. Теперь я не могу согласовать это с действиями Гермократа, описанными Диодором; его приход в сицилийскую Мессену, его подвиги у Селина, его различные попытки добиться восстановления Сиракуз: все это должно было произойти в 408-407 годах до н. э., закончившись смертью Гермократа.

Мне кажется невозможным, чтобы человек, упомянутый Ксенофонтom как сопровождающий Фарнабаза во внутренние районы, был выдающимся Гермократом. Был ли это другой человек с тем же именем, или Ксенофонт был полностью дезинформирован, я не берусь

определить. На самом деле было два современных сиракузянина, носивших это имя, поскольку отец Дионисия-деспота носил имя Гермократ.

Полибий (xii, 25) утверждает, что Гермократ сражался с лакедемонянами при Игоспотаме. Он имеет в виду так называемого выдающегося полководца, который, однако, не мог находиться в Игоспотаме летом или осенью 405 года до н. э. В утверждении Полибия есть какая-то ошибка, но я не знаю, как ее объяснить.

[921] Диодор. xiii, 96; xiv, 66.

Isokrates, Or. v, Philipp. s. 73-Dionysius, πολλοστὸς ὢν Συρακοσίων καὶ τῷ γένει καὶ τῇ δόξῃ καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, etc.

Demosthenes, adv. Leptinem, p. 506, s. 178. γραμματέως, ὥς φασι и т. д. Полибий (xv, 35), ἐκ δημοτικῆς καὶ ταπεινῆς ὑποθέσεως ὀρμηθεὶς и т. д. Сравните Polyænus, v, 2, 2.

[922] Ксеноф. Hellen. ii, 2, 24. Διονύσιος ὁ Ἑρμοκράτους. Diodor. xiii, 91.

[923] Диодор. xiii, 75.

[924] Диодор. xiii, 79.

[925] Diodor. xiii, 80; Xenoph. Hellen. i, 5, 21.

[926] Диодор. xiii, 81-84.

[927] Диоген. Laert. viii, 63.

[928] Диодор. xiii, 81-84; Полибий. ix, 7.

[929] Диодор. xi, 25.

[930] Вергилий, Энеида. iii, 704.

[931] Диодор. xiii, 85.

[932] См. о топографии Агригентума: Зейферт, Акрагас, стр. 21, 23, 40 (Гамбург, 1845).

Современный город Гирдженти стоит на одном из холмов этого обширного массива, который покрыт массой развалин, и вокруг которого отчетливо видны следы старых стен, со значительными остатками их в некоторых частях.

Сравните Полибий, i, 18; ix, 27.

Пиндар называет город ποταμίᾳ τ' Ἀκράγαντι-Pyth. vi, 6: ἱερὸν οἴκημα ποταμοῦ-Olymp. ii, 10.

[933] Diodor. xiii, 85.

У Полиэна мы читаем о стратагеме (v, 10, 4), с помощью которой Имилкон, как говорят, во время одной из своих вылазок заманил агригентинцев в неосторожное преследование, имитируя бегство, и таким образом нанес им серьезное поражение.

[934] Диодор. xiii, 86.

[935] Диодор. xiii, 87.

Оказывается, возвышенность, расположенная немного восточнее Агригентума, до сих пор носит название *Il Campo Cartaginese*, что позволяет предположить, что когда-то она была

занята карфагенянами. Очевидно, войска, посланные Имильканом для встречи и отражения Дафнея, должны были занять позиции к востоку от Агригентума, с той стороны, откуда приближалась сиракузская армия помощи. Сейферт (Akragas, p. 41) оспаривает эту точку зрения и полагает, что они должны были находиться на западной стороне; его вводит в заблуждение аналогия с римской осадой в 262 г. до н. э., когда карфагенская армия под командованием Ганнона подошла с запада - из Ираклея (Polyb. i, 19).

[936] Diodor. xiii, 87.

Молодость Аргея в сочетании с тем фактом, что он занимал высокий пост, заставляет нас скорее предположить, что он был знатного происхождения: сравните Thucyd. vi, 38, - речь Афинагора.

[937] Через шестьдесят пять лет после этого в описании войны Тимолеона с карфагенянами вновь упоминается об изобилии золотых и серебряных кубков для питья и богатых личных украшений, которые карфагеняне брали с собой на военную службу (Diodor. xvi, 81; Plutarch, Timoleon, c. 28, 29).

В более поздние времена упоминается отборная карфагенская дружина, состоявшая из двух тысяч пятисот человек, отличавшихся храбростью и занимавших видное положение в городе (Diodor. xvi, 80; xx, 10).

[938] Диодор. xiii, 88.

[939] Диодор. xiii, 89, 90.

[940] Диодор. xiii, 91.

[941] Диодор. xiii, 88.

Ксенофонт подтверждает слова Диодора о том, что Агригентум был захвачен голодом (Hellen. i, 5, 21; ii, 2, 24).

[942] Diodor. xiii, 91.

[943] Demosthenes de Coronâ, p. 286, s. 220.

Это сравнение приводит М. Брюне де Пресль в своем ценном историческом труде (Recherches sur les Etablissements des Grecs en Sicile, Part ii, s. 39, p. 219).

[944] Аристотель. Politic. v, 5, 6. Γίνονται δὲ μεταβολαὶ τῆς ὀλιγαρχίας, καὶ ὅταν ἀναλώσωσι τὰ ἴδια, ζῶντες ἀσελγῶς- καὶ γὰρ οἱ τοιοῦτοι καinovομεῖν ζητοῦσι, καὶ ἢ τυραννίδι ἐπιτίθενται αὐτοὶ, ἢ κατασκευάζουσιν ἕτερον- ὥσπερ Ἱππαρχίδης Διονύσιον ἐν Συρακούσαις.

Гиппаринус был отцом Диона, о котором подробнее будет сказано далее.

Платон, горячо сочувствуя Диону, приписывает Гиппарину большее равенство в ранге и значении со старшим Дионисием, чем оправдывают последующие факты (Plato, Epistol. viii. p. 353 A.; p. 355 F.).

[945] Diodor. xiii, 91. Ἀπορουμένων δὲ πάντων παρελθὼν Διονύσιος ὁ Ἑρμοκράτους, τῶν μὲν στρατηγῶν κατηγορήσεν, ὡς προδιδόντων τὰ πράγματα τοῖς Καρχηδονίοις- τὰ δὲ πλήθη παρώξυνε πρὸς τὴν αὐτῶν τιμωρίαν, παρακαλῶν μὴ περιμεῖναι τὸν κατὰ τοὺς νόμους κλῆρον, ἀλλ' ἐκ χειρὸς εὐθέως ἐπιθεῖναι τὴν δίκην.

[946] Diodor. xiii, 91. Τῶν δ' ἀρχόντων ζημιούντων τὸν Διονύσιον κατὰ τοὺς νόμους, ὡς θορυβοῦντα, Φίλιστος, ὁ τὰς ἱστορίας ὕστερον συγγράψας, οὐσίαν ἔχων μεγάλην, etc.

В описании Фукидидом (vi, 32-39) дебатов в сиракузском собрании (до прибытия афинской экспедиции), в которых участвуют Гермократ и Афинагор, мы видим, что магистраты вмешиваются, чтобы предотвратить продолжение дебатов, которые стали очень личными и острыми; хотя в них не было ничего жестокого, ни призывов к личному насилию или нарушению закона.

[947] Диодор. xiii, 91.

[948] Платон, Эпистола. viii, p. 354. Οἱ γὰρ πρὸ Διονυσίου καὶ Ἰππαρίνου ἀρξάντων Σικελιῶται τότε ὡς ᾤοντο εὐδαιμόνως ἔζων, τρυφῶντές τε καὶ ἅμα ἀρχόντων ἄρχοντες- οἱ καὶ τοῦς δέκα στρατηγοὺς κατέλευσαν βάλλοντες τοὺς πρὸ Διονυσίου, κατὰ νόμον οὐδένα κρίναντες, ἵνα δὴ δουλεύοιεν μηδένι μήτε σὺν δίκῃ μήτε νόμῳ δεσπότη, ἐλεύθεροι δ' εἶεν πάντῃ πάντως- ὅθεν αἱ τυραννίδες ἐγένοντο αὐτοῖς.

Diodor. xiii, 92. παραυτίκα τοῦς μὲν ἔλυσε τῆς ἀρχῆς, ἐτέρους δὲ εἴλετο στρατηγοὺς, ἐν οἷς καὶ τὸν Διονύσιον. Через некоторое время после этого Диодор упоминает, что Дионисий обвинил перед общественным собранием и предал смерти Дафнея и Демарха (xiii, 96); теперь Дафней был одним из генералов (xiii, 86-88).

Если предположить, что все произошло так, как утверждает Платон, то нелегко объяснить, как нечто столь впечатляющее и внушающее ужас трансформировалось в более банальное утверждение Диодора, Эфора, Феопомпа, Гермеи, Тимеи или Филиста, у одного из которых, вероятно, и было заимствовано его повествование.

Но если допустить, что Диодор прав, то можно легко объяснить ошибочное мнение Платона. За очень короткое время до этой сцены в Сиракузах аналогичные обстоятельства действительно произошли в Агригентуме. Собравшиеся агригентинцы, разгневавшись на своих генералов за то, что они считали слабостью или вероломством в недавней битве с карфагенянами, побили камнями четырех из них на месте, а пятого пощадили только из-за его молодости (Diodor. xiii, 87).

Я не могу не думать, что Платон спутал в своей памяти сцену и действия в Сиракузах с другими событиями, так недавно предшествовавшими им в Агригентуме. Его письмо (из которого взята приведенная выше цитата) было написано в преклонном возрасте - через пятьдесят лет после события.

Это одна из неточностей, которая может быть приведена в поддержку взглядов тех, кто отвергает письма Платона как подделку, хотя Аст и не замечает ее, просматривая письма *последовательно* и осуждая их не только как неплатоновские, но и как презренные сочинения. Внимательно изучив как сами письма, так и его рассуждения, я полностью не согласен с выводом Аста. Первое письмо, которое якобы исходит не от Платона, а от Диона, - единственное, против которого он, как мне кажется, привел веские доводы (см. Ast, Ueber Platon's Leben und Schriften, p. 504-530). В отношении остальных я не могу считать, что он показал достаточные основания для признания их поддельными, и поэтому я продолжаю считать их подлинными, следуя мнению Цицерона и Плутарха. Аст признает, что их подлинность не вызывала подозрений в древности, насколько нам известно. Не считая возникающую отсюда презумпцию неоспоримой, я думаю, что она должна быть опровергнута более вескими основаниями, чем те, на которых настаивает Аст.

Из общего числа тринадцати писем те, что относятся к Диону и Дионисию (отбросив первое письмо) - второе, третье, четвертое, седьмое, восьмое и тринадцатое, - наиболее насыщены ссылками на факты и деталями. Некоторые из них очень подробны. Если бы они были делом рук фальсификатора, справедливо было бы утверждать, что он вряд ли смог бы избежать более открытых противоречий, чем он это сделал, на основании неточностей и несоответствия предполагаемой ситуации. Я уже упомянул одну неточность, которую считаю *ошибкой* памяти, вполне объяснимой и простительной. Аст упоминает еще одну, чтобы опровергнуть подлинность восьмого письма, касающегося сына Диона. Платон в этом восьмом письме, говоря от имени умершего Диона, рекомендует сиракузянам назвать сына Диона одним из членов тройственной царской власти, наряду с Гиппаринном (сыном старшего Дионисия) и младшим Дионисием. Это (утверждает Аст, р. 523) не может быть правильным, поскольку сын Диона умер раньше своего отца. Чтобы аргумент Аста был полным, мы должны быть уверены, что у Диона был только *один* сын; Для этого, несомненно, существует свидетельство Плутарха, который после того, как сообщил, что сын Диона, почти взрослый юноша, бросился с крыши дома и погиб, продолжает, что Каллипп, политический враг Диона, основал на этом несчастье ложный слух, который он распространил, - ὥς ὁ Δίων ἄπαις γεγονώς ἔγνωνκε τὸν Διονυσίου καλεῖν Ἀπολλοκράτην καὶ ποιεῖσθαι διάδοχον (Plutarch, Dion. c. 55, 56: ср. также с. 21, - τοῦ παιδίου). Но поскольку слух был совершенно ложным, мы можем с уверенностью предположить, что Каллипп, воспользовавшись печально известным несчастным случаем, который только что оказался смертельным для старшего сына Диона, мог сфабриковать ложное заявление о семье Диона, хотя дома мог быть и младший мальчик. Нет уверенности в том, что число детей Диона было известно населению Сиракуз; да и сам Дион не находился в положении уверенного в себе царя, способного сразу же передать наследство еще не ставшему взрослым мальчику. И когда в другой главе "Жизни Диона" Плутарха (с. 31) мы видим, что сын Диона назывался у Тимея *Аретеом*, а у Тимонида *Гиппаринном*, это, конечно, дает основания предполагать, что сыновей *было двое*, а не один сын, названный двумя разными именами.

Поэтому я не могу признать, что Аст доказал неточность восьмого платоновского письма в отношении фактов. Добавлю, что в письме не упоминается *имя* сына Диона (хотя Аст утверждает, что он называет его *Гиппаринном*); и что в нем указаны *три* партнера в предложенном тройственном царствовании (хотя Аст утверждает, что в нем упоминаются только *два*).

Большинство аргументов Аста против подлинности писем, однако, основаны не на предполагаемых неточностях фактов, а на том, что он считает неуместным и подлым мышлением, детским вторжением в философию, неуместным мистицизмом и педантизмом, и т.д. В некоторых из его критических замечаний я с ним согласен, хотя далеко не во всех. Но я не могу принять их в качестве доказательств того, что он утверждает, - неправдоподобности писем. Мне представляется, что из его предпосылок следует правильный вывод: Платон писал письма, которые при проверке нашими канонами написания писем кажутся неуклюжими, педантичными и дурного вкуса. Дионисий Галикарнасский (De adm. vi dicend. in Demosth. p. 1025-1044), превознося восхитительную композицию диалогов Платона, не брезгует подвергнуть его неблагоприятной критике как автора речей, ссылаясь на речи в "Симпозиуме", а также на похоронную речь в "Менексене". Тем более не стоит бояться признать, что Платон не был изящным автором писем.

В том, что Платон испытывал живой интерес и даже был лично вовлечен в ссору между Дионисием II и Дионом, сомневаться не приходится. То, что он писал письма Дионисию по этому поводу, что он стремился сохранить влияние на него на всех основаниях, что он

проявлял возвышенное мнение о себе и своей собственной философии, совершенно естественно и правдоподобно. А если учесть характер и положение Дионисия, то трудно заранее установить какой-либо уверенный канон относительно эпистолярного тона, который Платон счел бы наиболее подходящим для обращения к нему.

[949] Плутарх, Дион. с. 3.

[950] Diodor. xiii, 93.

[951] Диодор. xiii, 93.

[952] Диодор. xiii, 94.

[953] Diodor. xiii, 95. Διαλυθείσης δὲ τῆς ἐκκλησίας, οὐκ ὀλίγοι τῶν Συρακουσίων κατηγοροῦν τῶν πραχθέντων, ὥσπερ οὐκ αὐτοὶ ταῦτα κεκυρωκότες· τοῖς γὰρ λογισμοῖς εἰς ἑαυτοὺς ἐρχόμενοι, τὴν ἐσομένην δυναστείαν ἀνεθεώρουν. Οὗτοι μὲν οὖν βεβαιῶσαι βουλόμενοι τὴν ἐλευθερίαν, ἔλαθον ἑαυτοὺς δεσπότην τῆς πατρίδος καθεστακότες. Ὁ δὲ Διονύσιος, τὴν μετένοιαν τῶν ὄχλων φθάσαι βουλόμενος, ἐπεζήτει δι' οὗ τρόπου δύναίτο φύλακας αἰτήσασθαι τοῦ σώματος· τούτου γὰρ συγχωρηθέντος, ῥαδίως ἤμελλε κυριεύσειν τῆς τυραννίδος.

[954] Diodor. xiii, 95. Αὐτὴ δ' ἡ πόλις (Leontini) τότε φρούριον ἦν τοῖς Συρακουσίοις, πλήρες ὕπαρχον φυγάδων καὶ ξένων ἀνθρώπων. Ἦλπιζε γὰρ τούτους συναγωνιστὰς ἔξειν, ἀνθρώπους δεομένους μεταβολῆς· τῶν δὲ Συρακουσίων τοὺς πλείστους οὐδ' ἤξειν εἰς Λεοντίους.

Многие из изгнанных агригентинцев поселились в Леонтины с разрешения сиракузян (Diodor. xiii, 89).

[955] Диодор. xiii, 95.

[956] Аристотель. Politic. iii, 10, 10. Καὶ Διονυσίῳ τις, ὅτ' ἦται τοὺς φύλακας, συνεβούλευε τοῖς Συρακουσίοις διδόναι τοσοῦτους τοὺς φύλακας· i. е. τοσαύτην τὴν ἴσхιν, ὥσθ' ἐκάστου μὲν καὶ ἑνὸς καὶ συμπλειόνων κρείττω, τοῦ δὲ πλήθους ἥττω, εἶναι.

[957] Diodor. xiv, 7. τοὺς ἡλευθερωμένους δούλους, etc.

[958] Diodor. xiii, 96.

[959] Diodor. 1, с.; Плутарх, Дион. с. 3.

[960] Xen. Hellen. ii, 2, 24. Ὁ ἐνιαυτὸς ἔληγεν, ἐν ᾧ μεσοῦντι Διονύσιος ἐτυράννησε и т. д.

Здесь имеется в виду олимпийский год, от середины лета до середины лета; так что средние месяцы его приходятся на первую четверть юлианского года.

Если мы сравним, однако, Xen. Hellen. i, 5, 21 и ii, 2, 24, то увидим, что оба указания времени не могут быть верными; ведь приобретение Дионисием деспотии последовало сразу же, и, как следствие, прямо привело к захвату Агригентума карфагенянами.

Мне кажется, что временные метки не совсем точны как в одном, так и в другом отрывке. Взятие Агригентума произошло в конце 406 г. до н. э.; приобретение Дионисием деспотии - в первые месяцы 405 г. до н. э., как их помещает Диодор. Оба события происходят в один и тот же олимпийский год, между серединой лета 406 г. до н. э. и серединой лета 405 г. до н. э. Но этот год как раз и приходится на период между двумя отрывками, упомянутыми выше у Ксенофонта; он не совпадает точно ни с одним, ни с другим. Сравните Dodwell, Chronolog. Xenoph. ad ann. 407 Г. ДО Н.Э.

[961] Diodor. xiii, 82, 96, 108. τὰς γλυφὰς καὶ τὰ περιπτοτέρως εἰργασμένα κατέσκαψεν, etc.

[962] Diodor. xiii, 109.

[963] Diodor. xiii, 109.

[964] Diodor. xiii, 111.

[965] Μὴ κινεῖ Καμάριναν, ἀκίνητόν περ ἑοῦσαν -.

"fatis nunquam concessa moveri

Apparet Camarina procul."-Virgil. *Æneid*, iii, 701.

[966] Diodor. xiii, 111. Οὐδεμία γὰρ ἦν παρ' αὐτοῖς φειδῶ τῶν ἀλικομένων, ἀλλ' ἀσυμπαθῶς τῶν ἡτυχηκότων οὐκ ἐν ἀνεσταύρουν, οἷς δ' ἀφορήτους ἐπῆγον ὕβρεις.

[967] Диодор. xiii, 112; xiv, 44. Плутарх, Дион. с. 3.

[968] Диодор. xiii, 112.

[969] Диодор. xiii, 113. παρῆν περὶ μέσας νύκτας πρὸς τὴν πύλην τῆς Ἀχραδινῆς ... εἰσήλαυνε διὰ τῆς Ἀχραδινῆς, etc.

[970] Diodor. xiii, 113. Сравните Xenoph. *Hellen*. i, 3, 5.

[971] Ксенофонт (*Hellen*. ii, 3, 5) утверждает, что "леонтинцы, совместно проживавшие в Сиракузах, восстали в своем городе от Дионисия и сиракузян".

Это переселение в Леонтины, по-видимому, является частью той же сделки, о которой упоминает Диодор (xiii, 113). Леонтины, признанный независимым в результате последовавшего вскоре мира, вскоре после этого снова упоминается как независимый (xiv, 14). Он был присоединен к Сиракузам еще до афинской осады.

[972] Diodor. xiii, 114. καὶ Συρακουσίους μὲν ὑπὸ Διονύσιον τετάχθαι, etc.

[973] Diodor. xiii, 114.

Диодор начинает эту главу словами: -Διόπερ ὑπὸ τῶν πραγμάτων ἀναγκαζόμενος ἰμῖλκων, ἔπεμψεν εἰς Συρακούσας κήρυκα, παρακαλῶν τοὺς ἡττημένους διαλύσασθαι. Ἀσμένως δ' ὑπακούσαντος τοῦ Διονυσίου, τὴν εἰρήνην ἐπὶ τοῖσδε ἔθεντο, и т. д.

Теперь нет ни малейшего факта, ни упомянутого, ни указанного ранее, к которому могло бы относиться слово διόπερ. Не упоминается ничего, кроме успеха карфагенян и катастрофы греков; отражение нападения Дионисия на карфагенский лагерь, его отступление и освобождение Гелы и Камарины, занятие Гелы карфагенянами, беспорядок, мятеж и частичное рассеяние армии Дионисия при ее отступлении, борьба в стенах Сиракуз. Во всем этом нет ничего, к чему могло бы относиться διόπερ. Но несколькими строками дальше, после уточнения условий мира, Диодор упоминает о страшной болезни (ὑπὸ τῆς νόσου), которая опустошила карфагенскую армию, как будто он уже говорил об этом.

У Нибура (*Vorträge über alte Geschichte*, vol. iii, p. 212, 213) я нахожу мнение, что здесь имеется пробел в Диодоре, "намеренно замаскированный в MSS. и до сих пор не замеченный ни одним редактором". Такой вывод кажется мне неизбежным. Нибур полагает, что в

утраченной части текста говорилось о том, что Имилкон прошел до Сиракуз, осадил это место, и там его настигла страшная моровая язва, о которой говорится в оставшейся части текста. Это также маловероятно, но я не осмеливаюсь утверждать это, поскольку мор мог начаться, когда Имилкон еще находился в Геле.

Нибур далее считает, что Дионисий проиграл битву при Геле из-за плохого полководческого мастерства, что он проиграл ее по умыслу, как подходящую для его политических проектов, и что по условиям последующего договора, он держал территорию вокруг Сиракуз только под карфагенским господством.

[974] Юстин, ххii, 2; Плутарх, Тимолеон, с. 2, 7, 9.

[975] Диодор. хiii, 114.

[976] Диодор. xiv, 10.

Ценная поддержка, оказанная Дионисию спартанцами, решительно осуждается Исократом, Orat. iv, (Panegyric.) s. 145; Orat. viii, (De Pace) s. 122.

[977] Платон, говоря о Дионисии и Гиппарине как о спасителях Сиракуз, не настаивает на их исключительной доблести и умении, а приписывает результат главным образом удаче и благосклонности богов (Plato, Epistol. viii, p. 353 B.; p. 355 F.).

Его письмо написано с целью рекомендовать компромисс в Сиракузах между партией свободы и потомками Дионисия и Гиппарины; таким образом, он пытается как можно лучше обосновать право обоих последних на благодарность сиракузян.

Он неохотно признает, насколько Дионисий Старший впоследствии злоупотребил доверием, оказанным ему сиракузянами (p. 353 C.).

[978] О том, что именно в таком положении находились укрепленные *городища* в Сиракузах, мы узнаем из Livy, ххiv, 21. Я думаю, мы можем предположить, что они были начаты в это время Дионисием, так как они являются естественной частью его плана.

[979] Диодор. xiv, 7.

Резиденция Дионисия в акрополе и помещения его наемников за акрополем, но все еще в пределах Ортыгии, отмечены в рассказе Платона о его визите к младшему Дионисию (Plato, Epistol. vii, p. 350; Epist. iii, p. 315).

[980] Diodor. xiv, 7. Τῆς δὲ χώρας τὴν μὲν ἀρίστην ἐξελόμενος ἐδωρήσατο τοῖς τε φίλοις καὶ τοῖς ἐφ' ἡγεμονίας τεταγμένοις- τὴν δ' ἄλλην ἐμέρισεν ἐπίσης ξένῳ τε καὶ πολίτῃ, συμπεριλαβὼν τῷ τῶν πολιτῶν ὀνόματι τοὺς ἡλευθερωμένους δούλους, οὓς ἐκάλει νεοπολίτας. Διέδωκε δὲ καὶ τὰς οἰκίας τοῖς ὄχλοις, πλὴν τῶν ἐν τῇ Νήσῳ- ταύτας δὲ τοῖς φίλοις καὶ τοῖς μισθοφόροις ἐδωρήσατο. Ἐπεὶ δὲ τὰ κατὰ τὴν τυραννίδα καλῶς ἐδόκει διωκῆναι и др.

[981] Diodor. xiv, 78.

Также после смерти старшего Дионисия Плутарх говорит о его военной силе как о βαρβάρων μυριάδων φυλακήν (Plutarch, Dion. с. 10). Эти выражения, однако, мало претендуют на числовую точность.

[982] Цицерон в Verrem, v. 32, 84; 38, 98.

[983] Аристотель. *Politic.* v, 9, 4. Καὶ ἡ εἰσφορὰ τῶν τελῶν (τυραννικόν ἐστι) ἐν πάντε γὰρ ἔτεσιν ἐπὶ Διονυσίου τὴν οὐσίαν ἅπασαν εἰσενηνοχέναι συνέβαινε.

[984] Диодор, xiv, 7.

[985] Диодор. xiv, 7. Сравните очень похожий случай в Мендеке во Фракии (*Thucyd.* iv, 130).

[986] Диодор. xiv, 8.

[987] Диодор. xiv, 10.

[988] Диодор. xiv, 8; xx, 78. Исократ, *Op.* vi, (Архидам), разд. 49.

Похоже, что историк Тимей приписывает это последнее замечание Филисту, а Диодор копирует Тимея в одном из упомянутых выше отрывков, но не в другом. Но сам Филист в своей истории утверждал, что это замечание было сделано другим человеком (Плутарх, Дион. с. 35).

Это изречение, по-видимому, было запомнено и процитировано много времени спустя в Сиракузах; но процитировано как произнесенное самим Дионисием, а не как адресованное ему (*Livy*, xxiv, 22).

Исократ, записывая это изречение, представляет его как произнесенное, когда карфагеняне с трудом осаждали Сиракузы; несомненно, имеется в виду осада или блокада, предпринятая Имильконом через семь лет после этого. Но я полагаю, что это заблуждение. Рассказ, похоже, больше подходит к более раннему случаю, названному Диодором.

[989] Геродот, v, 71; Фукидид, i, 112.

[990] Говорят, что кампанцы, направляясь в Сиракузы, проходили мимо Агириума и сдали свой багаж на хранение Агирису, деспоту этого города (*Diodor.* xiv, 9). Но если посмотреть на положение Агириума на карте, то трудно понять, как наемники, прибывшие с карфагенской территории и спешившие в Сиракузы, могли пройти в непосредственной близости от него.

[991] Диодор. xiv, 9.

[992] Диодор. xiv, 9. Последующие действия кампанцев оправдали его мудрость в их увольнении. Они отправились в Энтеллу (город в числе зависимых от Карфагена, в юго-западной части Сицилии, - Диодор, xiv, 48), где их радушно приняли и гостеприимно угостили жители. Ночью они напали на энтелланцев врасплох, предали их всех смерти, женились на их вдовах и дочерях и оставили город в своем владении.

[993] Диодор. xiv, 10. Ἀπέστειλαν (οἱ Λακεδαιμόνιοι) Ἄριστον, ἄνδρα τῶν ἐπιφανῶν, εἰς Συρακούσας, τῷ μὲν λόγῳ προοποιοῦμενοι καταλιπεῖν τὴν δυναστείαν, τῇ δ' ἀληθείᾳ σπεύδοντες αὐξῆσαι τὴν τυραννίδα- ἤλπιζον γὰρ συγκатаσκευάζοντες τὴν ἀρχὴν, ὑπήκοον ἔξειν τὸν Διονύσιον διὰ τὰς εὐεργεσίας. Ὁ δ' Ἄριστος καταπλεύσας εἰς Συρακούσας, καὶ τῷ τυράννῳ λάθρα περὶ τούτων διαλεχθεὶς, τοὺς τε Συρακοσίους ἀνασείων, Νικοτέλην τὸν Κορίνθιον ἀνέϊλεν, ἀφηγούμενον τῶν Συρακοσίων- τοὺς δὲ πιστεύσαντας προδοῦς, τὸν μὲν τύραννον ἰσχυρὸν κατέστησε, διὰ δὲ τῆς πράξεως ταύτης ἀσχημονεῖν ἐποίησεν αὐτὸν ἅμα καὶ τὴν πατρίδα. Сравните xiv, 70.

[994] Диодор. xiv, 10. Καὶ τὰ λοιπὰ παρεσκευάζετο πρὸς τὴν ἀσφάλειαν τῆς τυραννίδος, ὡς ἂν ἔργοις ἤδη πεῖραν εἰληφώς, ὅτι πᾶν ὑπομένουσιν οἱ Συρακοῦσιοι χάριν τοῦ μὴ δουλεύειν.

[995] Плутарх, Лисандр, с. 2.

[996] Diodor. xiv, 34.

[997] Diodor. xiv, 58.

[998] Диодор. xiv, 61.

[999] Диодор. xiv, 15.

[1000] Диодор. xiv, 16. Возможно, этот Архонид был сыном сикельского князя Архонида, который, приняв активное участие в качестве союзника Никиаса и афинских захватчиков против Сиракуз, умер незадолго до того, как Гилипп достиг Сицилии (Thucyd. vii, 1).

[1001] См. диссертацию Саверио Каваллари "Топография Сиракуз" (Геттинген, 1845), с. 22.

[1002] Более подробное изложение этих моментов см. в моем рассказе об осаде Сиракуз афинянами, т. VII, гл. lix, lx.

[1003] Thucyd. vi, 75.

[1004] Diodor. xiv, 18. λίθων τετραπόδων. Возможно, камни были кубами по четыре фута, но это не является очевидным.

[1005] Diodor. xiv, 18.

[1006] Diodor. xiv, 18. Καθόλου δὲ ἀποθέμενος τὸ τῆς ἀρχῆς βάρος, ἰδιώτην αὐτὸν ἀπεδείκνυε, etc.

Сравните кап. 45 и сар. 47-μισοῦντες τὸ βάρος τῆς τῶν Φοινίκων ἐπικρατείας и т. д.

[1007] По свидетельству Саверио Каваллари, архитектора, под руководством которого в 1839 году были проведены раскопки, в результате которых эти останки были впервые полностью раскрыты (Zur Topographie von Syrakus, p. 21).

[1008] Diodor. xiv, 45. Ἀπετίθετο γὰρ ἤδη τὸ πικρὸν τῆς τυραννίδος, καὶ μεταβαλλόμενος εἰς ἐπιείκειαν, φιανθρωπότερον ἦρχε τῶν ὑποτεταγμένων, οὔτε φονεύων, οὔτε φυγάδας ποιῶν, καθάπερ εἰώθει.

[1009] Diodor. xiv, 7.

[1010] Diodor. xiv, 45.

[1011] Thucyd. vi, 46.

[1012] Diodor. xiv, 40.

[1013] Diodor. xiv, 40.

[1014] Diodor. xiv, 44, 106, 107.

[1015] Диодор, когда он впервые упоминает ответ, не приводит это замечание как содержащееся в нем; хотя впоследствии он ссылается на него как *на сказанное*, что оно было (φασί) таким образом включено (xix, 44-107).

[1016] Aristot. Politic. v, 6, 7. "Ἐτι διὰ τὸ πάσας τὰς ἀριστοκρατικὰς πολιτείας ὀλιγαρχικὰς εἶναι, μᾶλλον πλεονεκτοῦσιν οἱ γνῶριμοι- οἷον καὶ ἐν Λακεδαίμονι εἰς ὀλίγους αἱ οὐσίαι ἔρχονται, καὶ ἔξεστι ποιεῖν ὅτι ἂν θέλωσι τοῖς γνωρίμοις μᾶλλον, καὶ κηδεύειν ὅτῳ θέλουσι. Διὸ καὶ ἡ Λοκρῶν πολιτεία ἀπώλετο ἐκ τῆς πρὸς Διονύσιον κηδείας- ὃ ἐν δημοκρατίᾳ οὐκ ἂν ἐγένετο, οὐδ' ἂν ἐν ἀριστοκρατίᾳ εὔμεμιγμένη.

[1017] Плутарх, Тимолеон, с. 6.

[1018] Диодор. xiv, 42, 43.

Историк Филист с большой подробностью описал эти военные приготовления Дионисия. Диодор, вероятно, сократил его (Philisti Fragment. xxxiv, ed. Marx and ed. Didot.).

[1019] Плутарх, Тимолеон, с. 13.

[1020] Thucyd. i, 13.

[1021] Thucyd. vii, 36-62.

[1022] Диодор. xiv, 42.

[1023] Diodor. xiv, 41. Συμπροθυμουμένων δὲ τῶν Συρακουσίων τῇ τοῦ Διονυσίου προαιρέσει, πολλὴν συνέβαινε γενέσθαι τὴν φιλοτιμίαν περὶ τὴν τῶν ὅπλων κατασκευήν.

[1024] Diodor. xiv, 43, 44, 45.

[1025] Диодор. xiv, 41.

[1026] Диодор. xiv, 44; xvi, 6.

[1027] Плутарх, Дион. с. 3.

[1028] Цицерон, Tusc. Disp. v, 20, 57-63; Valer. Maxim. ix, 13; Diodor. xiv, 2.

[1029] Диодор. xiv, 45.

[1030] Diodor. xiv, 41.

[1031] Диодор. xiv, 46.

В Карфагене также проживали греки, и, судя по всему, греки, имевшие определенное значение, и, похоже, они продолжали жить там на протяжении всей войны между карфагенянами и Дионисием (Diodor. xiv, 77). Из того, что они продолжали там жить, мы должны сделать вывод, что карфагеняне не мстили им за грабеж, разрешенный Дионисием против их соотечественников, проживавших в Сиракузах; кроме того, это дает дополнительную вероятность того, что число карфагенян, фактически разграбленных в Сиракузах, было незначительным.

О случаях междоусобных браков и междоусобного проживания между Карфагеном и Сиракузами см. Herodot. vii, 166; Livy, xxiv, 6.

В Ортыгии были найдены финикийские монеты с финикийской надписью, означающей "Остров", что было обычным обозначением Ортыгии (Movers, Die Phönizier, ii, 2, p. 327).

[1032] Diodor. xiv, 55. Τοῦτο δ' ἐμνηχάνησατο (ἰμῖλκων) πρὸς τὸ μηδὲνα τῶν κατασκόπων ἀπαγγεῖλαι τὸν κατάπλουν τῷ Διονυσίῳ, etc.

[1033] Диодор. xiv, 46, 47.

[1034] Диодор. xiv, 47.

[1035] Herodot. vii, 145. Τὰ δὲ Γέλωνος πρήγματα μεγάλα ἐλέγετο εἶναι, οὐδαμῶν Ἑλληνικῶν τῶν οὐ πολλὸν μέζω. Сравните ок. 160-162 гг.

[1036] Herodot. vii, 158. Речь Гелона к лакедемонянам, пришедшим просить его помощи против Ксеркса.

Αὐτοὶ δὲ, ἐμεῦ πρότερον δεηθέντος βαρβαρικοῦ στρατοῦ συνεπάψασθαι, ὅτε μοι πρὸς Καρχηδονίους νεῖκος συνῆπτο ... ὑποτείνοντός τε τὰ ἐμπόρια συνελευθεροῦν и др.

[1037] Diodor. xiv, 46. Οὐ μόνον γὰρ αὐτῶν τὰς οὐσίας διήρπασαν, ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς συλλαμβάνοντες, πᾶσαν αἰκίαν καὶ ὕβριν εἰς τὰ σώματα αὐτῶν ἀπετίθεντο, μνημονεύοντες ὧν αὐτοὶ κατὰ τὴν αἰχμαλωσίαν ἔπαθον. Ἐπὶ τοσοῦτον δὲ τῆς κατὰ τῶν Φοινίκων τιμωρίας προέβησαν, καὶ τότε καὶ κατὰ τὸν ὕστερον χρόνον, ὥστε τοὺς Καρχηδονίους διδαχθῆναι μηκέτι παρανομεῖν εἰς τοὺς ὑποπεσόντας.

[1038] Diodor. xiv, 47.

[1039] Thucyd. vi, 2; Pausan. v, 25, 3.

[1040] Diodor. xiv, 48. Διονύσιος δὲ μετὰ τῶν ἀρχιτεκτόνων κατασκεψάμενος τοὺς τόπους и т. д.

С инженером Артемоном Перикл советовался при осаде Самоса (Плутарх, Перикл, с. 27).

[1041] Диодор. xiv, 48, 49.

[1042] Diodor. xiv, 49. ἐχώννυε τὸν μεταξὺ πόρον, καὶ τὰς μηχανὰς ἐκ τοῦ κατὰ λόγον ἄμα τῇ τοῦ χώματος αὐξήσει προσήγαγε τοῖς τείχεσι.

[1043] Diodor. xiv, 50.

[1044] Diodor. xiv, 50; Polyænus, v, 2, 6.

[1045] Диодор. xiv, 51, 52, 53.

[1046] Диодор. xiv, 53.

[1047] Диодор. xiv, 54.

Лептинес был братом Дионисия (xiv, 102; xv, 7), хотя впоследствии он женился на дочери Дионисия, - брак, не осуждаемый греческими чувствами.

[1048] Юстин, хх, 5. Один из этих высокопоставленных карфагенян, который из политической вражды к Ганнону писал письма на греческом языке, чтобы передать информацию Дионисию, был обнаружен и наказан как предатель. По этому случаю карфагенский сенат, как говорят, издал закон, запрещающий всем гражданам изучать греческий язык - ни писать, ни говорить на нем.

[1049] Diodor. xiv, 54; Polyænus, v, 10, 1.

[1050] Диодор. xiv, 55.

[1051] Диодор. xiv, 55.

[1052] Diodor. xiv, 56, 57. τῶν ἰδίων ἱππέων ἐν Συρακούσαις ὄντων, etc. διὰ τῶν πεπτωκότων τειχῶν εἰσβιασάμενοι, etc. τὰ τεῖχη καταπεπτωκότα, etc.

Сравните другой пример невнимания к состоянию своих стен со стороны мессенцев (xix, 65).

[1053] Клеон и афиняне взяли Торонку с помощью аналогичного маневра (Thucyd. v, 2).

[1054] Диодор. xiv, 57.

[1055] Diodor. xiv, 58. Ἰμῖλκων δὲ τῆς Μεσσηνίας τὰ τεῖχη κατασκάψας, προσέταξε τοῖς στρατιώταις καταβαλεῖν τὰς οἰκίας εἰς ἔδαφος, καὶ μήτε κέραμον, μήτ' ὕλην, μήτ' ἄλλο μηδὲν ὑπολιπεῖν, ἀλλὰ τὰ μὲν κατακαῦσαι, τὰ δὲ συντρίψαι. Ταχὺ δὲ τῇ τῶν στρατιωτῶν πολυχειρίᾳ λαβόντων τῶν ἔργων συντέλειαν, ἡ πόλις ἄγνωστος ἦν, ὅπου πρότερον αὐτὴν οἰκεῖσθαι συνέβαινεν. Ὅρων γὰρ τὸν τόπον πόρρω μὲν ἀπὸ τῶν συμμαχίδων πόλεων κεχωρισμένον, εὐκαιρότατον δὲ τῶν περὶ Σικελίαν ὄντα, προήρητο δυοῖν θάτερον, ἢ τελέως ἀοίκητον διατηρεῖν, ἢ δυσχερῇ καὶ πολυχρόνιον τὴν κτίσιν αὐτῆς γίνεσθαι.

Ἐναποδειξάμενος οὖν τὸ πρὸς τοὺς Ἕλληνας μῖσος ἐν τῇ τῶν Μεσσηνίων ἀτυχίᾳ и т. д.

Однако, как представляется, разрушение Мессены вряд ли могло пойти так далеко, как предполагал Имилкон, поскольку вскоре после этого город вновь появляется в обновленном виде.

[1056] Диодор. xiv, 59-76.

[1057] Диодор. xiv, 59.

[1058] Диодор. xiv, 60, 61. Сравните речь Феодора в Сиракузах после этого (ок. 68), из которой мы получаем более полное представление о том, что происходило после битвы.

[1059] Diodor. xiv, 61. Καὶ καθόλου δὲ τῶν Ἑλλήνων γένος ἀπεδείκνυε πολέμιον ὕπαρχον τῶν ἄλλων ἔθνων.

Эти проявления антиэллинских настроений среди различных соседей сицилийских греков важно отметить, хотя они не часто попадают к нам в руки.

[1060] Diodor. xiv, 61.

[1061] Диодор. xiv, 63.

Полиэн (v., 8, 2) рассказывает о маневре *Лептинеса*, который использовался для возвращения лакедемонского подкрепления из Спарты в Сицилию во время его путешествия вдоль Тарентинского побережья. Возможно, речь идет о лакедемонском подразделении.

[1062] Thucyd. vii, 42; Plutarch, Nikias, c. 21; Diodor. xiii, 11.

[1063] Diodor. xiv, 62.

Текст Диодора здесь настолько запутан, что требует предположительных изменений, которые и внес Родоманн; однако не настолько, чтобы устранить все неясное. Слово εἰσθεόμεναι еще предстоит объяснить или исправить.

[1064] Diodor. xiv, 63. Κατελάβετο δὲ καὶ τὸ τῆς Ἀхраδινῆς προάστειον, καὶ τοὺς νέως τῆς τε Δήμητρος καὶ Κόρης ἐσύλησεν.

Цицерон (в Verrem, iv, 52, 53) отчетливо упоминает храмы Деметры и Персефоны, а также статую Аполлона Теменита, среди характерных особенностей Неаполя; что доказывает идентичность Неаполя с тем, что Диодор называет пригородом Ахрадины. Это тождество, признанное Серра ди Фалько, полковником Ликом и другими авторами, оспаривается Саверио Каваллари на основаниях, которые не кажутся мне достаточными.

См. полковник Лик, заметки о Сиракузах, с. 7-10; Каваллари, Zur Topographie von Syrakus, p. 20.

[1065] Diodor. xiv, 64. Οὐ μὴν ἀλλὰ τοιούτων λόγων γινομένων, Διονύσιος κατέπλευσε, καὶ συναγαγὼν ἐκκλησίαν, ἐπὶ τὸν Συρακούσιον, καὶ παρεκάλει θάρρειν, ἐπαγγελλόμενος ταχέως καταλύσειν τὸν πόλεμον. Ἦδη δ' αὐτοῦ μέλλοντος διαλύειν τὴν ἐκκλησίαν, ἀναστὰς Θεόδωρος ὁ Συρακούσιος, ἐν τοῖς ἵππεῦσιν εὐδοκίμων καὶ δοκῶν εἶναι πρακτικὸς, ἀπετόλμησε περὶ τῆς ἐλευθερίας τοιούτοις χρήσασθαι λόγοις.

[1066] Diodor. xiv, 65. Οὗτος δὲ, τὰ μὲν ἱερὰ συλήσας, τοὺς δὲ τῶν ἰδιωτῶν πλούτους ἅμα ταῖς τῶν κεκτημένων ψυχαῖς ἀφελόμενος, τοὺς οἰκέτας μισθοδοτεῖ ἐπὶ τῆς τῶν δεσποτῶν δουλείας.....

с. 66. Ἡ μὲν γὰρ ἀκρόπολις, δούλων ὅπλοις τηρουμένη, κατὰ τῆς πόλεως ἐπιτετεῖχισται- τὸ δὲ τῶν μισθοφόρων πλῆθος ἐπὶ δουλείᾳ τῶν Συρακοσίων ἤθροισται. Καὶ κρατεῖ τῆς πόλεως οὐκ ἐπίσης βραβεύων τὸ δίκαιον, ἀλλὰ μόναρχος πλεονεξίᾳ κρίνων πράττειν πάντα. Καὶ νῦν μὲν οἱ πολέμιοι βραχὺ μέρος ἔχουσι τῆς χώρας- Διονύσιος δὲ, πᾶσαν ποιήσας ἀνάστατον, τοῖς τὴν τυραννίδα συναύξουσιν ἐδώρησατο....

... Καὶ πρὸς μὲν Καρχηδονίους δύο μάχας ἐνστησάμενος ἐν ἑκατέραις ἡττηται- παρὰ δὲ τοῖς πολίταις πιστευθεὶς ἅπαξ στρατηγίαν, εὐθέως ἀφείλετο τὴν ἐλευθερίαν- φονεύων μὲν τοὺς παρῶν ἄγοντας ὑπὲρ τῶν νόμων, φυγαδεύων δὲ τοὺς ταῖς οὐσίαις προέχοντας- καὶ τὰς μὲν τῶν φυγάδων γυναῖκας οἰκέταις καὶ μιγάσιν ἀνθρώποις συνοικίζων, τῶν δὲ πολιτικῶν ὅπλων βαρβάρους καὶ ξένους ποιῶν κυρίου....

с. 67. Οὐκ αἰσχυνόμεθα τὸν πολέμιον ἔχοντες ἡγεμόνα, τὸν τὰ κατὰ τὴν πόλιν ἱερὰ σεσυληκότα;

с. 69. Διόπερ ἕτερον ἡγεμόνα ζητητέον, ὅπως μὴ τὸν σεσυληκότα τοὺς τῶν θεῶν ναοὺς στρατηγὸν ἔχοντες ἐν τῷ πολέμῳ θεομαχῶμεν.....

[1067] Thucyd. i, 18; Herodot. v, 92.

[1068] Diodor. xiv, 70. Τοιούτοις τοῦ Θεοδώρου χρησαμένου λόγοις, οἱ μὲν Συρακούσιοι μετέωροι ταῖς ψυχαῖς ἐγένοντο, καὶ πρὸς τοὺς συμμάχους ἀπέβλεπον. Φαρακίδου δὲ τοῦ Λακεδαιμονίου ναυαρχοῦντος τῶν συμμάχων, καὶ παρελθόντος ἐπὶ τὸ βῆμα, πάντες προσεδόκων ἀρχηγὸν ἔσεσθαι τῆς ἐλευθερίας.

[1069] Diodor. xiv, 70. Ὁ δὲ τὰ πρὸς τὸν τύραννον ἔχων οἰκείως и т. д.; ср. Xenoph. Hellen. ii, 3, 14.

[1070] Diodor. xiv, 70. Παρὰ δὲ τὴν προσδοκίαν γενομένης τῆς ἀποφάσεως, οἱ μὲν μισθόφοροι συνέδραμον πρὸς τὸν Διονύσιον, οἱ δὲ Συρακούσιοι καταπλαγέντες τὴν ἡσυχίαν, εἶχον, πολλὰ τοῖς Σπαρτιάταις καταρῶμενοι. Καὶ γὰρ τὸ πρότερον Ἀρέτης ὁ Λακεδαιμόνιος (его называют прежде Аристоном, xiv, 10), ἀντιλαμβανομένων αὐτῶν τῆς ἐλευθερίας, ἐγένετο προδότης- καὶ τότε Φαρακίδας ἐνέστη ταῖς ὁρμαῖς τῶν Συρακοσίων.

[1071] Diodor. xiv, 70. Συνεπελάβετο δὲ καὶ τῇ τοῦ δαιμονίου συμφορᾷ τὸ μυριάδας εἰς ταῦτο συναθροισθῆναι, καὶ τὸ τῆς ὥρας εἶναι πρὸς τὰς νόσους ἐνεργότατον, etc.

[1072] Diodor. xiv, 71-76. πεντεκαίδεκα μυριάδας ἐπεῖδον ἀτάφους διὰ τὸν λοιμὸν σεσωρευμένους.

Я привожу эту цифру так, как я ее нашел, не претендуя на то, чтобы доверять ей как чему-то большему, чем указание на большое число.

[1073] Thucyd. ii, 54.

Когда римский полководец Марцелл осаждал Сиракузы в 212 году до н. э., разразился страшный мор, вызванный причинами, аналогичными тем, что были в этом году. Все

стороны, римляне, сиракузяне и карфагеняне, значительно пострадали от него; но карфагеняне пострадали больше всех; говорят, что они все погибли (Livy, xxv, 26).

[1074] Фукид. vii, 22, 23.

[1075] Диодор. xiv, 72. Οὔτοι δ' ἦσαν οἱ μισθοφόροι τῷ Διονυσίῳ παρὰ πάντας ἀλλοτριώτατοι, καὶ πλεονάκις ἀποστάσεις καὶ ταραχὰς ποιοῦντες. Διόπερ ὁ μὲν Διονύσιος τοῖς ἵππεῦσιν ἦν παρηγγελκῶς, ὅταν ἐξάπτωνται τῶν πολεμίων, φεύγειν, καὶ τοὺς μισθοφόρους ἐγκαταλιπεῖν- ὧν ποιησάντων τὸ προσταχθὲν, οὔτοι μὲν ἅπαντες κατεκόπησαν.

[1076] Diodor. xiv, 72. Πάντη δὲ τῶν ἐξοχωτάτων νεῶν θραυομένων, αἱ μὲν ἐκ τῶν ἐμβόλων ἀναρρήττομεναι λακίδες ἐξαίσιον ἐποιοῦντο ψόφον, etc.

[1077] Diodor. xiv, 75.

[1078] Diodor. xiv, 77.

Примечание транскриптора

- Оригинальные орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, когда было выявлено преобладающее употребление.
- Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
- Пустые страницы пропущены.
- Очевидные типографские ошибки были исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также исправлен после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.
- Некоторые несоответствия в использовании диерезиса (например, "реорганизовать" и "реорганизовать") и в использовании ударений над собственными существительными (например, "Autokles" и "Autoklês") были сохранены.
- По всему тексту слово "Mövers" заменено на "Movers", когда речь идет о Франце Карле Моверсе, поскольку именно такое написание использовано на титульных листах его основных работ на немецком языке.
- Следующие изменения также были сделаны после сверки с другими изданиями:

страница 27: "Phokæn" → "Phokæan"

страница 94: "от" → "на"

страница 96: "Kannônes" → "Kannônus"

страница 374: "troad" → "Троад"

примечание 711: "vii, 39" → "vii, 4, 39"

- В примечании 965 сохранен вариант печатной книги: "Μὴ κινεῖ Καμάριναν, ἀκίνητόν περ ἑοῦσαν", но в оригинальном английском издании есть "Μὴ κινεῖ Καμάριναν, ἀκίνητος γὰρ ἀμείνων".
- Изображение обложки книги было создано транскриптором и является общественным достоянием.